ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

ТОМ СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

2023

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник» продолжает свою работу. Мы благодарны вам за неослабевающий интерес к нашему журналу, надеемся и впредь радовать вас новыми открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

ТОМ СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Под общей редакцией Д.Р. Жантиева

МОСКВА, 2023

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 14.06.2023 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 14,25. Заказ № 12791.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2023

Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор

К.А. Давыденко
технический редактор

Т. Лефко
редактор английской версии

Е.А. Радзиевская
ученый секретарь

Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

С.П. Брюн
научный сотрудник Музеев Московского Кремля

Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History

Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor

Kseniya A. Davydenko
Technical Editor

Todd Lefko
Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»

Sergei P. Brun
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums

Ruslan G. Gagkuev
D. Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

А.А. Горский
доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

И.В. Курукин
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lanskoy
D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

Г.Д. Ленхофф
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

С.В. Орлов
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова

Д. Панатери
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

К.А. Панченко
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.И. Пивовар
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН

А.Э. Титков
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

А.А. Улунян
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Я.М. Хамеен-Анттила
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

В.В. Хутарев-Гарнишевский
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty

Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Constantin A. Panchenko
D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of the Middle Eastern History)

Efim I. Pivovar
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences

Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute

Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

Vladimir Hutarev-Garnishevsky

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Данный тематический номер «Исторического вестника» посвящен проблемам военной статистики, периодизации и систематизации истории боевых действий войск России и других европейских государств в Новое время (конец XV — начало XX в.). В рамках исследовательского проекта АНО «Руниверс» по военной истории коллективом отечественных авторов были достигнуты значимые научные результаты по разработке оригинальных методологических подходов к столь обширной проблематике, которые впервые представлены вниманию читателя на страницах нашего журнала. В первую очередь речь идет об оригинальном и глубоко обоснованном комплексном научном подходе, который позволяет год за годом описывать и оценивать непрерывную работу государственной военной машины «изнутри» на основе обширных статистических баз данных. Во вводной статье М.В. Баранова, Д.Р. Жантиева и О.А. Курбатова излагаются особенности данного подхода, основанного на принципе преемственности в описании состава, дислокации и действий вооруженных сил в ходе военных кампаний начиная с XV в. и до начала Первой мировой войны. Анализ объективной военной статистики осуществляется на основе кампаний как основной меры военной активности, а также дислокации войск как в военное, так и в мирное время. Таким образом, представляется возможным анализировать и оценивать ежегодную военную деятельность каждого европейского государства Нового времени, включая накопление средств, их распределение и использование, на протяжении десятилетий и даже столетий.

Для предшествующей Новому времени эпохи европейского Средневековья, когда еще не сложился централизованный государственный механизм комплектования и содержания вооруженных сил, необходима особая методология статистического анализа и картографирования военных походов. Применительно к Средневековой Руси данная проблематика обстоятельно изложена в статье Ю.В. Селезнева. Малоизученный с точки зрения военной статистики период XV—XVII вв., когда происходил постепенный переход от княжеских дружин к новым организационным военным структурам централизованного Русского государства, рассмотрен в исследовании О.А. Курбатова. Его же авторству принадлежит обстоятель-

ное исследование размещения гарнизонов армии Петра I на северо-западе России. Основные теоретические, методологические и практические аспекты подготовки баз данных «Руниверс» по полкам европейских государств в XVIII—XIX вв. со сведениями о их численности, местах расквартирования и участия в военных конфликтах подробно описываются в статьях А.Н. Черненко (для России и для Великобритании), И.О. Пархоменко (для Пруссии) и И.Ю. Кудряшова (для Франции). Историко-статистическим подходам к описанию формирования и эволюции испанских вооружённых сил в раннее Новое время посвящена статья А.В. Марея.

Особого методологического подхода требует изучение такого специфического вида военно-государственной активности, как продвижение «фронтира». Критический разбор трудов российских и зарубежных исследователей, связанных с применением фронтирного подхода к изучению колонизации и освоения Сибири в XVII—XIX вв., приводится в статье А.Ю. Конева. Особое место среди материалов данного тематического выпуска журнала занимает объемное исследование С.Г. Нелиповича, в котором на основе изучения комплекса источников и исторической литературы предложена новая периодизация боевых действий на Русском ТВД в годы Первой мировой войны.

Блоком исследований авторов проекта «Руниверс» содержание данного выпуска «Исторического вестника», впрочем, не исчерпывается. В разделе «Историческая мысль» помещена статья Г.Н. Ланского, посвященная проблематике совмещения геополитических и более традиционных для историков социально-политических и социально-культурных исследований в отечественной исторической науке. В разделе «Отечественная история» мы также публикуем статью С.В. Решетникова о советских партизанских отрядах в рядах французского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Редакция журнала выражает благодарность главному редактору АНО «Руниверс» Н.Г. Максимову за большой вклад в подготовку номера.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

This issue of the Historical Reporter focuses on military statistics and issues of periodization and systematization of the military operations of Russia and other European countries during the part of the Modern Era that is known in Russia as the New Age (late 15th century — early 20th century). As part of the Runivers research project on military history, a team of Russian authors has made significant scientific progress in developing original methodological approaches to this vast problem. They are presented to our readers for the first time. This comprehensive approach allows for the year-on-year description and evaluation of the continuous operation of national militaries from within, using extensive statistical databases as its basis. The introductory study by Mikhail V. Baranov, Dmitriy R. Zhantiev and Oleg A. Kurbatov outlines the specific features of this approach. The approach is based on the principle of continuity in describing the structure, deployment, and actions of the armed forces during military campaigns from the 15th century to the beginning of World War I. It analyzes objective military statistics, taking military campaigns and troop deployment as the main measures of military activity both in wartime and peacetime. This enabled the analysis and evaluation of the annual military activities of every European New Age state, including the accumulation of funds, their allocation, and their use over decades and even centuries. The pre-New Age era of the European Middle Ages needed a special methodology of statistical analysis and mapping of military campaigns because there was no centralized state mechanism for manning and maintaining the armed forces at the time. Yuri V. Seleznev's article describes this problem in detail as it applies to Medieval Russia. The study by Oleg A. Kurbatov explores the often neglected period of the 15th to 17th centuries that featured a gradual transition from princely retinues to new organizational military structures of the centralized Russian state. Another study by Oleg Kurbatov explores the location of Peter the Great's army garrisons in northwestern Russia. Papers by Alexander N. Chernenko (for Russia and Great Britain), Igor O. Parkhomenko (for Prussia), and

Ilya Yu. Kudryashov (for France) outlines the main theoretical, methodological and practical aspects involved in the production of the Runivers databases on regiments of European states in the 18th–19th centuries. They also provide data on their numbers, accommodation sites and participation in military conflicts. Alexander V. Marey's study deals with historical and statistical approaches to the description of the formation and evolution of the Spanish armed forces in the early modern period. To study the unique military-state activity of advancing the frontier, a specialized methodological approach is necessary. The paper by Alexey Yu. Konev presents a critical review of the works by Russian and foreign researchers, who have applied the frontier approach to the colonization and development of Siberia during the 17th–19th centuries. Additionally, the issue includes a voluminous study by Sergey G. Nelipovich, which proposes a new periodization of military operations on the Russian front of World War I, based on his research into a multitude of primary sources and historical literature. The historical-statistic methods are used to describe the formation and evolution of Spanish armed forces 1495–1497 in an article by Alexander V. Marey.

This issue of the Historical Reporter delves into a variety of topics beyond the studies conducted by the authors of the Runivers project. The Historical Thoughts section features a study written by Gregory N. Lanskoy that explores the challenges of merging geopolitical analysis with more conventional sociopolitical and sociocultural studies in domestic historical science. The Russian History section includes an article by Sergey V. Reshetnikov that examines the involvement of Soviet partisan units in the French Resistance during World War II.

We express our gratitude to Nikita G. Maksimov, editor-in-chief of Runivers for his great help in preparing this issue.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

М.В. Баранов, Д.Р. Жантиев, О.А. Курбатов.
Военно-историческая статистика: проблемы методологии 12

Ю.В. Селезнев. Военные конфликты Древней и Средневековой Руси: опыт статистического анализа и картографирования 40

И.Э. Ульянов. Хронология, терминология и периодизация процесса эволюции легкой пехоты Российской империи 76

А.Н. Черненко. База русских полков (1700–1914 гг.). Опыт составления. (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация) 92

А.Н. Черненко. База полков Англии и Великобритании 1661–1914 гг. Опыт составления. (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация) 174

О.А. Курбатов. Русское войско XV–XVII вв.
Очерк истории организационных структур 196

О.А. Курбатов. Гарнизоны северо-запада России (1699–1727 гг.) . . 228

И.Ю. Кудряшов. База данных полков Франции. 252

А.Ю. Конев. Историографические и методологические грани сибирского «фронтира». 270

И.О. Пархоменко. База полков Пруссии 1665–1914 гг. 286

С.Г. Нелипович. Периодизация боевых действий на русском фронте Первой мировой войны 292

А.В. Марей. Испанские терции. Часть 1. В преддверии большой игры. 394

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Г.Н. Ланской. Геополитические исследования и историческая наука. 412

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

С.В. Решетников. К вопросу о комплектовании советских партизанских отрядов из состава французского сопротивления 1943–1944 гг. 430

CONTENTS

MILITARY HISTORY STATISTICS

Editor: Dmitriy R. Zhantiev

Mikhail V. Baranov, Dmitriy R. Zhantiev, Oleg A. Kurbatov.
Military-Historical Statistics: Problems of Methodology 12

Yuriy V. Seleznev. Military Conflicts of Ancient and Medieval Russia: the Experience of Statistical Analysis and Mapping..... 40

Ilya E. Ulyanov. Chronology, Terminology and Periodization of the Evolution of the Light Infantry of the Russian Empire 76

Alexander N. Chernenko. The Database of Russian Regiments (1700–1914). Results of a Compilation Attempt. (List of Regiments, Participation in Conflicts and Military Campaigns in Europe, Establishment, Year by Year Deployment) 92

Alexander N. Chernenko. The Database of the Regiments of England and the Great Britain, 1661–1914. Results of a Compilation Attempt. (Regiments Roll, Conflict and Military Campaign Participation, Establishment, Deployment)..... 174

Oleg A. Kurbatov. The Russian Army of the XV–XVII Centuries. An Outline of the History of Organizational Structures 196

Oleg A. Kurbatov. Garrisons of the North-West of Russia (1699–1727). . 228

Ilya Yu. Kudryashov. Database of the French Regiments 252

Aleksey Yu. Konev. Historiographical and Methodological Facets of the Siberian «Frontier». 270

Igor O. Parkhomenko. The Regiment Bases of Prussia 1665–1914. . . . 286

Sergey G. Nelipovich. Periodization of Military Operations on the Russian Front During the First World War 292

Alexander V. Marey. Spanish Tercios. Part 1. On the Eve of the Great Game 394

HISTORICAL THOUGHT

Grigoriy N. Lanskoy. Geopolitical Studies and Historical Science . . . 412

RUSSIAN HISTORY

Stepan V. Reshetnikov. On the Issue of Recruiting Soviet Partisan Detachments from the French Resistance 1943–1944. 430

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.001

М.В. Баранов
Д.Р. Жантиев
О.А. Курбатов

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Постановка проблемы

Начиная с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени для количественных и сравнительных исследований как по истории отдельных государств, так и в рамках общих исследований по исторической социологии используются базы данных, представляющие статистику войн, ведущихся теми или иными государствами и происходящих в тех или иных регионах. Подобная статистика, включающая в себя номенклатуру войн, списки сражений и оценки потерь в ходе боевых действий, представляет собой весьма значимый исходный материал для дальнейших исторических, социологических и политологических исследований. Особый интерес указанная статистика вызывает в последние десятилетия, когда в результате формирования обширных баз данных (databases) появилась возможность компьютерной обработки массивов данных и поисков различных корреляций. Но при внимательном рассмотрении ряда наиболее авторитетных статистических исследований и баз данных становится понятно, что используемый в них материал весьма неоднороден. Если статистические ряды, касающиеся демографии и экономики, как правило, достаточно репрезентативны

в силу четкой методологии, системы измерения и объема самих данных, то исследования по военной статистике до сих пор базируются на весьма ограниченном материале, подготовленном в свое время небольшим кругом исследователей. До сих пор в научном обороте широко используются статистические базы данных, подготовленные Г. Бодартом (1908 г.), П. Сорокиным (1937 г.). Указанные материалы были собраны для специфических исследовательских целей того или иного автора и не готовились в качестве общенаучной базы данных. Другая проблема возникала в силу того, что базы данных отличались ограниченностью выборки, — как с учетом круга рассматриваемых регионов и государств, так и с учетом охваченных временных периодов. П. Бреке (Peter Brecke) справедливо указывает в связи с этим, что даже девять наиболее авторитетных компьютеризированных баз данных, взятых им за основу для составления собственного каталога конфликтов (Conflict Catalog) в 1996 г., охватывали лишь около одной трети всех известных военных конфликтов в странах мира и не включали множество военных событий в России, Китае, Японии и т.д.[1] При этом следует отметить, что и сам П. Бреке составлял свою сводную базу данных не в общенаучных целях, а для специфических задач политологического прогнозирования и построения предсказательных моделей предотвращения военных конфликтов.

Приведенные замечания особенно важны в связи с тем, что методология подготовки общенаучной базы данных существенным образом отличается от методологии подготовки статистических выборок для конкретных тематических исследований. К примеру, в широко известном и продолжающемся по сей день проекте по истории войн «The Correlates of War Project» (COW)[2], начатом в 1963 г. американским политологом Дж.Д. Сингером в Мичиганском университете и развивавшемся в дальнейшем при участии М. Смолла, в качестве главного критерия используется уровень боевых потерь в 2 тыс. чел. за год. На наш взгляд, выбор масштабов потерь в качестве основы исторической военной статистики представляется неудачным подходом. Во-первых, потому, что данные с подобной точностью трудно собрать даже для текущих конфликтов в XXI в., не говоря уже о войнах предыдущих веков, в силу чего указанная достаточно подробная база данных начинается только

---

1 *Brecke P.* The Long–Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 5. URL: https://www.academia.edu/24739889/The_Long_Term_Patterns_of_Violent_Conflict_in_Different_Regions_of_the_World

2 Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/

с 1815 г. Во-вторых, историкам хорошо известно, что до середины XIX в. весьма значительная часть потерь войск в ходе войн (нередко даже больше половины) приходилась на небоевые (от болезней, истощения на маршах, дезертирства и т.д.), а не на сугубо боевые потери, и одно от другого методологически трудно отделить. Таким образом, методология, за основу которой берется определение ежегодного уровня потерь, может применяться для определения влияния войн на общество, но едва ли применима в том случае, если целью исследования является деятельность государств, т.е. военно-политическая история на государственном уровне.

Историография вопроса

В данном историографическом обзоре мы касаемся только наиболее цитируемой и упоминаемой научной литературы по подготовке и обработке массивов статистических данных о войнах и сражениях. Одним из первых научных справочников (хронологическо-статистическим, как назвал его автор) по истории войн стал опубликованный в 1908 г. «Военно-исторический лексикон» Г. Бодарта, охватывающий период с 1618 г. (начало Тридцатилетней войны) и до 1905 г. (завершение Русско-японской войны)[3]. В первой части книги (p. 49–600), описываются сражения (как сухопутные, так и морские), осады и капитуляции в хронологическом порядке с указанием численности войск (в батальонах, эскадронах, орудиях и в людях) и потерь (с выделением числа офицеров, а генералов — даже поименно). Во второй части книги приведены статистические таблицы (p. 601–913) на основе данных первой части. На основе данного справочника Г. Бодарт в 1916 г. выпустил одно из первых известных в литературе сравнительных статистических исследований по военной истории: «Людские потери в войнах Нового времени: Австро-Венгрия и Франция»[4] с подробным анализом потерь по годам и сражениям.

Следующим значительным шагом в развитии военно-статистических исследований стал изданный в 1915 г. труд «Идет ли война на убыль? Исследование распространенности войн в Европе с 1450 г. по

[3] *Bodart G.* Militar–historisches Kriegs–Lexikon (1618–1905). Wien — Leipzig, 1908.

[4] *Bodard G.* Losses of Life in Modern Wars: Austria–Hungary and France. Oxford, 1916.

наши дни», подготовленный Ф.А. Вудсом и А. Бальтцли[5]. В нем приводится статистика военных (участие в войнах) и мирных лет для 12 основных европейских государств (включая Османскую империю) с 1450 г. и до Первой мировой войны. Важное статистическое исследование войн содержится в третьем томе фундаментального труда Питирима Сорокина «Социальная и культурная динамика», изданного в 1937 г.[6] Его метод основан на комплексном сравнении продолжительности военных конфликтов, размеров участвовавших в них армий и понесенных потерь для различных стран и исторических эпох. В 1942 г. вышел фундаментальный двухтомный труд Куинси Райта «Изучение войны»[7] (переиздан с комментариями автора в 1965 г.), в котором предпринят анализ войн различных эпох на основе сложной междисциплинарной методики, учитывающей географические, экономические, социальные, культурно-исторические, идеологические и другие факторы. В монографии Л.Ф. Ричардсона «Статистика смертельных ссор»[8] предпринята попытка создать математические модели конфликтных ситуаций с учетом различных факторов (включая экономические, политические и религиозные), демонстрирующие вероятность и закономерности возникновения военных конфликтов в мире с начала XIX в. и до середины XX в. В труде Д.С. Леви «Война в современной системе великих держав, 1495–1975»[9] проведен анализ участия европейских великих держав (Great Powers) в войнах, для чего сначала приведено обоснование списка великих держав с датами их пребывания в этом списке. В рамках уже упомянутого проекта “Correlates of War” (Корреляты войны) были собраны и представлены в электронном виде данные о многих аспектах международной политики и военно-политическом потенциале государств начиная с 1816 г. Представленные базы данных включают идентификацию суверенных государств, список военных конфликтов и кризисов, численность вооруженных сил различных государств и ряд других сведений об их потенциале.

---

5 *Woods F.A., Baltzly A.* Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day. Boston, 1915.

6 *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937.

7 *Wright Q.A* Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

8 *Richardson Lewis F.* Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960.

9 *Levy J.S.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington, 1983.

В 2000-х гг. вышли в свет три сводные англоязычные энциклопедии с обширными военно-статистическими данными[10]. Но наиболее полным и популярным для использования на сегодня стал электронный каталог конфликтов, подготовленный доцентом Школы международных отношений Сэма Нанна (Sam Nunn School of International Affairs) при Технологическом институте Джорджии Питером Бреке[11]. Составление каталога конфликтов началось в 1996 г. путем объединения списков военных конфликтов из девяти известных баз данных[12]. Таким образом, Питер Бреке постарался собрать в своем каталоге все ранее известные военные конфликты, кроме тех, которые произошли до 1400 г. Также следует отметить до сих пор не опубликованные работы по военной статистике другого американского исследователя Энтони Саттона, содержащие перечень всех военных конфликтов в мире с 1820 по 1970 г., в каждом из которых погибло более 20 чел., упоминаемых Питером Бреке[13].

Недостатки существующих подходов

С нашей точки зрения, существующие в мировом научном обороте методики подготовки и использования статистических баз данных по

---

[10] *Phillips Ch., Axelrod A.* Encyclopedia of Wars –3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005; *Jaques T.* Dictionary of battles and sieges: a guide to 8,500 battles from antiquity through the twenty–first century. Greenwood Press. 2007; *Clodfelter M.* Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1500–2000. Jefferson N.C.: McFarland, 2017 (Fourth edition).

[11] Каталог доступен по электронной ссылке: https://brecke.inta.gatech.edu/research/conflict/

[12] Каталог, составленный Питером Бреке, включает данные из баз данных следующих изданий: *Small M, Singer D.* Resort to Arms. International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills — London — New Delhi, 1982; *Jones, Daniel M., Bremer, Stuart A, Singer J. David.* Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules, and Empirical Patterns // Conflict Management and Peace Science 15, 1996. P. 163–213; Levy J. S. War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington, 1983; *Midlarsky Manus I.* Theoretical Foundations for the Collection of Major Power–Minor Power War Data // International Interactions 14, 1988. P. 187–190; *Richardson Lewis F.* Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960; *Wright Quincy*. A Study of War: Vol. 1. Second edition. Chicago: University of Chicago Press, 1965; *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York, 1937; *Luard Evan.* War in International Society: A Study in International Sociology. New Haven, CT: Yale University Press, 1987; *Holsti Kalevi J.* Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648–1989. New York: Cambridge University Press, 1991.

[13] *Brecke P.* The Long–Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 25–26.

военной истории содержат в себе принципиальные методологические недостатки, связанные в первую очередь с тем, что, как мы упоминали выше, эти базы и не готовились как общенаучные. Прежде всего, следует отметить, что сформированные базы данных содержат либо статистику войн (военных конфликтов), либо статистику сражений. Оба подхода создают большие сложности для использования данных. Сложность методологического подхода, связанного с перечнем войн, состоит в том, что сама война, будучи политическим явлением, представляет собой в то же время неоднозначное историографическое понятие, а номенклатура войн определяется военной историографией. При этом зачастую историографии разных стран по-разному определяют и трактуют одни и те же войны и их периодизацию. В качестве примеров можно привести Ливонскую войну XVI в., Тридцатилетнюю войну и Наполеоновские войны. Рассмотрение каждого из названных длительных военно-политических конфликтов в качестве одной войны или же целой серии войн зависит от позиции исследователя и сложившихся в разных странах национальных историографических школ. Для российской историографии,к примеру, Ливонская война 1558–1583 гг. предстает в виде одной длительной войны, в то время как для Польши и Швеции это не одна война, а целая серия военных конфликтов разной продолжительности и с меняющимся составом участников.

Отсутствие единой общепризнанной номенклатуры войн в национальных историографиях усугубляется тем фактом, что многие войны, воспринимаемые как таковые с позиции настоящего времени, не воспринимались в качестве таковых современниками событий. К примеру, нынешнее понятие «Кавказская война 1817–1864 гг.» во многом противоречит восприятию событий тех десятилетий глазами российских современников. Это объясняется тем обстоятельством, что в рамках названного хронологического периода в военных действиях на Кавказе были как относительно «спокойные» годы с боевыми стычками при участии нескольких десятков человек с каждой стороны, так и периоды крупных военных кампаний, которые были интегрированы в Русско-турецкие и русско-персидские войны, а численность участвовавших в них войск исчислялась десятками тысяч человек. Но с точки зрения методологии статистики войн, как «спокойные» годы, так и годы крупномасштабных боевых действий, расцениваются одинаково, как годы войны. Другой пример: с одинаковым «весом» в статистику военных действий по годам попадают как кампании, в которых были задействованы основные вооруженные силы государства (например, для России — кампания

1812 г. против Наполеона), так и относительно небольшие по числу задействованных войск (несколько батальонов) кампании русской армии в войне с Ираном в 1810 и 1811 гг.

Кроме того, далеко не все военные конфликты, пусть даже крупные, сопровождались официальным объявлением войны и официальным же ее завершением посредством договора о перемирии или мире. К таковым можно отнести почти все гражданские войны (будь то в Англии, США, России, Китае), многие колониальные войны, а также внутренние локальные конфликты — например Кавказская война или подавление восстания Емельяна Пугачева. Примечательно, что в одной из последних англоязычных энциклопедий войн, составленной Ч. Филлипсом и А. Аксельродом[14], из включенных в энциклопедию 1000 войн для периода после 1450 г. только менее 300 имеют дату начала в виде объявления войны и менее 400 — дату завершения в виде договоров о мире (перемирии).

Неполноту и разночтения известных авторитетных баз данных по военным конфликтам можно проиллюстрировать на примере статистики войн с участием средневековой Руси и России. Так, в списке войн с участием России в работе Вудса и Бальтцли с 1700 по 1914 г. (до начала Первой мировой войны) насчитывается всего 53 военных конфликта (включая внутренние, как например, подавление восстания Пугачева). В базе данных П. Бреке за этот же период насчитывается 128 конфликтов (войн) с участием России[15]. Для сравнения — в новой базе данных «Руниверс» их 137. Для периодов до 1400 г. разница будет гораздо более значительной: П. Бреке насчитывает с 900 по 1400 г. 113 конфликтов с участием войск русских земель (в том числе внешние конфликты, княжеские усобицы, конфликты с печенегами, половцами и Ордой), в то время как в базе данных «Руниверс» за этот же период числится в общей сложности 674 конфликта, не считая княжеских усобиц. Другой пример: согласно подсчетам П. Сорокина, с 926 по 1510 г. в русских землях произошло 106 усобиц и других внутренних конфликтов (включая восстания)[16]. Согласно базе княжеских усобиц, составленной в рамках проекта «Руниверс», до 1510 г. в русских землях произошло в общей сложности 492 усобицы, каждая из которых представляла собой военный конфликт. Значительная не-

---

[14] *Phillips Ch., Axelrod A.* Encyclopedia of Wars — 3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005.

[15] Электронный ресурс: https://brecke.inta.gatech.edu/research/conflict/

[16] *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937. P. 460–462.

полнота зарубежных баз данных видна и на примере такого, казалось бы, хорошо изученного периода, как правление Ивана III (1462–1505): в списке Вудса и Бальцли за указанный период отмечено 20 военных конфликтов с участием России, в базе данных П. Бреке их 27. Для сравнения: в новейшей базе данных «Руниверс» за период правления Ивана III выявлено 43 военных конфликта. При этом следует заметить, что наибольшее количество военных конфликтов представляется возможным выявить с привлечением архивных материалов. Так, при составлении базы данных «Руниверс» за период с 1462 по 1502 г. О.А. Курбатовым на основе архивных изысканий (в том числе изучения разрядных записей) выявлено 43 военных конфликта с участием русских войск, в то время как исследования русских летописных источников за тот же период, проведенные Ю.В. Селезневым, дают меньшую цифру: 34 конфликта. Из собранного материала видно, что частота конфликтов с участием русских войск в разы превышает частоту известных конфликтов с участием войск других европейских государств. Следовательно, традиционная статистика европейских конфликтов далеко не полна.

Использование в качестве ключевого критерия количества военных лет (т.е. нахождения того или иного государства в состоянии войны) также не дает достаточной картины происходящего. Нередки в истории также случаи, когда враждующие государства политически и дипломатически находились в состоянии войны, но в течение того или иного года либо даже нескольких лет военных действий между ними вовсе не велось, но и перемирие не заключалось. Например, в ходе русско-английской войны 1807–1812 гг. в 1810 и 1811 гг. военных действий фактически не велось, хотя состояние войны между Россией и Великобританией сохранялось, а мир между двумя державами был заключен только в июле 1812 г., т. е. после нападения Наполеона на Россию. Таким образом, вынужденное использование оценок общего количества «военных» и «мирных» лет в истории того или иного государства едва ли может само по себе быть показателем степени нагрузки на государство. К тому же интенсивность боевых действий французской армии и частота боевых столкновений в эпоху Революционных и Наполеоновских войн была принципиально выше, чем в эпоху войн Людовика XIV, на что справедливо указывает Дж.А. Линн в своей монографии «Войны Людовика XIV, 1667–1714».[17]

[17] *Lynn J.A.* The wars of Louis XIV, 1667–1714. Harlow: Longman, 1999. P. 363–367.

Второй подход, который базируется на статистике сражений и крупных осад и широко применяется с начала XIX в., обладает другим существенным недостатком: в силу крайней многочисленности боев и сражений, их полной статистики, как правило, не существует. Статистика боевых столкновений всех типов хорошо собрана по крупным сражениям и также (иногда очень детально) по отдельным войнам и регионам, но в целом она далеко не полна. Статистика всех боевых столкновений Гражданской войны в США, вплоть до самых мелких, в ходе которых погиб хотя бы один человек, является как раз исключением. Для понимания степени неполноты считающихся вполне авторитетными англоязычных баз данных боев и сражений (боевых столкновений) можно привести следующие сравнительные данные: так, К. Райт в своем труде «Изучение войны (A Study of War) за период с 1700 г. и до начала Первой мировой войны насчитывает 306 сражений с участием русских войск[18]. Для сравнения: в базе данных «Руниверс» по боевым действиям русских войск для данного периода содержатся сведения о 728 военных кампаниях, а общее число выявленных боевых столкновений в ходе этих кампаний составляет 5792. Таким образом, учет только крупных сражений (как это, вероятно, делает К. Райт) создает совершенно неполную картину боевой активности государства. Проведение научно обоснованной грани между понятиями «стычка», «бой», «сражение» и «осада» также нередко бывает затруднительным. Кроме того, многие военные конфликты как до XX в., так и в XX–XXI вв. велись в формате так называемых «малых войн», т.е. исторически значимых и кровопролитных в целом конфликтов, но без крупных боевых столкновений, которые фиксировались бы в историографии.

Таким образом, статистика отдельных боевых столкновений (боев, сражений и т.д.) сама по себе не дает целостного представления об интенсивности и значимости боевых действий для данного государства и уровне его вовлеченности в военный конфликт. Показательным примером служит Русско-турецкая война 1686–1700 гг., в ходе которой наиболее значительными военными событиями были Крымские походы русских войск под начальством князя В.В. Голицына в 1687 и 1689 гг., а также Азовские походы Петра I в 1695 и 1696 гг. С точки зрения классической историографии первые два похода прошли без крупных боевых столкновений и успехом не увенчались, а походы Пе-

[18] *Wright Q.* A Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

тра I завершились стратегически важной победой — взятием Азова. Но с точки зрения нагрузки на государство и даже людских потерь (с учетом небоевых потерь) походы В.В. Голицына и походы Петра I практически эквивалентны. Поскольку как в первом, так и во втором случае Российское государство организовало, снабжало и направило на театр военных действий крупные группировки вооруженных сил, которые преодолели большие расстояния и понесли значительные потери. Известны в военной историографии также примеры масштабных военных кампаний с участием большого количества войск, в ходе которых сражений вообще не происходило. Яркими примерами могут служить война за Баварское наследство 1778–1779 гг. между Пруссией и Австрией, а также широко известные обстоятельства начала и завершения Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Война началась с осады южанами форта Самтер, в ходе которой не погиб ни один человек, а завершилась капитуляцией армии Конфедерации при Аппоматтоксе, которая произошла также без большого сражения. Да и знаменитое Стояние на р. Угре в 1480 г. фактически сражением не являлось и завершилось без столкновения основных сил противников, хотя при этом имело огромное историческое значение. Можно также привести в качестве показательных примеров Босфорскую экспедицию русского флота и войск в 1833 г. и экспедицию русского флота к берегам Северной Америки в 1863–1864 гг. В обоих случаях Россия не находилась в состоянии войны, и боевых столкновений не происходило, но военные кампании, причем крупные по составу задействованных в них сил, состоялись и принесли важные результаты.

Проект «Руниверс» по военно-исторической статистике и его преимущества

Проект «Руниверс» по военно-исторической тематике посвящен количественному (квантитативному) описанию и анализу военной истории. Для выявления уровня вовлеченности того или иного государства в военные действия, а также создаваемой ими нагрузки на экономику и влияния военной активности на политическую деятельность в рамках проекта по военной истории нами предлагается особый методологический подход. Мы надеемся, что предложенный новый подход и созданные на его основе базы данных позволят предоставить в распоряжение исследователей статистику, основанную на более

качественной методологии, дающей возможность оценивать степень задействования ресурсов государственной военной машины. Если исследователь изучает влияние военных действий на страны, принимающие в них участие, или на регионы, в которых они происходят, необходимо учитывать в первую очередь не время нахождения в состоянии войны (поскольку само по себе объявление войны не требует ресурсов), а периоды реальных боевых действий, при этом желательно оценивать их интенсивность. Для этого подхода гораздо лучшей статистической единицей учета будет не война (военный конфликт), а военная кампания, которая определяется как совокупность боевых действий, непосредственно связанных между собой общим замыслом и происходящих на локальном географическом театре военных действий на определенном отрезке времени (как правило, в течение данного года или времени года).

Именно в рамках отдельных военных кампаний (а не войн в целом и не отдельных сражений) государство задействует свои экономические и людские ресурсы через военную машину (военный потенциал) для реализации конкретных замыслов и решения поставленных задач. В отличие от войн, т.е. в первую очередь политических конфликтов, описания которых формировались в историографии, как правило, ретроспективно, военная кампания представляет собой то событие в рамках войны (военного конфликта), которое планировалось военно-политическим руководством государства и поэтому поддается гораздо более четкому и объективному определению и описанию. Иными словами, военная кампания происходила в силу того, что государство принимало решение о ее проведении. При этом по количеству задействованных для участия в кампании сил и средств можно определить ее абсолютную и относительную интенсивность. Выделение кампаний, в силу этого, представляется более простым и понятным, чем выделение войн и даже отдельных сражений. Абсолютное и относительное соотнесение военных кампаний друг с другом, опять же, становится возможным и гораздо более четким (в отличие от войн и сражений), поскольку государство, принимающее решение на проведение кампании, выделяло для каждой кампании на том или ином театре военных действий определенные силы и средства.

Предлагаемый нами подход можно охарактеризовать как комплексное непрерывное описание работы государственной военной машины с точки зрения формирования войск, их организации, состава, численности, дислокации (как в мирное, так и в военное время)

и участия в боевых действиях. Для достижения необходимой полноты картины в этой связи требуются обширные дополнительные изыскания, поскольку качественный и количественный состав войск ряда европейских государств Нового времени крайне недостаточно изучен, особенно по периодам до XVIII в. Показательна в данной связи неутешительная оценка ситуации, данная шведским историком Яном Глетом в отношении статистических данных по вооруженным силам Испании XVI–XVII вв.: «Проблема изучения испанского финансово-военного государства заключается в том, что размер и состав его вооруженных сил изучены на удивление мало. Было бы большим преимуществом, если бы тема этой главы была проиллюстрирована табличными данными о численности испанских вооруженных сил и их географическом распределении в различные даты. К сожалению, в настоящее время составить такие таблицы невозможно. Общая численность армии никогда не подсчитывалась, история ее организационной структуры (армии, терции и полки) неравномерна, не составлены исчерпывающие исторические списки кораблей для флота и его региональных подразделений»[19].

Методологический подход, предполагающий взятие за основу статистики военных кампаний, который мы предлагаем, обладает следующими ключевыми достоинствами по сравнению с описанными ранее подходами:

1) отсутствие презентизма — мы определяем военную кампанию не на основе поздней историографии, а на основе фактических решений, принимавшихся руководством вооруженных сил той или иной страны;

2) возможность дать количественные измерения интенсивности кампании на основании абсолютного и относительного размера задействованных в ней сил и средств;

3) имея непрерывную картину военного строительства, включая формирование войск, их дислокацию и перемещения, мы видим, какую часть своих вооруженных сил государство задействовало в той или иной кампании. Тем самым становится понятно, какое значение государство придавало данной кампании при планировании.

Этот подход хорошо применим к военной истории централизованных государств, когда командование вооруженными силами

[19] *Glete J.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal–Military States 1500–1660. London–New York: Routledge, 2002. P. 71.

сконцентрировано на высшем государственном уровне. Для таких государств можно описать созданные ими военные машины и проследить их использование год за годом (с учетом развития военных систем и их возможностей). При этом поддается оценке то, какую абсолютную и относительную долю возможностей своей военной машины государство направляет для той или иной военной кампании. Указанный подход количественно хорошо применим для периода с 1700 по 1914 г., когда сухопутные армии европейских государств фактически состояли из достаточно единообразных пехотных батальонов, кавалерийских эскадронов и артиллерийских батарей. Качественно же он применим к большинству государств с конца XV в. А к таким централизованным государствам, как Византия или Османская империя, может быть применен и для более раннего периода. Что касается военных действий на море, то для их статистики, вместо батальонов и эскадронов, следует использовать количество боевых кораблей по их классам (возникают с середины XVII в.).

Основной методологической проблемой данного подхода является разграничение военных кампаний. Дело в том, что с военной точки зрения на одном и том же театре военных действий может проводиться как одна кампания (если на этом театре военных действий есть единое руководство), так и несколько самостоятельных кампаний, если таковое единое руководство отсутствует. Это часто встречающаяся ситуация в войнах до начала XVIII в. К примеру, при появлении на театре военных действий войска под руководством правителя государства все остальные военные отряды действуют в подчинении и согласованно с этим войском, но как только войска правителя покидают регион, — отдельные военные отряды зачастую начинают действовать самостоятельно. Возникает вопрос: считать ли после этого военные действия в регионе одной кампанией или несколькими отдельными кампаниями?

Для средневековой Руси до XV в. четкое выделение и разграничение военных конфликтов и кампаний (походов) представляет особую сложность ввиду того, что походы княжеских дружин могли полностью объединять в себе черты как политических (война), так и чисто военных (кампания) событий. Методология статистики военных конфликтов средневековой Руси будет подробнее изложена в статье известного отечественного историка Ю.В. Селезнева[20]. Особым случаем

[20] *Селезнев Ю.В.* Военные конфликты Древней и Средневековой Руси: опыт статистического анализа и картографирования // Исторический вестник, 2023. № 44. С...

также можно считать длительные военные действия низкой интенсивности в ходе освоения новых земель и установления над ними государственного контроля (будь то продвижение европейского фронтира в Северной Америке или во многом типологически сходное с ним открытие и освоение Сибири в XVI–XVIII вв.). Подход к описанию продвижения фронтира как особого типа ежегодной военно-политической активности на том или ином направлении будет рассмотрен в статье А.Ю. Конева.

Особенности описания боевых действий X–XVII вв.

С точки зрения военной терминологии XIX — начала XX в. «кампания» (фр. Campagne) переводилась на русский язык словом «поход», а на немецкий, аналогично — «Der Feldzug». В отечественный обиход это понятие вошло с петровского времени. Кроме того, в обиходном языке офицерского корпуса под «кампанией» могла пониматься целая недолгая война — как «Русско-турецкая кампания 1877–1878 гг.» или «Венгерская кампания 1849 г.». В то же время под «походом» в данном случае подразумевался уже не буквально поход, а органичная, нередко локализованная местом действия часть конфликта — этап или период войны, «совокупность военных действий»[21].

Существовало еще более наукообразное определение кампании (похода), рожденное в стенах военных академий. Согласно «Энциклопедии военных и морских наук», это «совокупность воен. операций, находящихся в непосредств. связи между собою и составляющих по времени и месту определ. отдел известн. войны». Здесь простое и органичное объяснение усложнялось понятием «операция»: «по времени — когда состоит из нескольких отдельных операций, развивающихся последовательно одна за другою»[22]. Это было необходимо ввиду особенности учебного процесса, в котором именно в понятие «операция» вкладывался весь смысл штабной работы: «от стратегического развертывания армии на исходной линии операции до окончательного решения последней путем победоносного боя на поле

[21] Военная энциклопедия. СПб.: Изд. «т-во И. Д. Сытина», 1913. С. 331.

[22] Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Леера. СПб., 1888. Т. IV. С. 111.

сражения» ... и т. п., иными словами, от замысла до его воплощения[23]. Предмет «оперативное искусство» стал ключевым при подготовке офицеров Генерального штаба, а понятия «кампаний» и «конфликтов» перешли из области военно-практической скорее в дипломатическую или военно-историческую.

В советской военно-научной терминологии понятие «поход» было признано окончательно устаревшим: «Совокупность действий армии (флота) на большие расстояния, включавшая передвижение войск (кораблей) на большие расстояния, ведение боев и сражений и составлявшая определенный период войны (кампании) или войну в целом»[24]. Кампании продолжали считаться совокупностью боевых действий, ограниченных календарными рамками и театром военных действий. Однако здесь добавился элемент стратегического планирования: у кампании, как и у операции или войны в целом, должна быть цель. Впрочем, подобное стратегическое содержание они приобрели только во второй половине XVIII в. В Советской военной энциклопедии прослеживается история подобных «кампаний» вплоть до конца Второй мировой войны, но очевидно, что примерно с конца XIX в. в основе планирования и ведения боевых действий стала лежать череда стратегических операций. Термин же «кампания» используется больше как описательный, чтобы связать между собой операции на определенном ТВД, проведенные в некий промежуток времени (от одного-двух сезонов года до нескольких лет — например, «северо-африканская кампания 1940–1943 гг.»)[25].

Таким образом, с точки зрения даже такой консервативной и прикладной дисциплины, как советская военная наука, «кампании» и «походы» относятся к устаревшей терминологии, которая на протяжении истории не имела единого четкого определения: «Содержание понятия “Кампания” менялось в зависимости от изменения характера войн и развития военного дела»[26]. Если кампания на определенном ТВД могла включать в себя несколько военных походов, то и военный поход одной армии мог продолжаться в течение нескольких сезонов и лет и даже охватить несколько отдаленных друг от друга ТВД. К примеру, в 1697 г.

---

[23] В отличие от кампаний, которым посвящено несколько строк, описанию термина «Операция» в энциклопедии Леера посвящено больше трех страниц (см.: Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Леера. СПб., 1891. Т. V. С. 456–460).

[24] Советская военная энциклопедия: в 8 т. М, 1978. Т. 5. С. 480.

[25] Советская военная энциклопедия: в 8 т. М, 1977. Т. 4. С. 56.

[26] Там же. С. 55.

соединение генерала П.И. Гордона с весны приняло участие в боевых действиях Третьего Азовского похода (кампания на Азовском ТВД), а ближе к осени было переброшено к границам Малороссии и выделило часть войск для Казикерменского похода (кампания на Днепровском ТВД).

Исходя из этого, при описании боевых действий X–XVII вв. как базовую единицу следует брать «поход», причем в ранний период поход обычно был равен целому конфликту. Со времен великого князя Ивана III (1462–1505 гг.) значительная часть конфликтов не заканчивается одним походом, и русские войска в ряде случаев согласованно двигаются по нескольким направлениям. При этом каждая часть войска, в силу обширности территории Русского государства, собирается в свой поход с опорой на локальные ресурсы, как в отношении денег, запасов и боеприпасов, так и в мобилизационном плане. Таким образом, совокупность походов определенного сезона боевых действий (зимнего или летнего) приобретает характер того, что называлось в XVIII и XIX вв. «Der Feldzug» или «Campagne».

Впрочем, нерегулярность таких боевых походов не позволяет надежно, без каких-либо исключений разделить каждый военный конфликт XV–XVII вв. на череду локальных кампаний. Даже в рамках Смутного времени один поход был нередко равен одной кампании в смысле целей, временных рамок и ТВД. Например, против атамана Ивана Заруцкого, который летом 1612 г. из главы Первого ополчения превратился в «воровского» воеводу, верного идеям самозванства, было последовательно направлено три похода: зимний 1612/13 г., весенне-летний 1613 г. и летне-осенний 1614 г. Только последний из них имеет характер несколько более широкий, поскольку против Заруцкого восстали служилые люди Терского острога, которые двинулись к Астрахани при известии о подходе основной царской рати.

Первым конфликтом, в котором появляется возможность непротиворечиво и обоснованно выделить кампании на локальных ТВД и с определенными временными рамками, является, на наш взгляд, Смоленская война 1632–1634 гг. По причине протяженности русско-польской границы органично выделяются северо-западный (или Двинский), центральный (Смоленский) и юго-западный театры военных действий. На каждом из них руководство как с русской стороны, так и со стороны противника было особым, а планы сторон редко выходили за рамки своего ТВД. Условность научного деления на кампании здесь выражается в том, что на одних ТВД, в силу разных целей и задействованных

сил, в один сезон могло быть несколько кампаний, а одна кампания — Смоленский поход боярина Шеина — продолжалась пять сезонов с осени 1632 г. до зимы 1634 г. Кроме того, война осложнялась движением вольных казаков-«балашовцев», ликвидация которого также приобрела черты отдельной кампании.

По таким же принципам: объединение в одну кампанию всех боевых действий на локальном ТВД в течение одного (зимнего или летнего) сезона — удалось описать еще четыре войны: русско-польскую 1654–1667 гг., русско-шведскую 1656–1658 гг., Русско-турецкие 1672–1681 и 1686–1700 гг. В то же время такие конфликты, как борьба с украинским восстанием 1668–1669 гг. и с восстанием Степана Разина 1670–1671 гг., по-прежнему не нуждаются в делении на кампании, поскольку велись на более-менее едином ТВД и, по сути, для русской армии являются походами.

Наибольшее число единовременных кампаний выделяется в ходе, казалось, наиболее малозначительного из упомянутых конфликтов: во время войны против шведского короля Карла X Густава боевые действия велись в Карелии (севернее Ладоги), в Ингерманландии, в Эстляндии и северной Лифляндии, на Западной Двине (южная Лифляндия) и в Великом княжестве Литовском. Это очень интересный парадокс, который еще нуждается в осмыслении. С одной стороны, виной тому конкретная военно-политическая ситуация, когда шведские войска достигли Кракова и Бреста (так называемый «Потоп» 1655 г.), а формально к войскам шведской короны стал относиться гарнизон литовского Слуцка — вместе с владельцем города Богуславом Радзивиллом. С другой стороны, боевые действия на этих пространствах велись с разной степенью интенсивности, иногда и совсем затухая — например в связи с эпидемией чумы, но даже перемещения нескольких рот противников, если они имели место на конкретном локальном ТВД, заставляют формально объединить их в отдельную кампанию.

Очевидно, что предложенные здесь критерии «конфликта», «кампании» и «похода» приняты для удобства научного изучения военных действий и обработки больших статистических данных и поэтому носят черты конвенционализма. Впрочем, как показал историографический обзор этих понятий, критерии не противоречат источникам. Главное же, чтобы элементы систематизации принесли пользу научному изучению предмета — в данном случае, военных действий. Можно вспомнить один из относительно свежих примеров успешного применения авторской разработки военно-исторической терминологии

в тех же целях. Ю.Г. Алексеев, систематизируя данные летописей, разрядных книг и других источников о военных походах Ивана III, последовательно вводит понятия «ставки», «ставки главного командования» и «ставки верховного главного командования». Таким образом, он показывает и анализирует усложнение управленческих задач великого князя: от проведения одного похода — через руководство несколькими походами против одного противника — к единовременному командованию рядом отдельных армий на разных ТВД и против разных противников[27].

Описание конфликтов и кампаний XVIII–XIX вв.

Методику систематизации и описания конфликтов и кампаний, а также составления номенклатуры военных кампаний XVIII–XIX вв. в базе данных «Руниверс» можно проиллюстрировать на примере эпохи Революционных и Наполеоновских войн.

Период 1792–1815 гг. был общемировым конфликтом, в который были втянуты почти все государства, существовавшие на земле в то время. Военные действия велись не только в Европе, где был сосредоточен центр противостояния, но также в Северной и Южной Америке, в Карибском море, в Африке, в Индии и Индийском океане, а также в Юго-Восточной Азии (на территории современной Индонезии). В конфликте были задействованы все без исключения государства Европы, включая небольшой Лихтенштейн. Единственным исключением была только Андорра, но и ее главой формально был император французов Наполеон.

Ключевым неизменным противостоянием на протяжении периода 1792–1815 гг. был англо-французский конфликт. Образно говоря, это был стержень, относительно которого страны определяли свое участие в конфликте — на стороне Франции или на стороне Великобритании, при этом неоднократно меняя сторону конфликта. Хронологически период 1792–1815 гг. делится на две части: Революционные войны и Наполеоновские войны. Между ними находится небольшой отрезок времени, когда Франция и Великобритания заключили Амьенский мир

---

[27] *Курбатов О.А.* Походы русских войск при Иване III./ Рец.: Алексеев Ю. Г. СПб.: Изд-во СПБТУ, *Курбатов О.А.* Походы русских войск при Иване III / Рец.: Ю.Г. Алексеев. СПб.: Изд-во СПБТУ, 2007 г. 404 с., 3 вкладки — карты // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 521–528.

1802 г. Но даже этот подход к периодизации не является абсолютно точным, поскольку война Первой антифранцузской коалиции началась в апреле 1792 г., а Великобритания вступила в нее только через год, в начале 1793 г. При этом собственно участие английских войск в кампаниях Революционных войн долгое время оставалось сравнительно небольшим. Великобритания вносила свой вклад субсидиями, участием морских сил и сравнительно небольших сухопутных сил на различных театрах военных действий (Нидерланды, Тулон, Египет, Неаполь). Только с началом войны на Пиренейском полуострове английская армия стала основной движущей силой нескольких кампаний в 1808–1814 гг. на этом театре.

База данных «Руниверс» различает конфликты и кампании в принципиально важном пункте. Конфликт — это противостояние политических субъектов, а кампания — физическое военное противостояние. Если субъектом конфликта/войны является государство, то субъектом кампании всегда является вооруженная сила, хотя и не всегда представляющая государство (как, например, восставшие жители Вандеи).

При этом кампании не существуют сами по себе — они обязательно органично входят в какой-либо конфликт, а то и в несколько конфликтов одновременно. Кампании могут включать в себя (и большинство включают) боевые столкновения различного масштаба или не включать вовсе, если таковых не было. Вместе с тем боевое столкновение рассматривается как часть какой-либо кампании. В некоторых случаях в базу внесены кампании для описания отдельных боевых столкновений, например, все бои на море между небольшим датским флотом и английскими конвоями в Датских проливах в 1808–1814 гг. формально сведены в одну продолжительную кампанию. Такой подход продиктован логикой базы данных, в которой боевое столкновение не может быть напрямую частью конфликта, ибо конфликт, как выше было сказано, — это политическое противостояние, а кампания — военное. Таким образом, выстраивается иерархия объектов базы от боевых столкновений к конфликтам.

Кампания характеризуется единым местом (географическим регионом), участниками и хронологической завершенностью процесса. То есть кампании 1809 г. в Испании и в Австрии — это разные кампании, потому что их отличают не только место, но и участники и разные хронологические рамки. Вместе с тем при рассмотрении кампании в России 1812 г. возникает желание выделить как отдельные кампании боевые

действия на центральном (условно московском), южном (на Волыни) и северном (на Двине) направлениях. Но эти боевые действия были тесно между собой связаны, начались и завершились они в единых хронологических рамках, участники в некоторых случаях участвовали в боях не на одном направлении.

Описание каждого конфликта включает в себя Название (+ историографическое или дополнительное), Регион(ы) (из ограниченного списка), Даты начала и конца (год), Стороны конфликта (государства), Описание и Театр военных действий (в свободной форме)

Описание каждой кампании включает в себя Принадлежность к конфликту, Название (+ историографическое или дополнительное), Регион(ы) (из ограниченного списка), Даты начала и конца (год и месяц), Участники кампании (вооруженные силы и командующие), Описание и Театр военных действий (в свободной форме).

Все кампании и конфликты в базе данных названы по единой схеме, где указаны год и регион кампании. Но вместе с тем сохранено второе название, принятое в историографии. Так Отечественная война 1812 г. по всем формальным признакам является не войной, а кампанией в рамках большой войны 1812–1814 гг., в которой многие страны даже приняли участие с обеих сторон конфликта.

Заметим, что при нашем подходе, любой дальний поход вооруженных сил, даже и не сопровождающийся боевыми столкновениями, попадает в категорию кампаний. С нашей точки зрения, это правильно, поскольку нагрузка на военную машину той или иной страны практически не зависит от наличия или отсутствия боевых столкновений (тем более что это наличие или отсутствие может и не зависеть от воли военного командования). Примеры – рейнский поход русской армии в 1748 г., который обошелся без сражений, но значительно повлиял на исход Войны за австрийское наследство, уже упоминавшаяся выше Босфорская экспедиция русского флота в 1833 г. и т. д.

Мы надеемся, что предложенный методологический подход позволит исследователю представить гораздо более полную военную статистику на основе выделения кампаний и сравнения их между собой с точки зрения военной нагрузки на государство. Тем более с учетом того факта, что исследователи из других научных областей, пользуясь статистикой военных действий, зачастую не понимают степени ее полноты или, наоборот, неполноты. В целях решения данной проблемы в рамках проекта «Руниверс» по военной истории России нами впервые составлены полные базы боевых действий на основе описаний военных

кампаний по всем периодам истории от начала русской государственности (IX в.) до начала Первой мировой войны.

Сбор военной статистики по кампаниям с учетом задействованных сил и средств в нашем проекте основан на тех единицах измерения, которыми оперировали сами современники. С 1700 г. — это однородные батальоны и эскадроны на основе штатной структуры численности. Военные решения принимаются именно об использовании того или иного количества батальонов и эскадронов на театре военных действий. Сбор и систематизация статистики военных кампаний данного государства также позволяют получить интересный материал для анализа военно-политической активности государства. Используя ретроспективно одни лишь нарративные источники, без должной статистики, историки нередко не могут объективно оценить значимость того или иного события, которое могло быть сознательно преувеличено или, наоборот, преуменьшено в пропагандистских целях. Тем самым искажается та реальная картина, в рамках которой происходили оценка ситуации и принятие военно-политических решений. В то время как статистика распределения военных сил и средств показывает нам не пропагандистские намерения, а реальную оценку военно-политической обстановки, намерений и принимавшихся на ее основе решений в данный исторический момент. Что, в свою очередь, позволяет проводить гораздо более объективный и научно обоснованный исторический анализ военно-политических решений. Классическим примером может служить Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой для российской стратегии крымский театр военных действий традиционно представляется как главный, приоритетный. Между тем, анализ дислокации вооруженных сил России на всем протяжении Крымской войны показывает, что в Крыму находилось не более 20% ее армии[28]. Даже во время кульминационных моментов обороны Севастополя наиболее крупные армейские группировки русской армии оставались на западных границах — от Бессарабии и Подолии до Волыни, Литвы и побережья Финского залива, поскольку именно эти стратегические направления (юго-западное, западное и северо-западное) в сложившейся обстановке вполне обоснованно считались, с точки зрения военно-политического руководства Российской империи, наиболее приоритетными для

[28] *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 175–244.

обороны от возможного нападения, соответственно, со стороны Австрии, Пруссии, Великобритании и Франции.

В более широком плане анализ объективной военной статистики на основе кампаний, а также дислокации войск, как в военное, так и в мирное время позволяет анализировать и оценивать ежегодную работу государственной военной машины (включая аккумулирование средств, их распределение и использование) на протяжении длительных временных периодов, измеряемых десятилетиями и даже столетиями.

Предварительные результаты развития проекта «Руниверс» по военной истории

Проект «Руниверс» по военной истории включает следующие основные компоненты.

- Непрерывное качественное описание строительства вооруженных сил России и других европейских государств с середины XV в. и до начала XVIII в.
- Непрерывное как качественное, так и количественное описание формирования и развития вооруженных сил России и других европейских государств с начала XVIII в. и до начала Первой мировой войны.
- Для периода с 1700 г. и до 1914 г. — непрерывное описание дислокации вооруженных сил России и других европейских государств как в мирное, так и в военное время.
- Описание использования вооруженных сил европейских государств во всех военных конфликтах — по кампаниям и боевым столкновениям в ходе них начиная с середины XV в. и до начала Первой мировой войны. Для России — аналогичное описание участия русских войск во всех известных боевых действиях составлено за весь период с IX в. (от начала русской государственности) и до 1914 г.

В результате работы коллектива исследователей в рамках проекта «Руниверс» по военной истории разработан комплексный научный подход, который позволяет описывать и оценивать работу государственной военной машины «изнутри» на основе обширных статистических баз данных по боевым действиям войск России и других европейских государств начиная со Средневековья и до начала Первой мировой войны, включая военные конфликты, военные кампании (до середины XV в. —

походы) и боевые столкновения[29]. Методологические особенности описания и статистического анализа военных действий средневековой Руси (IX в. — середина XV в.) раскрыты в рамках данного выпуска «Исторического вестника» в статье доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории России исторического факультета Воронежского государственного университета Ю.В. Селезнева[30].

Начиная с середины XV в., когда в России, как и в других европейских государствах раннего Нового времени, с развитием огнестрельного оружия и появлением постоянного «ядра» вооруженных сил, функционирующего наряду с феодальным ополчением, формируется государственный механизм сбора и накопления ресурсов для ведения боевых действий, представляется возможным переходить при анализе военной статистики от категории «поход» к троичной иерархии: конфликт — кампания — боевое столкновение. Данный подход оптимально применим для понимания качественных характеристик военной нагрузки на государство, начиная со второй половины XVII в. и до 1914 г., когда вооруженные силы, как правило, имели фиксированную штатную структуру. Что же касается Первой мировой войны, то в ходе нее как структура вооруженных сил европейских держав, так и сам характер ведения боевых действий изменились столь значительно, что для их периодизации, описания и статистической оценки необходим иной методологический подход. Указанной тематике в данном выпуске журнала посвящена статья кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Центра военной истории России Института российской истории РАН С.Г. Нелиповича[31]. Особый подход, необходимый для описания такого специфического вида военно-политической активности Российского государства в XV–XIX вв., как продвижение фронтира на восточных, юго-восточных и южных рубежах, изложен в статье кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» А.Ю. Конева[32].

---

[29] С полученными электронными базами данных читатель сможет ознакомиться по следующей ссылке: https://runivers.ru/histbases

[30] *Селезнев Ю.В.* Военные конфликты Древней и Средневековой Руси: опыт статистического анализа и картографирования // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 40–75.

[31] *Нелипович С.Г.* Периодизация боевых действий на русском фронте Первой мировой войны // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.2. С. 292–393.

[32] *Конев А.Ю.* Историографические и методологические грани сибирского «фронтира» // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.2. С. 270–285.

Описание истории организационных структур вооруженных сил является следующим важным компонентом военно-исторического проекта «Руниверс». Уже составленные и опубликованные на сайте «Руниверс», а также находящиеся в процессе составления базы данных по полкам России и ряда других европейских держав Нового времени становятся более наглядными благодаря ряду работ исследователей-участников проекта, опубликованных в данном выпуске «Исторического вестника». Для понимания трансформации организационных структур русского войска в XV–XVII вв. особую ценность представляет статья кандидата исторических наук, сотрудника Российского государственного архива древних актов (РГАДА) О.А. Курбатова[33]. Также в структуру номера включено новейшее исследование О.А. Курбатова по размещению воинских гарнизонов на северо-западе России в конце XVII — первой трети XVIII в.[34]

Основные теоретические, методологические и практические аспекты подготовки базы данных для полков русской армии в 1700–1914 гг. представлены в статье А.Н. Черненко[35]. На основании полученных данных автор описывает изменения в штатной структуре и количестве полков, приводит методологию расчета максимальной численности русской пехоты и кавалерии в конфликтах и кампаниях в период 1700–1914 гг. Отдельное исследование по эволюции легкой пехоты Российской империи, публикуемое на страницах данного номера журнала, выполнено И.Э. Ульяновым[36]. Результаты работы по составлению баз данных полков ряда европейских государств Нового времени представлены в статьях А.Н. Черненко (английские полки)[37], И.Ю. Кудряшова (французские полки)[38]

---

[33] *Курбатов О.А.* Русское войско XV–XVII вв. Очерк истории организационных структур // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.1. С. 196–227.

[34] *Курбатов О.А.* Гарнизоны северо-запада России (1699–1727 гг.) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.1. С. 228–251.

[35] *Черненко А.Н.* База полков России 1700–1914 гг. Опыт составления (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 92–173.

[36] *Ульянов И.Э.* Хронология, терминология и периодизация процесса эволюции легкой пехоты Российской империи // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 76–91.

[37] *Черненко А.Н.* База полков Англии и Великобритании 1661–1914 гг. Опыт составления. (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 174–195.

[38] *Кудряшов И.Ю.* База данных полков Франции 1660–1914 гг. // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 2. С. 252–269.

и И.О. Пархоменко (прусские полки)[39]. Помимо указанных баз данных и описаний к ним, в рамках проекта продолжается работа над составлением баз данных полков Швеции, Испании, Австрии и ряда германских государств XVI–XIX вв.[40] На основе уже составленных и пополняемых баз данных планируются исследования ежегодного финансирования регулярной армии России в XVIII — начале XX в., а также Англии (Великобритании), с учетом дислокации английских полков и участия в конфликтах не только в Европе, но и за ее пределами. Кроме того, в рамках военно-исторического проекта «Руниверс» планируется публикация комплексных научных монографий по формированию и эволюции вооруженных сил России в XVI–XVII вв. и продвижению российского фронтира в XVII–XIX вв.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

[39] *Пархоменко И.О.* База полков Пруссии 1665–1914 гг. // Исторический вестник, 2023 г. № 44. Ч. 2. С. 286–291.

[40] Указанную работу по шведским полкам проводит кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ Г.В. Шебалдина, по испанским — доцент факультета гуманитарных наук НИИ ВШЭ А.В. Марей и Н.А. Василенок, по Австрии и германским государствам — И.О. Пархоменко.

REFERENCES

1. *Bodard G.* Losses of Life in Modern Wars: Austria–Hungary and France. Oxford, 1916.
2. *Bodart G.* Militar–historisches Kriegs–Lexikon (1618–1905). Wien — Leipzig, 1908.
3. *Brecke P.* The Long–Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 5. URL: https://www.academia.edu/24739889/The_Long_Term_Patterns_of_Violent_Conflict_in_Different_Regions_of_the_World
4. *Clodfelter M.* Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1500–2000. Jefferson, N.C.: McFarland, 2017 (Fourth edition).
5. Correlates of War. URL: https://correlatesofwar.org/
6. *Glete J.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal–Military States 1500–1660. London–New York: Routledge, 2002.
7. *Jaques T.* Dictionary of battles and sieges: a guide to 8,500 battles from antiquity through the twenty-first century. Greenwood Press. 2007.
8. *Jones Daniel M., Stuart A. Bremer and J. David Singer*. Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules, and Empirical Patterns // Conflict Management and Peace Science 15, 1996. P. 163–213.
9. *Krivopalov A.A.* Fel`dmarshal I. F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1856 gg. [Field Marshal I. V. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856]. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2019.
10. *Levy J.S.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington. 1983.
11. *Lynn J.A.* The wars of Louis XIV, 1667–1714. Harlow: Longman, 1999.
12. *Midlarsky Manus I.* Theoretical Foundationsfor the Collection of Major Power–Minor Power War Data // International Interactions 14, 1988. P. 187–190.
13. *Phillips Ch., Axelrod A.* Encyclopedia of Wars — 3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005.

14. *Richardson Lewis F.* Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960.
15. *Small M, Singer D.* Resort to Arms. International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills — London — New Delhi, 1982.
16. *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937.
17. *Woods F.A., Baltzly A.* Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day. Boston, 1915.
18. *Wright Q.* A Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

Ключевые слова:

Военно-историческая статистика, военная история, методология, базы данных, военные кампании, «Руниверс», Средние века, Новое время.

Mikhail V. Baranov, Dmitriy R. Zhantiyev, Oleg A. Kurbatov

MILITARY AND HISTORICAL STATISTICS: PROBLEMS OF METHODOLOGY

The article deals with the methodological problems that arise in global historiography when describing military operations in the Middle Ages and the Modern times, in particular, when compiling databases on wars involving European states (including Russia). Particular attention is paid to the integrated scientific approach developed by a team of researchers in the framework of the «Runivers» project on military history which allow description and evaluation of the work of the state military machine on the basis of extensive statistical databases of military operations. This approach is based on the principle of continuity of the personnel's description, deployment and actions of the armed forces during military campaigns, beginning from the 15th century until the start of the First World War. The military statistics objective analysis has been based on the campaigns as the essential measure of military activity, as well as the deployment of troops, both in wartime and in peacetime. This approach allows analysis and evaluation of the annual work of the state military machine (including logistical build-up, allocation and use) over long period of time, measured in decades and even centuries.

Key words: Military and Historical Statistics, Military History, Methodology, Databases, Military Campaigns, «Runivers», Middle Ages, Modern Times.

Mikhail V. Baranov — Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers».
Dmitriy R. Zhantiev — Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.
Oleg A. Kurbatov — Ph.D. in History, staff member of the Russian State Archive of Ancient Documents, member of the Expert Council of the OOD Rosrekon.

Баранов Михаил Владимирович

кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

Жантиев Дмитрий Рустемович

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, сотрудник РГАДА, член экспертного совета ООД Росрекон

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.002

Ю.В. Селезнев

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

(Опыт статистического анализа и картографирования)

История развития любого государства или народа сопряжена с конфликтными ситуациями с соседними политическими образованиями и внутренним военным противоборством. Борьба за ресурсы в ограниченных географических рамках приводит к формированию военной культуры, а история взаимодействия соседей насыщается описанием кровопролитных войн и конфликтов.

Визуализация исторических процессов, например в форме карт, позволяет проследить некоторые особенности развития общества в тот или иной период времени.

Поскольку ряд особенностей развития общества требует статистического анализа и выявления динамики процессов, возникает необходимость наглядного изображения, к примеру, последовательности действий исторического лица, группы лиц или сообществ.

Для решения задачи визуализации исторических процессов необходимо привлечение специальных географических методов. Вполне зако-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147.

номерно применение в первую очередь картографического метода, который заключается в том, что для территории исследования создаются специальные карты или серии тематических карт с целью познания какого-либо явления (*с помощью заранее разработанных определенных условных знаков на картографическую основу наносятся те или иные элементы рассматриваемой территории*). В географии данный метод обычно применяют с другими методами исследований. Весьма показательным здесь будет, к примеру, ретроспективный (исторический подход), который подразумевает рассмотрение во времени какого-либо географического объекта, территории, ее ландшафтов, отдельных ее компонентов, природных и социальных явлений, что позволяет выявить динамику их изменений в течение какого-либо периода.

При этом пространственный фактор исторических явлений и процессов позволяет избежать их представления плоскими и однобокими[2].

Таким образом, сочетание исторических и географических специальных методов приводит к получению нового актуального знания не только историко-географического, но и геополитического характера.

Выявление и реконструкция последовательности и содержания междукняжеских усобиц представляют собой вербальную модель (которая способна так замещать объект познания, что ее изучение дает новое знание об объекте познания)[3], а картографирование является моделью графической, визуальной. Методика моделирования историко-географических процессов, предлагая в качестве арсенала междисциплинарный подход, обращает преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию; предлагает пристально посмотреть на происходящие процессы с позиции их участников (или жертв); требует изучения всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях (от поведенческой культуры до культуры политической).

---

[2] *Игонин А.В.* Геоинформационные системы и опыт их применения в работах зарубежных и отечественных историков // Казанская наука. 2011. №11. С. 20–22.

[3] Она целенаправленно создается для сокращения неопределенности, компенсации неполноты знаний и формирования гипотезы или набора гипотез. Тем не менее основная ее задача — это создание вербального описания явления или процесса. При этом обязательно необходимо помнить, что научная модель представляет собой систему, которая способна так замещать объект познания, что ее изучение дает новое знание об объекте познания. Именно это свойство научного моделирования, примененное к историческому процессу, позволяет нам по-новому взглянуть на ряд эпизодов жизни и деятельности князя Александра Ярославича Невского. См. также: *Селезнев Ю.В.* Исследование истории Джучиева Улуса методом исторического моделирования // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 1. С. 109–117.

Однако, как справедливо подчеркнул А.А. Зализняк, «модель не может воспроизвести все свойства моделируемого объекта. Она воспроизводит (или каким-то иным способом отражает) только некоторые из них, которые представляются автору модели важными. Остальными он пренебрегает, причем про существование большинства из них он просто не знает. Такое соотношение неизбежно: ведь число свойств реального объекта безгранично, будь это даже простой стакан или камень»[4].

Проблема картографирования периода военной истории Древней Руси состоит в крайне малой сохранности информации. Нередко кроме прямой информации синхронных письменных источников, прежде всего русских летописей, необходимо привлечение данных более поздних географических и статистических описаний, а также археологических и этнографических исследований.

Как бы то ни было, свидетельства источников, преимущественно русских летописей, позволяют выделить за период 977–1510 гг. 444 междоусобных конфликта. В рамках картографирования и обобщения материала события данного периода были сгруппированы по хронологическому принципу на несколько блоков: 1) 977–1132 гг.; 2) 1132–1169 гг.; 3) 1169–1238 гг.; 4) 1238–1521 гг. Содержательными критериями разбивки послужили события внутренней и внешней истории России: 977 г. — зафиксирована первая усобица; с 1132 г. связывают начало раздробленности на Руси; 1237–1238 гг. — начало нашествия монголо-татар на Русь; в 1521 г. к Российскому единому государству было присоединено Рязанское княжество, что ознаменовало завершение раздробленности. На данный момент обобщения двух первых этапов представлены в печатном виде[5].

За первый период 977–1132 гг. выделяется 62 вооруженных конфликта, которые обладают характеристиками усобиц; для второго 1132–1169 гг. зафиксировано 86 эпизодов междоусобной брани; для третьего 1169–1238 гг. — 132; для четвертого 1238–1521 гг. — 164.

Хронологическая неравномерность предложенной периодизации обусловлена количественным наполнением временных отрезков. Для времени до монголо-татарского нашествия (261 год) выделяется 280 конфликтов, тогда как для периода ордынского владычества (око-

---

[4] *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 435–356.

[5] *Селезнев Ю.В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 977–1132 гг. М.: Руниверс, 2017; *Селезнев Ю.В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169 гг. М.: Руниверс, 2018.

ло 280 лет) — 164 боестолкновения. Таким образом, мы наблюдаем неуклонный рост количества междоусобиц, пик которых приходится на первую половину XIII столетия. Со второй половины XIII в. количество усобиц сокращается и к моменту формирования единого Российского государства распри сходят на нет.

Одним из важных хронологических рубежей является 1237/1238 г. — начало нашествия монголо-татар на Русь. Он представляет собой смену доминирования в Степи половецких племен на ордынскую государственность. Данный рубежный отрезок выделен и в рамках усобиц. Однако он представляет собой достаточно длительный период 1220–1240-х гг. Таким образом, распределение и статистический анализ русско-половецких конфликтов разделены на периоды следующим образом: 1) 1055–1101 гг.; 2) 1103–1156 гг.; 3) 1159–1188 гг.; 4) 1190–1253 гг.

Материалы по истории военных конфликтов Руси с половцами и Монгольской империей / Ордой были сгруппированы, исходя из логики рассматриваемых событий.

Всего за период с 1055 по 1253 г. зафиксировано 163 русско-половецких военных конфликта. Из них грабительскими можно считать 64; четырежды фиксируются попытки мирных переговоров, которые вылились в военный конфликт; половцы выступили сторонниками одного из князей в ходе внутрирусских усобиц в 65 случаях; русские войска совершили 30 походов в половецкие степи[6].

Статистика военных конфликтов выявляет, что между 1099 г. и 1127 г. в источниках не фиксируется участие половецких отрядов в русских усобицах. Кроме того, после 1223 г., после поражения объединенных русско-половецких войск от монголо-татар, половецкие войска выступают только в качестве союзников кого-либо из русских князей. Этот факт красноречиво указывает на ослабление половецких племен после рейда туменов Субедея и Джебе в Восточную Европу. При этом начавшаяся затяжная война в степях Евразии отвлекала значительные ресурсы половцев на восток и ослабляла их за счет ведения войны с монголами.

Русско-ордынские столкновения рассматриваются за длительный период 1223–1502 гг. За историю взаимоотношений Руси и Орды в это время в источниках зафиксировано более 150 вооруженных столкновений русских и ордынских войск. Из их числа русские княжества подвер-

---

[6] Ср.: А.А. Инков приводит следующую статистику за период 1054–1235 гг.: 52 набега, 64 раза половцы участвовали в усобицах, 32 похода русских князей в половецкие степи; всего 148 эпизодов. *Инков А.А.* Древняя Русь и половцы во второй половине XI — первой трети XIII века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 15.

гались ордынским вторжениям более 100 раз. Войска княжеств средневековой Руси вторгались на территорию Орды и ее преемников 50 раз. Среднее соотношение нападений обеих сторон, таким образом, приблизительно выглядит как два к одному (ордынские к русским). Русские княжества оказываются по преимуществу обороняющейся стороной.

При этом 22 набега проходили в рамках междоусобной борьбы или при участии русских князей (например, конфликт владимирского великого князя Василия Ярославича с Новгородом в 1273 г., набеги ордынцев на владения Москвы в 1395 (или 1399) и 1411 (два раза) гг.; усобица в Тверском великом княжестве в 1412 г. и др.).

Среди вторжений русских шесть являлись откровенно грабительскими действиями новгородских ушкуйников.

Периодизация внешнеполитических вооруженных конфликтов древнерусских княжеств (за исключением кочевников) привязана к периодам внутренних усобиц, с внутренним произвольным хронологическим дроблением. На данный момент выявлены и учтены военные события за период с 860 по 1350 г. (работа над статистическим анализом и картографированием внешнеполитических конфликтов продолжается). Всего за рассмотренный период в источниках фиксируется 366 военных столкновений русских князей с внешним противником[7]. В 218 случаях русские войска одержали победу, 112 раз — потерпели поражение; в 36 случаях определить победителя не представляется возможным.

Для картографирования за основу взята мелкомасштабная карта Восточной Европы / Древней Руси (масштаб 1: 10 000 000), на которую нанесены внешние и внутренние границы крупных княжеств-земель и волостей[8]. Различными цветами выделяются соседние государства и отдельные княжества. Стрелочками различного цвета обозначаются не только направления движения войск, но и принадлежность полков к той или иной противоборствующей коалиции. При наличии возможности детализации конфликта приводится карта с иным масштабом, на которой различными цветами определяется отношение противоборствующих сторон.

Каждый конфликт графически представлен на карте, на которую нанесены основные населенные пункты, оказавшиеся в зоне действий

---

7 В среднем 1,3 конфликта в год.

8 *Горский А.А.* Русь в конце X — начале XII в.: территориально-политическая структура (земли и волости) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 154–161.

военных сил. Будучи опорными пунктами вооруженных сил, они становились объектами штурмов и осад, а также промежуточными точками движения войск. Соответственно, при картографировании мы получаем возможность использовать их в качестве ориентиров для выявления направления движения войск между опорными пунктами, что позволяет говорить о дорожной сети древнерусских княжеств в тот или иной период, а также сравнивать изменения коммуникаций в течение столетий. Кроме того, мы получаем возможность выявления использования тех или иных путей в зависимости от сезона ведения боевых действий, с привлечением речных магистралей (для переброски сил водным путем) или исключительно сухопутных дорог.

Далее предлагается статистический анализ полученного материала по более дробным хронологическим отрезкам.

* * *

За время X–XI столетий (977–1132 гг.) выделяется 62 вооруженных конфликта, которые обладают характеристиками усобиц.

Из них тринадцать были связаны с борьбой за верховную власть и киевский княжеский стол. Сюда же примыкает противостояние, связанное с вооруженным давлением на киевского князя как верховного судьи в рамках наказаний за нарушения междукняжеских договоренностей (1098 г.).

Волынская земля десять раз подвергалась разорению в рамках междоусобных столкновений. Чернигов и Черниговская земля оказались вовлечены в усобицы девять раз. Полоцкая земля семь раз участвовала в вооруженных княжеских конфликтах. Тмутаракань переходила из рук в руки пять раз. Территория Галицкого княжества оказалась вовлечена в усобную брань четыре раза. Трижды подвергался осадам и нападениям город Луцк. Новгород, Муром и Друцк были разорены по два раза. Две усобицы затронули Берестье и Берестейскую землю. Столько же — два раза — была подвергнута разорению и Ростовская земля. Псков, Смоленск, Слуцк, Орша, Копысь, Изяславль, Борисов, Лагожск оказались центром нападения по одному разу.

Источники фиксируют привлечение русскими князьями для решения внутренних противоречий иноземных союзников. По четыре раза во внутрирусские военные конфликты были втянуты поляки и половцы. По три раза приняли участие в борьбе за власть в русских княжествах

варяги и печенеги; дважды были привлечены венгерские войска; один раз фиксируется участие в качестве союзников одной из сторон противостояния чешского контингента.

* * *

С 1132 г. (с момента смерти князя Мстислава Владимировича) до начала 1169 г. (захвата Киева войсками князя Андрея Юрьевича) зафиксировано 86 эпизодов междоусобной брани.

В сравнении с предыдущим периодом (977–1132 гг.), в который на 155 лет пришлось 62 вооруженных конфликта (т.е. в среднем на два с половиной года выпала одна усобица), в рассматриваемое время, на 37 лет (на период в четыре раза меньше), в среднем пришлось более двух столкновений в год (2,3). Правда, фиксируются годы, когда усобиц не было вовсе: 1140, 1142, 1143, 1145, 1163, 1165, 1166 гг. Это, впрочем, означает, что на другие годы выпало большее количество военных действий, чем два с половиной конфликта на 12 месяцев.

Из 86 конфликтов 25[9] относились к борьбе за Киев и киевский княжеский стол, связанный с верховной властью на Руси. Таким образом, удельная доля борьбы за верховенство увеличилась с 20 до 29 % (без учета военных действий, связанных с удержанием и укреплением власти).

Территория Переяславского княжества и город Переяславль оказались вовлечены в усобную брань 14 раз.

Чернигов и Черниговская земля оказались вовлечены в усобицы 11 раз; сам город подвергался нападению шесть раз.

В рамках междоусобных столкновений Галицкая земля подвергалась разорению девять раз. Столичный Галич в данный период пострадал один раз. Волынская земля оказалась местом междоусобиц пять раз; Владимир-Волынский был территорией военных столкновений два раза.

Город Белгород пять раз был ареной вооруженных конфликтов. Город Туров — четырежды. По три раза — Новгород-Северский и Прилук. По два раза были разорены Василев, Вырь, Вышгород, Городец Остерецкий (Городок), Городок (Городец), Дорогобуж и окрестности, Звенигород, Луцк, Менск (Минск), Ушица и земли вокруг, Рязань, Перемышль, Пересопница, Слуцк, Смоленская земля, Треполь, Халеп. По одному разу целями военного нападения оказались Баруч (сожжен), Белавежа (Бе-

[9] Против 13 в предыдущий период.

ловеж), Березом (Березый), Бохмач, Витебск, Волок Ламский, Всеволож, Вщиж, Вьяхань, Глебль, Городец (в Полоцком княжестве), Дедославль (его окрестности), Деревская земля, Друцк, Желань (под Киевом), Зареческ, Зартый, Изяславль (Карачев — фиксируется битва под городом, судьба города не известна), Колтеск (окрестности), населенный пункт Красный, Кснятин, Кучелмин, Любеч, Микулин, Нежатин — взят штурмом, Новый Торг (Торжок) и Новоторжские земли, Носов (окрестности), Осетр (окрестности), Папаш, Пирятин (окрестности), Путивль, Санок, Сапогынь, Стародуб, Углич (Углич Поле), Уненеж, Ярослав, Ярославль.

Через Моровийск и Козельск войска противников проходили по три раза. Правда, упоминаний о их разорении при этом в источниках не встречается.

По одному разу ареной военных действий становились Псковская и Ростовская земли.

В рассматриваемый период русские князья широко привлекают для решения своих внутренних противоречий иноземных союзников. Вмешательство соседей зафиксировано в 46 эпизодах[10]. Чаще всего в русских усобицах в данное время принимали участие половцы — 27 раз. Венгерские отряды выступили на той или иной стороне русских княжеских коалиций 12 раз. Пять раз во внутрирусские военные конфликты были втянуты поляки. По одному разу в качестве союзника одной из сторон противостояния фиксируются чешский король и литовские отряды.

Мы видим, что в сравнении с предыдущим временным отрезком 977–1132 гг. данный период (1132–1169 гг.) более насыщен междукняжескими столкновениями. Данная статистика интенсивности усобиц красочно иллюстрирует слова летописца, который именно в это время подчеркнул факт политического распада государства: «И раздрася вся земля Русская»[11].

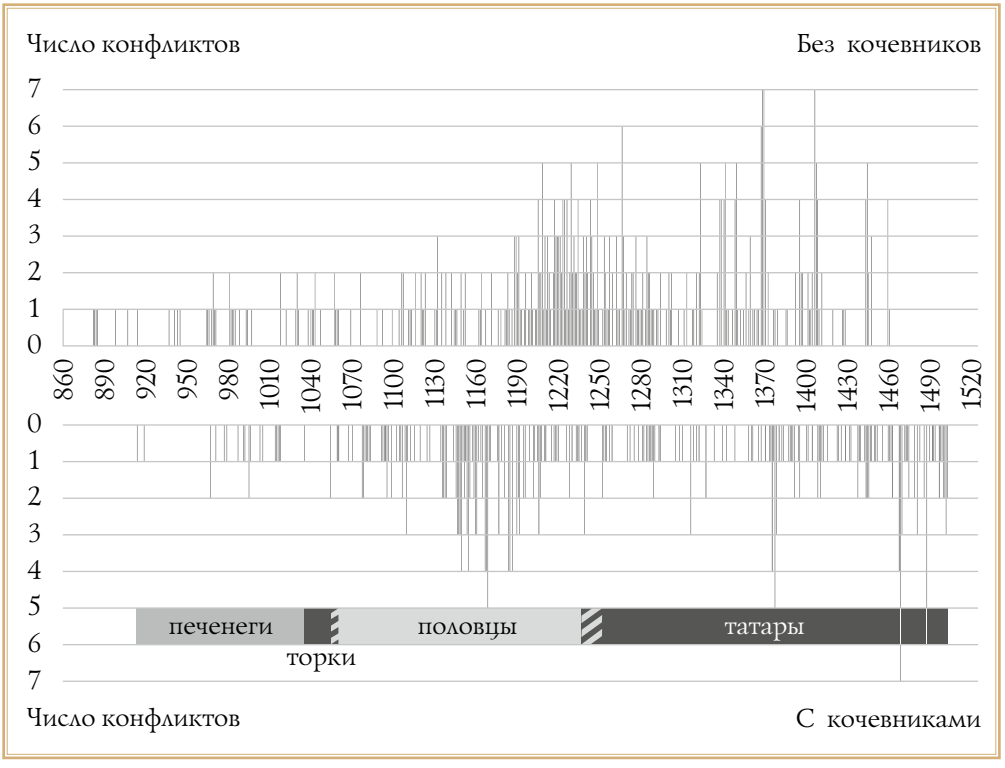
* * *

С момента захвата Киева войсками князя Андрея Юрьевича (в начале 1169 г.) до зимы 1237 г. (до начала нашествия Батыя) зафиксировано 132 эпизода междоусобных войн.

---

10 В предыдущий период — 17 (на 155 лет реже в три раза).

11 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 208.



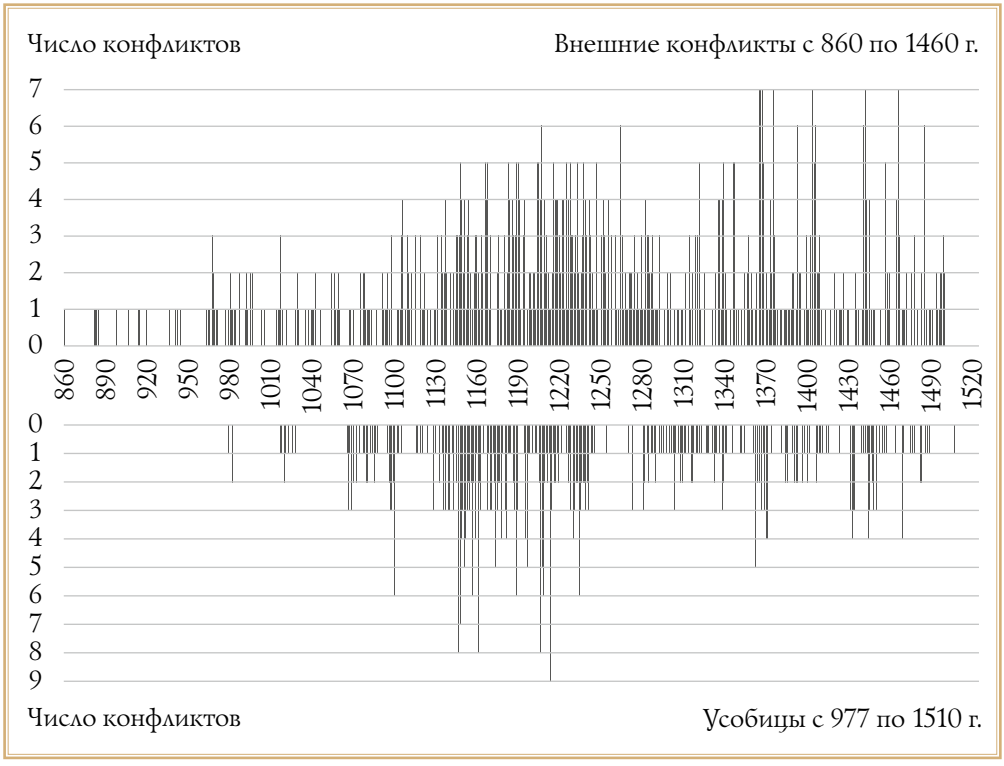
Число внешних конфликтов Руси по годам

По среднему показателю на 68 лет выпадает около двух (1,9) конфликтов в год.

В рамках выявленных 132 междукняжеских конфликтов столичный Киев переходил из рук в руки 16 раз. Кроме того, город выдержал три осады и трижды разорению подверглись различные территории Киевской земли. Таким образом, всего фиксируется 22 эпизода вооруженной борьбы за верховный княжеский стол. Это составляет около 17 % от всех усобиц и демонстрирует сокращение удельной доли борьбы за Киев с 29 % в период с 1132 по 1169 г. и с 20 % в период с 977 по 1132 г.[12] Надо полагать, что связано это с нарастанием процесса утраты Киевом своего значения и роли центрального и верховного города Руси. Тем не менее именно Киев и территория Киевского княжества чаще всего оказывались в этот период ареной княжеских усобиц.

В рассматриваемое время, особенно в самом конце XII — первой трети XIII в. объектом княжеской борьбы стала Галицкая земля. Различные части княжества подвергались вторжению 12 раз. Стольный город

[12] В цифровых показателях в период с 1132 по 1169 г. — 25 эпизодов; в период с 977 по 1132 г. — 13 эпизодов.



Число внешних и внутренних конфликтов Руси по годам

земли — Галич — четырежды подвергался вооруженному нападению. Всего, таким образом, зафиксировано 16 эпизодов военного вмешательства в Галицкое княжество.

Суздальская земля в данное время была ареной междукняжеских усобиц шесть раз.

Четырежды военным вторжениям подвергалась Волынская земля. Столичный Владимир-Волынский подвергался нападению трижды.

Центр удельного владения Волынской земли город Белз четыре раза становился объектом княжеских конфликтов.

В рамках междукняжеских усобиц по три раза подвергались вооруженным нападениям Волок Ламский, Вышгород, Пронск, Торжок, Треполь.

Дважды ареной военного противостояния становились Белгород, Владимир-на-Клязьме, Москва, Чернигов, Перемышль, Рязань, Торческ, Переяславль-Южный, Черторыйск.

По одному разу целями военного нападения оказались Борисов, Быковен, Дмитров, Дорогобуж, Друцк, Дубна, Збараж, Звенигород, Изборск, Каменец, Кострома, Кснятин, Лутава, Луцк, Михаилов, Моклеков, Моровийск, Мосальск, Новгород, Новгород-Северский, Овруч,

Ожьск, Ольгов, Переславль-Залесский, Пинск, Плеснеск, Речица, Ржев, Ростов, Сверилеск, Сереньск, Смоленск, Сновеск, Сосница, Теребовль, Тихомль, Хомор, Хороборь, Червень, Шеша, Шюмск.

Русские князья в данное время для обеспечения своего преимущества в военно-политической борьбе активно используют иноземных союзников. Нередко формируются значительные коалиции с привлечением половцев, поляков и венгров. Часто иноземцы быстро и легко меняют сторону поддержки на противоположную. Основным же критерием выбора союзника являются родственные связи правящих династий.

Всего за данное время выявляется 54 случая, когда в междоусобной борьбе русских князей принимали участие иноземные силы. Как и в предыдущий период (1132–1169 гг.), чаще всего в русские усобицы были вовлечены половецкие отряды: их участие фиксируется в 25 случаях. Польские войска были привлечены на ту или иную сторону 14 раз. Примерно столько же — 13 раз — на той или иной стороне русских княжеских коалиций выступили венгерские отряды. По одному разу в качестве союзника одной из сторон противостояния фиксируются чешский контингент и литовский отряд.

* * *

За следующий период 1238–1300 гг. зафиксировано 33 усобицы. Из них с 1238 г. до 1245 г., с момента начала вторжения монголо-татар и до времени оформления зависимости от Орды всеми завоеванными русскими княжествами, отмечено 10 вооруженных столкновений между князьями. После признания ордынской власти до завершения столетия в источниках встречаются упоминания о 23 усобицах. Для сравнения стоит отметить, что в первой половине XIII в. (с 1202 по 1245 г.) фиксируется 87 конфликтов. То есть мы наблюдаем резкое количественное уменьшение (в 4 (!!!) раза) вооруженных столкновений русских князей между собой. При этом 14 конфликтов из 22 (более половины (59 %)) связаны с прямым или косвенным участием ордынских войск (т.е. вооруженное столкновение санкционировано верховной ханской властью). Еще три конфликта (1294, 1298 и 1300 гг.) прямо или косвенно связаны с урегулированием отношений после вмешательства ханской власти с перераспределением княжеских столов на Руси. (Всего, таким образом, с ордынской властью связано 72 %

всех усобиц.) В пяти случаях зафиксировано завершение конфликта переговорами (отсутствие боестолкновений или крупного (генерального) сражения): русские князья военных действий без санкции хана или без его войск предпочитают не вести.

Только поход князя Романа Михайловича Брянского на Смоленск описан как «чистая» усобица без какого бы то ни было влияния Орды. Однако если учитывать факт женитьбы смоленского князя Федора Ростиславича на дочери хана Менгу-Тимура и сестре хана Токты, а также вероятную казнь князя Романа Брянского по решению ханского суда, то и здесь мы наблюдаем косвенный «ордынский фактор» в развитии вооруженного конфликта.

Если учитывать, что во второй половине XIII в. ордынские войска вторгались на Русь 12 раз [13] (не считая участия в усобицах), то необходимо отметить подавляющее военно-политическое доминирование Орды в данный период на территории русских княжеств.

За рассматриваемый период в ходе усобиц чаще всего — пять раз — подвергались разорению территории Новгородской земли. Город Переславль-Залесский и его округа были разгромлены четырежды. По три раза военным нападениям подвергались Киев, Владимир, Юрьев, Торжок и их окрестности. Два раза — Волок Ламский, Муром, Суздаль, Ростов, Тверь; дважды осаждался Смоленск, но город оказался неприступным. По одному разу в ходе усобиц осаждались или разорялись: Бакота, Бежецкий Верх, Бельск, Брест, Божский, Вологда, Воргол, Городец, Губин, Деревич, Дмитров, Дорогобуж, Дядьков, Изборск, Каменец, Кашин, Кобуд, Кострома, Кснятин, Кудина, окрестности Курска, Можайск, Москва, Перемышль, Псков, Рыльск, Рязань, Углич, Ярослав.

Шесть усобиц (19 % от общего числа) связаны с борьбой за верховную власть в Киеве или во Владимире.

Таким образом, необходимо признать, что включение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи и Джучиева Улуса значительно повлияло на формы и способы борьбы за власть на Руси. В первую очередь сократилось количество междоусобных войн. «Ордынский фактор» для развития внутриполитической вооруженной борьбы за власть во второй половине XIII столетия на Руси стал определяющим. Надо полагать, что верховная ордынская власть была заинтересована в стабильности на подконтрольных территориях, что дол-

[13] *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М.: Квадрига, 2017. С. 36–60.

жно было обеспечивать бесперебойные налоговые поступления в казну. Спорные вопросы выносились на ханский суд, который санкционировал вмешательство ордынских войск или применение вооруженных сил самими князьями. Русские владетели с оглядкой на «царя» смотрели на разрешение конфликтов военным путем, что, несомненно, связано с потерей ими суверенитета в данном вопросе[14]. Тем не менее сокращение общего числа междоусобиц в целом является благотворным фактором для развития земель и княжеств.

* * *

За время 1301–1350 гг. зафиксировано 36 усобиц (в среднем — одна усобица в течение полутора лет). Из них 11 усобиц (30 % от всех) сопровождались прямым участием ордынских войск, т.е. не только были санкционированы верховной ордынской властью, но ханы властно проводили свою политику в отношении уделов на Руси. Один поход русских войск осуществлен по приказу и в интересах ордынских властей. В рамках борьбы за владимирский столичный стол между Тверью и Москвой зафиксированы четыре конфликта, результаты которых должны были усилить позиции спорщиков при ханском дворе. То есть влияние ордынской власти здесь было косвенным, но определяющим. Как и в пяти конфликтах по утверждению власти хана, обладающего ярлыком на княжение. Еще пять военных конфликтов были обусловлены вопросами задержки выплат по ордынскому выходу или с покрытием расходов на издержки пребывания князя в Орде. Всего, таким образом, прямо или косвенно с ордынской властью связано 26 конфликтов (72 % от общего числа). В пяти случаях военных конфликтов открытого боестолкновения не произошло — русские князья без ордынской конницы или санкции хана предпочли не вступать в бой. Только пять усобиц (4 % от всех зафиксированных усобиц), для которых не отмечается ни прямого, ни косвенного участия ордынской власти, завершились боевыми действиями, что фиксирует относительную самостоятельность участников конфликтов.

---

[14] *Селезнев Ю.В.* Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 1. С. 18–24; *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды). Автореф. дис. ... д. ист. наук. Воронеж, 2014.

Мы должны констатировать, что, как и во второй половине предыдущего XIII столетия, военно-политическое доминирование Орды в русских землях сохраняется. При этом военных вторжений ордынских войск, без участия в усобицах, фиксируется только четыре. То есть осуществление военного давления верховной ордынской власти на непокорных возложено, главным образом, на русских подданных хана. Последние активно используют военные силы Орды для решения своих внутриполитических и военных проблем и задач[15].

За рассматриваемый период в ходе усобиц чаще всего — восемь раз — подвергались разорению территории Новгородской земли; из них семь раз вторжениям подвергались Торжок и Новоторжская волость. Трижды осаждались Москва и Переславль-Залесский; по два раза были подвержены вторжениям Бежецкий Верх, Брянск, Кострома, Смоленск, Переяславль-Рязанский и земли вокруг них. По одному разу в междоусобных войнах оказались задействованы территории Можайска, Карачева, Ростова, Дмитрова, Клина, Ростиславля, Устюга, Твери, Кашина, Заволочья.

За верховную власть во Владимире русские князья развязали 24 усобицы (66 % от общего числа). Восемь из этих конфликтов были связаны с распространением верховной власти великого князя на Новгород. Еще два боестолкновения были связаны со стремлением не пустить соперника в ставку хана. Десять усобиц связаны с дележом власти в уделах.

* * *

За период 1350–1400 гг. зафиксированы 43 усобицы (в среднем — одна усобица в течение менее полутора лет (1,2 года)). Из них 22 конфликта — половина (51 %)[16] — связаны в той или иной степени с верховной ордынской властью. Это либо отстаивание прав на земли в связи с получением ярлыка на великое или удельное владение, либо оперирование ханским судом, либо открытое использование ордынской конницы в усобной брани. Правда, призыв на помощь ордынской конницы фиксируется только один раз. Прямое военное ордынское вмешательство в борьбу на Руси значительно сокращается: если в предыдущий период

[15] *Селезнев Ю.В.* О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 31–36.

[16] В период 1301–1350 гг. таких конфликтов было до 72 %, причем 11 из них сопровождались прямым вмешательством ордынских войск.

таких усобиц зафиксировано 11 (30 % от всех), то в данное время 1 эпизод составляет только 2,3 % — достаточно низкий показатель. Из остальных 21-го конфликта девять завершились переговорами: собрав войска и продемонстрировав силу, князья предпочли не доводить дела до кровопролития.

Весьма важную роль в развитии усобиц сыграла политика московских князей по усилению власти на Руси. С одной стороны, им пришлось выдержать напряженное противостояние в борьбе за великокняжеский владимирский престол с нижегородским и тверским княжескими домами (усобиц в связи с борьбой за верховенство на Руси зафиксировано 10 (23 %)). С другой стороны, Москва активно вмешивается в политические процессы в уделах Владимирского княжества, а также в соседних владениях — Рязанском и Смоленском. Таких столкновений, когда наблюдаются территориальные или политические споры, зафиксировано 26 (60 %). Отмечено в источниках также 7 (16 %) вооруженных конфликтов с участием Великого Новгорода — это как конфликты великокняжеской власти с вечевым городом из-за экономических и политических противоречий, так и конфликты Новгорода со Псковом, который все более отвоевывает собственный суверенитет.

За рассматриваемый период объектом осады или штурма в ходе усобиц чаще всего — семь раз — оказался Нижний Новгород. Четырежды из рук в руки переходил Торжок; еще один раз была разорена Новоторжская волость. Три раза войска входили в Тверь и один раз были разорены земли вокруг нее. Дважды разорялись Бежецкий Верх и еще дважды его сельская округа. Трижды войска подходили к Белому Городку. По два раза военному вторжению подверглись Вологда, Волок Ламский, Переяславль-Разанский и Устюг, а их округа была разорена еще по одному разу (всего по три эпизода вовлечения в усобицы). Дважды подверглись военным действиям Микулин, Москва, Галич, Кистма, Муром, Углич, Велья, Псков, Зубцов, Белоозеро. По одному разу в междоусобных войнах оказались задействованы города Великий Новгород, Дмитров, Кашин, Кличен, Коломна, Кубена, Лопасня, Любутск, Микулин, Молога, Оболенск, Орлец, Ростов, Перевицк, Переяславль, Полонь, Стародуб, Суздаль, Устюжна.

Таким образом, ослабление верховной ордынской власти в ходе «великой замятни» привело к сокращению прямого участия ордынских войск в междоусобных конфликтах на Руси. Снизилось и политическое влияние — ярлык становится важным юридическим документом для

борьбы, но его роль не столь определяющая, нежели в предыдущее время (нередко постановления ханов игнорируются противоборствующими сторонами). Вполне закономерно, что освободившуюся политическую нишу пытаются занять князья, ресурсы владений которых позволяют усиливать военную мощь. Это московский и литовский князья; последнюю попытку борьбы за верховенство на Руси предпринимает тверской князь. Количество усобиц при этом несколько увеличилось: с 36 в предыдущие полвека до 43 в 1351–1400 гг. Однако рост числа усобиц незначителен и связан, главным образом, с борьбой за дележ власти в уделах (количество выросло с 10 до 26).

* * *

За рассматриваемый период 1400–1450 гг. зафиксировано 33 усобицы (в среднем — одна усобица в течение полутора лет).

Более половины — 19 конфликтов (57 %) выпадают на события феодальной войны — времени борьбы за великокняжеский престол между великим князем Василием II Васильевичем и князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским и Галицким (1425–1434 гг.), его сыновьями Василием (1434–1436 гг.) и Дмитрием (Шемякой) (1441/1446–1450 гг.). Если прибавить к этим событиям захват Ржевы зимой 1447 г. великим князем тверским Борисом Александровичем, осуществленный в рамках передачи города князем Василием II за оказанную поддержку в противостоянии с князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой, то доля междоусобиц, связанных с борьбой за верховный стол в московском княжеском доме, возрастет до 60 %. Надо отметить, что слова Л.В. Черепнина применительно только к части противоборства в 1425–1453 гг. — к войне Василия Юрьевича с Василием II в течение 1434–1436 гг. — справедливы для всего периода. Исследователь подчеркнул, что военные действия охватили «очень значительную территорию», что они велись «в масштабе почти всей Северо-Восточной Руси»[17]. Только два военных столкновения в данный период напрямую не относятся к войне за великокняжеский титул: князь Борис Александрович Тверской осенью 1444 г. и летом 1445 г. разорил Новоторжские земли, принадлежащие Новгородской

[17] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 767.

земле. Правда, данные территории входили в сферу влияния московских и владимирских князей и их разорение стало возможным лишь вследствие ослабления верховной власти в Москве. Таким образом, для времени 1425–1450 гг. подавляющее большинство (20 из 22 или 90%) вооруженных конфликтов относится к борьбе за великокняжеское достоинство в московском княжеском доме.

Остальные 13 усобиц связаны с внутренней борьбой в княжествах или же с усилением власти великих князей московских и владимирских.

В частности, два эпизода отмечены в связи с борьбой за сферы влияния в Заволочье и Подвинье между московскими войсками и новгородскими наместниками. В тесной связи с этой борьбой находится поход московских войск на Торжок в 1401 г.

Показательно для периода усиление борьбы центра и удела в Тверском княжестве: трижды фиксируются вооруженные конфликты между великокняжеской властью и удельным кашинским князем.

Один раз отмечена борьба за верховный рязанский стол.

Первая половина 1410-х гг. насыщена противостоянием московского великого князя и восстановленного ярлыком Едигея Нижегородского великого княжения. Причем первым эпизодом этой борьбы является набег новгородских ушкуйников летом 1409 г. Еще три столкновения демонстрируют упорную и ожесточенную борьбу, закончившуюся, тем не менее, поражением суздале-нижегородских князей и упразднением великого княжества[18].

Вмешательство в военно-политическую борьбу на Руси ордынских ханов становится все меньше и меньше. Для рассматриваемого периода эпизодов прямого вооруженного вмешательства насчитывается четыре (12 %), причем все они фиксируются до 1425 г. — до начала борьбы за верховную власть в Москве.

Однако воля хана становится лишь дополнительным инструментом в легитимации собственной власти. В целом же распоряжения хана игнорируются: Василий II, не посчитавшись с волей Улуг-Мухаммеда, занял Дмитров (на который хан выдал свой ярлык). Не посчитался с волей Орды и князь Юрий Дмитриевич Галицкий, дважды отстранив от власти своего племянника, имевшего на великокняжеский титул ханский ярлык. Причем никаких карательных мероприятий со стороны Орды не последовало, что говорит о чрезвычайной слабости ханской власти.

---

[18] *Горский А.А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. С. 155.

В то же время, оказавшись в роли изгнанника, Василий II намеревался искать поддержки именно в Орде. Смерть Юрия сделала его племянника вновь великим князем. И никакой санкции либо военной поддержки хана Василий II испрашивать у великого хана не посчитал нужным. Хотя данный факт может объясняться и тем, что у Василия уже был ярлык, выданный в 1432 г. Улуг-Мухаммедом, и подтверждать его не было необходимости.

Таким образом, верховная ордынская власть перестает играть роль определяющего фактора в военно-политических событиях русских княжеств. Русские князья со второй четверти XV столетия становятся самостоятельными игроками на театре военных действий междоусобных столкновений.

В рассматриваемое время объектом осады или штурма в ходе усобиц трижды становились Кашин и Устюг; столько же раз зафиксировано вторжение на территорию Бежецкого Верха. Нижний Новгород дважды был ареной военных действий и один раз разорена территория вокруг него (всего — три раза). По два раза разорялись Двинская земля и Заволочье (один раз обозначены: Борок, Емец, Морж-остров). Столько же раз подверглись военным действиям Вологда, Галич, Москва, Новоторжские волости (и, в частности, Заборовье), Торжок, Углич, Холмогоры. По одному разу вооруженным захватам подвергались Владимир, Зубцов, Кострома, Муром, Переяславль-Рязанский (Рязанская земля), Ржева, Стародуб.

Таким образом, московская великокняжеская власть усиливала свое влияние на Руси. Внутренний кризис в московском княжеском доме разрешился путем длительной междоусобной борьбы. Противостояния между центральными властями (к примеру, в Тверском великом княжестве) также разрешались в пользу верховного правителя: тенденции к централизации проявляются в особенностях военных действий в отдельных княжествах. При этом верховная ордынская власть утратила рычаги воздействия на внутриполитические процессы на Руси и ее военное влияние, по сравнению с предыдущим временем, значительно снизилось.

* * *

За рассматриваемый период 1450–1510-х гг. зафиксировано 19 вооруженных столкновений, которые можно квалифицировать как усобицы (в среднем — одна усобица в течение трех лет).

Если первые четыре усобицы в первой половине 1450-х гг. можно связать с завершающим этапом феодальной войны, то оставшиеся 15 (79 %) связаны исключительно с распространением великокняжеской московской (всея Руси) власти на различные регионы. С этим периодом связаны упразднение уделов, лишение Новгорода и Пскова своих вечевых традиций, присоединение Тверского великого княжества, распространение центральной власти на Вятке и Печоре. Период завершается усилением центральной власти и внутренние вооруженные конфликты теперь необходимо рассматривать не как междоусобицы, а как восстания, мятежи, социальные взрывы или революции.

Противники великого князя ищут поддержки в лице польского короля и литовского великого князя. Однако Казимир IV предпочитает активно не вмешиваться в вооруженную борьбу на Руси. Путем дипломатических интриг польскому королю удается втянуть в войну с Россией ордынского хана Ахмата. Однако последний терпит поражение, а его военное вмешательство никак не отражается на внутриполитической борьбе на Руси, на ходе усобиц.

За рассматриваемое время Новгородская земля подвергалась разорению четырежды. Три раза объектом вторжения была Вятка. По два раза разорялись Кокшенга, Русса, тверские земли. Сама Тверь объектом вооруженного вторжения была один раз. Столько же — по одному разу — подвергались нападению Бежецкий Верх, Верея, Вышгородок, Демон, Дубок, Искора, Кашин, Котельнич, Мелотов, Можайск, Орлев, Порхов, Псков, Углич.

* * *

Русско-половецкие вооруженные конфликты

За практически двухсотлетнюю историю (1055–1253 гг.) соседства половцев с русскими княжествами между ними были выработаны различные способы взаимодействия.

Действительно, первое время пребывания половецких племен в южнорусских степях наполнено серией набегов на русские княжества. Однако при этом вся вторая половина XI в. представляет собой период выработки основных способов взаимодействия между русскими княжествами и половецкими племенами. Мы видим и организацию обороны от набегов половцев, и мирные соглашения, и привлечение половцев к участию в междоусобной борьбе между князьями. Половцы актив-

но выступают как полновесная сила, способная не только действовать самостоятельно, но и диктовать свои условия соседним государствам и, в частности, русским княжествам.

Однако уже первая четверть XII столетия наполнена походами русских князей в Половецкую степь, организацией которых занимаются князья Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович Мономах. Военные вторжения вглубь половецких степей с регулярностью в 4–6 лет (и даже чаще — 1103, 1109, 1111, 1116, 1120 гг.) ставили своей целью уничтожение стационарных стоянок и зимовищ половцев, тем самым разрушая базу степняков для организации набегов.

Данная стратегическая цель была достигнута и на протяжении второй половины 1120-х — 1150-х гг. половцы уже не выступают в качестве самостоятельной силы. Они активно привлекаются к участию в междоусобных столкновениях русских князей. В 1120–1130-х гг. их военную силу используют Всеволод Святославич Черниговский и его братья, а с 1149 г. — владимирский князь Юрий Владимирович Долгорукий. Несомненно, в данное время половцы пытаются осуществлять и самостоятельные грабежи русских территорий. Однако они, как правило, оказываются безуспешными.

Более активно половцы начинают организовывать самостоятельные набеги в 1160-е гг. Однако русским князьям удается данные набеги вполне удачно отражать.

Несколько меняется положение в 1170–1190-е гг., когда на политической арене появляется половецкий князь Кончак, который, по наблюдениям Г.А. Федорова-Давыдова, пытается объединить Половецкую степь под единоличной властью[19]. Именно с его именем связан очередной всплеск вооруженных вторжений половцев на русские княжества. При этом и дружины русских князей вновь начинают совершать походы в степь для нанесения удара по базам половцев.

Положение на русско-половецкой границе в данный период усугубилось изменой черноклобуцкого князя Кундувдыя, который долгое время организовывал оборону южнорусских границ и, перейдя в стан половцев в начале 1190-х гг., начал приводить на Русь половецкие отряды.

В то же время русские князья уже традиционно активно привлекают половцев для решения внутрирусских проблем. Показательны в этом

[19] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 226–227.

плане события 1196 г., когда половецкие отряды оказались по обе стороны от воюющих князей, а летописец заметил о половцах: «ажь бяхоуть на се готови и оустремилися на кровопролитье и обрадовалися бяхоуть свадѣ в Роускыхъ князехъ»[20].

Именно к этому времени относится взятие половцами во главе с Кончаком, в ходе междоусобной борьбы на Руси, столицы Древней Руси Киева в январе 1203 г. Это единственный зафиксированный случай, когда половецкие войска сумели захватить не просто крупный город, но столицу Руси. И особенно показательно это событие в связи с тем фактом, что сами русские князья (одна из противоборствующих сторон) способствовали разграблению Киева.

Для времени начала XIII в. источниками фиксируются русско-половецкие брачные союзы. Зимой 1205/06 г. Всеволод Юрьевич Владимирский женил своего сына Ярослава на внучке Кончака — дочери Юрия Кончаковича. Князь Мстислав Удатный женится на дочери половецкого хана Котяна (в крещении она получает имя (предп.) Мария).

Фиксация брачных союзов, которые традиционно перерастали в политические коалиции, еще один показатель наличия именно последовательной политики, причем не только у русских князей, но и у половецкой элиты. Вполне закономерно, что русские князья используют в решении своих политических задач своих родственников, в том числе половцев.

Если использование русскими князьями половцев в историографии отмечалось, выявлялись и группировки, на которые опирались те или иные князья либо княжеские династии[21], то особенности военно-политических действий половцев выделялись обрывочно и фрагментарно.

Между тем анализ событий позволяет проследить в действиях половецкой элиты наличие элементов целенаправленной политики. Мирные договоры и родственные связи явно влияют на цели военных действий и формы их ведения. К примеру, хан Котян в 1220–1230-х гг. явно избегает открытых столкновений с Даниилом Галицким, женой которого (с ок. 1218–1219 гг.) была внучка половецкого князя.

Показательно, что смерть киевского князя вызывает либо переговорный процесс о заключении мира, либо немедленный набег. И тот и другой факт явный показатель того, что все прежние договоренности,

---

[20] ПСРЛ. Т. II. Стб. 698–700.

[21] См., напр.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 272–273.

достигнутые с умершим князем, теряют силу. Требуется возобновление мирных соглашений на прежних или новых условиях. По всей видимости, именно для добавления новых условий в договоры между русскими и половецкими князьями и осуществлялись военные акции половцев. Таким образом, часто набеги выступают орудием силового давления, а не преследуют исключительно грабительские цели, что традиционно отмечается в учебной и научной литературе.

Показательно, что в начале XII столетия половецкие отряды из Поднепровья участвуют в междоусобных столкновениях русских князей и на той и другой стороне, правда, в различных регионах. Но, к примеру, в событиях 1196 г. половецкие отряды оказываются в лагерях противников, непосредственно воюющих друг с другом. Вероятно, половецкие князья имели достаточную самостоятельность в принятии решений о выборе союзников. Кроме того, важным фактором являлись родственные связи и предоставляемая князьями плата за военную помощь. Однако друг против друга половцы открыто не воюют.

* * *

Русско-ордынские вооруженные конфликты

За период 1223–1502 гг. в источниках зафиксировано более 150 вооруженных столкновений русских и ордынских войск.

Среди военных конфликтов прежде всего необходимо отметить крупные походы в степь, целью которых было предупреждение вторжения ордынцев на территорию русских княжеств. Это совместный поход русско-половецких войск в степь в 1223 г.; выдвижение объединенных войск под руководством великого князя Дмитрия Ивановича к устью р. Непрядвы в 1380 г.; рейд московской конницы и служилых касимовских татар в 1450 г. в степь, где они упредили вторжение ордынской рати, остановив ее на р. Битюге.

Земли Руси подвергались разорению в связи с походом войск Монгольской империи и Орды в Польшу или Венгрию в 1240–1242, 1259, 1286–1287 гг., 1287–1288 гг. Великий князь Лев I Данилович получил поддержку ордынцев в борьбе против военных сил Великого княжества Литовского в 1275 г.

Показательно, что русские князья и их войска на протяжении середины XIII–XV в. неоднократно участвовали во внутриордынских усобицах, выступали союзниками правителей крупных улусов, образовавших-

ся в середине XV в. на обломках владений наследников Золотой Орды. Дважды русские войска защищали Казанское ханство от вторжений сибирских татар (1496 и 1499 гг.). В 1376, 1485, 1487, 1491, 1500 гг. и других русские войска выдвигались за пределы собственных границ, демонстрируя военную мощь страны.

Во второй половине XIII в. земли Северо-Западной Руси (прежде всего, территория Новгорода), если не считать нашествия Батыя, подвергались вторжению четыре раза (дважды в 1273, 1281 и 1284 гг.). Сам Новгород избежал военных действий ордынских войск. Однако такие его пригороды, как Волок Ламский, Вологда, Торжок, Бежецкий Верх и др., включая их сельскую округу, неоднократно подвергались нападению ордынцев вплоть до начала XV в.

Во второй половине XIII в. Переславль-Залесский подвергался разорению пять раз (в 1252, 1281, 1282, 1293 и 1294 гг.), четыре раза было разгромлено Переславское княжество — в 1281 и 1282 гг. В это время трижды подвергались разорению Муром и окрестности (в 1281, 1282 и 1293 гг.), а также Рязанское княжество. Крупнейшим после «Батыева погрома» стала «Дюденева рать» 1293 г., когда было захвачено и разорено 14 городов — Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский, Москва, Коломна, Можайск, Дмитров, Углич, Волок Ламский и др., земли вокруг них[22].

Показательно, что в этот период времени русские князья предпочитали не вступать в открытое сражение между собой без поддержки татарской конницы, стараясь, по всей видимости, опереться в своих действиях не только на военную мощь, но и на политическое значение ордынской власти.

Во второй половине XIII в. — начале XIV в. источники неоднократно фиксируют командование ордынскими отрядами русскими военачальниками. В 1281 г. костромской боярин Семен Тонглиевич выступает воеводой в русских и ордынских ратях, в 1275 г. общее командование объединенными русско-ордынскими войсками в Понеманье осуществляет великий князь Лев I Данилович, в 1310 г. брянский князь Василий Александрович выступает командующим в русско-ордынских войсках в походе на Брянск.

До 1380 г. источники дважды прямо отмечают разорение Переяславля-Рязанского (в 1342 и 1378 гг.) и трижды — Рязанского великого княжества (в 1373 г. и дважды в 1378 г.).

---

[22] *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004.

В 1377 и 1378 гг. подвергся нападению Нижний Новгород, а в 1375, 1377 и 1378 гг. — Нижегородское великое княжество.

Дважды — в 1317 г. и зимой 1327/28 г. — было разорено Тверское великое княжество. Карательный поход зимой 1327/28 г. привел к подрыву его экономической, политической и военной мощи (тогда были разорены и сожжены крупнейшие города княжества — Тверь, Кашин, Клин и др.). Смоленское великое княжество и его столица подвергались разорению в 1333/34 и 1339/40 гг. В XIV в. не менее одного раза подвергались нападению города и сельская округа Владимира, Ярославля, Костромы, Новосиля и Алексина. Дважды была разорена Новоторжская волость, и один раз взят город Торжок (1316), причем пострадали как тверские, так и новгородские новоторжские волости.

Между тем русские войска дважды разоряли земли вокруг города Булгар и Мордовии. Новгородские ушкуйники один раз ограбили Джаке-тау (Жукотин), в 1375 г. ряд поволжских городов Орды, включая Сарай.

За 1382–1502 гг. источники зафиксировали 59 русско-ордынских столкновений. Пять раз ими отмечен разгром Переяславля-Рязанского. Территория Рязанского великого княжества подверглась разорению чаще других на Руси — 16 раз! В 1414 г. ордынцами был сильно разорен Елец, что привело к постепенному исходу его жителей в пределы своих соседей. В 1422 и 1424 гг. нападению подвергся Одоев, а зимой 1428/29 г. — Галич, Кострома, Лух, Плесо. В 1472 и 1492 гг. летописями отмечены набеги татар из Большой Орды на Алексин.

За это же время такие крупные города Северо-Восточной Руси, как Коломна, подвергались разгрому три раза; Серпухов, Можайск, Дмитров, Звенигород, Владимир и Нижний Новгород — дважды; Ростов, Верея, Городец, Курмыш, Сара, Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Стародуб, Суздаль, Москва — по одному разу. Масштабность ущерба была такой, что Стародуб и Городец после Едигеевой рати 1408 г. прекратили свое существование как города, превратившись в сельские поселения. Вокруг Алексина трижды разорялась его сельская округа.

Ордынцы дважды разоряли Муром и трижды земли вокруг него. В 1408 г. со стороны татар разорению подверглась Клинская волость. Четыре раза ордынцы подвергли разорению Московское великое княжество (сама Москва взята ханом Токтамышем лишь в 1382 г., да

и то с помощью обмана[23]). В 1395 или 1399, 1408 и 1411 гг. ордынцами разорялись земли Нижегородского княжества. Кроме того, они дважды разорили сельскую округу Галича, по одному разу брали штурмом Гороховец, Лух и Плесо, опустошив их волости.

От действий ордынцев также пострадали земли около Костромы и Рыльска.

В то же самое время русские войска брали дважды Казань, по одному разу — Булгар, Джаке-тау (Жукотин), Кременчуг. В 1468 г. ими была разорена северная часть Казанского ханства, а в 1469 г. — дважды территория вокруг Казани. В 1471 г. судовая рать вятчан разорила Сарай.

Целевые, точечные удары ордынских войск по отдельным княжествам и городам Руси преследовали решение четко поставленных задач, как политических, так и экономических. Территориально ограниченные походы русских войск на территорию Орды, как правило, также преследовали те же самые цели. Показательно, что ослабление верховной власти хана приводит к резкому увеличению числа грабительских вторжений, как со стороны ордынцев на земли Руси, так и со стороны русских на земли ближайших к ним улусов Орды (особенно в период «великой замятии» (1359–1380 гг.) и после ее распада, начиная с 1420-х гг.).

Показательно, что со времени завоевания Руси Батыем древнерусские источники около 10 лет (до 1252 г.) не фиксируют никаких военных столкновений между русскими и ордынцами. После этого вплоть до 1273 г. Северо-Восточная Русь не подвергается вторжениям татар. В то же время разорение Галицко-Волынских земель в 50-е — начале 60-х гг. XIII в. фиксируется довольно часто. Разорение русских княжеств ордынскими войсками активизируется в 1280-е гг. в связи с ослаблением центральной власти в Орде и ее участием во внутриполитической усобице в борьбе русских князей за владимирский великокняжеский стол (вплоть до 1293 г.).

В связи с конфликтом между правителями Москвы и Твери в 10–20-е гг. XIV в. вооруженные столкновения с ордынцами в княжествах Северо-Восточной Руси случаются чаще. В 1328–1375 гг. они не подвергаются всерьез ни карательным, ни грабительским набегам, практически не сталкиваясь с разорительными вооруженными посоль-

---

[23] *Селезнев Ю.В.* Токтамыш — последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 122–131.

ствами из Орды. Ордынцы вооруженным путем вмешиваются лишь в усобицы Брянского княжества в 1310 г., а в 1330-е гг. — Смоленского, что было связано с изменением политической ориентации их правителей.

Наибольшее количество военных столкновений фиксируется в период «великой замятни» в 1359–1380-е гг., а также после распада Орды (1420-е гг.), когда русским княжествам приходится сталкиваться с войсками различных улусов некогда могущественного Джучиева Улуса. При этом наиболее часто подвергаются нападению пограничные земли с Ордой — Рязанское, Нижегородское и Новосильское княжества и их уделы.

В конце 1430-х — 1440-е гг. Московское великое княжество активно борется с ханом Улуг-Мухаммедом. После его смерти на карте Восточной Европы в 1445 г. появляется новое государство — Казанское ханство. С конца 1460-х гг. появляются попытки поставить его под политический и военный контроль Москвы. Эта задача была успешно решена лишь в 1487 г., уже при новых политических условиях. С этого времени объединенные московско-казанские войска выдвигаются в степь против отрядов Большой Орды, а русские войска направляются для защиты Казани от вторжений сибирских и ногайских татар.

Активизация вторжений войск Большой Орды и Крымского ханства, целью которых была Москва, фиксируется в конце 1440-х — 1450-е гг., что говорит о политическом давлении на Московское великое княжество со стороны ханов степных государств — правопреемников Джучиева Улуса. Целью таких военных акций стало желание татар получить свою часть некогда единого ордынского «выхода». Грамотно выстроенные оборонительные мероприятия московских военачальников приводят лишь к редким случаям прорыва татар на север от Оки.

Важно отметить, что русско-ордынские конфликты после завоевания Руси Батыем (1237–1242 гг.) позднее не носили столь крупномасштабного характера и не охватывали всей территории обеих стран. Большинство столкновений имело кратковременный характер. Лишь крупномасштабные вторжения, такие, например, как нашествие Батыя в 1237–1242 гг., или годы «размирья» с Мамаем в 1374–1380 гг.[24], имели своей целью длительные военные акции на территории Руси.

---

[24] *Селезнев Ю.В.* Стратегия и тактика Мамая: к вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к Куликову полю // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 297–299.

* * *

Внешние конфликты с некочевыми народами и государствами

В течение периода второй половины IX — первой трети XII в. (860–1132 гг.) наибольшее количество военных конфликтов фиксируется с Польшей — их насчитывается 14. На одно военное противостояние меньше отмечается с Ромейской империей — Византией: таких эпизодов отмечено 13. Причем византийское направление военной политики русских князей отмечается в первый период рассмотренного времени. С Польшей количество боестолкновений увеличивается в X–XII вв.

Надо отметить, что в русско-польских отношениях отмечается широкое взаимное участие войск сторон во внутренних усобицах друг друга. Участия византийских войск в усобицах на Руси не зафиксировано. При этом русские силы неоднократно втягивались в решение внутриполитических кризисов Ромейской империи.

За это же время военных столкновений с Волжской Булгарией зафиксировано семь; с Венгрией — четыре; с чешскими войсками отмечено два боестолкновения; с Хазарией русские войска воевали один раз.

В рамках становления Древнерусского государства и расширения сфер влияния киевского князя военному давлению четыре раза подвергались вятичи, трижды — древляне; два раза — радимичи, по одному разу — поляне, северяне, уличи, белые хорваты. Соседние не славянские племена также оказались втянуты в военные конфликты с киевскими князьями: семь раз — чудь, три раза — ятвяги, по два раза — литовские племена, емь, торки, сосолы, по одному разу — ясы, голядь, мордва, земгалы, агзеле (очела).

В ходе военных кампаний в данное время объектом нападения (штурма или осады) город Булгар оказывался пять раз, Киев — три раза, столько же — Доростол. Город Червень дважды был объектом военного вторжения и один раз была разорена Червенская земля. По два раза прямому военному воздействию подвергались: Константинополь, Переяславец, Преслав, Тмутаракань (Тамань). По одному разу — Аркадиополь, Белз, Берестье, Владимир-Волынский, Галл, Искоростень, Итиль, Клин (Вайя), Корсунь (Херсон), Ленчица, Муром, Оденпе (Медвежья голова), Перемышль, Пересечен, Варна, Самандер, Саркел, Суздаль, Филиппополь. Фиксируется разорение побережья Босфора (дважды) и Принцевых островов (один раз).

* * *

В течение периода начиная с первой трети XII в. и завершая XII столетием (1132–1200 гг.) в источниках выделяется 51 военное столкновение русских князей с внешним противником[25].

Наибольшее количество военных конфликтов — 11 — фиксируется с Польшей. По восемь противостояний выделяется с Венгрией и племенем чудь (включая племенные союзы агзеле (очела) или чуди поморской). С Волжской Булгарией военных столкновений зафиксировано пять; по четыре — с литовцами и финно-угорским племенем емь; дважды — с ятвягами; по одному разу зафиксированы военные действия против шведов, мордвы, лотыголы.

В русско-польских отношениях по-прежнему отмечается широкое взаимное участие войск сторон во внутренних усобицах друг друга. Возрастает количество вмешательств венгерских войск во внутрирусские усобицы. В ходе военных кампаний в данное время по два раза объектами нападения (штурма или осады) оказывались города Ладога, Юрьев, Оденпе (Медвежья голова). По одному разу — Биляр, Бряхимов, Великие Луки, Вислица и его округа, Вышгород, Городец, Друцк, Звенигород, Клин, Луцк, Микулин, Перемышль, Пилица, Познань, Прилук, Ушица, Ярославль. Также выделяются территории, которые были разорены в ходе военных действий (города не были затронуты либо локализовать городские центры, подвергавшиеся нападению, источники не позволяют): трижды галицкие земли, по одному разу — территории води новгородской, окрестности Пскова, окрестности Червня, югорские земли.

* * *

В течение времени с 1200 по 1237 г. фиксируется 91 военный конфликт русских князей с внешними противниками[26].

Неприятелем, с которым чаще всего воевала Русь в это время, является Литва — зафиксировано 23 боестолкновения. С королевством Венгрия русские княжества вступали в войну 17 раз. На один меньше — 16 конфликтов отмечено с Польшей. 15 раз русские войска воевали с различными прибалтийскими племенами: латголы/лэтты — 4;

[25] 51 боестолкновение в течение 68 лет: в среднем раз в год и четыре месяца.

[26] 91 боестолкновение в течение 37 лет: в среднем около 2,5 конфликта в год.

чудь — 6; территория Унгавнии — 2; емь — 2; земигалы — 1. Немецкий Орден оказался противником Руси 14 раз. По шесть раз в конфликты с русскими княжествами оказались вовлечены Булгария и Мордва.

По-прежнему сохраняется взаимное участие войск сторон во внутренних усобицах друг друга между Польшей и Русью. Однако наиболее широко во внутренние конфликты русских князей вмешивается в рассматриваемый период венгерский король. При этом русских сил в усобицах в Венгрии мы не наблюдаем.

Объектом венгерского интереса было Галицкое княжество. Поэтому вполне закономерно, что в данное время Галич объектом нападения (штурма или осады) оказался 17 раз — на несколько порядков больше всех остальных городов. Так, Венден (Пертуев, Кеси, современный Цесис), Оденпе (Медвежья голова), Псков, Юрьев — были в осаде по четыре раза; Старая Русса — три раза; по два раза — Берестье, Варболе (Воробиин, Верболэ), Вилиенд/Феллин, Гольм, Звенигород, Икескола, Перемышль, Комов, Теребовль, Червень и окрестности; по одному разу — Ашлы (Ошел), замок Беверин, Белз, Бужск, Быковен, Верещин, Владимир-Волынский, Збараж, Зубри, Изборск, Икевальдэ, Калиш, Клин, Когельсэ, Колывань (Таллин), Кременец, Моклеков, Пинск, Плесневск, Раупа, Столпье, Тихомль, Толмач, Торейда, Торчев, Трикатуи, Турыйск, Угровск, Унжа, Устюг, Ухань, Ходыница, Ярослав.

Необходимо также назвать территории, которые были разорены в ходе военных действий, но города не были затронуты либо локализовать городские центры, подвергавшиеся нападению, источники не позволяют: десять раз Новгородские земли (в том числе: земли по берегам реки Ловать, по реке Шелонь, новгородская Ингерманландия, окрестности Торжка, побережье Ладожского озера между Ладогой и Олонцом, около Старой Руссы); четырежды мордовские земли: по одному разу около Великих Лук, около Чернян, около Хомол, округа городов Любачев, Бельз, Червень; черниговские земли; земли Волжской Булгарии, территория Унгавнии, земли около Нижнего Новгорода.

* * *

В течение 1238–1300 гг. источники позволяют идентифицировать 91 боестолкновение с иноземным противником[27].

[27] 92 боестолкновения в течение 62 лет: в среднем полтора боестолкновения в течение года.

С литовцами в данное время русские войска воевали 32 раза — это наибольший показатель для этого времени. С Польшей зафиксировано 23 военных конфликта, с Тевтонским орденом выделяется 17 боестолкновений; со Швецией — семь, с ятвягами — шесть, с Венгрией — три. Дважды русские войска оказывались на территории Чехии (Моравии). По одному разу зафиксированы боевые действия против еми, карелов и ясов.

В рамках русско-польских отношений конфликты, по-прежнему, связаны с вмешательством сторон во внутренние усобицы друг друга. В рамках отношений с соседями русские войска неоднократно оказываются втянуты в военные операции ордынского государства. Так, русские дружины вынуждены участвовать в военных кампаниях Джучиева Улуса против Венгрии, Польши, Литвы, северокавказских народов. При этом князья галицко-волынского дома несколько раз привлекают для решения своих внешнеполитических задач ордынские войска (т.е. сами выступают инициаторами вторжения при участии ордынской конницы).

В ходе военных кампаний в данное время объектами нападения (штурма, осады или разорения) оказывались города: Люблин — шесть раз; столько же — шесть раз — разорялись Сандомир, Сандомирская земля и территории по реке Сан; Псков — пять раз; Дорогочин — три раза, Торжок, его посад и окрестности — также три раза; по два раза — Вроцлав (Бреславль), Гостиный (Густынский замок), Завихвост, Изборск, Каменец, Копорье, Краков, Луга, Новогрудок, Перемышль, Раковорк, Турийск, Смоленск, Сохачев польский город, Торжск, Червень, Услоним (Слоним); по одному разу — Андреев, Бежицы, Белая, окрестности Бельза, Берестье, Возвягль, Воищина, Волковыск, Выборг, Вышегород, Глубичен, Гродно, Дедяков, Здитов, Злина, Зубцов, Кексгольм (Корела), Комна, Крапивница (*Копшивница*), Кудепь, Ландскрона, Луцк, Мельник, Мельницы, Мироповня, Небля, Опава, Перевореск (Пшевореск), Пересопница, Пинск, Подгорье, Сабель, Тесов, Тынца, Усвят, Холм, Юрьев, Яздово, Ярослав, Ясолона, территории около Скаришева, Визложи. Один раз в качестве демонстрации сил князя Даниила Романовича Галицкого и «татарского» вооружения русские войска появлялись под Пожгом (Братиславой).

В источниках отмечено разорение литовских владений — пять раз. Еще четырежды вторжению подвергалась ятвяжская земля. Дважды русские полки вторгались в Мазовию. По одному разу в связи с военными событиями упомянуты: Брянская земля, Вирония (Вируян), область

Волыста (Алуксне), Карелия, Ленченская земля, Опольская земля, тверская волость Олешня, Черниговская земля.

Отмечается разорение земель по реке Неве (трижды), реке Протве, реке Изволь, реке Лада, около Белой.

* * *

В течение 1300–1350 гг. источники позволяют идентифицировать 53 боестолкновения с иноземным противником[28].

В данный период наибольшее количество конфликтов русских земель зафиксировано со шведской короной — 17. К этому числу можно присоединить поход русских войск на емь — территории племени, подконтрольного Швеции (такое боестолкновение выявлено одно), и два вторжения русских армий в Норвегию (на мурманы). Учитывая тот факт, что Норвегия с 1319 г. находилась в личной унии со Швецией, можно рассматривать эти конфликты в общем ряду военных столкновений. Таким образом, общее число военных столкновений со Швецией достигает в данное время 20 эпизодов. С орденскими немцами выявляется 16 конфликтов. Польское королевство становилось противником девять раз. Литовские войска участвовали в восьми конфликтах.

Широкой ареной противостояния в это время стала Карелия. Так, Карела (Карельский городок) шесть раз переходила из рук в руки и один раз была разорена «Карела немецкая» — всего семь раз.

Кроме того, объектами нападения (штурма, осады или разорения) в данное время оказывались города: Люблин — четыре раза; Изборск и Псков — по три раза; по два раза — Владимир-Волынский, Выборг, Львов, Орешек (Ореховец), Ругодив (Нарва) и столько же — дважды была сожжена Ладога. По одному разу объектами военных действий оказались Або, крепость Ванай, Галич, Голин, Житомир, Киев, Колывань (Ревель), Копорье (территории около крепости), Корчин (Коржин), Ландскрона, Ловичъ, Луга, Луков, Луцк, Любачев, Медвежья голова, Можайск (сожжен посад), Нейгаузен, Овруч, Опоки, Осечен, Перемышль, Порховский городок, Пшага, Ремда, Рясна, Сабель, Сандомир, Санок, Теребовль, Толдога (Толдожский погост).

[28] Около одного боестолкновения в год.

В источниках также отмечается разорение вороначских сел, княжеского села Изгои, села Кушель, а также территорий Води, Новоторжской волости, берегов Шелони, земель Латголы (южнее Дерпта), провинции Халогаад и замок Бьарке, территории у Могилева (по берегам реки Омовжи).

* * *

Таким образом, в данной работе рассмотрено 1124 военных столкновения русских княжеств, как с внешними противниками, так и в ходе междоусобной борьбы.

Картографирование военных конфликтов за пятисотлетнюю историю Древней и средневековой Руси позволило сделать несколько обобщений. В частности, борьба за верховную власть обусловливает вовлеченность в военно-политические события столичного региона. Так, Киев и Киевская земля до монголо-татарского нашествия становились ареной военных действий 60 раз, что составило 21 % от общего количества конфликтов в данный период.

Важно, что, к примеру, визуализация действий хана Токтамыша при нашествии на Русь в 1382 г. показывает четкое ориентирование ордынского командования на разорение земель, подконтрольных великому князю Владимирскому и Московскому, которым в тот момент являлся князь Дмитрий Иванович (Донской)[29].

Как уже отмечалось, после включения русских земель в политическую систему монгольской державы (Джучиева Улуса) борьба за власть и влияние среди русских князей претерпела существенные изменения. Количество княжеских усобиц резко сократилось. Так, за период 1238–1300 гг. зафиксировано 33 усобицы. Из них с 1238 до 1245 г., с момента начала вторжения монголо-татар и до времени оформления зависимости от Орды всеми завоеванными русскими землями, отмечено 10 вооруженных столкновений между князьями. После признания ордынской власти до завершения столетия в источниках встречаются упоминания о 23 усобицах. Для сравнения стоит отметить, что в первой половине XIII в. (с 1202 по 1245 г.) фиксируется 87 конфликтов. То есть мы наблюдаем резкое количественное умень-

[29] *Селезнев Ю.В.* Токтамыш — последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 122–131.

шение (в 4 (!!!) раза) вооруженных столкновений между русскими князьями. При этом шесть усобиц (19 % от общего числа) связаны с борьбой за верховную власть, которая перемещается из Киева во Владимир. Это позволяет сделать вывод об определяющей роли «ордынского фактора» в изменении масштабов борьбы за власть на Руси во второй половине XIII столетия.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

REFERENCES

1. *Amel`kin A.O., Seleznev Yu.V.* Nashestvie Baty`ya i ustanovlenie ordy`nskogo iga v obshhestvennom soznanii Rusi XIII–XVII vv. Voronezh, 2004.
2. *Gorskij A.A.* Rus` v koncze X — nachale XII v.: territorial`no-politicheskaya struktura (zemli i volosti) // Otechestvennaya istoriya. 1992. № 4. S. 154–161.
3. *Gorskij A.A.* Sud`by` Nizhegorodskogo i Suzdal`skogo knyazhestv v koncze XIV — seredine XV v. S. 155.
4. *Zaliznyak A.A.* «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. M.: Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi, 2008. 480 s. S. 435–356.
5. *Igonin A.V.* Geoinformaczionny`e sistemy` i opy`t ikh primeneniya v rabotakh zarubezhny`kh i otechestvenny`kh istorikov // Kazanskaya nauka. 2011. № 11. S. 20–22.
6. *Inkov A.A.* Drevnyaya Rus` i polovczy` vo vtoroj polovine XI — pervoj treti XIII veka. Avtoreferat dis... kandidata istoricheskikh nauk. Saransk, 2001. S. 15.
7. Novgorodskaya pervaya letopis` starshego i mladshego izvodov / Pod red. i s predisl. A.N. Nasonova. M.; L., 1950. S. 208.
8. *Pashuto V.T.* Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. M.: Nauka, 1968. S. 272–273
9. PSRL. T. II. Stb. 698–700.
10. *Seleznev Yu.V.* Toktamy`sh — poslednij khan edinoj Ordy` // Voprosy` istorii. 2010. № 2. S. 122–131.
11. *Seleznev Yu.V.* Vozniknovenie suvereniteta mongol`skogo kagana i ordy`nskogo khana na territorii Rusi // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal`nogo universiteta. Seriya «Gumanitarny`e i soczial`ny`e nauki». 2018. № 1. S. 18–24.
12. *Seleznev Yu.V.* Issledovanie istorii Dzhuchieva Ulusa metodom istoricheskogo modelirovaniya // Istoricheskij zhurnal: nauchny`e issledovaniya. 2019. № 1. S. 109–117.
13. *Seleznev Yu.V.* Knyazheskie usobiczy` v Drevnej Rusi 1132–1169 gg. M.: Runivers, 2018. 392 s.

14. *Seleznev Yu.V.* Knyazheskie usobiczy` v Drevnej Rusi 977–1132 gg. M.: Runivers, 2017. 232 s.
15. *Seleznev Yu.V.* O vremeni, zatrachivaemom russkimi knyaz`yami dlya poezdki v Ordu // Ural`skij istoricheskij vestnik. 2012. № 2 (35). S. 31–36.
16. *Seleznev Yu.V.* Russkie knyaz`ya v politicheskoj sisteme Dzhuchieva Ulusa (Ordy`). Avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk / Voronezh, 2014.
17. *Seleznev Yu.V.* Russko-ordy`nskie konflikty` XIII–XV vekov. M.: Kvadriga, 2017. 224 s.
18. *Seleznev Yu.V.* Strategiya i taktika Mamaya: k voprosu o chislennosti ordy`nskikh vojsk i marshruta sledovaniya k Kulikovu polyu // Kulikovo pole: voprosy` istoriko-kul`turnogo naslediya. Trudy` nauchno-prakticheskoj konferenczii. Tula, 2000. S. 297–299.
19. *Fedorov-Davy`dov G.A.* Kochevniki Vostochnoj Evropy` pod vlast`yu zolotoordy`nskikh khanov. M., 1966. S. 226–227.
20. *Cherepnin L.V.* Obrazovanie Russkogo czentralizovannogo gosudarstva v XIV—XV vekakh. M.: Izdatel`stvo soczial`no-e`konomicheskoj literatury`, 1960. 900 s.

Ключевые слова:

Древняя Русь, средневековая Русь, усобицы, конфликты, кочевники.

Yuriy V. Seleznev

MILITARY CONFLICTS OF ANCIENT AND MEDIEVAL RUSSIA:

the experience of statistical analysis and mapping

The article presents a statistical analysis of military conflicts over the five-hundred-year history of Ancient and Medieval Russia. To identify additional information, mapping of the theater of military operations of a particular conflict was carried out, which allows us to trace some features of the development of society in a particular period. Among geographical methods, a retrospective (historical approach) is very indicative, which implies revision in time any geographical object, territory, its landscapes, its individual components, natural and social phenomena, allowing the identification of the dynamics of their changes during any period. The application of this method to historical processes enables the identification of the dynamics of changes in military tension on the borders of Russia and within the Old Russian principalities. The combination of historical and geographical special methods leads to the acquisition of new relevant knowledge not only of historical and geographical, but also of a geopolitical nature. The article considers 1124 military conflicts of an internal and external nature.

Key words: Ancient Russia, Medieval Russia, Intestine Wars, Conflicts, Nomands.

Yuriy V. Seleznev — D.Sc. (History), associate Professor, head of the Russian History department at the Voronezh State University.

Селезнев Юрий Васильевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, исторический факультет, Воронежский государственный университет

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.003

И.Э. Ульянов

ХРОНОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЭВОЛЮЦИИ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Разделение пехоты на различные виды прослеживается с доантичных времен. В античных армиях, особенно во времена Древнего Рима, эта система была закреплена и формализована, найдя свое продолжение в войсках Византии. Господство кавалерии на полях сражений повлекло за собой явный упадок пехоты как рода войск, который начал возрождаться только в Позднее Средневековье. В это время опасным противником рыцарской конницы стала легкая пехота — лучники и арбалетчики, но основными показателями возрождения пехоты стало возвращение к использованию сомкнутого строя и длиннодревкового холодного оружия — собственно, главных признаков пехоты тяжелой. Следующим фактором, повлиявшим на развитие пехоты, стало массовое внедрение в обиход ручного огнестрельного оружия, доказавшее бесполезность защитного снаряжения и громоздкого холодного оружия. Этот технический прорыв вкупе с изменением общественных и экономических формаций вновь сделал пехоту главным родом войск всех европейских армий вплоть до завершения Второй мировой войны.

Фактически, в середине XVII в. вся пехота получила единообразное длинноствольное огнестрельное оружие, снабженное в конце века

штыком как средством рукопашного боя. Условием оптимального использования данного вооружения стало построение солдат в длинные линии глубиной в несколько шеренг — соответственно, пехота стала носить название «линейная».

На практике, помимо содержания «основных» полевых армий, насущные потребности ряда государств выдвигали также задачи защиты границ, а также участия во время военных кампаний в так называемой «малой войне» — совокупности действий небольших отрядов, выполняющих задачи разведки («освещения местности»), поиска припасов, пресечения вражеских путей снабжения, преследования отступающего противника и защиты собственных коммуникаций. Войска, способные на такие действия, именовались «легкими»; первоначально преимущественно конные, в дальнейшем они получили поддержку в виде пеших формирований. Легкую пехоту второй половины XVII — первой половины XVIII в., нечасто используемую в полевых баталиях, мы можем с большим основанием называть «пехотой театра военных действий», в то время как линейную — «пехотой поля боя». Постепенно действия легкой пехоты стали обязательной составляющей любых боестолкновений. Процесс ее развития имел две взаимодополняющие тенденции: с одной стороны, рост численности этой пехоты в отдельных странах влиял на изменение общей тактики армий; с другой стороны, резкое увеличение числа легкой пехоты было вызвано принципиальными переменами методов ведения войны, произошедшими в конце XVIII в.

По сути, соотношение легкой и линейной пехоты лежит в основе теоретической классификации набора тактических схем, преимущественно применяемых войсками европейской цивилизации в тот или иной период. До сих пор общепринятым в отечественной историографии является разделение тактики армий Нового времени на «линейную» и тактику «колонн и рассыпного строя». Даже первоначальный анализ неизбежно приводит исследователя к пониманию всей необоснованности подобной схемы. Действительно, баталии XVII–XVIII вв. изобилуют тактическими приемами, далекими от хрестоматийных основ линейной тактики, а в сражениях конца XVIII — XIX в. мы часто встречаемся с развернутыми построениями. Исходя из этого положения, мы предлагаем ввести новую классификацию и периодизацию процесса развития военной тактики:

1) тактика сомкнутого строя — с конца XVI в. до конца 70-х гг. XVIII в.;

2) тактика комбинированного строя — с конца 70-х гг. XVIII в. до конца XIX в.;

3) тактика рассыпного строя — с конца XIX в.

В каждый из последующих периодов легкая пехота переходила на новый качественный уровень. Различие между видами пехоты в это время фактически сводилось к дальности, на которой воин мог наносить существенный урон противнику, и к виду местности, на которой воин мог действовать с наибольшей эффективностью.

Для достижения большой дальности стрельбы легкие пехотинцы, во-первых (как правило), проходили углубленное обучение, во-вторых, привыкали к свободным действиям вне сомкнутого строя, а в-третьих, в ряде случаев получали гладкоствольное оружие лучшего качества или нарезное оружие. Использование для ведения боя пересеченной местности также стало преимущественной функцией легкой пехоты, которая обучалась рассыпному строю. Этот последний навык в ряде случаев оттеснял на второй план стрелковую подготовку, а иногда дополнялся элементами ударной тактики.

С другой стороны, в различных европейских армиях, как в легкой, так и в линейной пехоте, существовали на временной или постоянной основе формирования специально отобранных метких стрелков, получивших свои навыки либо в повседневной жизни, либо на воинской службе. Для их обозначения в германских государствах использовались термины «Jaeger» и «Scharfschütze», в англоязычных странах — «Rifles» или «SharpShooter», в Габсбургской империи — «Pandúr». В исследованиях по истории русской армии различия между обычной легкой пехотой и стрелками не выделялись; считалось, что все функции выполнялись егерями. В данной статье мы покажем, что это далеко не всегда соответствовало реальному положению вещей. Устоявшегося названия для таких военнослужащих в русском языке придумано не было, а имеющиеся термины — егеря, стрелки, застрельщики — в разное время несли разную смысловую нагрузку. Для дальнейшего обозначения данной категории военных мы предлагаем использовать термин «снайпер»: получив широкое распространение гораздо позже, в России XVIII–XIX вв. он не имел хождения, а следовательно, не может внести путаницу в терминологию.

Переходя к вопросу зарождения легкой пехоты в России, мы можем встретить практику назначения стрелков, выполняющих особые функции, уже в начале XVIII в. Так, в составленных при участии Петра I в 1713 г. «Регулах, которые при баталии предостережены быть имеют» первым пунктом упоминалось: «Когда на неприятеля наступать, то надобно, чтоб нарочно при инфантерии некоторые люди отправлены и от-

делены были у неприятельской артиллерии людей и лошадей разорить и оных искать побить»[1]. Исходя из выявленных на данный момент фактов, эта практика носила фрагментарный характер.

Начало организации стабильных и относительно многочисленных формирований легкой пехоты до сих пор исследователи относили ко времени третьей осады крепости Кольберг в 1761 г. Между тем еще раньше перед государством встала задача охраны расширяющихся границ, и 24 декабря 1751 г. был подписан именной указ императрицы Елизаветы II[2], согласно которому в российское подданство принимались сербы, готовые поселиться и нести службу на пограничной линии Правобережной Украины в составе конных гусарских и пеших пандурских полков, в общих чертах повторяющих организационную структуру австрийских пандуров. Автором проекта и руководителем Новосербского корпуса стал Иван Хорват (Иван Хорват Куртич). По специфике своей службы пандуры явно относились к снайперской пехоте. В последующие годы по документам было создано не менее 24 поселенных рот, но реальное положение дел было не таким радужным: людей в ротах было мало[3], и в конечном итоге в 1764 г. все пандурские части расформировали.

В 1761 г. в корпусе П.А. Румянцева, осаждавшем Кольберг, было собрано 2 «легких» батальона[4], призванных выполнять функции легкой пехоты — действовать на пересеченной местности и защищать силы корпуса от прусских вольных батальонов и егерей. Батальоны очень хорошо проявили себя в боях при осаде крепости. В данном случае речь о снайперских функциях не шла — для специальной подготовки стрелков не было ни времени, ни опыта.

После завершения Семилетней войны актуальной задачей империи стала защита протяженных границ. Если в степной местности с этой работой лучше справлялись кавалерийские подразделения, то в лесах на западных и северо-западных границах востребованным стал

---

1 *Голиков И.И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. В 15 т. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788–1789. Т. 5. С. 413.

2 Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского. В 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 13. № 9919.

3 *Белова Е.В.* Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750–1760-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 47.

4 Фельдмаршал Румянцев. 1725–1796. Сборник документов и материалов. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. С. 30–32.

прицельный огонь одиночных стрелков. Очевидно, уже с 1763 г. генерал-аншеф П.И. Панин учредил при пехотных полках Финляндской дивизии команды егерей, а 13 октября 1765 г. был высочайше утвержден составленный по его инициативе доклад «О учреждении Егерского корпуса»[5]. Ссылаясь на опыт Семилетней («последней») войны, Панин выделял две основные задачи, которые выполняли «пехотные егерские и другие легкие под разными названиями корпуса» Пруссии и других стран — участниц войны:

1) «подкрепление кавалерии при закрытых ситуациях»;

2) «предупредительное захватывание с твердою ногою всяких способных для пользы своей трудных проходов лесов и разных закрытых мест».

Исходя из заявленных задач, целью создания егерских формирований признавалось повышение эффективности «малой войны».

Согласно докладу, в 25 полках Лифляндской, Эстляндской, Финляндской и Смоленской дивизий из каждой роты выбиралось по 5 человек для егерской службы; общая численность егерского корпуса составляла 1650 человек всех чинов. 13 ноября 1769 г. такие команды было повелено иметь во всех полках армейской пехоты, а с 1770 г. — в полках гвардии; теперь эти команды числились сверх штата полков. Егеря содержались также и при смешанных воинских формированиях — легионах и легких полевых командах.

Итак, в период 1763–1777 гг. в русской армии под названием «егерских» развивались снайперские формирования, достаточно быстро прошедшие эволюционный путь от отдельных егерей при ротах до егерских команд при полках и временных батальонов. При этом они все еще комплектовались отборными людьми из полков пехоты и придерживались преимущественно огневой тактики.

Особенности процесса дальнейшего развития легкой пехоты в России в основе своей имели как объективные, так и субъективные причины. Прежде всего, необходимо отметить специфику военных действий империи второй половины XVIII в.: в многочисленных вооруженных конфликтах армии пришлось преимущественно сталкиваться с противником, не практикующим использование сомкнутых строев и не избегающим действий на пересеченной местности, с противником чрезвычайно мобильным и, как правило, численно превос-

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 43. Ч. 1. № 12494.

ходящим русские войска. В этих условиях огонь единичных стрелков становился неэффективным, требовалось укрупнение подразделений и придание им способности самостоятельных действий. По сути, снайперские навыки постепенно отходили на второй план, и егеря становились просто легкой пехотой. Уже в период 1770–1777 гг. они действовали в составе временных сводных батальонов, а 26 мая 1777 г.[6] были собраны в 6 постоянных батальонов при пограничных дивизиях; при этом для пополнения батальонов стали использоваться рекруты.

Этот шаг привел к явному снижению стрелковых качеств егерей, но запустил процесс достаточно активного роста нового вида пехоты, от которого требовалась, прежде всего, мобильность и способность к действиям вне стандартных схем. С этого времени российская армия в своих действиях стала все активнее практиковать тактику комбинированного строя. Количество батальонов постепенно росло, но настоящий скачок численности был связан с деятельностью Г.А. Потемкина, который стремился выдвинуть легкую пехоту на ведущие позиции в новых войнах. 14 января 1785 г. было образовано 6 четырехбатальонных егерских корпусов[7]; к 1795 г. их число было увеличено до 10, а всего в армии состояло 42 батальона егерей. Немалое внимание уделялось и развитию других подвидов легкой пехоты — подразделений и частей гренадерской легкой пехоты, а также казачьих пеших формирований. Но и снайперские функции оказались востребованными: в ротах егерских батальонов завели так называемых «отборных стрелков». Так, в ордере по Бугскому егерскому корпусу М.И. Кутузов 19 февраля 1788 г. предписал «в каждой роте лучших стрелков от 20 до 30 человек иметь отобранных и записанных, которые... особливо употребляться будут»[8]. В стороне не были оставлены и полки линейной пехоты. А.В. Суворов прямо делегировал функцию прицельной стрельбы выбранным стрелкам (по 4 стрелка в «корпоральстве»). К концу правления Екатерины II практически четверть полевой пехоты можно было отнести к пехоте легкой, а снайперские функции выполнялись отборными стрелками как легкой, так и линейной пехоты.

---

6 Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 43. Ч. 1. № 14614.

7 Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 22. № 16128, 16131.

8 М.И. Кутузов. Документы. Т. 1. М., 1950. М.И. Кутузов. Сборник документов и материалов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950–1956. Т. 1. С. 58.

Пришедший к власти Павел I имел собственные взгляды на тактические приемы, основанные, прежде всего, на изысканиях европейских теоретиков. В этой системе легкая пехота преимущественно выполняла снайперские функции, и среди первых шагов императора было резкое снижение численности егерских подразделений: фактически, егеря стали составлять только около 10% от всей пехоты, а абсолютное их число снизилось более чем вдвое. 29 ноября 1796 г. из корпусов и батальонов были сформированы сначала батальоны, а потом полки, в каждом из которых состояло менее тысячи человек. Переформирование имело и положительный эффект: в строю егерских полков остались только самые лучшие солдаты прежних корпусов. Более того, Павел планировал вооружить половину всего числа егерей нарезным оружием, которое до сих пор состояло в батальонах в небольшом количестве. Пехота в таком составе, действительно, могла бы успешно соперничать с европейскими противниками XVIII в., но, к сожалению, в конце века дело пришлось иметь с армией новой формации — с французскими республиканскими войсками. Оказалось, что для эффективного противодействия этому врагу не хватало именно легкой пехоты, поэтому в Итальянском и Швейцарском походах пришлось вновь задействовать сводно-гренадерские батальоны и использовать «охотников» — солдат, добровольно вызвавшихся (высказавших «охоту») для действия в рассыпном строю; из последних даже формировали временные батальоны.

Александр I не сразу сделал выводы из опыта войны 1799–1800 гг., просто несколько увеличив штаты егерских полков. Эта половинчатая мера показала свою недостаточность. Уже в 1805 г. егерей на поле боя постоянно не хватало, а кампании 1806–1807 гг. привели военное руководство к мысли о неоправданности использования нарезного оружия в войнах с Францией: массы легкой пехоты французов не давали возможности проявить преимущества штуцеров над гладкоствольными ружьями, а огромные небоевые потери сводили на нет тщательность подготовки отборных стрелков. Егеря теперь должны были стать полноценной универсальной пехотой, способной выполнять функции как линейной, так и легкой пехоты.

16 августа 1806 г. штаты егерских полков приравняли к мушкетерским, при этом отменили и построение егерей в 2 шеренги, как это было до сих пор. Число полков постоянно росло, для достижения определенной признанной «оптимальной» пропорции (33–35%) считалось приемлемым просто обращать в егеря целые полки линейной пехоты.

С 1808 г. из обращения стали выводить нарезное оружие. В 1810 г. при реорганизации всей пехоты в каждом батальоне один из 8 взводов стал именоваться стрелковым; по замыслу, он должен был обеспечивать прикрытие стрелковой цепью сомкнутого батальона. В том же году один из военных чиновников, служивший с 1780-х гг., отмечал негативные тенденции и резюмировал, что в егерские полки «поступают люди без всякого разбора, а при том занимают оных более фрунтовой службой и экзерциицией линейной пехоты, а не настоящею егерскою должностью... Егери в российских войсках никогда лучше не бывали, как тогда, когда были при полках полуротки, в кои выбирались способные из целого полку, но в первой турецкой войне они взяты были от полков и составились из оных батальоны, от чего впоследствии стали приходить в упадок, ибо комплектовались рекрутами без всякого выбора; а 786го году составлены уже Егерские корпусы, которые только умножали число названия егерей и вышла из них, нужно сказать, легкая пехота, а не егери... Не превосходное количество Егерей составляет важность сего корпуса, но настоящие стрелки, к тому приготовленные, коих одна тысяча сделает пользы более, нежели других десять»[9].

С 1804 г. и в полках линейной пехоты стали целенаправленно обучать рассыпному строю все большее количество солдат, а перед войной 1812 г. проводились опыты по постижению егерского учения целыми батальонами. Большее внимание в армии начали уделять стрелковой подготовке.

Снайперские функции переходили к выделяемым в ротах линейной и легкой пехоты стрелкам (как мы уже указали, с 1810 г. значение термина изменилось), в некоторых документах именуемым «стрельцами»; кроме того, и в некоторых егерских полках всячески поддерживался культ меткой стрельбы.

В ходе кампаний 1812–1814 гг. вместе с боевым опытом заметно выросло мастерство русской пехоты в использовании рассыпного строя; в то же время стрелковые навыки повышались далеко не повсеместно из-за активного привлечения новобранцев.

Дальнейшие преобразования егерской пехоты до начала 1830-х гг. — переименования в гренадерские егерские и карабинерные — носили характер массовых награждений и не влияли на качество самой пехоты. Внимания в этот период заслуживает организация финских стрелковых батальонов в 1826 г., один из которых был причислен к гвардии и по-

[9] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17917. Л. 2,3.

служил в дальнейшем основой для создания стрелковых подразделений, а прочие были расформированы.

С 1818 г. в армии начали внедрять новое наставление под названием «Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты»[10]. В документе, разработанном под руководством М.Б. Барклая де Толли, впервые четко определялись количество и функции выделяемых для прикрытия сомкнутого строя во всех линейных и легких полках солдат — по новой терминологии «застрельщиков»; термин «стрелок» сохранялся для солдат стрелковых взводов. Егерские полки по-прежнему в полном составе обучались действиям в рассыпном строю.

Согласно положениям «Воинского устава о пехотной службе» 1831 г. (и его редакции 1836 г.) в каждой роте пехоты полагалось иметь 48 застрельщиков. Застрельщики легкой пехоты считались людьми, доведенными до «высшей степени совершенства в искусстве стрелять в цель и во всех движениях рассыпного строя».

28 января 1833 г. вся армейская пехота претерпела принципиальную реорганизацию. Среди присоединенных к другим частям были 5 карабинерных и все егерские полки. В 18 пехотных дивизиях в первой бригаде числилось 2 пехотных полка, а во второй — 2 егерских, которые носили названия прежних пехотных полков. В каждой из трех дивизий Отдельного Гренадерского корпуса состоял карабинерный полк. Номинально основные функции легкой пехоты продолжали выполнять егеря и карабинеры, но на практике все чаще линейная пехота использовала рассыпной строй отдельных подразделений вплоть до 1845–1848 гг. В переизданном в эти годы уставе указывалось, что все пехотные батальоны должны обучаться рассыпному строю по примеру егерских. При этом в каждом батальоне помимо 192 застрельщиков теперь числилось 24 штуцерника с нарезным оружием.

Опыт войн конца 1820-х — начала 1830-х гг. показал, что легкая пехота далеко не всегда владела вновь востребованными снайперскими навыками. 7 января 1834 г. был сформирован первый армейский стрелковый батальон — Гренадерский стрелковый — для Гренадерского корпуса. В 1837–1855 гг. в каждом пехотном корпусе сформировали по одному стрелковому батальону с номером корпуса, кроме того, был собран

---

[10] Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты. Издано Главным штабом 1-й армии. Варшава, 1818.

еще ряд стрелковых батальонов в армии и гвардии. Сначала на создание батальонов прикомандировывались лучшие стрелки полков корпуса — фактически, армия вернулась к системе комплектования снайперских подразделений 1760-х гг. К сожалению, при всех плюсах эта система была очень неудобна с точки зрения организации и снабжения, поэтому вскоре из стрелковых батальонов сделали подразделения постоянного состава. Стрелки имели на вооружении штуцеры и, как правило, причислялись к пехотным частям отдельными ротами для конкретных операций. В дальнейшем стрелковые батальоны были сведены в бригады, полки и дивизии.

Еще большие требования к подготовке пехоты выставлял «русский фронтир» на Кавказе: русские войска постоянно сталкивались с противником, прекрасно владеющим навыками индивидуального боя и использующим для своих действий чрезвычайно сложную для русских горно-лесистую местность. В этих условиях трудно было переоценить значение как легкой пехоты, так и снайперских подразделений, состоящих из застрельщиков, штуцерников, стрелков и «охотников» пехоты, а также казаков-пластунов, батальоны которых были созданы в 1830-х гг. По необходимости вообще все русские «кавказские» войска становились «легкими», но егеря и стрелки выделялись меткостью стрельбы: не напрасно горцы знали, что солдаты с «черными» (возможно, темно-зелеными) воротниками стреляли лучше, чем с красными[11].

После завершения Восточной войны сам термин «егерский» упразднялся из военного обихода, в дальнейшем оставаясь только названием одного гвардейского полка и мелодии одного из маршей. С этого времени началось и массовое перевооружение пехоты сначала дульнозарядным нарезным, а потом казнозарядным нарезным оружием. В 1856 г. каждый пехотный батальон разделили на 5 рот, одна из которых была стрелковой и формировалась на основе штуцерников; роты эти просуществовали до 1879 г. (в гвардии — до 1874 г.).

Именно 1879 г. стал тем рубежом, когда разделение пехоты на линейную и легкую перестало быть актуальным, что было подтверждено опытом только что завершившейся большой войны на Балканах и Кавказе. Количество частей и соединений с названием «стрелковые» продолжало увеличиваться, но основы тактики стали едиными.

---

[11] *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867) / Соч. А.Л. Зиссермана. В 2 ч. СПб., 1879. Ч. 2. С. 179.

Особо стоит отметить непрерывную последовательность и преемственность отечественных документов по обучению егерей и стрелков. Одно только перечисление этих наставлений, некоторые из которых были впервые выявлены автором, составит внушительный список:

Ордер П.А. Румянцева 18 августа 1761 г.;

доклад «О учреждении Егерского корпуса» 13 октября 1765 г.;

«Ордер Бугского егерского корпуса господам батальонным командирам» 16 июня 1786 г.;

«Правила для наблюдения Егерским Командирам» 6 апреля 1789 г.;

«Собрание разных егерских правил, выбранных из тактических записок и сообразованных в сходствие устава г[енерал]-м[айором] и к[авалером] Рачинским». 1799 г.[12];

«Егерская авалюция» 1802–1806 гг.[13];

наставление для стрелков, выделяемых из состава батальона 1802–1806 г.;

наставления для стрелков линейной пехоты 1805–1807 гг.;

«О эволюции стрелков для полков тяжелой пехоты» 11 октября 1807 г.;

егерские учения 1806–1810 гг.;

«Начертание о полевой егерской службе» 1806–1807 гг.[14];

наставление «О егерском учении» 1811 г.[15];

«Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» 1812 г.[16];

наставления периода 1811–1818 гг.[17];

«Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты» 1818 г.;

---

12 ОР РНБ. Ф. 875 (Эрмитажное собрание). Д. 174.

13 РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 3715.

14 Начертание о полевой егерской службе // Военный журнал, издаваемый при Гвардейском штабе. СПб, 1811. Кн. 6, 7.

15 *Ульянов И.Э.* Эволюция наставлений по подготовке егерей в России и егерское учение в 1812 г.) / Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIX Международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 года. М., 2016. С. 285–294.

16 Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // Военный сборник. СПб., 1902. № 7. С. 238–244.

17 *Ульянов И.Э.* Наставления генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля для стрелков // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XX Международной научной конференции, 5–7 сентября 2016 г. М., 2017. С. 81–100.

«Об употреблении стрелков в линейных учениях» 1820 г.[18];

«О действиях стрелковой роты и стрелкового батальона» 1842 г.;

«О рассыпном строе трехротного батальона» 1843 г.;

«Рассыпной строй, составленный Лейб-Гвардии Гренадерского полка порутчиком Аксеновым» 1848 г.

Этот список нельзя считать окончательным, так как новые документы продолжают выявляться. Указанные наставления существовали параллельно с основным действующим строевым уставом; при этом автором была прослежена преемственность и неразрывность наставлений по обучению егерей и стрелков. Только изданный в 1831 г. (переизданный в 1836 г.) «Воинский устав о пехотной службе» включил в себя несколько переработанные эволюции рассыпного строя не только застрельщиков, но и егерского и стрелкового батальонов; эта система сохранилась и в более поздних уставах.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

1) новая классификация видов полевой пехоты Российской армии второй половины XVIII — конца XIX в. включает в себя линейную пехоту, легкую пехоту и снайперскую пехоту;

2) легкую и снайперскую пехоту в разное время составляли пешие бойцы, носившие следующие названия: пандур, егерь, стрелок, отборный стрелок, гренадер, казак, охотник, стрелец, гренадер-егерь, карабинер, застрельщик, пластун, штуцерник;

3) обучение легкой и снайперской пехоты за весь период их существования производилось на основании отечественных документов.

Анализ данных о наличии в русской армии формирований легкой и снайперской пехоты позволяет выделить три основных этапа развития этих видов пехоты:

1. 1751–1806 гг. — период обособленного развития легкой пехоты. В этот период полный комплекс функций легкой пехоты возлагался преимущественно на специально созданные формирования — роты пандуров, легкие батальоны, егерские команды, батальоны, корпуса и полки. Все они имели собственные, отличные от линейной пехоты организацию, вооружение, системы подготовки и (чаще всего) комплектования. Некоторые функции легкой пехоты делегировались ограниченному числу частей и подразделений линейной пехоты и иррегулярных войск. Основная масса линейной пехоты не обучалась действию в рассыпном строю. Снайперская подготовка практиковалась изначально во всей лег-

[18] Об употреблении стрелков в линейных учениях. СПб., 1820.

кой пехоте (кроме легких батальонов 1761 г.), затем — среди отдельных выбираемых солдат легкой и линейной пехоты, в период 1796–1806 гг. — в егерских полках.

2. 1806–1832 гг. — переходный период. Егерские части, продолжая выполнять функции легкой пехоты, все чаще использовались в качестве линейной пехоты, но при этом в ряде случаев сохраняли егерские традиции. В то же время обучение рассыпному строю начало активно внедряться в подготовку подразделений линейной пехоты, для чего стали создаваться специальные наставления. Функции снайперов выполнялись отдельными выделенными солдатами легкой и линейной пехоты, за исключением единичных случаев появления стрелковых батальонов.

3. 1833–1879 гг. — период создания однородной пехоты. Разделение пехоты на легкую и линейную в массе приобретает формальный характер. Обучение рассыпному строю распространяется на все большее число пехотных подразделений и постепенно становится всеобщим. Для снайперских функций выделяются отдельные стрелковые батальоны и команды застрельщиков, штуцерников и охотников, а затем — стрелковые роты, расформированные в 1879 г. С этого времени стрелковые батальоны продолжают получать углубленную стрелковую подготовку, но вся пехота в целом уже может считаться легкой, предназначенной преимущественно для рассыпного строя.

REFERENCES

1. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv) [The Russian State Military-Historical Archive]. F. 25. Inv. 1/160. Doc. 3715.
2. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv) [The Russian State Military-Historical Archive]. F. 846. Inv. 16. Vol. 3. Doc. 17917.
3. OR RNB (Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki) [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 875 (Hermitage Coll.). Doc. 174.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 13.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 22.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 43. Pt. 1.
7. Nastavlenie gospodam pehotnym oficeram v den' srazheniya [Instruction to gentlemen infantry officers on the day of battle] // Voennyj sbornik. St. Petersburg, 1902. № 7. S. 238–244.
8. Ob upotreblenii strelkov v linejnyh ucheniyah [On the usage of shooters in linear exercises]. St. Petersburg, 1820.
9. Nachertanie o polevoj egerskoj sluzhbe [The inscription about the field jaeger service] // Voennyj zhurnal, izdavaemyj pri Gvardejskom shtabe. St. Petersburg, 1811. Books 6, 7.
10. Pravila rassypnogo stroya, ili Nastavlenie o rassypnom dejstvii pehoty. Dlya obucheniya egerskih polkov i zastrel'schikov vsej pehoty [The rules of the split-up formation, or The instruction on the split-up action of infantry. For training jaeger regiments and skirmishers of all infantry]. Warsaw: Glavnyj shtab 1-j armii, 1818.

11. *Kutuzov M.I.* Sbornik dokumentov i materialov [Collection of documents and materials] / Ed. by L.G. Beskrovnyi. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1950–1956. Vol. 1.
12. Fel'dmarshal Rumyantsev. 1725–1796. Sbornik dokumentov i materialov [Field marshal Rumyantsev. 1725–1796. Collection of documents and materials] / Ed. by N.M. Korobkov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1947. 408 s.
13. *Belova E.V.* Iz proshlogo Novorossii: Serby na ohrane rossijskih granic (1750–1760 gg.) [From the past of Novorossiya: Serbs on the protection of the Russian borders (1750–1760's)] // Novyj istoricheskij vestnik. 2008. № 1(17). S. 39–49.
14. *Golikov I.I.* Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitel'ya Rossii, sobrannyya iz dostovernyh istochnikov i raspolozhennyya po godam (v 15 t.) [The Deeds of Peter the Great, the wise transfigurator of Russia, collected from reliable sources and arranged by year (In 15 vols.)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, u N. Novikova, 1788–1789. Vol. 5.
15. *Zisserman A.L.* Dvadcat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867) [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)] / Coll. Works of A.L. Zisserman (In 2 parts). St. Petersburg, 1879. Pt. 2.
16. *Ul'anov I.E.* Evolyuciya nastavlenij po podgotovke egerej v Rossii i egerskoe uchenie v 1812 g. [Evolution of instructions for the training of jaeger in Russia and the jaeger's doctrine in 1812] // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy, Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 7–9 sentyabrya 2015 goda [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XIX International Scientific Conference, September 7–9, 2015]. Moscow, 2016. S. 285–294.
17. *Ul'anov I.E.* Nastavleniya general-lejtenanta F.F. Shtejngel'ya dlya strelkov [Instructions of Lieutenant General F.F. Shteingel for shooters] // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy, Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 5–7 sentyabrya 2016 goda [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XIX International Scientific Conference, September 5–7, 2016]. Moscow, 2017. S. 81–100.

Ключевые слова:

Российская империя, русская армия, лёгкая пехота, егерские полки, периодизация.

Ilya E. Ulyanov

CHRONOLOGY, TERMINOLOGY AND PERIODIZATION OF THE EVOLUTION OF THE LIGHT INFANTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE

The author explores and analyzes the process of evolution of the Russian light infantry from the time of its creation until the obliteration of the distinction between types of infantry. Based on the analysis, it is proposed for the first time to introduce a periodization of the process of this evolution. Drawing on a number of well-known and newly identified sources, the author traces the continuous sequence and continuity of domestic documents on the training of rangers and shooters.

Keywords: Russian Empire, Russian Army, Light Infantry, Ranger Regiments, Periodization.

Ilya E. Ulyanov — Chairman of the Advisory Council of the OOD «Reconstruction Clubs of Russia», member of the Advisory Council on Patriotic Education at the Federal State Budgetary Institution «Rospatriotcenter», Dissertator Ufa University of Science and Technology, History Department.

Ульянов Илья Эрнстович

председатель Экспертного совета ООД «Клубы реконструкции России», член Экспертного совета по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр», диссертант УУНиТ, кафедра Отечественной истории

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.004

А.Н. Черненко

БАЗА РУССКИХ ПОЛКОВ (1700–1914 гг.). ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ

(Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация)

Военная история России и история Русской армии до 1914 г. находится под пристальным вниманием историков уже не одно столетие. Этой темой занимались очевидцы и участники тех событий, маститые ученые и просто увлеченные люди. Они внесли большой вклад в изучение отдельных войн и армии в целом, а многие их труды до сих пор остаются важными источниками, без которых не может обойтись ни одно исследование. Дореволюционная историография представлена целой плеядой выдающихся исследователей. Так, А.К. Баиов оставил подробную историю Русско-турецкой войны 1736–1739 гг., а также историю Русской армии с момента образования Древнерусского государства до 1812 г[1]. Без работ Д.Ф. Масловского невозможно изучать российскую армию начиная с Петровского времени до Семилет-

[1] *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электро-Типография Н.Я. Стойковой, 1906. В 2 т., *он же*: Курс истории русского военного искусства. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1909–1913. В 7 т.

ней войны[2]. Русско-турецкие войны описаны генерал-лейтенантом А.Н. Петровым[3]. Период революционных и Наполеоновских войн также достаточно подробно освещен в дореволюционной историографии. А.И. Михайловский-Данилевский, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, оставил подробное описание периода 1812–1814 гг. При изучении Крымской войны невозможно обойтись без работ А.М. Зайончковского[4] и М.И. Богдановича[5]. Интересующимся Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. хорошо известен одноименный труд в 6-томах[6] либо работы Б.М. Колюбакина[7] и С.О. Кишмишева[8]. Многотомные «Материалы для описания русско-турецкой войны»[9] на Балканском и Малоазиатском фронтах также представляют огромный интерес.

---

2 *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России (с планами, чертежами и схемами). СПб.: Изд. при содействии Николаевск. акад. Генер. штаба, 1891–1894., Материалы к истории военного искусства в России / [Соч.] полковника Генерального штаба Д.Ф. Масловского. М.: Университетская тип., 1889–1892; *он же.* Русская армия в Семилетнюю войну / [Соч.] Генерального штаба полковника Масловского. М.: Тип. Окр. штаба, 1886–1891. 23 см., *Он же.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы: Ист. исслед. М.: тип. Окр. штаба, 1883. С. 257. Разд. паг., 10 л. ил.; 23. (Из истории военного искусства в России в 1-й половине XVIII столетия).

3 Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 г. / составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Ген. штаба капитаном А. Петровым. СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1866–1874., *он же*. Вторая Турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 г. / Сост. Ген. штаба полк. А.Н. Петров. Т. 1–2. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880. Т. 2; *он же.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб.: Военная тип., 1885–1887; *Он же.* Война России с Турцией / Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. 1–2. СПб.: Воен. тип., 1890. Т. 2; Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. 1–2. СПб.: Воен. тип., 1893–1894. В 2 т.

4 *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-56 гг. Дунайская кампания: (Выдержки из печатающ. 2-го т. соч. в связи с соврем-ой полит. обст.). [Б. м.], [б. и.], [19]. 256 с. вкл. ил., 1 план.

5 *Богдановия М.И.* Восточная война 1853–1856 гг. СПб.: тип. Ф. Сущинского, 1876.

6 Описание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: СПб.: Воен.ист. комис. Глав. штаба, 1899–1914. В 6 т.

7 *Колюбакин Б.М.* Русско-турецкая война в 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Ч. 1. СПб.: типо-лит. А.Г. Розена, 1906; *Он же:* Карты, планы и схемы к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказе и Малой Азии (к первой части). СПб., 1906. 1 атл. (17 л.): подноцв.: карты; 28×36 см.

8 *Кишмишев С.О.* Война в Турецкой Армении, 1877–1878 гг. СПб.: Воен. тип., 1884. IX, 508, [3] с., [11] л. карт.

9 Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами: [Т. 1–7] / Сост. в Военно-ист. отделе штаба Кавк. воен. окр. под ред. ген.-лейт. Чернявского. СПб.: Военно-ист. комис. Главного штаба,

До революции вышло множество работ обобщающего характера. Самая масштабная из них — 15-томная «История русской армии и флота», изданная в 1911–1913 гг.[10] Приблизительно в те же годы вышел «Хронологический указатель военных действий русской армии и флота»[11]. Ранее, в последние годы жизни императора Николая I, была подготовлена 7-ми томная «Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению»[12], в которой содержится огромный фактологический материал. Многим настоящее исследование обязано историкам конницы М.И. Маркову[13], П.А. Иванову[14] и Г. Бриксу[15].

После Октябрьской революции сфера интересов военных историков заметно изменилась. Первая мировая война, Гражданская война и особенно Великая Отечественная война оказались в приоритете у советских исследователей. К тому же идеологические установки требовали не только изучать, но и выявлять «классовую» подоплеку войн и конфликтов. Поэтому исследования советского периода нередко уходили от собственно военной тематики в плоскость политическую. Как следствие, многие советские исследования с 1917 по 1991 г. не представляют значительного интереса для исследователя дореволюционной армии. С другой стороны, невозможно переоценить полезность и важность работ Л.Г. Бескровного[16],

---

1904–1910.; Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Изд. Военно-исторической комиссии Главнаго штаба, 1898–1911 (Тип. «Бережливость»).

10 История русской армии и флота: роскошно ил. изд. / [Историю армии ред. полк. ген. штаба А.С. Гришинский и В.П. Никольский; Историю флота ред. проф. Мор. акад. полк. Н.Л. Кладо]. М.: Образование, 1911–1913. В 15 т.

11 Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб., 1908–1913. Т. 1. 1695–1800 гг., 1908. СПб.: Типо-лит. С. Петербургской тюрьмы, 265, [4] с.; Т. 2. 1801–1825 гг. СПб.: Бережливость, 1909. 232 [2] с.; Т. 3. 1826–1854 гг. СПб.: Воен. тип., 1911. 202 [4] с.; Т. 4. 1855–1894 гг. СПб.: Воен. тип., 1911. 198 [4] с.; Т. 5. 1900–1905 гг. СПб.: Воен. тип., 1913. 162 [4] с.

12 Хроника российской императорской армии, составленная по выс. повелению: СПб.: Воен. тип., 1852. В 7 т.

13 *Марков М.И.* История конницы / Сост. полк. Марков, командир 1 Лейб-драгунского Московского... полка. Ч. 1–5. Тверь: типо-лит. Ф.С. Муравьева, 1886–1896. Т. 5.

14 *Иванов П.А.* Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1864. Т. VIII. С. 320, 27, 1 л. табл.

15 *Брикс Г.* История конницы. Т. II: Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона / Пер. с нем. Е.А. Рауш фон Траубенберга; под ред. В.А. Сухомлинова. СПб.: Тип. А. Бенке, 1897. Т. II, III. С. 339.

16 *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки) / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Воениздат, 1958. С. 645, 3 л. план., 7 отд. сброшир. л. карт.: ил., карт.;

П.А. Зайончковского[17] и М.Д. Рабиновича[18]. Без трудов этих авторов невозможно обойтись при изучении военной машины Российской империи.

Одновременно с советской исторической наукой существовала и эмигрантская. Бывшие военные, участники Белого движения или просто энтузиасты издавали свои мемуары и исследования. И здесь следует отметить обзорные труды А.А. Керсновского[19] и в особенности В.В. Звегинцова[20].

В современной же историографии изучение истории русской армии или военного строительства в России страдает фрагментарностью. Из общих работ, вышедших за последние 20–30 лет, можно порекомендовать разве что трехтомную историю пехоты (1700–1914) за авторством О.Г. Леонова и И.Э. Ульянова[21]. Из иностранных обобщающих работ по этому периоду можно порекомендовать «Пулю и штык» Брюса Меннинга. Этот труд был написан в 1992 г., а на русский язык переведен в 2015 г.[22]

Армия Петра I при жизни императора и в первые годы после его кончины исследована в работе К.В. Татарникова[23]. Множество доку-

---

он же. Русская армия и флот в XIX в. Воен.-экон. потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 616, 2 л. схем.; 22 см.

17 *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 351 с.; *он же.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. 368 [2] с.

18 *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии. 1698–1725 Краткий справочник / Под ред. д. и. н. Л.Г. Бескровного. М.: Сов. Россия, 1977. С.112; (Труды Государственного исторического музея; Вып. 48).

19 *Керсновский А.А.* История русской армии. Белград: Изд. «Царскаго вестника», 1933–1938. Т. 4.

20 *Звегинцов В.В.* Русская армейская кавалерия, 1907–1914. М.: Рейтар, 1998. С. 48: ил., портр.; *он же.* Хронология русской армии: 1700–1917 г. Париж: [б. и.], 1961.; *он же.* Русская армия. Париж, [б. и.] 1967–1980. Т. 6.

21 *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1698–1801: Боевая летопись. Организация. Обмундирование. Вооружение. Снаряжение. М.: Изд-во ТКО «АСТ», 1995. 293 [2] с.: ил.; *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1801–1855: Боевая летопись, орг., обмундирование, вооружение, снаряжение. Назрань: АСТ, Б. г. (1996). 245 [2] с.: ил.; 29 см. (История российских войск).; *Леонов О.Г.* Регулярная пехота 1855–1918: Боевая летопись, орг., обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1998. 281 [6] с.: цв. ил., табл.; 28 см. (История российских войск).

22 *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. Меннинг; авт. Пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. О. Айрапетова. М.: Модест Колеров, 2016. 423 [1] с.; 22 см. (Selecta: 23).

23 *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700–1730. обмундирование и снаряжение. под ред. В.И. Егорова. М.: Любимая книга, 2008. С. 352: табл.

ментов касательно армии и Северной войны опубликовано в издании, посвященном юбилею Полтавской битвы — «Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы»[24] . Однако вместо двух томов вышел только первый том (до 1709 г.). Боевые действия на Южном Каспии и жизнь «Низового корпуса» описаны И.В. Курукиным[25]. Период правления Анны Иоанновны не изучается вообще. Практически полностью игнорируется период Семилетней войны[26]. Даже период Екатерины II обделен вниманием, и только фигура А.В. Суворова притягивает внимание исследователей. Как минимум три биографии великого полководца вышли в 2010-х гг., не считая научно-популярных книг[27]. Основное же внимание исследователей фокусируется на Отечественной войне 1812 г. Работ уровня А.Л. Жмодикова[28], В.М. Безотосного[29] и А.А. Подмазо[30] очень не хватает для изучения истории русской армии в другие исторические периоды. Изучение всего оставшегося XIX в. приходится на долю диссертаций[31] или отдельных

---

[24] Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т.1 (1700–1709 гг.) / Под ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. МЖ Объединенная редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009.

[25] *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Квадрига: Объединенная ред. МВД России, 2010. 375, [3] с., [8] л. ил., цв. ил., портр.: ил., табл.; 23 см. (Забытые войны России).

[26] Разве что см. работы: *Оточкин В.В.* Генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов и Обсервационный корпус в Семилетней войне 1756–1763 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2012. Ч. II. С. 479–490. Так же интересна работа Д.А. Сдвижкова «Письма с Прусской войны. люди Российско-императорской армии в 1758 году». М.: Новое Литературное Обозрение, 2019. 677, [8] с., [12] л. ил., цв. ил., карты, портр.: ил., табл., факс.; 22 см. (Historia Rossica) (Archivalia Rossica), в которой опубликованы письма елизаветинских солдат и офицеров.

[27] *Лопатин В.С.* Суворов. М.: Молодая гвардия, 2015. 445, [2] с., [16] л. ил., портр., факс.; 21 см. 2-ое изд. Серия «Жизнь замечательных людей», *Богданов А.П.* Суворов. Победитель Европы / Андрей Богданов. М.: Вече, печ. 2013. 333, [1] с., [8] ил., портр.; 21 см (Великие исторические персоны).

[28] *Жмодиков А.Л.* «Наука побеждать». Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.: Евразия; М.: Klio, 2016. 859 с.; *Кипнис Б.Г.* Непобедимый: жизнь и сражения Александра Суворова/ Борис Кипнис. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2022. 620 с.

[29] *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах, 1805–1815 гг. Ин-т Российской истории Российской акад. наук, Гос. ист. музей. М.: РОССПЭН, 2014. 629 [2] с., [16] л. ил., цв. ил., портр.: ил.; 23 см. (Эпоха 1812 г.).

[30] *Подмазо А.А.* Большая европейская война 1812–1815: Хроника событий. М.: РОССПЭН, 2003. 365 [2] с.

[31] *Коваленко А.Ю.* Военные реформы в России в первой четверти XIX в.: дисс. ... д. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. С. 339: ил. Кухарук А.В. Действующая армия в военных

статей. Многие исследования редко выходят за пределы отдельных блогов, региональных журналов или квалификационных работ и, как следствие, известны только специалистам.

Некоторый интерес у специалистов вызывает период перед Русско-японской войной и после нее. В 2021 г. вышла работа Е.В. Бея, в которой рассматривается русская армия периода 1908–1915 гг. в связи с деятельностью военного министра Сухомлинова[32]. Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день в отечественной научной литературе не ведется какого-либо комплексного исследования периода 1700–1914 гг. В интернете же, наоборот, существует несколько ресурсов, которые занимаются проблемой военного строительства на всем протяжении данного периода. Так, для получения общей информации и сверки результатов можно использовать сайт «Антология форменной одежды частей Российской армии»[33]. Разобраться в переименованиях полков павловского периода, а также в судьбах полков в период переформирования 1831–1835 гг. поможет сайт А.А. Подмазо[34] о генералитете российской армии. Общие справки можно найти на сайте «Русская императорская армия». Однако сайт, скорее всего, заброшен и доступен только через архив интернета[35]. На сайте «Офицеры РИА»[36] представлено достаточно информации, чтобы разобраться с количеством, названиями и периодом существования полков в период Русско-японской войны и после нее.

В данном обзоре упомянуты далеко не все достойные авторы. К сожалению, в столь кратком очерке невозможно упомянуть всех. При этом следует отметить, что военная история России на сегодняшний день довольно неплохо изучена, однако требует сведения всех данных

преобразованиях правительства Николая 1: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 235 с.

[32] *Бей Е.В., Генерал В.А.* Сухомлинов: военный министр эпохи Великой войны. М.: Центрполиграф, 2021. 317 [1] с., [8] л. ил.; 20 см (Новейшие исследования по истории России. Вып. 29).

[33] Антология форменной одежды частей Российской армии [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://antologifo.narod.ru/ , свободный (дата обращения:16.04.2023).

[34] *А.А. Подмазо.* «Генералитет российской императорской армии и флота» / Режим доступа: http://www.rusgeneral.ru/ , свободный (дата обращения:16.04.2023).

[35] Русская императорская армия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20210619192602/http://regiment.ru/index.htm , свободный (дата обращения:16.04.2023).

[36] Офицеры русской императорской армии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ria1914.info/, свободный (дата обращения:16.04.2023).

о русской армии воедино. Поэтому цель создаваемой базы данных состоит в обобщении имеющейся информации и изложении ее в доступном виде, понятном и легком для восприятия. Также данная база должна помочь исследователям определить новые направления в изучении военной истории России.

Вопрос численности русской армии во время войны и мира сложен и запутан. В литературе можно встретить различные оценки численности штатов отдельных полков и армии в целом. Иногда приводятся точные цифры до последнего человека, иногда цифры округляются до десятков, сотен и тысяч человек. Подчас приводится численность всей армии в целом, включая логистические и обслуживающие части. Нередко приводится информация только о пехоте или кавалерии. Из-за многообразия, упрощения и приблизительности данных сложно представить единую картину, одинаковую на всем протяжении конкретного периода. Поэтому при создании базы данных было решено создать новый вариант подсчета штатов полков и частей. Для этой цели был необходим простой и доступный источник, позволяющий создать на его основе свою собственную методологию подсчета, одинаковую для всего периода. Таким источником стало Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ)[37] в трех собраниях.

ПСЗРИ содержит более или менее полные штаты для XVIII и первой половины XIX в., на которые можно опереться в исследовании. Опубликованный в издании штат можно рассматривать как своего рода план государства по следующим вопросам: какой состав войск необходим государству; какими оно хочет видеть свои воинские части; сколько средств планирует на них тратить. Безусловно, всегда есть риск, что изменение штатов не было отображено в ПСЗРИ, а прошло через документы Военной коллегии, приказы военного министра и Циркуляры Генерального штаба, что продиктовано необходимостью со стороны государства трезво оценивать свои возможности. Однако за подобными изменениями трудно уследить и еще труднее выяснить, действительно ли эти изменения были проведены в жизнь. Но в любом случае, данные ПСЗРИ о штатах предоставля-

[37] Полное собрание законов Российской империи [Собрание первое. С 1649 по 12 дек. 1825 г.] СПб. [б. и.], 1830–1851; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: В Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: В 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.

ют точку отсчета, от которой исследователь имеет возможность оттолкнуться.

Для второй половины XIX в., для периода Милютинских реформ и после них, ПСЗРИ как источник штатов становится практически бесполезным. В издании можно обнаружить росписи полков и батальонов по дивизиям и бригадам, данные по резервным и инженерным частям, казачьим соединениям. Однако практически полностью отсутствуют штаты действующих войск. В подобных случаях были использованы данные о штатах из сборников приказов по Военному ведомству. Также использовалась информация из различной обзорной литературы или сборников документов. Так, штаты пехоты до 1711 г. взяты из сборника документов по Северной войне. Штаты конно-гренадер и кирасир за 1756–1763 гг. и конно-егерских полков за 1789–1796 гг. взяты из книг Маркова[38]. Пропуски в ПСЗРИ исправлялись по «Хронике российской императорской армии».

Штатные расписания войск за XVIII в. сведены в ПСЗРИ (Первое собрание, том 43, части 1 и 2[39]). В последующих собраниях на штаты отведены отдельные тома на каждый год. Первые штаты полков приводятся в ПСЗРИ (Собрание первое) в 1711 г. № 2319 от 19.02.1711 г. Последние штаты приводятся в Собрании третьем № 38996 от 17.03.1913 г. 43-й том первого собрания не удобен в использовании, так как штаты разных лет объединены в одну таблицу и содержат множество ошибок и описок. По этой причине необходимо постоянно перепроверять цифры, пересчитывать результаты и сравнивать штаты с предыдущими и последующими. Следует привести несколько примеров подобных описок и ошибок. Так, в Таблице II закона № 2319 содержится информация о том, что на 42 пехотных полка предусмотрено 52 полковника (28 русских и 24 иноземца). Но пропорция русских и иностранных офицеров, по замыслу Петра I, должна была составлять два к одному. Здесь же появляется десять лишних полковников. Следовательно, в таблице содержится описка. В соответствии с этой же таблицей в пехоте должно было служить 47 040 рядовых. Если разделить на 42 полка, а затем на 8 рот в каждом полку, то получается по 140 рядовых в роте. Итоговая Таблица IV также приводит число

---

38 *Марков М.И.* Указ. соч. Ч. 4. Отдел 1. С. 115–134, 175–193.

39 Полное собрание законов Российской империи [Собрание первое. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. [б. и.], 1830–1851. 30 см. Т. 43. Ч.1: книга штатов, отделение первое: СПб. [Тип. II отд. С.Е.И.В. Канцелярии.], 1830. Т. 43, Ч. 2: книга штатов, продолжение отделения первого. СПб. [Тип. II отд. С.Е.И.В. Канцелярии.], 1830.

пехоты из расчета 140 рядовых на роту. Однако в Таблице III[40] указано, что в роте должно быть 144 рядовых. Там же приведен подсчет, что «нефрунтовых» в пехотном полку — 24 чел., хотя указано только 23. То же касается и штатных расписаний кавалерии. При внимательном пересчете получится 43 791 драгун или 1327 чел. в полку. Однако в таблицах стоит цифра в 43 824 чел., т. е. по 1328 чел. в полку. Откуда возникло расхождение в 33 чел., неизвестно.

В некоторых случаях расхождения можно списать на случайные пропуски или брак текста, как, например, в штатах закона № 11474 от 12.03.1762[41]. Итоговый штат в 1856 чел. не сходится с итогом пересчета — 1854 чина. Сравнив с прошлыми и будущими штатами, можно прийти к выводу, что в тексте были пропущены два батальонных адъютанта — военнослужащие, как правило, отвечавшие за подготовку личного состава. Если же реконструировать штат, добавив «пропажу», то все сходится.

Иногда же расхождения выглядят гораздо значительнее и не поддаются точной реконструкции. Закон № 18577 устанавливает штаты в трех гвардейских кавалерийских полках в 1559, 570 и 361 чел. Пересчет выявил следующие цифры: 1656, 569 и 366 чел. соответственно. Выявить ошибку не представляется возможным, поэтому за основу взята цифра из пересчета.

Описки встречаются и в Собрании втором, хотя и в меньших количествах. При этом выявлять их проще. Штаты Карабинерных полков по закону № 14115 от декабря 1840 г. разошлись с пересчетом на два человека[42]. В законе № 35791 от 14.05.1860 г. в ведомости о числе чинов в полках 4-й, 6-й и 7-й легких кавалерийских дивизий писарь ошибся и приписал полкам 30 дополнительных нижних чинов[43]. Вывод таков: с приведенными в ПСЗРИ таблицами штатов необходимо работать с осторожностью и доверять следует только собственным пересчетам.

Полк русской армии имел строевой и нестроевой составы, а также денщиков. В данном исследовании учитывается весь состав полка — с денщиками, писарями и учителями фехтования, какими бы «гражданскими» они ни казались. Ведь провиант, денежное и веще-

---

40 ПСЗРИ I. Т. 43. Ч.1. С. 4.

41 Там же. С. 387–388.

42 ПСЗРИ II. Т. 15. Ч. 3. С. 1256–1257.

43 ПСЗРИ II. Т. 35. Ч. 3. С. 266.

вое довольствие выделяются на весь полк, а не только на строевой элемент. Также любому служащему необходимо платить, оказывать медицинскую помощь, а его оружие нуждается в ремонте. Поэтому без лазаретных служителей, оружейников, ложников, гевальдигеров, седельщиков, коновалов и кузнецов обойтись невозможно. По этой причине подсчету подлежат не только те, кто принимал участие в боевых действиях, но и те, кто обеспечивал боеспособность полка, т.е. все, на кого казна выделяла средства. При этом в штатах конца XIX в. не учитываются вольноопределяющиеся. С одной стороны, потому что их не учитывают и штаты в итоговом числе служащих, с другой — потому что они служили «на своем коште», т.е. сами себя обеспечивали. С наступлением военного времени их могли либо зачислить в штат на имеющееся место, либо отправить в тыл. Таблицы и штаты данной работы следуют примеру авторов этих штатных расписаний.

Вторая особенность подсчетов заключается в том, что они не учитывают резервные, поселенные и запасные батальоны, а также эскадроны кавалерийских полков для периода до 1874 г. Положение этих частей могло меняться в исследуемый период, но представляется более логичным отделять их от служебных частей. В одних случаях резервы нередко служили учебными батальонами или занимались подготовкой рекрутов. В других случаях офицеры резервных батальонов и эскадронов находились при полку в мирное время и отделялись в военное. Подобного рода части не подлежат учету по нескольким причинам. Во-первых, резервный батальон выполнял иные задачи, чем служебный. В самих штатах резервные батальоны/эскадроны учитывались отдельно от служебных. Штатная таблица указывает численность полка в номерах батальонов/эскадронов, иногда выделяя отдельный столбик для стрелковых рот. При этом резервные и запасные части всегда учитываются в другом месте. Во-вторых, под резервные батальоны писались отдельные штаты. Резервный батальон не всегда копировал служебный, его штат имел свою логику. В зависимости от периода резервные батальоны/эскадроны во время войны могли отделяться от своих частей и сводиться в резервные бригады и дивизии. Таким образом, если штаты мирного времени указывать с резервами, то разница между штатами военного и мирного времени будет размываться.

Также следует помнить, что не все штатные расписания или изменения в них отображены в ПСЗРИ. Пропуски, по возможности, возме-

щены использованием «Хроники российской императорской армии», а также разных Сводов штатов[44].

Чтение таблиц штатов в данном исследовании имеет определенные правила. Таблица названий учитывает регулярные пехотные и кавалерийские полки с 1700 по 1914 г. Названия полков даны на август 1914 г., до переименования из-за начала Первой мировой войны.

Есть особенности у таблицы штатов. Самая верхняя строка таблицы — год. Крайняя левая колонка состоит из многих параметров, которые необходимы для учета полков, батальонов/эскадронов и штатов. Данная колонка поделена на блоки, в которых первым указан тип полка — гвардейский, пехотный, драгунский и т.д. Во второй строке указано количество батальонов/эскадронов в полку. Дальше следует учет штатов мирного времени и военного времени, а для кавалерии указано количество строевых лошадей. Иногда штаты мирного и военного времени совпадают, потому что и для войны, и для мира предусматривалось одно и то же количество солдат.

В строке с типами полков цифры означают количество подобного рода полков в определенный год. Если в ячейке под определенным годом отсутствует количество полков, то это означает, что полки были расформированы либо уравнен штатами с другим полком. Например, Измайловский полк имел свой собственный штат между 1730 и 1762 г., а после был уравнен в штатах с Семеновским полком. Полки Низового корпуса составляли отдельную часть Российской армии, которой впоследствии были определены свои собственные штаты. Однако после 1733 г. их уравняли с остальными полками и необходимость уделять им отдельную строчку отпала. Если пользователю требуется выяснить, сколько гусарских полков в армии в Екатерининский период или сколько человек служило в неком пехотном полку в 1853 г., то ему следует найти год в крайней верхней строке и спуститься на строку с этим типом полков. На пересечении колонки года и строк с типом полков и штатами находится искомое число. Данная таблица позволяет рассчитать приблизительное количество личного состава, которое могло участвовать в конфликтах или кампаниях. Для этого необходимо сделать следующее: выяснить, какие полки принимали участие в данной войне или походе, найти их штаты в таблице и перемножить. Получившееся число говорит о том, сколько человек в тео-

[44] Своды штатов для регулярных и иррегулярных войск публиковались в 1869, 1885, 1893, 1910–1912 гг.

рии могло выступить в поход, если полковые штаты были полны на 100%. Безусловно, данное число является весьма приблизительным, потому что не учитываются бригадные/дивизионные штабы, штабы командующего, артиллерия и части логистики. Не учитываются также отсутствующие, больные, откомандированные и прочие «убылые места». Однако даже приблизительный расчет дает все же определенное представление о ситуации.

Чтобы подсчитать количество полков в конфликтах и кампаниях, широко использовались полковые истории. При этом многие из них являются всего лишь синопсисами или агитброшюрами. И лишь на некоторые можно опереться, как на квалифицированные источники. Еще одним источником для исследования стал «Хронологический указатель военных действий русской армии и флота». Для изучения штатов XVIII в. использовалось ПСЗРИ как самый авторитетный источник. Однако данные из него, как указывалось выше, использовались с осторожностью из-за имеющихся канцелярских описок и опечаток. Поэтому каждая таблица была пересчитана и сверена, по возможности, с другими таблицами. Если же ошибка выявлялась, то предпринималась попытка реконструировать оригинальный штат.

Установив количество участвующих полков в той или иной кампании или конфликте, можно перейти к примерному расчету численности войск. Для этого штатную численность полков необходимо перемножить на количество этих полков. Например, если в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. участвовал 41 пехотный полк, то сначала требуется выяснить, какие именно полки в ней участвовали и можно ли выделить среди них гренадерские или гвардейские. Также следует понять, сколько разных штатов при этом необходимо учитывать. Известно, что в этой войне участвовали 40 обычных пехотных полков и Преображенский полк. Значит, необходимо умножить штат пехотного полка на 40 и прибавить штат преображенцев. Таким образом, в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. регулярной пехоты могло участвовать до 64 825 чел., т. е. 46,5% всей русской пехоты.

Подобным же образом считается и кавалерия. Например, известно, что в Семилетней войне участвовали: 4 драгунских, 5 гусарских, 5 конно-гренадерских и 6 кирасирских полков[45]. Перемножив и сложив штаты, можно определить, что в идеальных условиях Апраксин, Фермор и Салтыков могли располагать до 19 796 чинов регулярной конни-

[45] Посчитано по «Хронологический указатель...». Т. 1. С. 67–83.

цы[46]. С помощью данного подсчета можно выяснить, какой процент от общей численности армии или какую именно часть войск привлекали к войне или кампании. Используя таблицы, содержащие количество полков в конфликте по годам, можно выяснить, в какой год Северной войны потребовалось больше усилий военной машины, а в какой меньше. С другой стороны, если война была недолгой или свелась к одной-двум кампаниям (как Русско-турецкая война 1710–1713 гг.), то можно оценить всю войну в целом и выяснить, сколько человек в ней принимали участие и какой процент от общей численности русских войск они составляли.

Кроме общего подсчета количества войск по конфликту, возможно подсчитать количество войск по кампаниям и по годам. Подсчет по годам — основной для данной базы. Его методология не отличается от подсчета цифры за весь конфликт, когда выясняется, какие именно полки участвовали в кампаниях за этот год. Полки раскладываются на пехотные или кавалерийские (параллельно выясняется, все ли полки являются пехотными; присутствуют ли гвардейские или другие полки; участвует один батальон или весь полк), после чего данные перемножаются и складываются. Например, в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. можно выделить до четырех различных кампаний в год. Поэтому сначала выясняется, какое количество полков и каких видов полки воевали в каждом конкретном году, а затем выводится цифра. Если же полки (или полк) перемещались между театрами военных действий и за год могли принять участие в более чем одной кампании, то эти полки учитываются в каждой кампании, но за год — только один раз. Например, если полки А, Б, В, Г воевали на одном театре, а потом А и Б воевали вместе с Д и Е в другом месте, то в каждой кампании участвовало по четыре полка. Но за год учитывается только шесть.

Таким образом, данное исследование ставит своей задачей создание хронологии изменения численного и структурного состава пе-

---

[46] Данные не совсем точные, о чем будет сказано ниже. Всегда следует помнить о том, что планы не всегда полностью воплощаются в жизнь. Например, для Рейнского похода (по Нелиповичу) должны были привлечь 22 кавалерийских полка из 44 имеющихся, т.е. 25 733 чина по нашим расчетам. Однако Нелипович приводит цифры, которые говорят о том, что в одной из колонн, выдвинувшейся в Европу, насчитывался только 481 конный гренадер. В «заграничном походе» 1748 г. действовали не полки и тысячи кавалеристов, а роты конно-гренадер и сотни калмыков. См.: *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига: Объед. ред. МВД России, 2010. 405 [1] с.: ил.; 22 см. (Забытые войны России) С. 346–359.

хоты и кавалерии с предполагаемой численностью на каждый год. На основе имеющихся данных построены графики, которые наглядно представляют конкретные ситуации. Для данных графиков и диаграмм используется несколько цифр: количество пехотных и кавалерийских полков, задействованных в конфликте, в абсолютных цифрах и процентах; количество чинов пехоты и кавалерии в абсолютных цифрах и процентах, а также соотношение процентов этих двух величин. Таким образом возможно оценить напряженность военных усилий государства и значимость для него определенных исторических периодов или конкретных войн. При этом изучение некоторых конфликтов на сегодняшний день представляет ряд сложностей. Среди них Башкирское восстание 1704–1710 гг., военные действия на Кавказе в XVIII в., походы в Центральную Азию и некоторые другие восстания и экспедиции XVIII–XIX вв. Причина кроется в недостатке необходимой информации и трудности приведения ее в общий вид для учета и сравнения. Но эти лакуны будут обязательно заполнены в будущем.

Чтобы оценить динамику развития русской армии, необходимо иметь достоверную информацию о входивших в ее состав пехотных и кавалерийских полках, а также об их численном составе. Для начала необходимо рассмотреть следующие параметры: количество пехотных и кавалерийских полков и общее количество служащих в них по штатам. Обычно применяется счет по батальонам и эскадронам, но в основе данного исследования находится полк как единица учета.

В Графике 1 отображено изменение численности пехотных и кавалерийских полков. Здесь учтены только «новоманирные», регулярные полки, включая гарнизонные и ландмилицию. Различные отдельные формирования и части — казаки, легионы, линейные или губернские батальоны, местные команды и бригады Пограничной стражи не учитываются.

С началом Великой Северной войны Петр I развернул масштабное формирование пехотных полков нового строя, количество которых доходило до 160. Общее число пехотных полков в русской армии еще больше увеличится, если добавить стрелецкие полки. Однако они остались за пределами данного исследования. В петровский период полки «старых служб», а также полурегулярные и иррегулярные части (от рейтарских полков до казачьих отрядов) теряют свою значимость. Они были не в состоянии выдерживать натиск вымуштрованных регулярных войск, из-за чего им отводилась конвойная или постовая служба.

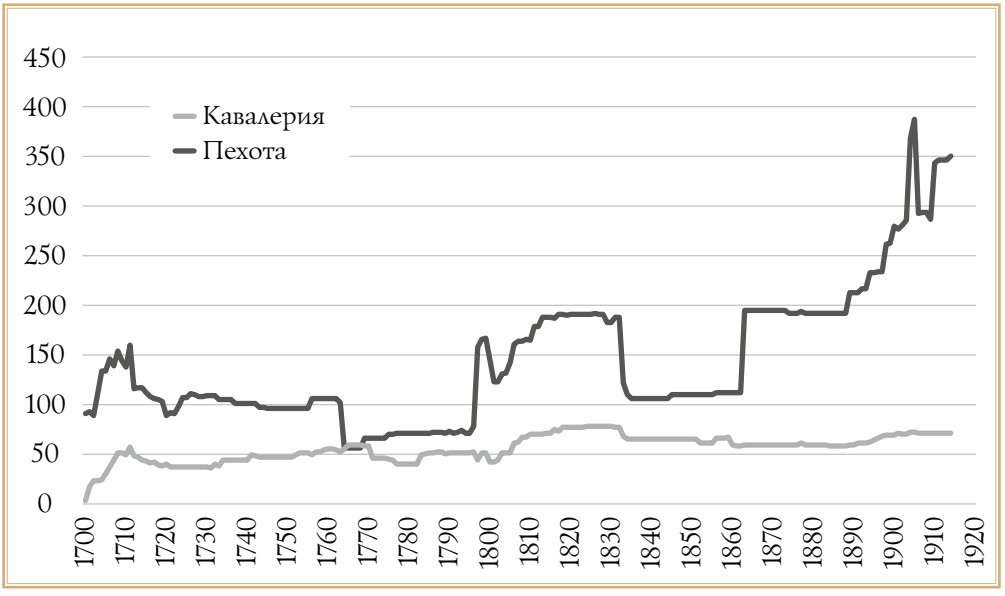


График 1. Общее количество пехотных и кавалерийских полков, 1700–1914 гг.

Да и количество полков всех типов может быть спорным: даты формирования и расформирования трудно установить, а штатный состав выяснить еще труднее.

После установления штатов 1711 г. число пехотных полков быстро сокращается до 100 и остается в пределах 90–100 на следующие полвека. Оно резко падает вниз только в 1764 г., когда гарнизонные полки были расформированы на полевые батальоны. В следующие тридцать лет количество пехотных полков почти не растет.

В 1797 г. при императоре Павле I число пехотных полков резко возрастает — с 78 до 157 и 166 в 1799 г. Однако большинство из них — всего лишь однобатальонные гарнизонные полки (исключением был Московский гарнизонный полк, который состоял из 8 батальонов). Они уйдут в историю следом за своим создателем. От Павловских реформ останется несколько мушкетерских и 20 егерских полков. Егеря составят значительную часть имперской армии в следующие десятилетия, а император Александр I доведет количество полков до 53.

В наполеоновскую и постнаполеоновскую эпоху русская армия сможет выставить 191 пехотный полк. Как ни странно, армия мирного времени будет такой же по численности или даже больше армии периода Наполеоновских войн. Подобное положение сохранится на полтора мирных десятилетия. Только в 1832–1834 гг. произойдет массовое расформирование пехотных полков, когда их количество упадет до 106,

а егерских полков останется чуть больше половины. И лишь во время Крымской войны егерей переведут в линейную пехоту.

Преобразования в армии после Крымской войны, освобождение крестьян, а также развитие науки и техники позволили приступить к формированию новой массовой армии. Число полков выросло с 112 в 1862 г. до 195 в 1863 г. В этом составе русская пехота просуществовала до 1888 г., когда количество полков снова начало увеличиваться. В 1889 г. насчитывалось 213 пехотных полков, а в 1903 г. — 286. В 1904 г. график взлетает вверх — около 100 полков было созвано за счет резерва из-за начала Русско-японской войны. После войны эти новые полки переформировывались обратно в запасные и резервные батальоны. К 1914 г. армия мирного времени почти что догнала армию на конец военного 1905 г., введя в 1909–1914 гг. в строй 79 новых полков.

Подобный рост количества частей объясняется следующим. В отличие от XVIII или начала XIX в. полки формировались сразу дивизиями — по 4 полка. Существующие стрелковые батальоны разворачивались в полки, а бригады в дивизии. В 1899–1900 гг. подобное произошло с Восточно-Сибирскими линейными батальонами, ставшими Восточносибирскими стрелковыми полками. В 1910 г. все отдельные стрелковые батальоны станут стрелковыми полками. Принятая в 1874 г. система воинской повинности, заменившая рекрутчину, способствовала как набору людей, так и созданию значительного резерва.

По сравнению с пехотой количество кавалерийских полков изменялось мало, а количество кавалерийских полков нового строя быстро растет в начале Великой Северной войны — с нуля в 1700 г. до 57 в 1711 г. После введения новых штатов в 1711 г. данная цифра начинает уменьшаться и в послевоенное время достигает самой низкой точки за всю историю кавалерии нового строя — 37 полков в 1721–1733 гг. В период 1733–1770 гг. в российской кавалерии постоянно происходят изменения. Правда, на графике это не так заметно. На смену расформированному полку тут же формируется новый. В 1771 г. график немного идет вниз, так как Екатерина II избавляется от 12 полков, но к концу десятилетия вновь их набирает. В последние десятилетия правления Екатерины II, при Павле I и в первые годы правления Александра I русская армия могла выставить около 50 регулярных кавалерийских полков.

Коалиционные войны заставят российское командование созвать новые кавалерийские полки. Этот процесс не завершится даже после победы над Наполеоном. В 1806 г. армия располагала 61 кавалерийским полком, в 1812 г. — 70, в 1818 г. — 77, а в 1824–1830 гг. — 78 полками. Как

и в случае с пехотными полками, больше всего регулярных кавалерийских полков русская армия могла выставить именно в спокойное время, после Наполеоновских войн.

В 1833–1835 гг. становится заметным, как русское правительство пытается сократить расходы на армию, в том числе путем расформирования частей. Количество кавалерийских полков падает с 77 до 65. В начале 1850-х гг. из армии исключены еще четыре полка, а после Крымской войны состав кавалерии устанавливается в 59 полков. Данная ситуация сохранится до 1891 г., когда регулярные кавалерийские части снова начнут формироваться. К началу Первой мировой войны в русской армии будет насчитываться 71 кавалерийский полк. На первый взгляд эта цифра может показаться незначительной. Однако следует иметь в виду, что кавалерийские дивизии (16 дивизий на 1914 г.) русской армии с 1874 г. включали по одному казачьему полку. Также отдельно существовали шесть казачьих дивизий и несколько бригад. Если учесть казачьи полки, то общее количество кавалерийских полков увеличивается примерно в 1,5 раза. Во время войны кавалерия Российской империи должна была увеличиваться исключительно за счет казачьих полков.

Стоит отметить, что не всегда увеличение количества пехоты или кавалерии связано с набором новых полков — создание новых батальонов или увеличение штатов не отображается в предыдущих графиках, однако может заметно влиять на численность армии. Это увеличение отображено на Графике 2, что позволяет проследить, как изменялась численность пехоты и кавалерии в течение XVIII — начале XX в. Нижней границей графика взят 1711 г., так как именно в этом году были утверждены общие штаты для кавалерии и пехоты. В качестве верхней границы взят 1910 г.

Первые штаты пехотных полков появляются в ПСЗРИ в 1711 г. Они предписывают иметь в армии 42 пехотных и 43 пехотных гарнизонных полка, т.е. 62 454 и 63 769 чел. соответственно, что в сумме дает 126 223 пехотинца. По пехотным полкам план был выполнен в 1716 г., но затем количество пехотных полков и служащих в них уменьшилось. План по гарнизонным частям не был выполнен до новых штатов 1720 г. В последние годы правления Петра I и его первых преемников количество регулярной пехоты в армии поддерживается на уровне 110–120 тыс. чел. С восшествием на престол Анны Иоанновны русская пехота увеличилась на 25 тыс. и должна была достигнуть цифры в 143 тыс. чел. Следующие тридцать лет данная цифра понемногу бу-

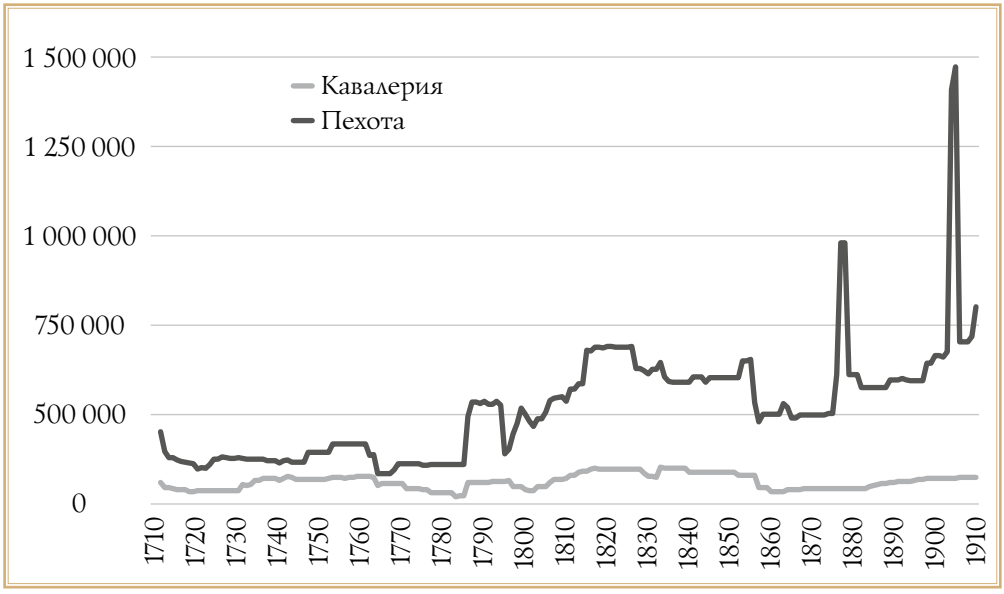


График 2. Численность пехоты и кавалерии до 1910 г.

дет снижаться. В правление Елизаветы Петровны численность пехоты уменьшилась незначительно — до 132 тыс. чел. В конце Семилетней войны и в начале екатерининского царствования численность пехоты вырастет с 132 тыс. до 171 тыс. чел., но в следующие несколько лет ее численность падает ниже значений предыдущих царствований[47]. В 1764 г. расформируют гарнизонные полки и в армии будет числиться 111 тыс. чел. С 1769 по 1783 г. штатная численность русской пехоты будет немного увеличиваться. В 1787 г. количество пехоты резко увеличивается из-за Русско-турецкой и Русско-шведских войн, шедших в 1787–1791 гг. В этих войнах появится новый тип пехоты — егерская. Заимствованная у европейских армий, эта легкая пехота сначала существовала на положении отдельных команд внутри полков, затем в составе Московского и Санкт-Петербургского легионов, больших «полков» численностью в 5757 чел. В 1775 г. было решено егерские команды свести в отдельные егерские батальоны в 4 роты, а в 1777 г. по указу № 14614 увеличить количество егерей до 6 полков по 6 рот или 5850 чел. в сумме. В 1785 г. батальоны были преобразованы в корпуса общей численностью в 38 853 чел.[48]

[47] Период Петра III на данном фоне незаметен. Его попытка переделать армию на свой вкус, выраженная в указе № 11473, была отменена Екатериной II практически мгновенно, особенно в гвардии. 28 июня (ст. стиля) Екатерина заняла престол, а 3 июля выпустила указ № 11594, «о содержании гвардии на прежнем основании».

[48] На 1796 г. существовало 3 отдельных батальона и 9 корпусов по 4 батальона.

Павловские штаты предусматривали уменьшение численности пехоты на 110 тыс. чел., однако уже в следующем году эти изменения были частично отменены. Наступили неспокойные времена революционных войн, которые требовали от Российской империи большего количества войск. Поэтому неудивительно, что численность русской армии постепенно увеличивается и достигает екатерининских времен к 1806 г. В 1793 г. Россия может выставить до 290 тыс. штыков. Абсолютный максимум достигается после штатов от 08.08.1814 г. Александр I решил не отпускать «лишних» рекрутов, а перевести пехоту гвардейскую или армейскую на четырехбатальонные или усиленные трехбатальонные штаты[49]. По расчетам, такое решение могло усилить российскую пехоту до 500 тыс. чел. Однако в этот период никаких войн не велось. Наоборот, в начале Русско-персидской войны 1826–1827 гг. армейская пехота была уменьшена на 80 тыс. чел., и в этом составе вела войны с Персией и Турцией.

В 1830-е гг. численность пехоты в полках продолжает поддерживаться. Небольшой спад заметен в 1833 г., примерно на 50 тыс. чел., хотя в действительности произошла реорганизация армии, и она лишилась примерно до 40% своих пехотных полков. В то же время происходит массовое создание отдельных линейных батальонов. До 1829 г. существовало только 4 оренбургских линейных батальона, а в 1830 г. подобных частей насчитывалось 52: 16 оренбургских, 15 сибирских, 12 грузинских и 9 кавказских. Закон № 3430 переводил некоторые местные части в отдельные батальоны. В 1834 г. прибавилось 10 черноморских, а в 1835 г. — 12 финляндских. Каждый батальон состоял примерно из 1090–1100 чел. (учитывая денщиков), а в сумме в 84 батальонах на 1853 г. должно было быть примерно 90 тыс. чинов[50]. После войны их количество будет снижаться: часть расформируют, часть переведут в губернские, горнозаводские и крепостные батальоны. Точку в истории линейных батальонов поставит 1899 г., когда туркестанские, восточносибирские и западносибирские батальоны переформируют в стрелковые части.

Даже во время Крымской войны русская пехота не достигла последенаполеоновских значений. Небольшой всплеск 1863 г. был вызван формированием новых полков № 85–160 для 20 дивизий. Размер полностью отмобилизованных полков (без учета линейных или стрелко-

[49] ПСЗРИ I. № 25630.

[50] Численность можно найти в «Хронике российской императорской армии...». Ч. 7.

вых батальонов и резерва) мог в теории достигать 850 тыс. чел., как показано на графике за 1877–1878 гг. В правление Александра III Российская империя не вела масштабных войн, но штат полков мирного времени все равно составлял внушительную цифру в 380–400 тыс. чел. Если же добавить отдельные стрелковые батальоны, то цифра вырастет. До Крымской войны русская армия имела только 9 действующих стрелковых батальонов — Лейб-гвардии Финляндский, Гренадерский Стрелковый, 1–6 стрелковые и Кавказский. Штатов они были скромных — закон № 17877 устанавливает в них 768 чел. всех чинов, а Лейб-гвардейский состоял из 1150 чел. Зато после войны законами № 30440 и № 31226 по стрелковому батальону закрепляется за каждой дивизией. Штаты этих батальонов довольно единообразны: 550–600 чел. для мирного времени и примерно 1000 чинов в военное время как для гвардейских, так и для армейских батальонов внутри страны или при Кавказской армии[51]. В сумме служащих в стрелковых батальонах состояло примерно 20 тыс. на 1869 г. Своего пика количество отдельных стрелковых батальонов достигало в 1880-х и 1900-х гг. В 1889 г. 20 армейских стрелковых полков переформировали в полки, а в 1896 г. то же самое произошло и с Восточно-Сибирскими батальонами. В начале XX в. линейные батальоны стали стрелковыми, и особенно много их оказалось в Туркестане. К сожалению, штаты этих частей трудно подсчитать. Дело в том, что почти каждый батальон имел свои исключения и особенности: количество унтер-офицеров, рядовых, мастеровых и нестроевых могло отличаться от части к части. Поэтому работа со штатами стрелковых батальонов конца XIX — начала XX в. требует от исследователя особой внимательности и аккуратности.

На этом следует закончить описание графика, так как начиная с 1861 г. и далее он становится все более примерным и умозрительным. Армия Российской империи значительно усложнилась во второй половине XIX в., и этот процесс невозможно отразить при помощи обычных линий на графике. В период XVIII в. в нем не учитываются казаки или губернские батальоны, а после 1850-х гг. в графике не отображаются линейные и стрелковые батальоны, резервные и запасные, саперные и инженерные части, казачьи полки и батальоны, отдельные эскадроны. Увеличивается пропорция саперных и инженерных частей, логистических соединений, которые также необходимо принимать во внимание.

[51] См. Свод штатов 1869 г. № 32.

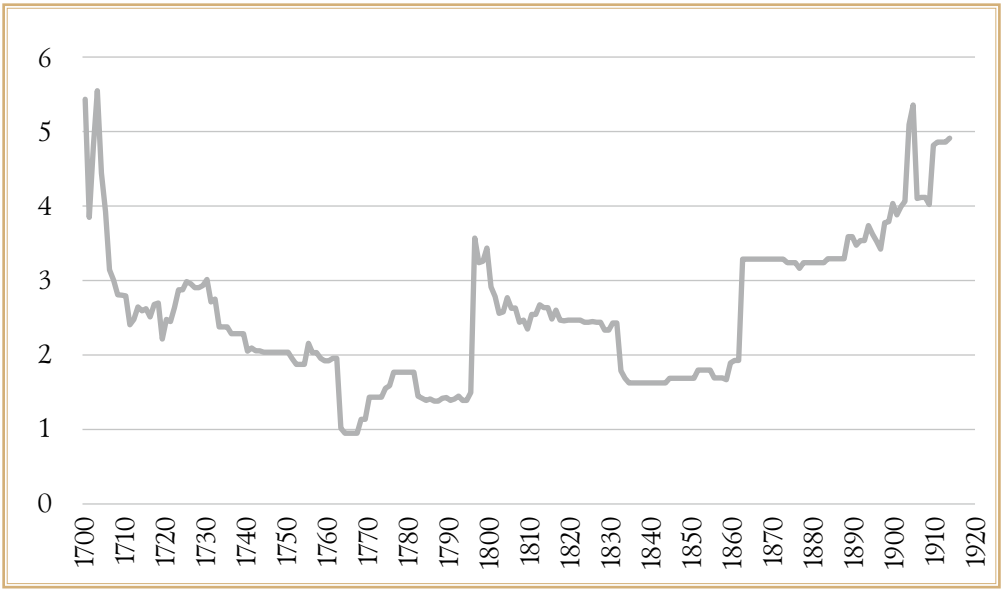


График 3.1. Соотношение пехотных полков к кавалерийским, 1700–1914 гг.

В Графике 2 также учитывается кавалерия. Несмотря на желание Петра I ограничить кавалерию 33 драгунскими полками, сделать это удалось не сразу. Заветной цифры в 43 791[52] кавалерист удалось достичь только в 1718 г., постепенно расформировывая «лишние» полки. Весь период до смерти Елизаветы Петровны количество русской регулярной кавалерии колебалось в промежутке 40–50 тыс. чел. Только после окончания Семилетней войны количество служащих в кавалерийских полках выросло и находилось в пределах 50–60 тыс. чел. В целом же кавалерия не увеличилась так резко, как пехота. Ее численность росла постепенно, что было связано с созданием новых полков, а не увеличением штатов или количества эскадронов. С другой стороны, кавалерия как род войск обходится государству значительно дороже пехоты, требуя не только людей, но и лошадей. Поэтому поставить в строй несколько тысяч сабель сложнее, чем несколько тысяч штыков.

Не всегда увеличение и сокращение штатов совпадало с войнами или крупными реформами. Между 1763 и 1770 гг. русская регулярная кавалерия выросла с 49 до 60 тыс. чел., а затем резко упала до значений 1762 г. Получается, что во время мира (1763–1768 гг.) армия была такой же, как и во время войны (1768–1770 гг.), и даже меньше (для периода 1771–1774 гг.). При этом периоды войны (1786–1791 гг.) совпадают с пе-

[52] Таблица II закона № 2319 пестрит описками, поэтому исследователю не нужно верить написанному, а пересчитывать самостоятельно.

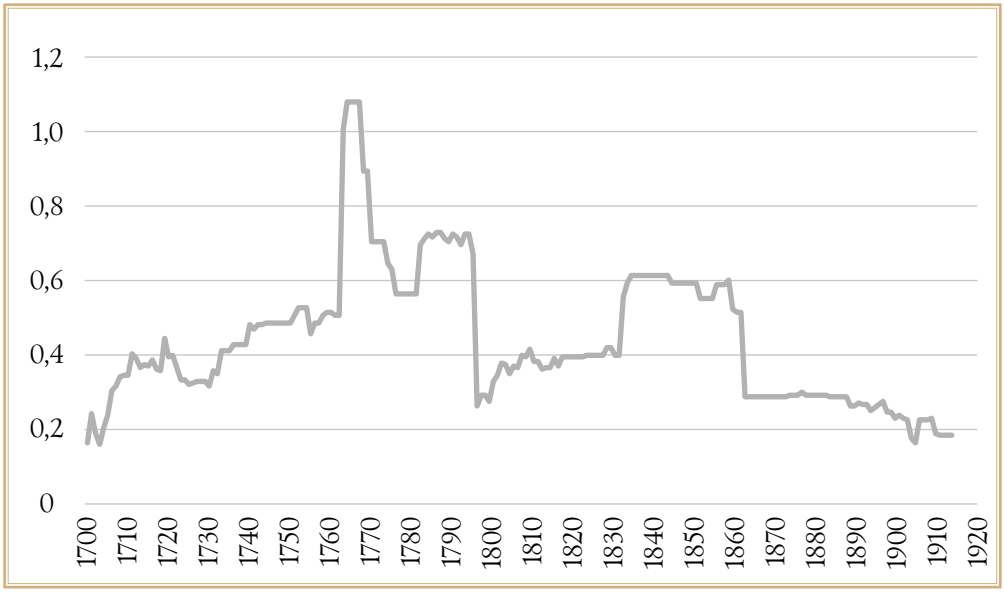


График 3.2. Соотношение кавалерийских полков к пехотным, 1700–1914 гг.

риодами увеличения армии: в 1785 г. — 41 тыс. чел., в 1786–1790 гг. — 60–64 тыс. чел.

Во время Наполеоновских войн кавалерия, естественно, увеличивается. Однако, как и в случае с пехотой, своего максимума она достигает в период после Наполеоновских войн: 1812 г. — 80 тыс., 1814 г. — 91 тыс., 1817–1828 гг. — 96–98 тыс., а между 1833–1851 гг. — 101 и 88 тыс. чел. регулярной конницы по штатам соответственно. Получается, что в николаевский период русская армия в мирное время была больше, чем в военное.

Штаты военного времени у кавалерии, как правило, отсутствовали. Исключение составляют только периоды 1732–1763 гг., 1857–1868 гг. и после 1882 г. Причем в последний отрезок штат военного времени был меньше мирного, так как из полка отчислялся кадр в запасные эскадроны.

До Первой мировой войны основными и самыми массовыми родами войск, несущими всю тяжесть войн, были кавалерия и пехота. Военные теоретики традиционно пытались определить, каким должно быть соотношение кавалерии к пехоте, чтобы добиться между ними такого сочетания, которое подчеркнуло бы их сильные стороны и скомпенсировало слабые. Приведенные графики демонстрируют, как это решалось на практике. Для этого посчитано несколько значений. Во-первых: сколько пехотных полков приходилось на один кавалерийский (коэффициент п/к). Во-вторых: сколько кавалерийских полков приходилось на один пехотный (коэффициент к/п). Вторую ци-

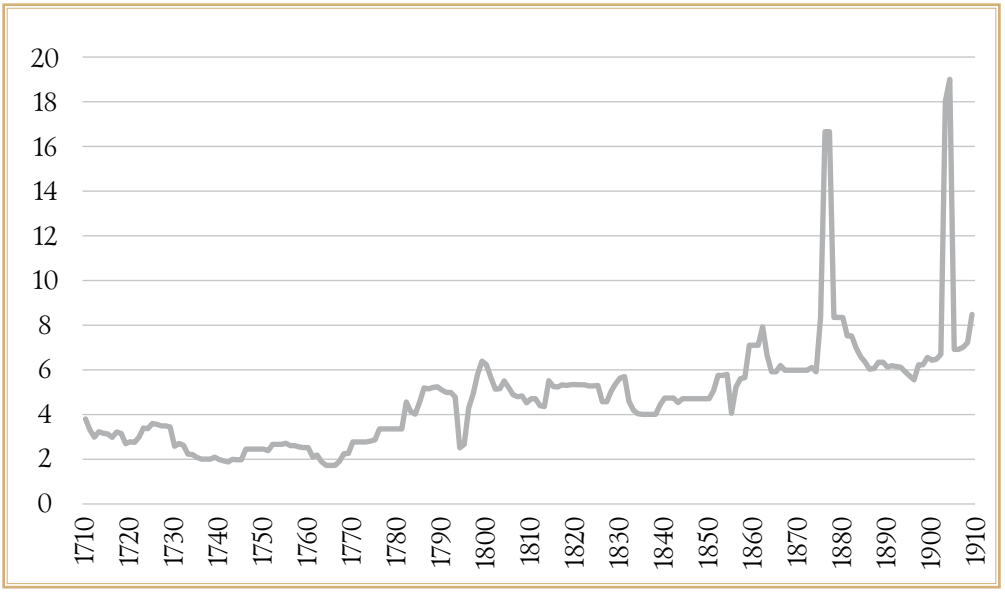


График 4.1. Соотношение пехоты к кавалерии до 1910 г.

фру также можно отразить в процентах, чтобы увидеть, какую долю кавалерийские полки составляли от пехотных в процентном соотношении. При этом необходимо иметь в виду, что подсчету подлежит число военно-административных единиц (полков), которыми удобно управлять как в мирное, так и в военное время. Отдельные батальоны и эскадроны, егерские корпуса, Московский и Санкт-Петербургский легионы, местные команды здесь не учитываются.

Графики 3.1 и 3.2 выглядят отзеркаленными, потому что в первом случае количество пехотных полков поделено на количество кавалерии, а во втором количество кавалерийских полков разделено на количество пехотных. Первый результат: сколько пехотных полков приходилось на один кавалерийский (п/к). Второй результат: доля, которую кавалерийские полки занимали по отношению к пехотным (к/п).

В первые годы существования петровской армии четкое количество полков еще только устанавливалось, поэтому участок 1700–1710гг. подвержен резким изменениям. По штатам 1711 г. в армии должны было быть 85 пехотных и 33 кавалерийских полка, т.е. кавалерия должна была составлять 39% от количества пехоты. Соответственно, на каждый кавалерийский полк приходилось 2,58 пехотных полка. В целом эта пропорция сохранялась и при преемниках Петра I [53].

[53] Самые низкие значения будут в 1726 и 1730 гг. — 2,84 пехотных полка на кавалерийский, 0,35 кавалерийских полка на пехотный.

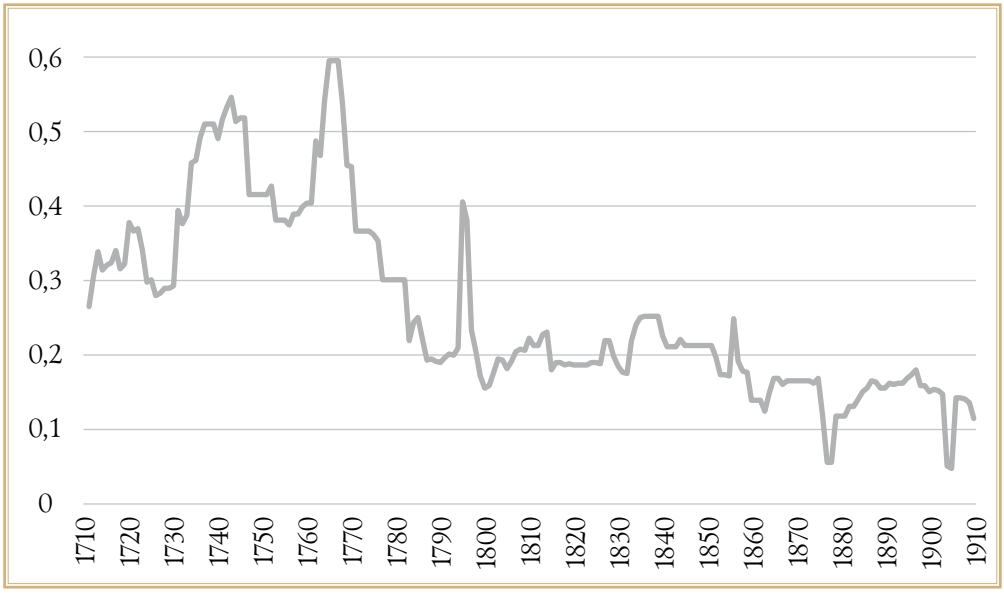


График 4.2. Соотношение кавалерии к пехоте до 1910 г.

Однако с 1733 г. доля кавалерии увеличивается, так как начинается формирование кирасирских и гусарских полков при императрицах Анне и Елизавете. К тому же начинается формирование новых кавалерийских полков — в русской армии появляются кирасиры при Анне и гусары при Елизавете. Поэтому доля кавалерийских полков увеличивается. В 1764 г. расформировываются гарнизонные полки и на один оставшийся пехотный полк будет приходиться 1,02 кавалерийского. В дальнейшем эта пропорция изменится, но все равно будет составлять примерно 0,7 кавалерийского полка на один пехотный полк, т.е. почти вдвое больше, чем в петровские времена. Безусловно, это определялось направлением военной политики, которая была нацелена на юг, в Причерноморские степи, против Крымского ханства и Османской империи.

В правление императоров Павла I и Александра I доля кавалерии к пехоте опустится и вернется к нормам петровского времени из-за формирования Павлом егерских и гарнизонных полков, а после расформирования последних за счет постепенного формирования новых мушкетерских частей для борьбы с Наполеоном. Не исключено, что эта перемена произошла из-за изменения основного театра военных действий, который переместился с Причерноморских степей в Европу. Как и при Петре I, на один кавалерийский полк приходилось 2,45–2,60 пехотных, а кавалерия составляла 37–40% от пехоты.

В ходе реформ 1831–1834 гг. было расформировано 12 кавалерийских полков и 82 пехотных. В период 1835–1862 гг. на один пехотный

График 5.1. Сравнение пропорций по численности и по полкам. Пехота к кавалерии, 1711–1910 гг.

приходилось примерно 0,55 кавалерийского полка. Данная пропорция резко упала с началом формирования новых пехотных полков после 1863 г. и в дальнейшем только уменьшалась. Если в 1863 г. на каждый пехотный полк приходилось 0,3 кавалерийских, то в 1914 г. — 0,2.

В данном графике не отображено включение в состав регулярных кавалерийских дивизий казачьих полков после 1874 г. Вместо формирования новых регулярных полков правительство планировало сэкономить на более широком вовлечении полков различных казачьих войск[54].

Рассмотрев соотношения полков друг к другу, необходимо перейти к сравнению их численности. В первом графике (пехота к кавалерии (4.1.)) разделена вся штатная численность пехоты на всю штатную численность кавалерии. В результате получается выяснить, сколько тысяч пехотинцев приходилось на тысячу кавалерии. В графике убраны тысячи для простоты подсчета, но считать следует именно так. Например, 1721 г. дает коэффициент 2,89. Это означает, что 2890 пехотинцев приходится на 1000 кавалеристов.

Для графика 4.2 штатная численность кавалерии разделена на штатную численность пехоты, что дает обратную цифру. Ее можно

[54] Об этом подробнее см.: *Волвенко А.А.* Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть: 2-я половина XIX в. — начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018. 222 [1] с., [8] л. ил., портр.: табл.; 21 см (Новейшие исследования по истории России).

График 5.2. Сравнение пропорций по численности и по полкам. Кавалерия к пехоте, 1711–1910 гг.

считать так же, как и в предыдущем графике, а можно перевести в проценты. Например, если 1721 г. показывает коэффициент 0,35, значит, 350 кавалеристов приходится на 1000 чел. пехоты. В процентном же соотношении кавалерия в данном случае составляет 35% от штатного состава пехоты. Графики указывают пропорцию между личным составом пехоты и кавалерии и позволяют понять задачи правительства одновременно с оценкой его реальных возможностей при военном строительстве.

Петровские штаты 1711 г. предусматривали, что личный состав кавалерии (43 791 чел.) будет составлять примерно 34% от пехотного (126 223 чел.). Эта пропорция соблюдалась и при следующих правителях. Весь оставшийся XVIII в. пропорция будет сохраняться в пределах 34–40%, изредка увеличиваясь или уменьшаясь. В XIX в. доля кавалеристов к пехотинцам пойдет на спад, составляя в среднем за век 18–20%. Этот график может немного измениться, если иметь в виду несколько деталей: не был учтен Обсервационный корпус Шувалова, поскольку его точных штатов в ПСЗРИ не обнаружено; не учтены Егерские батальоны и корпуса 1775–1796 гг.; не отображены отдельные дивизионы, эскадроны, казачьи и иррегулярные части. Но даже если учесть все эти пробелы, вряд ли картина изменится кардинально.

В результате можно сравнить получившиеся данные между собой. В Графике 5.1 сравнивается соотношение «количество пехоты/коли-

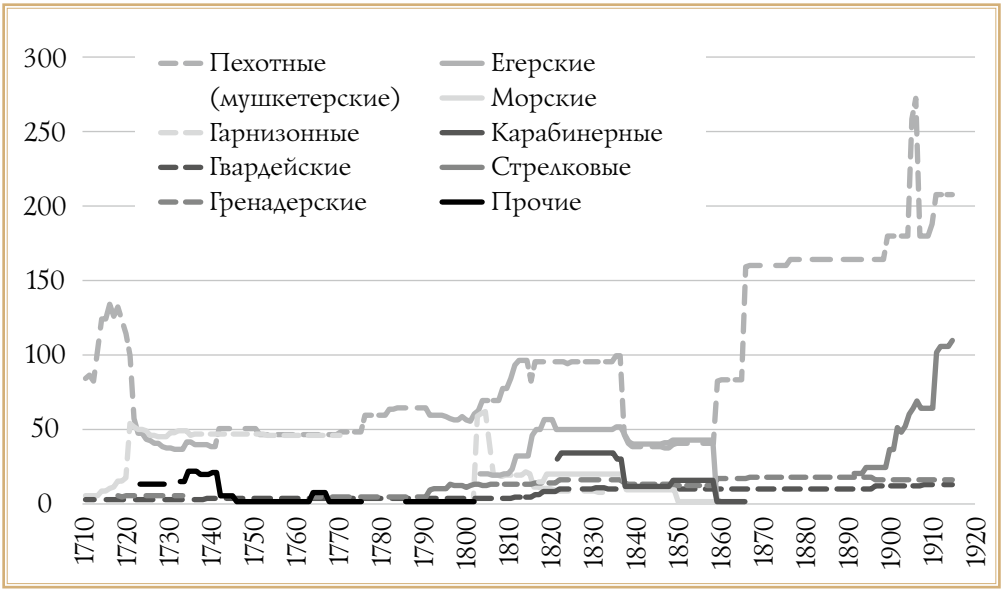


График 6. Состав российской пехоты по полкам, 1700–1914 гг.

чество кавалерии» к «пехотные полки/кавалерийские полки» и наоборот — «кавалерия/пехоте». Оба графика говорят о том, что пехоты было больше и что пехотные полки были больше кавалерийских, а доля кавалерии как по численности, так и по количеству полков постоянно уменьшалась.

Графики 6 и 7 показывают, сколько пехотных полков и каких видов состояло в русской армии в 1700–1914 гг., а также какова их доля в процентах от всей пехоты. Здесь указаны только регулярные полки нового строя. Стрелецкие, «старых служб» и поселенные полки не учитываются. Не учитываются Московский и Санкт-Петербургский легионы, а также пограничные батальоны 2-й половины XIX в.

На 1700 г. известно о 84 пехотных полках нового строя, однако их количество будет увеличиваться в следующие несколько лет. Максимального количества Петр I добьется в 1706–1708 гг., когда под его началом окажется от 126 до 134 пехотных полков. Однако почти все они существовали не более двух лет, быстро формировались и расформировывались. С 1708 г. количество полков пошло на спад: 132 в 1708 г., 123 в 1709 г., 114 в 1710 г. В 1711 г. были выпущены новые штаты, предусматривавшие существование только 85 пехотных полков: 42 полевых (пехотные и гренадерские скорее всего посчитаны вместе) и 43 гарнизонных, не считая гвардии. В процентном соотношении картина такова: 53%/45%/2% соответственно. «За штатами» же остались некоторые другие части, например, 13 ландмилицейских полков, образованных

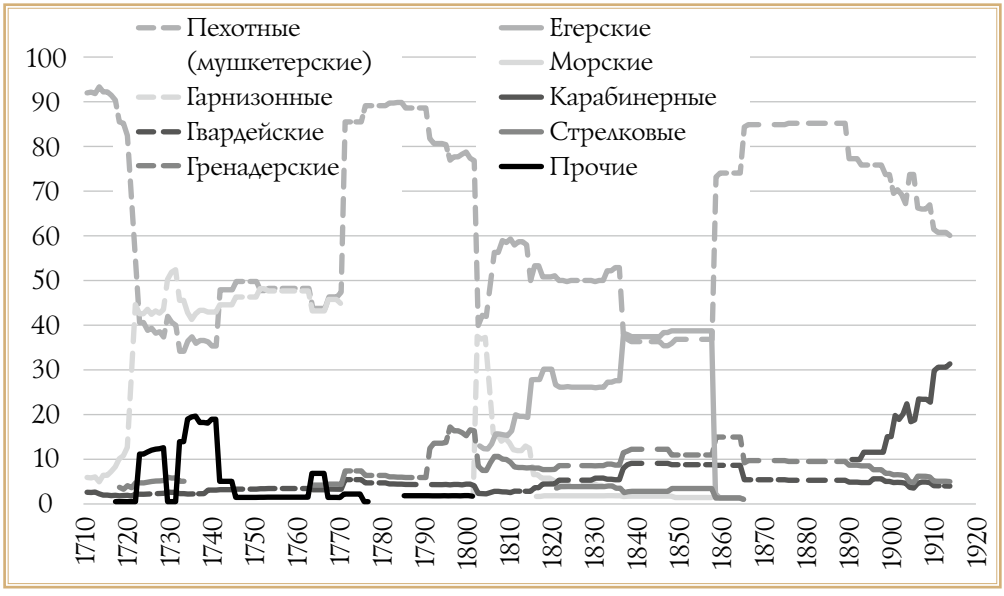


График 7. Состав российской пехоты по полкам, в процентах

в 1713 г.[55] Треть ландмилиции была регулярной, а 2/3 — нерегулярной[56]. В начале 1730-х гг. президент Военной коллегии Б.Х. Миних реформировал ландмилиционную систему, создав 4 пехотных и 16 ландмилицейских полков Украинской линии. Но в 1736 г. указом № 6925 штаты были унифицированы и все полки стали конными. Из пешей ландмилиции остался только Алексеевский полк на Закамской линии, учтенный в графе «прочие».

В штатах 1720 г. не указано, сколько полков стремился создать Петр I в своей армии. Тем более что в следующие годы потребовалось снова увеличивать количество полков для Низового корпуса и похода против Персии (они посчитаны на графике в графе «прочие»). В целом в послепетровскую эпоху состав русской пехоты не претерпел серьезных изменений. Пехотных полевых полков в сумме насчитывалось — 45–50, гарнизонных — 46–47, а гвардия увеличилась только за счет Измайловского полка.

Изменения начались в период Семилетней войны и продолжились после. Был образован Обсервационный корпус Шувалова, снова введены и выделены в отдельный вид пехоты гренадеры. Корпус Шувалова был распущен в течение войны, а гарнизонные полки разведены

[55] По указу № 2643 от 02.02.1713 г. в Киевской губернии было сформировано 5 полков, но в своих разысканиях Рабинович выявил еще 7, сформированных в других губерниях.

[56] См. ПСЗРИ. № 4200.

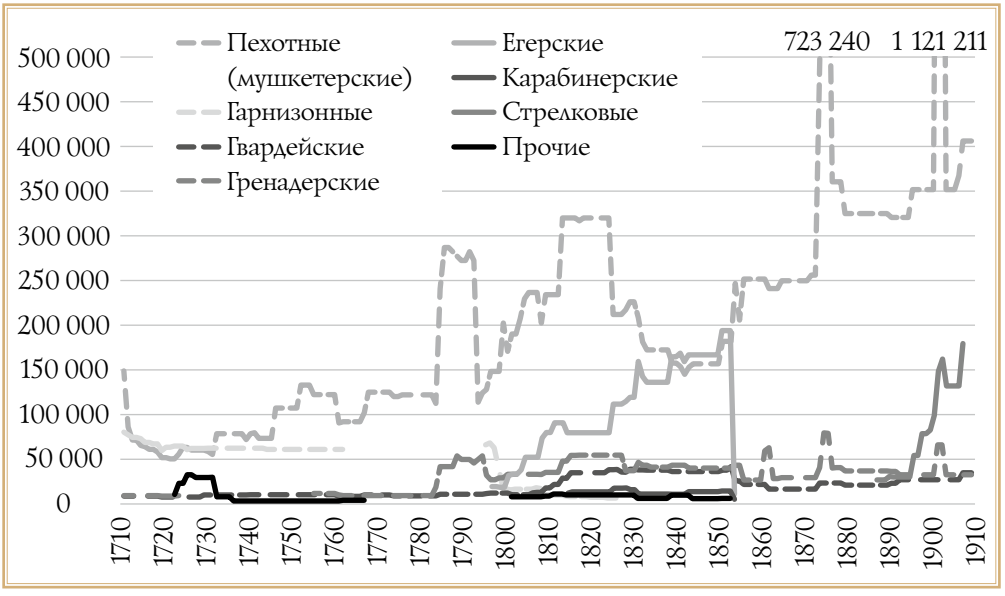


График 8. Штатная численность различных видов пехоты 1711–1910 гг.

на отдельные губернские батальоны. Гренадеры же оставались «дома». В процентах пехотных полков было 87,3%, гвардии — 5,4%, гренадер — 7,3%. С 1768 по 1769 г. постоянно создаются новые пехотные полки. При этом увеличивается также и доля гренадер. В 1784 г. их было 4, в 1791 г. — 12 (или 16,7% всех полков). Также на русскую службу поступает большое количество эмигрантов. Так, из греческих волонтеров был сформирован Греческий полк (отображен в графе «прочие»).

Поскольку проект посвящен исключительно полкам, на графиках не находят свое отображение егерские батальоны и корпуса. Однако о них уже сказано выше.

При императоре Павле I происходит два важных изменения. Во-первых, егерские батальоны и корпуса переводятся на положение полков, числом 20. Во-вторых, гарнизонные батальоны переименовываются в полки. Эти полки делились на полки «на армейском содержании» и на полки «на внутреннем содержании». Внутренние «полки» были скорее внутренними войсками и ничем не отличались от губернских батальонов. По этой причине они не учитываются в исследовании. Гарнизонные полки на армейском содержании в армии не прижились. После смерти своего создателя они быстро теряют в количестве и постепенно сходят со сцены: в 1799 г. их было 62(37%), в 1801 г. — 19(15%), в 1816 г. — 9(12,5%). Гарнизонные полки на армейском положении могли содержать до четверти всей пехоты — 60 тыс. чел. Егерским же полкам предстояла долгая служба при следующих императорах.

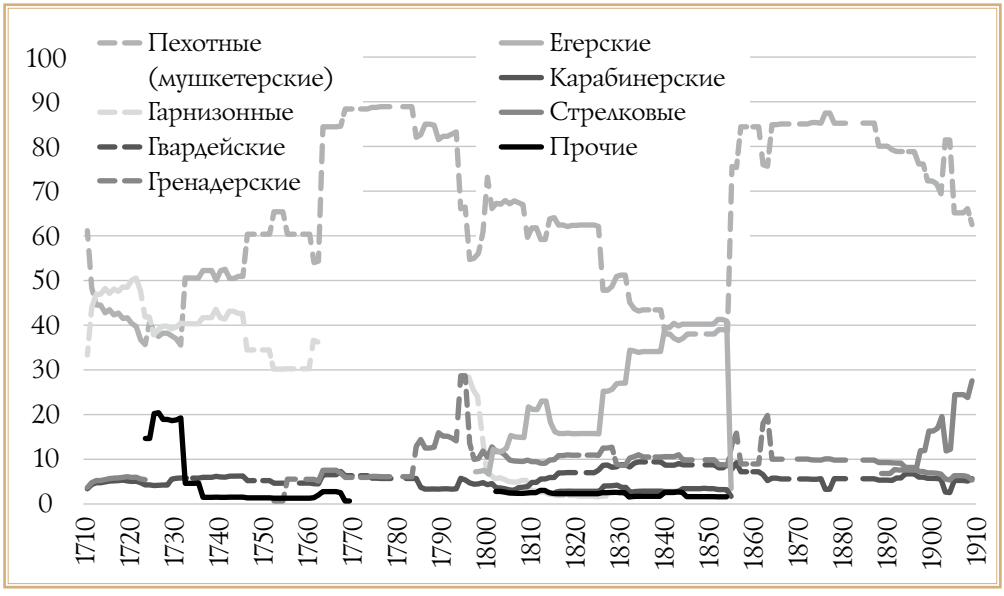


График 9. Доля различной пехоты в процентах, 1711–1910 гг.

Во время Наполеоновских войн количество полков различных типов пехоты значительно увеличилось. Обычная линейная пехота все еще была основой армии и составляла 50–60% всех пехотных полков. Легкая пехота егерских полков шла второй по численности — 50–57 полков (30% в 1811–1813 гг. и примерно 25% в последующие). По итогам войны добавилось 3 гренадерских полка и 7 гвардейских, включая части Литовского корпуса. 16 гренадерских полков составляли 8,3% всей армии, а 10 гвардейских чуть больше 5,3%. Отличившиеся в войну егерские полки переводили в гренадерские дивизии с почетным названием «карабинерские» и правом гренадерского барабанного боя (4%, т.е. всего 8 полков). Дополнительно на балансе Военного министерства с 1811 г. появились 4 морских полка, которые ранее использовались для десантных операций, а затем были переданы в сухопутную армию.

В этом виде армия просуществовала еще полтора десятилетия, пока в 1833–1835 гг. не расформировали до 50 пехотных полков, а также некоторое количество гренадер, егерей и других родов пехоты. От гарнизонных полков отказались еще в 1828 г. Данное положение (когда пехотных и егерских полков приходилось почти 1:1, т. е. 35%:37%) просуществовало до Крымской войны, по итогам которой егерские полки были переведены в пехоту.

В период Милютинских реформ линейные пехотные полки снова заняли основное положение в армии. Перевод егерских полков в линейные повысил долю последних до 74%, а после формирования 20 ди-

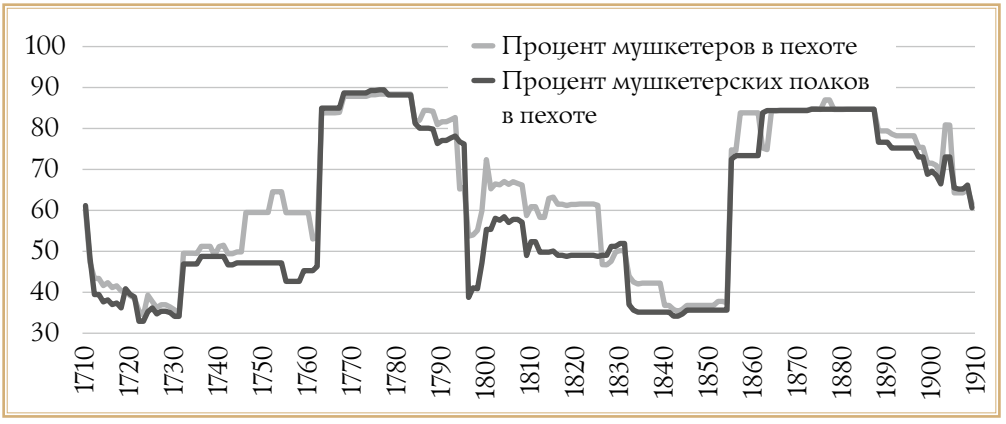


График 10. Сравнение процента пехотных полков к проценту служащих в пехоте, 1711–1910 гг.

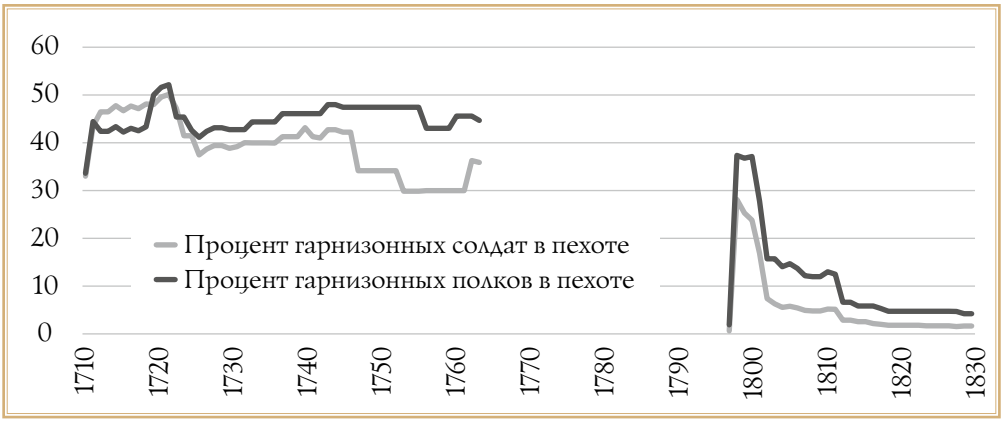


График 11. Сравнение процента гарнизонных полков в армии к проценту служащих в них, 1711–1830 гг.

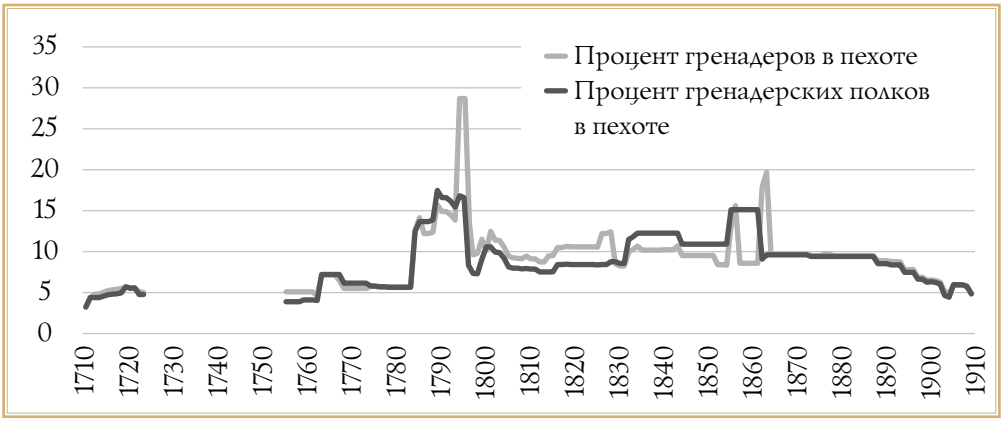


График 12. Сравнение процента гренадерских полков в армии к проценту служащих в них, 1711–1910 гг.

График 13. Сравнение процента гвардейских пехотных полков в армии к проценту служащих в них, 1711–1910 гг.

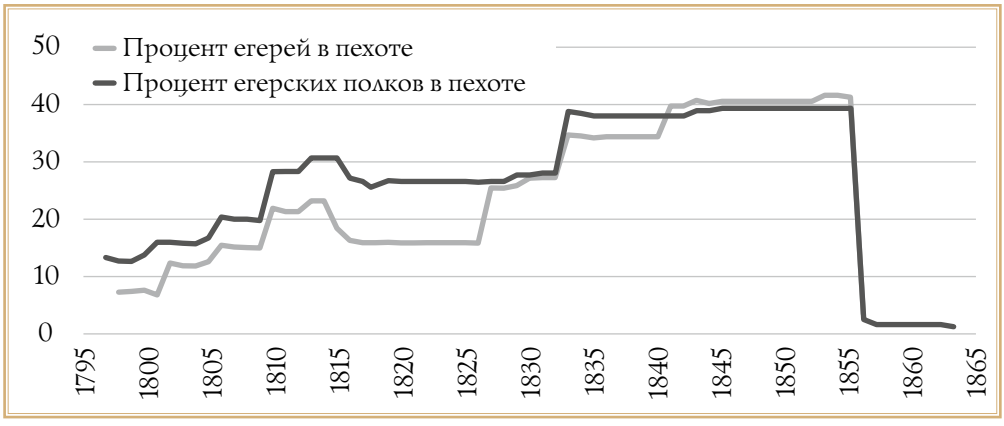


График 14. Сравнение процента егерских полков в армии к проценту служащих в них, 1797–1863 гг.

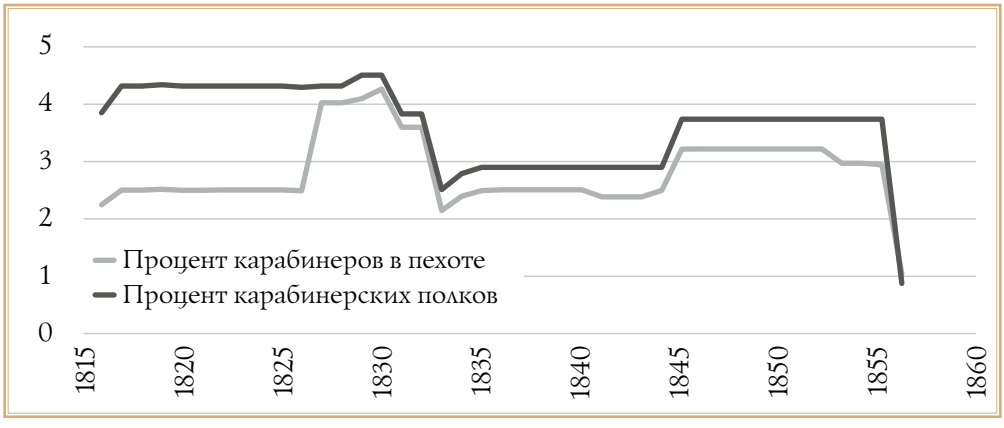


График 15. Сравнение процента карабинерных полков в армии к проценту служащих в них, 1816–1856 гг.

График 16. Сравнение процента стрелковых пехотных полков в армии к проенту служащих в них, 1889–1910 гг.

визий в 1863 г. до 85%. В армии остались только обычные пехотные полки — гренадерские (9,5%) и гвардейские (5%).

Дальнейшее увеличение армии произойдет не столько из-за формирования новых пехотных, сколько за счет создания стрелковых полков. За период 1874–1914 гг. было образовано 48 новых пехотных полков, а за период 1889–1914 гг. появилось 110 стрелковых. Когда в 1889 г. отдельные стрелковые батальоны стали преобразовывать в полки, а стрелковые бригады в дивизии, их доля составила 9,5% от всех полков. В 1914 г. каждый третий пехотный полк был стрелковым (31,7%), 2 и 3 — пехотными (60%). На долю гренадерских и гвардейских в сумме приходилось только 10% (3,75% и 4,61% соответственно). С другой стороны, снабженные одним и тем же оружием, обученные по одному и тому же уставу, пользующиеся одной и той же тактикой, пехотные и стрелковые полки вряд ли кардинально отличались друг от друга.

График 8 урезан, поскольку мобилизационные пики 1877–1878 гг. и 1904–1905 гг. доминируют над всей таблицей и мешают обратить внимание на другие годы.

В петровское время создается впечатление, будто гарнизонные полки преобладают над пехотными — 50% и 40% соответственно. Однако необходимо добавить 5 гренадерских полков (в 1725 г. переведенных в пехотных), и процент обоих видов пехоты в армии более или менее совпадет. После роспуска гарнизонных полков доля полевой пехоты идет вверх, но в 1780-е гг. уменьшается, уступая дорогу гренадерам. В 1784 г. только 5% солдат в армии были гренадерами. В 1790 г. их доля увеличилась до 18%, а в 1795 г. почти каждый третий солдат был гренадером (29%). В этих условиях и без того небольшая

доля гвардейских солдат (5–6% в предыдущие царствования) упала до мизерных 2%.

При Павле I и Александре I за право называться основой армии соревнуется егерская пехота. После объединения в полки в 1797 г. она составляла только 8%, в 1814 г. и 1828 г. примерно 25%. С 1841 г. егерей в армии насчитывалось на 10 тыс. чел. больше, чем обычной пехоты, без гренадер. После Крымской войны егерские полки переведут в линейную пехоту, и она снова станет основой армии, составляя 85% от всех пехотинцев. Гренадерам и гвардии достанется 10% и 5% соответственно. С 1889 г. начнется массовое формирование стрелковых полков. В 1889 г. в них служило 6% всех пехотинцев, а в 1914 г. — 27%. Однако, как уже было сказано, вряд ли есть смысл разделять эти полки чем-либо, кроме названия. Унификация оружия, амуниции и тактики боя уравняла разные виды пехоты и всю ее превратила в «стрелковую», вне зависимости от названия.

В итоге следует сравнить процентные соотношения долей полков и долей пехоты друг к другу. Эти сравнения могут высветить интересные совпадения или расхождения. Так, например, очевидно, что в большинстве своем количество служащих в определенном виде пехоты соответствовало доле своих полков. Если в 1740 г. 50% всех полков были пехотными, то в них служило 50% всех пехотинцев. В 1785 г. 12% всех полков были гренадерскими и 12% всех пехотинцев были гренадерами. В 1850 г. 40% всех полков были егерскими, а егеря составляли 39% всей пехоты. В 1908 г. стрелковые полки и служащие в них составляли 23% и 24% соответственно. Расхождения могут быть связаны либо с погрешностями в расчетах, либо с планированием военного строительства. В первом случае — это расхождение в Графике 9 за 1756–1760 гг., 1801–1826 гг. и, возможно, за 1855–1865 гг. За первый период не посчитаны штаты Обсервационного корпуса Шувалова. За второй период частично учтены штаты гарнизонных полков. В третьем периоде армия вступила в период перестройки, штаты часто менялись и масштаб графика не может этого отобразить. Во втором случае ситуация объясняется необходимостью создать большое количество военно-административных единиц, выполняющих особые задачи, например гренадеров — тяжелую пехоту, собранную в большие полки. Однако доля гренадеров в армии соответствует доле полков. Зато подобное расхождение видно по графикам 13 и 14 — егерям и карабинерам. В теории в XVIII — начале XIX в. ими должны быть отряды застрельщиков, которые тревожили врага на поле боя, расстраивали его ряды меткой стрельбой и всячески ослабляли противника. Действительно, доля егерей и карабинеров

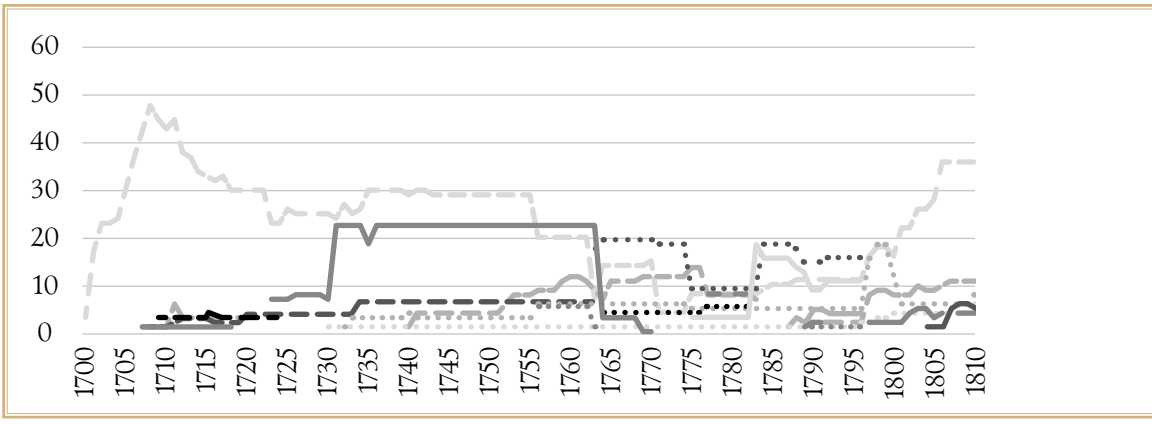


График 17. Из каких кавалерийских полков состояла армия, 1700–1914 гг. (начало)

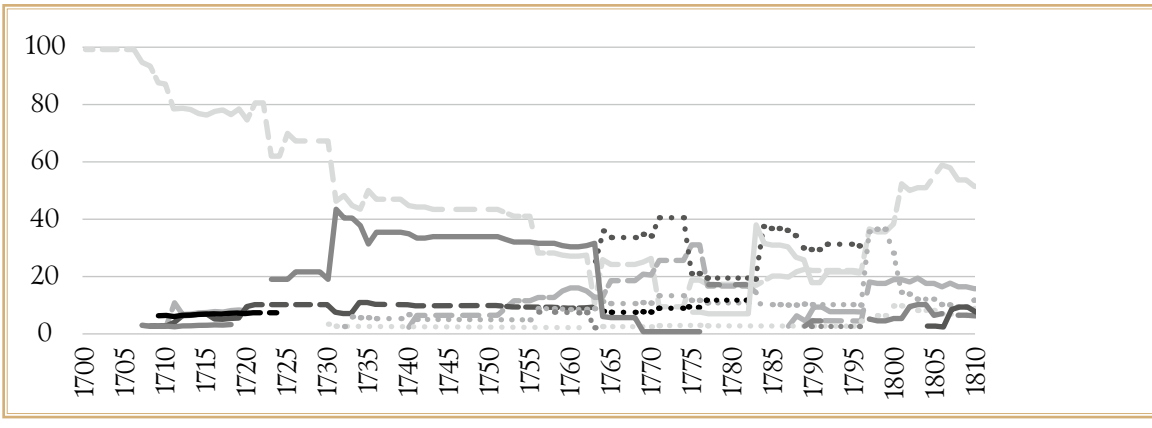


График 18. Процентное соотношение разных видов кавалерийских полков, 1700–1914 гг. (начало)

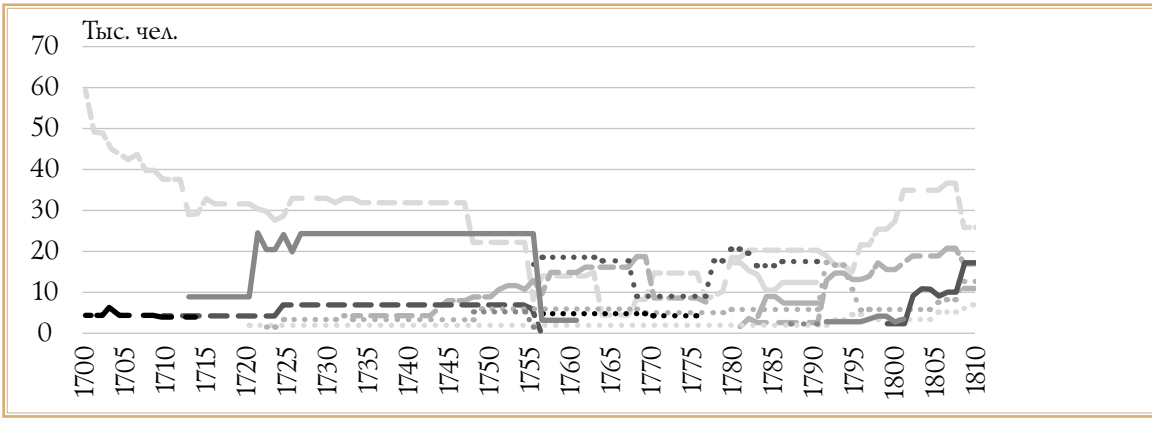


График 19. Численность разных видов кавалерии по штатам, 1711–1910 гг. (начало)

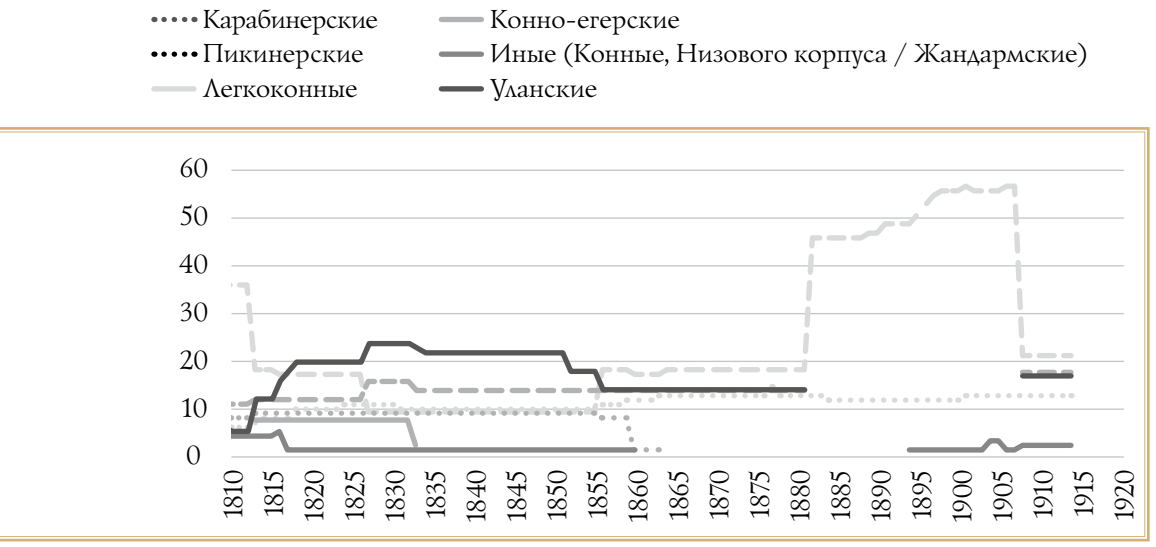


График 17. Из каких кавалерийских полков состояла армия, 1700–1914 гг. (продолжение)

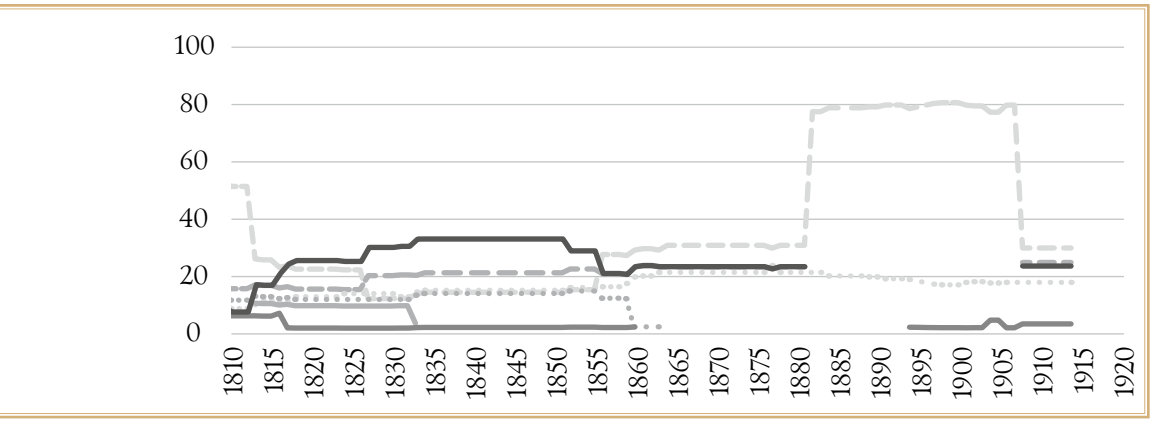


График 18. Процентное соотношение разных видов кавалерийских полков, 1700–1914 гг. (продолжение)

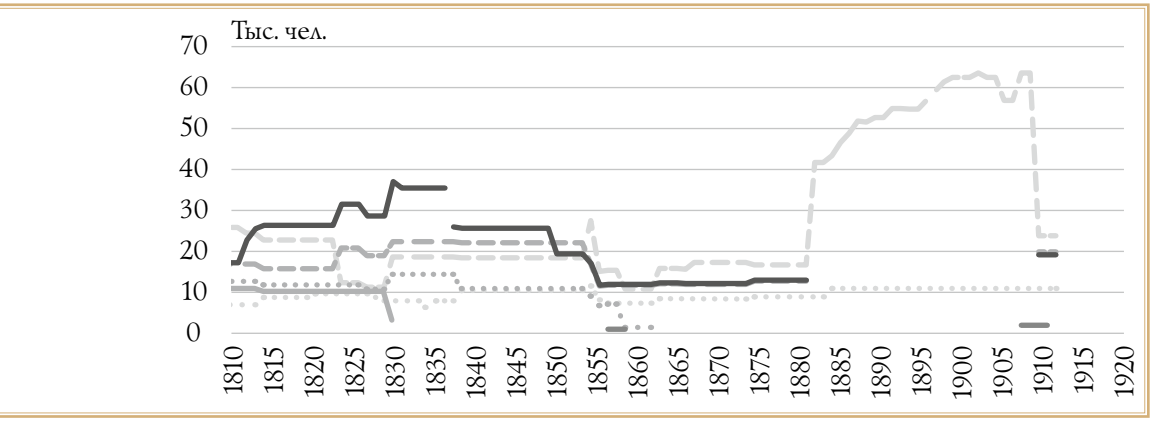


График 19. Численность разных видов кавалерии по штатам, 1711–1910 гг. (продолжение)

в армии меньше, чем доля их полков. Если учесть пропущенные штаты гарнизонных полков за 1796–1826 гг., то их доля будет еще меньше. С другой стороны, новые штаты от 19.11.1826 г.[57] полностью сравняли их с пехотными полками, и доля служащих в них совпадала с долей полков во всей армии. То же самое применимо и к карабинерам.

Изменения в составе кавалерии Русской императорской армии описаны в трудах Иванова, Маркова и Брикса. Полученные графики позволяют изобразить эти изменения в доступной и понятной форме.

На графике видны взрывной рост конницы «нового маниру» в первую половину Семилетней войны и стабилизация ее количества после 1711 г. Петр I планировал иметь 33 драгунских полка и смог добиться этого к 1715 г. (либо к 1718 г., если считать драгунские гренадерские). Они составляли подавляющую долю русской кавалерии — 79% полков (43 791 чел.)[58]. На тридцать драгунских полков приходилось только четыре, а с 1734 г. — семь драгунских гарнизонных полков, или 4308 и 7392 чина соответственно[59]. Проседание 1723–1732 гг. не меняет картину — это драгунские полки Низового корпуса, которые имели свой штат и в составе армии занимали около 20% полков и служащих. В целом можно сказать, что петровская структура кавалерии дожила до 1763 г. и только опыт борьбы с Фридрихом Великим потребовал срочных реформ в русской коннице.

Из графика видно, что до 1763 г. нововведения в составе полков с трудом находили себе место. Гусарские полки при Петре I, собранные для Прутского похода 1711 г., были из шести полков переформированы в три хоругви неясного состава и распущены в 1720 г. Заметное место в армии они занимают во время Семилетней войны и с началом Наполеоновских войн. С 1730-х гг. в армии появляются кирасирские полки. Президент военной коллегии фельдмаршал Миних планировал создать десять таких полков с конным заводом под каждый полк. Однако это предприятие оказалось слишком дорогим и пришлось ограничиться тремя полками.

---

[57] Хроника российской императорской армии...Ч.4. С. XIX–XX, добавлены денщики.

[58] В таблицах указано, что это составляло 90% кавалерии. Однако здесь имеется небольшая погрешность — неизвестны штаты гусарских хоругвей. По этой причине цифра немного завышена. После расформирования хоругвей в 1720 г. пропорции драгун совпадут.

[59] В мирное время. Аннинские и Елизаветинские штаты различались в мирное и в военное время, хотя и не сильно. В драгунском гарнизонном полку после 1731 г. предполагалось в мирное время — 1056 чинов и 802 строевые лошади, а для военного времени — 1180 чинов и 1061 строевых лошадей соответственно.

Закон № 11735 от 14.01.1763 г. означает, что в армии начался период перемен. Для конницы было определено соотношение — на два полка пехоты должен приходиться один полк тяжелой конницы, а на два эскадрона тяжелой — один эскадрон легкой непоселенной кавалерии или 100 казаков. Для этого 13 драгунских и 6 конно-гренадерских полков переименовали в карабинерные. Были созданы пикинерские полки и набрано несколько новых гусарских. Дальнейшие указы екатерининского времени — № 14236 от 16.01.1775, № 14552 от 24.12.1776 и № 16376 от 10.04.1786 увеличили роль легкой и поселенной конницы, которая «предпочтительно всякому другому войску» могла «удержать буйство и набеги соседния». В период между 1763–1783 гг. в гусарах служило от 18% до 33% всех кавалеристов, т.е. от 9,5 до 19 тыс., от 10% до 15% — пикинерских; с 1782 г. долю гусар заняли легкоконные полки. На тяжелую конницу из драгун, карабинеров и кирасир приходились остальные 60–70%.

После кончины Екатерины Великой началась новая череда изменений в кавалерии. Значительно уменьшалась легкая конница, которую частью расформировали, частью перевели в гусары. Большую долю карабинеров и конно-гренадерский полк перевели в кирасиры, число которых Павел I увеличил до 19 полков (примерно 35% всей кавалерии; 17 712 чел.). Доля тяжелой кавалерии в войсках при этом не изменилась и продолжала составлять около 65%. Павел также попытался сформировать несколько конных полков на этнической основе — Польский конный полк и Литовско-татарский конный полк. Были образованы два новых гвардейских полка — Лейб-гвардии Казачий и Лейб-гвардии Гусарский полки. Оба были небольшими, в несколько эскадронов. Смерть Павла оборвала его начинания, а начавшиеся войны с Наполеоном потребовали нового подхода к армейскому строительству. С приходом к власти императора Александра I и началом Наполеоновских войн задумка Павла с кирасирами была отменена, и драгуны снова становятся основой кавалерии (46% всех полков; 52% всех кавалеристов в 1801 г.). На втором месте находились гусары (28% и 18% в 1801 г.) и уланы (после 1813 г.). Последние хорошо зарекомендовали себя на полях Европы, поэтому после Наполеоновских войн они станут самой массовой кавалерией в армии и составят 26% всех полков и кавалеристов. Драгунские же полки в 1812 и 1827 гг. переформируют в конно-егерские, гусарские, уланские и кирасирские.

Реформы 1833 г., начавшиеся после русско-польской войны 1831 г., на графике слабо заметны и может создаться впечатление, что кава-

лерии стало меньше из-за расформирования нескольких полков, хотя по штатному расписанию она увеличилась на 22 тыс. чел. и составила чуть больше 100 тыс. чел. Из них уланы составляли 37,5 тыс. (36% всех полков), гусары — почти 23 тыс. (21%), драгуны — 18 тыс. (17,5%), кирасиры — 14,6 тыс. (14%), гвардия — 8 тыс. (8%).

После Крымской войны и в период Великих реформ армия вступила в период экономии и преобразований. В 1855 г. (по пересчетам) регулярная кавалерия имела 81 739 чинов, в 1858 г. — 53 045, а в 1861 г. — 41 871. Драгуны, гусары и уланы заняли почти равные доли в армии. Примерно 33% кавалеристов были драгунами, а на долю улан и гусар приходилось по 25%. Остальные 17% составляли гвардейцы. Кирасиры к 1860 г. были расформированы. В 1882 г. начальник Главного штаба Н.Н. Сухотин и член военно-учетного комитета при императоре Н.Н. Обручев смогли одобрить свой проект реформ, который основывался на опыте Гражданской войны в США, Франко-прусской и Русско-турецкой войн 1870-х гг.[60] С их точки зрения, кавалерия должна была снова стать конной пехотой и заниматься разведкой и рейдами на коммуникациях врага, а не ударами по порядкам врага на поле боя. Однако реформы проведенные после Русско-японской войны, привели к возвращению деления армейской кавалерии на драгун, улан и гусар. К сожалению, этот момент абсолютно не описан в историографии. Стоит отметить, что возврат к старому разделению кавалерии на драгун, гусар и улан игнорируется в работах Бескровного, Меннинга, Зайончковского и Бея. В 1907 г. драгунские полки составляли 80% всех регулярных кавалерийских полков, в которых служило 83% кавалеристов. На долю гвардии приходилось соответственно 18% и 15%. В 1908 г. на долю драгун приходилось только 31% служащих и 30% всех полков, на гусар и улан пришлось примерно по 25% полков и служащих. Доля же гвардии оставалась неизменной.

Следует обратить внимание на некоторые графики, показывающие соотношение долей полков и их численности. В большинстве своем они совпадают, а погрешность в несколько процентов можно считать случайностью. В другом случае, это может быть связано с канцелярскими ошибками в таблицах либо с намерением военачальников увеличить количество определенного типа кавалерии за счет увеличения эскадронов, а не за счет набирания новых полков.

---

60 См.: *Меннинг Б.У.* Пуля и штык. С. 72, 214–217.

График 20. Сравнение процента драгунских полков к проценту служащих в них, 1711–1910 гг.

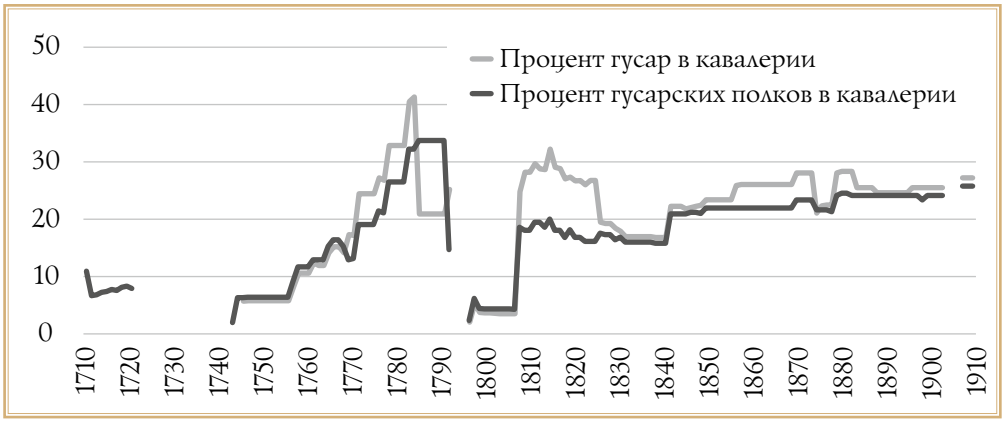


График 21. Сравнение процента гусарских полков к проценту служащих в них, 1711–1910 гг.

График 22. Сравнение процента драгунских гарнизонных полков в армии к проценту служащих в них, 1711–1763 гг.

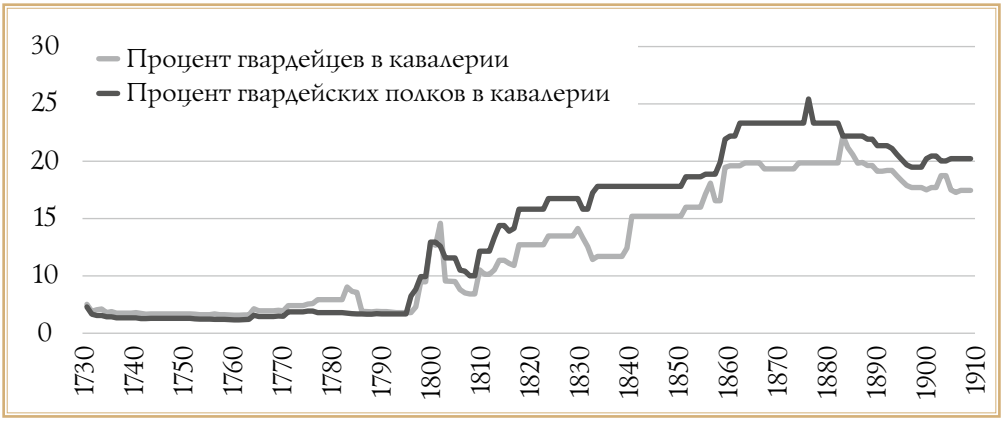


График 23. Сравнение процента гвардейских кавалерийских полков в армии к проценту служащих в них, 1730–1910 гг.

График 24. Сравнение процента кирасирских полков в армии к проценту служащих в них, 1732–1863 гг.

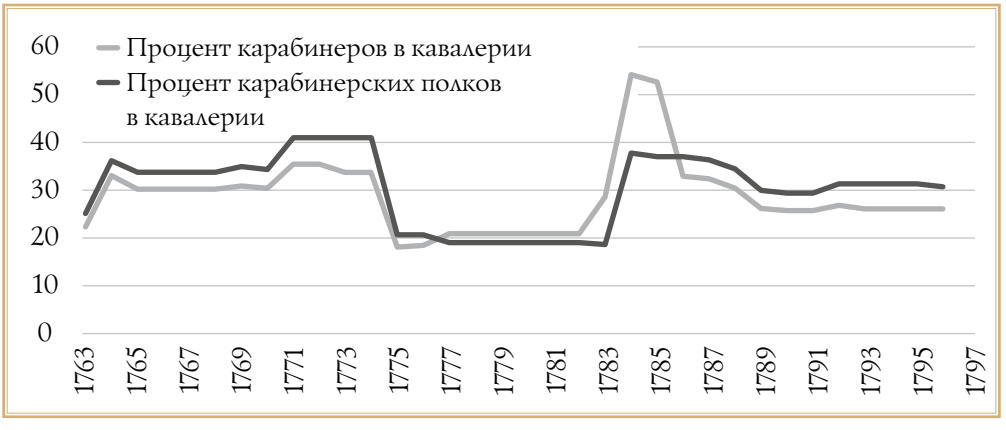


График 25. Сравнение процента карабинерских полков к проценту служащих в них, 1763–1796 гг.

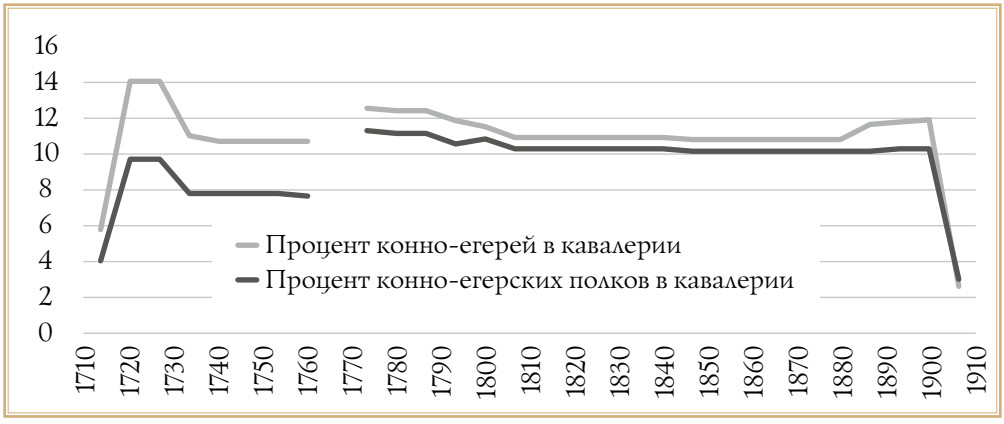


График 26. Сравнение процента конно-егерских полков в армии к проценту служащих в них, 1789–1796, 1813–1833 гг.

Вышеизложенные расчеты теоретической численности полков на полях сражений требуется сравнить с попытками расчета реальной численности полков и эскадронов в походе. Ни одна военная или гражданская структура обычно не работает в полном штатном составе — служащие или сотрудники болеют, умирают, увольняются, уходят в отпуск или отсутствуют по тысяче иных причин. Особенно это касается воинских частей. Численность воинской части может постоянно меняться и отличаться от установленных штатов. В мирное время офицеры могут разъехаться в отпуска, а рядовой состав не пополняться. В военное время солдат из строя вырывают не только тяготы службы, но и различные объективные ситуации — командировки, охрана госпиталей, сопровождение конвоев, формирование сводных частей. С другой стороны, в ожидании потерь, принимая вольноопределяющихся или дополнительных рядовых, некоторые полки раздувались больше предусмотренного штата. Поэтому штатное, заранее установленное расписание было скорее недостижимым идеалом и ориентировочной численностью, на которую можно опереться, планируя кампанию или войну.

Для того чтобы выяснить, сколько же людей в действительности служило в полках и присутствуют ли здесь какие-либо закономерности, необходимо исследовать рапорты и табели о численности русских и иностранных полков в период XVIII–XIX вв. Результаты данного исследования для XVIII в. изложены ниже. Но для начала необходимо сделать несколько уточнений. Во-первых, названия городов и других географических объектов, полков, фамилии действующих лиц и пр. переданы в современном написании и по правилам современной русской орфографии. Оригинальное написание может встретиться только в формате цитат.

Во-вторых, необходимо учитывать, что численных составов может быть несколько. Существует штатное расписание, установленное главой государства, военным ведомством или ответственным лицом. В реальности же существует еще два вида штатов — списочный состав («по спискам») и количество («налицо»). Состав «по спискам» означает, какое время человек числится в полку вообще — это общее количество военнослужащих, проходящих службу в части и стоящих на довольствии. Состав «налицо» обозначает, сколько человек находится в расположении части непосредственно в распоряжении командира полка. Между всеми тремя штатами могли быть сильные расхождения. Списочный и штатный состав мог различаться из-за боевых и небоевых потерь или из-за отсутствия пополнения. Разница между штатным составом и списочным составом — это количество человек, необходимых для пополнения.

Списочный и наличный составы тоже могли кардинально различаться. Разница возникает по ряду причин. Прежде всего по причине командирования отдельных военнослужащих или целых батальонов по различным задачам. Офицеров могли направить в какой-нибудь штаб в качестве советников, наблюдателей или адъютантов. Иногда они находились в бессрочном отпуске, не прибывая в расположение части даже в военное время. Роты или батальоны командировали в другую бригаду, дивизию или армию, в осадные корпуса или на решение других задач. В XVIII в. нередко из солдат полка выделяли роту, взвод или отделение для формирования сводных гренадерских полков или егерских команд. Таким образом, полк сразу терял 10–100 чел., не входя в соприкосновение с врагом. Болезни и эпидемии могли вообще вывести полк из строя.

Таким образом, необходимо учитывать три разные численности полка: сколько в нем должно быть (штат), сколько в нем числится («по спискам») и сколько в нем непосредственно присутствует («налицо»). Столбцы в таблицах так и обозначены — «штатная численность», «списочная численность» и «наличная численность» с некоторыми добавлениями при необходимости. В дополнение к ним идут столбцы с процентными соотношениями разных численностей между собой. В большинстве случаев штатная численность принята за 100%, а остальные численности измеряются по отношению к ней.

Самые ранние подходящие рапорты и отчеты находятся в первом томе сборника материалов по Северной войне под редакцией Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. Первые таблицы, показывающие разницу между разными штатными составами, учитывают количество и состав полков, выдвинувшихся к Нарве в 1700 г. Это «ведомость русских полков, участвовавших

в походе под Нарву в 1700 г.», опубликованная в сборнике под № 54[61]. В ней учитываются «генеральства» Головина и Вейде перед отправкой на фронт одного драгунского, двух гвардейских и восьми пехотных полков. Гвардейские полки не учитываются, потому что данные по ним плохо отображены. По документу можно составить следующую таблицу.

Дивизия Головина							
	«К даче жалования людей написан»	«По наряду послано»	Процент посланного к списочному	Наличный состав:	Наличный состав к посланному	Не явилось на службу:	Неявившиеся ко всем посланным
Драгунский Шневенца полк	1041	996	95,68%	721	72,39%	275	27,61%
Пехотный Матвея Фливерка полк	1180	1180	100,00%	800	67,80%	380	32,20%
Пехотный Петра Девсона полк	1307	1286	98,39%	908	70,61%	378	29,39%
Пехотный Матвея Трейдена полк	1335	1322	99,03%	1122	84,87%	200	15,13%
Пехотный Ивана Трейдена полк	1312	1304	99,39%	1103	84,59%	201	15,41%
Пехотный Карлуса Иваницкого полк	1323	1308	98,87%	860	65,75%	448	34,25%
Пехотный Ивана Мевса полк	1239	1222	98,63%	815	66,69%	407	33,31%
Пехотный Ильи Билса полк	959	953	99,37%	708	74,29%	245	25,71%
Пехотный Остафья Больмана полк	1237	1211	97,90%	890	73,49%	321	26,51%
Всего без гвардии:	10 933	10 782	98,62%	7927	73,52%	2855	26,48%
В среднем					73,51%		26,49%

[61] Северная война 1700–1721 г. С. 68–70.

Первая колонка («к даче жалования людей написано») — это списочный состав. Она показывает, сколько человек получало жалование в полку, включая офицеров и солдат. Необходимо выяснить, насколько она сочетается с другими колонками — «по наряду послано» и «налицо». «По наряду послано» означает, сколько рядовых и урядников было приказано послать в поход, а «налицо» указывает наличный состав, т. е. сколько действительно выступило. Таким образом в драгунском Шневенца полку числилось 1041 человек (45 офицеров и 996 рядовых). При этом в поход было отправлено 996 рядовых, из которых фактически вышло только 721, а 275 служащих не явилось. Сколько отправлено офицеров — неизвестно.

Сравнив «написанный» и «посланный» наряды, может показаться, что в дивизии Головина все было порядке, так как 98,5% наличного состава послано в поход (10 800 чел. из 11 000 тыс.). На первый взгляд дивизия хорошо подготовлена к походу. Но реальная ситуация была не столь радужной, и здесь критична колонка «налицо», показывающая совсем другую картину. Как указывалось выше, в драгунском полку Шневенца «налицо» был 721 рядовой из отправленных 996, т.е. 72%. При этом не явилось 275 чел. (28%). В полку Карлуса Иваницкого только 66% наличного состава выступило в поход. В полках Матвея и Ивана Трейденов ситуация выглядит получше — они были полны на 85%. Даже если учесть погрешность из-за неясной судьбы 154 офицеров дивизии, то картина не изменится. В среднем выступило 73,5% наличного состава дивизии, а не 98,5%.

Дивизия Вейде					
	Списочный состав	Наличный состав	Наличный состав в походе	Не явилось	Отсутствующие в походе
Драгунской Гулица полк	800	667	83,38%	133	16,63%
Пехотный Юрия Лима полк	1018	934	91,75%	84	8,25%
Пехотный Томаса Юнгера полк	1185	957	80,76%	228	19,24%
Пехотный Ирика фон Вердена полк	1181	807	68,33%	374	31,67%
Пехотный Ивана фон Делдина полк	1205	986	81,83%	219	18,17%

Дивизия Вейде					
	Списочный состав	Наличный состав	Наличный состав в походе	Не явилось	Отсутствующие в походе
Пехотный Вилима фон Делдина полк	1192	964	80,87%	228	19,13%
Пехотный Вилима фон Шведена полк	1306	933	71,44%	373	28,56%
Пехотный Николая Балка полк	1187	1061	89,39%	126	10,61%
Пехотный Федора Балка полк	1011	801	79,23%	210	20,77%
Пехотный Гордона полк	1079	951	88,14%	128	11,86%
Всего	11 164	9061	81,16%	2103	18,84%
В среднем			81,51%		18,49%

Дивизия Вейде выступила в поход в более полном составе — примерно 80% рядовых от получающих жалованье находилось при дивизии. Некоторые полки почти не испытывали проблем со служащими. Так, в полку Лима отсутствовало только 8% нижних чинов. Но в пехотных полках Вердена и фон Шведена почти 30% рядовых не явились на службу. В дополнение к этому, под Нарву дивизия Вейде явилась в составе примерно 8500 чел., без полков Гордона и Делдина[62]. В целом в двух дивизиях должно было быть 25 953 чел. (с учетом гвардии), из которых по спискам служило 25 684 чел. к (99%). На войну же выдвинулось только 20 726 чинов (80%), а 4958 служащих (24%) находились неизвестно где[63].

В 1700–1704 гг. не существовало единых штатов для всех пехотных и кавалерийских полков. Скорее всего, штат полков утверждался в зависимости от конкретной ситуации. Документы из сборника показывают, что могли существовать полки в 1000, 1100, 1200 чел. рядового и унтер-офицерского состава[64]. Новые точные штаты 30 пехотных полков и всей кавалерии были установлены в ноябре 1704 г. и опубли-

[62] Там же. С. 71.
[63] Там же. С. 69.
[64] Там же. С. 70.

кованы в сборнике под номером 194[65]. Писари привели не только список полков, но и указали доноябрьский численный состав этих полков. Если предположить, что их доноябрьские штаты составляли 1100 чел., то получится следующая картина.

	Предполагаемый штат до ноября 1704 г.	Наличный состав по старым штатам	Наличный состав на переформирование	Наличный состав по новым штатам	Новый штат после ноября 1704 г.
Пехотный Фельдмаршала Огилви полк	1100	102,09%	1123	83,19%	1350
Пехотный генерала Репнина полк	1100	106,36%	1170	86,67%	1350
Пехотный генерала Шонбека полк	1100	87,64%	964	71,41%	1350
Пехотный генерала Чамберса полк	1100	75,91%	835	61,85%	1350
Пехотный Гордона полк	1100	96,00%	1056	78,22%	1350
Пехотный Гулица полк	1100	79,55%	875	64,81%	1350
Пехотный Бернера полк	1100	83,55%	919	68,07%	1350
Пехотный Рыдера полк	1100	70,45%	775	57,41%	1350
Пехотный Бушева полк	1100	85,09%	936	69,33%	1350
Пехотный Купера полк	1100	84,55%	930	68,89%	1350
Пехотный Бовиша полк	1100	93,27%	1026	76,00%	1350
Пехотный фон Шведена полк	1100	69,55%	765	56,67%	1350
Пехотный Айгуста полк	1100	69,00%	759	56,22%	1350
Пехотный фон Делдина полк	1100	68,36%	752	55,70%	1350
Пехотный Мевса полк	1100	72,82%	801	59,33%	1350

[65] Там же. С. 226–227.

	Предполагаемый штат до ноября 1704 г.	Наличный состав по старым штатам	Наличный состав на переформирование	Наличный состав по новым штатам	Новый штат после ноября 1704 г.
Пехотный Балка полк	1100	73,64%	810	60,00%	1350
Пехотный Англера полк	1100	71,27%	784	58,07%	1350
Пехотный Шкота полк	1100	64,00%	704	52,15%	1350
Пехотный Дениса Рыддера полк	1100	69,36%	763	56,52%	1350
Пехотный Келлинга полк	1100	65,73%	723	53,56%	1350
Пехотный Шереметева полк	1100	64,36%	708	52,44%	1350
Пехотный Геринга полк	1100	66,55%	732	54,22%	1350
Пехотный Федотова полк	1100	90,82%	999	74,00%	1350
Пехотный Бильса полк	1100	70,91%	780	57,78%	1350
Пехотный Стрекалова полк	1100	45,55%	501	37,11%	1350
Пехотный Баишева полк	1100	87,91%	967	71,63%	1350
В среднем	28 600	77,47%	22 157	63,13%	35 100

Из таблицы следует, что полки Огильви и Репнина были, скорее всего, большего штата. В остальных полках некомплект составлял 20–30% от численности рядовых и урядников. С одной стороны, эти полки только что участвовали в осаде Нарвы и несли потери во время военных действий. С другой стороны, потери под Нарвой нам известны, и они не могли столь значительно проредить полки[66]. Следовательно, некомплект частей был вызван не осадой Нарвы, а какими-то другими причинами.

[66] См.: *Артамонов В.А.* Полтавская битва. Генеральная баталия Северной войны. 1700–1709. М.: Академический проект [б.д.] С. 484. (История России: Империя). С. 57.

Введение единообразных штатов помогает узнать, насколько успешно русская военная бюрократия справлялась с восполнением потерь в полках. В октябре 1705 г.[67], т.е. почти ровно через год, была составлена другая «табэла», которая показывала списочный и наличный состав войск под Гродно. В данном случае можно сравнить уже все три состава — штатный, списочный и наличный.

	Штаты от 11.1704	Наличный состав	Больные и в посылках	Наличный состав от штатного	Больные в посылках от штатного состава	Итого списочного состава
Преображенский полк	3350	2714	187	81,01%	5,58%	86,60%
Семеновский полк	3350	1980	242	59,10%	7,22%	66,33%
Пехотный Ингерманландский полк	2550	1561	206	61,22%	8,08%	69,29%
Пехотный фельдмаршала фон Огильви полк	1350	734	366	54,37%	27,11%	81,48%
Пехотный генерала Репнина полк	1360	1096	151	80,59%	11,10%	91,69%
Пехотный генерал-майора Чамберса полк	1350	474	81	35,11%	6,00%	41,11%
Пехотный Головкина полк	1350	1049	156	77,70%	11,56%	89,26%
Пехотный фон Шведена полк	1350	1038	162	76,89%	12,00%	88,89%
Пехотный Гулица полк	1350	936	220	69,33%	16,30%	85,63%
Пехотный Мевса полк	1350	1111	111	82,30%	8,22%	90,52%
Пехотный Рыдера полк	1350	1105	132	81,85%	9,78%	91,63%

[67] Северная война 1700–1721 гг. С. 262.

	Штаты от 11.1704	Наличный состав	Больные и в посылках	Наличный состав от штатного	Больные в посылках от штатного состава	Итого списочного состава
Пехотный Англера полк	1350	1188	92	88,00%	6,81%	94,81%
Пехотный фон Делдина полк	1350	1194	87	88,44%	6,44%	94,89%
Пехотный Келина полк	1350	1133	71	83,93%	5,26%	89,19%
Пехотный Гассениюса полк	1350	949	96	70,30%	7,11%	77,41%
Итого:	24 560	18 262	В среднем:	72,68%	9,91%	82,58%

В графе «наличный состав» посчитаны все служащие в полку офицеры и рядовые. Как нетрудно заметить, средний процент наличного состава к штатному упал по сравнению с предыдущим годом. При этом из пятнадцати полков семь имели наличного состава более 80%, пять полков — от 60 до 79%, и только оставшиеся два — менее 60%. То есть в конце кампании 1705 г. эти полки не были обескровлены либо успели получить пополнение. В таблице не учтены «не служащие» и «сверх штатов обретающиеся». Возможно, это нестроевые, мастеровые или причисленные «вольноопределяющиеся» для пополнения потерь и занятия освободившихся офицерских и унтер-офицерских мест. Составители «табэла» подсчитали их отдельно. Не включаются они в общее число и здесь.

Осень и зима, как правило, были сложными сезонами для полков. Военные действия заканчивались, начинались холода, возрастало количество больных. А какова была ситуация летом? Эту ситуацию проясняет документ от 21.07.1706 г., опубликованный в сборнике под номером 256[68]. Эта таблица непроста для чтения, а пересчет личного состава не сходится с известными нам штатами в 1350 чел. У этого может быть несколько объяснений: не учитывается нестроевой и высший офицерский состав, не учитываются гренадерские роты, которые могли быть сведены

[68] Там же. С. 282–283.

в отдельные гренадерские батальоны. В расчетах за штат принято число в 1350 чел., поскольку в сборнике не упомянуто, существовали ли другие штаты. Леонов и Ульянов в работе, посвященной петровской пехоте, также пишут, что в этот период в пехотном полку служило 1350–1360 чел.[69]

	Наличный состав	Больные и в посылках	Штатный состав	Наличный состав от штатов рядовых
Преображенский полк	2321	362	3350	69,28%
Семеновский полк	1640	150	3350	48,96%
Пехотный Ингерманландский полк	1203	29	2550	47,18%
Пехотный фельдмаршала Шереметева полк	263	33	1350	42,83%
Пехотный фельдмаршала фон Огильви полк	1324	200	1360	97,35%
Пехотный князя Репнина полк	884	180	1350	65,48%
Пехотный генерал-порутчика Алларта	851	118	1350	63,04%
Пехотный генерал-майор Чамберса полк	720	235	1350	53,33%
Пехотный генерал-майора фон Вердена полк	861	57	1350	63,78%
Пехотный генерал-майора фон Шведена полк	809	150	1350	59,93%
Пехотный Головкина полк	1591	183	1350	117,85%
Пехотный Бутырского полк	1025	92	1350	75,93%
Пехотный Айгуста полк	941	32	1350	69,70%
Пехотный Дедюта полк	724	42	1350	53,63%
Пехотный Мевса полк	932	74	1350	69,04%
Пехотный Англера полк	838	126	1350	62,07%
Пехотный Геренка полк	899	187	1350	66,59%
Пехотный Энферна полк	895	64	1350	66,30%

[69] *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота, 1698–1801. С. 24.

	Наличный состав	Больные и в посылках	Штатный состав	Наличный состав от штатов рядовых
Пехотный Келина полк	763	90	1350	56,52%
Пехотный Бутерера полк	781	91	1350	57,85%
Пехотный Повишова полк	938	-	1350	69,48%
Пехотный Ланга полк	1064	100	1350	78,81%
Пехотный Гасениюса полк	685	87	1350	50,74%
Пехотный Шнейербеха полк	944	114	1350	69,93%
Пехотный Шереметева полк	783	261	1350	58,00%
Итого	24 679	3057	38 960	Среднее: 64,41%

Из таблицы следует, что некоторые полки (Головкина и, скорее всего, Репнина) были значительно больше остальных полков. Полк Шереметева тоже мог быть учтен с опиской. Оставшиеся пехотные и гвардейские полки были в среднем полны на 60%.

Сложно сказать, почему в данных полках был такой некомплект. Они не принимали участия в сражениях Грозненской операции в начале года, а количество больных говорит о том, что обошлось без эпидемий. Также не отмечено большого количества командированных солдат. Возможно, некомплект объясняется комбинацией многих объективных причин — потерями во время зимнего отступления, отсутствием пополнения, сведением гренадерских рот в отдельные батальоны, посылкой солдат с заданиями.

За 1708 г. Сборник приводит три материала. В первом приводится информация о составе действующей армии на февраль[70], о том, где находится эта армия и какие полки ее составляют. Здесь перечислен только личный состав, больные и требуемые в добавку. Из документа видно, что из 37 311 чел. по спискам в армии находится 35 313 чел. (94,6% армии). С другой стороны, наличного состава в ней на 30 391 чел. (83%). Извозчики, заштатные, «мордва и татары» при армии не учитывались, как и в оригинальном документе.

[70] Северная война 1700–1721 гг. С. 333–335.

	На лицо, здоровые	Больные при полках	Больные, в городах и госпиталях	В посылках и отлучках	Не явились с дороги или квартир	«В добавку надобно»
Обер-офицеры полкового штаба	109					
Обер-офицеры	777	5	7	152	1	16
Унтер-офицеры и барабанщики	3105				60	
Мушкетёры	26 940	511	974	2672		1982
Итого наличного состава:	30 931	516	981	2824	61	1998
		4382				
Итого всех по списочному составу:	35 313					
Общий состав армии	37 311					
Наличный строевой состав к штатному составу	82,90%					
Списочный состав к всему составу	94,65%					

Еще один материал — это «репорт, сколько обретаетца (...) в трех дивизиях пехотных полков афицеров, урядников и салдат (...) сего июля 29 дня 1708»[71]. Здесь перечисляется состав дивизий генерал-фельдмаршала Шереметева, князя Репнина и фон Аларта, сразившихся со шведами месяц назад.

Дивизия Шереметева на 29.07.1708						
	Наличный состав	Больных, в посылках и отлучках	Списочный состав	Штаты	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному
Пехотный Фельдмаршала Шереметева полк	1660	84	1744			

[71] Там же. С. 378.

Дивизия Шереметева на 29.07.1708						
	Наличный состав	Больных, в посылках и отлучках	Списочный состав	Штаты	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному
Пехотный Псковский полк	1091	87	1178	1350	80,81%	87,26%
Пехотный Великолуцкий полк	1075	112	1187	1350	79,63%	87,93%
Пехотный Нижегородский полк	1034	143	1177	1350	76,59%	87,19%
Пехотный Ренцеля полк	1002	173	1175	1350	74,22%	87,04%
Пехотный Белгородский полк	1078	95	1173	1350	79,85%	86,89%
Пехотный Шлюссельбургский полк	988	187	1175	1350	73,19%	87,04%
Пехотный Астраханский полк	534	62	596	1350	39,56%	44,15%
Пехотный Каргопольский полк	845	76	921	1350	62,59%	68,22%
Пехотный Олонецкий полк	1027	52	1079	1350	76,07%	79,93%
	10 334	1071	11 405	12 150	71,39%	79,51%

Дивизия Репнина на 29.07.1708						
	Наличный состав	Больных, в посылках и отлучках	Списочный состав	Штаты	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному
Пехотный Лефортовский полк	883	187	1070	1350	65,41%	79,26%
Пехотный Ростовский полк	888	100	988	1350	65,78%	73,19%
Пехотный Вятский полк	941	127	1068	1350	69,70%	79,11%

Дивизия Репнина на 29.07.1708						
	Наличный состав	Больных, в посылках и отлучках	Списочный состав	Штаты	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному
Пехотный Рязанский полк	947	101	1048	1350	70,15%	77,63%
Пехотный Тобольский полк	1006	85	1091	1350	74,52%	80,81%
Пехотный Копорский полк	1027	88	1115	1350	76,07%	82,59%
Пехотный Нарвский полк	1543	170	1713			
Итого	7235	858	8093	8100	70,27%	78,77%

Дивизия фон Алларта на 29.07.1708						
	Наличный состав	Больных, в посылках и отлучках	Списочный состав	Штаты	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному
Пехотный Казанский полк	883	232	1115	1350	65,41%	82,59%
Пехотный Московский полк	894	196	1090	1350	66,22%	80,74%
Пехотный Новгородский полк	1023	130	1153	1350	75,78%	85,41%
Пехотный Черниговский полк	894	140	1034	1350	66,22%	76,59%
Пехотный Бутырский полк	1115	67	1182	1350	82,59%	87,56%
Пехотный Вологодский полк	931	194	1125	1350	68,96%	83,33%
Итого	5740	959	6699		70,86%	82,70%

В данных таблицах игнорируется несколько батальонов. В каждой дивизии состояло по гренадерскому батальону, штаты которых нам неизвестны. Батальон в дивизии Шереметева состоял из 854 чел. (759 налицо, 95 больных), в дивизии Репнина из 797 чинов (669 нали-

цо, 128 больных), в дивизии фон Алларта из 776 чинов (601 налицо, 175 больных). Во всей дивизии Шереметева насчитывалось 12 259 чел. Из них 11 093 чел. находилось в одиннадцати полках и батальоне, а 1166 пребывало в госпиталях. Больше всего наличного состава было в собственном полку фельдмаршала — 1660 чел. Этот полк, видимо, имел три батальона в составе, за счет чего и выделялся на фоне других. Также не известен штат гренадерского батальона, и можно лишь предположить, что он не отличался от пехотного. В таком случае, во всей дивизии должно было быть около 15 тыс. чел. Учитывая только части с известными штатами, можно сказать, что дивизия Шереметева была достаточно полной. В ней наличествовало в среднем 71% личного состава и 80% личного. Только Астраханский полк требовал срочного пополнения, сведенный до численности, меньше батальонной.

В дивизии Репнина ситуация была схожая: в восьми ее полках числилось 79% списочного состава и 70,5% наличного. Неизвестно, каков был штат Нарвского полка — состоял ли он так же из трех батальонов и 2250 чел.? Но отсутствие данной информации не сильно мешает расчетам. Почти каждый полк этой дивизии имел по 100 чел. больными в госпиталях, а наличный состав 65–75% от штатного. Больше всего здоровых было в Копорском полку — 1027 чел. (76%) годных от штатного состава, а меньше всего в Лефортовском — 883 чел. (65,5%). Это тем удивительнее, что дивизия Репнина приняла участие в битве при Головчине в начале месяца. Вместе с кавалерией Гольца она отбивала натиск шведской армии. При этом больных в ней — 986 чел. из восьми полков (12,5% от списочного состава)[72]. В дивизии же Шереметева, участия в сражении не принимавшей, из одиннадцати полков больными числилось 1166 чел. (10,5% от списочного состава).

Дивизия фон Алларта находилась в лучшем положении, на бумаге. Все шесть пехотных полков насчитывали более 1000 чел. по спискам (в среднем 83%). По проценту наличного состава она не отличалась от остальных двух дивизий (71%), с разбросом от 65 до 82%. В этой небольшой дивизии было больше всего больных при госпиталях — 1134 чел. Почти каждый полк имел больными по 150 чел., исключая Бутырский полк — 67 чел. и Казанский — 232 больных. Однако дивизия Алларта не принимала участия в битве при Головчине. Видимо, она гораздо сильнее пострадала от болезней или маршей.

---

[72] Всего армия потеряла 350 чел. убитыми, 675 ранеными, 630 пропавшими без вести, итого — 1655 чел. См.: *Артамонов В.А.* Генеральная баталия. С. 144.

Третий материал — «ведомость сколько в пехотных 3 дивизиях обретается налицо и в городех» от 3.11.1708 г.[73] Данные из нее нет смысла приводить, поскольку она подтверждает уже не раз указанные выше цифры. Завершить же данную часть исследования можно сравнением наличного состава и штатов 1704 г. для драгунских полков в Полтавском сражении[74]. Заметно, что разброс среди этих типов полков гораздо больше, чем у пехоты. Только в двух полках имелось больше 70% наличного состава — Ярославском, Новотроицком и Смоленском. В восьми полках — от 60% до 70%, в девяти — от 50% до 59,9% и еще в трех — ниже 50%.

Количество драгунских полков при Полтаве			
Полки	**Наличный состав**	**Штат**	**Наличный состав к штату**
Лейб-регимент	781	1200	65,08%
Московский драгунский полк	775	1200	64,58%
Киевский драгунский полк	766	1200	63,83%
Троицкий драгунский полк	771	1200	64,25%
Ингерманландский драгунский полк	559	1200	46,58%
Санкт-Петербургский драгунский полк	723	1200	60,25%
Архангельский драгунский полк	663	1200	55,25%
Владимирский драгунский полк	427	1200	35,58%
Новгородский драгунский полк	701	1200	58,42%
Казанский драгунский полк	777	1200	64,75%
Сибирский драгунский полк	719	1200	59,92%
Смоленский драгунский полк	992	1200	82,67%
Тверской драгунский полк	667	1200	55,58%
Вятский драгунский полк	747	1200	62,25%
Нижегородский драгунский полк	660	1200	55,00%
Невский драгунский полк	688	1200	57,33%
Ярославский драгунский полк	880	1200	73,33%
Белозерский драгунский полк	627	1200	52,25%

[73] Северная война 1700–1721 гг. С. 412–414.

[74] Там же. С. 524–525. Также см. список наличного состава в Польше в сентябре 1709 г. С. 545–516.

Количество драгунских полков при Полтаве			
Полки	Наличный состав	Штат	Наличный состав к штату
Азовский драгунский полк	520	1200	43,33%
Ямбургский драгунский полк	617	1200	51,42%
Вологодский драгунский полк	772	1200	64,33%
Каргопольский драгунский полк	710	1200	59,17%
Новотроицкий драгунский полк	963	1200	80,25%
Итого:	16 505	27 600	59,80%

Основываясь на изученном материале, можно выдвинуть гипотезу о том, что армейские полки или никогда или в крайне редких случаях насчитывали штатное или близкое к нему число служащих. Можно предположить, что в начале кампании пехотные полки и дивизии насчитывали 90–95% списочного состава, а непосредственно в поход выступало 80–85% от численности полка. В течение кампании численность наличного состава могла опускаться до 60–70% от штатов, независимо от того, происходили ли сражения или противоборствующие стороны занимались активным маневрированием.

Данный тезис можно проверить по материалам Семилетней войны 1756–1763 гг. Основой для проверки послужат две работы: трехтомное исследование войны Масловского и публикация документов Коробкова. Особенно следует обратить внимание на количество отлучившихся или командированных солдат в эту войну. Штаты для изучения данного периода необходимо собирать по крупицам. В ПСЗРИ за 1740–1756 гг. отсутствуют документы, которые указывали бы на изменение полков, но Хроника[75] за период елизаветинского правления приводит целых четыре — от 11.12.1741, 27.01.1747, 09.17.1753, 30.03.1756 для пехоты и кирасир с конно-гренадерами. Коробков, в документе от 18.03.1756 г., приводит несколько отличавшиеся штаты[76]. В данном исследовании за основу взяты более поздние штатные расписания, от 30.03., но штаты гусарских полков взяты из Коробкова, поскольку альтернативы им

[75] Хроника российской императорской армии. Ч. 4. С. X. Ч. 5. С. XLV.

[76] Семилетняя война: материалы о действиях рус. армии и флота в 1756–1762 гг. / Подгот. к печати З.М. Новиковой и Н.В. Брожостовской; с предисл. и под ред. проф. Н.М. Коробкова; Глав. архивное упр. МВД СССР. Центр. гос. воен.-ист. архив СССР. М.: Воен. изд-во, 1948. С. 33–35.

нет. При расчете подразумевалось, что в гренадерском полку состояли 2501 чел., в пехотном — 2626, в гусарском — 963, в кирасирском — 947, в Новосербском — 2132.

При этом не все документы из этих публикаций удобно использовать. Например, Ведомость о численности войск от 16.06.1757 г. дает численность сразу по дивизиям, объединяя пехотные и кавалерийские части. По этой причине невозможно выяснить точное количество служащих в этих частях.

Перед началом похода командующий армией генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин столкнулся с проблемами в комплектовании армии, особенно кавалерии. Масловский в подробностях описывает его проблемы и попытки хоть как-то сформировать боеспособные эскадроны из приданных ему полков. На три кирасирских полка приходилось всего 356 годных к бою военнослужащих[77] — и это в «более благоустроенном» корпусе кавалерии Румянцева. Масловский во втором томе своей работы публикует таблицу списочного и наличного состава от 31.12.1757 г.[78]

Войска В.В. Фермора на 31.12.1757							
	По штатам	По списку	Налицо	В отлучках	Наличный состав к штатному	Списочный состав к штатному	«В добавку требуется»
3 кирасирских полка	2841	2224	1204	1020	42,38%	78,28%	613
5 конно-гренадерских полка	4735	4094	2384	1710	50,35%	86,46%	685
4 драгунских полка	4912	3498	2142	1356	43,61%	71,21%	1064
Молдавские гусары	963	867	690	177	71,65%	90,03%	336
4 гренадерских полка	10 004	8494	6721	1773	67,18%	84,91%	1508
32 мушкетерских полка	84 032	66 342	51 667	14 665	61,48%	78,95%	18 045
Итого	107 487	85 519	64 808	20 701	56,11%	81,64%	22 251

[77] *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну, Вып. 1., С. 38.

[78] Там же. Вып. 2. Приложение № II. С. 4.

Списочный состав армии высок, особенно если учитывать необходимость оставить в границах империи вторые батальоны и эскадроны как запасные части. Списочный состав полков в среднем колеблется около 80%, что является хорошим результатом. Но наличный состав находится ниже списочного на 25–30%. И эта ситуация присутствует в войсках, которые только выступили в поход и еще не пришли в соприкосновение с противником. За пару месяцев до этого, при распределении войск на дивизии и занятий позиций перед выступлением, в «отлучках» находилось 20 538 чел., а в добавку требовалось 21 915 чинов пехоты и кавалерии. Масловский предполагает, что эти недостачи являются результатом не только перетасовки солдат для создания Обсервационного корпуса, но и следствием болезней за предшествующий выступлению период[79]. Кавалерия армии оказалась в таком плохом состоянии, что пришлось отдать ее Румянцеву, чтобы десятиэскадронные драгунские и пятиэскадронные конно-гренадерские полки переформировать в боеспособные трехэскадронные полки в 414 рядовых[80].

На 14 июля в действующей армии состояло[81]:

Рапорт В.В. Фермора о численном составе армии от 14.07.1758						
	Полки	Предполагаемые штаты	Здоровых всех чинов	Больных	Требуется в добавку	Здоровые к предполагаемым штатам
1 дивизия	4 гренадерских	10 004	7365	162	867	73,62%
	12 мушкетерских	31 512	17 765	424	2464	56,38%
2 дивизия	12 мушкетерских	31 512	16 417	498	3266	52,10%
	4 полка гусар и новосербские эскадроны	5984	3583			59,88%
	Итого	79 012	45 130			60,49%

[79] Там же. С. 11.

[80] *Масловский Д.Ф.* Вып. 1. С. 143.

[81] Там же. С. 308.

Как видно по приведенной таблице, Фермор еще не сталкивался с врагом при Цорндорфе, а его пехотные полки уже имели половинный состав. С другой стороны, следует учитывать, что третьи батальоны пехотных полков были оставлены в тылу для подготовки рекрутов. Если посчитать штаты полков без одного батальона (останется примерно 66% от штатов), то окажется, что 12 полков пехоты при Ферморе имели списочного состава «здоровыми» всего 85% от уменьшенной численности примерно в 20 800 чел. К тому же Фермору требовалось 5730 чел. пополнения, которые в сумме давали 20 229 чел. для первой дивизии и 19 683 чел. для второй (суммы, близкие к 66% штатов). С учетом данной поправки получается, что армия Фермора имела под ружьем до 74,5% должного состава, что не отличается от пропорций времен Северной войны. К сожалению, генерал-аншеф не отчитывается о командированных, что помогло бы сделать таблицу более точной.

Следующая ведомость, которую можно использовать для изучения состояния армии на войне, — это ведомость П.С. Салтыкова в конце кампании 1759 г.

Ведомость Салтыкова от 31.10.1759						
	Штаты	Здоровых	% здоровых к штатам	Больных всего	В дальних отлучках	«в расходе внутри армии» и при обозе
5 кирасирских полков	4735	2697	56,96%	18 502	7058 (из них офицеров — 2345)	12 014
1 драгунский и 2 конно-гренадерских полков	2600	1139	43,81%			
гусарские полки	5984	2216	37,03%			
27 пехотных полков	46 800	29 333	62,68%			
Обсервационный (?) корпус		8107				
Чугуевский полк		514				
Донские казаки		1620				

В целом штатный состав армии генерал-фельдмаршала по данному отчету должен был составлять 105 979 чел. При этом Салтыкову требовалось подкрепление в 18 950 чел. Следовательно, списочный состав армии должен составлять 87 029 чел. (82%), что является хорошим результатом после напряженной кампании. Однако «действительно в полках под ружье выступить имеет» только 49 455 чел. (46,6%). Остальные 37 574 чел., составлявшие 35,5% его армии, лежали больными или находились в командировках. При полках больных было 1617 чел., а в госпиталях лежало 16 713 чел. В дальних отлучках здоровых солдат и офицеров было 7058 чел., т.е. целая дивизия. Внутри же армии «в расходе» пребывало 5684 чел., т.е. чинов на 5–7 батальонов. Обозными делами занимались 6330 чел., из которых солдат и капралов было только 2517 чел. В результате от своих полков командировано было 19 072 чел., на пять тыс. меньше, чем убитых и раненных после Куннерсдорфского сражения (23 883 тыс. чел.)[82]. В этой ситуации неудивителен разрыв между списочным и наличным составом.

Последние таблицы, которые можно найти у Коробкова и проверить по Масловскому — это таблицы за июнь 1760 г. В них В.В. Фермор учитывает количество войск в главной армии, а также в «запасном» корпусе на Висле. В 1760 г. заметна разница в составе полков по сравнению с предыдущими годами. Масловский объясняет это целым рядом причин: офицеров и солдат перестали отпускать в командировки или увольнять со службы, кроме крайних случаев; офицерские должности замещались из Лейб-кампании или гвардейских полков, а не из дворян своего полка; действия командующих и офицеров действующей армии, постаравшихся снизить нагрузку на нижних чинов; деятельностью Военной коллегии, изымавшей солдат из армии в границах империи; расформированием Обсервационного корпуса и направлением его личного состава на пополнение полков; перевод из третьих батальонов в действующие всех здоровых, а всех тяжелобольных — из действующих в третьи[83]. Эти третьи батальоны полков все еще находились на положении «запасных» частей и не присоединились к своим полкам. Хотя попытки свести их вместе предпринимались.

---

82 Там же. С. 338.

83 *Масловский* Д.Ф. Вып. 3. С. 194–197, 384–389.

В главной армии на июнь 1760 г.					
	Штаты	Списочный состав	Наличный состав	В отлучках, больных, под арестом	Списочный состав к штатам
6 кирасирских полков	5682	5396	85 013	4223	94,97%
5 конно-гренадерских	4735	4680			98,84%
4 драгунских	4564	3594			78,75%
4 гренадерских	104 540	70 871			67,79%
36 мушкетерских					
4 гусарских с «желтой командой»	3852	4679			121,47%

Из таблицы следует, что списочный состав полков на удивление полон. 121% гусар может быть погрешностью, так как неизвестен точный список полков и штат команды Желтого гусарского полка. Фермор мог иметь в распоряжении Новосербский гусарский полк в 2132 чина. Объединение гренадерских и мушкетерских полков также вносит свою лепту в неточность таблицы, из-за чего не получается изучить средний состав по каждому виду пехоты. К тому же, если подсчитать только 66% от штатов 40 гренадерских и мушкетерских полков, то получится примерно 69 тыс. чел., что меньше, чем списочный состав.

Численность «запасных» батальонов отличалась от численности действующих. Из этих батальонов здоровые и годные к службе изымались в армию, а больных переводили в них, как в тыл. Эти батальоны также использовались на трудных работах и для охраны территорий, поэтому проблемы с личным составом они испытывали гораздо большие[84].

		Предполагаемый штат	Списочный штат	Налицо	В отлучках, больные, под арестом	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Корпус на Висле	14 пехотных батальонов	9296	9273	5206	4067	99,75%	56%

[84] Там же. С. 668–670.

		Предполагаемый штат	Списочный штат	Налицо	В отлучках, больные, под арестом	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Корпус в Кенигсберге	22 пехотных батальона	14 608	8120	7173	947	55,59%	49,1%

Масловский не раз отмечает, что в 1760 г. в действующей армии солдат больных и в отлучках было мало (убыль в полках составляла 2851 чел.)[85]. Причина, видимо, в том, что всех негодных к службе отправили в тыл.

Хроника российской императорской армии указывает, что между 30.03.1756 и 13.03.1762 гг. пехотный полк состоял из трех батальонов в четыре роты, с двумя гренадерскими ротами дополнительно. Мушкетерская рота состояла из 166 чел. Цифра, указанная в графе «Предполагаемый штат» посчитана из расчета, что все батальоны на Висле в и у Кенигсберга — это мушкетерские батальоны в четыре роты по 166 чел. Данный расчет упускает оставленных при них мастеровых и нестроевых, денщиков офицеров и другие чины, которые могли быть оставлены, однако дает минимальную цифру для расчетов. Данная цифра говорит о том, что хотя корпус на Висле и был полон по спискам, но половина его состава болела или находилась в отпуске. Кенигсбергский корпус пребывал в схожем положении. В нем отсутствовала значительная часть чинов, да и сам корпус не был сосредоточен в одном месте.

Подводя итог исследования соотношений штатной, списочной и наличной численностей для периода Семилетней войны, можно резюмировать следующее: подтвердился тезис о том, что штатный состав полка почти не достижим. Как и в Северную войну, списочный состав полка составлял 70–80% от штата. Эта цифра образовалась не из-за объективных тягот войны, а в результате решения командования оставить примерно 30% от своих полков в качестве частей для извлечения пополнений и обучения рекрутов. Хуже, чем в Северную войну, обстояло дело с наличной численностью личного состава. В первый период войны он колебался между 40–60% от полка из-за отлучек, больных и довоенного некомплекта. Только совместные усилия командующих на фронте и Военной коллегии позволили увеличить число чинов, находящихся при полку, до 80% и выше.

[85] *Масловский Д.Ф.* Вып. 3. С. 385.

В качестве еще одного примера стоит рассмотреть Итальянский и Швейцарские походы Суворова. Павел I послал несколько корпусов в Италию на помощь своим австрийским союзникам в борьбе с революционной Францией. К театру военных действий войска в составе корпуса Розенберга (1 гренадерский полк, 7 пехотных полков, 2 егерских полка, 4 сводных гренадерских батальона, 6 казачьих полков и артиллерия) прибыли весной 1799 г. По прибытии корпуса в Италию Суворов отправил в Санкт-Петербург строевой рапорт от 29 марта. Рапорт приводится здесь без учета сводных гренадерских, артиллерийских и казачьих частей[86].

Состав войск на 29.03	Штатный состав	Списочный состав	Наличный состав	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Гренадерский полк Розенберга [65-й Московский]	2126	1577	1491	74,18%	70,13%
Мушкетерский полк Мол-Баденского [66-й Бутырский]	2126	1502	1424	70,65%	66,98%
Мушкетерский полк Швейковского [25-й Смоленский]	2126	1572	1510	73,94%	71,03%
Мушкетерский полк Ферстера [Тамбовский]	2126	1565	1514	73,61%	71,21%
Мушкетерский полк Тыртова [72-й Тульский]	2126	1545	1503	72,67%	70,70%
Мушкетерский полк Дальгейма [17-й Архангельский]	2126	1555	1527	73,14%	71,83%
Мушкетерский полк Милорадовича [81-й Апшеронский]	2126	1556	1516	73,19%	71,31%
Мушкетерский полк Барановского [23-й Низовский]	2126	1611	1590	75,78%	74,79%
Егерский полк Чубарова [7-й егерский]	882	767	750	86,96%	85,03%
Егерский полк Багратиона [6-й егерский]	882	753	737	85,37%	83,56%

[86] История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.: Сост. по высоч. повелению государя имп. Николая I / Соч. полк. Милютина. Т. 1–5. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1852–1853. Т.5; Т.1. С. 578–579.

По закону № 19308 от 05.01.1798 г. в гренадерском и пехотном полках находилось по два батальона в 2126 чел., егерских — 882 чел. в двух батальонах. Всего корпус располагал на 29 марта 19 803 чинами списочного состава и 19 149 чинами наличного.

По приведенной таблице видно, что на войну корпус Розенберга явился в составе примерно 75% от своей штатной численности. Если бы в гренадерских и пехотных полках было бы по три батальона, то можно было бы предположить, что один батальон остался дома или находится в другом месте.

Через месяц (5.05.1799), после сражений при Адде и у Бассиньяно, в корпусе стали ощущаться первые потери, а часть войск, например 1-й батальон мушкетерского полка Ферстера, была отчислена на помощь австрийцам в отряд принца Луи Виктора де Рогана[87]. Списочный состав войск уменьшился незначительно, в среднем всего на несколько процентов, однако наличный состав по корпусу составлял уже не 73%, а 62%.

Состав войск на 5.05	Штатный состав	Списочный состав	Наличный состав	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Гренадерский полк Розенберга [65-й Московский]	2126	1526	1255	71,78%	59,03%
Мушкетерский полк Мол-Баденского [66-й Бутырский]	2126	1407	1304	66,18%	61,34%
Мушкетерский полк Швейковского [25-й Смоленский]	2126	1534	1438	72,15%	67,64%
Мушкетерский полк Ферстера [Тамбовский]	2126	~1500	757	70,56%	35,61%
Мушкетерский полк Тыртова [72-й Тульский]	2126	1484	1264	69,80%	59,45%
Мушкетерский полк Дальгейма [17-й Архангельский]	2126	1554	1468	73,10%	69,05%
Мушкетерский полк Милорадовича [81-й Апшеронский]	2126	1516	1405	71,31%	66,09%

[87] Там же. Т. 2. С. 451–452.

Состав войск на 5.05	Штатный состав	Списочный состав	Наличный состав	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Мушкетерский полк Барановского [23-й Низовский]	2126	1597	1396	75,12%	65,66%
Егерский полк Миллера [7-й егерский]	882	725	555	82,20%	62,93%
Егерский полк Багратиона [6-й егерский]	882	703	624	79,71%	70,75%

В следующие летние месяцы количество личного состава только уменьшалось. Пополнения к Суворову не приходили и даже прибытие корпуса Ребиндера в конце июня 1799 г. не улучшило положение. Разница между только что пришедшими войсками Ребиндера и уже воевавшими полками Розенберга видна невооруженным глазом. Если в конце марта полки первого корпуса могли напоминать действительно полки и в них в среднем имелось по 75% штатного состава, то через три месяца в полках осталось людей на один усиленный или два слабых батальона.

Июнь 1799 г.	Штат	Списочный состав	Наличный состав	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Корпус Розенберга					
Гренадерский полк Розенберга [65-й Московский]	2126	1442	1035	67,83%	48,68%
Мушкетерский полк Мол-Баденского [66-й Бутырский]	2126	1352	1166	63,59%	54,84%
Мушкетерский полк Швейковского [25-й Смоленский]	2126	1465	1327	68,91%	62,42%
Мушкетерский полк Ферстера [Тамбовский]	2126	1478	1314	69,52%	61,81%
Мушкетерский полк Тыртова [72-й Тульский]	2126	1421	1055	66,84%	49,62%

Июнь 1799 г.	Штат	Списочный состав	Наличный состав	Списочный состав к штатному	Наличный состав к штатному
Мушкетерский полк Дальгейма [17-й Архангельский]	2126	1487	1236	69,94%	58,14%
Мушкетерский полк Милорадовича [81-й Апшеронский]	2126	1450	1169	68,20%	54,99%
Мушкетерский полк Барановского [23-й Низовский]	2126	1582	1425	74,41%	67,03%
Егерский полк Миллера [7-й егерский]	882	681	600	77,21%	68,03%
Егерский полк Багратиона [6-й егерский]	882	707	527	80,16%	59,75%
Корпус Ребиндера					
Мушкетерский ген.-майора Фертча [16-й Егерский полк]	2126	1722	1566	81,00%	73,66%
Орловский мушкетерский полк Мансурова [17-й Егерский полк]	2126	1709	1547	80,39%	72,77%
Мушкетерский полк Ребиндера [45-й Азовский]	2126	1717	1479	80,76%	69,57%
Егерский ген.-майора Канкина полк [12-й Егерский полк]	882	880	825	99,77%	93,54%

Прежде чем перейти к выводам и инфографике, необходимо сравнить численность полков под командованием Суворова до и после Швейцарского похода. Переход через Альпы начался 10 сентября, а закончился в последние дни сентября—начале октября 1799 г. Д.А. Милютин в примечаниях к четвертому тому своего труда публикует ведомости о составе служащих на 1 сентября и 1 октября. Видно, что относительной «полнотой» отличались полки корпуса Ребиндера — на начало похода в нем было примерно 70% наличного состава. Полки корпуса Дерфельдена (бывшего Ребиндера) имели в строю только половину бойцов. Переход через Альпы серьезно ударил по всем полкам. Заметно, как менее чем за месяц слабые двухбатальонные полки превратились фактически в батальоны или даже две-три роты, что видно на примере егерского полка Миллера (бывшего Чуба-

рова). Милютин высчитал, что между 10 сентября — началом октября армия Суворова потеряла не менее 5100 чел. в результате сражений, от холодов и тягостей перехода. В процентах это выглядит следующим образом: между 1 сентября и 1 октября корпус Дерфельдена потерял 12% своей наличной численности, упав с 50% до 38%; корпус Ребиндера пострадал сильнее, упав с 70% до 46%. Таким образом становится очевидным, что тяготы дальних переходов для армии гораздо сложнее и опаснее, чем сражения и боевые действия[88].

	Штатный состав	Наличный состав на 01.09	Наличный состав на 01.10	Наличный состав на 01.09	Наличный состав на 01.10
Корпус Дерфельдена					
Гренадерский полк Розенберга [65-й Московский]	2126	911	673	42,85%	31,66%
Мушкетерский полк Мол-Баденского [66-й Бутырский]	2126	957	588	45,01%	27,66%
Мушкетерский полк Швейковского [25-й Смоленский]	2126	922	716	43,37%	33,68%
Мушкетерский полк Ферстера [Тамбовский]	2126	1134	938	53,34%	44,12%
Мушкетерский полк Тыртова [72-й Тульский]	2126	891	928	41,91%	43,65%
Мушкетерский полк Дальгейма [17-й Архангельский]	2126	1049	821	49,34%	38,62%
Мушкетерский полк Милорадовича [81-й Апшеронский]	2126	1043	985	49,06%	46,33%
Мушкетерский полк Барановского [23-й Низовский]	2126	1479	972	69,57%	45,72%
Егерский полк Миллера [7-й егерский]	882	496	291	56,24%	32,99%
Егерский полк Багратиона [6-й егерский]	882	506	317	57,37%	35,94%

[88] Там же. Т.4. С. 248–249, 337.

	Штатный состав	Наличный состав на 01.09	Наличный состав на 01.10	Наличный состав на 01.09	Наличный состав на 01.10
Корпус Ребиндера					
Мушкетерский ген.-майора Фертча [16-й Егерский полк]	2126	1467	1241	69,00%	58,37%
Мушкетерский полк Мансурова [17-й Егерский полк]	2126	1401	758	65,90%	35,65%
Мушкетерский полк Ребиндера [45-й Азовский]	2126	1428	792	67,17%	37,25%
Егерский полк Канкина [12-й Егерский]	882	697	460	79,02%	52,15%

Итог изменениям численности подведут две следующие таблицы, в которые были включены неиспользованные отчеты. В них используются названия полков на момент расформирования или на 1914 г.

Численность мушкетерских полков в Итальянском и Швейцарском походах Суворова[89].

	29.03	20.04	26.04	05.05	24.05	июнь	июль	01.09	01.10	08.10	04.11
№18308	2126										
17-й Архангелогородский	1527	1436	719	1468	1468	1236	1266	1049	821	1032	1042
23-й Низовский	1590	1388	1394	1396	1396	1425	1474	1479	972		1120
25-й Смоленский	1510	1385	1385	1438	1438	1327	1140	922	716	797	971
45-й Азовский						1035	1132	1428	792	987	952
65-й Московский	1491	1343	1343	1255	1255	1035	1132	911	673	710	886

[89] Новые данные: Т.2. С. 534–535. Т.3. С. 271, 305. Т.4. С. 356–358, 392–393. Резкое уменьшение наличного состава может возникать из-за командирования батальонов на помощь австрийским войскам.

	29.03	20.04	26.04	05.05	24.05	июнь	июль	01.09	01.10	08.10	04.11
66-й Бутырский	1424	1395	1395	1304	1236	1166	1217	957	588	493	741
72-й Тульский	1503	755	1436	1264	1264	1055	1152	891	928	909	1020
81-й Апшеронский	1516	1459	1459	1405	1372	1169	1237	1043	985	909	1020
Тамбовский	1514	1438	755	757	757	1314	1229	1134	938	931	1079
16-й Егерский полк						1566	1398	1467	1241	1143	1128
17-й Егерский полк						1547	1313	1401	758	825	869

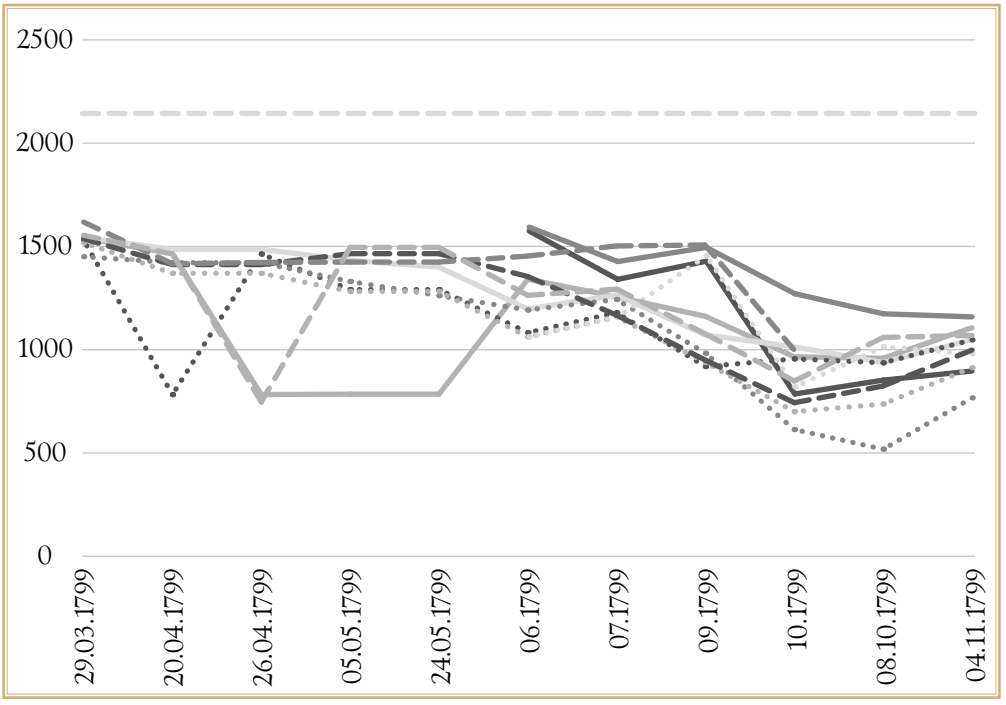


График наличного состава мушкетерских полков
Итальянского и Швейцарского походов

Общая таблица по наличному составу егерских полков				
	Штат по ПСЗРИ №18308	Егерский полк Багратиона [6-й егерский]	Егерский полк Миллера [7-й егерский]	Егерский полк Канкина [12-й Егерский]
29.03.1799	882	737	750	
20.04.1799	882	652	708	
26.04.1799	882	652	708	
5.05.1799	882	624	555	
24.05.1799	882	624	555	
06.1799	882	527	600	825
07.1799	882	571	618	688
09.1799	882	506	496	697
10.1799	882	317	291	460
08.10.1799	882	324	335	547
04.11.1799	882	424	446	526

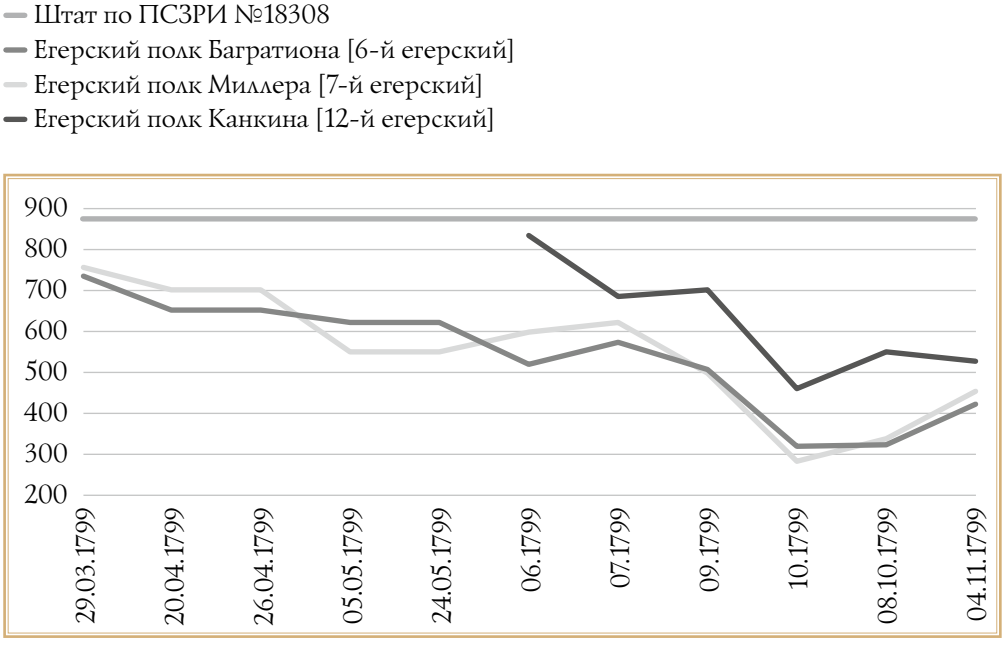


График наличного состава егерских полков
Итальянского и Швейцарского походов

Общая таблица по наличному составу сводных гренадерских батальонов из корпуса Ребиндера /Дерфельдена				
	Св. грен. батальон Дендрыгина	Св. грен. батальон Ломоносова	Св. грен. батальон Санаева	Св. грен. батальон Калемина
29.03.1799	623	606	599	614
20.04.1799	544	557	599	590
26.04.1799	544	577	515	590
5.05.1799	453	501	515	618
24.05.1799	453	501	368	557
06.1799	344	361	430	459
07.1799	405	409	326	484
09.1799	339	330	151	397
10.1799	280	174	165	202
08.10.1799	193	178	260	183
04.11.1799	270	256		257

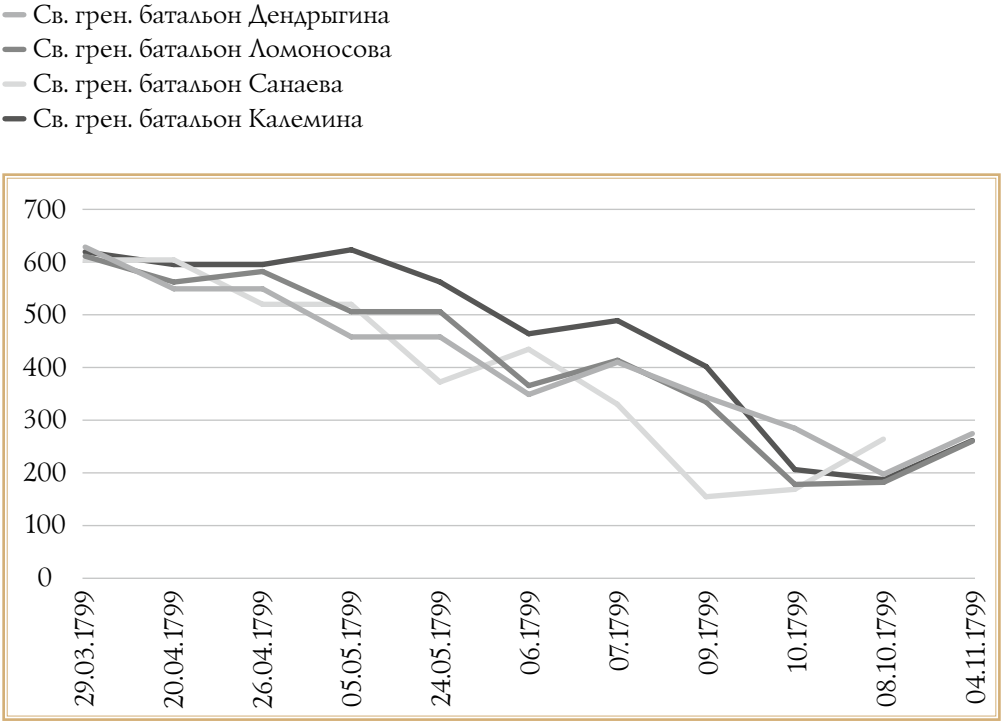


График наличного состава сводных гренадерских батальонов Итальянского и Швейцарского походов

График 27. Сравнение процента уланских полков в армии к проценту служащих в них, 1804–1910 гг.

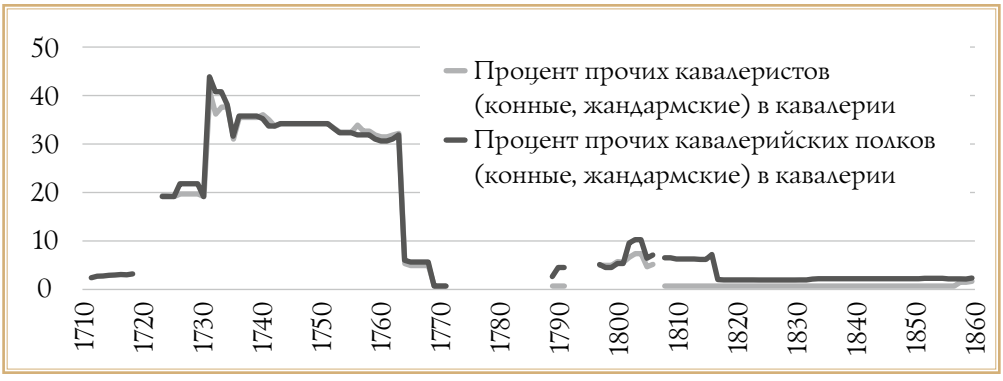


График 28. Сравнение процента иных полков к служащим в них, 1711–1860 гг.

В итоге можно вывести следующую гипотезу: воюющий полк или батальон в XVIII в. заполнен на 70–80% своего штатного расписания. При этом необходимо отделять предписанный части штат, списочный состав и наличный состав. Штат части — это желание правительства, которое не всегда получается воплотить в жизнь. Списочный состав — это количество человек, служащих и получающих жалованье в части, и его можно представить как штатное расписание, из которого вычли вакантные должности. Наличный состав — это количество человек, непосредственно доступных командующему в данном месте и данное время. Этот состав не учитывает вакантные места, отпускных, командированных, больных, негодных к строю и арестованных, т.е. всех, кто не может выполнять свои должностные обязанности в расположении части.

Как видно из материалов, касающихся рассмотренных войн XVIII в., наполнить полки списочным составом на 90–95% вполне реально, но при этом невозможно поддерживать его на этом уровне долго. Марши, сражения, полевые условия жизни и болезни будут уносить

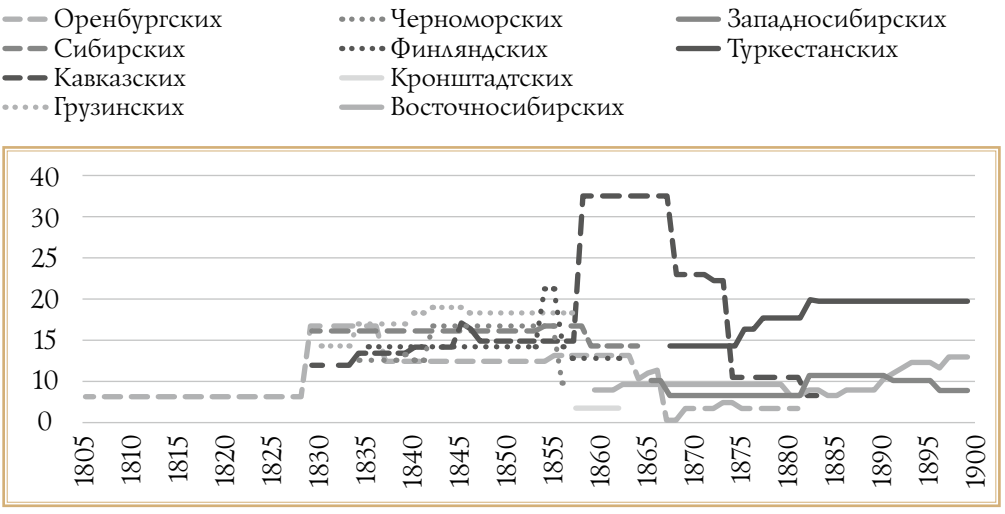


График 29. Количество линейных батальонов

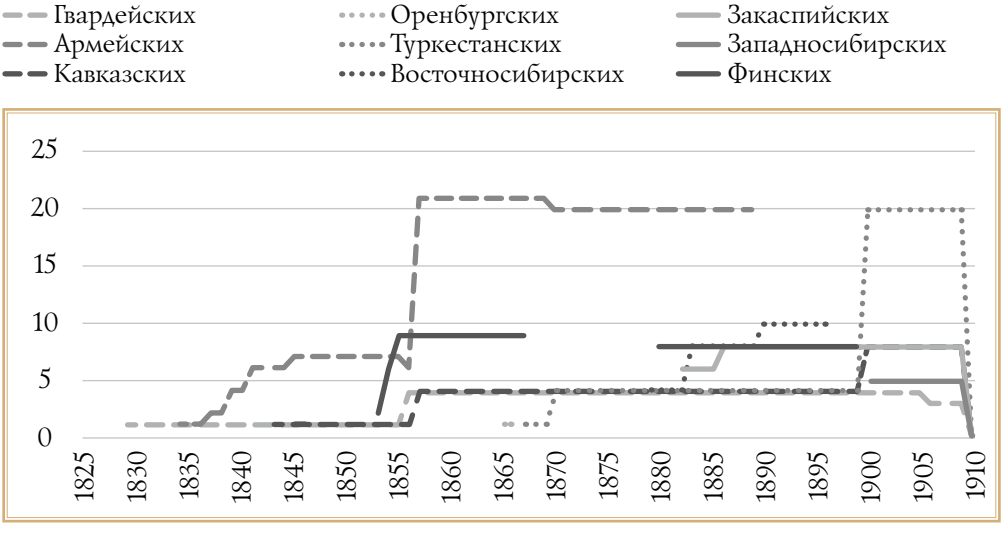


График 30. Количество стрелковых батальонов 1829–1910 гг.

жизни солдат и обескровливать действующие части. В то же время следует помнить, что погодные условия, болезни и просто тяготы службы не различают униформы и влияют на все стороны одинаково.

Базы общего списка полков, участия в европейских военных конфликтах и кампаниях, а также база погодовой локализации полков подготовлены И. Авериным.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

REFERENCES

1. *Artamonov V.A.* Poltavskaya bitva. General'naya bataliya Severnoj vojny. 1700–1709 (Seriya «Istoriya Rossii: Imperiya») [The Battle of Poltava. The General Battle of the Northern War. 1700–1709 (Series «History of Russia: Empire»)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. 484 s.
2. *Baiov A.K.* Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva (v 7 t.) [Course of the history of Russian military art (In 7 vols.)]. St. Petersburg: Tipografiya Gr. Skachkova, 1909–1913.
3. *Baiov A.K.* Russkaya armiya v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny. Vojna Rossii c Turciey v 1736–1739 gg. (v 2 t.) [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. Russia's war with Turkey in 1736–1739 (In 2 vols.)]. St. Petersburg: Elektro-tipografiya N.Ya. Stoykovoy, 1906.
4. *Beskrovnyj L.G.* Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki) [The Russian army and navy in the XVIII century: An essay]. Moscow: Voenizdat, 1958. 645 s.
5. *Bey E.V.* General V.A. Suhomlinov: voennyj ministr epohi Velikoj vojny (Seriya «Novejshie issledovaniya po istorii Rossii». Vyp. 29) [General V.A. Sukhomlinov: Minister of War of the Great War era (Series «The latest research on the history of Russia». Issue 29)]. Moscow: Centrpoligraf, 2021. 317 s.
6. *Bezotosnyj V.M.* Rossiya v napoleonovskih vojnah, 1805–1815 gg. (Seriya «Epoha 1812 goda») [Russia in the Napoleonic wars, 1805–1815 (Series «The era of 1812»)]. Moscow: ROSSPEN, 2014.
7. *Bogdanov A.P.* Suvorov: Pobeditel' Evropy (Seriya «Velikie istoricheskie persony») [Suvorov. Winner of Europe (Series «Great historical figures»)]. Moscow: Veche, 2013. 333 s.
8. *Briks G.* Istoriya konnicy. Tom II: Primechaniya Briksa k «Istorii konnitsy» Denisona / Pod red. V.A. Suhomlinova [The history of cavalry. Volume II: Brick's notes on Denison's «History of Cavalry» / Ed. by V.A. Suhomlinov]. St. Petersburg: Tipografiya A. Benke, 1897. 339 s.
9. Hronika rossijskoj imperskoy armii, sostavlennaya po vysochajshemu poveleniyu (v 7 t.) [Chronicle of the Russian Imperial Army, compiled by the highest command (in 7 vols.)]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1852.

10. Hronologicheskij ukazatel' voennyh dejstvij russkoj armii i flota [Chronological index of military operations of the Russian army and navy]. St. Petersburg, 1908–1913 (Vol. 1. 1695–1800. St. Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskoj tyur'my, 1908. 265 s.; Vol. 2. 1801–1825. St. Petersburg: Berezhlivost', 1909. 232 s.; Vol. 3. 1826–1854. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1911. 202 s.; Vol. 4. 1855–1894. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1911. 198 s.; Vol. 5. 1900–1905. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1913. 162 s.).
11. Istoriya russkoj armii i flota: Roskoshno illyustrirovannoe izdanie / Pod red. A.S. Grishinskogo, V.P. Nikol'skogo, N.L. Klado (v 15 t.) [The History of the Russian army and navy: A luxuriously illustrated edition / Ed. by A.S. Grishinskij, V.P. Nikol'skij, N.L. Klado (in 15 vols.)]. Moscow: Obrazovanie, 1911–1913.
12. *Ivanov P.A.* Obozrenie sostava i ustrojstva regulyarnoj russkoj kavalerii ot Petra Velikogo i do nashih dnej [Review of the composition and structure of the regular Russian cavalry from Peter the Great to the present day]. St. Petersburg: Tirografiya N. Tiblena i Ko, 1864. 354 s.
13. *Kersnovskij A.A.* Istoriya russkoj armii (v 4 t.) [The History of the Russian army (in 4 vols.)]. Belgrad: izdanie «Carskogo vestnika», 1933–1938.
14. *Kipnis, B.G.* Nepobedimyj : zhizn' i srazheniya Aleksandra Suvorova / Boris Kipnis. — Sankt-Peterburg [i dr.] : Piter, 2022. — 620 s.
15. *Kishmishev S.O.* Vojna v Tureckoj Armenii, 1877–1878 gg. / Soch. S.O. Kishmisheva [The War in Turkish Armenia, 1877–1878 / Works of S.O. Kishmishev]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1884. 536 s.
16. *Kolyubakin B.M.* Karty, plany i shemy k «Russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg. na Kavkaze i v Maloj Azii» (k pervoj chasti) [Maps, plans and schemes for the «Russian-Turkish War in 1877–1878 in the Caucasus and Asia Minor» (for the first part)]. St. Petersburg, 1906.
17. *Kolyubakin B.M.* Russko-tureckaya vojna v 1877–1878 gg. na Kavkaze i v Maloj Azii [Russian-Turkish war in 1877–1878 in the Caucasus and Asia Minor]. Pt. 1. St. Petersburg: tipografiya A.G. Rozena, 1906. 208 s.
18. *Kovalenko A.Yu.* Voennye reformy v Rossii v pervoj chetverti XIX veka: diss. ... doktora ist. nauk [Military reforms in Russia in the first quarter of the XIX century: Diss. ... Dr. of Hist. Sci.]. Moscow, 2004. 339 s.
19. *Kuharuk A.V.* Dejstvuyuschaya armiya v voennyh preobrazovaniyah pravitel'stva Nikolaya I: diss. ... kand. ist. nauk [The active army in the military transformations of the Government of Nicholas I: Diss. ... cand. of Hist. Sci.]. Moscow, 1999. 235 s.

20. *Kurukin I.V.* Persidskij pohod Petra Velikogo: Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735) (Seriya «Zabytye vojny Rossii») [The Persian Campaign of Peter the Great: Lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735) (Series «Russia's Forgotten Wars»)]. Moscow: Kvadriga, 2010. 396 s.
21. *Leonov O.G., Ul'yanov I.E.* Regulyarnaya pehota, 1698–1801: Boevaya letopis'. Organizaciya. Obmundirovanie. Vooruzhenie. Snaryazhenie [Regular infantry, 1698–1801: Battle Chronicle. Organization. Uniforms. Armament. Equipment]. Moscow: Izdatel'stvo TKO «AST», 1995. 296 s.
22. *Leonov O.G., Ul'yanov I.E.* Regulyarnaya pehota, 1855–1918: Boevaya letopis'. Organizaciya. Obmundirovanie. Vooruzhenie. Snaryazhenie [Regular infantry, 1855–1918: Battle Chronicle. Organization. Uniforms. Armament. Equipment]. Moscow: AST, 1998. 288 s.
23. *Lopatin V.S.* Suvorov (2-e izd.; Seriya «Zhizn' zamechatel'nyh lyudej») [Suvorov (2nd ed.; Series «Life of wonderful people»)]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2015. 447 s.
24. *Markov M.I.* Istoriya konnicy (v 5 t.) [History of cavalry (in 5 vols.)]. Tver': Tipo-Litografiya F.S. Murav'eva, 1886–1896.
25. *Maslovskij D.F.* Materialy k istorii voennago iskusstva v Rossii / Soch. polkovnika General'nogo shtaba D.F. Maslovskogo [Materials for the history of military art in Russia / Writings of colonel of the General Staff D.F. Maslovskij]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889–1892.
26. *Maslovskij D.F.* Russkaya armiya v Semiletnyuyu vojnu / Soch. General'nago shtaba polkovnika Maslovskogo [The Russian army in the Seven Years' War / Writings of D.F. Maslovskij, colonel of the General Staff]. Moscow: Tipografiya Okruzhnago shtaba, 1886–1891.
27. *Maslovskij D.F.* Stroevaya i polevaya sluzhba russkih vojsk vremyon imperatora Petra Velikogo i imperatricy Elizavety: Istoricheskie issledovaniya / Soch. General'nago shtaba polkovnika Maslovskogo (Seriya «Iz istorii voennogo iskusstva v Rossii v 1-j polovine XVIII stoletiya») [The combat and field service of the Russian troops of the times of Emperor Peter the Great and Empress Elizabeth: Historical research / Writings of D.F. Maslovskij, colonel of the General Staff (Series «From the history of military art in Russia in the 1st half of the XVIII century»)]. Moscow: Tipografiya Okruzhnago shtaba, 1883. 257 s.
28. *Maslovskij D.F.* Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii (s planami, chertezhami i shemami) [Notes on the history of military art in Russia (with plans, drawings and diagrams). St. Petersburg: Izdatel'stvo pri sodejstvii Nikolaevsk. Akad. Gener. Shtaba, 1891–1894.

29. Materialy dlya opisaniya russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre s planami (v 7 t.) [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 in the Caucasus–Asia Minor theater with plans (in 7 vols.)]. St. Petersburg: Voenno-istoricheskaya komissiya Glavnogo shtaba, 1904–1910.
30. *Menning B.W.* Pulya i shtyk. Armiya Rossijskoj imperii 1861–1914 [Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914] / Transl. by N. Edel'man, sci. ed. by Oleg Ayrapetov. Moscow: Modest Kolerov, 2016. 423 s.
31. *Milyutin D.A.* Istoriya vojny Rossii s Franciej v carstvovanie imperatora Pavla I v 1799 godu: Sostavleno po vysochajshemu poveleniyu gosudarya imperatora Nikolaya I / Soch. polkovodca D.A. Milyutina (v 5 t.) [The history of the war between Russia and France during the reign of Emperor Paul I in 1799: Compiled by the highest order of the Emperor Nicholas I / The writings of the commander D.A. Milutin (in 5 vols.)]. St. Petersburg: Tipografiya Shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1852–1853.
32. *Nelipovich S.G.* Soyuz dvuh orlov: Russko-avstrijskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII v. (Seriya «Zabytye vojny Rossii») [The Union of Two Eagles: The Russian–Austrian military alliance of the second quarter of the XVIII century (Series «Russia's Forgotten Wars»)]. Moscow: Kvagriga, 2010. 405 s.
33. *Petrov A.N.* Vliyanie tureckih vojn s poloviny proshlogo stoletiya na razvitie russkogo voennogo iskusstva (v 2 t.) [The influence of the Turkish wars since the half of the last century on the evolution of Russian military art (in 2 vols.)]. St. Petersburg: Voennaya tipogragiya, 1893–1894.
34. *Petrov A.N.* Vojna Rossii s Turciej / Dunajskaya kampaniya (v 2 t.) [Russia's war with Turkey / Danube campaign (in 2 vols.)]. St. Petersburg: Voennaya tipogragiya, 1890.
35. *Petrov A.N.* Vojna Rossii s Turciej 1806–1812 gg. [Russia's war with Turkey in 1806–1812]. St. Petersburg: Voennaya tipogragiya, 1885–1887.
36. *Petrov A.N.* Vojna Rossii s Turciej i pol'skimi konfederatami. S 1769 po 1774 god / Sostavleno preimuschestvenno iz neizvestnyh po sie vremya rukopisnyh materialov General'nago Shtaba kapitanom A.Petrovym [Russia's war with Turkey and the Polish Confederates. From 1769 to 1774 / Compiled mainly from handwritten materials unknown to this time, by captain of the General Staff A. Petrov]. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Veymara, 1866–1874.

37. *Petrov A.N.* Vtoraya Tureckaya vojna v carstvovanie imperatricy Ekateriny II. 1787–1791 (v 2 t.) [The Second Turkish War in the reign of Empress Catherine II. 1787–1791 (in 2 vols.)]. St. Petersburg: Tipografiya R. Golike, 1880.
38. *Podmazo A.A.* Bol'shaya evropejskaya vojna 1812–1815: Hronika sobytij [The Great European War of 1812–1815: Chronicle of events]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 365 s.
39. Sbornik materialov po Russko-Tureckoj vojne 1877–1878 na Balkanskom poluostrove [Collection of materials on the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the Balkan Peninsula]. St. Petersburg: izdanie Voenno-istorichskoj komissii Glavnago Shtaba, 1898–1911.
40. *Sdvizhkov D.A.* Pis'ma s Prusskoj vojny: Lyudi Rossijsko-imperatorskoj armii v 1758 godu (Seriya «Historia Rossica») [Letters from the Prussian War: People of the Russian Imperial Army in 1758 (Series «Historia Rossica»)]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 688 s.
41. Semiletnyaya vojna: Materialy o dejstviyah russkoj armii i flota v 1756–1762 gg. / Podgotovleno k pechati Z.M. Novikovoj i N.V. Brozhostovskoj; s predisloviem i pod red. prof. N.M. Korobkova; Glavnoe arhivnoe upravlenie MVD SSSR. Central'nyj voenno-istoricheskij arhiv SSSR [The Seven Years' War: Materials on the actions of the Russian army and navy in 1756–1762 / Prepared for printing by Z.M. Novikova and N.V. Brozhostovskaya; with a preface and ed. by prof. N.M. Korobkov; The Main Archival Department of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Central State Military Historical Archive of the USSR]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1948. 916 s.
42. *Tatarnikov K.V.* Russkaya polevaya armiya 1700–1730 gg.: Obmundirovanie i snaryazhenie / Pod red. V.I. Egorova [Russian Field Army in 1700–1730: Uniforms and equipment / Ed. by V.I. Egorov]. Moscow: Lyubimaya kniga, 2008. 352 s.
43. *Ul'yanov I.E.* Regulyarnaya pehota, 1801–1855: Boevaya letopis'. Organizaciya. Obmundirovanie. Vooruzhenie. Snaryazhenie (Seriya «Istoriya rossijskih vojsk») [Regular Infantry, 1801–1855: Battle Chronicle. Organization. Uniforms. Armament. Equipment (Series «History of Russian troops»)]. Nazran': AST, 1995. 245 s.
44. *Volvenko A.A.* Donskoe kazachestvo pozdneimperskoj epohi. Zemlya. Sluzhba. Vlast': 2-ya polovina XIX v. — nachalo XX v. (Seriya «Novejshie issledovaniya po istorii Rossii») [The Don cossacks of the late Imperial era. Earth. Service. Power: The 2nd half of the XIX century — the beginning of the XX century (Series «The latest

research on the history of Russia»)]. Moscow: Centrpoligraf, 2018. 222 s.
45. *Zajonchkovskij A.M.* Vostochnaya vojna 1853–1856 gg.: Dunajskaya kampaniya [The Eastern War of 1853–1856: The Danube campaign]. St. Petersburg, 1908–1913. 256 s.
46. *Zajonchkovskij P.A.* Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletij. 1881–1903 [Autocracy and the Russian army at the turn of the XIX–XX centuries. 1881–1903]. Moscow: Mysl', 1973. 351 s.
47. *Zajonchkovskij P.A.* Voennye reformy 1860–1870 godov v Rossii [Military reforms of 1860–1870 in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1952. 368 s.
48. *Zhmodikov A.L.* «Nauka pobezhdat'»: taktika russkoj armii v epohu napoleonovskih vojn [«The Science of winning»: Tactics of the Russian army in the era of the Napoleonic wars]. St. Petersburg: Evraziya; Moscow: Klio, 2016. 859 s.

Ключевые слова:

русская армия, русские полки, конфликты и кампании, штатная численность, дислокация

Alexander N. Chernenko

THE DATABASE OF RUSSIAN REGIMENTS (1700–1914). RESULTS OF A COMPILATION ATTEMPT.

(List of Regiments, Participation in Conflicts and Military Campaigns in Europe, Establishment, Year by Year Deployment)

The article presents theoretical and methodological framework as well as some practical aspects for the «The Great Game» database. The database concerns the regiment of the Russian Imperial Army in 1700–1914 and provides a list of the regiments, a brief description of sources and literature, changes in military establishment of infantry and cavalry regiments and hypothesises a methodology for calculating a maximum strength of armies during the conflicts of 1700–1914 period.

The second part of the article is dedicated to the practical aspects of the database. Using the data form the Great Northern War, the Seven Years War and Suvorov's Italian and Swiss campaign the aforementioned methodology is put to test. The results reveals the necessary amendments and caveat what should be kept in mind while researching the military history of the 18th century.

Key words: Russian Army, Russian Regiments, Conflicts and Campaigns, Establishment, Deployment.

Alexander N. Chernenko — independent researcher (Moscow).

Черненко Александр Николаевич

независимый исследователь (Москва)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.005

А.Н. Черненко

БАЗА ПОЛКОВ АНГЛИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1661–1914 гг. ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ

(Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация)

В рамках проекта Руниверс реализуется задача, направленная на создание базы данных по регулярным войскам России и других крупных европейских держав на протяжении XVII — начала XX вв. Цель проекта — сравнить военную нагрузку на государства и оценить военные усилия великих держав в конфликтах и кампаниях. Для Англии (с 1707 г. — Великобритании) выбран временной промежуток с 1661 по 1914 г. — от роспуска армии Английской республики до создания новой штатной структуры армии Соединенного Королевства перед Первой мировой войной[1]. При этом рассматривается Великобритания в конфликтах на европейском театре военных действий. Колониальные конфликты европейских держав при участии Великобритании — тема для отдельного исследования.

[1] Армию Кромвеля можно было назвать «регулярной» и «постоянной», однако Реставрация Стюартов положила начало новым вооруженным силам, которые начинали как будто бы с нового листа, с 14 февраля 1661 г. В этот день солдаты Колдстримского полка (ныне Coldstream Guards) символически сложили оружие, расформировывая армию Стюартов в изгнании, но тут же подняли его обратно, уже как армия короля Карла II.

Для того чтобы сравнить армию Великобритании с другими армиями, были поставлены следующие вопросы: в каких войнах и кампаниях участвовала британская армия; как менялся ее численный состав за изучаемый период; как менялось количество полков за определенный период[2].

На данный момент единой, доступной и удобной базы британских полков не существует, поэтому ее составление стало одной из главных задач исследования. Данные по полкам имеются на сайте Land Forces of Britain, The Empire and Commonwealth (в дальнейшем — regiments.org)[3]. Regiments.org доступен только через архив Интернета и то частично. В последний раз сайт обновлялся в августе 2005 г. и с тех пор фактически заброшен. Некоторые ссылки ведут в никуда, отдельные страницы отсутствуют, а значительная часть сайта все еще находится «в процессе создания».

В бумажном виде существует большое количество обзорной литературы — книг и журналов. Например, каталог издательства Almark Publications и журналы «British Infantry Regiments 1660–1914» и «Scottish Regiments and Uniforms 1660–1914»[4], в которых много полезной информации, касающейся униформологии. В книгах издательства Osprey рассказывается об истории отдельных полков, вопросах организации войск, войнах, кампаниях и отдельных сражениях[5].

Также существуют большие многотомные издания и отдельные монографии. Большой интерес представляет монументальный труд Фортескье «A History Of The British Army» в 13 томах, исследующий историю британской армии с 1660-х гг. по 1870 г. Из других работ — история периода 1660–1700 гг. Клиффорда Уолтона[6]; The Armies Of Queen Anne, посвященная периоду после смерти Вильгельма Оранского. Общую канву развития британской армии можно почерпнуть у Корнелла Бар-

---

2 Рассматривается регулярная армия. Части «...Rangers», Fencibles, нанятые немецкие полки, вспомогательные отряды или части «домашней службы» остались за рамками исследования.

3 https://web.archive.org/web/20060518093128/http://www.regiments.org/default.htm

4 *Bowling A.H.* Scottish Regiments and Uniforms 1660–1914, его же: British Infantry Regiments 1660–1914.

5 Библиография издательства об армии Британии слишком велика, чтобы можно было ее здесь приводить. Из примеров — «The British Army 1660–1704», «The British Army on Campaign 1816–1902» в 4 выпусках, по тактике: «British Light Infantry & Rifle Tactics of the Napoleonic Wars».

6 *Walton C.* History of the British Standing Army 1660–1700. London: Harrison and Sons, 1894.

Русские и британские полки 1758 г.

нетта[7], а с жизнью простого солдата ознакомиться у Ричарда Холмса[8]. Существует большой пласт и других работ, рассказывающих о британской армии с других сторон. Так, места пребывания полков имеются в двухтомнике Дж. Китцмаера «In Search for the "Forlorn Hope[9]"». Однако в книге просто перечислены города и населенные пункты, посещенные полками за тот или иной год. Работа автором проделана огромная, но для целей исследования она не совсем подходит, так как не вносит ясности в вопрос — проходил ли полк мимо селения маршем или стоял гарнизоном в течение года (полностью или частями).

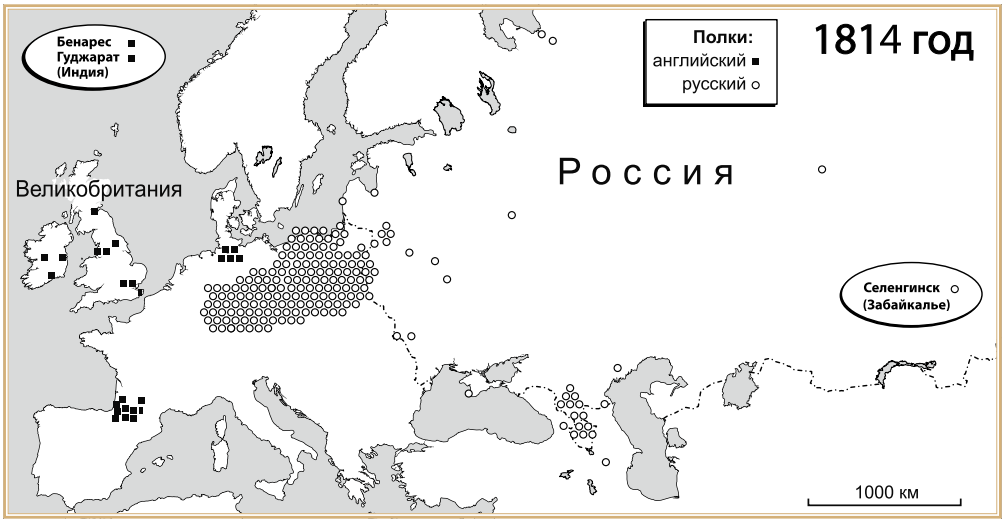
Однако ни доступные источники, ни литература не давали до сих пор полной картины. За предыдущие столетия так и не было создано полной базы данных, включающей все полки, все войны и кампании, все передвижения, все изменения в штатно-организационной структуре. Не было создано и сводных трудов с картами, графиками и списками, объединяющими численность, дислокацию и участие в кампаниях. Поэтому возникла задача составления платформы, в которую можно было бы свести необходимую информацию из разрозненных источников.

---

7 *Barnett C.* Britain and her army, 1509–1970: a military, political and social survey. London: Cassell & Co, 2000.

8 *Holmes R.* Redcoat: The British Soldier in the Age of Horse and Musket. London: Harper Collins, 2002. *Holmes R.* Sahib: The British Soldier in India 1750–1914. London: Harper Collins, 2006.

9 *Kitzmiller II John M.* In Search for the «Forlorn Hope»: A Comprehensive Guide to Locating British Regiments and Their Records (1640 to WWI). Salt Lake City: Manuscript Publishing, 1988.



Русские и британские полки 1814 г.

Создание такой фундаментальной базы позволило бы сравнивать различные исторические периоды и проверять выводы, как собственные, так и других исследователей.

В качестве источников для исследования были выбраны полковые истории Британской армии. Так как она всегда была достаточно небольшой, удалось собрать и обработать полковые истории для большинства полков. Из этих источников брались: информация о расположении и перемещении британских сил, штатные расписания полков, реальное количество служащих, участие в войнах, кампаниях и сражениях. При этом уместно рассказать о том, что такое полковые истории как источник, со всеми их недостатками и достоинствами.

Полковые истории можно разделить на три группы. Первая — краткие исторические справочники, брошюрки, которые можно найти в музеях или галереях. Например, «From the Boyne to Basra: a short history of the 22nd (Cheshire) Regiment»[10], скомпилированная по заказу полка, или книги Мартина Макинтайра о полку герцога Эдинбургского, написанные по заказу полкового музея. Это красиво изданные книги с большим количеством картинок и небольшим сопроводительным текстом. Для исследования они были практически полностью бесполезны. Вторая группа литературы — популярные истории, созданные для краткого ознакомления со «славной историей» полка. Цель таких брошюрок — «оказать должное почтение полкам, а также личностям, что отличились

[10] *Skempton K., Ellis J.E.H., Crump.* From the Boyne to Basra: a short history of the 22nd (Cheshire) Regiment. Chester: KmCreative, 2008.

своей храбростью в сражениях с врагом»[11]. Прекрасный пример — серия «Historical Records of the British Army», подготовленная для королевы Виктории по случаю ее восхождения на британский престол. Эти издания имели целью укрепление боевого духа армии и являли молодому поколению солдат и офицеров примеры для подражания. При этом книги Кэннона, подчас весьма объемные, не всегда полезны для исследователя. Информация в них подается в виде хроники, с упором на боевые действия и индивидуальные деяния военнослужащих. Также его работы могут быть фактологически неверными: Кэннон мог приписать полку несколько «славных страниц» по своему усмотрению. Сведения о штатах, дислокации или перемещениях в мирное время отрывочны и страдают от обобщений. Подобные издания отличают краткость, внимание к подвигам или трагедиям, игнорирование армейских будней, мирной гарнизонной службы и структурных изменений в армии.

Серия «Famous Regiments» обладает теми же свойствами. Она была создана, чтобы почтить полки, которые расформировывались или сливались с другими в период большой реорганизации британской армии в период 1960-х гг.[12]

Третья группа полковых историй — это научные работы. Как ни странно, наиболее полезными оказались работы, написанные на переломе XIX и XX вв., в которых авторы скрупулезно описывали все вояжи в Индию и колонии, приводили все места дислокации и постов, отражали каждое изменение штатов. Часто они заканчивались 1881 г., когда однобатальонные полки были слиты в новые двухбатальонные. Но чем ближе к XXI в., тем менее ценными для исследования становились полковые истории. Авторов уже не интересует военный быт или повседневная служба. Их больше интересуют социальные или политические проблемы. В этих изданиях не найти уже штатов или дислокаций, и даже военные действия упоминаются мимолетом, без особого внимания. Таким образом, из этих полковых историй практически нечего почерпнуть[13].

---

[11] Приказ главнокомандующего генерала Лорда Хилла, который цитируется в серии книг, подготовленных Ричардом Кэнноном, главным клерком офиса адъютант-генерала. Этот приказ находится на странице I всех его книг.

[12] В этой серии вышли книги о более чем 50 полках и частей.

[13] Например, работы Виктории Шоффилд «The Highland Furies: The Black Watch 1739–1899» и «The Black Watch: Fighting in the Front Line, 1899–2006» могут быть крайне полезны, чтобы узнать больше о человеке на войне, но не об истории полка как военной единицы.

Следует отметить, что не все полки получили свою долю внимания. Для некоторых просто не существует полковых историй. У других исследованы только небольшие периоды — например, действия полка во время Англо-бурской войны или во время Восстания сипаев.

Задача проекта — создание электронной базы данных, которой можно пользоваться в Интернете. Для этого были созданы следующие подбазы: «Названия», «Дислокации», «Штаты», «Участие в конфликтах и кампаниях». Также был предложен собственный формат подачи материала.

База «Названия»

Главная цель этой таблицы — помочь идентифицировать нужный полк. Первый столбец слева — это последнее название полка при расформировании или на 1914 г.; верхняя строка — год. Совмещая строку полка и столбец года, можно найти интересующие названия. Если в ячейке нет ничего, то значит, полк в это время не существовал. Если в ячейке используется несколько названий через косую черту (/), значит, полк именовался несколькими названиями. Формула «/ с *месяц*)» означает, что с этого месяца полк стал называться иначе.

Традиционно британские полки назывались по имени своего полкового командира. В 1751 г. их переименовали с присвоением номерных значений, а после 1782 г. добавилось и территориальное обозначение для всех полков. Например, Lord John Murray's Regiment в июле 1751 г. стал называться «The 42nd Regiment of Foot, The Highland Regiment»; The Royal Regiment of Foot of Ireland стал именоваться «18th Regiment of Foot», с 1782 г. — 18th (The Royal Irish) Regiment of Foot. Bragg's Regiment of Foot переименован в «28th Regiment of Foot», а после территориальной привязки — «28th (the North Gloucestershire) Regiment of Foot».

Разнообразие названий полков и их варианты создают серьезные проблемы для исследователя. Полки не только меняют названия при смене командира, но подчас меняют название несколько раз в год. А если добавить к этому неустойчивость английской орфографии XVII–XVIII вв., то можно получить огромное количество вариантов названий. Поэтому было принято решение размещать в таблице не столько юридически верные названия, сколько названия, которые помогают узнать нужный полк и уже существующие в литературе. Для названий дономерного периода названия полков создаются по схеме: титул / почет-

ное звание (если есть) + имя + фамилия + regiment of foot: «Lord John Kerr's Regiment of Foot», «Hon. Sir James Campbell of Lawars' Regiment of Foot», «Thomas Paget's Regiment of Foot». В период 1751–1782 гг. названия состоят из № + regiment of foot, иногда добавляется территориальное или почетное название, если оно есть: 4th (or the King's Own) Regiment of Foot, 23rd (Royal Welch Fusiliers) Regiment of Foot. После 1782 г., когда названия закрепились и погрешности в названиях отошли в прошлое, имена формируются так: № + почетное название / территориальное название + regiment of foot, например 50th (the Queen's Own) Regiment of Foot, 73rd (Perthshire) Regiment of Foot, 94th Regiment of Foot.

При этом существовали и исключения. Некоторые полки имели свои уникальные названия: The Royal Regiment of Foot, The Holland Regiment, Royal Regiment of Fuzilieers[14], которые нами учтены. Если полк мог иметь иные названия, то мы их указываем в той же ячейке. Например, полк королевских фузилеров мог называться и как Ordnance Regiment, и как Duke of Marlborough's Regiment of Foot.

База «Дислокации»

Армия Соединенного Королевства не могла выделить своим полкам мест постоянного пребывания вплоть до последних десятилетий XIX в. Британские батальоны постоянно перемещались, редко проводя более года на одном и том же месте. Рождество полк мог встречать в Шотландии, в форте Август, летом мог переместиться в Центральные Графства или в Уэльс, а зиму встретить в Ирландии, подальше от парламентских глаз. Учет дислокации полка на 01.01 или на 31.12 при такой ситуации ненамного полезен, чем учет на 01.04 или 07.11[15]. У британского полка не было места постоянной дислокации, он постоянно находился на ходу. Если полк 31.12 находится, скажем, в Йорке, это не значит, что он провел там весь год. Скорее всего, он пребывал там только 1,5–2 месяца. Если полк 01.01 находится в том же Йорке, то это не значит, что он останется там на весь год: наоборот, с первой травой в конце марта–апреля его переместят в другое место. Места для постоянной дислокации появятся только в начале XIX в.,

[14] Имеются в виду 1st (The Royal Scots), 3rd (East Kent, The Buffs), 7th (the Royal Fusiliers) Regiments of Foot соответственно.

[15] Учет на 1 ноября может быть даже более удачен. К 1–15 ноября перемещение полков прекращалось, они располагались на зимние квартиры и не двигались никуда до весны.

с постройкой специализированных армейских бараков, и в Викторианскую эпоху, когда будут созданы армейские лагеря или армейские городки вроде Карра (Curragh), Олдершота и Чатема. Поэтому местонахождение полка учитывается по месяцам, о чем будет сказано ниже.

Невозможно также указать одну точку для дислокации полка. В подавляющем большинстве случаев британский кавалерийский или пехотный полк распылялся маленькими группками по большой территории. Во-первых, из-за отсутствия бараков и других помещений, способных вместить 200–400 человек. Обычно полк располагался на постоялых дворах, распределяясь по графству или уезду мелкими заставами по 10–20 человек. Во-вторых, на армию возлагались полицейские функции: пехота обеспечивала безопасность и спокойствие территории, а кавалеристы патрулировали побережье и ловили контрабандистов. Для решения этой проблемы были использованы следующие принципы: если в базе указано графство — «Лейнстер» или «Манстер[16]», то полк был рассыпан заставами по всему графству либо так часто перемещался по нему, что не имеет смысла указывать точные данные; если указан только город — «Йорк» или «Бристоль», то скорее всего в нем расположена штаб-квартира или большая часть полка, а остальная часть — рассыпана по графству; если указан список населенных пунктов — значит, полк был расположен в них и провел там значительное время. Что касается заморских владений, то, если полк располагался на острове, указывается просто остров (включая Северный и Южный острова Новой Зеландии, хотя и там есть указания до города). Дислокации на Индийском субконтиненте по возможности указаны до города. Правда, не во всех случаях, так как некоторых населенных пунктов уже не существует, некоторые были переименованы, а какие-то названия так извращены в английской передаче, что найти их не представляется возможным. Некоторые города и населенные пункты все же удалось идентифицировать, а если нужен был регион, то использовалось его современное деление. В крайних случаях использовались названия географических регионов вроде «Декан» или «Южная Африка».

Таблица дислокаций построена следующим образом: в первой колонке перечисляются полки, взятые по очередности формирования, именованные по полному названию на момент расформирования или объединения; следующие две графы — даты формирования и расфор-

[16] Для Англии и Уэльса указываются графства до административной реформы 1888–1889 гг.

мирования. Они служат для того, чтобы было удобнее ориентироваться в общем списке полков.

Следующие столбцы озаглавлены по годам — с 1661-го по 1914-й. В них и содержится информация о том, где находился или как перемещался полк в определенный год. Если написано «Лондон» / «Лейнстер» / «Шотландия», значит, полк (батальон) находился в этом городе/провинции/регионе весь год. Для двух и более батальонных полков указывается дислокация всех батальонов в виде 1st bn — *место*; 2nd bt — *место*; 3rd bt — *место*. Если полк или батальон был рассыпан по большой территории, то указывается несколько мест; полк (батальон) передвигался с места на место, но задерживался больше чем на пару месяцев, то указывается, с какого месяца полк там находился. Если же полк два или более месяцев находился в дороге или в море, нигде не задерживаясь, то указывается — «в пути» или «в море». Например, вот как записаны дислокации и перемещения «1-го или Королевского Шотландского полка» в 1814 г.:

«1-й батальон — Монреаль, Шамбли, Прескотт, Кингстон, Квебек, с ноября — ф. Ниагара; 2-й батальон — Бангалор, с апреля — Беллари, с июля — Секундерабад; 3-й батальон — Атлантические Пиренеи, с мая — Англет, с сентября — Корк; 4-й батальон — в пути, с марта — Голландия, с апреля — в пути, с июля — Квебек».

Это означает, что 1-й батальон находился на разных станциях Канады, а в ноябре был собран вместе в форте Ниагара. 2-й батальон перемещался по станциям на Деканском плато. 3-й батальон находился в департаменте Атлантические Пиренеи Франции, после чего несколько месяцев провел в г. Англет и с сентября расположился в Корке. 4-й батальон новый 1814 г. встретил в дороге, после чего в начале марта прибыл в провинцию Голландия, но был посажен на корабли и с июля разместился в Квебеке.

После реорганизации 1881 г. ко многим полкам присоединили местные батальоны добровольцев, резервистов, Территориальной Армии. Они могли считаться 3-ми, 4-ми, 5-ми батальонами полков, но в реальности представляли собой просто кадры для укрепления связи между полком и «его» графством. Эти «батальоны» мы учитывали только в военное время, когда их мобилизовали и отправляли на театр военных действий в Южную Африку или на Бурскую войну. В мирное время история подобных батальонов относится скорее к истории военных округов и организации армии в целом, чем к полковой истории или боевым действиям.

База «Штаты»

При изучении штатной численности английских полков приходится сталкиваться с несколькими проблемными моментами. Первую проблему представляет период 1661–1707 гг., от создания новой армии до акта об Унии 1707 г. Вторая проблема состоит в том, что в период 1707–1914 гг. трудно свести разные штаты в единую картину и определить, какой полк на каком штате содержался. По шотландским или ирландским полкам недостаточно информации за период 1661–1707 гг. Возможно, этих полков просто было немного. Их содержали и ими распоряжались Шотландская и Ирландская короны, которые в случае необходимости передавали их на содержание английской казны. Такие полки мы учитываем. Английские штаты раннего периода мы считали по сборникам «English Army Lists and Commission Register» за 1661–1714 гг.[17]

В XVIII в. полки могли содержать по «испанским», «фландрийским», «ирландским» штатам и прочим, в зависимости от того, куда занесло этот полк во время войны или мира. Если полк направлялся воевать во Фландрию — ему давали один штат. Если в Испанию или Португалию — то другой. Зная штат хотя бы одного полка, можно с некоторой уверенностью предположить, что штаты других полков были схожи с ним. Хотя в этом вопросе следует проявлять известную осторожность. Для изучения ситуации в XIX в. полезны публикации парламентских документов в собрании «Parliamentary Papers», раздел «Accounts and Estimates». В этих бумагах можно найти штаты и затраты, как будущие, так и настоящие на армию и флот Британской империи.

В таблице данные представлены следующим образом.

В первом столбце по горизонтали идет название полка на момент расформирования или на 1914 г. Следующие две колонки — годы формирования и расформирования. По вертикали самая верхняя строка — это год. Во второй строке находятся заголовки столбцов, в которых мы учитываем два параметра — общий штат человек и количество батальонов или «эскадронов»/отрядов. В «общем штате» учитывается, сколько человек было приказано иметь в том или ином полку. В графе «количество батальонов/эскадронов» учитывается количество этих соединений в полку. Большинство английских полков до 1881 г. были однобатальонными, но существовали и исключения. С другой стороны, кавалерий-

[17] *Dalton C., F.R.G.S.* English Army Lists and Commission Registers 1661–1714. V. 1–6. London: Eyre & Spottiswoode, 1892.

ские полки делились на отряды — «troops», а эскадрон был временной единицей, объединявшей несколько «troops» на время войны. В качестве постоянной единицы эскадрон установился только в 1880-е. До этого времени учитывались отряды.

В результате появилась таблица, в которой отражены изменения штатов британской армии во время войны и мира за XVII — начало XX вв. Она показывает, какие штаты присваивались на мирное время в Ирландии и Англии в XVIII в., спасая армию от парламентской скупости, и позволяет оценить усилия для воссоздания вооруженных сил в военное время. Для XIX в. указаны штаты полков для колониальных «туров» и обеспечения безопасности империи на дальних рубежах.

База участия в конфликтах и кампаниях необходима для правильной оценки участия Британской империи в европейской политике. Известно, как на протяжении всего периода Лондон оказывал финансовую и дипломатическую поддержку своим союзникам на континенте. При этом база позволит оценить и реальную поддержку, оказанную союзникам на поле боя. Также с ее помощью можно оценить эффективность стратегических замыслов Британской империи — было ли это «битье стекол гинеями»[18] или нечто подобное Пиренейским войнам, когда небольшая армия Веллингтона, поддерживавшая испанское сопротивление, оттягивала на себя во много раз превышающие ее силы Наполеона.

Участие в кампаниях бралось из полковых историй. Учитывались следующие сведения: местонахождение полка в рассматриваемый момент; в какое соединение входил; под командой какого военачальника находилось соединение; какое участие принимал в реализации планов данного военачальника. Главный же вопрос был следующим: какие части находились под рукой командующего и на кого он мог опереться при исполнении своих планов? Сверяя несколько полковых историй, удалось взаимно перепроверить сведения различных полковых историков.

По результатам исследования можно построить следующий график, показывающий увеличение и сокращение количества полков британской армии. После восстановления монархии королям из династии Стюартов было позволено иметь только «Guards and Garrisons» (Стражу и Гарнизоны), которые они должны были оплачивать из собственных средств[19]. При необходимости король мог набрать несколько

---

[18] Так Генри Фокс, «Секретарь в войне», ответственный за финансы армии, охарактеризовал британские кампании у берегов Франции 1757–1759 гг.

[19] *Manning Roger B.* An Apprenticeship in Arms. The origins of the British Army 1585–1702. P. 263; *Fortescue J.W.* A History of The British Army. Vol. I. P. 310.

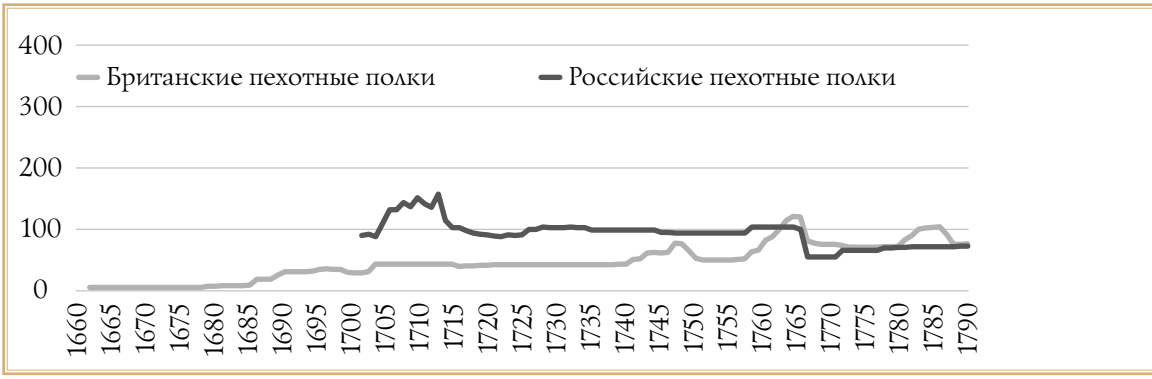
полков в военное время, но был обязан сразу же распустить их после заключения мира.

В период 1685–1697 гг. армия переживает взрывной рост: с 12 полков (9 пехотных и 3 кавалерийских) до 52 (36 пехотных, 16 кавалерийских). Это произошло из-за внутриполитической нестабильности и резкой смены внешней политики. Во-первых, в 1685 г. произошло восстание герцога Монмутского, незаконнорожденного сына Карла II. Для борьбы с мятежниками новый король Яков II смог набрать 10 пехотных и 9 кавалерийских полков, что и видно на графике. Однако через четыре года Яков II был свергнут, а на престол взошел нидерландский штатгальтер принц Оранский под именем Вильгельма III. Новый король активно старался втянуть Англию и ее армию в континентальную политику, чтобы защитить свои голландские владения[20]. Войска, которые Яков II созвал в конце 1688 г. для своей защиты, перешли на сторону претендента и приняли участие в Войне Аугсбургской лиги 1688–1697 гг. в Ирландии и Фландрии.

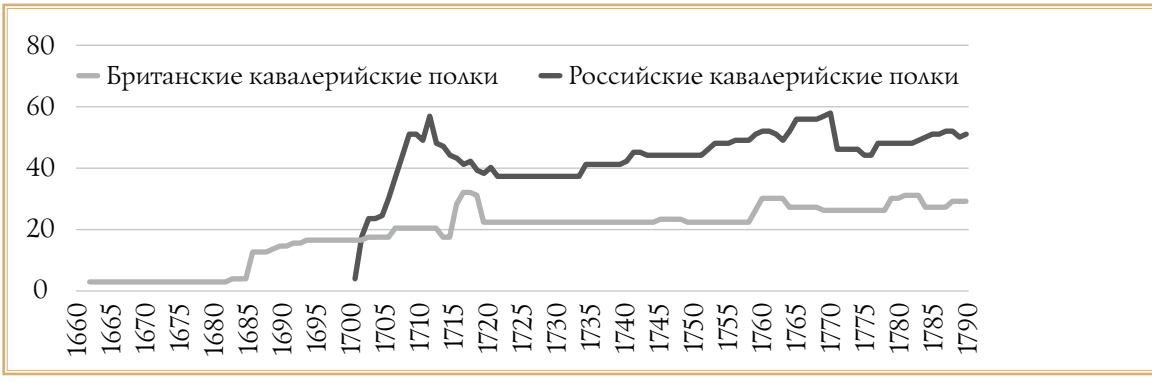
После наступления мира Парламент попытался распустить сухопутные войска, однако в Европе разразилась Война за испанское наследство, в которую Англия вступила в 1701 г. Распущенные полки были созваны вновь, а также созваны новые. Им предстояло воевать не только во Фландрии, но и в Португалии, на юге Испании и в Каталонии. Великобритания вышла из войны в 1713 г., но вместо расформирования полков была применена новая стратегия — полки уменьшались до абсолютного минимума и «прятались» подальше от глаз Парламента в Ирландии, чтобы в случае войны не формировать новые полки, а просто наполнять старые. К тому же Парламент понял, как опасно распускать войска — в сентябре 1715 г. началось восстание якобитов, которое угрожало восстановлением старой династии. Весь же следующий век в британской армии наблюдалось значительное увеличение армии на время войны, а затем резкое сокращение в период мира: Война за ухо Дженкинса 1739–1748 гг. и Война за испанское наследство — с 65 до 104 полков на пике; Семилетняя война — с 76 в 1755 г. до 157 полков в 1762 г.; Американская революция 1775–1783 гг. — с 100 до 140 полков; Войны Первой коалиции 1792–1796 гг. — с 109 до 189 полков, что стало абсолютным пиком.

После каждой войны и роспуска частей короне удавалось «спасти» 5–10 полков, которых отправляли в Ирландию либо оставляли дома

[20] Подробнее см.: *Manning Roger B.* An Apprenticeship in Arms... P. 314–429.



Сравнение количества пехотных полков Британской и Российской армий (начало)



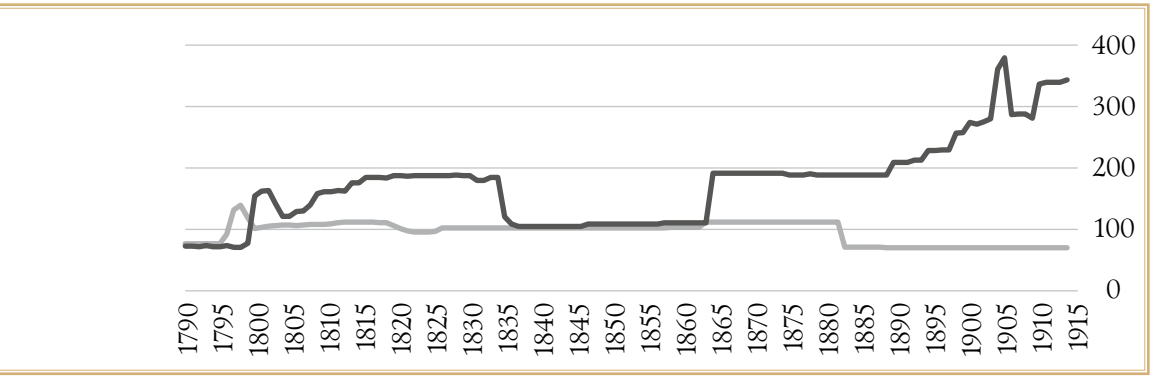
Сравнение количества кавалерийских полков Британской и Российской империй (начало)

в качестве политики поддержки старых и увечных солдат. Например, после Семилетней войны таких солдат собрали в 41-й и 71–75-й полки («invalids») для гарнизонной и таможенной службы[21]. В эту же парадигму попадают и 73–77-й полки с шотландских высокогорий, которые были «одолжены» Ост-Индской компании для участия в войнах против индийских султанов.

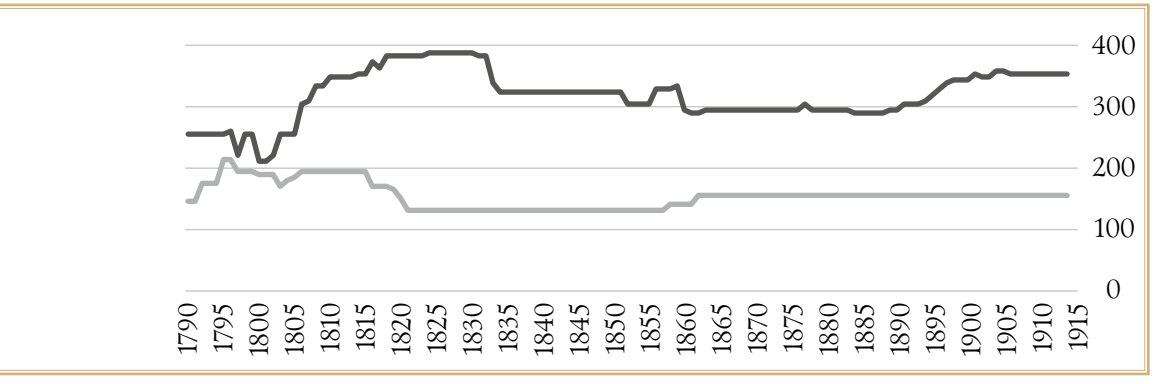
Объяснений резкому увеличению и сокращению количества полков в XVIII в. существует несколько. Во-первых, от полков отделялись вторые батальоны, которым присваивали полковой статус[22]. Во-вторых, в полки

[21] Так начиналась история 41-го пехотного полка, см.: *Lomax D.A.N.* A History of the Services of the 41st (the Welch) Regiment, From its Formation, in 1719 to 1895. Devonport, Hiorns & Miller, Army Printers and Stationers and «Ye Caxton Press». 1899. P. 1–24.

[22] Так в 1757–1758 гг. началась история № 62–75, 86–87 пехотных полков.



Сравнение количества пехотных полков Британской и Российской армий (продолжение)



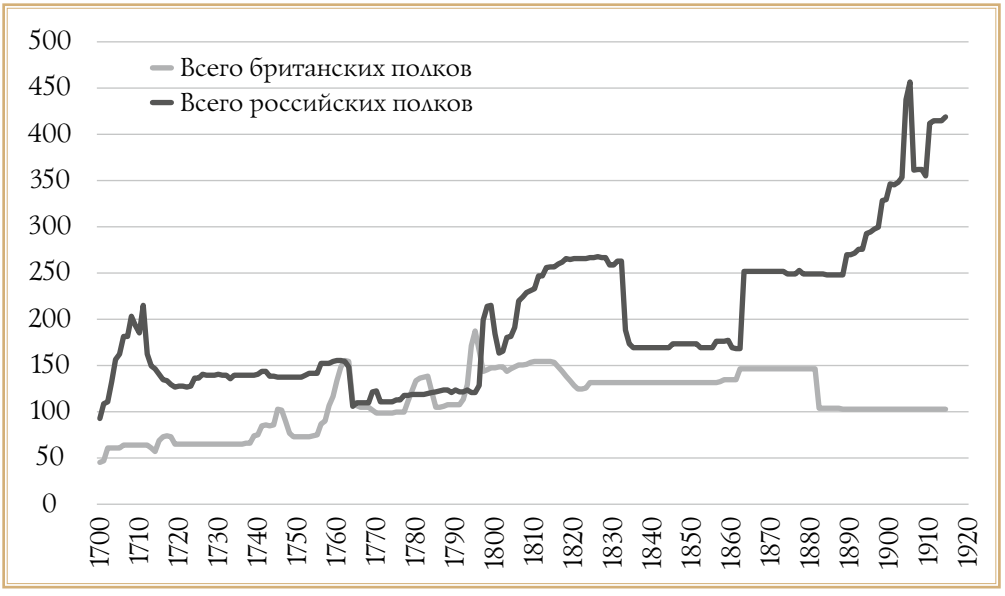
Сравнение количества кавалерийских полков Британской и Российской империй (продолжение)

могли сводить отдельные роты[23]. В-третьих, поскольку офицерское звание продавалось, покупалось и дарилось, а полки долгое время были фактически собственностью своих полковников, то корона готова была даровать право на сбор полка или роты. Недоформированные и неполные части потом распускались, а их личный состав вливали в уже существующий полк[24].

Историю британской армии в XIX в. можно разделить на три периода: период Наполеоновских войн, период стабильности и период реформ и изменений. Война с Наполеоном и его союзниками шла в Европе и в Египте, на Карибах и на Яве, в Южной Америке и Южной Африке. С армии не снималась задача защиты империи от других противников: индийских султанов, африканских племен и даже США. Чтобы сохранить личный состав, на британскую службу принимались германские

[23] Так образовался 42-й пехотный полк, например.

[24] См.: *Fortescue J.W.* A History... Vol. IV. P. 80–82, 204–214, 409.



Сравнение количества полков Британской и Российской империй за 1700–1914 гг.

части и французские пленные — King's German Legion, Brunswick Ducal Field-Corps, Chasseurs Britanniques, которые прошли всю Пиренейскую кампанию, а немецкие части даже сражались при Ватерлоо. Также были образованы 12 «Вест-Индийских» полков из выкупленных черных рабов, которые должны были поддерживать порядок в захваченных французских колониях в Карибском море.

После окончания Наполеоновских войн демобилизация заняла несколько лет, так как необходимо было держать полки в британской зоне оккупации во Франции и присматривать за новообретенными территориями за морем. Британская армия вступила в период стабильности. Единственное изменение — это набор 7 полков в ответ на французскую интервенцию в Испанию в 1824 г. В 1862 г. в армию были включены «европейские» полки национализированной Ост-Индийской компании под номерами 101–109 и 3 кавалерийских полка под номерами 19–21.

После этого начался период реформ. Разбросанная по всему миру британская армия уже не могла справляться с защитой как периферии, так и метрополии. Необходима была новая система, отвечающая современному на тот момент развитию науки, техники и общественного устройства, особенно в свете Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Поиски нового пути начались еще в 1840–1850-х гг., когда «белые» доминионы получили расширенные полномочия, в том числе и касательно вооруженных сил. Также начались деятельные военные реформы, направленные на создание обученного и большого резерва.

В 1870–1871 гг. государственный секретарь по военным делам Эдвард Кардвелл провел масштабную реформу, целью которой было улучшить состояние армии, обеспечить готовый резерв и укрепить защиту метрополии. Войска были отозваны из доминионов, введен семилетний срок службы, образован постоянный резерв. Существующие полки были «связаны» (linked) и расписаны по бригадам (военным округам), к полкам добавлены по 2 батальона ополчения и добровольческие отряды. Кардвелл планировал, что половина полков (батальонов) будет всегда находиться на своих тренировочных станциях (depots), т.е. на «домашней службе», и будут набирать рекрутов из ополчения и добровольцев, обучать их и отправлять в действующие за пределами Британских островов батальоны.

Реформа Кардвелла не дала решающих результатов: «за морем» всегда находилось больше батальонов, чем в Великобритании. Так, во время Зулусской войны 1879 г. 82 батальона находились за пределами Великобритании, а на островах только 59. Из «домашних» батальонов выжимали досуха всех рекрутов, и, когда «домашний» батальон отправлялся за море, его приходилось срочно комплектовать из других частей[25].

В 1881 г. исправить проблемы кардвелловской реформы попытался новый государственный секретарь по военным делам Хью Чилдерс. Он свел однобатальонные полки в двухбатальонные и расписал их по новым военным округам. Воинская дисциплина была смягчена, телесные наказания полностью отменены, началось строительство бараков для солдат. Однако ежегодные планы по рекрутированию все равно не выполнялись. Правительство не желало увеличивать солдатское жалованье, улучшать положение и образ военнослужащих в обществе. Обучение полезной гражданской или военной специальности на семилетнем сроке службы отсутствовало — отслуживший солдат не имел перспектив после демобилизации. До 25% уволившихся становились безработными или бродягами. Досуг солдат мог проводить либо в пьянстве, либо в обществе религиозных активистов — других альтернатив не было[26]. Ситуация становилась тем печальнее, что истощились и традиционные источники солдатских кадров: шотландские высокогорья и ирландские деревни[27]. Этнические англичане предпочитали работу на заводах, на которых пла-

---

[25] *Barnett C.* Britain and her army, 1509–1970. P. 299–324; The Oxford History of the British Army. Oxford. P. 187–189.

[26] The Oxford History... P. 190.

[27] *French D.* Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People c. 1870–2000. New York: Oxford University Press, 2005. P. 31–60.

тили больше. Только городская беднота и отчаявшиеся безработные искали выход в армейской службе. Армия таким рекрутам была не рада — их физическое развитие и образовательный уровень оставляли желать лучшего, но рекрутеры не могли позволить себе отказаться от них.

В таких условиях приходилось решать многочисленные и трудные вопросы по охране империи. Меморандум от 1 июня 1891 г. государственного секретаря Эдварда Стенхоупа ставил следующие задачи перед британской армией:

a) поддерживать гражданские власти во всех частях Соединенного Королевства;

b) предоставить людей для Индии [в оговоренном с индийским правительством количестве];

c) предоставить гарнизоны для всех... крепостей и станций бункеровки;

d) после [выполнения 2 предыдущих пунктов] иметь возможность быстро мобилизовать 2 армейских корпуса из регулярной армии и 1 сводный из регулярной армии и ополчения, организовать Вспомогательный корпус [...] для защиты Лондона, оборонительных позиций, [...] торговых портов;

e) [обсуждается] возможность [...] послать за границу 2 армейских корпуса с кавалерийской дивизией и [частями] связи[28].

Стенхоуп считал, что вероятность войны на континенте «достаточно мала» и стоит готовиться прежде всего к защите страны. Дальнейшие события показали, что прогноз Стенхоупа не был точен: война случилась не на Европейском, а на Африканском континенте. Бурская война выявила две проблемы — политическую изоляцию Великобритании и неудовлетворительное состояние ее армии. После войны британское правительство образовало комитет под руководством Лорда Эшера, чтобы найти способы исправить недостатки. Рекомендации, предоставленные комиссией, были воплощены под руководством военного секретаря Ричарда Холдейна в 1908–1909 гг.

Суть реформ заключалась в создании Полевых войск (Field Force) и Территориальных (или Домашних) войск (Territorial (Home) Force). Полевые войска состояли из экспедиционного корпуса, 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизии со вспомогательными силами. В случае войны они должны были мобилизоваться и отправиться на фронт в течение 15 дней. Территориальным силам отводилось для мобилизации и обуче-

[28] Цит. по: *Dunlop J.K.* The development of the British army. P. 307.

ния резервистов 6 месяцев. Части Ополчения и Волонтеров упразднялись. Также Холдейну удалось создать резерв и постоянно готовый экспедиционный корпус. Но самое главное — ему удалось создать военную бюрократическую машину, готовую к подобной работе. Были созданы мобилизационные планы и расписания, исследованы возможности железных дорог, потребности в лошадях для логистики, налажены связи с адмиралтейством, департаментами военного министерства, французским генеральным штабом. Именно реформам Холдейна британская армия обязана той скоростью, с которой она мобилизовалась и отправилась на континент в августе — сентябре 1914 г.[29]

Представляемая база дает возможность измерить военную нагрузку на государство в момент или в периоде для одного государства или нескольких и сравнить их между собой. Таблицы кампаний и конфликтов дают четкое представление о степени вовлеченности государства в конфликт, важности того или иного фронта, показывают соотношение сил и динамику активности участников. Таблицы дислокаций и штатов позволяют оценить серьезность намерений дипломатов и военных и лучше оценить ситуации, в которых им приходилось принимать то или иное решение, ориентируясь на имеющиеся ресурсы.

В дальнейшем данная база данных будет поддерживаться и совершенствоваться. При этом планируется исследовать расходы стран на ведение войны и поддержание армии в период мира. Очевидно, что каждого солдата необходимо обмундировать, обеспечить оружием и боеприпасами. В каждое подразделение требуются офицеры различной специализации. Всем военнослужащим необходимо выдавать продовольствие и жалованье, а во время войны частям необходим обоз. Все вместе — это сложная армейская машина, которая обеспечивается работой целой армии чиновников и военных. Без изучения расходов на армию и понимания того, в какой мере они удовлетворяли ее нуждам, невозможно создать всеобъемлющую картину военных усилий государства как в целом, так и в отдельные исторические периоды.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

[29] *Dunlop J.K.* The development of the British army. P. 231–304.

REFERENCES

1. *Barnett C.* Britain and her army, 1509–1970: a military, political and social survey. London: Cassell & Co., 2000. 540 p.
2. *Barthorp M., Turnern P.* The British Army on Campaign 1816–1902 (1): 1816–1853. London: Osprey Publishing Ltd, 1987. 48 p. (Men at Arms).
3. *Barthorp M., Turnern P.* The British Army on Campaign 1816–1902 (2): The Crimea 1854–1856. London: Osprey Publishing Ltd, 1988. 48 p. (Men at Arms).
4. *Barthorp M., Turnern P.* The British Army on Campaign 1816–1902 (3): 1856–1881. London: Osprey Publishing Ltd, 1988. 48 p. (Men at Arms).
5. *Barthorp M., Turnern P.* The British Army on Campaign 1816–1902 (4): 1882–1902. London: Osprey Publishing Ltd, 1988. 48 p. (Men at Arms).
6. *Bowling A.H.* Scottish Regiments and Uniforms 1660–1914. London: Almark Publishing Co., 1972.
7. *Bowling A.H.* British Infantry Regiments 1660–1914. London: Almark Publishing Co., 1972.
8. *Dalton C., F.R.G.S.* English Army Lists and Commission Registers 1661–1714. V. 1–6. London: Eyre & Spottiswoode, 1892.
9. *Dunlop J.K.* The development of the British army 1899–1914. London: Methuen, 1937. 338 p.
10. *Fortescue J.W.* A History of The British Army. Vol. I. London: Macmillan and Co., 1899. 602 p.
11. *Fortescue J.W.* A History of The British Army. Vol. IV. Part I. 1789–1801. London: Macmillan and Co., 1906. 604 p.
12. *French D.* Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People c. 1870–2000. New York: Oxford University Press, 2005. 404 p.

13. *Haythornthwaite P.* Hook A. 215 — British Light Infantry & Rifle Tactics of the Napoleonic Wars. Oxford: Osprey Publishing, 2016. 64 p. (Elite).
14. *Holmes R.* Redcoat: The British Soldier in the Age of Horse and Musket. London: Harper Collins, 2002. 466 p.
15. *Holmes R.* Sahib: The British Soldier in India 1750–1914. London: Harper Collins, 2006. 572 p.
16. *Kitzmiller II John M.* In Search for the «Forlorn Hope»: A Comprehensive Guide to Locating British Regiments and Their Records (1640 to WWI). Salt Lake City: Manuscript Publishing, 1988.
17. *Lomax D.A.N.* A History of the Services of the 41st (the Welch) Regiment, From its Formation, in 1719 to 1895. Devonport, Hiorns & Miller, Army Printers and Stationers and «Ye Caxton Press», 1899. 409 p.
18. *Manning Roger B.* An Apprenticeship in Arms. The origins of the British Army 1585–1702. New York: Oxford University Press, 2006. 467 p.
19. *Schofield V.* The Highland Furies: The Black Watch 1739–1899. London: Quercus Publishing, 2012. 352 p.
20. *Schofield V.* The Black Watch: Fighting in the Front Line 1899–2006. London: Head of Zeus, 2017. 704 p.
21. *Scouller R.E.* The Armies of Queen Anne — Oxford: Clarendon Press, 1966. 420 p.
22. *Skempton K., Ellis J.E.H, Crump.* From the Boyne to Basra: a short history of the 22nd (Cheshire) Regiment. Chester: KmCreative, 2008. 160 p.
23. *Tincey J., Embleton G.* The British Army 1660–1704. London: Osprey, 1994. 47 p. (Men at Arms).
24. The Oxford history of the British army / gen. ed. David G. Chandler; associate ed. Ian Beckett. Oxford: Oxford univ. press, 2003. 476 p.
25. *Walton C.* History of the British Standing Army 1660–1700. London: Harrison and Sons, 1894. 889 p.

Интернет-ресурсы

26. Land Forces of Britain, The Empire and Commonwealth [Electronic resource] — Mode of access: https://web.archive.org/web/20060217164951/http://regiments.org/about/index.htm. — Date of access: 01.03.2023
27. List of regiments of foot [Electronic resource] — Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_regiments_of_foot — Date of access: 01.03.2023
28. List of Regiments of Cavalry of the British Army [Electronic resource] — Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Regiments_of_Cavalry_of_the_British_Army — Date of access: 01.03.2023

Ключевые слова:

Англия, Великобритания, полки, конфликты и кампании, штатная численность, дислокация.

Alexander N. Chernenko

THE DATABASE OF THE REGIMENTS OF ENGLAND AND THE GREAT BRITAIN, 1661–1914. RESULTS OF A COMPILATION ATTEMPT.

(Regiments Roll, Conflict and Military Campaign Participation, Establishment, Deployment)

The article analyses regimental histories of the English (British from 1707) army and highlights their main features depending on the historical period. It contains descriptions of unique databases concerning the British army: deployments, conflicts participation, changes of establishment, the general principles of compiling and working with them. Figures for expansion and reduction in number of British infantry and cavalry regiments have been created, accompanied with short explanations and literature for further reading.

The article also outlines the main directions for development and support of the existing databases, Indicates the areas for further studies of military history and military efforts of the countries in focus.

Key words: Roll, Conflicts and Campaigns, Establishment, Deployment.

Alexander N. Chernenko — independent researcher (Moscow).

Черненко Александр Николаевич

независимый исследователь (Москва)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.006

О.А. Курбатов

РУССКОЕ ВОЙСКО XV–XVII вв. ОЧЕРК ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР

В период XVI–XVII вв. организационная структура подразделений русского войска сочетала в себе, в качестве основы, еще древнерусские принципы полкового деления с элементами восточного и западноевропейского влияния. К концу периода практически вся действующая армия имела вполне европейское устройство современного ей уровня, лишь с небольшими традиционными особенностями.

Общие сведения о ратной организации Московского княжества до середины XVI в.

Во второй половине XIV в. последовательными усилиями московских и владимирских князей — «Даниловичей» создается единое войско Великого княжества Владимирского и Московского, построенное сперва на конфедеративных началах. Собственная рать великого князя состояла из территориальных полков — по месту проживания и сбора бояр и вольных слуг: в частности, известны московский, коломенский, звенигородский, дмитровский, владимирский, юрьевский, переславский, костромской, угличский, галичский полки или «бояре» этих областей. Удельные князья

в договорах со своим «старшим братом» обязывались по его приказу со своими людьми «всести на конь без ослушанья», подчиняясь московским воеводам. Ко времени Куликовской битвы подобная же договорная система была распространена и на союзных, формально независимых князей Владимирской Руси. Таким образом, последовательно преодолевался один из важнейших с военной точки зрения недостатков — отсутствие единовластия в войске.

Соединение обычно небольших княжеских дружин и великокняжеских полков в единый организм воссоздало могучее русское войско, способное уже на равных противостоять ослабленной междоусобицами золотоордынской рати. В 1380 г. к полкам, приведенным воеводами и наместниками великого князя Владимирского и Московского, со своими отрядами присоединились его двоюродный брат Владимир Андреевич (удельный князь Серпуховской и Боровский), белозерские, ярославские, ростовские, мещерский, муромский и ряд других князей. В итоге собралось несколько тысяч воинов, большей частью отлично вооруженных и закованных в броню всадников.

Перечень областных и княжеских «полков» единого московского войска долгое время сохранялся без особых изменений. Так, если в тверском походе 1375 г. участвовало 23, то в Куликовской битве — до 36, а в походе на Великий Новгород в 1386 г. — 29 таких отрядов[1]. Если же сравнить их со списком Московских «городов» поместной конницы XVI в., нетрудно заметить прямую преемственность этих городовых ратей, причем преемственность эта не только внешняя — по названию земли или княжества, но и, во многих случаях, родовая для знатных, давно служащих «по отечеству» семей детей боярских и многочисленных потомков удельных князей. В процессе дальнейшего объединения русских земель вокруг Москвы изменялись формы подчинения отдельных княжеств: их правители и знать постепенно лишались политической власти, приобретая взамен вотчины в разных концах страны, и переходили в состав московского великокняжеского двора.

Войско Московской Руси XIV — XV вв., собиравшееся для дальнего похода, комплектовалось боярами и «слугами вольными», а также боевыми холопами этих воинов. С 1430-х гг. для обозначения вольных слуг, а также потомков измельчавших боярских родов стал применяться тер-

---

[1] *Кирпичников А.Н.* Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII–XIV вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 239.

мин «дети боярские» (*ед. число* — «сын боярский»)[2]. Они-то со временем и составили основную массу рядового состава поместной конницы. Наиболее знатные воины различных уездов великого княжества, а также дети боярские Московского уезда, старомосковские бояре и разного рода служилые князья и княжата составляли двор московского князя (Государев двор) — наиболее боеспособное соединение во всем войске. Со времен Василия II, сообщая о дворе, летописи, как правило, использовали словосочетание: «*многие дети боярские — двор великого князя*»[3]. Его члены могли в короткий срок выставить в поле тысячу[4], а при усиленном сборе — и несколько тысяч хорошо вооруженных воинов. Свои дворы, конечно же, меньшего размера, существовали и у других владетельных — удельных и великих русских князей. Городовые же конные отряды были довольно невелики, с численностью, в целом сопоставимой с силами уездных корпораций XVI–XVII вв. Так, когда в начале 1445 г. литовцы произвели опустошительный набег на оголенные западные границы Московского княжества, им противостояли только 100 можаичей, 100 вереитинов и 60 серпуховичей и боровичан[5]. Для сравнения: в 1572 г. Береговые полки князя М.И. Воротынского включали в свой состав 127 можаич, 30 вереич, 76 серпухович и 10 «лутчих» детей боярских из Боровска[6]. Вообще, для каждого уезда существовал свой предел численности для конных отрядов детей боярских и их боевых холопов, которых он мог содержать без экономического ущерба для своего хозяйства.

Эволюция полкового устройства русской конницы до начала XVI в.

Первичной единицей полевого управления издревле являлся «полк» — объединение воинов во главе с князем или его воеводой; несколько таких отрядов составляли целое войско, также называвшееся полком. Так,

---

2 Подробнее процессы формирования уездного дворянства в XV — XVI вв. рассмотрены в монографии М.М. Бенцианова «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV — XVI вв. М., 2019.

3 *Ивина Л.И.* Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV — первая половина XVI в.) // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 88–100.

4 *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 104.

5 Там же. С. 103.

6 *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 174–177.

знаменитый «пълкъ» князя Игоря Святославича в походе 1185 г. состоял из полков князей Новгород-Северского, Трубчевского, Рыльского, Путивльского, а также из отряда черниговских ковуев — полка воеводы Ольстина Олексича. При первом же, довольно неожиданном столкновении с половцами эти дружины образовали пять полков боевого построения — средний, правый и левый и два передовых, включая один из ковуев. Все эти полки выделили перед собой еще дополнительный сводный или сборный полк конных застрельщиков[7].

Подобные полки насчитывали от нескольких десятков до сотни и более всадников — профессиональных воинов, хорошо обеспеченных лошадьми, доспехами и оружием[8]. Их небольшие размеры не вызывали каких-то сложностей с управлением в бою, так что долгое время мало что было известно об иных командных чинах, кроме воеводского, а также о градации воевод. Характерна в этом плане отметка «Государевых разрядов» о посылке в 1506 г. «по казанским вестям» к воеводе князю Михаилу Ивановичу Булгакову в Плес князя Юрия Пронского: «*А того не написано, воеводою ли или в детех боярских*» [9]. Конный полк, собранный для защиты какого-либо направления, зачастую назывался «заставой». Известен подвиг такой заставы численностью всего в 64 чел., под началом Федора Колтовского и Горяина Сидорова: в июне 1492 г. эти ратники нагнали отряд из 220 татар, разграбивший алексинскую волость Вошань, и наголову разгромили его[10].

Новый этап в развитии полевой организации русской конницы начался в конце XIV в. в связи с объединением под Московским «великокняжеским стягом» многочисленных дружин северо-восточной Руси. Войско, собранное под Коломной в 1380 г., состояло из 18 городовых великокняжеских и удельных полков, а также 14 княжеских дружин[11], и было разделено на шесть крупных «титульных» полков, каждый из которых имел единое командование. Впрочем, само построение их на поле в соответствии со своими титулами логично вытекало из древнерусской практики, описанной в Ипатьевской летописи под 1185 г.

---

7 ПСРЛ. Т. 2. С. 130.

8 Представительную подборку сведений о численности древнерусских конных полков и дружин см.: *Тараторин В.В.* Конница на войне. Минск, 1999. С. 244–247, 253, 254.

9 Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 37.

10 *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 317.

11 *Горский А.А.* К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 4 (6). Декабрь. М., 2001. С.29–37.

К систематической организации конной рати по «титульным» полкам перешел великий князь Иван III в 1477 г. Поначалу схема походного и боевого построения оставалась прежней, четырехполковой (полки Большой, Передовой, Правой и Левой руки). Однако с 1492 г. в разрядах начали эпизодически указываться воеводы Сторожевого полка; в 1501 г. формирование этого полка стало общим правилом[12]. В данном случае, в отличие от построения Куликовской битвы, под Сторожевым полком стали понимать арьергардный отряд. Отныне боевой порядок представлял собой центр (Большой полк), равномерно окруженный с четырех сторон частями прочих «титульных» полков[13].

Ближайший аналог подобного построения мы обнаруживаем в византийских военных трактатах X в.: Большой полк соответствует центральной «паратаксии священного Императора», Передовой — авангардной паратаксии или «мере», Правой и Левой руки — мерам «плагиофилаков»[14], а Сторожевой — арьергарду или «саке»[15]. Впрочем, уже в ромейской коннице название заднего Сторожевого полка имело арабское происхождение, и его появление на Руси в самом конце XV в. могло быть вызвано не византийским, а непосредственно восточным, мусульманским влиянием.

Воеводские полки XVI — начала XVII в.

Во времена правления Ивана III установился порядок обязательной фиксации в официальных списках — «разрядах» — перечня воевод по полкам. Дети боярские распределялись между воеводами двумя росписями: отдельно городовые, отдельно «дети боярские государева Двора». Ратные люди других категорий (пищальники, иноземцы) подчинялись, как правило, главному воеводе, но из тактических соображений могли также распределяться по полкам. Списки составляли «разрядные» дьяки по указанию великого князя — со временем их учреждение оформилось в Разрядный приказ, главное военное ведомство страны. Роспись для каждой

---

12 *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 320, 325, 395, 397.

13 Замечательное описание этой походной практики содержится в сочинении Г. Штадена (1570-х гг.) (Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. С. 67, 69, 509).

14 Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 344–351.

15 Термин «сака» выводится из арабского «saqat» — эскорт, конвой, а по-древнерусски — стража; ее архонт отвечал за прикрытие походной колонны с тыла (Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 150, 349).

«службы» (поход, застава) составлялась заново, так что о постоянном характере подразделений говорить не приходится.

Вместе с тем, структура походного войска строилась по единым образцам из года в год. С 1501 по 1549 г. в случае назначения «титульных» воевод (Большого, Передового и прочие полков) обязательным было его деление на пять полков. Как правило, в каждый полк назначалось по два воеводы. Ратные люди распределялись между всеми воеводами каждого «титульного» полка, образуя «воеводский» полк. Источники демонстрируют строгую зависимость численности полков от их ранга по местнической шкале: например, после 1570-х гг. больше всех Большой полк, затем Правой руки, Передовой, Сторожевой и Левой руки. Внутри каждого из них ратных людей делили в пользу первого воеводы. Изначально каждый воевода командовал отрядом, который мог физически исполнять его команды в полевом бою (от нескольких десятков до сотни — двух детей боярских); в случае сбора более крупных воеводских полков из числа дворовых детей боярских дополнительно назначались «легкие», «посылочные» воеводы, которые в разрядах фиксировались нерегулярно.

В результате ряда преобразований 1549–1552 гг. появилось новое звено управления — «сотня», которой командовал «голова» из знатных детей боярских[16]. Дворянская сотня не делилась на какие-либо более мелкие отряды и насчитывала, как и прежде воеводский полк, от нескольких десятков до двух и более сотен всадников. Для замещения командных должностей в каждом воеводском полку Разрядный приказ расписывал фиксированное число выборных дворян, и часть из них получала должность «письменного головы» у сотни. Несколько сотен дворян составляли воеводский полк; отряды прочих ратников (татар, казаков, иноземцев, стрельцов и пушкарей) подчинялись воеводам титульного полка.

Войско могло расписываться на «малый разряд» (три полка: Большой, Передовой и Сторожевой), «большой разряд» (плюс полки Правой и Левой руки) и разряд Государева похода. В последнем случае самым крупным соединением в войске становился Государев полк с дворовыми воеводами. Из его состава выделялись Ертаульный полк (также передовой) и полк Большого государева наряда (артиллерия и инженерно-саперные части). Каждому воеводе теперь подчинялось несколько сотен, что превратило их

[16] Подробнее об организационных реформах 1550-х гг. см.: *Курбатов О.А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 196–227.

полки (особенно титульные) из конных дружин седой старины в полноценные соединения, способные к самостоятельным действиям.

Размеры и состав подобных соединений невозможно выяснить исходя только из воеводского списка: рати в 5 тысяч и 20 тысяч бойцов в разрядной росписи выглядели одинаково, различалась лишь родовитость, вес их воевод при Дворе. Вместе с тем устройство всех ратей было унифицировано, и впоследствии появление в их составе полков «нового строя» не вызвало каких-то немедленных перемен в организации на воеводском уровне.

Служилые иноземцы

Отряды служилых иноземцев на службе великих князей московских известны как минимум с 1505 г., когда взятые при Ведроше литовские наемные «желдаки» (солдаты) приняли участие в обороне Нижнего Новгорода от татар. Впрочем, в отдельное ведомство управление ими выделилось только ко временам царя Федора Иоанновича: в 1588 г. упоминается «приказ Служилых Немцев»; видимо, после добавления рот «гречан, сербян и литвы» ведомство стало называться Панским (позже просто Иноземским) приказом[17].

«Немцы» (в виде наемных рот конных рейтар) появились на царской службе к 1572 г., когда 3 роты по 100 чел. служили в «береговых» полках на Оке. Затем их пополнили пленные эпохи Ливонской войны и переселенцы из Ливонии начала 1600-х гг., которые получали либо поместье, либо «кормовое» жалованье для конной службы. В 1604 г. немцев насчитывалось до 700 чел. в трех ротах, каждая из которых была устроена по традиционному для них обычаю[18]. Также и литовские роты имели собственное устройство по польскому типу, с выборными ротмистрами, поручиками и прочими должностями.

Стрельцы, городовые казаки и пушкарский чин

Эти три категории ратных людей принято относить к «служилым людям по прибору», поскольку их численность не зависела от количества явившихся на службу (помещиков и прочих) — напротив, их набирали из чис-

---

[17] *Лисейев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М; СПб., 2015. С. 68.

[18] *Курбатов О.А.* Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII вв.: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34.

ла «вольных гулящих людей» по заранее установленному штату. Хотя дети их и другие родственники имели преимущество при занятии вакантных мест, увеличение армии и гарнизонов, а также боевые потери заставляли постоянно возобновлять «прибор вольных» со стороны.

Штатный состав для стрельцов и городских казаков, а также размеры их денежного, хлебного и других видов окладов были определены особыми «уложениями» в 1550–1555 гг. В дальнейшем, при формировании новых гарнизонов, правительство придерживалось прежних организационных норм. «Прибор» стрельцов или конных полковых казаков делился чаще всего на 5 сотен с «головой» из выборных дворян; когда командование вновь набранным прибором передавалось другому дворянину, он начинал называться «приказом». Сотня подчинялась сыну боярскому городового чина, и ее состав включал 2 пятидесятника, 8 десятников и 90 рядовых. Только эти чины имели значение при выплате жалованья, хотя внутри сотен могли быть знаменщики, дьячки (писари) и лекари. Иногда реальная численность сотни отставала от штатной, поскольку верстание на «убылые места» осуществлялось нерегулярно.

Летом 1550 г. в московские стрельцы было «выбрано» 3000 чел., разделенных на шесть «статьей» (затем приказов). Впоследствии их число стало увеличиваться. В 1565 г. учрежден приказ опричных стрельцов, численность которого была в два раза больше, чем у обычных стрельцов, и который был обеспечен лошадьми. Это положило начало приказу Стремянных стрельцов, который обычно имел двойной состав в 1000 чел., хотя иногда его численность сокращалась до 600 и даже 500 чел. При царе Федоре Иоанновиче московских приказов насчитывалось 10, но в 1610–1611 гг. значительная их часть была раскассована и разослана по городам, сохранив жалованье московских (эпоха «Семибоярщины»). С 1613 г. численность стрелецкого войска в Москве стала восстанавливаться, сначала до 8, а в 1631 г. до 12 приказов. Вскоре количество приказов возросло до 15, а к 1650-м гг. — до 18[19].

Первое достоверное известие об устроенных по стрелецкому образцу городовых казаках относится к 1555 г.: («прибор» торопецких казаков головы Ивана Безкунникова в 150 чел.)[20]. В 1560-х гг. при южных крепо-

---

[19] *Романов М.Ю.* Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 123–168. <http://www.milhist.info/2017/03/06/romanov_1> (06.03.2017).

[20] Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. С.135 (№ 80).

стях стали прибирать и селить слободами крупные отряды «полковых» казаков — по 500, 600, 800 чел. Уже в росписи 1572 г. они обозначены как «казаки конные с пищальми». В этом было их главное тактическое отличие от стрельцов, которые составляли в первую очередь гарнизон города и лишь во вторую усиливали полевые войска. По известным росписям 1563–1604 гг. их численность в крупных походах царской рати колебалась от 1500 до 2500 чел. из десятков различных крепостей.

Наиболее сложную номенклатуру чинов служилых людей «по прибору» мы наблюдаем среди «пушкарского чина», причем уже в 1577 г. это настоящее типовое штатное расписание. В восьми только что занятых ливонских крепостях оно включало: по 8 пушкарей, 4 воротника. 4 сторожа (1 житничий, 2 тюремных и 1 казенный «*у зелья и у всякого у пушечного запасу*»), 2 плотника, по палачу, кузнецу, вожу (из местных жителей) и толмачу. Чуть больше пушкарей имелось в Ровном и Левенварде, а в Кукейносе, отличавшемся размерами, штат составил 50 пушкарей (включая 5 десятников), 16 воротников, пропорционально большее число других служилых людей, а также 4 каменщика. В переписке с Городовым (Пушкарским) приказом эти люди названы «оброчниками»: это обозначение впоследствии было заменено понятием «пушкарский чин» (по принадлежности к Пушкарскому приказу)[21].

Станичная и сторожевая служба

Особой категорией служилых людей «по прибору» являлись ратники станичной и сторожевой службы. Их количество в городах было кратным численности и числу станиц и сторожей, которые с четко установленной периодичностью и по оговоренным маршрутам и местам выходили в степь для наблюдения за татарскими шляхами. В Разрядном приказе с 1570 г. занимались организацией всей сети дозоров в целом, а затем смотрели на возможности их размещения и комплектования личным составом по отдельным уездам. С постройкой новых городов на Поле маршрут станиц изменялся таким же образом — централизованно, после тщательного изучения всего вопроса; затем это отражалось и на составе городовых отрядов. Имущественное положение и статус бойцов сторожевых станиц были привилегированными по сравнению с другими категориями городовых ратников, приближаясь к детям боярским.

---

[21] Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 70–82.

По данным на 1616 г., белгородская станица состояла из 13 чел.: сына боярского, двух «вожей» (проводников, знатоков местности) и 10 (в некоторых станицах 9) «ездоков» — рядовых станичников, которые первыми сообщали в ближайший город вести о движении татар. Всего станиц насчитывалось 19, а в них служило 235 чел. Через десять лет — новое расписание. В каждой станице — по сыну боярскому, станичному атаману, 2 вожа и 5 «ездоков» (всего 9 бойцов); число станиц достигло сорока, а ратных людей в них — 360 чел. На Осколе в 1616 г. число и состав двадцати дозорных отрядов отличались от белгородских: 20 станиц по атаману и 8 «ездоков»; в 1626 г. их число осталось прежним, а структура приблизилась к белгородской — по сыну боярскому, атаману, два вожа и 6 ездоков в каждой. На Валуйках к 1626 г. было вновь учреждено 24 станицы, по атаману и 5 ездоков в каждой[22].

Даточные и посошные люди

Для усиления действующей армии в случае важных военных кампаний правительство прибегало ко временному призыву податного населения — черносошных, дворцовых и даже владельческих крестьян, посадских людей представителей ясачных народов[23]. Только ограниченные категории — даточные с помещичьих и церковных земель — могли призываться к полноценной конной службе, которую чаще заменяли обязанностью выставлять подводы для нужд армии. В остальных случаях это были пешие люди «с вогненным боем», организованные по стрелецкому образцу в станицы и сотни. «Подымовные люди» из мордвы и черемисы выступали в поход частично с луками и рогатинами, во главе со своими старшинами.

Иноземные и союзные контингенты эпохи Смутного времени

Помимо служилых людей, состоявших на царской службе, в гражданской войне 1604–1618 гг. приняли участие различные иностранные контингенты. Формально они также поступали на царскую службу и подчинялись

---

[22] *Курбатов О.А.* Разряды ратных людей на юге Русского государства накануне создания Белгородской черты в первой трети XVII в. // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 37–44.

[23] *Комаров О.В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI — нач. XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 1–36. <http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov> (17.09.2014)

приказам того или иного государя, сохраняя при этом все особенности внутреннего устройства и тактики.

Донские, яицкие, терские и вольные казаки. Большей частью это была пехота, вооруженная огнестрельным оружием. Они передвигались либо верхом, либо на стругах по речным путям. Основа организации — станицы во главе с атаманом и есаулом, численностью в несколько десятков полноценных воинов при некотором количестве «чуров» (бесправных помощников). Если десятки соединялись вместе, они составляли войско численностью до нескольких тысяч человек. По образцу и с участием «природных» казаков были организованы уже на Руси станицы «вольных» казаков (в основном в составе войск Болотникова и Лжедмитрия II, хотя они нередко переходили в другие станы). По окончании боевых действий оставшиеся на службе станицы были расселены по десяткам гарнизонов, сохранив до второй половины XVII в. свое изначальное устройство[24].

Черкасы. Общее название украинских казацких отрядов, вооруженных аналогично русским казакам. В их организации могли принимать участие различные коронные магнаты Речи Посполитой. В походах на Русь обычно объединялись в полки во главе с выборными полковниками; полки делились на сотни крупной численности[25].

Польские и литовские люди. Отряды профессиональных солдат из Речи Посполитой, которые состояли на службе различных претендентов на царский престол — Лжедмитриев I и II, а также шведского королевича. Роты по типу вооружения и тактики делились на гусарские, пятигорские, казацкие в коннице и гайдуцкие в пехоте[26]. Со временем шляхетские роты армии самозванца были усилены многочисленными «охотниками» (добровольцами), вооруженными для пешего боя. Вообще, их численность в среднем была выше, чем в регулярных войсках Речи Посполитой, где она ограничивалась постановлениями Сейма.

Корпус Якоба Делагарди. В 1608 г. по Выборгскому договору шведский король предоставил в распоряжение Василию Шуйскому корпус в 3 тысячи пехоты и 2 тысячи конницы под началом графа Якоба Делагарди, с оплатой из царской казны. В составе армии кн. Скопина-Шуйского наемные отряды из Швеции приняли участие в боях против Лжедмитрия II

---

[24] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М, 1990

[25] *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

[26] *Тюменцев И.О.* Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607 — начало 1610 г. // Иноземцы в России в XV–XVII вв.: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283.

с апреля 1609 г. по весну 1610 г. Летом 1610 г. корпуса Делагарди и Эверта Горна в составе армии князя Д.И. Шуйского выступили на выручку Смоленска против поляков, но потерпели поражение при Клушине. Основой их организации была рота, средней численностью 150–200 чел. Солдаты сводились в конные и пешие роты по национальному признаку (финские, шведские, французские, немецкие, шотландские, английские и голландские), на поле боя из рот составлялись батальоны, с пикинерами в центре и мушкетерами на флангах (по 500–600 чел. в батальоне). Конница имела вооружение и тактику рейтарского образца.

Полки русской армии в эпоху Смоленской войны 1632–1634 гг.

В 1630 г. правительство приняло решение о формировании первых полков солдатского строя, полностью устроенных по европейскому (шведско-голландскому) образцу[27]. Впоследствии к ним прибавились рейтарские, драгунские и гусарские отряды. В историографии их принято объединять под названием «полки “нового строя”», хотя в источниках подобное обобщение не прослеживается.

Солдатские и драгунский полки 1630–1634 гг. В 1630 г. было решено создать из детей боярских два полка по 1000 чел., однако впоследствии штат был пересмотрен по образцу шведской пехоты (по 1600 рядовых). В 1632 г. количество полков возросло до шести, из которых четыре отправились в поход немедленно, а два оставшихся, с отдельной солдатской ротой — только через год.

Полк состоял из восьми рот, в каждой по 200 рядовых (в том числе от 63 до 80 пикинеров, по разным полкам). Начальных людей требовалось примерно по 150 чел., от барабанщика до полковника включительно.

Кроме того, за границей было нанято четыре солдатских полка (три немецких и один английский). Наемный полк по штату также состоял из восьми рот, однако целиком мушкетерских; впрочем, по причине недобора полковники могли иметь и по 6, и по 7 рот, а в среднем численность полков колебалась от 600 до 1000 чел. рядового и начального состава.

Летом 1633 г. началось формирование полка драгунского строя. По штатам, он насчитывал 12 рот по 120 рядовых. Начальных людей — до

---

[27] *Курбатов О.А.* Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 231–249.

200 чел. Драгуны, ездящая пехота, были вооружены по солдатскому образцу, однако среди них не было пикинеров.

Все полки были снабжены обозом с шанцевым инструментом и полковой артиллерией. По штатам полагалось по одному орудию шведского образца на роту солдат или драгун, что и было обеспечено — хотя половину полковых пушек своей армии боярин Шеин оставил в Можайске из-за нехватки подвод.

Конные полки 1632–1635 гг. Принимая решения о создании тех или иных конных частей «нового строя», правительство исходило из принятых в тот момент на Западе нормативов. В частности, рейтарские полки усиливались для линейного боя драгунскими ротами; кроме того, считалось целесообразным комбинировать вместе копейные (гусарские), рейтарские и драгунские подразделения, для более эффективного взаимодействия.

Первый вариант был представлен полком рейтарского строя, который летом 1633 г. усилил армию Шеина под Смоленском. В нем насчитывалось 13 рот рейтар и 1 рота драгун, всего свыше 2000 чел. Все начальные люди полка были из иноземцев, а рядовые — из русских детей боярских; драгунская рота — целиком из наемников.

Второй вариант — «шквадрон» ротмистра Христофора Рыльского. Отряд включал в себя гусарскую, рейтарскую и драгунскую роты. Вначале он был сформирован в армии князя Черкасского под Можайском из служилых поляков и литовцев, однако в 1634 г. туда же стали поступать добровольцами русские дворяне. Сами они записывались по выбору в гусарскую или рейтарскую роты, а их холопы («люди») — в драгунскую. После войны шквадрон собирался под Тулой в 1635 и 1636 гг.

Таким образом, в течение 1630–1634 гг. произошло тесное знакомство царского командования и рядовых служилых людей с европейской военной организацией, вооружением и тактикой. Итогом стало принципиальное решение, по возможности, составлять всю пехоту действующей армии из отрядов подобного типа; в коннице началось последовательное перевооружение также по европейским нормативам.

Полки русской армии между двумя войнами, 1635–1653 гг.

Боевые действия в этот период велись в первую очередь на путях татарских набегов, где происходило массовое строительство городов и оборонительных линий. Кроме того, локальные боевые действия вспыхивали в Поволжье, где активизировались калмыки, и на Северном Кавказе в связи с рус-

ско-персидским конфликтом 1650–1653 гг. Для усиления гарнизонных отрядов «старых» служб время от времени формировались полки «кормовых» солдат и драгун, и один раз была собрана рейтарская часть. Кроме того, на наиболее угрожаемых направлениях начали создаваться постоянные отряды драгунского и солдатского строя поселенного характера — либо из записанных в эту службу местных жителей, либо из специально призванных на поселение в слободах вольных людей. Наконец, в 1649 г. в Москве в виде рейтарского полка было основано строевое офицерское училище для обучения русских дворян солдатскому и рейтарскому строю.

Титульные полки поместной конницы. Полки «нового строя» в этот период не действовали самостоятельно, а поступали под начало полковых воевод. К 1624 г. ежегодные летние сборы поместной конницы на южной границе привели к оформлению устойчивых соединений — титульных воеводских полков Тульского и Рязанского разрядов. К каждому из них приписывались определенные «города» (уездные корпорации дворян и полковых казаков). При этом отдельные условия службы имели Украинные и Рязанские, и отдельные — Замосковные «города», ввиду разного расстояния до места сбора. К примеру, в 1625–1652 гг. в состав Большого полка на Туле входили дворяне из Тулы (первая половина), Каширы, Козельска, Серпухова и Тарусы, а также Оболенские казаки. Небольшой Пронский полк Рязанского разряда включал в себя помещиков–рязанцев из Каменского стана, рязанских поместных казаков, курмышан и цненских татар. Перечень Замосковных городов, направляемых в тот или иной полк, менялся гораздо чаще в зависимости от оперативной ситуации. Общее число ратников в этих полках было невелико по причине их службы «по половинам». Например, в 1627 г. на Туле находилось около 2 тысяч чел., в Дедилове — чуть более тысячи, на Крапивне, во Мценске и в Рязани — по 800–900 чел., в Михайлове 400, в Пронске — 300. Во всем Украинном разряде под командой полковых воевод было 6500 чел.

Воеводы всех этих полков, получая в распоряжение отряды «нового строя» или приказы обученных по-европейски московских стрельцов, учились взаимодействовать с ними как в тактическом, так и в организационном плане.

«Кормовые» полки «нового строя». Основной штатной единицей в это время был «тысячный» полк солдатского или драгунского строя. Как правило, он состоял из 5 рот по 200 чел.; под начало главного полковника, Александра Крафорта, поступало до 3–4 «тысячных» полков во главе с подполковниками и майорами. Судя по всему, в солдатских ротах отменили пикинеров, бесполезных в столкновениях со степной татарской

конницей; постепенно отказались и от сбора пеших полков, переведя всех в драгунский строй. Для обеспечения конной службы «кормовых» драгун предпринимались специальные усилия по сбору, содержанию, лечению «драгунских лошадей», снабжению их седлами и уздами.

В 1638 г. в связи с угрозой нападения крымских татар было решено собрать по 4 тысячи солдат и драгун на Засечной черте. Кроме Тулы, полки собирались в Одоеве (при Передовом полку) и Рязани (при Рязанском полку). Командованию удалось даже превзойти первоначальный план за счет привлечения даточных и вольных людей, которых активно использовали на строительных работах по Черте. Всего собралось 7800 чел. в Большом полку на Туле, свыше 4200 чел. в Одоеве, а также на Крапивне и Веневе, 2200 чел. в Рязани. Даточных вначале приписывали к старым ротам, пока из Москвы не прибыли офицеры и знамена для новых рот.

В следующем, 1639 г. татарская угроза сохранялась, но собрать прошлогодний численный состав уже не удалось. На сей раз Александру Крафферту на Туле были доверены тысяча драгун (5 рот, 1040 рядовых и урядники) и две тысячи солдат (10 рот, 2080 рядовых и урядники), которыми командовали, помимо 10 капитанов, сам полковник, подполковник и 3 майора. Кроме того, смешанные отряды от 450 до 2700 чел. солдат и драгун вновь собрались в Веневе, Рязани, Одоеве и Крапивне. Всего было вооружено и обучено свыше 8500 чел. старых и новых солдат и драгун.

Тогда же, из старых отрядов, поселенных в Чулковой слободе Тулы и находившихся в ведении Иноземского приказа, было завершено формирование приказа драгунского строя. В его состав вошли служилые черкасы (из Тулы, а затем из Михайлова и Дедилова), «днепровские казаки», более двухсот старых смоленских солдат, чулковские крестьяне и станица смоленских казаков. Несмотря на незначительную численность — от 400 до 600 чел. — это подразделение может считаться первым постоянным полком «нового строя» в России, поскольку имело компактное место дислокации в виде обычной служилой слободы и находилось в постоянной боевой готовности до 1658 г., когда было в полном составе переведено в Белгород.

Последние крупные сборы «кормовых» полков на юге были проведены в связи с завершающим этапом создания Белгородской оборонительной черты в 1646–1647 гг.[28] На сей раз солдатские полки уже не создава-

[28] *Курбатов О.А.* Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х — начале 1650-х гг. // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. Вып. 1. С. 25–36.

лись, и все отряды были снаряжены по единому драгунскому образцу. Речь идет о «кормовых» полках шотландцев Александра Краферта и Александра Гамолтова, иноземца «старого выезду» Василия Кречетникова, а также Афанасия Бельмана. Их дополняли тульские драгуны (майор Савва Долматов) и сводный полк драгунского строя из поместных и кормовых служилых иноземцев, а также «беломестных» городовых казаков Мещовска, Масальска, Волока Ламского и Боровска (полковник Христофор Рыльский). Большая часть этих полков имела обычный тысячный состав, за исключением полка Краферта (15 рот) и тульских драгун (5 рот).

В связи с угрозой новых набегов служба «кормовых» драгун продлилась до января — февраля 1647 г.; летом — осенью несколько отрядов гораздо меньшей численности вновь собрались в крепостях на Поле; после 1647 г. практика создания подобных полков на юге была прекращена, их заменили отряды из местных жителей, обученных драгунскому строю. «Кормовым» драгунам было также предложено перейти на положение поселенных, чем и воспользовалось несколько сотен человек в Карпове, Болховце и других местах.

Впрочем, другая часть ранее обученных драгун уже в 1648 г. записалась в тысячный полк майора Якова Урвина и до 1650 г. несла службу в земляном городке в низовьях Дона, усиливая донских казаков. Весной 1653 г. подобный же полк драгунского строя был направлен в Терки, для усиления тамошнего гарнизона в связи с русско-персидским конфликтом 1650–1653 гг. Командовал этим полком до 1656 г. также Яков Урвин.

Служилые иноземцы выступали в поход в составе особых подразделений дважды. В 1644 г. воевода Лев Афанасьевич Плещеев с сыном Андреем возглавили войска из Самары и Уфы в походе против калмыков. К ним в войско осенью 1643 г. назначили служилых иноземцев, большей частью «немцев» конных рот. Те образовали временный рейтарский полк Александра Краферта, который довольно успешно действовал в верховьях реки Яик.

В 1650 г. на помощь довольно слабому войску боярина кн. И. Н. Хованского, которое вело бои с мятежным Псковом, был снаряжен драгунский полк Христофора Рыльского (600 чел. служилых поляков и литовцев). Впрочем, в боях он участия не принял.

Поселенные полки. Драгуны. В 1642–1647 гг. по новой границе с татарами было создано три очага драгунских поселений и гарнизонов. Вначале новый царь Алексей Михайлович планировал перевести всех служилых людей из «новых городов» в драгунский строй, однако сложности с комплектованием гарнизонов заставили отказаться от столь радикаль-

ного проекта и вернуться к планомерному переселению людей «старых» служб из тыловых гарнизонов.

Первая группа: линия укреплений по рекам Воронеж и Усмань, а также на Дону ниже Воронежа — Воронежский, Добренский, Сокольский и Козловский уезды. Здесь служили драгуны дети боярские Костенского острожка (127 чел., с 1642 г.), драгуны Орлова городка (229 чел., с 1646 г.), драгуны Сокольского острога (794 чел., с января 1647 г.), Доброго городища (959 чел., с весны 1647 г.), Козлова (155 чел., с весны 1647 г.).

Вторая группа, Белгородский и Карповский уезды: драгуны Карпова сторожевья (338 чел., с 1646 г.), драгуны Болхового (81 чел., с 1646 г.), драгуны Царева-Алексеева (267 чел., с 1647–1650 гг.).

Третья группа, Севский уезд: драгуны Комарицкой волости (5594 чел., с 1646 г.).

По характеру своей службы указанные отряды довольно сильно различаются. Драгуны Воронежского, Козловского и соседних с Белгородом уездов были целиком задействованы в сторожевой службе по укреплениям Белгородской черты, а также в гарнизонах и на караулах. В этом плане их функции были аналогичными с отрядами соседних украинных детей боярских, конных казаков и других ратных людей «старых служб». Однако в размещении новых драгунских отрядов, на первый взгляд хаотичном, заметен стройный план: одна их группа составила цепь поселений по Черте вокруг Воронежа (от Костенок до Усмани и Козлова), а другая — у Белгорода и Карпова. Драгуны Комарицкой волости не только полностью прикрыли границу с Речью Посполитой и юг Севского уезда, но и стали привлекаться к сменной дальней службе в Карпове и других местах.

Поселенные драгуны Севска, Доброго и Сокольска были устроены по образцу полков «кормовых драгун»: полки делились на роты, а роты на капральства. Внутри рот из местных драгун выбирались не только капралы, но и все прочие урядничьи чины. Однако число офицеров-иноземцев было сокращено с трех до одного–двух, причем чаще всего далеко не в чине капитана. Правительство таким образом сокращало расход казны, притом что иноземцы все равно справлялись со всеми задачами старших офицеров. Другим вариантом управления было вручение вновь созданного «прибора» драгун «голове драгунского строя» из русских дворян; для их обучения назначались «учители драгунского строя» из отслуживших в солдатских или драгунских полках детей боярских. Такие драгунские отряды делились, прежде всего, на капральства, которые могли насчитывать от 40 до 80 чел. и подчиняться напрямую «драгунскому голове».

Поселенные полки. Солдаты. В 1648 г. правительство обратилось к идее создания поселенных воинских отрядов «нового строя» на русско-шведской границе. Поначалу планировалось создать стандартный тысячный драгунский полк в Олонце. С этой целью в казну были отписаны Ильинский Олонецкий погост и прочие вотчины Новгородского митрополита в Карелии. В следующем году замысел существенно поменялся: черносошных крестьян 17 заонежских погостов перевели в солдатскую службу, при этом образовали Олонецкий уезд, с центром в основанном тогда же, в 1649 г., городе Олонце. Вскоре к ним причислили и все 7 малонаселенных лопских погостов. Кроме воеводы, в Карелию отправилось около сотни начальных людей-иноземцев во главе с полковниками-шотландцами Мунком Кормихелем и Александром Гамонтоном[29]. По чинам они составляли кадровый состав офицеров и урядников двух восьмиротных солдатских полков шведского образца. Карельские погосты были расписаны между полками. Численность заонежских солдат вскоре превысила 10 тысяч чел.; о размерах своих рот некоторые капитаны и поручики сообщали, что обучили «полному солдатскому строю» от 200 до 430 чел. Несколько «шквадронов» (батальонов) полка М. Кормихеля несли драгунскую службу.

По идее, в военное время половина заонежских солдат должна была выступать в поход, тогда как остальные несли службу в «острожках» по обороне границы. В мирное время начальные люди, проживающие в центрах своих погостов, проводили интенсивное обучение солдатскому строю. Оба полка, половиной своего состава, приняли участие в подавлении Псковского восстания 1650 г.

Осенью 1649 г. в солдаты было записано мужское население Сомерской волости и Старополья — стратегически важного участка русско-шведской границы, вклинившегося в шведские владения на равном расстоянии от устья Невы и от Нарвы. По переписи здесь в 656 дворах оказалось 2092 годных к службе мужчины, однако при норме службы один, максимум два человека со двора, полк не достиг тысячного состава. В итоге было сформировано всего 5 рот, по 160–180 чел. в каждой; командовали сомерскими солдатами подполковник (Индрик Фанзарнен, с ноября 1653 г. — Иван Сван) и еще шесть начальных людей из иноземцев.

Офицерское строевое училище — рейтарский полк Исака Фанбуковена. Отвечая требованиям представителей служилой знати по сни-

[29] *Курбатов О.А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 157–197.

жению расходов на жалованье начальным людям полков «нового строя» и их нежеланию подчиняться исключительно иноземцам, правительство приступило к созданию национального офицерского корпуса — из русских дворян и детей боярских. С этой целью в 1649 г. был создан полк рейтарского строя (в подчинении Рейтарского приказа) под началом полковника Исака Фанбуковена. Полк располагался в столице и не принимал участия ни в каких боевых походах. Состоящие в нем 2 тысячи ротных занимались исключительно обучением ратному строю, причем как конному — рейтарскому, так и пешему, «с мушкетами и пиками». Результатом же обучения стало производство только в 1653 г. порядка 600 рядовых рейтар в начальные люди конных и пеших полков «нового строя» (чины от прапорщика до капитана)[30].

Таким образом, между двумя русско-польскими войнами произошли важные структурные изменения в вооруженных силах.

1. Городовые корпорации помещиков объединились по условиям службы в несколько крупных групп — разрядов, что получило развитие в дальнейшем и послужило основой для создания разрядных военных округов.

2. Со строительством Белгородской черты обозначилось различие служилых людей внутренних гарнизонов и новых крепостей. Появилась группа «украинных детей боярских», отличная по статусу от знатного дворянства старых уездов.

3. Полки «нового строя» вооружались и обучались по европейским стандартам, хотя в боевых действиях почти не участвовали. За эти годы была подготовлена масса командиров среднего командного звена, от полковников и ниже, которые составили кадр для будущих десятков полков «нового строя».

4. Для комплектования полков «нового строя» правительство использовало несколько способов: призыв «вольных людей» и беспоместных детей боярских, мобилизация даточных людей, устройство старых служилых корпораций (иноземцев и полковых казаков) в новые полки, запись крестьян различного статуса (владельческих, дворцовых, черносошных)

---

[30] *Курбатов О.А.* «Начальные люди рейтарского строя в 1653–1658 гг.: Опыт просопографического анализа выпускников первого в России строевого офицерского училища» (по материалам РГАДА) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к Международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 104. Сер. II. Исторические исследования: 57). С. 608–614.

в драгунский или солдатский строй, призыв в гарнизоны «кормовых» драгун с наделением их землей. В дальнейшем все эти способы будут применяться с более широким размахом.

Русская армия в 1654–1667 гг.

В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. и сопутствующих конфликтов в Русском государстве впервые была создана массовая армия. В ряды ее полков на разных условиях, добровольно или принудительно, набирались представители самых разных социальных слоев, что в большинстве случаев вело к изменению их социального статуса. Выплата жалованья, чтобы увеличить привлекательность службы, осуществлялась регулярно за счет следующих мероприятий: сбора «десятой деньги», утвержденного Земским собором 1653 г., с 1655 г. выпуском «ефимков с признаками» (орленых талеров), а затем введением медной монеты. Кризис медных денег, наступивший в 1660–1662 гг., привел к отмене их обращения, что резко осложнило выплату жалованья войскам. Среди прочего, это привело к минимизации военных операций и частичной оплате службы «мягкой рухлядью» (мехами и тканями) и продуктами (хлебное жалованье) — несмотря на проведение в 1662 и 1663 гг. двух сборов «пятой деньги»[31].

Вообще, походное снабжение войск сочетало в себе мероприятия натурального и денежного характера: часть ратных людей снабжалась за счет своего хозяйства, часть за счет сбора натуральных налогов с населения (особенно в Литве и на Украине), но частично функции обеспечения брало на себя дворцовое ведомство царя. Не только поместная или рейтарская конница, но и поселенные, и ряд других полков драгун и солдат время от времени распускались по домам, так что в постоянном снабжении нуждались только гарнизонные полки на ТВД. Вооружение все больше изготавливалось и поставлялось в полки централизованно, что вело к его унификации по крайней мере в рамках отдельных подразделений. Боеприпасы теперь также обеспечивались полностью за счет государственных ведомств. Война вызвала милитаризацию органов приказного управления и показала их высокую эффективность. Различные военные обязанности не раз перераспределялись в ходе войны, но происходило это обдуманно и эффективно. Большую роль, помимо Разрядного, Иноземского, Стрелецкого, Рейтарского, Оружейного и Пушкарского при-

[31] *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 49–53.

казов, а также территориальных, дворцовых и счетных ведомств, с 1657 г. играла личная канцелярия царя — Приказ тайных дел, который время от времени забирал в свое ведение те или иные вопросы[32].

Полки в 1654–1656 гг. К началу войны правительство располагало материалами подворного описания 1646 г., а также результатами повсеместных смотров служилых людей (1653 г.) и переписи «подсуседников и захребетников» по городским посадам. Разборы служилых «по отечеству» и «по прибору» в дальнейшем производились не только поуездно, но и в рамках военно-территориальных округов — разрядов. Все это позволяло проводить очередные призывы на службу новых категорий исходя из возможностей каждой сословной группы.

В 1654 г. большая часть дворян и детей боярских всех уездов (кроме польских и украинных) были мобилизованы в «сотенную службу»; к ним присоединились служилые татары и новокрещены, а также служилые люди из мордвы и черемисы (сотники и тарханы). Вместе с тем из беспоместных детей боярских Замосковных уездов было набрано 6 рейтарских полков по 10 рот. В общей сложности в них записалось 5800–6000 рейтар, усиленных 7 драгунскими ротами (из детей боярских уездов «От Поля»). Иноземцы из литвы и греков составили полк гусарского строя в 1000 гусар и 400 драгун. Через год гусарский полк был раскассован по рейтарским, и с монастырей набрано более 600 даточных людей в рейтарском строе. Это позволило восполнить потери и увеличить численность первого полка до 14, а трех следующих — до 11 рот в каждом. Впрочем, 10 рот было оставлено зимовать в Литве, слуг монастырских затем отпустили домой, и полки в основном вернулись к обычному составу (кроме 1-го, где осталось 12 рот). После кампании 1656 г. для шести рейтарских полков была установлена очередность службы, которая прослеживается до конца 1650-х гг.[33]

В пехоте и драгунах командование вернулось к набору «кормовых» полков, а также перевело в боевое положение поселенные части, пополнив их начальными людьми — как правило, до 10-ротного состава. Из драгун в походах 1654–1656 гг. приняли участие четыре полка Комарицкой

---

[32] Подробно вопросы развития приказной системы Русского государства в связи с русско-польской войной 1654–1667 гг. рассмотрены в диссертации П. Б. Броуна: *Brown P.B.* Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478–1717 by Peter Bowman Brown. Chicago, 1978.

[33] *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2014. Вып. 3. С. 90–136.

волости (по 1300–1600 чел. в каждом), пятиротный тульский полк (кроме 1656 г.) и новоприборный полк из городовых казаков крепостей Засечной черты (1000 чел.), приданный поначалу охране осадного парка. Все эти драгуны являлись на службу со своими лошадьми, за что получали особое жалованье.

Из поселенных солдатских полков оба заонежских и сомерский приняли участие в первом походе 1654 г., каждый с особыми штатами. Поскольку из Заонежья отправилась в поход половина солдат, а начальные люди — все, то двухтысячные полки поделились на 24 и 22 роты. При этом часть олонецкого полка М. Кормихеля выступала в драгунском строе. В то же время сомерский полк (800 чел.) делился всего на 5 рот. В следующем году их усилили еще два заонежских полка по 2000 чел., тогда как сомерских солдат и весь полк М. Кормихеля временно перевели в драгунский строй. Наконец, в 1656 г. на Олонце собрали пятый заонежский полк в 1000 чел.

«Кормовые» полки солдатского строя были вновь созданы в Белгороде и Москве. В Москве «старшим полковником» (с декабря 1655 г. — генералом) являлся Аврам Лесли (ветеран Смоленской войны Александр Лесли, принявший православие), а в Белгороде организатором стал Александр Крафферт[34].

В Москве полк старшего полковника изначально насчитывал 2400 чел. (12–15 рот), а остальные 13 — по 1600 чел. (по 10 рот). Большая часть полков была набрана из детей боярских и «вольных людей» с городских посадов, а также из инородцев (мордва и черемисы). Два полка укомплектовали дворцовыми крестьянами Важской волости. В 1655 г. действующую армию в Литве усилили еще 10 солдатских полков, куда кроме «вольных людей» вошли дворцовые крестьяне вотчин Н.И. Романова, вновь прибранные инородцы (включая вотяков и самоедов) и вятские крестьяне. Эти полки составили гарнизоны в городах Великого княжества Литовского. Часть из них в конце похода была раскасована, в связи с чем смоленский гарнизонный полк А. Лесли превратился в бригаду из 30 рот — до 4800 солдат.

В Белгороде летом 1653 г. было сформировано 4 десятиротных полка по 2000 солдат. В начале 1655 г. их усилил пятый полк, в основном из мордвы и черемисы. Эти полки, в отличие от полков главной армии, не имели

---

[34] *Курбатов О.А.* Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654–1667 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 503–510.

в своем составе пикинеров и были вооружены по образцу «кормовых» полков 1640-х гг.

Таким образом, в 1654 г. в царской армии насчитывалось 6 рейтарских, 1 гусарский, 6 драгунских и 21 солдатский полки, а также один на Олонце и один — в Терках.

В 1655 г. на ТВД — 6 рейтарских полков, 8 драгунских полков (включая олонецкий и сомерский) и 32 солдатских. Осенью число солдатских полков резко сократилось.

В 1656 г. штаты действующей армии включали в себя 6 рейтарских полков, до 8 драгунских полков (включая один олонецкий и один при Наряде из романовских солдат), 13 солдатских «кормовых» в гарнизонах и под Белгородом и 10 в Рижском походе. При этом полк Лесли выступал как два полка: 15 рот в Смоленске, а 15 рот с генералом в походе. Из поселенных — пять (в ходе кампании сведены в четыре) заонежских и сомерский полки.

В 1654 г. в различные походы и города выступили почти все московские стрелецкие приказы – 17 старых и 2 вновь сформированных. Для несения караулов в городе остался один целый приказ и несколько сотен; на усиление к ним прибыли городовые стрельцы, образовав с московскими еще пять сводных приказов. Большая часть этого гарнизона погибла от чумы осенью 1654 г. В 1655 г. в Москву прибыло пять сотен холмогорских стрельцов, которые составили 20-й постоянный приказ. В 1660-х – начале 1680-х гг. насчитывалось уже 24 московских стрелецких приказа.

Наравне с московскими, самое активное участие в походах приняли два новгородских и три псковских приказа (один из 300 чел.), которые по очереди усиливали воеводские полки.

Полки в 1662–1663 гг. В эти годы была составлена общая смета всех вооруженных сил, что было связано с работой Земских соборов и финансовыми расчетами при сборах «пятой деньги»[35]. Основные структурные изменения, по сравнению с годом окончания Государевых походов (1656 г.), следующие.

1. Новые военно-территориальные структуры сложились на основе важных стратегических направлений. Это были четыре крупных «разряда» или разрядных «полка»: Новгородский разряд (1656 г.)[36], Белгородский полк (1657 г.), Севский полк (около 1662 г.) и Смоленский разряд. Воево-

---

[35] *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. М., 1911, // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1911. Кн. 3. С. 1–60.

[36] *Курбатов О.А.* Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017.

ды первых трех располагали своими округами как базой для автономного комплектования местных полков «нового строя», тогда как в Смоленск, из-за недостатка населения, направлялись на постоянной основе войска из других регионов и Москвы[37].

2. В Москве было создано два образцовых полка солдатского строя под названием Первый и Второй московские выборные. В Первый отбирались солдаты из «кормовых» полков московского формирования, во Второй — дворцовые посадские и крестьяне из разных городов и уездов. В 1658 г. штат каждого полка — по 2 тысячи солдат (по 20 рот), во главе исключительно с русскими начальными людьми из рейтар. Очень скоро их численность стала расти[38].

3. С 1658 г. начался планомерный перевод большей части дворян и детей боярских из «сотенной» службы в полки рейтарского строя. Поначалу он коснулся разрядных полков, но потом был распространен на уезды Казанского дворца.

4. Из даточных людей и отчасти городовых стрельцов были сформированы гарнизонные стрелецкие приказы, размещенные в ряде городов Литвы и гетманской Украины. Кроме того, появилась практика сбора временных стрелецких приказов для отдельных походов — причем как из московских стрельцов, так и из служилых «по прибору» других регионов.

Согласно Смете, действующая армия включала следующие полки.

Московские полки: 24 приказа московских стрельцов, 2 московских выборных полка солдатского строя; кроме того, в столице находились офицеры и некоторое число солдат полка генерал-майора (Д. Краферта). В Пушкарском приказе и Приказе тайных дел ведался полк генерал-поручика Н. Бовмана, который состоял из нескольких солдатских полков.

Белгородский полк: 1 полк копейного строя, 6 полков рейтарского строя, 2 полка драгунского строя, 1 приказ московских стрельцов (поселенный в Белгороде), 5 полков солдатского строя.

Полки Новгородского разряда: 1 полк гусарского строя, 4 полка рейтарского строя, 1 полк драгунского строя (Сомерской волости), 7 полков солдатского строя (в том числе часть заонежских). Из стрельцов 2 новгородских и до 4 псковских приказов выступают в поход по очереди.

---

[37] *Курбатов О.А.* Мероприятия русского правительства по обороне Смоленска в 1654–1667 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. II. С. 290–301 <http://www.milhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7> (03.07.2017)

[38] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М., 2006.

Полки в Смоленске, Полоцке, Витебске и других крепостях Литвы и Смоленского уезда: 7 рейтарских полков (в том числе 1 смоленский) и 7 солдатских, в том числе полки генерала (Т. Далиель) и генерал-поручика (В. Дромонт). В гарнизонах 8 приказов и несколько отдельных сотен стрельцов.

Полки в Севске, Брянске и Путивле: 4 рейтарских, 2 драгунских, 8 солдатских.

В малороссийских крепостях (Киев, Переяслав, Чернигов, Нежин и др.): 3 рейтарских полка, 3 солдатских полка, 11 стрелецких приказов.

Кроме того, мощные группировки были развернуты на юге и востоке страны. Войска стольников Хитрово вели боевые действия в низовьях Дона, части князя Черкасского были собраны под Царицыно против восставших башкир, там же, на Уфе, сражались сводные отряды из Москвы.

В Казани и Уфе находились 2 солдатских полка, в Царицыне и Астрахани 1 новоприбранный драгунский полк и 2 солдатских полка.

На Дону в отдельном городке стояли 2 солдатских полка (не отмеченных в Сметах) и 8 временных стрелецких приказов из ратных людей Симбирской черты. Еще один солдатский полк был сформирован в Тамбове.

Таким образом, царская армия 1662 г. включала в себя 26 конных полков (1 гусарский, 1 копейный и 24 рейтарских), 6 драгунских полков, 2 московских выборных полка и 38 солдатских полков (в том числе 4 генеральских). Из стрельцов следует упомянуть 25 московских приказов (в том числе 1 в Белгороде) и около 30 городовых — гарнизонных и «полковой службы». Довольно мощный стрелецкий гарнизон по традиции был в Астрахани и на Терках — свыше 10 конных и пеших приказов.

Большая часть полков имела сходный штат — по 10 рот, при 33 офицерах, однако существовал и ряд исключений из этого правила. Для стрельцов, помимо традиционного пятисотенного штата, были приняты варианты семисотенных и «тысячных» приказов — по Москве. Впрочем, некоторые приказы, наоборот, не достигали обычной численности и действовали в трехсотенном составе.

Русская армия в войне 1672–1681 гг.

По окончании боевых действий в 1667 г. правительство взяло курс на оптимизацию боевого состава вооруженных сил, с целью сохранения их численности и боеспособности, но удешевления содержания. В частности, была расформирована большая часть солдатских полков, а числен-

ность стрельцов в Москве и городах, напротив, увеличилась. Стрелецкие приказы были вооружены и обучены по образцу европейской пехоты, но получали меньшее жалованье (и частично хлебом). Московские выборные полки были также усилены за счет ветеранов, что привело к увеличению их численности до трех, четырех и до шести «тысячных» полков в каждом. В рамках подготовки войны с Османской империей в каждом разряде были созданы новые полки копейного строя (по образцу польских гусар), чтобы противопоставить их мощной турецкой кавалерии. На выплату жалованья Земской собор 1672 г. одобрил сбор «десятой деньги» (повторен в 1678 и 1680 гг.).

Основными организационными единицами оставались московские полки и четыре территориальных разряда. Кроме того, появилась традиция называть воеводские полки, укомплектованные ратными людьми внутренних областей, также «разрядными» с указанием области — однако это были скорее титульные наименования, никак не обоснованные административными реформами (вроде создания автономной системы комплектования)[39]. Штатная структура каждого разряда и походного войска в целом менялась из года в год, Так, в 1680 г. всего в царской армии состояло 37 тысяч чел. московской и городовой конницы в сотнях, 1 полк смоленской шляхты, 1 полк гусарского строя, 25 полков копейного и рейтарского строя (30 тысяч чел.), 25 приказов московских стрельцов (22 тысячи чел.), 43 полка солдатского строя (59 тысяч чел.), 15 000 слободских черкас.

В дальнейшем общий порядок цифр — как по количеству полков, так и по их номенклатуре — сохранялся до последних лет XVII столетия.

[39] *Великанов В.С.* Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650–1680 гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. 2018. №12. М., 2018. С. 16–21.

REFERENCES

1. *Alexeev Y.G.* Pokhody Russkikh voysk pri Ivane tret'em [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. SPb., 2009.
2. *Bentsianov M.M.* Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie: Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. [Princes, boyars and boyar children: the system of official relations in the Moscow state in the XV–XVI centuries]. M., 2019.
3. *Buganov V.I.* Dokumenty o srazhenii pri Molodyakh v 1572 g. [Documents about the battle of Molodi in 1572] // Istoricheskiy arkhiv [Historic archive]. M., 1959, no 4/1959.
4. *Velikanov V.S.* Rospisi russkoy armii po razryadnym polkam v 1650–1680 gg.: popytka sozdaniya voenno-okruzhnoy systemy [Paintings of the Russian army on discharge regiments in 1650–1680: an attempt to create a military district system] // Voenno-istoricheskiy zhurnal [A military and historic magazine]. M., 2018. no 12/2018.
5. *Veselovskiy S.B.* Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 [Estimates of the military forces of the Moscow State 1661–1663]. M., 1911.
6. *Gorskiy A.A.* K voprosu o sostave russkogo voyska na Kulikovom pole [On the issue of the composition of the Russian army on the Kulikovo field]. // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. [Ancient Russia. Issues of medieval studies]. Dekabr' [December] 2000. M., 2001, no 4 (6).
7. Dokumenty Livonskoy voyny (podlinnoe deloproizvodstvo prikazov i voevod) 1571–1580 gg. [Documents of the Livon war (Документы Ливонской войны (authentic record keeping of orders and voivodes) 1571–1580] // Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy [Historical monuments of the Eastern Europe]. M Varshava [M Warsaw], 1998, vol. III.
8. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheographicheskoy komissiey [Additions to historical acts collected and published by the Archeographic Committee]. SPb., 1846, vol. I.
9. *Zakharov V.N., Petrov Y.A., Shatsillo M.K.* Istoriya nalogov v Rossii. IX — nachalo XX v. [The history of taxes in Russia. IX — early XX centuries]. M., 2006.

10. *Zimin A.A.* Vityaz' na rasput'e [The knight at the crossroads]. M., 1991.
11. *Ivina L.I.* Ierarkhicheskaya struktura pravyashchey elity v knyazhestvakh Severo-Vostochnoy Rusi i Russkom gosudarstve (konets IV — pervaya polovina XVI v.) [Hierarchical structure of the ruling elite in the Principalities of Northeastern Russia and the Russian State (late XIV — first half of the XVI century] // Ot Drevney Rusi k Rossii Novogo vremeni: Sbornik statey: k semidesyatiletiyu Anny Leonidovny Khoroshkevich [From Ancient Russia to Modern Russia: Collection of articles: on the 70th anniversary of Anna Leonidovna Khoroshkevich]. M., 2003. P. 88–100.
12. Kirpichnikov A.N. Fakty, gipotezy i zabluzhdeniya v izuchenii russkoy voennoy istorii XIII–XIV vv. [Facts, hypotheses and misconceptions in the study of Russian military history of the XIII — XIV centuries] // Genezis I razvitie feodalizma v Rossii: Problemy istorii goroda. [Genesis and development of feudalism in Russia: Problems of the city history]. L., 1988, P. 229 — 243.
13. *Komarov O.V.* Ratnie lyudi Pomorskikh gorodov vt. Poloviny XVI — nach. XVII v. [The military people of the Pomeranian cities of the second half of the XVI — early XVII centuries]. [Electronniy resurs] [Electronic media] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. [History of military affairs: research and sources]. 2014. VI. P. 1–36. Available at: <http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov> (Accessed 17 September 2014)
14. *Kurbatov O.A.* Nachalnye lyudi reytarskogo stroya v 1653–1658 gg.: Opyt prosopograficheskogo analiza vypusknikov pervogo v Rossii stroevogo ofitserskogo uchilishcha (po materialam RGADA) [The chief people of the Reitar mounted regiment in 1653–1658: the experience of prosopographic analysis of graduates of the first military officer school in Russia (according to the documents of Russian State Archive of Ancient Acts)] // Rus, Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya [Ancient Russia, Russia: the Middle Ages and Modern Age]. Vypusk 5: Pyatie chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g. [Issue 5: Fifth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov. Documents for the international scientific conference. Moscow, November 9–10, 2017] M, 2017. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU: Vyp. 104. Ser.II. Istoricheskie issledovaniya: 57 [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University: Issue 104. Part II. Historical research: 57], P. 608–614.

15. *Kurbatov O.A.* Voennie reformy v Rossii vtoroi poloviny XVII v. Konnitsa. [Military reforms in Russia of the second half of the XVII century. Cavalry]. M., 2017.
16. *Kurbatov O.A.* Dragunskiy stroy na Belgorodskoy cherte v 1630-h — nachale 1650-h godov [Dragoon formation on the Belgorod line in the 1630s — early 1650s] // Ot Dontsa do Vorskly: sbornik statey I materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty. Belgorod [From Donets to Vorskla: a collection of articles and documents on the history of the Belgorod defensive line. Belgorod], 2016. Issue 1. P. 25–36.
17. *Kurbatov O.A.* Zapadnoevropeyskie voenno-teoreticheskie modeli XVII v. I ih mesto v reformirovanii russkoy armii [Western European military theoretical models of the XVII century and their place in the reform of the Russian Army] // Fenomen reform na zapade I vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): Sbornik statey. // The phenomenon of reforms in the West and East of Europe at the beginning of Modern times (XVI–XVIII centuries): Collection of articles. SPb., 2013. P. 231–249.
18. *Kurbatov O.A.* Organizatsiya I boevye kachestva russkoy pekhoty «novogo stroya» nakanune i v khode russko-shvedskoy voyny 1656–58 gg. [Russian infantry organization and combat qualities of the «new formation» on the eve and during the Russo-Swedish War of 1656–58] // Arkhiv russkoy istorii [The archive of the Russian History]. M, 2007. Issue 8, P. 157–197.
19. *Kurvatov O. A.* Ocherk istorii konnykh polkov «novogo stroya» russkoy armii ot nachala ikh sushchestvovaniya do okonchaniya russko-shvedskoy voyny 1656–1658 gg. [An essay on the history of the cavalry regiments of the «new formation» of the Russian army from the beginning of their existence to the end of the Russo-Swedish War of 1656–1658] // Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe] M, 2014, issue 3, pp. 90–136.
20. *Kurbatov O.A.* Polki dragunskogo I sodatskogo stroya, sushchestvovavshie k nachalu russko-polskoy voyny 1654–1667 gg. [Regiments of dragoon and soldier formations that existed at the beginning of the Russian-Polish War of 1654–1667]. Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhy Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. M., 2011. Issue 2, P. 503–510.

21. *Kurbatov O.A.* Razryady ratnykh lyudey na yuge Russkogo gosudarstva nakanune sozdaniya Belgorodskoy cherty v pervoy treti XVII v. [Lists of military men in the south of the Russian state on the eve of the creation of the Belgorod line in the first third of the XVII century] // Ot Dontsa do Vorskly: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noy cherty. Belgorod. [From Donets to Vorskla: a collection of articles and documents on the history of the Belgorod defensive line. Belgorod], 2016. P. 37–44.
22. *Kurbatov O.A.* Rol sluzhilykh «nemtsev» v reorganizatsii russkoy konnitsy v seredine XVII v. [The role of the service class of the «germans» in the reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVII century] // Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vv.: Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg. [Foreigners in Russia in the XV–XVII centuries: A collection of conference materials 2002–2004]. M., 2006, pp. 18–34.
23. *Kurbatov O.A.* Tikhvinskoye osadnoye sideniye 1613 g. [Siege of Tikhvin of 1613]. M., 2006.
24. *Kurbatov O.A.* Meropriyatiya russkogo pravitelstva po oborone Smolenska v 1654–1667 gg. [The Russian government measures aimed at defending Smolensk in 1654–1667] Elektronnyy resurs // Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki, 2017, Spetsialnyy vypusk IV. Smolenskiye voyny XV–XVII vv. [Electronic resource // History of military affairs: research and sources], 2017, special issue IV, Smolensk wars of the XV — XVII centuries, part II, pp. 290–301. Available at: <http://www.milhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7> (Accessed 3 July 2017)
25. *Kurbatov O.A.* Reorganizatsiya russkoy konnitsy v seredine XVI v.: Ideynyye istochniki i tseli reform tsarskogo voyska [Reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVI century: Ideological sources and goals of the reforms of the Tsarist army] // Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhy Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni. [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. M., 2009, issue 1, P. 196–227.
26. *Liseytsev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M.* Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Prikazes of the Moscow state of the XVI–XVII centuries]: Slovar-spravochnik [Dictionary and Reference]. M., SPb., 2015.
27. *Malov A.V.* Moskovskiye vybornyye polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoyey istorii, 1656–1671 gg. [Moscow elective regiments of the soldier system in the initial period of its history, 1656–1671]. M., 2006.

28. Ob ustroystve lagerya [About the organization of the military camp] // Dva vizantiyskikh voyennykh traktata kontsa X v. [Two Byzantine military treatises of the late tenth century]. SPb., 2002.
29. Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razriad books of 1475–1598]. M., 1966.
30. *Romanov M. Yu.* Komandnyy sostav streletskogo garnizona Moskvy v period vozrozhdeniya strany posle Smuty [The command staff of the Moscow Streltsy garrison during the period of the revival of the country after the Time of Troubles (1613–1628)] Elektronnyy resurs // Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki [Electronic resource // History of military affairs: research and sources], 2017, vol. IX, pp. 123–168. Available at: <http://www.milhist.info/2017/03/06/romanov_1> (Accessed 6 March 2017)
31. *Stanislavskiy A. L.* Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii [The Russian Civil War of the XVII century: The Cossacks at the turning point of history]. M., 1990.
32. *Taratorin V. V.* Konnitsa na voyne [Cavalry during the war]. Minsk, 1999.
33. *Tyumentsev I.O.* Inozemnyye soldaty na sluzhbe Lzhedmitriyu II. 1607 — nachalo 1610 g. [Foreign soldiers in the service of False Dmitry II. 1607 — early 1610] // Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg. [Foreigners in Russia in the XV–XVII centuries: A collection of conference materials 2002–2004]. M., 2006, P. 270–283.
34. *Shtaden G.* Zapiski o Moskovii [Notes about Muscovy]. M., 2008.
35. *Brown P.B.* Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478–1717 by Peter Bowman Brown. Chicago, 1978.

Ключевые слова:

русская армия, полки «нового строя», московские полки, стрельцы, военные реформы.

Oleg A. Kurbatov

THE RUSSIAN ARMY OF THE XV—XVII CENTURIES. AN OUTLINE OF THE HISTORY OF ORGANIZATIONAL STRUCTURES

The essay examines the evolution of the organizational structures of the Russian army of the Grand Ducal and Tsarist periods, in connection with the most important military reforms. Particular attention is paid to the origins of certain forms of military organization, the boundaries of their existence are specified. It is noted that the units of the European type were established as the basis of the organization of the armed forces long before the reforms of Peter the Great, in the second third of the XVII century.

Key words: the Russian Army, the «New Formation» Troops, Moscow Armed Forces, Streltsy, Military Reforms.

Oleg A. Kurbatov — Ph.D. in History, staff member of the Russian State Archive of Ancient Documents, member of the Expert Council of the OOD Rosrekon.

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, сотрудник РГАДА,
член экспертного совета ООД Росрекон

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.007

О.А. Курбатов

ГАРНИЗОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (1699–1727 г.)

ПЕХОТНЫЕ ПОЛКИ НОВГОРОДСКОГО РАЗРЯДА (1700–1710 ГГ.)

При подготовке к войне со Швецией важная роль отводилась ратным людям Новгородского разряда, который граничил со шведскими владениями в Прибалтике, Приладожье и Карелии (Заонежских и Лопских погостах). Собственно, и в локальных относительно конфликтах со шведами в 1610–1617 и 1656–1658 гг. большее число боевых операций велось полковыми и городовыми воеводами этого разряда. Пехота разряда была представлена стрелецкими полками во Пскове и Новгороде, а также более мелкими отрядами еще полутора десятков крепостей и городов (Порхов, Ладога, Изборск, Гдов, Опочка, Остров, Красный городок, Ржева Пустая, Торопец, Луки Великие, Ржева Володимерова, Старица, Тверь, Торжок, Зубцов). Здесь же следует упомянуть небольшой гарнизон на Олонце.

Новгородский разряд. В Новгороде к 1699 г. было 2 стрелецких полка, один «новгородский» тысячного состава, другой «московский выписной» в 500 чел. Из их состава в Нарвской кампании 1700 г. приняло участие два полка по 500 чел. После потерь, понесенных под Нарвой, все новгородские стрельцы были объединены в один тысячный стрелецкий полк Мирона Баишева (1123 ч.). В 1701–1704 гг. полк принимал участие

в полевых походах в Ингерманландии и переведен в Нарвский гарнизон. К 1706 г. возвращен в Новгород, где занимался обучением крупных партий рекрутов[1]. Оставшиеся в строю стрельцы в конце 1710 г. были вверены подполковникам Илье Ерофеевичу Лутковскому, а затем Михаилу Молчанову, которые «устроили» их в солдатский полк[2]. Вначале он нес службу на острове Котлин, но в 1712 г. получил название Эстляндского и был переведен в Ревельский гарнизон[3].

В Пскове в 1699 г. находились два стрелецких полка «тысячного состава». В начале войны со Швецией из них выделили два полка по 500 чел. для участия в Нарвском походе, а оставшиеся стрельцы, также разделенные на два полка, действовали вокруг Пскова и на Псковском озере. После Нарвы, к весне 1701 г., все 4 части вновь разобрали и свели в 2 полка: Василия Козодавлева (770 чел.) и Юрия Вестова (730 чел.). Они продолжали действовать по псковско-шведским рубежам до 1704 г. и приняли участие в осаде и взятии Дерпта. Затем они были включены в состав Дерптского гарнизона под командованием подполковника Василия Полибина (затем Шкота) и майора Руха.

В начале 1701 г. произошел «разбор» служилых людей из малых гарнизонов Новгородского разряда. Почти 2500 чел. стрельцов и пушкарского чина расписали на две «половины», из которых одна оставалась для караульной службы в своем городе, а вторая выступала на Гдов, сменяясь через полгода. Только сотня ладожских стрельцов целиком вошла в состав Ладожского полка воеводы Апраксина. Во Гдове сводный стрелецкий полк возглавлял полковник Иван Ушаков. К осени 1705 г. свыше 600 чел. из полка Ушакова оказались уже в Санкт-Петербурге, Копорье и Ямбурге, а остальных (1100 чел.) из Гдова перевели в Дерпт — под началом подполковника Филиппа Кара. В начале 1706 г. псковские и «пригородный» стрелецкие полки Шкота, Руха и Кара были преобразованы в гарнизонные солдатские полки[4]. Этой задачей непосредственно зани-

---

1 *Мельнов А.В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношений с местным населением в 1700–1710 гг.: Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 175, 176.

2 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска: Сборник документов. В 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. I. С. 124 (сказка полковника И.Е. Лутковского), 313 и 653 (сказки полковника М.О. Молчанова).

3 *Гулевич С.А.* Четырех-с-половиной-вековая с 1478 по 1911 г. история 8-го пехотного Эстляндского полка... СПб., 1911. С. 41–63.

4 «В 706-м г. чрез повелительный указ Царского Величества к благородному господину обер-коменданту Дерпта и Пскова (что ныне московский губернатор) Кириллу Алексеевичу, по которому указу повелено в Дерптском гарнизоне полки, и ему,

мался обер-комендант Пскова К.А. Нарышкин, который организовал и распределение рекрутов по этим частям. Так, подполковник Василий Полибин привел новоприборный полк из Москвы во Псков к маю 1706 г., а 8 ноября его солдаты и офицеры были раскасованы в полки — старый Руха и новоприборный Лима. При этом в солдатских полках были сформированы гренадерские роты[5]. В дальнейшем полк Шкота[6] послужил основой для формирования гарнизона в Выборге, а полк Руха — гарнизонного полка в Нарве; солдаты полковника Кара после его смерти поступили непосредственно на флот в матросы.

Таким образом, большая часть годных к службе стрельцов и отчасти пушкарского чина в 1706–1710 гг. была переведена в состав гарнизонных солдатских полков. Они покинули территорию собственно Новгородского разряда и перешли на земли, отбитые у шведов в ходе Великой Северной войны — в Дерпт и на Котлин, а затем в Ревель, Выборг и Нарву. В то же время определенная часть ратных людей «старых служб» продолжала проживать в своих старых домах, поскольку местные администрации остро нуждались в кадрах для выполнения караульной, посылочной, почтовой и прочих обязанностей[7]. К примеру, ладожская стрелецкая сотня в 1710 г. послужила основой для солдатской роты Ладожского гарнизона[8], а тверская сотня еще в 1712 г. занималась конвоированием рекрутских партий в Санкт-Петербург.

Олонецкий уезд. В 1649 г. со строительством крепости Олонец и основанием Олонецкого уезда крестьяне во всех заонежских и лопских погостах Обонежской пятины Великого Новгорода (нынешняя Карелия) были записаны в солдатскую и драгунскую службу. Однако в 1666 г. эта служба была отменена из-за тяжелых потерь и ухудшения благосостояния, и заонежские солдаты вернулись в свое обычное тягло. Единственной

господину обер-коменданту, офицеров и солдат содержать в полном комплекте» (Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 226).

5 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска...Т. I. С. 173.

6 Полковой адъютант Выборгского гарнизона Федор Выходцев в своей сказке от 1719 г. утверждал, что с 1700 г. служит в одном и том же полку «неотлучно», а служить начал с 1700 г. в полку «господина Козодавлева, что ныне господина полковника Неелова» (Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 604, 605).

7 *Великанов В.С.* Реорганизация ратных людей Новгородского разряда в 1700–1707 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. I. С. 223–230.

8 *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки АН СССР. М., 1956. Т. 58. С. 298.

постоянной военной силой в регионе остался сформированный тогда же Олонецкий стрелецкий приказ или «жилой стрелецкий полк» в 300 чел.[9] В 1700–1706 гг. им командовал полковник Илья Яковлев[10].

В начале Великой Северной войны олонецкий воевода князь С.Ф. Барятинский стал временно собирать плотников и «караульщиков для оберегательства Олонца и казны» по норме с 10 дворов по человеку (видимо, около 600 чел.)[11]. Затем из вольных людей удалось собрать в солдаты 300 «человек добрых». Наконец, в начале 1701 г. по приказу главнокомандующего боярина Б.П. Шереметева по всей Карелии, кроме Кижского погоста, а также вотчин монастырских и помещичьих, был объявлен сбор в солдатскую службу по 1 чел. со двора. Этот сбор должен был дать 6 тысяч солдат. Для их обучения боярин направил отставленного от полевой службы полковника Ивана Сака и вызвал из Москвы небольшой штат младших начальных людей «старых полков»[12].

Только в мае — июне 1702 г. из Москвы на Олонец были переброшены начальные люди в расчете, чтобы укомплектовать шесть десятиротных солдатских полков. Таким образом, летом того же года там номинально было создано 6 поселенных полков: Ивана Сака, Михаила Страузберга, Крестьяна Юнкмана, Ефима фон Вердена, стольника и подполковника Григория Поздеева, подполковника Адама Эграда. В общей сложности в них служили 179 начальных людей от прапорщиков до полковников. Однако в реальности крестьяне, не получив льгот за несение воинской службы, уже в начале лета 1702 г. разошлись по домам. Похоже, в августе–сентябре, во время осады Шлиссельбурга, полки снова собрались на некоторое время. Но общее положение Олонецкого уезда, как приграничной области, заставляло власти массово использовать этих же крестьян на важных тыловых работах (подводы для армии, проведение судов по рекам и т. п.), что не позволяло им полноценно нести и солдатскую службу — как это получалось в 1650-х гг. В итоге уже с конца 1702 г. никаких

---

9 *Мельнов А.В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии... С. 36, 43.

10 *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии 1698–1725. М., 1977. С. 23.

11 Согласно челобитной солдат Олонецкого уезда, с них брали с 10 дворов по человеку по переписным книгам 1678 г.; подворный сбор (по человеку со двора) должен был дать 6000 чел. (РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1702 г. № 294. Л. 5–8); летом у князя Барятинского было всего 954 чел. (История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1956. С. 403).

12 *Курбатов О.А.* К истории людей «старых служб» в петровскую эпоху: поселенные и выборные солдаты северных уездов в начале XVIII в. // Петр I у истоков российской империи: Материалы Малого Северного Петровского конгресса. Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. Архангельск, 2022. С. 198–211.

сведений о реальной службе заонежских полков под Олонцом в источниках не встречается — скорее всего, в связи с их расформированием[13].

Олонецкую верфь и Петровские заводы стали защищать полки, временно переброшенные из других городов. В частности, известно о службе солдатского полка Алферия Шневенца в 1703–1705 гг., переданного в распоряжение Адмиралтейства[14]. Кроме того, в 1704 г. на Олонец прибыл гайдуцкий полк Архангельского гарнизона, который держал заставы под Сердоболью (Сортавала) и в других местах под командой воеводы Петра Апраксина, а затем вернулся обратно[15].

В 1706 г. из ратных людей Олонецкой крепости (стрельцов и солдат) и рекрутов был сформирован Олонецкий гарнизонный батальон. Батальон существовал до 1711 г.; в 1710 г. им командовал майор Авраам Друкорт. После взятия Кексгольма город потерял военное значение, и олонецкий батальон послужил основой для формирования Кексгольмского гарнизонного батальона.

ПОЛЕВЫЕ И ГАРНИЗОННЫЕ ПЕХОТНЫЕ ПОЛКИ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1706–1711 ГГ.)

В 1704 г. фаворит царя Петра I Алексей Данилович Меншиков был назначен «генерал-губернатором» Карелии и Ингерманландии (Ижорской земли). Вверенная ему область, состоящая поначалу только из вновь завоеванных земель, с весны 1706 г. стала называться Ингерманландской губернией. В конце 1707 г. при распределении уездов всей страны на 8 губерний к Ингерманландской отошла вся территория Новгородского разряда, а также из числа северных Замосковных городов — Бежецкий Верх, Устюжна, Белоозеро, Каргополь, Пошехонье, Углич, Ярославль, Романов и Кашин.

С 1707 г. в отсутствие генерал-губернатора гражданское управление губернией было доверено ландрихтеру Якову Никитичу Римскому-

---

[13] Ротмистр Иван Козлов писал, что «в 702-м и 703-м гг. был я на Олонце в полку полковника Крестьяна Юнкмана, и в приход на шкутах свейских людей по Ладожскому озеру к Олонецкому устью отпор чинили, и по рубежу караулы имели в том г., как взят Шлиссельбург» (Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. II. С. 994).

[14] *Мегорский Б.В.* С Каспия на Балтику: к вопросу об истории петровской морской пехоты // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения музеефикации: III Международная научно-практическая конференция (2021, Волгоград). Волгоград, 2021. С. 276.

[15] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. II. С. 1489–1492.

Корсакову, который заведовал в том числе и содержанием всех воинских частей на территории губернии (с 1711 г. Санкт-Петербургский вице-губернатор). Боевое руководство войсками поначалу вверялось комендантам крепостей — в первую очередь обер-коменданту Санкт-Петербурга генерал-майору Роману Вилимовичу Брюсу (в 1704–1705 гг.). В шведских Остзейских провинциях в 1704 г. русские войска завоевали Нарву, Ивангород и Дерпт. Здесь войсками руководил псковский обер-комендант Кирилл Алексеевич Нарышкин: ему подчинялись гарнизоны Пскова, Дерпта, Нарвы и Ивангорода[16]. При этом резко упало значение Великого Новгорода, который прежде являлся важным военным центром. В 1703–1721 гг. номинальным воеводой и комендантом Новгорода являлся стольник И.Ю. Татищев, основным занятием которого было руководство судостроением на верфях Новгородского и Ладожского уездов. При подготовке к шведскому вторжению 1708 г. главнокомандующим в Ингерманландии был назначен генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, которому подчинялись и обер-коменданты, и военно-морские силы на Балтике.

В 1706 г. в Прибалтике находились 12 армейских полков, оставленных здесь после ухода главной полевой армии в Польшу и Литву: три полка из дивизии Головина (Бильса, Абрама и Апраксина), два полка из дивизии Вейде (Балка и Порошина), четыре полка из дивизии князя Репнина (генерал-майора Романа Брюса, Гамильтона, Трейдена и Инглиса) и три полка, специально сформированные для защиты Санкт-Петербурга и Нарвы в 1703 и 1704 гг. (Санкт-Петербургский жилой или «Генерал-губернатора» (Меншикова), Фихтенгейма и Юрия Буша). Впрочем, здесь нужно отметить особенность полка Ивана Дмитриевича Гамильтона: по сути, это был полк сибирских рекрутов, присланный на Неву специально для гарнизонной службы — однако летом 1704 г. в его состав влились чины из скасованного полка Ивана Бернера, и полк унаследовал место в дивизии князя Репнина и преемственность от полка Бернера[17].

На содержании приказа Казанского дворца оставались 4 солдатских полка, созданных в 1700 г. для действий в Прибалтике из старых солдат

---

[16] *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2(18). С. 50–59.

[17] Полк Бернера был в 1703 г. прикомандирован к полку Романа Брюса, а в 1704 г. слит с полком Гамильтона (Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 67, 111, 131–135; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины. Сборник документов. В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М., 2019. Т. I. С. 732, 848, 1003, 1036).

и бывших стрельцов Среднего Поволжья: Андрея Шарфа, Болобанова, Островского и Толбугина.

Из стрельцов было сформировано шесть полков: из «белгородских» (бывших московских) Каргопольский полк Степана Стрекалова, из псковских полки Юрия фон Делдена (с конца 1706 г. Матвея Ивановича Неклюдова)[18], Шкота и майора Рауха (Руха), из новгородских пригородных — полк Филиппа Кара; новгородские стрельцы служили в полку Мирона Баишева.

Специально для гарнизонной службы из сибирских новобранцев в Вологде был создан полк Юрия Урна, который в октябре 1704 г. прибыл в Петербург и в конце 1706 г. поступил под команду бригадира Фразера[19]. С 1705 г. в гарнизоне Ивангорода нес службу новоприборный полк Дубасова[20]. Также в команде обер-коменданта Нарвы Нарышкина в 1706 г. был сформирован солдатский полк подполковника Степана Лима: ржевских рекрутов из крупной партии капитана Радищева вручили в команду дворянам из выборных рот Новгородского разряда[21].

В ведении Адмиралтейства и командиров морских эскадр находился целый ряд отдельных солдатских полков. Из ямщиков при содействии Ямского приказа еще в 1704 г. были сформированы отдельные морские роты, сведенные в конце 1705 г. в особый Морской полк капитана флота Вилимовского («полк морских солдат»). Солдатский полк Алферия Шневенца, сформированный в 1701 г. для службы на Двине, в 1703 г. был направлен для работы на олонецких верфях, в 1705 г. на кораблях перешел в Шлиссельбург, а затем в Санкт-Петербург в распоряжение Адмиралтейства; к 1706 г. он находился под командой майора Никона Савенкова. Для действий на галерах в 1704 г: с полковником Петром Смитом прибыло 700 солдат из Дмитриевской крепости на Камышинке[22], а с майором Иваном Микешиным[23] — 880 астраханских солдат и стрельцов: все они имели опыт речных походов по Волге и морских — по Каспию. В 1706 г. их усилил полк Дмитрия Есипова (солдаты из Ниж-

---

18 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т. I. С. 49 (сказка Матвея Неклюдова).

19 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 377, 481, 581.

20 Там же. С. 301, 304, 308, 639.

21 Там же. С. 173, 230, 356.

22 *Мегорский Б.В.* С Каспия на Балтику: к вопросу об истории петровской морской пехоты // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения музеефикации: III Международная научно-практическая конференция (2021, Волгоград). Волгоград, 2021. С. 273–276.

23 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска...Т. II. С. 1373.

него Ломова)[24]. В конце 1706 г., после Выборгского похода, в распоряжение Адмиралтейства поступил «полк астраханских мятежников» или Низовой стрелецкий полк (1315 чел.)[25].

Таким образом, в общей сложности к концу 1706 г. для обороны земель Новгородского разряда, Дерпта и Ингерманландии, а также действий на море был собран 31 солдатский полк. В 1707 г. казанский полк Шарфа и Каргопольский солдатский Стрекалова, участвовавшие в осаде Старого Быхова, были переведены в состав главной армии и в Санкт-Петербург не вернулись. Ломовский полк Есипова поступил на укомплектование гарнизонной пехоты и Морского полка, а полки Микешина и Смита объединились в один полк полковника Смита (после его гибели в 1708 г. — полк Микешина). Бывший полк Шневенца, майора Савенкова, был прикомандирован к Адмиралтейству уже в виде батальона. При экспедиции на остров Борго в 1708 г. в составе галерного флота адмирала Боциса упоминается батальон Ивана Синявина «на русских бригантинах»[26], но его дальнейшая судьба не известна. В итоге осталось 26 полков, в том числе 3 казанских и 3 морских, а также 1–2 морских батальона.

В 1708 г., в начале вторжения Карла XII, на юг из Прибалтики отбыл корпус Боура, с пехотной дивизией фон Вердена. Из ее состава дерптский гарнизонный полк Федора Балка (из бывшей дивизии Вейде, «Воронежский» с весны 1708 г.) был присоединен к главной армии. В 1709 г. ивангородский полк Дубасова был скасован, а офицеры перешли к полковнику Зотову, который возглавил в это время полк Лима после смерти полковника[27]. Солдат Филиппа Кара в 1709 г. или начале 1710 г., также после кончины их полковника, перевели матросами на Балтийский флот. Офицеры полка отбыли в Москву для новых назначений[28]. Таким образом, к концу 1709 г. в северо-западной армии осталось 22 старых полка, в том числе 11 армейских, 3 казанских, 4 бывших стрелецких, 2 гарнизонных и 2 морских. Галерный полк Микешина вслед за Адмиралтейским полком Савенкова сократился до батальонного состава.

---

[24] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т. I. С. 425; Т. II. С. 1896; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 162, 425; Т. II. С. 1370, 1374.

[25] *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в... С. 293, 294.

[26] Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М.,1994. С. 38.

[27] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 301, 304, 308, 639.

[28] Там же. С. 228, 255, 500, 561, 649.

Вместе с тем после Полтавской победы началось усиление войск на северо-западе уже не за счет рекрутов, а путем переброски полевых частей. Уже осенью 1709 г. туда прибыли два пехотных полка: Галицкий полковника Ивана Стубенского и полк подполковника Желтухина. Первый был сформирован под Смоленском в 1706 г. из «низовых солдат» для дивизии фон Вердена — он достиг Нарвы и Шлиссельбурга уже в конце 1709 г.[29] Второй известен в росписях как «Урнов полк»: сформированный к 1706 г. из симбирских солдат, он прибыл в состав главной армии из Казанской губернии после разгрома Булавина, весной 1709 г. полковник Юрий Урн погиб при штурме Запорожской Сечи, и его сменил подполковник Григорий Желтухин[30]. Таким образом, Апраксин к концу 1709 г. располагал 24 солдатскими полками и двумя морскими батальонами.

По указу от 10 марта 1708 г. ровно треть полков северо-западной армии получила наименования по городам — хотя в росписях войск это отражается не сразу. В первую очередь новые названия получили армейские части — 8 из 11 полков: Смоленский (Бильса), Троицкий (Абрама), Владимирский (Порошина), Архангелогородский (генерал-майора Романа Брюса), Белозерский (Гамильтона), Пермский (Трейдена), Санкт-Петербургский (генерал-губернатора Меншикова) и Азовский (Юрия Буша). Полки Апраксина и Фихтенгейма (с конца 1709 г. Юрлова) новых названий не получили, а полк Инглиса стал «Выборгским» только в 1710 г. Из казанских полков в армейский список включили только полк Болобанова, привлекавшийся к полевой службе в отличие от двух остальных — он стал Ярославским. Прочие части (кроме Морского полка) остались с именами командиров.

С 1706 г. практически все указанные полки имели десятиротный состав. При этом гренадерские роты в полках были сформированы сверх этого числа. По данным английского посланника в России Чарльза Витворта, фузилерные роты насчитывали по 120 чел. (1200 чел. в полку), а гренадерские роты — по 100 чел. [31] Различий между условно полевыми и гарнизонными частями в организационном плане не наблюдается. Только в Морском полку на десять фузилерных приходилось две гренадерские роты, поскольку одна из них рассматривалась как почетный

---

[29] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия: Сборник документов. В 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. II. С. 1592.

[30] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 264 (сказка полковника Желтухина), 265–276 (сказки офицеров полка Желтухина).

[31] Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 75–77.

караул при нахождении государя на борту корабля. Зато стрельцы Баишева гренадеров явно не имели. Пермский солдатский полк Трейдена прибыл к Полтавской битве в составе трех пятиротных батальонов.

При выступлении в поход гренадерские роты всех полков походного войска с 1708 г. сводились в отдельные батальоны и роты. По данным Витворта, в мае 1708 г. гренадерские роты были соединены воедино из 15 полков, расположенных под Петербургом, в Кронштоте и на Котлине, а также в Шлиссельбурге, Нарве и Ивангороде. Еще 10 гренадерских рот указаны вместе собранными для войск Боура и Нарышкина под Псковом.

Полки, даже находясь в командировках, с 1704–1706 гг. были приписаны к конкретным гарнизонам. В данном случае командование вернулось к практике середины второй половины XVII в., когда новосформированные солдатские полки и стрелецкие приказы были размещены по городам непосредственно на ТВД: они выступали в походы в составе полевой армии в случае необходимости, оставляя в городах минимально необходимые гарнизоны.

В команде обер-коменданта Брюса состояли гарнизоны Санкт-Петербурга, Кронштота, Котлина, Шлиссельбурга (12 полков); стрелецкие сотни охраняли Ямбург и Копорье. В самом Петербурге находились полки Брюса, Гамильтона, Генерал-губернатора, Каргопольский, Юрия Урна (Фразера), а под городом («при Санкт-Петербурге») — Андрея Шарфа[32]. В Кронштоте нес службу полк коменданта крепости Тимофея Трейдена, а рядом, просто «на Котлине острове» — полки Островского и Толбугина. В Шлиссельбурге в гарнизоне коменданта Василия Порошина состояли его полк, а также солдатские полки Бильса и Абрама.

К команде обер-коменданта Нарышкина относились гарнизоны Пскова, Дерпта, Нарвы и Ивангорода (также 12 полков). В Дерпте при обер-коменданте находились полки Балка, фон Делдена (с 1706 г. Матвея Неклюдова), Шкота и Филиппа Кара. Во Пскове — полки Руха и Степана Лима. Нарвский гарнизон вице-коменданта Юрия Буша состоял из полков Петра Апраксина, Фихтенгейма и самого Буша, а также Болобанова. Ивангород защищали полки коменданта крепости Инглиса и Дубасова.

В относительно глубоком тылу обеих группировок, в Великом Новгороде, несли караулы и занимались обучением рекрут новгородские стрельцы Мирона Баишева (1000 стрельцов и 1000 рекрутов). Неболь-

---

[32] Кроме того, в конце 1706 г. «при» городе указывается вместе с Шарфовым Адмиралтейский полк Никона Савенкова; августовская роспись 1706 г. указывает «в Санкт-Петербурге» дерптский гарнизонный полк Филиппа Кара («сборный из новгородских пригородов»).

шие стрелецкие гарнизоны находились в Ладоге, Старой Руссе и Торопце, зато Великие Луки защищал целый стрелецкий приказ в 600 чел.[33]

Перечисленные 25 солдатских и стрелецких полков могли быть усилены морскими солдатами, которых в 1706 г. в Санкт-Петербурге, на Олонце и непосредственно на флоте насчитывалось до шести полков.

В 1706–1707 гг. за счет перевода в главную армию двух полков (Шарфа и Каргопольского) был ослаблен гарнизон Петербурга. После астраханского похода 1705–1706 гг. солдаты подполковника Абрама вернулись в Шлиссельбург, но полк Бильса отправился в Нарву, а дальше вошел в состав войск Апраксина под Санкт-Петербургом. Более того, в 1708–1710 гг. Денис Бильс считался комендантом Санкт-Петербургской крепости[34] — за исключением периода похода на Дон против Булавина (с весны 1708 г. по начало 1709 г.), где его Смоленский полк был большей частью уничтожен и заново восстановлен за счет рекрутов.

Драматические перемены в системе обороны произошли в первой половине 1708 г. Еще в феврале, в преддверии возможного королевского похода в Прибалтику, мирные жители — ливонские немцы из Дерпта и Нарвы — со своими семьями были выселены в Вологду и другие города внутренней России; эстонцы же и прочие распущены в сельскую местность. К середине июля войска Боура и фон Вердена взорвали все каменные строения, стены и башни Дерпта, срыли часть земляных укреплений и покинули город полностью безлюдным. Из состава его гарнизона Воронежский пехотный полк Федора Балка вместе с войсками Боура ушел в состав главной армии, полки Кара[35] и Неклюдова были выведены в Нарву, а полк Шкота — во Псков. Полк Инглиса с 1708 г. также указывается в Нарве, а не в Ивангороде[36].

В конце 1708 г. солдатский полк Лимы был переведен в Нарву и в следующем году поступил под начало Зотова. Ивангородский полк

---

[33] *Масловский Д.Ф.* Сборник военно-исторических материалов. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1892. Вып. 1. Приложения. С. 8, 9 (Приложение 4); Роспись пехотным и драгунским полкам (1706 августа 17) // Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. IV (1706). С. 341–346 (строки исправлены по предыдущей публикации: Тетрати записныя... Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 гг. СПб., 1774. С. 185–188).

[34] *Славнитский Н.Р.* Военное управление в городах Российской империи XVIII — первой половине XIX в. и его особенности в Санкт-Петербурге // Защитники Отечества. Архангельск, 2008. Вып. 11. С. 123–138.

[35] Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. II. С. 996.

[36] *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах. С. 332, 333 (Таблица 6); Сборник императорского Русского исторического общества... С. 75–77.

Дубасова при этом скасовали, и впоследствии в крепости Ивангород особого (отдельного от Нарвы) гарнизона не указывается. Обер-комендант Нарышкин перенес свою резиденцию из Дерпта и Пскова в Нарву. В 1709 г. Апраксин стянул бывшие стрелецкие полки Руха, Шкота, Кара, Баишева (затем Молчанова) для обороны островов в Финском заливе, а также, частично, для полевой службы. В 1710 г. солдат бывшего полка Кара перевели матросами на Балтийский флот.

По «первому летнему пути» большая часть полков Ингерманландской губернии приняла участие в осаде и взятии Выборга (сдался 23 июля 1710 г.). С покорением Выборга, Кексгольма (8 сентября 1710 г.), Ревеля (29 сентября 1710 г.), а также Риги (4 июля 1710 г.), Пернова (22 июля 1710 г.) и острова Эзель с крепостью Аренсбург (12 сентября 1710 г.) борьба за шведскую Прибалтику завершилась. В конце 1710 г. Ингерманландская губерния была переименована в Санкт-Петербургскую губернию. При этом номинально в ее же составе была образована Рижская губерния. Это привело к формированию новой конфигурации крепостей и гарнизонных частей. Кроме того, полки северо-западной армии были наконец официально разделены на полевые армейские и гарнизонные, что закрепили штаты войск 1710-х гг.

ГАРНИЗОНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1711–1719 ГГ.)
ФОРМИРОВАНИЕ ОСТЗЕЙСКИХ ГАРНИЗОННЫХ ПОЛКОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ И РИЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ

В 1710 г. была образована Санкт-Петербургская губерния, включавшая в себя прежние земли Ингерманландской губернии и вновь завоеванные у шведов территории на границах с Финляндией и в Прибалтике. В состав губернии к 1711 г. вошли следующие крепости, в которых должны были состоять штатные гарнизоны: Санкт-Петербург, Котлин, Выборг, Кексгольм, Шлиссельбург, Нарва, Великие Луки, Ревель, Пернов, Рига, Питершанец и Дюнамюнде. Таким образом, старинная линия обороны, которая включала Псков и Новгород с ближайшими пригородами (включая Гдов, Ладогу), оказалась покинута — внутренний порядок в них охраняли лишь небольшие воинские команды. В то же время гарнизонные части здесь находились еще в зоне боевых действий, поэтому жалованье в гарнизонных полках выплачивалось всего с убавкой на треть по сравнению с полевыми полками — так же как в Киевской и Азовской губерниях.

По расчетам полевых и гарнизонных штатов 18 февраля 1711 г., в Санкт-Петербургской губернии содержалось 27 тысяч чел. гарнизон-

ной пехоты, что составляло 19 полков по 1440 чел. (в том числе один неполный). Окончательно такие штаты — 19 полков и 3 отдельных батальона[37] — были достигнуты только в 1715 г.

В начале 1710 г. войска Ф.М. Апраксина насчитывали 22 пехотных полка, не считая частей, находившихся в ведении Адмиралтейства. Из них в штат полевой армии вошли 10 полков: Смоленский, Троицкий, Владимирский, Архангелогородский, Пермский, Выборгский (до 1712 г. Инглиса), Санкт-Петербургский, Азовский, Ярославский и Галицкий. Еще два полка были раскасованы — Невский полк (бывший П.М. Апраксина) в 1712 г. был присоединен к Галицкому, а полк Семена Акимовича Юрлова (бывший Фихтенгейма) — к Выборгскому[38]. Белозерский солдатский полк, основу которого составляли присланные в петербуржский гарнизон сибирские рекруты набора 1703 г., так и оставили в числе гарнизонных полков[39].

Также в разряд гарнизонных перешли остальные полки, до сих пор называвшиеся по именам командиров. Во-первых, это были части, сформированные приказом Казанского дворца в 1700 г. и до 1711 г. состоявшие в его ведении, — полки Толбугина и Островского. Затем это четыре полка, имевшие в своей основе стрельцов Новгородского разряда: новгородский стрелецкий Мирона Баишева, который после взятия Выборга был преобразован в солдатский усилиями подполковника Лутковского и в феврале 1711 г. передан под команду подполковника Молчанова; бывшие псковские Матвея Неклюдова, Шувалова (бывший Шкота) и Нарышкина (бывший Руха и Браницкого). Наконец, это были провинциальные или изначально гарнизонные части. К последним относились полки: Чемесова (бывший бригадира Фразера) и Зотова; к первым — полк подполковника Желтухина (бывший Юрия Урна), сформированный еще в 1705 г. в Казанской губернии. Таким образом, в 1711 г. в состав гарнизонных частей Санкт-Петербургской губернии перешло меньше половины старой пехоты Апраксина — 10 из 22 полков. Остальные положенные по штату губернские полки и батальоны были вновь сформированы из рекрутов, обученных в московском гарнизоне, а также взятых из других мест.

---

37 В том числе в Великолуцком солдатском батальоне все офицеры служили без жалованья, только с поместий и вотчин.

38 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия... Т. I. С. 1524, 1583 (Юрлова); *Поликарпов Н.П.* О некоторых войсковых частях, принимавших участие в Генеральной баталии под Полтавой... № 9. С. 256, 257 (Апраксина).

39 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 400.

В северной части Санкт-Петербургской губернии в начале 1711 г. были созданы два гарнизонных батальона — Шлиссельбургский майора Алферия Шнитера и Кексгольмский полковника Ильи Лутковского, причем последний был укомплектован новобранцами с Олонца[40]. На острове Котлин в 1710 г. или начале 1711 г. командование разместило рекрутский полк подполковника Якова Островского, присланный из Архангельской губернии. Он перешел под команду полковника Андрея Андреевича Гулица и в апреле 1711 г. получил полный штат офицеров. Однако уже 27 марта 1712 г. полк Гулица раскасовали в Санкт-Петербурге в целях усиления Выборгского гарнизона[41].

На юге губернии, в Великих Луках, стрелецкий приказ вице-коменданта крепости Петра Ивановича Неплюева тогда же был преобразован в солдатский батальон, а Неплюев переименован в подполковника[42]. Офицеры этого батальона служили без жалованья.

Новоприсоединенными городами Ригой, Перновом и окрестными землями с лета 1710 г. фактически управлял генерал-аншеф Аникита Репнин; затем он с полевыми войсками отправился в состав главной армии для участия в «Турецкой акции», передав команду генерал-майору Якову Васильевичу Полонскому — обер-коменданту Риги с 3 января 1711 г. После кончины последнего, в 1713 г., была образована Рижская или Смоленская губерния из двух провинций (Смоленской и Рижской), и генерал-губернатором стал князь Петр Алексеевич Голицын. До этого генерал-губернатором Риги, как и всей Прибалтики, считался А.Д. Меншиков.

Формированием полков в Риге и производством в офицерские чины в 1711–1713 гг. занимался генерал Полонский. Первой специальной гарнизонной частью, еще в 1710 г., стал Цитадельский полк подполковника Тыртова, который, впрочем, вскоре был раскасован царским указом[43]. В течение 1711 г. — начала 1712 г. Полонский сформировал три новых гарнизонных полка в самой Риге (Обер-Комендантский Тыртова, Рижский Оленина и с 1712 г. Губернаторский) и по полку в близлежащих

---

40 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 194, 292, 381, 609.

41 Там же. С. 119 (дата расформирования указана с ошибкой в годе), 143, 176, 317, 660, 677, 825, 919.

42 Там же. С. 722, 723.

43 Там же. С. 682; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т.I. С. 692 (скасован в июне 1711 г.).

укреплениях — Питершанцский[44] (1711), Динамендшанцский[45] (1712) и Перновский (со 2 марта 1711 г.). В Ревель рекруты были присланы из Архангельской губернии, и уже в конце 1710 г. из них сформировали Ревельский гарнизонный полк подполковника Гаврилы Ивановича Козлова (примерно с 1712 г. — Максима Тимофеевича Грекова)[46].

Отдельно стоит отметить новый солдатский полк царского фаворита А.Д. Меншикова. В 1710–1711 гг. из рекрутов, собранных «с вотчин светлейшего князя», а также из драгун его Раненбургского шквадрона[47], в Москве и Твери был сформирован «Собственный солдатский полк его высокой княжей светлости» под командой полковника Шишкина (известен еще как «Княжой новый полк»). После курса подготовки новобранцев он в 1711 г. прибыл в Санкт-Петербург[48]. Поначалу Собственный полк числился в разряде полевых[49], однако в 1712 г. поступил в гарнизон Риги.

В результате в 1711 г. в Санкт-Петербургской губернии насчитывалось 16 гарнизонных полков и 3 батальона. В 1712 г. добавилось три полка в Риге и оказался раскасован солдатский полк в Санкт-Петербурге. Таким образом, стало 18 полков и 3 батальона. Намеченная в 1711 г. штатная численность оказалась превышена на один полк — впрочем, Собственный полк Меншикова, по-видимому, следует отнести к «партикулярным», т.е. сверхштатным частям.

В последующие два года количество полков продолжало сокращаться: в марте 1713 г. Ревельский полк Грекова был слит с Нарвским полком бригадира Зотова («отдан в дополнку комплекта»), в результате чего по-

---

44 Питершанец — бывший Коброн-шанец, шведское укрепление у Риги на левом берегу Западной Двины.

45 Динамент-шанец — бывшая шведская крепость Дюнамюнде в устье Западной Двины.

46 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 311; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т.I. С. 692, 729, 783, 784.

47 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т. I. С. 229.

48 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия.... Т. I. С. 337 (сказка премьер-майора полка Тимофея фон дер Видена), 1049 (полк расформирован 28 декабря 1714 г.), 1102, 1103 (в рижском гарнизоне в 1713–1714 г. и скасован в СП6); Т. II. С. 1473, 1576; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т.II. С. 2072, 2156 (в походе в Риге, Курляндии и Лифляндии, затем в Санкт-Петербурге скасован), 2291.

49 *Мышлаевский А.З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 354.

явился новый Ревельский полк Зотова[50]; в 1714 г. «Собственный княжой полк» Меншикова был переведен из Риги в Санкт-Петербург и там расквартирован. В итоге в городах Санкт-Петербургской и Рижской губерний снова осталось 16 полков и 3 батальона.

Резкое увеличение численности остзейских гарнизонов произошло в 1715 г. — после окончания боевых действий на юге России. Из корпуса П.М. Апраксина в Петербург были присланы Губернаторский батальон Казанской губернии (подполковника Козлова) и гарнизонный солдатский полк той же губернии бригадира Дмитриева-Мамонова. Губернаторский батальон был доукомплектован рекрутами и составил третий гарнизонный полк Санкт-Петербурга, под началом полковника Ивана Васильевича Колтовского[51]. Полк Дмитриева-Мамонова в полном составе был включен в гарнизон Ревеля и получил название Дерптского гарнизонного солдатского полка[52]. Наконец, к декабрю 1715 г. в Санкт-Петербурге был сформирован четвертый гарнизонный полк — подполковника Григория Зезевитова. Таким образом, количество гарнизонных частей в Прибалтике достигло 19 полков и 3 батальонов. Данные штаты просуществовали без особенных изменений следующие полстолетия — вплоть до радикальной реформы гарнизонных частей 1764 г. Для отличия от «внутренних» российских гарнизонов указанные части получили общее обозначение «Остзейских» гарнизонных полков и батальонов (за исключением внутреннего Великолуцкого батальона).

В гарнизоне Санкт-Петербурга первым, Комендантским, полком считался полк бывшего плац-майора крепости Чемесова (до 1709 г. — бригадира Фразера). В 1712 г. он был назначен комендантом крепости (при обер-коменданте Брюсе) и возглавлял полк до конца 1717 г. Затем его сменил полковник и комендант Я.Х. Бахмиотов[53]. Второй полк, переведенный из числа армейских, продолжал называться Белозерским и с 1714 г. был известен еще по имени полковника Ильи Лутковского. Только в конце 1715 г. гарнизон был усилен вдвое за счет полков Колтовского, сформированного на основе казанского Губернаторского батальона П.М. Апраксина, и Зезевитова (из рекрутов). В дальнейшем полки меняли только название, а их штатное количество оставалось прежним.

---

50 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т. I. С. 692, 729, 783, 784.

51 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 434.

52 Там же. С. 690–695.

53 *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов... С. 50–60.

На острове Котлин с 1704 г. существовала крепость, по сути, форт Кронштадт, которую поначалу защищал солдатский полк Трейдена (Пермский). В 1710 г. Пермский полк выступил под Выборг и остался в составе действующей армии. Чтобы не ослаблять оборону, на Котлин временно перебросили архангельских рекрутов полковника А.А. Гулица. С 1712 г. оборона крепости была вверена только двум полкам — Островского и Толбугина, — также находившимся на острове с 1704 г.

В Шлиссельбурге вместо двух-трех солдатских полков с 1711 г. находился один новоприборный гарнизонный батальон; тогда же гарнизонный батальон был создан в Кексгольме (бывшей Кореле), причем часть начальных людей перешла туда из Олонца. С 1730-х гг. оба батальона составляли единый гарнизонный полк из числа «остзейских».

Выборг долгое время являлся передовой базой русских войск, действовавших в Финляндии. Поначалу гарнизон возглавлял комендант, назначенный обер-комендантом Брюсом, но с 1714 г. появился отдельный выборгский обер-комендант — командир одного из гарнизонных полков И.М. Шувалов[54]. Уже в 1710 г. в состав гарнизона вошли три полка — Шувалова (бывший псковский полк Шкота), Неклюдова (с 1718 г. Неелова, с 1720 г. Шушерина) и Желтухина (к 1725 г. Карпова). В 1710 г. они были пополнены за счет расформированных ломовского полка князя Ю. Шаховского и рекрутского полка Акима Арсеньева, а в 1712 г. — рекрутского полка Андрея Гулица. Для того времени характерно, что уже в 1710 г. из выборгских гарнизонных полков были выделены роты «в гранадерский баталион», который просуществовал по крайней мере до 1711 г.[55]

В Нарве, которая утратила стратегическое значение, остался один гарнизонный полк обер-коменданта Нарышкина (до 1717 г., когда Нарышкин был назначен московским губернатором). К 1720 г. полк стал называться просто Нарвским гарнизонным[56].

Ревельский гарнизон в 1711 г. возглавил бригадир и комендант Василий Никитич Зотов, а с 1715 г. — обер-комендант Ревельский генерал-майор В.В. фон Делден[57]. Сначала в гарнизон крепости поступил Эстляндский гарнизонный полк подполковника Молчанова — бывшие новгородские

---

54 *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов... С. 56.

55 Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 552.

56 Там же. С. 223, 497.

57 *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов... С. 55; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Гарнизонные войска... Т. I. С. 300; Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Отставные и заполошные чины... Т. I. С. 11, 12 (сказка В. Н. Зотова).

стрельцы. Там же специально для гарнизонной службы был сформирован Ревельский полк Козлова (с 1712 г. Грекова). Третьим полком стал солдатский полк бригадира Василия Зотова из Нарвского гарнизона. В июле 1713 г. полк Грекова был влит в состав полка Зотова, образовав новый Ревельский гарнизонный полк Грекова. В 1715 г. солдатский полк из Казанской губернии бригадира Дмитриева-Мамонова прибыл в Ревель и был переименован в Дерптский гарнизонный полк. Под этими названиями полки Ревельского гарнизона просуществовали до 1764 г.

В Риге и Пернове штатная структура гарнизонов в 6 полков установилась в окончательном виде уже в 1711–1712 гг. В самом городе находилось три солдатских полка — Обер-комендантский Полонского (подполковника Тыртова), Рижский С.Б. Оленина (Аленина) и Губернаторский. В укреплениях на Западной Двине разместились полки Питершанцский и Динамендшанцский, а в Пернове с марта 1711 г. — Перновский гарнизонный полк подполковника Давыдова. В 1712–1714 гг. в рижском гарнизоне помимо армейских полков находился «Собственный солдатский» А.Д. Меншикова, но затем он был раскасован.

ГАРНИЗОННАЯ ПЕХОТА ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ В 1719–1727 ГГ.

В 1719 г. для лучшего ведения дел основные нити гражданской и внутренней военной администрации были переданы из губернских в провинциальные правления. По указу от 29 мая 1719 г. Санкт-Петербургская губерния была поделена на 12 провинций. Во главе губернии находился генерал-губернатор А.Д. Меншиков. Ему же непосредственно подчинялись гарнизоны городов, составлявших первую провинцию Санкт-Петербургской губернии: петербургский, шлиссельбургский и котлинский. Обер-комендантом Выборга, Кексгольма и Нейшлота с уездами «по Неву реку» был назначен полковник И.М. Шувалов — это была вторая провинция. Нарвским обер-комендантом, которому подчинялся Дерпт, стал Ю. Буш (третья или Нарвская провинция). Из Санкт-Петербургской губернии была выделена Ревельская (Эстляндская) губерния, в составе одной провинции, губернатором которой был назначен генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, а вице-губернатором — прежний обер-комендант В.В. фон Делден. Рижская губерния продолжала делиться на две провинции, Рижскую и Смоленскую, но остзейские гарнизоны подчинялись только руководству Рижской провинции. Общая численность остзейских частей в указанных городах и крепостях — 19 полков и 2 батальона солдат. Внутренние части остальных

провинций были немногочисленными, за исключением Великих Лук: там в подчинении коменданта и воеводы полковника Я.Л. Постельникова (начальника пятой провинции Санкт-Петербургской губернии) состоял гарнизонный батальон, офицеры которого служили с поместий и вотчин без жалованья[58].

Санкт-Петербургский гарнизон по данным на 1725 г. включал в себя Генерал-губернаторский (Комендантский), Вице-губернаторский (Колтовского), Кронверкский (Белозерский) и Обер-комендантский (Зезевитова, затем Бухгольца) полки. Умершего как раз в этом году коменданта санкт-петербургской крепости Бахмиотова сменил уже обер-комендант Ю.И. Фаменицын, и это отразилось на названиях и подчинении полков.

В 1727 г. с февраля по ноябрь все полевые и гарнизонные полки назывались по имени провинций, из которых получали содержание. Комендантский полк стал Пошехонским, Белозерский или Кронверкский — «вторым Белозерским», Колтовского — «первым Белозерским», а Бухгольца — Новгородским. Очевидно, что полк Колтовского по каким-то причинам стал считаться выше по списку, чем Белозерский, что отразилось и в следующем переименовании. С ноября 1727 г. санкт-петербургские гарнизонные полки стали называться: Санкт-Петербургский (бывший Комендантский), Невский (бывший Колтовского), Копорский (Белозерский) и Ямбургский (Бухгольца).

На Котлине несли службу два солдатских полка — Островского и Толбугина (затем Левашова). В 1723 г. царь заложил крепость Кронштадт и учредил город-порт с таким же именем. В 1727 г. котлинские полки получили новые названия. Полк Островского — сначала «первый Вологодский», а затем Кронштадтский гарнизонный; полк Левашова — «первый Галицкий», а затем Кронштадтский гарнизонный. Также переименованиям подверглись оба отдельных остзейских батальона — Шлиссельбургский и Кексгольмский: в 1727 г. они с февраля по ноябрь назывались «первым» и «вторым Белозерскими».

Выборгский гарнизон по-прежнему состоял из трех полков. В феврале и ноябре 1727 г. эти гарнизонные части последовательно были переименованы: полк Карпова в «первый Устюжский», а затем в Выборгский гарнизонный, полк Шувалова (Хотяинцева) — во «второй Вологодский», затем Иванегородский гарнизонный, полк Шушерина — во «второй Устюжский», затем Корельский гарнизонный.

[58] ПСЗРИ. Т. V. С. 701–710 (№ 3380).

Нарвским обер-комендантом в 1720-х гг. был Юрий Буш, чей полк (Азовский) находился в этой крепости с самого момента ее завоевания в 1704 г. и до 1710 г. Немецкие жители Нарвы и Дерпта были помилованы и возвращены в свои города, так что в Дерпте также появился «командированный» (сводный, временный) гарнизон. Главой его стал комендант М. Сухотин. Нарвский гарнизонный полк с февраля по ноябрь 1727 г. назывался «первым Калужским», но потом вернул свой прежний титул Нарвского.

В том же 1719 г. была создана Ревельская (Эстляндская) губерния. Воинский гарнизон находился только в самом Ревеле и по-прежнему состоял из трех полков — Ревельского, Эстляндского и Дерптского гарнизонных. Исключением был период с февраля по ноябрь 1727 г., когда эти полки именовались «вторым Калужским» (Ревельский), «Владимирским» (Эстляндский) и «Суздальским» (Дерптский).

Рижская провинция в 1719 г. сохранила границы 1713 г. В ее состав входили Рижский, Венденский, Перновский и Эзельский уезды. В 1722 г. из Нарвской провинции в Рижскую был передан Дерптский уезд. В 1726 г. Смоленская провинция вновь переименована в губернию, и границы Рижской губернии и провинции оказались идентичны. На 1719 г. города Рижской провинции защищали три полка Рижского гарнизона — Губернаторский, Обер-комендантский и Рижский — а также полки в Питершанце, Динамендшанце и Пернове с соответствующими названиями.

К 1725 г. Обер-комендантский рижский полк стал называться Вице-губернаторским. С февраля по ноябрь 1727 г. эти части были временно переименованы, соответственно, в «первый Смоленский», «первый Галицкий», «второй Смоленский», «третий Устюжский», «Архангелогородский» и «третий Вологодский» гарнизонные полки. Потом Генерал-губернаторский полк стал Лифляндским гарнизонным, Вице-губернаторский — Эзельским гарнизонным, Динамендшанцский — Венденским. Остальным полкам вернули прежние наименования[59].

[59] *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1842. Т. II. С. 111, 118, 132.

REFERENCES

1. *Velikanov V.S.* Reorganizatsiya ratnykh lyudey Novgorodskogo razryada v 1700–1707 gg. [Reorganization of military men of the Novgorod razryad (military district) in 1700–1707] // Voyna i oruzhiye: Novyye issledovaniya i materialy. Trudy Tretyey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 16–18 maya 2012 g. [War and Weapons: New research and materials. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference 16–18 May 2012]. SPb., 2012. Part 1. P. 223–230.
2. *Viskovatov A.V.* Istoricheskoye opisaniye odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk [Historical description of the clothes and weapons of Russian troops]. SPb., 1842. Vol. II.
3. *Gulevich S.A.* Chetyrekh-s-polovinoy-vekovaya s 1478 po 1911 g. istoriya 8-go pekhotnogo Estlyandskogo polka [Four-and-a-half-century history of the 8th Estonia Infantry Regiment from 1478 to 1911]. SPb., 1911.
4. Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do serediny XVIII veka [The history of Karelia from ancient times to the middle of the XVIII century]. Petrozavodsk, 1956.
5. *Kurbatov O.A.* K istorii lyudey «starykh sluzhb» v petrovskuyu epokhu: poselennyye i vybornyye soldaty severnykh uyezdov v nachale XVIII veka [On the history of the people of the «old services» in the era of the Peter the Great: the settled and elective soldiers of the northern uezds at the beginning of the XVIII century] // Petr I u istokov rossiyskoy imperii: Materialy Malogo Severnogo Petrovskogo kongressa. Arkhangelsk, 20–23 aprelya 2022 g. [Peter the Great at the origins of the Russian Empire: Proceedings of the Small Northern Petrovsky Congress. Arkhangelsk, 20–23 April 2022]. Arkhangelsk, 2022. P. 198–211.
6. *Maslovskiy D.F.* Sbornik voyenno-istoricheskikh materialov. Izdaniye Voyenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba [Collection of military historical materials. The Military Scientific Committee of the General Staff publication]. SPb., 1892. Issue 1.

7. *Megorskiy B.V.* S Kaspiya na Baltiku: K voprosu ob istorii petrovskoy morskoy pekhoty [From the Caspian to the Baltic: On the question of the history of the Marine Corps of the Peter the Great] // Voyenno-istoricheskiye aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya muzeyefikatsii: III mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (2021; Volgograd) [Military and historical aspects of life in the South of Russia of the XVII — XXI centuries: issues of the study of museumisation: The Third International Scientific and Practical Conference (Volgograd, 2021). Volgograd, 2021. P. 270–277.
8. *Melnov A.V.* Russkaya armiya v Karelii i Ingermanlandii i problema vzaimootnosheniy s mestnym naseleniyem v 1700–1710 gg. [The Russian Army in Karelia and Ingria and the issue of relations with the local population in 1700–1710]. Candidate's thesis. SPb., 2017.
9. Morskiye srazheniya russkogo flota: Vospominaniya, dnevniki, pisma [Naval warfare of the Russian Fleet: Memoirs, diaries, letters]. M., 1994.
10. *Myshlayevskiy A.Z.* Severnaya voyna na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg. (Dokumenty gosudarstvennogo arkhiva) [The Northern War at the Ingria and Finnish theaters in 1708–1714 (Documents of the State Archive)]. SPb., 1893.
11. Ofitserskiye skazki pervoy chetverti XVIII v. Garnizonnyye voyska: Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh / Sost. K.V. Tatarnikov [Officers' tales of the first quarter of the XVIII century. Garrison troops: Collection of documents in 2 volumes / Compiled: K.V. Tatarnikov]. M., 2016.
12. Ofitserskiye skazki pervoy chetverti XVIII veka. Polevaya armiya: Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh / Sost. K.V. Tatarnikov [Officers' tales of the first quarter of the XVIII century. Field Army: Collection of documents in 2 volumes / Compiled: K.V. Tatarnikov]. M., 2015.
13. Ofitserskiye skazki pervoy chetverti XVIII v. Otstavnyye i zapoloshnyye chiny. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh / Sost. K. V. Tatarnikov [Officers' tales of the first quarter of the XVIII century. Retired and unsettled ranks: Collection of documents in 2 volumes / Compiled: K.V. Tatarnikov]. M., 2019.
14. *Polikarpov N.P.* O nekotorykh voyskovykh chastyakh, prinimavshikh uchastiye v «Generalnoy batalii» pod gorodom Poltavoy 27-go iyunya 1709 goda. (Po arkhivnym izyskaniyam) [About some military units that took part in the «General Battle» near the city of Poltava on June 27, 1709. (Based on archival research)] // Voyennyy sbornik [Military collection]. SPb., 1909. No 6. P. 68–79.

15. Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. SPb., 1900. Vol. IV.
16. PSZRI [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. Vol. V.
17. *Rabinovich M.D.* Polki Petrovskoy armii 1698–1725 [Regiments of the Army of the Peter the Great, 1698–1725]. M., 1977.
18. *Rabinovich M.D.* Streltsy v pervoy chetverti XVIII v. [Streltsy in the first quarter of the XVIII century] // Istoricheskiye zapiski AN SSSR [Historical notes of the USSR Academy of Sciences]. M., 1956. Vol. 58. P. 273–305.
19. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. SPb., 1886. Vol. 50.
20. *Slavnitskiy N.R.* Voyennoye upravleniye v gorodakh Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy polovine XIX v. i ego osobennosti v Sankt-Peterburge [Military administration in the cities of the Russian Empire of the XVIII — first half of the XIX centuries and its peculiarities in St. Petersburg] // Zashchitniki Otechestva [Defenders of the Motherland]. Arkhangelsk, 2008. Issue 11. P. 123–138.
21. *Slavnitskiy N.R.* Funktsii komendantov i ober-komendantov krepostey v gody Severnoy voyny [Functions of fortresses commandants and chief commandants during the Northern War] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal [St. Petersburg Historical Magazine], 2018. No 2(18). P. 50–59.
22. Tetrati zapisnyya... Petra Velikago 1704, 1705 i 1706 godov [Peter the Great's notebooks of 1704, 1705 and 1706]. SPb., 1774.

Ключевые слова:

Россия, Швеция, Северная война, Пётр I, гарнизоны, русская армия, пехота.

Oleg A. Kurbatov

GARRISONS OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA (1699–1727)

As in the case of a strategically important region of the era of the Great Northern War of 1700–1721, the north-western regions of Russia and the «Baltic provinces» conquered from Sweden, the article examines the process of transforming the old infantry of the Russian army and integrating it into the new structures of the armed forces. The primary focus is on the history of individual regiments — Marksman(if the marksmen were a specialized title, it should be capitalized, if they were another unit within the army, they should be lower case,like infantry,horsemen, etc.), soldiers, naval — both during their active formation (in 1706–1711) and in the process of being reduced to a staffing structure in 1711, with subsequent transformations until the time of Peter the Great.

Key words: Russia, Sweden, Great Northern War, Peter the Great, Garrisons, Russian Army, Foot Troops.

Oleg A. Kurbatov — Ph.D. in History, stuff member of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), member of expert council of RusRecon.

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, сотрудник РГАДА,
член экспертного совета ООД Росрекон

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.008

И.Ю. Кудряшов

БАЗА ДАННЫХ ПОЛКОВ ФРАНЦИИ

В рамках проекта Руниверс создается база данных полков и отдельных частей вооруженных сил Франции с 1660 по 1914 г. База состоит из нескольких таблиц и включает в себя список всех полков и отдельных частей вооруженных сил, их состав, штатную численность, а также ежегодные данные о дислокации и участии в кампаниях на разные периоды времени. Как известно, полки иногда меняли свое название, оставаясь по сути той же воинской частью. Нередко изменение названия было вызвано сменой шефа полка или даже номера. При этом сама воинская часть не претерпевала каких-либо изменений. Поэтому каждому полку присвоено техническое название, под которым он значится в таблицах. Для точного обозначения данного полка на выбранную дату имеется отдельная таблица, которая позволяет увидеть, как и когда воинская часть меняла свое название. Таблицы создаются и для отражения штатной численности и состава воинской части (количество батальонов или эскадронов в его составе).

При заполнении таблицы участия полка в кампаниях указывается, какая часть полка участвовала в кампании: многие полки в 1809–1814 гг. могли входить отдельными батальонами в состав армии в Испании, Ита-

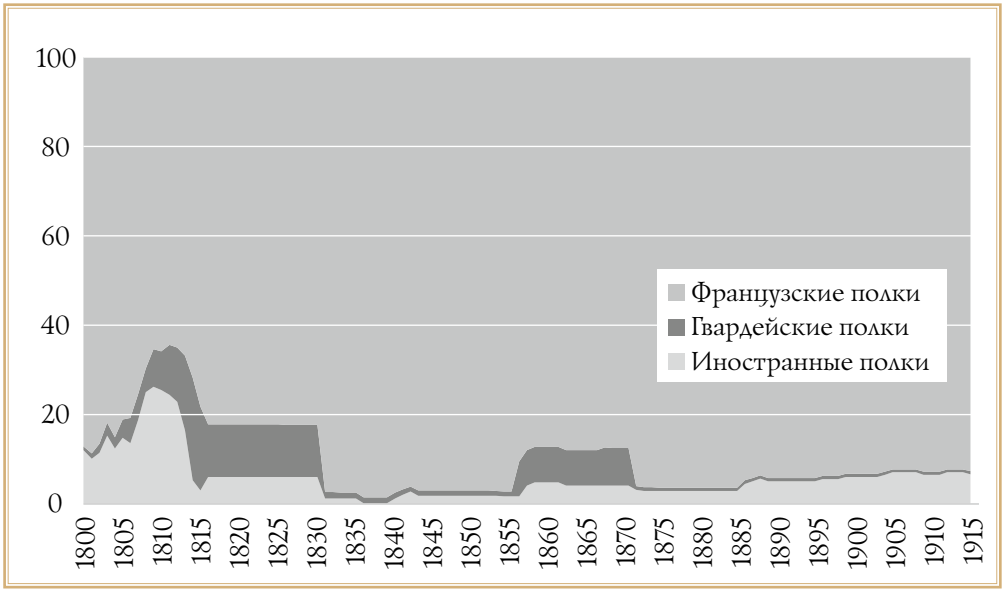


График 1. Процент линейных «французских», гвардейских и иностранных полков в составе вооруженных сил в 1800–1914 гг.

лии и Германии в одно и то же время. Поэтому в данных таблицах присутствуют две сводные итоговые цифры по каждой кампании — одна отражает количество полков, части которых участвуют в кампании, а другая показывает средневзвешенное количество условных полков в зависимости от участия в кампании каждого из них.

Для мирного времени до 1792 г. и после 1815 г. во многих случаях имеется возможность установить точное местонахождение каждого из полков, для чего создана отдельная таблица. Так как в этот период существовало очень большое количество воинских частей, то для удобства работы таблицы разделены не только на исторические периоды, но и по родам войск. Отдельно описаны волонтерские батальоны 1791–1795 гг. (каждый из 83 департаментов отдельно), полки гвардии и иностранные части на французской службе. В последнем случае учтены только те части, которые формально входили в состав вооруженных сил королевства/республики/империи. При этом не учтены союзные войска и те, что напрямую зависели от Франции, но формально не входили в состав ее армии. Таким образом, не учитывается армия Итальянской республики и королевства, где Наполеон Бонапарт сначала был президентом, а затем королем.

Таблицы сформированы по следующим категориям:

- названия полков и их изменения;
- состав части и штатная численность по годам;

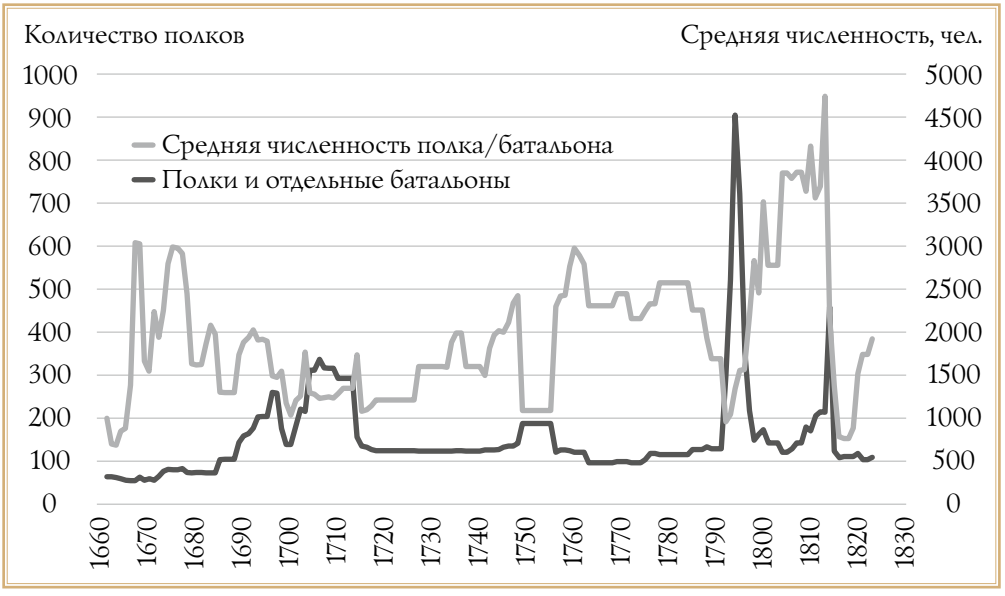


График 2. Количество полков и средняя численность в 1661–1823 гг.

- участие полка в кампаниях;
- дислокация полков по годам.

Таблицы предполагается использовать не только по отдельности, хотя это также возможно, но и для создания уникальной базы данных, где информацию можно получить из ячеек различных таблиц.

База «Названия полков и их изменения»

Каждая воинская часть, рассматриваемая как уникальная, получает уникальное техническое имя для унификации, под которым она будет занесена в базу данных. В данной таблице по годам внесены полные названия воинской части при изменении этих названий. Например, в 1803 г. полубригады пехоты были переименованы в полки. Но поскольку это было только переименование, воинская часть значится в базе под одним и тем же техническим именем.

База «Состав части и штатная численность по годам»

Структура таблицы идентична таблицам, созданным для других стран Европы. Для каждого года указаны штатная численность воинской части на начало года или на дату создания (если это первый год существования), а также состав части в батальонах (пехота) и эскадронах (кавалерия). Однако в связи с большим количеством переформирований и в целях избегания двойного учета был принят принцип взвешенного участия. Например, если полубригада была сформиро-

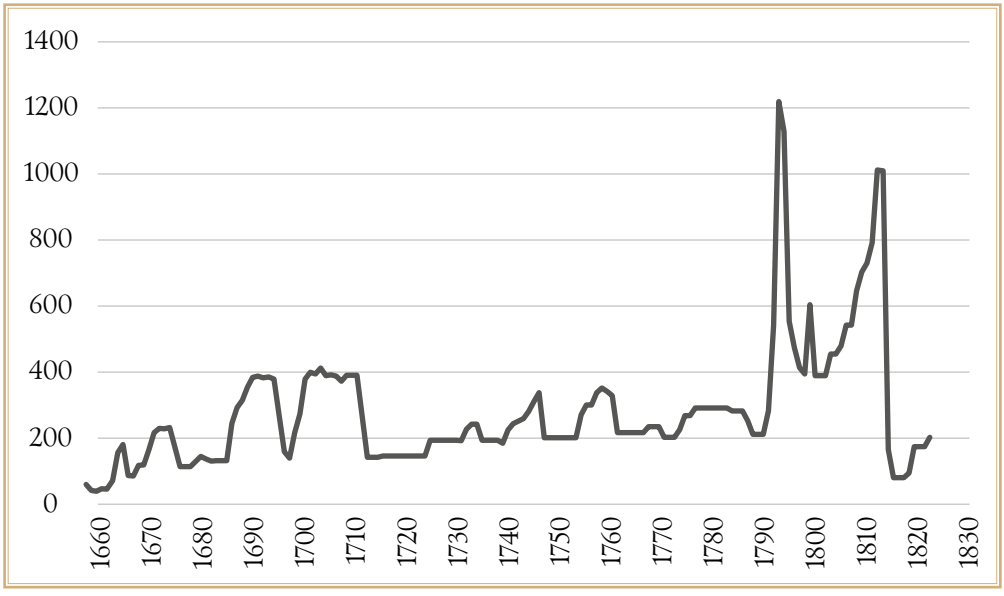


График 3. Штатная численность французской пехоты в 1661–1823 гг., тыс. чел.

вана из трех отдельных батальонов в начале 1793 г., то эти батальоны не показаны в колонке «1793», а полубригада показана. Если же полубригада создана в конце года, то, наоборот, все три батальона будут показаны в таблице под 1793 г., а полубригада появится только под 1794 г.

База «Участие полка в кампаниях»

В базе данных есть единый утвержденный список кампаний, и воинские части привязаны к ним, чтобы зафиксировать их участие. Участие каждого полка отражено единицей («1»). Однако после начала войны на Пиренейском полуострове 1808 г. некоторые полки участвовали в нескольких кампаниях частично: один батальон мог быть в Испании, один в Италии, а два сражаться в России. В таких случаях в таблицу вносится дробное число: «¼» означает, что один из 4 батальонов полка принял участие в данной кампании. Это позволяет не только точнее оценить участие вооруженных сил страны на разных участках, но и проследить путь и историю каждой отдельной воинской части.

База «Дислокация полков по годам»

В таблице сведены данные о местонахождении каждой воинской части Франции на начало каждого года. К сожалению, не представляется возможным проследить эти данные за все время, а только в мирный пе-

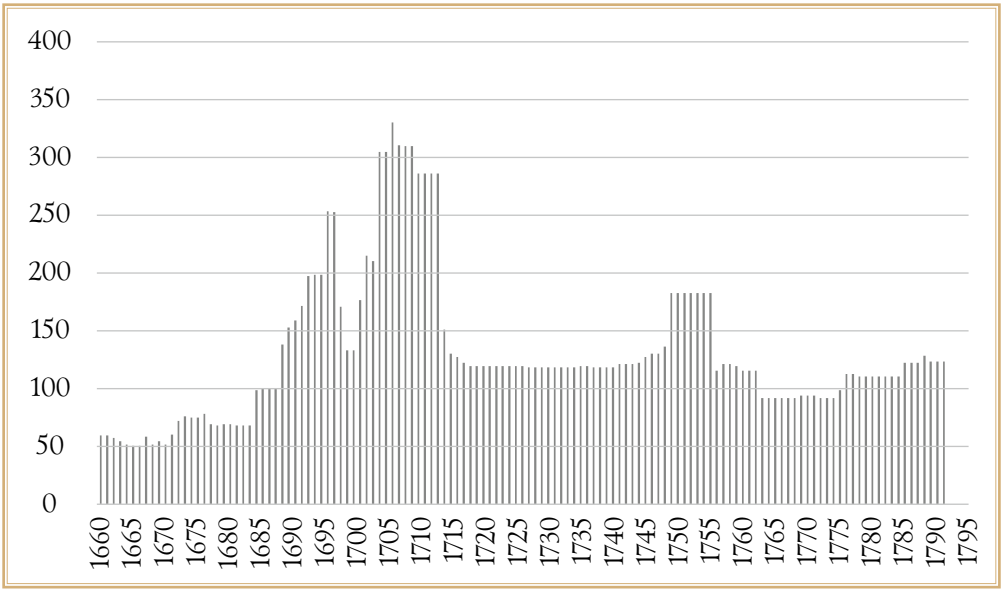


График 4. Французские пехотные полки королевской армии до Французской революции

риод до начала революционных войн, и в период после 1817 г. с небольшим перерывом на период Франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда армию Франции постигла катастрофа.

База данных полков французской армии уникальна по объему и полноте обработанных данных, а также по охваченному периоду. Полной базы полков Старого порядка не существует. Подробно описаны только полки, существовавшие к концу Старого порядка, а сводные справочники конца XIX в. касаются только тех полков, которые существовали в этот период и могут проследить свою традицию от полков предыдущих периодов. При этом традиция выявляется довольно специфическим методом, далеким от точного отслеживания преемственности. В данной базе тема преемственности не отслеживается, но она может стать целью следующего этапа исследования, для чего данная база может послужить основой.

База данных полков французской армии отличается в первую очередь большим количеством объектов исследования (около двух тысяч единиц). Например, пехота была несколько раз полностью переформирована в течение 1792–1815 гг. Всю же историю воинских частей можно разделить на три этапа: армия Старого порядка (Ancien Régime), армия периода эпохи Французской революции и Первой империи Наполеона, армия XIX в. При этом французская армия хорошо изучена, поскольку эта страна оставалась долгое время ведущей военной державой на европейском континенте.

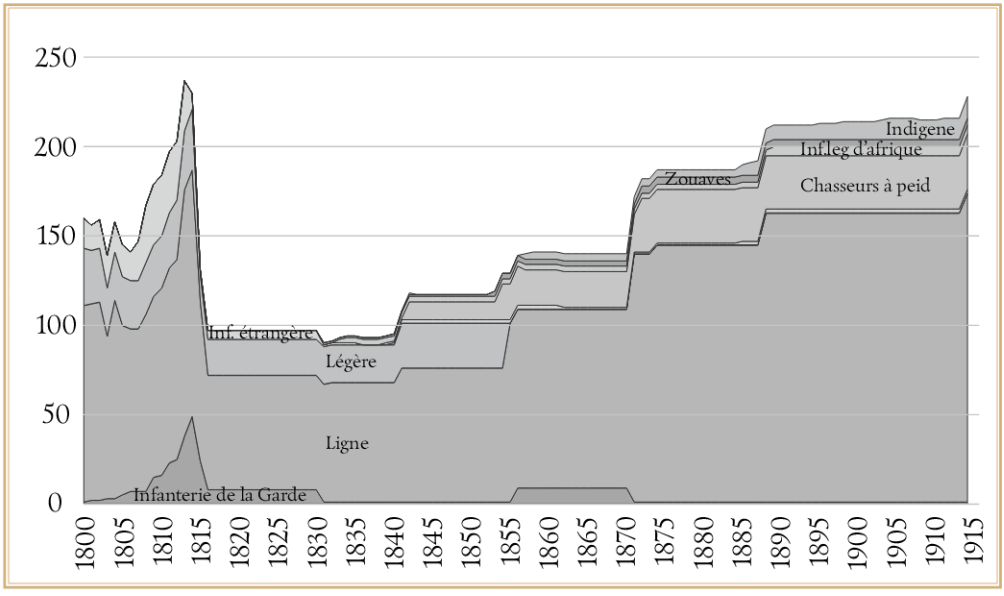


График 5. Количество пехотных полков и отдельных батальонов Франции 1800–1914 гг.

Заметный рост населения страны и военного бюджета в XVIII в. позволил королевской, республиканской и императорской Франции создать настолько большие вооруженные силы, что только объединение практически всех стран Европы против Франции смогло привести к ее поражению. Значительный человеческий и финансовый ресурс был в наибольшей мере реализован в период Революционных и Наполеоновских войн 1792–1815 гг., в ходе которых армия претерпела целый ряд изменений и реформ, что привело к созданию большого числа новых воинских частей. Саму же историю французских полков можно разделить на три этапа:

1. Армия Старого порядка

Во время правления Людовика XIV было создано большое количество полков (около 400), так как это был период многочисленных войн и становления постоянной армии. Впоследствии многие части были расформированы и влиты в оставшиеся полки. К моменту Французской революции армия насчитывала сотни пехотных и кавалерийских полков, не считая гвардии. В течение большей части этого периода части носили названия по географическим пунктам или фамилиям полковых шефов. Незадолго до начала революции полкам были присвоены номера, но после ее начала некоторые полки сменили свои номера. Это было связано с тем, что один из пехотных полков (23-й полк Короля) был расформирован и создан заново, а полки с номерами выше 24-го сместились вверх

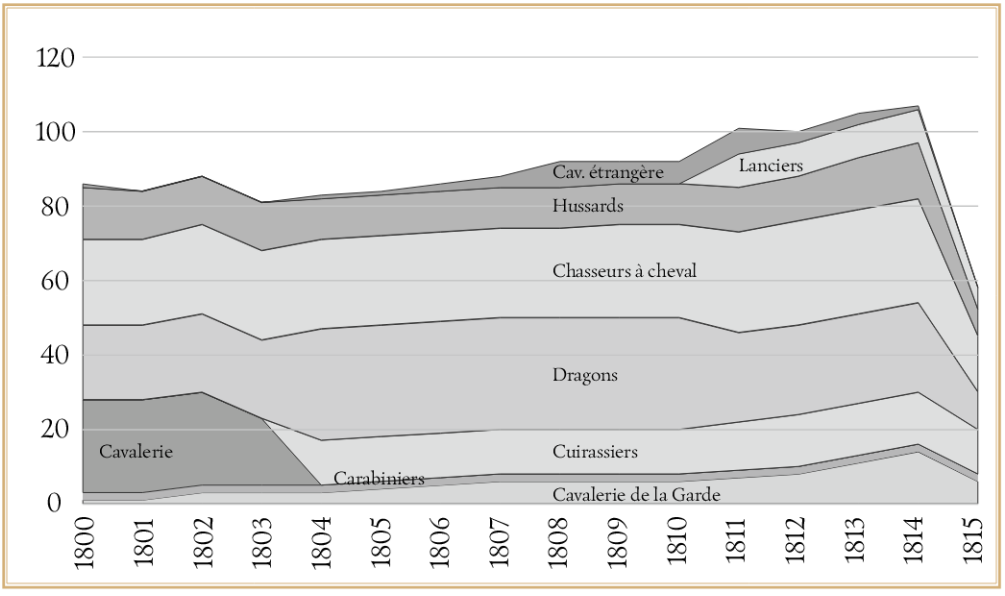


График 6. Количество кавалерийских полков Франции 1800–1815 гг.

по линии номеров. Похожая история, но по другой причине, произошла с гусарскими полками, потому что 4-й полк эмигрировал, был вычеркнут из списков, а номера у 5-го, 6-го и 7-го полков сместили на единицу.

2. Революция и империя

Этот период характеризуется полным исчезновением прежних пехотных частей, увеличением и переформированием кавалерийских полков. Сначала было сформировано больше тысячи отдельных волонтерских батальонов, которые затем были объединены со «старыми» полками в 300 полубригад 1-го формирования. Затем уже эти полубригады сведены в новые 120 полубригад уже 2-го формирования. Кавалерийские полки остались те же, что и при Старом порядке, лишь увеличилось их количество. При Наполеоне появилась гвардия, включавшая в себя на пике около 60 полков.

3. Постнаполеоновский период

После падения Наполеона вся армия была переформирована. Старые полки были распущены и созданы новые. Именно эти новые полки с некоторыми дополнениями и небольшими изменениями просуществовали до 1914 г.

В конце XIX в. на фоне роста интереса к истории возник запрос на историю воинских частей, включая выявление исторической преем-

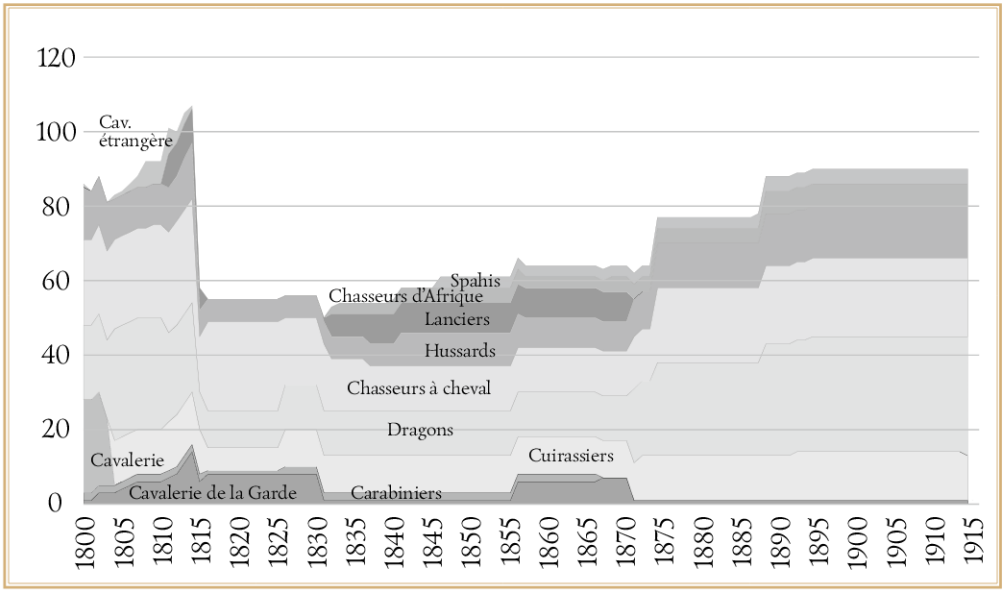


График 7. Количество кавалерийских полков Франции 1800–1914 гг.

ственности между «старыми» и существующими в то время частями. В связи со сложной системой переформирования вооруженных сил традиционная французская историография начала прослеживать историю полков не только по цепочке их формирования, но и по номеру, избегая сложных исследований преемственности по личному составу частей. Например, в истории 8-го пехотного полка[1], изданной в 1899 г., описана история полка Auxerrois (ставшего 8-м) в 1776–1792 гг., затем 8-й линейной полубригады (полка) в 1796–1815 гг., 8-го департаментского легиона 1815–1820 гг. и, наконец, 8-го пехотного полка 1820–1899 гг. При этом четыре указанные части не имели между собой ничего общего, кроме присвоенного номера. Подобная «традиция» просматривается во всех полковых историях без исключения — и в сводных справочниках конца XIX в., и в более современных изданиях [2].

Организационные изменения в армии происходили непосредственно во время войны, поэтому точную дату создания, например, полубригады из трех отдельных батальонов, назвать не представляется возмож-

---

1 *Jeanneney L. –V. –A.* Glorieux passé d'un régiment (1562–1899): Champagne, Ponthieu, Austrasie, 8e régiment d'infanterie, 8e demi-brigade de ligne, 8e régiment d'infanterie de ligne, régiment de Condé, 8e d'infanterie de ligne, 8e régiment d'infanterie de ligne, 8e régiment d'infanterie. Calais, 1899.

2 *Smith D.* Napoleon's Regiments: Battle Histories of the Regiments of the French Army, 1792–1815. London: Greenhill Books, 2000. Статьи *Broughton T.* The Regiments: на сайте The Napoleon Series.

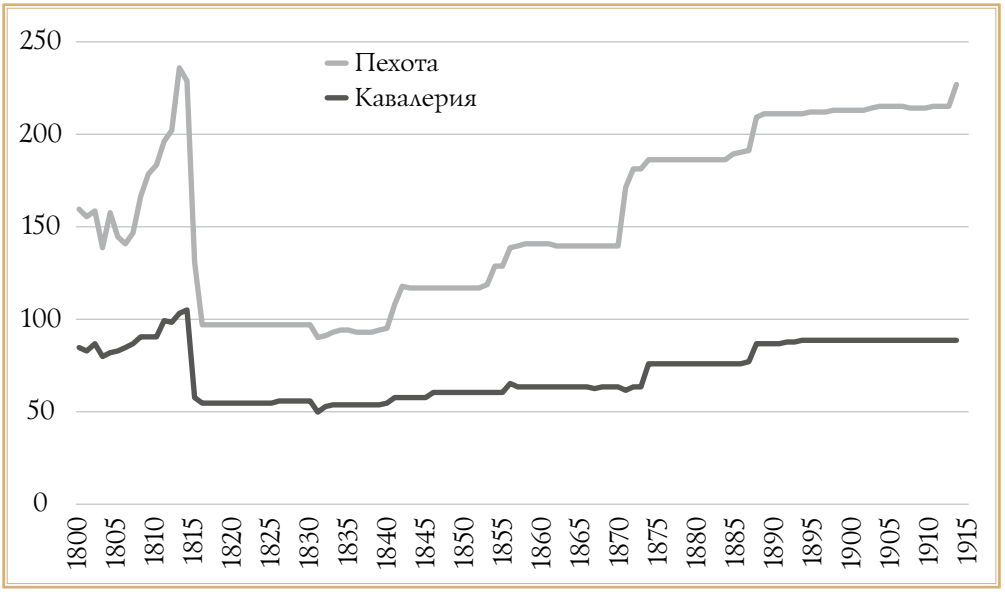


График 8. Количество пехотных и кавалерийских полков Франции 1800–1914 гг.

ным. И даже несмотря на то, что для каждого подразделения существует точная дата (день) образования, невозможно сказать, насколько этой дате можно доверять. С уверенностью можно указать только год и примерный месяц. Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, в которой в одной и той же кампании участвуют три отдельных батальона (в начале кампании) и созданная из них полубригада (в конце кампании). Похожая ситуация встречается во время войны на Пиренейском полуострове 1808–1813 гг. В таких случаях мы субъективно оценивали, кто участвовал в кампании большее время года, и именно участие этой части (частей) указывается в базе данных.

Еще на стадии подготовки к работе над базой данных был составлен и согласован единый список конфликтов и военных кампаний для периода 1660–1914 гг. в Европе, и для каждой воинской части было отмечено участие в той или иной кампании. Единство данного списка для баз полков разных стран позволяет проследить не только степень вовлеченности изучаемой страны в конфликт (процент полков от их общего числа), но и сравнить степень вовлеченности по странам как в абсолютных числах, так и в относительных, когда можно сравнить вышеуказанный процент у разных стран. Так, например, становится очевидным, что почти полное участие армий Испании и Португалии в кампаниях на Пиренейском полуострове 1808–1814 гг. происходит наряду с участием в них от одной до двух третей армии Великобритании, а Франция прилагает здесь примерно одну четверть (если не меньше) всех своих военных усилий.

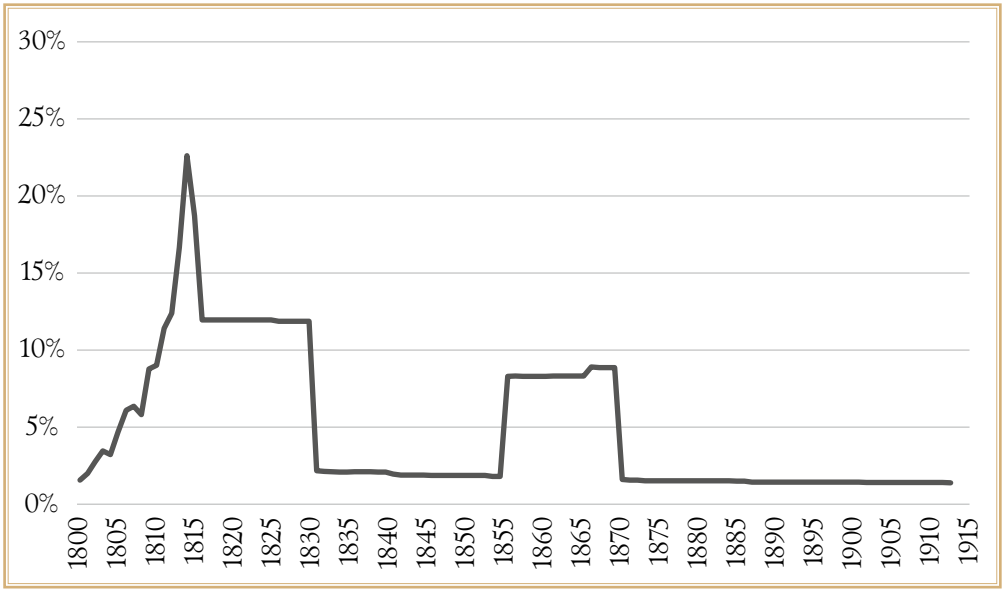


График 9. Процент гвардейских полков в составе французской армии 1800–1914 гг.

Полки королевской армии Старого порядка (в том числе состоявшие на французской службе немецкие, итальянские, швейцарские и др.) часто меняли свои названия, а система в этом вопросе устоялась только накануне революции 1789 г., когда каждый полк имел номер, а французские еще и постоянное «географическое» название. В базе эти полки представлены своим последним названием и номером на начало революции. До этого полки часто меняли свое название по имени командира или шефа полка. Некоторые из этих полков были расформированы и не дожили до присвоения «постоянного» названия и номера. В таком случае они представлены в базе по имени последнего шефа полка на момент расформирования. Для распознавания полка, его участия в кампаниях, а также для погодового состава армии отдельно создана таблица с названиями полка и их изменениями.

Пехотные полки старой королевской армии были расформированы в начале революционных войн, и их батальоны по одному включались в состав новых полубригад (аналог полка в армии республиканской Франции). Фиксация истории конкретного полка завершается на этом этапе, и для исследования истории новых полубригад создается новая таблица. Когда полубригады 1-го формирования были включены в состав новых полубригад 2-го формирования, для них также была создана отдельная таблица. Однако, когда эти полубригады получили в 1803 г. названия полков, они отслеживались в той же таблице, поскольку переименование не затронуло их состав и характеристики.

Несколько проще выглядит ситуация с кавалерийскими полками, потому что полки королевской армии продолжали существовать и во время революционных и Наполеоновских войн, не подвергаясь существенным организационным изменениям. Тем не менее здесь необходима новая строка в таблице (при переформировании полка в новую часть с новыми характеристиками): так, в 1803 г. все Кавалерийские полки (название частей тяжелой кавалерии во Франции) были переформированы частично в кирасирские, а частично в драгунские. В 1811 г. были созданы шесть шеволежерских полков из бывших полков драгун и конных егерей. В обоих случаях прекращается отслеживание истории старого полка, а в базе данных создается строка с новым полком, потому что, в отличие от переименованных в 1803 г. пехотных полков, эти кавалерийские полки меняли свой состав, предназначение, а зачастую и штатное расписание.

Для иностранных формирований, находившихся на службе во Франции в период Революции и Империи, а также для Консульской/Императорской гвардии, были созданы отдельные таблицы, так как они представляли собой значительную и отдельную часть вооруженных сил. Для более раннего (королевского) периода и более позднего (постнаполеоновского) иностранные контингенты не выделены в отдельную таблицу, поскольку они были органично вплетены в структуру (как пехотные, так и кавалерийские иностранные полки имели сквозную нумерацию с французскими полками) при Старом порядке, а при режимах 1815–1914 гг. оставались сравнительно немногочисленными.

При создании базы было проведено большое количество работы по изучению истории волонтерских батальонов 1791–1796 гг. Один из них пережил все организационные реформы и сохранился до 1811 г., в то время как большинство вошло в состав полубригад 1-го формирования в 1793 г. Несмотря на столь короткий период существования и участие в двух–трех кампаниях, их общее количество (около 1000) потребовало длительного исследования. Для каждого департамента была создана отдельная таблица, где прослеживается участие всех выставленных этим департаментом волонтерских батальонов. Сам же 1792–1794 гг. характеризуется большим количеством различных формирований, порой эфемерных и существовавших только на бумаге. По этой причине сформированную базу можно считать полной достаточно условно. Но тем не менее она охватывает практически все действительно существовавшие и значимые военные части этого времени.

После падения империи Наполеона вся пехота была «пересобрана» заново: солдаты и офицеры были распределены по новым частям, которые получили наименования Департаментских легионов. Поскольку у них была своя отдельная нумерация и наименование по департаментам Франции, то они выделены в отдельную таблицу. Переформирование этих Департаментских легионов в полки линейной и легкой пехоты в 1820 г. положило начало уже непрерывной истории частей. Исключение составили полки легкой пехоты, которые в 1854 г. были переформированы в линейные. Кавалерия, как привилегированный род войск, в 1815 г. не была расформирована и сохранила традиции старых полков наполеоновской империи, Революции и эпохи Старого порядка. Тем не менее для упрощения работы над базой для этих полков также созданы отдельные таблицы для всех трех периодов.

При составлении базы данных использовались многочисленные источники по истории французской армии. Основным источником являлся ежегодно издаваемый очень подробный справочник по состоянию армии с 1758 по 1936 г.[3] (с небольшими перерывами), в котором указаны все воинские части, их командиры и места дислокации (с 1773) на данный год. Зачастую в справочнике также указывался состав полка (количество батальонов), а в изданиях XIX в. указывалась даже дислокация отдельных батальонов (если это имело место). Однако в периоды больших военных конфликтов издание справочника было приостановлено. Так, он не издавался весь период революционных и Наполеоновских войн с 1793 по 1815 г., а также во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Кроме того, он не охватывает период до 1758 г.

Пятитомная «История пехоты» подполковника Бельомма[4] содержит объемный справочный материал по составу и штатным расписаниям полков вплоть до начала XX в. Иностранные полки описаны в двух-

---

[3] État militaire de France pour l'année ... 1758–1793. Paris, 1758–1793. Annuaire de l'état militaire de France pour l'année ... 1819–1847. Paris: Berger-Levrault, 1819–1847. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1848–1853: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1848–1853. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1854–1870: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1854–1870. Annuaire officiel de l'Armée française, pour ... 1873–1914. Paris: Berger-Levrault, 1873–1914.

[4] *Belhomme V.L.J.F.* Histoire de l'infanterie en France. Tomes I–V. Paris/Limoges: Charles-Lavauzelle, 1893–1902.

томном труде Эжена Фьеффэ «История иностранных войск на службе Франции»[5].

Источники по армии Старого порядка

В первую очередь это вышеназванный справочник, который издавался в 1758–1793 гг. под названием État militaire de France[6]. Также значительный интерес представляют классические сочинения Луи Сюзана по истории пехоты, кавалерии и артиллерии[7], а также второй том «Истории пехоты» подполковника Бельомма[8], который охватывает период от правления Людовика XIV до Революции 1789 г. Первый том «Истории иностранных войск на службе Франции» полностью посвящен периоду Старого порядка[9].

Источники по армии периода Революции и Империи

Лакуну 1793–1815 гг. отчасти закрывает издававшийся общегосударственный справочник в 1793–1804 гг., носивший название Национального, а с 1805 г. Императорского Альманаха[10]. Он не такой подробный, как Annuaire, и не содержит данных о многочисленных иностранных формированиях на французской службе.

Таким образом, для периода 1792–1815 гг. не существует единого источника, который мог бы служить основой для составления базы данных. С другой стороны, период революционных и Наполеоновских войн традиционно вызывает большой интерес у историков и не существует недостатка в более поздних исследованиях. Большую работу проделал подполковник Брао — в таблицах, приложенных к трехтомной «Истории французской армии» Адриена Паска-

---

5 *Fieffé E.* Histoire des troupes étrangères au service de France depuis leur origine jusqu'à nos jours, et de tous les régiments levés dans les pays conquis sous la première république et l'empire. 2 volumes. Paris: Librairie Militaire, 1854.

6 État militaire de France pour l'année ... 1758–1793. Paris, 1758–1793.

7 *Susane L.* Histoire de l'ancienne infanterie française. Tome I–VII. Paris: Librairie J. Corréard, 1849–1856; *Susane L.* Histoire de la cavalerie française. Tome I–III. Paris: J. Hetzel et Cie, 1874.

8 *Belhomme V.L.J.F.* Histoire de l'infanterie en France. Tome II. Paris/Limoges: Charles-Lavauzelle, s.a.

9 *Fieffé E.* Histoire des troupes étrangères au service de France depuis leur origine jusqu'à nos jours, et de tous les régiments levés dans les pays conquis sous la première république et l'empire. Volume 1. Paris: Librairie Militaire, 1854.

10 Almanach national de France .... 1793–An XII. Paris: Testu, 1793–An XII (1804). Almanach Impérial pour l'année... An XIII (1805) — 1813. Paris: Testu, An XIII (1805) — 1813.

ля[11], где содержатся описание и история всех полков с 1792 по 1850 г. Его истории полков не очень подробны, но зато охватывают весь период, не оставляя лакун. Также существуют более современные справочники Дигби Смита и списки полков, составленные Тони Брайтоном, на сайте napoleon-series.org. Дополняя друг друга, они имеют один существенный недостаток — в них прослеживается история полков по их номерам и не делаются различия между полками Королевской армии и полубригадами 1-го и 2-го формирования.

Большой объем данных по армии периода революционных войн присутствует на сайте revolutionsehri.wordpress.com, который создан Обществом изучения Революционной и Императорской истории SEHRI (la Société d'Etudes Historiques Révolutionnaires et Impériales)[12]. Также полезными могут оказаться сборники документов по истории волонтерных батальонов, особенно составленный Эженом Дебри, который содержит полный список волонтерных батальонов с датами их формирования и участия в кампаниях[13]. Из современных авторов следует отметить Джорджа Нафзайгера, автора многотомного сочинения по армиям эпохи 1792–1815 гг. В нем Франции уделено пять отдельных томов[14]. Также интересна его коллекция боевых расписаний для периода XVI–XX вв.[15]

Источники по постнаполеоновскому периоду

Данные по периоду 1815–1914 гг. достаточно упорядочены, и только катастрофа 1870–1871 гг. требует отдельного разбирательства. Большие справочники содержат информацию о дислокации полков, о штатных расписаниях и участии в кампаниях. Главный недостаток этих справочных изданий состоит в том, что они прослеживают историю полков

---

11 *Brahaut G.N.* Tableaux synoptiques représentant l'organisation des armées aux diverses époques et le résumé des campagnes de chaque corps. — В книге: *Pascal A.* Histoire de l'armée et de tous les régiments depuis les premiers temps de la monarchie française jusqu'à nos jours. T. 2–3. Paris: Dutertre, 1860–1864.

12 Les armées de ligne de la Révolution. Un projet de la SEHRI (la Société d'Etudes Historiques Révolutionnaires et Impériales). URL: https://revolutionsehri.wordpress.com

13 *Déprez E.* Les volontaires nationaux (1791–1793): étude sur la formation et l'organisation des bataillons, d'après les archives communales et départementales. Publié sous la direction de la section historique de l'état-major de l'armée. Paris: librairie militaire Chapelot, 1908.

14 *Nafziger G.F.* Royal, Republican, Imperial. A History of the French Army from 1792–1815. Volumes I–V. Ohio, 1997.

15 *Nafziger G.F.* The Nafziger Collection of Napoleonic Orders of Battle. URL: https://www.napoleon-series.org/resources/the-nafziger-collection-of-napoleonic-orders-of-battle

только до даты их составления. Главный источник, который позволяет проследить состав армии и дислокацию частей вплоть до 1914 г. — это ежегодный Annuaire[16]. 5-й том «Истории пехоты» Бельомма[17] содержит информацию о штатном расписании полков до 1900 г., а «История частей французской армии»[18] содержит информацию об участии полков в кампаниях вплоть до 1900 г. Однако использование данного справочника для более ранних периодов не представляется продуктивным, поскольку он содержит данные только о существовавших на 1900 г. полках.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

[16] Annuaire de l'état militaire de France pour l'année ... 1819–1847. Paris: Berger-Levrault, 1819–1847. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1848–1853: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1848–1853. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1854–1870: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1854–1870. Annuaire officiel de l'Armée française, pour ... 1873–1914. Paris: Berger-Levrault, 1873–1914.

[17] *Belhomme V.L.J.F.* Histoire de l'infanterie en France. Tome V. Paris/Limoges: Charles-Lavauzelle, 1900

[18] Historiques des corps de troupe de l'armée française: 1569–1900. Paris: Berger-Levrault, 1900.

REFERENCES

1. Almanach Impérial pour l'année... An XIII (1805) — 1813. Paris: Testu, An XIII (1805) — 1813.
2. Almanach national de France .... 1793–An XII. Paris: Testu, 1793–An XII (1804).
3. Annuaire de l'état militaire de France pour l'année ... 1819–1847. Paris: Berger-Levrault, 1819–1847.
4. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1848–1853: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1848–1853.
5. Annuaire militaire de la République française pour l'année ... 1854–1870: publié sur les documents communiqués par le Ministère de la guerre. Paris: Berger-Levrault, 1854–1870.
6. Annuaire officiel de l'Armée française, pour ... 1873–1914. Paris: Berger-Levrault, 1873–1914.
7. *Belhomme V.L.J.F.* Histoire de l'infanterie en France. Tomes I–V. Paris/Limoges: Charles-Lavauzelle, 1893–1902.
8. *Brahaut G.N.* Tableaux synoptiques représentant l'organisation des armées aux diverses époques et le résumé des campagnes de chaque corps. — В кн.: *Pascal A.* Histoire de l'armée et de tous les régiments depuis les premiers temps de la monarchie française jusqu'à nos jours. Tome 2–3. Paris: Dutertre, 1860–1864.
9. *Brnardic V.* Napoleon's Balkan Troops. Coll. «Men-At-Arms» No 410. London: Osprey Publishing, 2004.
10. *Broughton T*, FINS.
    – French Infantry Regiments and the Colonels who Led Them: 1791 to 1815
    – French Cavalry Regiments and the Colonels Who Led Them 1791–1815
    – French Light Infantry Regiments and the Colonels who Led Them: 1791 to 1815
    – Napoleon's Imperial Guard: 1792–1815
    – Regiments d'Infanterie Etrangers and the Colonels who led them during the period 1804-1815
    – Auxiliary Regiments in the Service of France and the Colonels who led Them during the period 1804–1815
    https://www.napoleon-series.org/military-information/organization-strategy-tactics/#france
11. *Chassin C.-L., Hennet L.* Les volontaires nationaux pendant la Révolution: documents tirés des archives de la guerre et des archives nationales. Historique militaire et états du service des huit premiers bataillons de Paris, levés en 1791 et 1792. Tomes 1–3. Paris: L. Cerf / Noblet, 1899–1906.

12. *Corvisier A.* État-major de l'armée de Terre. Service historique. Les contrôles de troupes de l'Ancien Régime: Contrôles des troupes conservés aux Archives de la Guerre. Tome 2: Infanterie. Tome 3: Troupes à cheval, artillerie, milices, gardes françaises, troupes suisses, compagnies d'invalides, troupes des colonies et de la marine. 1970.
13. *Dempsey G.* Napoleon's Mercenaries: Foreign Units in the French Army Under the Consulate and Empire, 1799 to 1814. London: Greenhill Books, 2002.
14. *Déprez E.* Les volontaires nationaux (1791–1793): étude sur la formation et l'organisation des bataillons, d'après les archives communales et départementales. Publié sous la direction de la section historique de l'état-major de l'armée. Paris: librairie militaire Chapelot, 1908.
15. État militaire de France pour l'année ... 1758–1793. Paris, 1758–1793.
16. État militaire de la république française, pour l'an douze ... Par l'adjudant commandant Champeaux. Paris, 1804.
17. *Fieffé E.* Histoire des troupes étrangères au service de France depuis leur origine jusqu'à nos jours, et de tous les régiments levés dans les pays conquis sous la première république et l'empire. 2 volumes. Paris: Librairie Militaire, 1854.
18. *Hennet L.C.* Etat militaire de France pour l'année 1793. Paris, 1903.
19. Historiques des corps de troupe de l'armée française: 1569–1900. Paris: Berger-Levrault, 1900.
20. Les armées de ligne de la Révolution. Un projet de la SEHRI (la Société d'Etudes Historiques Révolutionnaires et Impériales). URL: https://revolutionsehri.wordpress.com
21. *Nafziger G.F.* Royal, Republican, Imperial. A History of the French Army from 1792–1815. Volumes I–V. Ohio, 1997.
22. *Nafziger G.F.* The Nafziger Collection of Napoleonic Orders of Battle. URL: https://www.napoleon-series.org/resources/the-nafziger-collection-of-napoleonic-orders-of-battle/
23. *Rousset C.* Les volontaires 1791–1794. Paris: Didier & Cie, 1870.
24. *Smith D.* Napoleon's Regiments: Battle Histories of the Regiments of the French Army, 1792–1815. London: Greenhill Books, 2000.
25. *Susane L.* Histoire de l'ancienne infanterie française. Tome I–VII. Paris: Librairie J. Corréard, 1849–1856.
26. *Susane L.* Histoire de la cavalerie française. Tome I–III. Paris: J. Hetzel et Cie, 1874.
27. *Tessin G.* Die Regimenter der europäischen Staaten im Ancien régime des XVI. bis XVIII. Jahrhunderts. Teil 1. Die Stammlisten. Osnabrück: Biblio Verlag, 1986.

Ключевые слова:

Франция, вооружённые силы, база данных, военная история, кампания, штатная численность, дислокация.

Ilya Yu. Kudryashov

DATABASE OF THE FRENCH REGIMENTS

The article describes the scientific database of regiments and individual units of the French armed forces from 1660 to 1914, created as part of the Runivers project on military history. The database consists of several tables and includes a list of all regiments, their composition, staffing, as well as annual data on deployment and participation in campaigns. Due to changes in the names of military units, each regiment has been assigned a technical name, under which it appears in the tables. For the exact designation of this regiment on the selected date, there is a separate table that allows you to see how and when the military unit changed its name. The tables also contain information about the staffing and composition of military units (the number of battalions or squadrons in its composition), the participation of regiments in military campaigns and the deployment of regiments by year.

Key words: France, Armed Forces, Database, Military History, Campaign, Establishment, Deployment.

Ilya Yu. Kudryashov — independent researcher (Moscow).

Кудряшов Илья Юрьевич

независимый исследователь (Москва)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.009

А.Ю. Конев

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ СИБИРСКОГО «ФРОНТИРА»[1]

За прошедшие тридцать лет в изучении истории русского освоения Сибири одна из самых оживленных теоретических дискуссий была связана с применением концепта «фронтир». Мнения коллег порою оказывались полярными, а позиции непримиримыми. Тем не менее, фронтирные исследования стали достаточно популярным направлением в современной исторической науке, появляются все новые и новые работы, выполненные в рамках этой методологической парадигмы или дискутирующие с ней. Поэтому не смотря на то, что уже вышло немало статей, посвященных анализу соответствующей литературы, оценка результатов «фронтирной» экспансии в исследовательское поле сибиреведов и перспектив применения соответствующего теоретико-методологического подхода для изучения процесса расширения России на Восток не теряет своей актуальности.

[1] Исследование выполнено за счет средств проекта «Фронтиры. Границы России» (АНО «Руниверс») и Госзадания № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум» (ИПОС ТюмНЦ СО РАН).

Побудительным мотивом, открывшим в начале 1990-х гг. двери фронтирному дискурсу в отечественной историографии, явилось желание преодолеть изоляцию отечественной науки и соответствовать тенденциям «интернационализации научного знания»[2]. Другим фактором было стремление дополнить (заменить) формационную парадигму цивилизационной и эволюционной. Интересно, что произошло это тогда, когда критика концепции Ф.Дж. Тёрнера[3] стала повсеместным явлением в англоязычной историографии[4] и сложилось направление «новых историков Запада», отрицавших значение его работ и обративших внимание на то, что он не учитывал региональную специфику, а предложенное им понятие «несло в себе много англо-американских этноцентрических предрассудков»[5].

«Фронтир» Ф.Дж. Тёрнера вместе с тем привлекал заложенным в нем динамизмом, интеграционным и компаративистским потенциалом. Сравнивая историю колонизации американского континента европейцами и зауральских территорий русскими, российские исследователи искали альтернативу классической колониальной рамке, с позиции которой эти процессы рассматривались историками и публицистами XIX — первой половины XX вв.[6], а так же стремились преодолеть

---

2 *Хромых А.С.* Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII в. в свете теории фронтира: автореф. канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 3.

3 *Turner F.J.* The frontier in American history. New York: Henry Holt and company, 1920; *Turner F.J.* The Significance of Sections in American History. Introd. by Max Farrand. New York: Henry Holt and company, 1932.

4 *Slotkin R.* The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890. New York: Atheneum, 1985; Slotkin R. Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. New York: Atheneum, 1992; *Limerick P.N.* The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York/London: W.W. Norton, 1987. *White R.* «It's Your Misfortune and None of My Own». A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

5 *Косторниченко В.Н., Сирватко П.А.* Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) // США & Канада: экономика, политика, культура, 2021. 51(2). С. 72–89.

6 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. С. 370–411; *Небольсин П.И.* Покорение Сибири. СПб.; Тип. И. Глазунова и К°, 1849. С. 101–115; *Завалишин Д.И.* Сибирь и Канада // Восточное обозрение: газета литературная и политическая. 1882. № 34. С. 3–4; *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-ое. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892; *Драбкина Е.Л.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930; *Окунь С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд., 1935; *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М.: Соцэкгиз, 1940.

историографическо-идеологическую контроверзу о «завоевании Сибири»/«мирном(добровольном) вхождении» ее народов в состав России[7].

Результатом исследований новосибирских историков Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского[8] была формулировка ими концепции «сибирского фронтира» и соответствующего понятия. При этом Д.Я. Резун понимает фронтир как «место или момент встречи двух культур разного уровня развития», что явно перекликается с тезисом о столкновении «дикости» и «цивилизации». М.В. Шиловский выделяет три вида фронтира в Сибири: «внешний, по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в "огораживающее поле" колонизации, внутренний, — по отношению к народам, оказавшимся внутри него, и внутрицивилизационный, — между старожилами и переселенцами»[9]. Следует отметить, что второй вид характеризуется включением туземцев в социальную структуру империи (а не устранением, как на «диком Западе»), а третий — появлением специфической местной и метисной культуры, особой ментальности сибиряков. А.С. Хромых, соединил этот подход с идеей «неустойчивого равновесия», определяемого им как переход от внешнего к внутреннему фронтиру. Он пишет не о видах, а о стадиях развития последнего и полагает, что «можно говорить о русском типе фронтира», отличающегося от американского с его «безоглядной вестернизацией»[10]. При всех особенностях этого подхода можно констатировать, что он явился своеобразным продолжением тернеровской теории. Их сближает наличие одного основного актора — колонизаторов/колонистов и фактическая несубъектность автохтонного населения, а так же акцент на территориальном взаимодействии, связанном с процессом присвоения и освоения новых земель.

---

7 Подробнее об этом: Акимов Ю.Г. Освоение Сибири как аналог колонизации Нового Света в историографическом дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4(27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://www.history.jes.su/s207987840000731-3-1; «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / Под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 106–165.

8 *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI — начало XX вв.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html; *Шиловский М.В.* Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.

9 *Шиловский М. В.* Фронтир и переселения... С. 101.

10 *Хромых А.С.* Русская колонизация Сибири... С. 3, 13, 21.

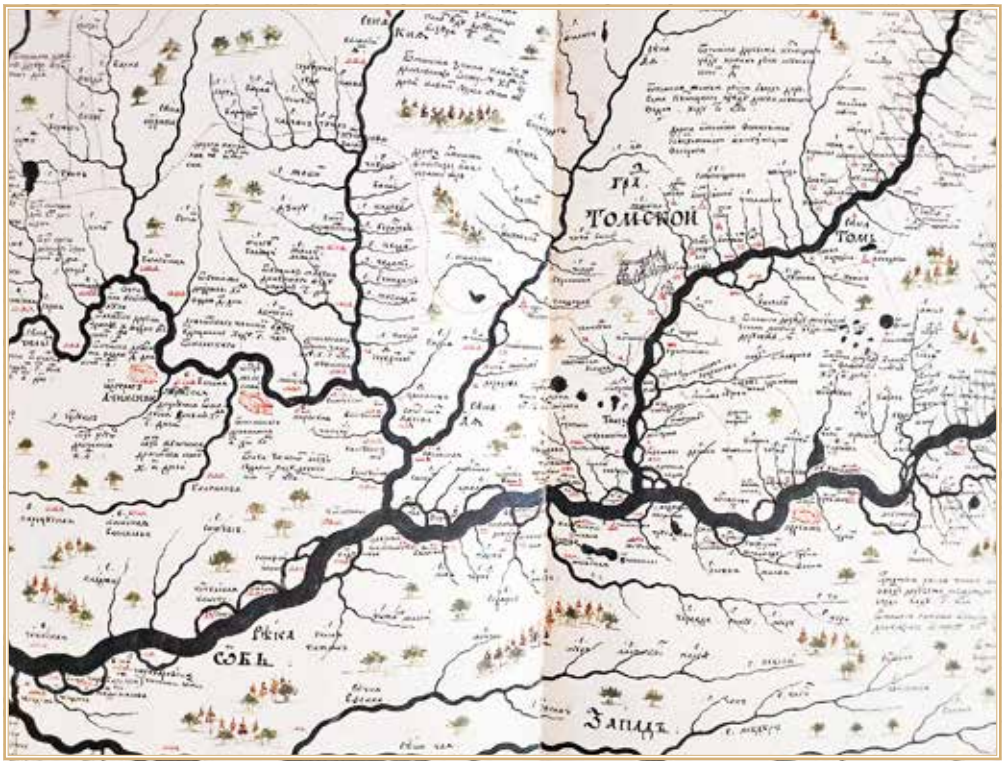


Рис. 1. Чертеж земли Томского города из Служебной чертежной книги С.У. Ремезова с изображением крепостей и острогов. Конец XVII в.

И.В. Побережников оценивает концепцию фронтира как «удобный познавательный инструмент для изучения стран, в истории которых существенную роль сыграла колонизация», где были свои «запад» и «восток». Он выделил три важнейших в истории России «фронтира освоения»: северный, восточный и южный, при этом Сибирь рассматривается им как территория «фронтирной модернизации» в условиях незавершенного освоения[11].

В.О. Бобровников и А.Ю. Конев попытались соотнести военно-политические и социальные границы русского освоения Северной Азии XVII–XIX вв., проследить их взаимовлияние и трансформацию. Основные выводы, к которым они пришли, следующие.

Территории, на которых обитало туземное население, сохраняли особый статус со специфическим административно-территориальным устройством и режимом эксплуатации. Если до половины XVII в. сибирские земли рассматривались в основном как иные (чужие), погранич-

[11] *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4(96). С. 191–192.

ные, затем как становящиеся своими, то в XVIII в. они воспринимались как неосвоенные («дикие»), по большей части малодоступные или требующие дальнейшей интеграции в экономическом и колонизационном смысле. Здесь Россия столкнулась с «неевропейскими» режимами подданства, ускользающими от имперского контроля территориями, с так называемыми «двое-» и «троеданцами», платившими дань-ясак енисейским киргизам или монгольским Алтын-ханам, джунгарскому контайше и одновременно русскому царю. Особой формой выражения водораздела между «своими» и «чужими» в смысле культурной и социальной географии являлись укрепленные пограничные линии. На западных и юго-западных рубежах империи таковых насчитывалось немного. На азиатском востоке и юге они играли более существенную роль — не только прикрывали империю от вражеских набегов, но и формировали имперское пограничное пространство.

Связь индигенных народов с азиатской периферией означала, что по мере их превращения из «иноземцев» в «своих» (хотя иноплеменных и значительной частью иноверных) они оставались объектом воздействий государства, которое собиралось их цивилизовать и воспитывать в духе гражданственности. В ходе реформ Екатерины II «ясачные» рассматриваются в качестве «становящихся» подданных или граждан. Укрепленные линии, с помощью которых российские власти пытались отгородиться от «Востока», представлявшегося законодателям эпохи Просвещения «диким» и «хаотичным» пространством, постепенно уступали место социальным границам. Впрочем, они были проницаемы (М.М. Сперанским в 1822 г. предложена схема перехода представителей автохтонного населения в другие податные категории) и не превращали «инородцев» в сословную резервацию. Это было существенным отличием российского «фронтирной» практики от американской[12].

Несколько сузив географические и хронологические рамки, Р.Г. Буканова, З.А. Тычинских, С.Р. Муратова, на материалах Среднего Урала и Западной Сибири, предложили локальную версию развития сибирского фронтира, который, на их взгляд, прошел три стадии развития: точечную, переходную и линейную. Первая (1586 г. — начало XVII в.) — период создания первых русских крепостей («фронтирных точек») на занятой территории; вторая (XVII в.) — время открытых конфликтов и вызванное этим возведение пограничных укрепленных черт (обо-

[12] *Бобровников В.О., Конев А.Ю.* Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // Ориентализм vs. Ориенталистика. М.: Садра, 2016. С. 178–180.

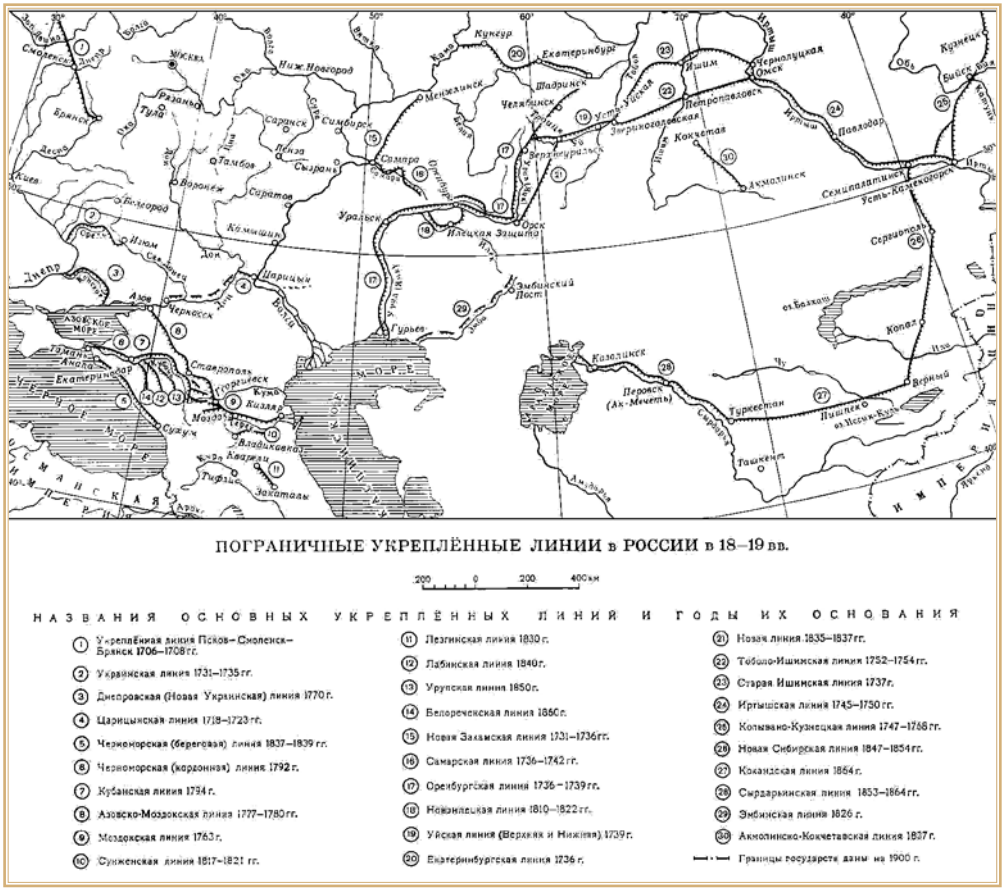


Рис. 2. Пограничные укрепленные линии России XVIII–XIX вв.

значение границ проживания); третья (XVIII в.) — интеграция «зоны освоения» в состав России и строительство укрепленных линий[13]. Вызывают вопросы критерии, предложенные для выделения стадий. Так, открытые конфликты между русскими и индигенным населением были характерны как для конца XVI, так и для первой половины XVIII в., соответственно и обеспечение безопасности было актуальной задачей на протяжении этого периода на всей территории выбранного исследователями региона. При этом пограничные линии возникли только на его юге. Линейная стадия, вызванная необходимостью «определения четких рубежей государства», скорее характеризует процесс формирования государственной границы, а не собственно фронтирную ситуацию. Не ясно, какое значение имело «укрепление центральной власти» на-

[13] *Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р.* Особенности фронтира на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 83–89.

ряду с «поиском новых возможностей пополнения казны» в XVIII в. для эволюции фронтира. Характерно, что авторы нередко путаются в терминологии описания изучаемого явления. Ярким примером служит использование ими для характеристики точечной стадии неудачной фразы из публикации А.Т. Шашкова: «границы сибирского фронтира были весьма подвижны и не совпадали с официальными границами Русского государства в Сибири»[14]. Во-первых, фронтир и есть «подвижная граница». Во-вторых, что следует понимать под «границами фронтира»? В-третьих, где находились и существовали ли вообще в Сибири конца XVI — начала XVII в. «официальные границы» государства?

Здесь уместно рассмотреть, что изначально подразумевалось и что понимается сегодня под термином *frontier* в западной литературе, как это понятие там соотносится с другой, близкой (но не идентичной) по значению терминологией. Известно, что слово «фронтир» имеет французское происхождение от *frontière* (рубеж, граница между странами), которое долгое время употреблялось в значении «фронт» (линия/зона боевых действий), пока в Европе не началась демаркация политических границ, чему нередко предшествовали войны[15]. Не случайно, что и в английском термине *frontier* сохранилась военная составляющая в отношении приграничья (порубежья). Процесс эволюции пограничья в четко определенные рубежи нашел свое отражение в появлении новых терминов для обозначения негосударственных (*boundaries*) и государственных (*borders*) границ, пограничий (*borderlands*)[16]. При наличии очевидной этимологической связи между понятиями *borders* и *frontier* их необходимо различать.

Отмечу, что тёрнеровский фронтирный дискурс — это способ повествования об истории продвижения колонизаторов, в процессе которого возникает постоянно изменяющаяся зона освоения и формируется пространство коммуникации (конфронтации) автохтонной и пришлой культур, а в ходе этого взаимодействия складывается новая социальная общность (в конкретном случае — американцев). Следует упомянуть

---

[14] Там же. С. 91.

[15] *Романова А.П., Якушенков С.Н.* Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. № 2(9). С. 74.

[16] *Anderson M.* Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World. Oxford: Polity Press, 1996; Brunet-Jailly E. The state of borders and borderlands studies 2009: A historical view and a view from the Journal of Borderlands Studies // Eurasia Border Review. 2010. № 1. P. 1–15; *Панарина Д.С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 17.

и о других концептуальных трактовках границы/фронтира. Так, лорд Дж.Н. Керзон[17] обратил внимание на различие между границами естественными и искусственными, на природу политических и культурно-языковых границ[18]. Его идеи получили развитие в 1920-х гг. в исследованиях Люсьена Февра[19]. Он утверждал, что сущность государства определяет политическое и военное значение термина «фронтир», и положил начало формулировке оригинальной теории «границы как пространства».

Интересным сюжетом, отчасти сближающим Джорджа Керзона с Фредериком Тёрнером, была его интерпретация влияния колониальных фронтиров на формирование национальных характеров. Первый, британский, закалявшийся в заснеженных Гималаях, в Персии и Африке, который «все еще создает Британскую империю». Второй, по другую сторону Атлантики, «определялся западным походом через континент». Здесь, когда первопроходцы, перевалив через горы, стали продвигаться по бездорожью бескрайних равнин, «Америка перестала быть английской и становится американской [*America cease to be English and become American*]». Если экстраполировать эти рассуждения на российский опыт колонизации восточных регионов, то керзоновский пример с британским «имперским» национальным характером оказывается типологически ближе, чем тернеровская история появления американской нации.

Наиболее четко и последовательно разделение между «границей» (*border*) и «фронтиром» (*frontier*), на мой взгляд, провел Майкл Ходарковский, транслируя закрепившуюся к концу XX столетия в англоязычной литературе трактовку этих понятий. Он, в частности, отметил:

«Фронтир — это регион, формирующийся на периферии заселенной или развитой территории, политико-географическое пространство, находящееся вне политического объединения. Граница, напротив, — четко проведенная линия, разделяющая суверенные государства. Если сказать иначе: для границы требуется наличие хотя бы двух государственных политических объединений. Именно государство строит, поддерживает и укрепляет границы, как на физическом, так и на ментальном уровне.

---

[17] Джордж Натаниэл Керзон в 1899–1906 гг. был вице-королем Индии, а в 1919–1924 гг. –министром иностранных дел Великобритании.

[18] *Curzon G.N.* The Romanes Lecture 1907, Frontiers by the Right Hon Lord Curzon of Kedleston, All Souls College, Chancellor of the University, Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 2 November 1907 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers

[19] *Febvre L.* Frontier: The Word and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre / Ed. P. Burke. L., 1973. P. 208–218.

... На юге и востоке, где колонизационные усилия России столкнулись с различными народами, не имевших государственной организации и четко очерченных рубежей между ними, полосой, отделявшей Россию от ее соседей, был фронтир»[20].

Из зарубежных историков-русистов М. Ходарковский единственный, кто предложил концепцию российского, как он его назвал, «степного фронтира». При этом он обратил внимание на «пограничную» и «фронтирную» терминологию, бытовавшую на Руси: «межа», «рубеж», «места порубежные», «дикое поле», «укр*а*ина». С начала XVII в., отмечает он, «когда Московия стала осознавать себя территориальным национальным государством, термины "рубеж" и "граница" используются для обозначения национальных границ Московии с другими суверенными государствами». Своеобразие сибирской фронтирной ситуации он видит в том, что разграничительные линии здесь проходили между «немирными» и плативши ясак «людьми». По мере приведения в покорность и объясачивания жителей непокоренных территорий фронтир сдвигался, а население «новоприводных земель» составляли уже «ясачные иноземцы»[21]. М. Ходарковский отметил характерную для фронтирной политики России особенность: «несмотря на то, что де-факто рубежом Русского государства были его укрепленные линии на юге и вновь построенные крепости на востоке, де-юре притязания Москвы значительно выходили за пределы того, что было под ее действительным контролем»[22].

Исходя из концепции фронтира как границы цивилизации, М. Ходарковский обращает внимание на сходство картографии и топонимии славянских и западноевропейских окраинных земель, приводя в пример Украину (окраина), Данию (Danmark)[23], немецкое маркграфство Бранденбург (Brandenburg)[24], испанскую провинцию Эстремадура (Extremadura)[25].

---

[20] *Khodarkovsky M.* From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1–4. P. 115; *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2004. P. 47.

[21] *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier... P. 48.

[22] Там же. P. 50.

[23] *Марка* (англ. *March*) — термин, обозначающий пограничную область, удаленную территорию.

[24] Полабское (древнее западнославянское) название этой земли — Бранибор, то есть «оборонный (пограничный) лес.

[25] Extreme Duria — в переводе с латыни окраинная местность по реке Дуэро.

В.П. Румянцев и Е.В. Хахалкина верно подметили, что современные специалисты, употребляя термин «фронтир», заменяют им такие характерные для советских историков определения, как «окраины», «периферия» и «порубежные территории», при этом «для уточнения категориального аппарата они предлагают свои определения фронтира, а именно: условных разделительных линий, "подвижной границы" между заселенной и незаселенной территориями, пограничной области взаимодействия и ассимиляции населения»[26].

На этом фоне своеобразной контрпозицией выступает сформулированный недавно А.В. Головневым тезис о принципиальном отличии американского «фронтира» и русской «украйны», как своеобразных кодов колонизационного процесса. В первом случае это новый феномен эпохи трансатлантических завоеваний, во втором — устоявшаяся в евразийском мире «формула контактов давних соседей». «Украйна» как пограничное пространство не была местом «знакомства и противоборства», а играла роль «арены обновления прежних связей и перераспределения власти». Следует согласиться с мнением Андрея Владимировича, что для российского опыта характерна взаимная тяга окраин и столицы, что «московская автократия плодила окраинную вольницу и успешно с ней взаимодействовала» и что, возможно, именно в этом «притяжении-отталкивании» и кроется источник энергии, способствовавший тому, что Россия заняла значительную часть Евразийского пространства[27].

При всей продуктивности высказанной А.В. Головневым точки зрения, его заключение о том, что в построениях российских исследователей концепт фронтира «напоминает чужой костюм, который не очень ладно сидит, но моден»[28], звучит слишком категорично. Во-первых, даже в американской историографии он критикуется «как опыт собственной страны», во-вторых, идея фронтира, что было показано выше, не является исключительной заслугой или принадлежностью только американской исторической и политической науки, в-третьих, свои фронтиры, вероятно, были и в Европе, и в Азии, и в Африке. При этом очевидно, что следует уделить особое внимание разработке понятийного аппарата названной исследовательской парадигмы, учитывая континентальные, страновые и национальные ипостаси «пограничья» в разных сферах: во-

---

[26] «Славянский мир» Сибири... С. 107, 108.

[27] *Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 532–533.

[28] Там же. С. 532.

енной, политической, правовой, экономической, социальной, культурно-антропологической и иных.

Кризис сложившихся под влиянием работ Ф.Дж. Тёрнера в российской историографии подходов к изучению фронтира стал достаточно четко осознаваться и сторонниками самой этой концептуальной рамки. Так, А.П. Романова и С.Н. Якушенков пишут о существовании не только видов, но и различных типов фронтиров и соответствующих им отношений, которые не укладываются в рамки классической теории. Они приходят к выводу о необходимости формулировки новой «неофронтирной» теории, которая, отказавшись от взгляда на фронтир как на «битву антиномий», расширит ее эвристические возможности[29].

На мой взгляд, изучение фронтира/ов следует переосмыслить и рассматривать как частный случай более общего процесса изучения границ. В работах отечественных ученых «фронтирная» история и история формирования государственных рубежей России, а также ее административного деления остаются совершенно обособленными друг от друга направлениями исследований. При этом все мы знаем, что русское продвижение за Урал и далее вглубь Северной и Средней Азии в конечном итоге имело результатом не только расширение территории страны, а ее закрепление в признанных на международном уровне границах и разделение на административные области. В процессе этого происходила трансформация всех фронтирных (про)явлений и взаимная детерминация прежних фронтиров и новых границ.

Следует пояснить, что долгое время государственная граница воспринималась как предел распространения власти того или иного государства, выступала политической единицей и имела линейное измерение. Но относительно недавно традиционные определения и понимание разграничительных линий социально-политического и физико-географического пространств были пересмотрены в связи с изменением контекста, в котором они создавались и долгое время существовали. Исследование границ на сегодня представляет собой междисциплинарную научную область, которая разрабатывается совместно политологами, историками, географами, социологами, этнографами, археологами, социальными антропологами, лингвистами и экономистами.

Некоторые теоретические положения, которые ныне лежат в основе изучения границ, могут быть использованы и при изучении фронтира. Например, представления о структуре границы и соответствующих

[29] *Романова А.П., Якушенков С.Н.* Фронтирная теория... С. 77–79.

ее элементам пространствах, которые исследователи объединяют в три основных: ментальное, физическое и социальное. Ментальное выступает совокупностью всех объективированных и необъективированных феноменов и отношений, которые являются условиями сознательной активности входящих в эту систему субъектов. Физическое пространство формируется совокупностью естественных и искусственных объектов границы. Социальное пространство состоит из всех физических, ментальных и социальных явлений и отношений, выступающих условиями деятельности и поведения формальных и неформальных субъектов государственной границы. Другим аспектом, представляющим методологический интерес, является классификация регулирующих функций границы, которые разделяются на барьерные и контактные. Барьерное регулирование имеет своей целью повышение закрытости данного государства и общества (исходя из приоритета безопасности). Целью контактного регулирования служит повышение его открытости внешнему окружению (исходя из приоритета развития)[30]. Наконец, еще одной полезной наработкой является историческая типология границ, описывающая их эволюцию с древности до наших дней. В ней использует три основных критерия: 1) пространственная форма границы; 2) субъект и сфера пограничного регулирования; 3) степень устойчивости конфигурации границы. Они позволяют выделить несколько последовательных типов, каждому из которых соответствует свой уровень организации общества и его потестарной/политической системы[31].

Таким образом, можно заключить, что в современных условиях складывается общее для вышеназванных исследовательских направлений предметное поле, а заимствование методологических приемов и подходов может дать новые результаты в изучении истории русского продвижения «встреч Солнцу», интеграции Сибири и ее народов в состав России в конце XVI–XIX вв.

[30] Введение в исследования границ / Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 110–111.

[31] Там же. С. 115.

REFERENCES

1. *Akimov Ju.G.* Osvoenie Sibiri kak analog kolonizacii Novogo Sveta v istoriograficheskom diskurse [The development of Siberia as an analogue of the colonization of the New World in the historical discourse] // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija», 2014. T. 5. Issue 4(27) [Jelektronnyj resurs]. Dostup dlja zaregistrirovannyh pol'zovatelej. URL: http://www.history.jes.su/s207987840000731-3-1
2. *Anderson M.* Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World. Oxford: Polity Press, 1996. 255 p.
3. *Bobrovnikov V.O., Konev A.Ju.* Svoi «chuzhie»: inorodcy i tuzemcy v Rossijskoj imperii [Own «aliens»: foreigners and natives in the Russian Empire] // Orientalizm vs. Orientalistika. M.: Sadra, 2016. S. 178–180.
4. *Brunet-Jailly E.* The state of borders and borderlands studies 2009: A historical view and a view from the Journal of Borderlands Studies // Eurasia Border Review. 2010. № 1. P. 1–15.
5. *Bukanova R.G., Tychinskih Z.A., Muratova S.R.* Osobennosti frontira na Urale i v Zapadnoj Sibiri v XVI–XVIII vv. [Features of the frontier in the Urals and in Western Siberia in the 16th and 18th centuries] // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2018. № 4 (61). S. 83–89.
6. *Curzon G.N.* The Romanes Lecture 1907, Frontiers by the Right Hon Lord Curzon of Kedleston, All Souls College, Chancellor of the University, Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 2 November 1907 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers
7. *Drabkina E.L.* Nacional'nyj i kolonial'nyj vopros v carskoj Rossii [The National and Colonial Question in Imperial Russia]. M.: Izd-vo Kommunisticheskoj akademii, 1930. 188 s.
8. *Febvre L.* Frontier: The Word and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre / Ed. P. Burke. L., 1973. P. 208–218.
9. *Golovnev A.V.* Fenomen kolonizacii [Colonial Phenomenon]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 532 s.
10. *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [The History of the Russian State].T. IX. SPb.: Tip. N. Grecha, 1821. 472 s.

11. *Khodarkovsky M.* From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1–4. P.115–128.
12. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2004. 305 p.
13. *Hromyh A.S.* Russkaja kolonizacija Sibiri poslednej treti XVI — pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira [Russian colonization of Siberia last third of the 16th — first quarter of the 17th century in the light of the theory of the Frontier]: Avtoref. ... kand. ist. nauk [Abstract dis. ... cand. ist. sciences]. Tomsk, 2008. 31 s.
14. *Kostornichenko V.N., Sirvatko P.A.* Frontir: genezis, osnovnye polozhenija, razvitie (istoriograficheskij ocherk) [Frontier: Genesis, Basic Provisions, Development (Historical Sketch)] // SShA & Kanada: jekonomika, politika, kul'tura, 2021. № 51(2). S. 72–89.
15. *Limerick P.N.* The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York/London: W.W. Norton, 1987. 400 p.
16. *Nebol'sin P.I.* Pokorenie Sibiri [The Conquest of Siberia]. SPb.: Tip. I. Glazunova i K°, 1849. S. 101–115.
17. *Okun' S.B.* Ocherki po istorii kolonial'noj politiki carizma v Kamchatskom krae [Essays on the history of colonial policy of tsarism in the Kamchatka Krai]. L.: Socjekgiz, 1935. 151 s.
18. *Panarina D.S.* Granica i frontir kak faktor razvitija regiona i/ili strany [Border and frontier as a factor of development of the region and/or the country] // Istorija i sovremennost'. № 1. 2015. S. 15–41.
19. *Poberezhnikov I.V.* Aziatskaja Rossija: frontir, modernizacija [Asian Russia: frontier, modernization] // Izvestija UrGU. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2011. № 4(96). S. 191–203.
20. *Rezun D. Ja., Shilovskij M. V.* Sibir', konec XVI — nachalo XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov [Siberia, late XVI — early XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2005 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html.
21. *Romanova A.P., Jakushenkov S.N.* Frontirnaja teorija: novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj situacii na Juge Rossii [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political situation in the South of Russia] // Innovatika i jekspertiza. 2012. № 2(9). S. 74–80.
22. «Slavjanskij mir» Sibiri: novye podhody v izuchenii processov osvoenija Severnoj Azii [«The Slavic World» Siberia: New Approaches to the Study

of the Development of North Asia] / Pod red. O.N. Bahtinoj, V.N. Syrova, E.E. Dutchak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. S. 106–165.
23. *Shilovskij M.V.* Frontir i pereseleniia (sibirskii opyt) [Frontier and resettlement (Siberian experience)] // Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe: sbornik statei. Issue 3. Novosibirsk, Taler-Press, 2003. S. 101–118.
24. *Slotkin R.* The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890. New York: Atheneum, 1985. 636 p.
25. *Slotkin R.* Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. New York: Atheneum, 1992. 850 p.
26. *Tokarev S.A.* Ocherk istorii jakutskogo naroda [The story of the Yakut people]. M.: Socjekgiz, 1940. 248 s.
27. *Turner F.J.* The frontier in American history. New York: Henry Holt and company, 1920. 375 p.
28. *Turner F.J.* The Significance of Sections in American History. Introd. by Max Farrand. New York: Henry Holt and company, 1932. 347 p.
29. Vvedenie v issledovanija granic [Introduction to Boundary Research] / Pod red. S.V. Sevast'janova, Ju. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 426 s.
30. *White R.* «It's Your Misfortune and None of My Own». A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 644 p.
31. *Jadrincev N.M.* Sibir' kak kolonija v geograficheskom, jetnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Izd. 2-e. SPb.: Izd-vo I.M. Sibirjakova, 1892. 720 s.
32. *Zavalishin D.I.* Sibir' i Kanada [Siberia and Canada] // Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaja i politicheskaja. 1882. № 34. S. 3–4.

Ключевые слова:

Ф.Дж. Тёрнер, фронтир, окраина, граница, «ясачные иноземцы», Сибирь.

Aleksey Yu. Konev

HISTORIOGRAPHICAL AND METHODOLOGICAL FACETS OF THE SIBERIAN «FRONTIER»

The publication is devoted to a critical analysis of the works of Russian and foreign researchers related to the use of the frontier approach to the study of colonization and development of Siberia in the 17th–19th centuries. Particular attention is paid to selected articles and monographs that compare the American and Russian experience, as well as to the latest relevant publications that have not been subjected to historiographical analysis. The author of the article traced how it happened and the difference between the terms «Border» and «Frontier» in modern English-language scientific literature, supporting a thesis that Russian researchers should use borrowed terminology more carefully. It is proposed to consider frontier studies as a special case of a more general process of studying borders. The author believes that these researching areas share a common subject field, and that borrowing methodological approaches may give new results in studying the history of Russian advance to the East.

Key words: Frederick Jackson Turner, Frontier, Suburb, Border, Siberia.

Aleksey Yu. Konev — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Centre SB RAS).

Конев Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (Тюмень)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.010

И.О. Пархоменко

БАЗА ПОЛКОВ ПРУССИИ 1665–1914 гг.

В настоящее время, проектом Руниверс формируется база данных полков Пруссии с 1660 по 1914 гг. Данная база включает в себя сводные таблицы по отдельным полкам, их численности, местам расквартирования и участия в военных конфликтах, на протяжении указанного выше временного периода.

Многие полки армии Пруссии, как и других европейских держав, прослеживают свою историю с XVII в. На протяжении нескольких веков, они неоднократно меняли свое название, порою даже в рамках одной военной кампании, поэтому в таблицах указано общепринятое в данном контексте, название старопрусских полков на момент их расформирования в 1806 г., а для новопрусских полков — на начало 1914 г. При этом следует особо отметить, что некоторые кавалерийские полки меняли свою принадлежность к тому или иному виду кавалерии, переходя из кирасирских в драгунские, из драгунских в гусарские и т.п.

Кроме того, в отдельную таблицу выведена штатная численность полков, которая в ряде случаев военной истории Пруссии была близка к фактической, например в 1740 г. на начало Первой Силезской войны,

когда Фридрих Вильгельм I оставил своему сыну блестяще экипированную и реформированную армию, или в 1756 г. в момент вторжения армии Фридриха Великого в Саксонию.

Благодаря известному педантизму прусских военных историков не представляет особого труда выявить места дислокации кавалерийских и пехотных полков. Данная информация также сведена в отдельную таблицу.

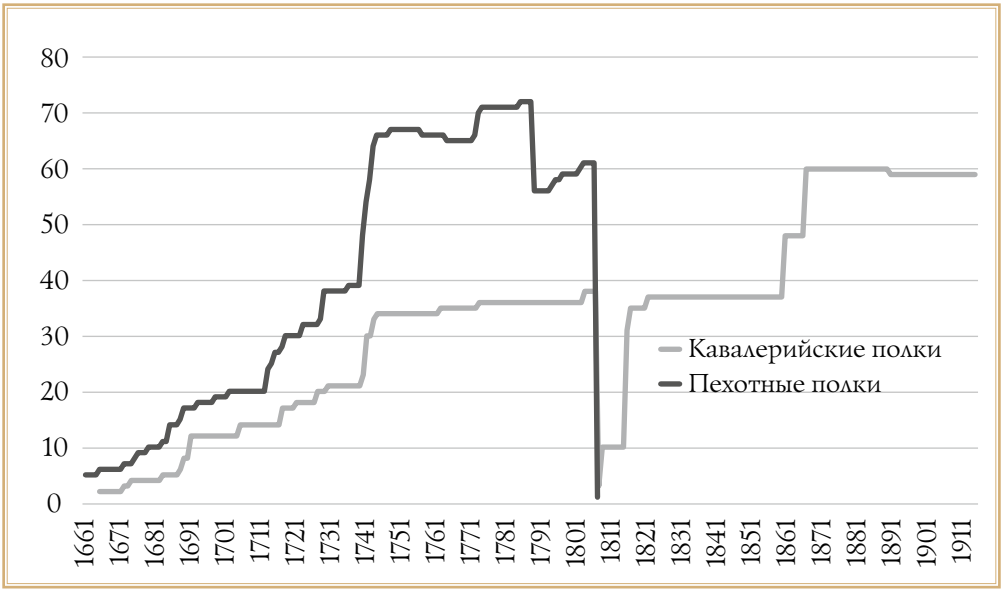
При составлении таблиц участия полков в военных конфликтах, указывается основная военная кампания для отдельно взятого полка. При этом сознательно вынесено за рамки участие отдельных рот или эскадронов на другом ТВД, поскольку, вряд ли, 50–100 чел. могли оказать серьезное влияние на ход военной кампании.

В целом, при создании таблиц, указаны только те воинские части, которые составляли вооруженные силы Бранденбурга и Пруссии. Поэтому, здесь не приведены полки, которые, будучи союзными, не входили в состав армий указанных выше государств, например герцогства Саксонии или рейнских княжеств и т.п.

Хотелось бы особо отметить тот факт, что в истории прусской армии существует два четко выраженных периода. Первый — это Старопрусская армия — ведущая свое начало как армия Бранденбурга, — сформировавшаяся структурная единица с 1644 г. и до момента ее тотального уничтожения во франко-прусской войне 1806–1807 гг. И Новопрусская армия, начавшая свое формирование, после Йенской катастрофы, в период с 1807 по 1814 г.

Как и большинство европейских армий XVII в. бранденбургская армия состояла из двух родов войск — пехоты и кавалерии. Артиллерия, как самостоятельный род войск, присоединилась позже. Основу армии составляла пехота, кадры которой часто шли на формирование новых частей в артиллерии и кавалерии (драгуны). Численность и количество полков Старопрусской армии претерпевали постоянные изменения, поэтому предоставить общие цифры, не представляется возможным. К 1806 г. Прусская армия примерно насчитывала 60 полков пехоты, 35 кавалерии и 4 артиллерийских полка. Наряду с этими тремя родами войск имелись также гарнизонные, технические войска, санитарная служба и армейские священники.

Формирование организационной структуры прусской армии имело длительный процесс. У пехотных полков курфюршества Бранденбург до 1680 г. была совершенно разная численность. Лишь с 1680-х гг. было введено понятие Полк со штатной численностью. Это произошло



Кавалерийские полки Пруссии в 1661–1914 гг.
Пехотные полки Пруссии в 1661–1807 гг.

благодаря постоянному финансированию и планированию денежных средств со стороны курфюрста.

Организация пехоты имела следующий вид: Полк, Батальон, Рота, Взвод.

Первые штаты прусской пехоты предписывались в положениях от 17 мая 1713 г. и 28 февраля 1714 г. В них устанавливалась численность пехотного полка в 1390 чел. Пехотный полк состоял из двух батальонов. Таким образом, пехотный полк насчитывал 40 обер-офицеров, 110 унтер-офицеров, 30 барабанщиков, 130 гренадеров и 1080 мушкетеров. Этот Регламент оставался до 1735–1743 гг. Две дополнительные гренадерские роты были сформированы к этому времени, увеличив численность полка до 1597 чел.

Таким образом, до 1806 г. гренадеры, мушкетеры и фузилеры представляли прусскую пехоту XVIII в.

Организация кавалерии была следующей: Полк, Эскадрон, Рота, Взвод.

В 1656 г. кавалерия составляла 54% армии Бранденбурга. Однако, после повсеместного внедрения мушкета и штыка, кавалерия стала терять свое значение в прусской армии. В начале XVIII в. в королевстве Пруссия она составляла уже 20% армии.

Как и в пехоте, на начальном этапе формирования прусской армии, в кавалерии не имелось четкой организации, вооружения и униформы.

Лишь при короле Фридрихе-Вильгельме I была сделана попытка ввести Регламент для кавалерийских полков в 1718 и 1720 гг. Была установлена штатная численность в 728 чел. и 742 строевых лошадей. Полк насчитывал 5 эскадронов. Однако, в драгунских полках постоянно предпринимались попытки увеличения численности до 10 эскадронов.

В 1740 г. при восшествии на престол Фридриха II кавалерия насчитывала 22 344 чел. при 19 801 строевой лошади. Регламент 1743 г. изменил штатную численность кавалерийских полков. Теперь, кирасирский полк насчитал 833 чел., драгунский — 847 чел. и гусарский — 1172 чел. Когда, в 1763 г. кавалерия была приведена к численности мирного времени, она насчитывала 32 930 чел. В том числе: 10 859 кирасир (33%), 11 990 драгун (36%) и 9740 гусар (30%). До 1786 г. прусская армия насчитывала около 35 различных кавалерийских полков.

После 1786 г. было стерто различие между кирасирскими и драгунскими полками. Они составляли теперь тяжелую кавалерию. Была установлена численность полка в 783 чел. Тем не менее, в 1806 г. прусская кавалерия считалась одной из лучшей в Европе.

Работа по составлению баз по прусской армии Нового образца и австрийской армии продолжается и будет завершена в ближайшее время.

Ознакомиться с базами можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

REFERENCES

1. *Bredow K. von, Wedel E. von.* Historische Rang- und Stammliste des deutschen Heeres. Berlin, 1905.
2. *Bleckwenn H.* Das Altpreussische Heer — Erscheinungsbild und Wesen 1713–1807. Osnabrück, 1984.
3. *Alt G.* Das Königlich Preußische Stehende Heer, Erster Theil, Kurzgefaßte Geschichte seiner sämtlichen Truppenkörper. Nebst den Regiments-Geschichten derjenigen Norddeutschen Bundes-Contigente, welche durch Conventionen der preußischen Armee angereiht sind, sowie der Geschichte der höheren Militair-Bildungsanstalten. Berlin, 1869.
4. *Dorn G., Engelmann J.* Die Infanterie-Regimenter Friedrichs des Großen 1756–1763. Augsburg, 1992.
5. *Dorn G., Engelmann J.* Die Kavallerie-Regimenter Friedrichs des Großen 1756–1763. Augsburg, 1992.
6. *Duffy C.* The Army of Frederick the Great. The Emperor Press. 1996.
7. *Groehler O.* Das Heerwesen in Brandenburg und Preußen von 1640–1806. Berlin, 1993.
8. Großer Generalstab. Die Kriege Friedrichs des Großen. Dritter Teil: Der Siebenjährige Krieg 1756–1763. Vol. 1. Pirna und Lobositz. Berlin, 1901.
9. Großer Generalstab. Die Kriege Friedrichs des Großen. Dritter Teil: Der Siebenjährige Krieg 1756–1763. Vol. 2. Prag. Berlin, 1901.

Ключевые слова:

Пруссия, военная история, прусская армия, база данных, полки, штатная численность, военные кампании.

Igor O. Parkhomenko

THE REGIMENT BASES OF PRUSSIA 1665–1914

The article describes the database of Prussian regiments from 1660 to 1914, formed as part of the Runivers project on military history. This database includes summary tables on individual regiments, their numbers, places of quartering and participation in military conflicts during the above-mentioned time period. Names of the Old Prussian units are indicated in tables, with the regiments generally accepted in this context at the time of their disbandment in 1806, and the New Prussian regiments – at the beginning of 1914. In addition, a separate table shows the established strength of regiments, which in some cases in the military history of Prussia was close to the actual. For example, as it was in 1740 at the beginning of the First Silesian War, when Frederick William I left his son a brilliantly equipped and reformed army, or in 1756 at the time of the invasion of Frederick the Great's army in Saxony.

Key words: Prussia, Military History, Prussian Army, Database, Regiments, Established Strength, Military Campaigns.

Igor O. Parkhomenko – independent researcher (Moscow).

Пархоменко Игорь Олегович

Независимый исследователь (Москва)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.011

С.Г. Нелипович

ПЕРИОДИЗАЦИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К середине 1970-х гг. в советской историографии укрепилась «календарная» периодизация боевых действий на Русском ТВД, в результате чего стали «исчезать» некоторые операции, например Лиманова-Ляпанувская (декабрь 1914 г.), Ломжинская (март–апрель 1915 г.), Ровно-Луцкая (сентябрь–октябрь 1915 г.), Полесская (сентябрь–ноябрь 1915 г.), Рождественское наступление (декабрь 1915 г. — январь 1916 г.), Гуминское сражение (январь 1915 г.), Хырувское сражение и бои на р. Сан в октябре 1914 г., бои на Завислинском плацдарме в мае–июне 1915 г.[1] Только к 100-летию начала Первой мировой войны в общих трудах вновь стали рассматриваться операции армий Юго-Западного фронта в сентябре–октябре 1915 г. и в декабре 1915 г. — январе 1916 г.[2] Но специфика рассмотрения операций по фронтам, предложенная НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, не давала возможность комплексного анализа военных действий сторон в операциях 1915 г.

---

1 См.: *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны 1914–1917 гг. М., 1976. С. 208–274.

2 См.: Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. М., 2014. С. 20–94.

Таким образом, существующие подходы к периодизации военных событий на Русском ТВД ограничивают и возможности изучения последних. За рубежом, прежде всего в Германии, Австрии и Венгрии, бытует как периодизация по операциям-битвам (die Schlacht), так и по кампаниям (der Feldzug), как совокупности операций, объединяемых единой целью, территорией проведения, местом притяжения главных сил и активности противников, наконец, временем проведения. Так, австрийскими историками выделяются Карпатская битва, Горлицкая битва (кампания), Брест-Литовская и Ровненская кампании. В Германии военные историки выделяют зимне-весеннюю, летнюю наступательную (часто объединяя Горлицкую операцию и сопровождавшие ее действия на других участках фронта с общим летним наступлением армий Восточного фронта и группы армий А. фон Макензена) и осеннюю кампании 1915 г[3].

В современной зарубежной историографии мало что изменилось за последние 80 лет. Всплеск интереса к событиям Первой мировой войны на Русском ТВД, возникший в странах Центральной Европы, ограничивается пока исследованиями отдельных операций. Американский историк Р. Ди-Нардо выделяет Горлицко-Тарновскую кампанию, при этом «продлевая» ее до конца августа 1915 г.[4], что некорректно, поскольку смешивает цели и силы двух периодов наступательных действий армий Центральных держав. Этот же автор рассматривает «Румынскую кампанию» (осень–зима 1916 г.) в отрыве от продолжающихся наступательных действий русского Юго-Западного фронта.

Важнейшим источником для периодизации военных действий являются приказы (директивы) главного командования сторон, поскольку они определяют цель и масштабы операций, а иногда и их сроки. Для Русского ТВД это директивы Верховного главнокомандующего (Ставки) и главнокомандующих армиями фронтов (фонды Российского государственного военно-исторического архива — РГВИА), для армий Центральных держав — директивы австро-венгерского Армейского главнокомандования и германских Главной квартиры и командующих группами армий (до июля 1915 г. — главнокомандующего на Востоке, т.е. генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга).

В отечественной военно-исторической науке закрепились следующие определения.

---

[3] См.: Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd.2–3. Wien, 1931–1932; Bd.4. Wien, 1933. S.28, 30; A Világháború 1914–1918. VIII.–X. Kötet. Budapest, 1939; 1940; 1942; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd.7, 8. Berlin, 1931–1932.

[4] *DiNardo R.L.* Breakthrough: The Gorlice–Tarnow Campaign, 1915. Santa-Barbara, 2010.

Операция — совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам и времени одновременных и последовательных сражений, боев, ударов и маневра разнородных войск/сил, проводимых по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативно-стратегических, оперативных или оперативно-тактических задач на ТВД, направлении или в определенном районе в установленный период времени; составной частью стратегической, фронтовой, армейской операции может быть самостоятельная операция .

Кампания — совокупность операций, сражений, ударов и боевых действий группировок разнородных войск/сил на ТВД, объединенных общим замыслом и направленных на достижение важных политических и стратегических целей войны; определенный этап войны, обычно обозначенный календарными датами и наименованием ТВД.

В этих определениях грань между «кампанией» и «стратегической операцией» очень тонкая. Но, исходя из этих сложившихся определений, можно предложить периодизацию военных действий по кампаниям, охватывающим военные действия на всем ТВД, в соответствии с приведенными определениями:

— начальная (летняя кампания) 1914 г., включающая Галицийскую битву и Восточно-Прусскую операцию;

— октябрьская кампания 1914 г. (Варшавско-Ивангородская операция, сражение на Сане, Хырувское сражение, второе вторжение русских войск в Восточную Пруссию);

— Лодзинская кампания 1914 г., называемая по важнейшей Лодзинской операции, оказавшей влияние на все другие действия, включающая также ноябрьское наступление в Восточной Пруссии, Краковско-Ченстоховскую, Бескидскую и Лиманова-Ляпанувскую операции;

— зимне-весенняя кампания 1915 г., включает Карпатскую битву, Августовскую, зимнюю Праснышскую и Ломжинскую операции, Гуминское сражение (середина января — конец апреля);

— Горлицкая кампания (май — середина июля 1915 г.) — важнейшая, определяющая ход кампании Горлицкая операция, Курляндская операция, бои на Завислинском плацдарме;

— летняя кампания 1915 г. — общее наступление армий Центральных держав (середина июля — август), складывающееся из Риго-Шавельской, летней Праснышской (Наревско-Бугской) и Висло-Бугской операций;

— осенняя кампания 1915 г. — Виленская (Виленско-Двинская), Полесская и Ровно-Луцкая операции (сентябрь — ноябрь);

— зимнее затишье и Рождественская операция (декабрь 1915 г. — январь 1916 г.);

— зимне-весенняя кампания 1916 г. — Мартовское наступление русских армий Западного и Северного фронтов — Двинская и Нарочская операции и затишье с подготовкой к общему летнему наступлению (до конца мая 1916 г.);

— летняя кампания 1916 г. — до вступления в войну Румынии, общее генеральное наступление русской Действующей армии — совокупность операций и сражений армий Юго-Западного фронта («Брусиловский прорыв» — Луцкая, Сопановская, Язловецкая, Окненская, Бродская, Стоходская (Ковельская) и последующие операции), Западного и Северного фронтов (Барановичская операция, сражения у Червище и Эккау-Кеккау);

— Румынская, или осенне-зимняя кампания 1916–1917 гг.: Добруджанские, Трансильванская, Валашская и Рымникская операции Румынского фронта, продолжение и затухание наступления Юго-Западного фронта, Митавская операция Северного фронта — по январь 1917 г.;

— затишье на Русском фронте — с февраля по июнь 1917 г.;

— летне-осенняя кампания 1917 г. — генеральное наступление русских и румынских войск и последующий переход инициативы к армиям Четверного союза (сражения у Ново-Александровска, Крево-Сморгони, Бжезан, Станислава, Тарнопольский прорыв, Марэшты-Мэрэшешты, Рижская и Моонзундская операции, Якобштадтское сражение);

— затишье и переход к мирным переговорам, перемирие и выход Румынии из войны (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.);

— наступление войск Четверного союза (операция «Фаустшлаг») и заключение Брест-Литовского мирного договора (февраль–март 1918 г.).

В качестве примеров периодизации приводим описание трех кампаний: общее наступление армий Центральных держав на Русском ТВД (июль–август 1915 г.), осенняя кампания 1915 г. на русском фронте (сентябрь–ноябрь 1915 г.), зимне–весенняя кампания 1916 г.

Общее наступление армий Центральных держав на Русском ТВД (июль–август 1915 г.)

В течение июня 1915 г. в штабах OHL, Обер-Ост и AOK обсуждался вопрос об использовании успеха, достигнутого в Горлицкой операции. Речь шла о развитии наступления в Царстве Польском, в результате которого можно было бы надолго обезопасить восточные и северные армии от уда-

ра с русской стороны. Целью такого наступления должен был стать выход к среднему течению Зап. Буга и/или к Зап. Двине. Результатом многочисленных совещаний стала директива от 2 июля н. ст. (3 июля подписана кайзером, но разослана в штабы уже накануне): «...необходимо продолжить наступление против России, ограниченное по времени и пространству целей, чтобы Верховное главнокомандование в любой момент в случае нужды могло быстро перебросить большие силы на другой фронт. Необходимо завершить операцию на Востоке за 2 месяца. Для этого необходима большая военная победа путем тесного взаимодействия групп армий Макензена и Гинденбурга между Бугом, Вислой и Наревом»[5].

Выполнить такую задачу было решено путем совместного наступления Восточного фронта и группы армий А. фон Макензена в Царстве Польском. Группа армий Макензена должна была наступать на Люблин, Холм, Владимир-Волынский с выходом к Брест-Литовску; армейская группа генерала от артиллерии М. фон Гальвица наносила удар на Красныш и Ломжу, Неманская армия — на Шавли и Митаву. Под давлением на фланговые армии русского Северо-Западного фронта его войска должны были бы поспешно отступить за Буг, либо, упорно обороняясь, оказаться в окружении.

Русские укрепленные позиции на Немане, Бобре и Нареве состояли из четырех оборонительных полос, упирающихся в крепости Новогеоргиевск, Пултуск, Рожан, Остроленка, Ломжа, Осовец, Гродно, Ковно. На этих позициях оборонялось 590 177 чел. 1-й и 12-й армий при 2328 орудиях (из них 1260 в крепостях)[6]. Для ведения летней (2-й) Краснышской операции германское командование выделило армейскую группу М. фон Гальвица и 8-ю армию — всего 392 284 чел. и 1250 орудий[7].

В Неманской армии генерала от инфантерии О. фон Белова, которая должна была нанести вспомогательный удар на Митаву, были собраны большие силы кавалерии, всего же в строю было 158 905 чел. при 600 орудиях, растянутых без резервов на фронте в 250 км[8]. Все это го-

---

5 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 271.

6 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 376. Л.79, 197, 373. Кроме того, в армиях 16 бронеавтомобилей и 19 самолетов.

7 Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 50; *Gallwitz M. von.* Meine Fuerertaetigkeit im Weltkriege 1914/1916. S. 279; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. S. 43–44.

8 *Корольков Г.К.* Сражение под Шавли. М.; Л., 1926. С. 9; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. S. 43–44.

Общее наступление армий Центральных держав на русском фронте (июль–август 1915 г.)

ворит не о ведении некой «параллельной» операции по личной инициативе П. фон Гинденбурга, а именно о демонстрации в направлении Риги, которая должна была отвлечь русские силы так же, как это было сделано в мае. Удары армий О. фон Белова и М. фон Гальвица наносились в расходящихся направлениях.

Русская 5-я армия генерала от кавалерии П.А. Плеве успешно сдерживала попытки наступления германских войск к Риге, но не могла отбросить их к государственной границе. В ней было налицо 217 041 чел. при 290 пулеметах и 488 орудиях. 5-я армия располагала многочисленной конницей — 26 950 шашек[9]. На пассивных участках от Ковно до Осовца действовали русская и германская 10-е армии: в русской было 265 522 чел. при 305 пулеметах и 784 орудиях[10], у противника — 160 319 чел.[11] Впереди Варшавы на позициях стояла русская 2-я армия численностью в 176 163 чел. со 187 пулеметами и 388 орудиями[12]. Противостоящая этим силам германская 9-я армия генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского постепенно превращалась в источник пополнения ударных группировок. В ней оставалось 143 722 чел.[13]

На совещании 24 июня (8 июля) было решено постепенно отвести армии Северо-Западного фронта из Царства Польского на рубеж Риги, Ковно, Гродно, Брест-Литовск, проводя широкую и полную эвакуацию западных губерний и прежде всего Варшавы, что позволило бы сберечь кадры армии до пополнения запасов снарядов и вооружения и постановки в строй нового пополнения. Наиболее вероятным и опасным в связи с этим становилось Рижское направление: М.В. Алексеев полагал, что именно здесь германские армии должны нанести решающий удар[14]. Поэтому в Митаве и Риге были сосредоточены две сибирские дивизии. В войсках было много безоружных (20 900 чел.); запас снарядов для легких орудий колебался в дивизиях от 168 до 326 на ствол и считался недостаточным[15].

---

9 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 376. Л. 149–156. В армии также 3 бронеавтомобиля и 7 самолетов.

10 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 376. Л. 157–178. В армии 2 бронеавтомобиля и 6 самолетов.

11 Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Tafel 11.

12 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 376. Л. 107–110. В армии 9 бронеавтомобилей, 13 самолетов.

13 Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. S. 45.

14 Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 49.

15 *Корольков Г.К.* Сражение под Шавли. С. 11.

В целом северное крыло армий Северо-Западного фронта имело в строю 1248 903 чел. против 855 074 чел. у неприятеля; однако штаб фронта не располагал точными данными о численности германских войск и их завышал. Менее благоприятным было положение южного крыла — 4-й, 3-й и 13-й армий, которые имели «точкой опоры» только Ивангород. Удар по ним наносила группа армий А. фон Макензена — 4-я австро-венгерская, Войрша, 11-я и Бугская германские армии.

Таблица 1. Соотношение сил на южном крыле армий Северо-Западного фронта и в армиях Юго-Западного фронта к 1 (14) июля

на 1 (14) июля 1915	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
левое крыло СЗФ	**418 005**	**44 246**	**1148**	**2187**	**28**
группа армий А. фон Макензена	320 688	23 023	1071	2084 (227)	78
русские армии ЮЗФ	**349 507**	**51 727**	**1161**	**1444**	**17**
австро-венгерские Северные армии	309 709	27 454	908	1224 (211)	45

В орбиту противодействия наступлению противника была вовлечена и 8-я армия Юго-Западного фронта. Она находилась на стыке фронтов, и при отходе соседней 13-й армии ее правый фланг должен был либо растягивать позиции, либо также отходить, прикрывая от обхода и себя, и соседа. Против 8-й армии находились австро-венгерские войска 1-й и 2-й армий.

По требованию Ставки резервы главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта передавались на усиление армий М.В. Алексеева[16]. В распоряжении Н.И. Иванова оставались только три маршевые запасные бригады.

2-я (летняя) Праснышская операция началась в ночь на 30 июня (13 июля) наступлением армейской группы М. фон Гальвица от Прас-

[16] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 149. Л. 6, 61.

ныша до Рожан. Уже на следующий день германские войска захватили Прасныш; 5 (18) июля противник вышел к предполью крепости Новогеоргиевск и к р. Нарев от Пултуска до Рожан. 10 (23) июля русские войска 1-й армии отступили за Нарев и оставили Рожаны; на следующий день гарнизон Новогеоргиевска отступил на линию внешнего пояса фортов, а М. фон Гальвиц выделил для осады крепости группу Х. фон Безелера с сильной тяжелой артиллерией[17].

Вслед за 1-й армией М.В. Алексеев стал с 11 (24) июля отводить за Вислу 2-ю армию, а 12-ю армию — за Нарев. Попытки перейти в контрнаступление срывались умелой обороной и большей активностью артиллерии германцев, имевших больше снарядов. Попытки сбросить германцев в Нарев 15–16 (28–29 июля) не увенчались успехом; русские войска не смогли реализовать возросшее превосходство в силах (494 529 чел. против 335 696)[18]. С 17 (30) июля основной удар М. фон Гальвиц наносил уже по русской 12-й армии, тесня ее к Белостоку. Под натиском противника 12-я армия отступила на рубеж Бжезно, Остроленка. Потери с обеих сторон были велики; в плен с начала операции попали 161 офицер и 44 926 нижних чинов, было потеряно 14 орудий, 133 пулемета, 6 минометов[19].

На оборону линии Буга и Нарева большое влияние оказало оставление Ивангорода и Варшавы после прорыва за Вислу армии генерал-полковника Р. фон Войрша. 1-я армия также должна была поспешно отступить, чтобы не быть окруженной. Новогеоргиевский гарнизон отошел в форты и вскоре был полностью блокирован. В ночь на 23 июля (5 августа) русские войска 2-й армии (121 689 чел.) оставили Варшаву, взорвав вокзалы и мосты через Вислу. Утром в столицу Царства Польского вошли войска 9-й германской армии во главе с генерал-фельдмаршалом принцем Леопольдом Баварским (81 838 чел.)[20].

В группе Безелера было собрано 55 батальонов, 10 эскадронов, 69 ½ батарей (390 орудий). На каждое легкое орудие было выделено по 1000 снарядов, на тяжелые пушки и гаубицы — по 600, на 21-см мортиры по 400, на 30,5-см и 42-см мортиры — по 200 снарядов[21]. По большей

---

17 *Bettag F.* Die Eroberung von Nowo Georgiewsk. — Oldenburg — Berlin, 1926. S. 32–33.

18 Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 377. Л. 91–104, 301; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. S. 45. Без учета крепости Новогеоргиевск (89 227 чел.).

19 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 130. Л. 254, 267–269; *Gallwitz M. von.* Meine Fuerertaetigkeit im Weltkriege 1914/1916. S. 312.

20 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 340.

21 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 377; *Bettag F.* Die Eroberung von Nowo Georgiewsk. S. 44.

части пехота была представлена ландвером, ландштурмом и запасными полками; с русской стороны ополчение составляло половину гарнизона Новогеоргиевска (из 91 686 чел. с 197 пулеметами, 1253 орудиями), но в отличие от германцев не имело боевого опыта. С 25 июля (7 августа) группа Х. фон Безелера была выделена из 12-й армии и подчинена непосредственно главнокомандующему на Востоке[22].

К вечеру 28 июля (10 августа) русские 1-я и 12-я армии отошли на новые позиции, германские войска заняли Едвабно, Остров, Малкин, полностью овладели крепостью Ломжа, закрепились на берегах Буга и Брока до Андржеева. М. фон Гальвиц, группа которого была преобразована в 12-ю армию, готовился продолжать продавливать стык русских армий, но Э. Людендорф категорически приказал перенести направление удара на правый фланг — вдоль правого берега Буга[23].

Вечером 4 (17) августа главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев отдал так называемую «предварительную директиву» по организации дальнейшей обороны. В район Вильны перевозились Гвардейский, 2-й Кавказский и 2-й Сибирский армейские корпуса, составляя резерв главнокомандующего; в 1-ю армию передавались корпуса 12-й армии, а 2-я армия принимала часть сил 1-й армии. В 4-й армии оставался прежний состав, корпуса 13-й армии передавались в 3-ю армию, а штаб и управление переименовывались в 12-ю армию с передислокацией в Рижский район. Намечались и рубежи последовательного отвода войск — вплоть до линии р. Шара (Щара). Переход к новому составу осуществлялся с полуночи на 7 августа[24].

Оставленный на произвол судьбы гарнизон Новогеоргиевска пытался противостоять начавшемуся штурму и даже несколько раз отбивал захваченные германцами форты. Но под огнем тяжелой артиллерии, которая стала простреливать после падения первой линии фортов всю площадь крепости, 7 (20) августа самая крупная твердыня Российской империи пала. В руках противника оказалось 1500 офицеров и чиновников и до 90 тыс. нижних чинов, 1640 орудий, 103 пулемета, 23 219 винтовок, 160 тыс. снарядов и 7,1 млн. патронов. Среди пленных было 18 генералов[25].

---

22 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 352.

23 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 131. Л. 162, 170; *Gallwitz M. von.* Meine Fuerer taetigkeit im Weltkriege 1914/1916. S. 324–325.

24 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 100–101.

25 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 745. Л. 6, 18, 27; *Гущин Ф.А., Жебровский С.С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010. С. 72–73; Amtliche Kriegsdepesche. Bd. 3. S. 865, 900.

Падение Новогеоргиевска и Ковно решило судьбу Осовца и Брест-Литовска, которые решено было эвакуировать. 10–12 (23–25) августа в упорных боях с русскими арьергардами 1-й, 2-й и 4-й армий германские войска продвигались в излучине Нарева и перешли реку у Крашево и Ванево, форсировали Орлянку и приблизились с запада к Беловежской пуще. В ночь на 13 (26) августа русские войска вновь отошли, преследуя их, германские дивизии заняли Белосток и вышли на линию Новоберезово, Луще, Ленево, Филипки, Жабово, Плоски. В этот же день противник занял подожженный при отступлении Брест-Литовск[26].

Таблица 2. Потери сторон в Нарево-Бугской (2-й Праснышской) операции 30 июня (13 июля) — 13 (26) августа 1915 г.[27]

сторона	убито		пропало без вести		ранено, отравлено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
русские	748	37 497	2096	229 865	2364	160 480	4947	427 842
германцы	967	24 047	30	4461	1672	73 509	2381	102 017

Операция на Буге и Нареве завершилась. Штаб главнокомандующего на Востоке констатировал неудачу попыток окружения или охвата русских армий перед средним течением Буга[28]. Русские армии центра Северо-Западного фронта отошли за Буг и Нарев, не потеряв соприкосновения друг с другом и не допустив глубокого прорыва германских войск. В то же время как германские, так в особенности и русские войска понесли тяжелые потери. Перерасход скромного запаса снарядов стал сказываться на результативности русской обороны: к августу войска утратили способность вести затяжные бои. Итогом стало падение либо оставление пояса западных крепостей, в том числе двух наиболее сильных — Ковно и Новогеоргиевска. Такой результат во многом стал

[26] *Gallwitz M. von.* Meine Fuerertaetigkeit im Weltkriege 1914/1916. S. 344–348.

[27] Составлено и подсчитано по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 44. Л. 136, 257; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 96. Л. 62, 86, 96, 103, 122, 135; Ф. 2106. Оп.1. Д. 427. Л. 47, 99; Оп. 2. Д. 42. Л. 222; Ф. 2110. Оп. 2. Д. 90. Л. 300–309, 381, 384; Deutsche Verlustlisten. Armee-Verordnungsblaetter № 615 — 1297. 02.08.1915–06.12.1916.

[28] Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 54.

следствием боевых действий на левом фланге армий Северо-Западного фронта между Вислой и Бугом.

Большое значение для исхода военных действий в июле–августе 1915 г. имело наступление группы армий генерал-фельдмаршала А. фон Макензена, начатое 1 (14) июля. Эту операцию можно назвать **Висло-Бугской**; в австрийской и венгерской историографии она имеет название **«Брестской кампании (похода)»**. Главные силы группы армий атаковали русские 3-ю и 13-ю армии в направлении на Люблин и Холм. Армия Р. фон Войрша теснила к фортам Ивангорода русскую 4-ю армию. Австро-венгерские 1-я и 2-я армии атаковали стык 13-й и 8-й армий на р. Буг и 5 (18) июля захватили плацдармы у Крыстынополя и Сокуля. К 6 (19) июля противник прорвал позиции 4-й армии у Сенно, а также на фронте 3-й армии — до 32 км по фронту и на 12 км в глубину. 4-я, 3-я и 13-я армии начали отход, в том числе последняя за р. Буг[29].

Днем 6 (19) июля по просьбе М.В. Алексеева верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич прибыл в Седлец, где, ознакомившись с обстановкой, разрешил главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта самостоятельно распорядиться отводом армий в случае необходимости от линии р. Вислы на восток, в том числе эвакуировать Варшаву. С вечера 4-я, 3-я и 13-я армии возобновили отход, прервав бои вне зависимости от их успешности. Жалоба командира Гвардейского корпуса генерала от кавалерии В.М. Безобразова на действия командующего 3-й армией Л.В. Леша, не разрешившего переходить в наступление, была оставлена М.В. Алексеевым без внимания. 3-я армия отошла к Чернееву, Пяскам, Бродичам, Суходолам и далее до Жултанце, выведя в резерв 10-й армейский корпус. 13-я армия также отошла до Войславице, Лемешова, Зарубцы, Цуцнево, Литовижа[30]. Еще более неудачно складывалась обстановка на левом берегу Вислы, где армия Р. фон Войрша подошла к Варке, Магнушеву, Рычиволу, Ивангороду, Ново-Александрии и Казимержу. Уже 9 (22) июля противник атаковал форты Ивангорода. 16-й армейский и Гренадерский корпуса 4-й армии отступили за Вислу[31].

---

[29] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 8; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 629–630.

[30] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 86. Л. 290; Д. 132. Л. 285–286; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 77–78.

[31] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 92. Л. 44, 47, 51, 59, 63; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 141–144, 146; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 632–633, 638-639.

9 (22) июля М.В. Алексеев был вынужден отдать директиву о постепенном отводе 3-й, 4-й и 13-й армий на заранее подготовленную позицию Ивангород — Коцк — Любомль –Ковель. При отходе на 13-ю армию возлагалось прикрытие путей к Брест-Литовску, Владимир-Волынскому и Ковелю[32]. С подходом подкреплений 3-я армия перешла в наступление, в том числе войсками Гвардии; А. фон Макензен решил до 16 (29) июля перейти к обороне и измотать русские войска по образцу сражений у Гумина и на р. Сан. Бугская армия 10 (23) июля вынудила к отступлению русскую 13-ю армию; на фронте 8-й армии противник 12 (25) июля овладел плацдармом у Каменки Струмиловой; после стоивших больших жертв контратак русские войска здесь 15 (28) июля перешли к обороне и оставили попытки ликвидировать плацдармы австро-венгров на Буге[33].

Таблица 3. Соотношение сил сторон в Висло-Бугской операции

на 15 (28) июля 1915	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Северо-Западного фронта (левое)					
русские армии (в т. ч. 8-я)	436 083	54 152	1496	2933	33
армии противника (АОК)	483 996	28 437	1490	2475 (378)	102

В ночь на 16 (29) июля Ландверный корпус армии Р. фон Войрша перешел через Вислу четырьмя отрядами от Кобыльницы до Магнушева. Выбранный участок русской 4-й армии был ослаблен направлением двух бригад в Ивангород и на Нарев; все отряды были переправлены на восточный берег и смогли закрепиться; у Магнушева переход реки стал полной неожиданностью для русской стороны. Попытки сбросить германцев в Вислу не удались[34]. Одновременно с утра 16/29 июля ударная группа О. фон Эммиха из 11-й германской армии прорвала позиции 3-й армии от Игнасина до Олесников на глубину 8 км и перерезала железную дорогу между Люблином и Холмом, заняв Травники и Бискупи-

[32] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 78.

[33] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 312. Л. 133, 135–137, 139, 156; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л.25–27; Österreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 663–664.

[34] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 92. Л. 182; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 159–160, 165, 168.

це. 17–18 (30–31) июля русские 4-я, 3-я и 13-я армии отступали, преследуемые противником. Крепость Ивангород начала эвакуироваться, на позициях осталось только 14 орудий[35].

19–21 июля (1–3 августа) группа армий А. фон Макензена потеснила русские войска по всему фронту от Ивангорода до Буга; были захвачены форты первой линии. М.В. Алексеев, приняв во внимание создавшуюся обстановку на южном крыле фронта, 20 июля (2 августа) приказал 2-й армии в ночь на 21 июля (3 августа) отойти на правый берег Вислы, удерживая на левом лишь позиции «на линии бывших фортов Варшавы»; но не ввязываясь в упорный бой с противником на этой позиции, а «имея целью лишь замедление движения противника»[36].

Для продолжения наступления и преодоления русской обороны от Ивангорода до Влодавы с выходом на Александровскую железную дорогу от Варшавы до Брест-Литовска командующий группой армий А. фон Макензен направил австро-венгерскую 4-ю армию на Коцк, 11-ю армию на Парчев, Бугскую армию на Влодаву, 1-ю австро-венгерскую армию на р. Луг и Владимир-Волынский. В течение 22 июля (4 августа) проводилась перегруппировка с передачей боевых участков[37]. Пауза позволила русским армиям в целом беспрепятственно занять новые линии обороны и укрепиться на них. Лишь на левом фланге 13-й армии противник быстро продвигался вперед: корпус Ш. Сурмои занял Маркостав и вышел к р. Луг, кавалерия Э. фон Хайдебрекка захватила Устилуг и Владимир-Волынский. В ночь на 23 июля (5 августа) русские войска оставили Ивангород и Варшаву. В столице Царства Польского при отступлении были вывезены крепостная артиллерия и весь запас снарядов, взорваны вокзалы и мосты. Рассматривался и вариант затопления Варшавы и Новогеоргиевска, для чего в штаб армий Северо-Западного фронта был вызвал генерал-майор А.В. фон Шварц (комендант Ивангорода). Утром в Варшаву вступили германские войска 9-й армии. Вместе с армией Р. фон Войрша они составили группу армий генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского[38].

После отступления русских армий от Варшавы и Ивангорода группы армий принца Леопольда Баварского и А. фон Макензена поставили

---

[35] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 92. Л. 210, 216, 217, 222; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 174; Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 646–647.

[36] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 83.

[37] Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 658.

[38] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 93. Л. 7; Ф. 2110. Оп. 1. Д. 19. Л.57–58; Ф. 13127. Оп. 1. Д. 270. Л. 37; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 340.

войскам новые задачи. Армия Р. фон Войрша должна была пробиться на Луков и Седлец; для объединения действий с наступавшей к Бугу от Варшавы 9-й армией на ее правый фланг были переведены три австро-венгерские кавалерийские дивизии. 4-я австро-венгерская армия должна была продолжать наступление на р. Вепрж и как можно скорее занять Любартов. Фланговые корпуса армии наступали на Баранов и Вельколяс[39].

С 24 июля (6 августа) русские армии левого крыла Северо-Западного фронта отходили с боем за р. Вепрж и р. Луг по направлению к Седлецу и Влодаве. 27–29 июля (10–11 августа) 3-я и 13-я армии в упорных боях отразили натиск противника, но 4-я армия, ведя бой в полуокружении, отступала. Переход в наступление группы армий принца Леопольда Баварского привел к поспешному отходу русской 2-й армии. 29 июля (11 августа) армия Р. фон Войрша завязала бой за Луков. Около полудня главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев отдал директиву об общем отводе армий южного крыла в ночь на 30 июля (12 августа) на линию Чижов, Нур, Морды, Радин (Радзынь), Остров. 4-я армия отводилась на Морды, Радин, Парчев, с временным оставлением на прежних позициях кавалерии с орудиями. 3-я армия отходила на Парчев, Стульно, также прикрываясь двумя казачьими дивизиями и выводя в резерв 14-й армейский корпус. 13-я армия отошла на Забужье, Мельники, Влодаву, кол. Засадка, Билин[40].

Все три армии почти беспрепятственно заняли новые позиции, но на флангах противнику удалось ночью захватить Луков и Бытынь. На совещании главнокомандующих Центральными держав на Востоке в Люблине было принято решение о выделении крупных австро-венгерских сил для предстоящей операции в Восточной Галиции и на Волыни и о развитии наступления группы армий А. фон Макензена четко в северо-восточном направлении. Перейдя к преследованию, армия Р. фон Войрша захватила Миклуше, Стржижев и Радзиков, а 9-я армия вышла к р. Ливец и к г. Соколов[41]. Ночью на 31 июля (13 августа) А.Е. Эверт, Л.В. Леш и В.Н. Горбатовский по приказу М.В. Алексеева продолжили отвод войск к Брест-Литовску: 4-я армия до Лосице, Межиречье, Желизна (штаб в Высоко-Литовске), 3-я армия до флв. Сайбуды, Березовый

---

39 Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 672–673, 683.

40 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 88. Л. 27, 49; Д. 93. Л. 109–110, 113, 120; Д. 134. Л. 169; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 85; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 195; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 684.

41 BA–MA. PH 5–II/304. Bl. 173–174, 177.

Кут, Ломазы, Русилы, Лядзк, Ставки, 13-я армия — до Влодавы, Забужья, Вишнева, прикрывая путь на Ковель[42].

Германское Главное командование еще не утратило надежды «устроить маленькие Канны», окружив русские войска между Бугом и Беловежской пущей. Для этого А. фон Макензен должен был обеспечить направление на Брест-Литовск по линии Ломазы, Бела, Янов, группа армий принца Леопольда Баварского у Немирова и Клещеле зайти в тыл отходящим за Буг русским войскам, а армия М. фон Гальвица должна была замкнуть кольцо у Бельска[43].

К началу августа (ст. ст.) русские армии Северо-Западного фронта окончательно перешли к тактике постоянных ночных отходов, пытаясь таким путем измотать силы противника, но сохранить собственные. Однако темп продвижения групп армий принца Леопольда Баварского и А. фон Макензена не снизился, а даже увеличился. Причины этого следует искать в соотношении сил и средств сторон и в проблемах материального снабжения войск.

В армиях южного крыла Северо-Западного фронта на 1 (14) августа налицо оставалось 812 686 чел. против 830 675 у противника[44] (группы армий принца Леопольда Баварского и А. фон Макензена), так что перевес в силах на этом участке по-прежнему был на стороне Центральных держав. Хотя германские и австро-венгерские войска также испытывали затруднения с доставкой боеприпасов, особенно для артиллерии, в русских войсках эта проблема нарастала с каждым днем. Все эти факторы неблагоприятно отразились на боевых возможностях русских войск, продолживших следовать тактике отступлений и упорных боев арьергардов.

2 (15) августа германские войска Бугской армии перешли у Влодавы на правый берег Буга; к левому берегу Буга севернее Брест-Литовска вышли войска Р. фон Войрша и эрцгерцога Йозефа Фердинанда. На следующий день реку перешла у Дрогичина кавалерия 9-й армии. Потерпев неудачу при контрударе у Влодавы, русская 13-я армия 5/18 августа полностью перешла на правый берег Буга. Брест-Литовск оказался

---

42 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 88. Л. 62–63; Д. 93. Л. 123, 138; Д. 134. Л. 183; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 689–691.

43 Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 692–693.

44 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 378. Л. 202–216, 282–287, 335–337, 407–413, 462–464; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 689–691; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 692–693

в полуокружении, из крепости стали вывозить артиллерию и припасы. 7 (20) августа армия была расформирована. К этому времени вся группа армий принца Леопольда Баварского перешла Буг, а на южном фланге Бугской армии германская и австро-венгерская кавалерия достигла р. Турия. Ковель был занят противником 11 (24) августа[45].

Не желая повторить в Бресте судьбу Новогеоргиевска, М.В. Алексеев согласился на немедленное оставление крепости. 4-я армия также отводилась, хотя противник только приближался к ее позициям. В 2–3 перехода, начиная с ночи на 13/26 августа, 2-я, 3-я и 4-я армии отводились на Городок, Рудню, Шерешево, Кобрин. При отступлении требовалось портить и заваливать засеками дороги, взрывать мосты и гати[46].

Радиограммы штаба армий Северо-Западного фронта об отводе армий на новые позиции в ночь на 13 (26) августа были перехвачены и расшифрованы в штабах П. фон Гинденбурга, А. фон Макензена и принца Леопольда Баварского. С ночи началось преследование отступающих русских войск. Австро-венгерская 1-я армия получила новую задачу — двинуться в разрыв между флангами 3-й и 8-й армий — и до вечера заняла тремя корпусами линию Зимно, г. Турия, Свинярин, Голобы, развернув фронт на Луцк. А.А. Брусилов поручил 12-му армейскому корпусу поддержать кавалерийский корпус Ф.С. Рерберга от Торчина до Печихвостов и выдвинуть конницу на Ковель-Луцкое шоссе. Для более прочного обеспечения стыка фронтов главкоюз Н.И. Иванов приказал перевести в состав 8-й армии на Киверцы и Рожище новый 39-й армейский корпус. В тылу Брусилова уже была закончена укрепленная позиция от Рожище через Торчин, Садово, Езерцы, Горакова, Колки до Сокуля на р. Стырь[47].

После захвата Брест-Литовска рано утром 13 (26) августа группа армий А. фон Макензена продолжила наступление на р. Лесная: 10-й и 22-й резервные и Гвардейский корпуса перешли реку и захватили Рудку, Подлесье, Пруску. 4-я австро-венгерская армия также перешла р. Лесная, заняла Каменец-Литовск и продвинула вперед кавале-

---

45 BA–MA. PH 5–II/304. Bl.211–215, 219; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 226; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 704–705.

46 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 93. Л. 389, 393, 395; BA–MA. PH 5–II/304. Bl. 249–250; *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 2. S. 204; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 719–722.

47 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 179–180; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 707, 721.

рию до 15 км. Севернее Каменец-Литовска вышли к реке войска Р. фон Войрша, а 9-я армия заняла южные и западные опушки Беловежской пущи до Гайновки и направила для соединения с 12-й армией на Волковыск 9-ю кавалерийскую дивизию. К этому же времени германская группа армий П. фон Гинденбурга занимала линию от Суховоли, Белостока, Вилюнишек до Вилькомира, Понедели, Митавы[48].

Таблица 4. Потери сторон в Висло-Бугской операции 1 (14) июля — 15 (28) августа 1915 г.[49]

сторона	убито		пропало без вести		ранено, отравлено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Русские войска	567	39 087	825	154 588	2914	181 120	4306	374 795
Германские войска	*651*	*24 333*	*55*	*4736*	*1539*	*62 160*	*2245*	*91 229*
Австро-венгерские войска	276	12 198	260	23 806	1137	54 384	1673	90 388
ВСЕГО противник	**927**	**36 531**	**315**	**28 542**	**2676**	**116 544**	**3918**	**181 617**

Трофеями противника стали 113 975 пленных (из них 457 офицеров), 228 пулеметов и 38 полевых орудий, частично — вооружение и запасы крепостей Ивангород и Брест-Литовск. От интенсивного ведения огня или попаданий снарядов вышло из строя 50 пулеметов и 230 орудий (из них 8 разбито). Русскими войсками было захвачено 16 709 плен-

[48] Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. S. 722–723.

[49] Составлено и подсчитано по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 44. Л. 136, 213, 257; Д. 48. Л. 63; Д. 86. Л. 265; Д. 87. Л. 337–339, 358; Д. 132. Л. 281–282; Д. 133. Л. 97–98; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 96. Л. 62, 86, 96, 103, 122, 135; Ф. 2118. Оп. 2. Д. 49. Л. 279–283, 288, 302; Д. 50. Л. 41–73, 81–92; Д. 51. Л. 39–40, 44; Ф. 2134. Оп. 2. Д. 297. Л. 153–336; Öesta-KA. AOK — Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op.25800, 27300, 29400; Karton 2688. Op.23616, 25279; Karton 2699. Op.32700, 34200, 35600; Karton 2715. Op.5600/20, 5880/1, 6160/1; Karton 2738. Op.360/6, 360/7, 360/8; Deutsche Verlustlisten. Armee-Verordnungsblaetter № 615 — 1297. 02.08.1915– 06.12.1916.

ных (из них 256 офицеров), несколько пулеметов, 2 самолета (упавших или потерпевших аварию в расположении русских армий)[50].

Наступление армий Центральных держав на южное крыло войск Северо-Западного фронта в июле–августе 1915 г. получило характер фронтальной операции, однако глубокий прорыв русских позиций осуществить противнику не удалось. Русские войска 4-й, 3-й и 13-й армий упорно и умело оборонялись. Но в условиях нехватки боеприпасов не только для артиллерии, но и для ручного оружия, которая обострилась именно в этот период, не только попытки контрударов, но и длительная оборона позиций, разбиваемых огнем орудий, превращались в истребление русских войск. Удержать линию крепостей на Висле не удалось, так как германские войска смогли создать угрозу выхода в тыл прорывом севернее Ивангорода. После оставления Варшавы русское командование пыталось сберечь силы армии и измотать противника постепенным отходом с боем за среднее течение Буга. Но и этот маневр привел только к потере всей территории Царства Польского и тяжелому урону в личном составе. Не смогли выдержать длительного штурма и мощные крепости Российской империи — Новогеоргиевск, Ковно, Ивангород, Брест-Литовск. В результате к осени 1915 г. русская Действующая армия находилась в состоянии худшем, чем в середине лета. Осуществленные призывы новобранцев срока 1916 г. и ополчения (май 1915 г.) остались на полях сражений. 15/28 июля пришлось призвать новобранцев срока 1917 г., причем направить их в войска без подготовки, и оставить в рядах армии «ошибочно призванных льготных по семейному положению»[51].

Риго-Шавельская операция носила вспомогательный и в какой-то мере отвлекающий характер. 1(14) июля после мощной артподготовки германская пехота форсировала р. Виндава (Вента) у Ляцково и Пивова, Попелян и Мейноры, не встретив сопротивления со стороны русских частей отряда генерал-лейтенанта Г.М. Ванновского, и продвинулась до Гривайшена — по дороге на Альт-Ауц. К 11 часам были наведены мосты для тяжелой артиллерии германцев, и вскоре батареи откры-

---

[50] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 44. Л. 26–27; Д. 48. Л. 312–314; Д. 86. Л. 265; Д. 87. Л. 337–339, 358; Д. 132. Л. 281–282; Д. 133. Л.97–98; Öesta–KA. AOK — Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op.25800, 27300, 29400; Karton 2688. Op.23616, 25279; Karton 2699. Op.32700, 34200, 35600; Karton 2715. Op.5600/20, 5880/1, 6160/1; Karton 2738. Op.360/6, 360/7, 360/8; Amtliche Kriegsdepeschen. Bd.3. S.801, 866. Среди пленных: австро-венгров — 236 офицеров и 15 375 солдат, германцев — 20 офицеров и 1078 солдат.

[51] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1209. Л. 14 об.; Ф. 400. Оп. 19. Д. 142. Л. 113 изоб.

ли огонь с левого берега[52]. Германская кавалерия двинулась к Митаве и Шавлям. Контрмеры русской 5-й армии затруднили действия противника, однако быстрое введение в бой резервов не оправдало себя. 7–8 (20–21) июля противник занял Шавли и вышел к Шлоку.

За 10 дней германская Неманская армия продвинулась до Шлока, Митавы, Бауска и Поневежа, захватила 23 орудия, 40 пулеметов и 27 000 пленных. Русская 5-я армия, хотя и избежала охвата, вынудив противника перейти к фронтальному преследованию, понесла тяжелые потери и поглотила резервы фронта. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев был серьезно озабочен положением на Рижском и Двинском направлениях и приказал для облегчения задачи П.А. Плеве командующему 10-й армией занять участок р. Вилия до Янова 1-й Кубанской казачьей дивизией с приданной пехотой. В это же время П. фон Гинденбург отдал приказ 10-й армии теснее блокировать Ковно с западной стороны, а Неманской армии выдвинуть войска к Янову, форсировать р. Невяжа и направить кавалерию в набег на Вильно[53].

12 (25) июля германские войска захватили Поневеж и выдвинулись к северным фортам Ковенской крепости. 16–18 (29–31) июля началось наступление на Митаву. Был захвачен Бауск, кавалерия продвинулась на 10 км к востоку за р. Аа, заняла Гросс-Эккау, вышла к берегу Рижского залива. Противник захватил 3450 пленных и 6 пулеметов. 19 июля (1 августа) русские отряды на рижском побережье и 7-й Сибирский армейский корпус начали отходить на Ригу; перешедшие в атаку части группы Эб. фон Шметтова заняли Митаву, в которой при отходе были подожжены дровяные склады, и к вечеру находились уже на полпути от Риги[54].

С 25 июля (7 августа) русские войска 5-й армии перешли в наступление, стремясь как можно дальше отбросить германцев от Риги и от Западной Двины. Удалось закрепиться на берегу р. Эккау и потеснить центр Неманской армии у Биржи и Понемуни. Упорные бои с переменным успехом, сопровождавшие наступление русской 5-й армии, не принесли П.А. Плеве ожидаемых результатов, но Риго-Двинское направление было надежно прикрыто, готовившееся противником наступление на Вилькомир сорвано, готовые к отправке против Ковно дивизии задержаны для удержания

---

[52] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 76. Л. 3; *Позек М.* Германская кавалерия в Литве и Курляндии в 1915 г. С. 110.

[53] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 80; Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. 2. S. 787; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S.463.

[54] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 76. Л. 15–18; *Позек М.* Германская кавалерия в Литве и Курляндии в 1915 г. С. 125, 129–130.

позиций Неманской армии. Германская 10-я армия также не могла своевременно начать операцию против Ковно. Эта операция была поручена 40-му резервному корпусу генерала от инфантерии К. Лицмана[55].

30 июля (12 августа) генерал-полковник Х. фон Эйхгорн отдал приказ о незамедлительном начале операции против Ковно. К. Лицману передавались еще две дивизии; против трех фортов было сосредоточено 162 орудия, из них 60 тяжелых и сверхтяжелых. 6 (19) августа форты крепости были захвачены приступом, большая часть гарнизона в беспорядке бежала. Противник захватил до 20 тыс. пленных и всю крепостную артиллерию — 1300 орудий. С 5 (18) августа перешла к обороне и 5-я армия, на которую возобновила атаки Неманская армия германцев. 10-я армия после оставления Ковно также отступала к Вильно и Вилькомиру, переходя на правый берег Немана; крепость Гродно начали эвакуировать и с 10 (23) августа передали в подчинение 1-й армии[56].

13/26 августа Неманская армия развернула наступление на Фридрихштадт, а 10-я армия — к р. Вилия и по левому берегу Немана. Своевременная переброска и введение в бой севернее Вильно восьми русских дивизий сорвали надежды П. фон Гинденбурга на быстрое (после падения Ковно) овладение этим городом, являвшимся крупным узлом железных и шоссейных дорог. Также, благодаря активным действиям русской 5-й армии, не удалось противнику с ходу захватить Якобштадт и Фридрихштадт. К этому времени, как доложил в штаб армий Северо-Западного фронта главный начальник Двинского военного округа инженер-генерал Н.Е. Туманов, были почти полностью закончены работы по созданию Уцянской, Двинской и Виленской укрепленных позиций. На двух первых оставались неготовыми 30% блиндажей и укрытий, на Двинской — еще 10% заграждений, но разместить войска уже было возможно[57]. Это облегчало принятие дальнейших решений по ведению обороны западных губерний Российской империи и по прекращению отступления.

Русская 10-я армия закрепилась на Олитской и Мейшагольской позициях. 19–20 августа (1–2 сентября) германская кавалерия была направлена против Даудзеваса и Ленневардена, а пехота — к Фридрихштадту. К 21 августа (3 сентября) противник захватил Фридрихштадт, Ленневарден, Юнгфернгоф и Миттельгоф, взял в плен 33 офицеров и 2750 нижних

---

[55] В корпусе 79-я резервная дивизия, 9-я ландверная и запасная генерал-майора Р. Ценкера бригады.

[56] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 121. Л. 150–151, 160, 165–167, 169, 251–253; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 485.

[57] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 121. Л. 346.

чинов и пулемет; однако при отступлении русские части сожгли мосты через Двину. Наведение понтонной переправы было сопряжено с большими потерями — при 450-метровой ширине русла фарватер не превышал 50 м[58].

Таблица 5. Потери сторон в Риго-Шавельской операции 1 (14) июля — 21 августа (3 сентября) 1915 г.[59]

сторона	убито		пропало без вести		ранено, отравлено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Русские войска	200	13 825	423	81 463	931	60 120	1554	155 408
Германские войска	249	8812	48	4289	621	24 157	918	37 258

Риго-Шавельская операция была начата германскими войсками Наревской армии группы армий П. фон Гинденбурга с целью отвлечения русских сил от направления главного удара летнего наступления — на Нареве, однако постепенно трансформировалась в наступление двух армий левого крыла противника с целью овладения крепостью Ковно и выхода к Западной Двине. В июльских боях германцам удалось дезориентировать командование армий русского Северо-Западного фронта (М.В. Алексеева) и Ставку, что вызвало переброску на среднее течение Немана и к Риге сил целой армии. Но в августе русским войскам удалось, активно обороняясь, не допустить противника на правый берег Западной Двины и в Вильно. В то же время крупными неудачами действий на этом направлении стали утрата контроля над западной частью Рижского залива, побережьем Курляндии, захват германскими войсками крепости Ковно с ее артиллерией и запасами и плацдарма у Фридрихштадта.

---

[58] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 76. Л. 26; *Позек М.* Германская кавалерия в Литве и Курляндии. С. 147.

[59] Составлено и подсчитано по: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 44. Л. 136, 213, 257; Д. 48. Л.63; Д. 86. Л.265; Д. 87. Л. 337–339, 358; Д. 132. Л. 281–282; Д. 133. Л. 97–98; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 96. Л. 62, 86, 96, 103, 122, 135; Ф. 2122. Оп. 2. Д. 74. Л. 97–98, 102–103, 145, 158; Д. 75. Л. 178–246, 261; Ф. 2144. Оп. 2. Д. 127. Л. 385–391, 435; Deutsche Verlustlisten. Armee-Verordnungsblaetter № 615 — 1297. 02.08.1915–06.12.1916.

Русские войска в ходе летних боев понесли чрезвычайно тяжелые потери как в рядовом, так и в командном составе — более 1 млн. 3 тыс. чел., в том числе более 574 тыс. убитыми, пленными и пропавшими без вести. Был утрачен весь пояс западных крепостей с их многочисленными запасами, которые частично попали в руки противника, а частично были уничтожены при отступлении. Потеря балтийского побережья Курляндии сузило боевые возможности флота. Противник потерял до 360 тыс. чел.

Осенняя кампания 1915 г. на русском фронте (сентябрь–ноябрь 1915 г.)

Ограниченный успех группы армий П. фон Гинденбурга после захвата Ковно и Новогеоргиевска заставил начальника штаба Главной квартиры генерала от инфантерии Э. фон Фалькенхайна принять окончательное решение о свертывании операций на русском ТВД, тем более что необходимы были большие перегруппировки войск для наступления против Сербии и укрепления обороны во Франции и Бельгии. 27–28 августа н. ст. император Вильгельм II по настоянию Э. фон Фалькенхайна отдал директиву о срочном начале подготовки долговременных оборонительных полос на Восточном фронте от Балтийского моря в районе севернее Митавы до р. Нарев у устья р. Наревка и далее через Шерешово, Кобрин и Ратно до Ковеля. При этом продолжать наступление группам армий принца Леопольда Баварского и А. фон Макензена следовало исключительно с целью занятия более удобных для обороны позиций (в обход с севера Беловежской пущи), а группе армий П. фон Гинденбурга — для «нанесения крупного поражения врагу»[60].

За разъяснением этой коллизии П. фон Гинденбург обратился в Главную квартиру и 31 августа получил ответ Э. фон Фалькенхайна, сводившийся к следующему:

— несмотря на то, что Верховное главнокомандование не разделяет уверенности в том, что где-либо и когда-либо действительно возможно разбить врага, который отступает, не считаясь с потерями территории и населения, и располагает еще всей Россией, намерение окончательно разбить часть русских сил, противостоящих его группе армий, полностью отвечает пожеланиям Верховного главнокомандования;

[60] Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 489–490.

Осенняя кампания 1915 г. на русском фронте (сентябрь–ноябрь)

— но при ведении операции, как бы удачно они не сложилась, в очень короткое время необходимо оставить на Восточном ТВД лишь столько войск и боеприпасов, сколько будет достаточно для удержания кратчайшей линии фронта в чужой стране[61].

2 сентября н. ст. до сведения начальника штаба австро-венгерского Армейского главнокомандования генерал-полковника Ф. Конрада фон Хётцендорфа было доведено, что германские войска будут продолжать наступление для занятия и дальнейшей обороны фронта от Рижского залива через Фридрихштадт и Барановичи до Пинска в случае, если удержание этой линии не потребует больше сил, чем какие-либо рубежи позади. К 23 августа (5 сентября) были окончательно сформулированы задачи германских войск в осенней фазе наступления Центральных держав: группа армий принца Леопольда Баварского (армии 9-я и Р. фон Войрша) наступает на Слоним и Зельву, группа армий А. фон Макензена (11-я и Бугская армии) содействует ей, 8-я и 12-я армии развивают удар на р. Щара, главный удар на Вильну и Вилькомир наносит 10-я армия, к ее движению присоединяется Неманская армия. При этом значительные силы должны были в ближайшее время отправиться на другие фронты[62].

В управлении русской действующей армией произошли значительные перемены. Еще 4 (17) августа начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич оформил решение о разделении армий Северо-Западного фронта, несмотря на возражения главнокомандующего М.В. Алексеева. В ночь на 18 августа были образованы управления Северного и Западного фронтов. Главнокомандующим армиями Северного фронта был назначен генерал от инфантерии Н.В. Рузский, начальником его штаба — генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич; в состав фронта вошли 6-я, 5-я и 12-я армии — управление последней было преобразовано из аппарата 13-й армии. Задачей армий Северного фронта становилось прикрытие путей на Петроград, в том числе и от Балтийского побережья. Задачей армий Западного фронта (главнокомандующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев, начальник штаба генерал-лейтенант А.А. Гулевич) стала оборона Виленского, Гродно-Белостокского и Брест-Пинского районов[63]. Положение армий Западного фронта осложнялось тем, что противник стоял на подступах к Вильно и уже овладел Брест-Литовском.

---

61 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 490–491.

62 Ibid. S. 492.

63 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 98–100.

19 августа (1 сентября) 8-я и 12-я германские армии (налицо 335 696 чел.)[64] перешли в наступление на Гродно и Слоним, начав **Виленскую операцию**. Частям 8-й армии удалось за день преодолеть болотистую пойму р. Бобр и подступить к фортам Гродно. 12-я армия противника перешла р. Свислочь. Противнику противостояли 1-я армия генерала от кавалерии А.И. Литвинова (начальник штаба генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе, всего 270 504 чел.)[65] на Гродненском и 2-я армия генерала от инфантерии В.В. Смирнова (начальник штаба генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский, всего 247 176 чел.)[66] на Лидском направлениях. Уже после полудня 19 августа (1 сентября) гарнизон Гродно стал обстреливаться из тяжелых орудий; малочисленность тяжелой артиллерии германской 8-й армии заставила сконцентрировать огонь только по фортам II, III и IV; атаки на форты 1-й и 11-й ландверных дивизий были отбиты гарнизоном. На следующий день противнику удалось овладеть промежуточными окопами между фортами и перейти Неман, с севера части 3-го резервного корпуса германской 10-й армии, наступая от Друскеников, перерезали все дороги на Вильно, и гарнизон под угрозой окружения стал оставлять форты. 21 августа (3 сентября) германские войска ворвались в крепость, части 20-го армейского корпуса и гарнизона отступили на Скидель и Езёра. Противник захватил 3600 пленных и 6 тяжелых орудий[67].

Новый переход в наступление армий Центральных держав, оставление Гродно, выход противника к Западной Двине и к Луцку заставили императора Николая II принять решение о возложении на себя верховного главнокомандования. Об этом было объявлено 23 августа (5 сентября). Новым начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии М.В. Алексеев, генерал-квартирмейстером Ставки — генерал-лейтенант М.С. Пустовойтенко. Главнокомандующим армиями Западного фронта назначался генерал от инфантерии А.Е. Эверт, начальником его штаба оставался М.Ф. Квецинский[68].

До 27 августа (9 сентября) 8-я и 12-я армии противника вели бои у Друскеников, Езёр и Скиделя; группа армий принца Леопольда Ба-

---

64 Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Tafel 11.

65 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 379. Л. 162, 432.

66 Там же. Л. 302, 427.

67 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 496.

68 Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 58; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 105; Николай II. Дневник. С. 258–259. Судя по дневниковой записи («Все обошлось хорошо!»), царь не был уверен в том, что великий князь Николай Николаевич подчинится принятому монархом решению.

варского[69] достигла м. Зельва и перешла р. Зельвянку[70]. Русская 4-я армия, командование которой принял генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза, обороняла позиции от устья Зельвянки до Ивацевичей, имея в строю 25 8131 чел.[71]

Главный удар противника наносился в направлении на Двинск, Вильно, для чего была проведена передислокация соединений Неманской и 10-й армий с сосредоточением почти всей кавалерии на стыке этих армий. В строю в них насчитывалось 502 357 чел.; боевой состав всей группы армий П. фон Гинденбурга русской разведкой оценивался в 295 200 штыков и 12 000 сабель[72]. На Рижском направлении оборонялась 12-я армия Северного фронта (командующий генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский, налицо 185 989 чел.)[73], на Двинском направлении — 5-я армия (командующий генерал от кавалерии П.А. Плеве, налицо 135 638 чел.)[74]. На наиболее сложном Виленско-Минском направлении находились позиции 10-й армии генерала от инфантерии Е.А. Радкевича (налицо 300 147 чел.)[75]. Боевой состав русских армий указан ниже.

Таблица 6. Боевой состав русских армий Северного и Западного фронтов в начале Виленской (Виленско-Двинской) операции 1915 г.

на 15/28 августа 1915	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Северного фронта	115 065	34 459	386	751	18
русские армии Западного фронта	569 320	80 652	1797	3048	42
ВСЕГО	**684 385**	**115 111**	**2183**	**3799**	**60**

[69] Всего налицо 108 362 германских и 108 200 австро-венгерских военнослужащих (OeStA-KA. AOK–Quart. — Abtg. Karton 2715. Op.6160/1; Sanitaetsbericht üeber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Tafel 11).

[70] Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 498.

[71] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 380. Л. 312.

[72] *Евсеев Н.* Свенцянский прорыв (1915 г.). М., 1936. С. 25; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Tafel 11.

[73] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 379. Л. 74, 211.

[74] Там же. Л. 206.

[75] Там же. Л. 240, 252.

Русские войска превосходили германцев в живой силе; кроме того, как и под Горлице, противник наносил удар по наиболее сильной русской армии. При этом полоса нанесения удара германской 10-й армии была выбрана с таким расчетом, чтобы перед ударной группой находилась преимущественно русская конница. Таким местом стал участок фронта от Вилькомира до Уцян. 27 августа (9 сентября) русские позиции были прорваны у м. Ширвинты на глубину до 20 км. Правый фланг Неманской армии прорвался к м. Уцяны, создав угрозу Двинску. К 1 (14) сентября 1-й и 39-й резервные корпуса отбросили левое крыло русской 5-й армии к Двинску и охватили плацдарм по 60-километровой дуге от оз. Салава до Иллукста; ударная группа германской 10-й армии продвинулась до Вилейки и Молодечно, пустив в прорыв кавалерийские корпуса[76].

Еще 29 августа (11 сентября) М.В. Алексеев отдал директиву о переброске к Свенцянам 2-й армии, в которую вошли корпуса, выведенные в резерв из 1-й, 4-й и 3-й армий. Но сосредоточение войск было замедлено как состоянием дорог в результате начавшихся дождей, так и действиями противника на коммуникациях. Только 2 (15) сентября на пути германской кавалерии у м. Солы и Сморгони появился конный корпус В.А. Орановского, однако на следующий день русским войскам пришлось под угрозой окружения оставить Вильно. 12-я, 8-я и 9-я армии германцев к 2 (15) сентября перешли у Липно Неман, форсировали Зельвянку и заняли весь западный берег р. Щара. Группа армий А. фон Макензена (11-я и Бугская армии, всего 263 812 чел.) прорвала позиции русской 3-й армии (командующий генерал от инфантерии Л.В. Леш, всего 326 443 чел.) и заняла Пинск, а 3 (16) сентября форсировала р. Ясельда и достигла Огинского канала, где была остановлена русским контрударом[77].

4 (17) сентября Верховный главнокомандующий Николай II (а фактически М.В. Алексеев) отдал директиву об отводе с ночи на 5 сентября в течение трех последующих ночей армий Западного фронта на линию Михалишки, Ошмяны, Новогрудок, Барановичи, оз. Выгоновское, а 2-й армии овладеть Свенцянами и Михалишками, восстановить связь с 5-й армией Северного фронта и отбросить на Лиду и Вильно противника из Вилейки и Сморгони. Для противодействия коннице противни-

---

[76] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Л. 28–31; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. S. 500–501, 503.

[77] BA–MA. PH–3/53. Generalstab-Mitteilung Nr. 64; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 62.

ка и выхода в тыл его группировке на правом фланге 2-й армии под началом В.А. Орановского соединялись до 8 кавалерийских дивизий. Под их прикрытием на Полоцком направлении собиралась 1-я армия, также развернутая фронтом на север[78].

Маневр русских войск был облегчен начавшимся массовым отводом германских войск в резерв для отправки во Францию — для отражения французского наступления в Шампани и Артуа. Верховное главнокомандование считало операцию завершенной, и до конца сентября пределы России покинули 23 дивизии, в том числе 11 из группы армий Макензена и 12 из группы армий П. фон Гинденбурга. Оставшиеся войска с 7 (20) сентября прекращали наступательные действия и отводились на вновь создаваемые укрепленные линии. После упорных боев 11–13 (24–27) сентября в районе Сморгони, Крево, Поставы германские войска стали поспешно отходить под натиском русских 1-й и 2-й армий на «зимнюю линию обороны» от р. Припять у Пинска вдоль Огинского канала, р. Щара, восточнее Барановичей, по р. Березина, мимо Крево, Сморгони, до Нарочских озер, оз. Дрисвяты, западнее Двинска. 27 сентября (9 октября) противник закрепился на указанной позиции и в течение октября отразил попытки русской стороны сбить его с занятого укрепленного рубежа[79].

Виленская операция и Свенцянский прорыв завершились выходом групп армий П. фон Гинденбурга, принца Леопольда Баварского и А. фон Макензена на в целом намеченную Верховным главнокомандованием линию, на которой предстояло держать в будущем оборону. При этом разгромить противостоящие русские войска, как надеялись Э. фон Фалькенхайн и П. фон Гинденбург, не удалось. Несмотря на захват противником 95 885 пленных (из них 421 офицер), 37 орудий, 298 пулеметов, самолета[80], нанесенные врагом тяжелые потери, утрату Вильно и Барановичей, русские войска сохранили боеспособность и в ходе сентябрьских боев переломили ход операции. Это проявилось и в ходе наступления Неманской (с 30 сентября н. ст. 8-й) армии на **Якобштадт** и **Двинск** в сентябре– октябре. Несмотря на стянутую против плацдармов русской 5-й армии многочисленную тяжелую ар-

---

78 Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 62–63; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 118–119.

79 ВА–МА. РН–3/53. Generalstab-Mitteilung Nr.64; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т.2. С.63–64.

80 Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. 3. S. 923, 929. В том числе под Вильно и Сморгонью — 94 офицера и 25 208 нижних чинов, 3 орудия, 81 пулемет.

тиллерию (16 батарей, из них одна 42-см мортир), противнику за два месяца удалось только сократить занимаемый русскими плацдарм, захватив Иллукст и Шлоссберг. 21 октября (3 ноября) германцы и здесь перешли к обороне[81].

Таблица 6. Потери сторон в Виленской операции (16 (29) августа –2 (15) ноября 1915 г.) [82]

сторона	убито		пропало без вести		ранено, отравлено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Русские войска	801	65 132	704	132 776	5100	285 983	6578	483 891
Германские войска	877	38 031	180	13 240	1756	82 957	2813	134 228

Переход инициативы к русской стороне показала и операция австро-венгерских Северных армий против армий Юго-Западного фронта — так называемый «поход на Ровно», или Луцко-Ровненская операция.

Продолжая преследование отступающих русских войск, австро-венгерские армии правого крыла (1-я, 2-я, 7-я и Южная — 243 392 штыка, 19 742 сабли, 759 пулеметов, 66 минометов, 1308 орудий) завязали бои за овладение плацдармами на реках Буг, Липа, Днестр. Здесь они встретили упорное сопротивление 8-й, 11-й и 9-й армий Юго-Западного фронта (247 743 штыка, 44 213 шашек, 886 пулеметов, 1198 орудий, 16 самолетов)[83]. Только в районе Сокаля и Крыстынополя австро-венгерским войскам удалось оттеснить русских за государственную границу, а на Днестре — ликвидировать плацдарм у Чернельницы[84]. В руках русских войск осталось 10 тыс. кв. км галицийской земли. Однако до

---

81 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 76. Л. 32–52.

82 Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 332. Л.8, 17–18, 40–43, 60–90; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 96. Л. 164, 187, 214, 239, 252; Deutsche Verlustlisten. Armee-Verordnungsblaetter № 615 — 1297. 02.08.1915–06.12.1916.

83 KA–AOK. Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op. 25800; Karton 2688. Op. 23616; Karton 2718. Gstb. Nr.220 (28.07.1915); Karton 2729. Op. 808/48; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 377. Л. 29–30, 334–339, 415–420.

84 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 149, 150; Amtliche Kriegsdepesche. Bd. 2. S. 799; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 2. S. 602–605.

конца ликвидировать все русские плацдармы не удалось. Многочисленные реки, пересекающие восточную Галицию с севера на юг, становились естественными линиями обороны, за овладение которыми велись упорные бои.

Таблица 7. Потери русских армий Юго-Западного фронта и австро-венгерских Северных армий в боях за плацдармы на Буге, Злотой Липе и Серете в июле–августе 1915 г. [85]

АРМИЯ	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
всего ЮЗФ	129	9966	115	18 233	720	45 963	964	74 162
ВСЕГО АОК	161	4525	174	14 607	422	19 733	757	38 865
в том числе германские войска		*60*		*15*		*108*		*183*

В конце августа 1915 г. австро-венгерское командование планирует крупное наступление на Ровно силами 1-й и 4-й армий. Одновременно 2-я, 7-я и Южная армии должны были окончательно вытеснить русские войска из пределов Австро-Венгрии и по возможности занять Подолию. Замысел операции 1 (14) августа был изложен начальником Генерального штаба Австро-Венгрии генералом от инфантерии Ф. Конрадом фон Хётцендорфом своему германскому коллеге генералу от инфантерии Э. фон Фалькенхайну. Успех должен был принести прорыв на стыке 3-й армии Северо-Западного фронта и 8-й армии Юго-Западного фронта и охват левого фланга 8-й армии с выходом к Ровно. По русской 11-й армии наносили фронтальный удар 2-я и Южная армии противника. 7-я армия по возможности вытесняла русскую 9-ю армию с Днестра

[85] OeStA–KA. AOK–Quartiermeister–Abteilung. Karton 2680. Op. 25800, Op.27300, Op.29400; Karton 2688. Op. 23616, Op.25279; Karton 2718. Gstb. Nr.220 (28.07.1915), Gstb. Nr.260 (20–25.08.1915), Gstb.290 (06.09.1915); Karton 2729. Op. 808/48, Op. 817/12, Op. 902/69; РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 424. Л. 127; Ф. 2139. Оп. 2. Д. 86. Л.4–19; Ф. 2148. Оп. 2. Д. 90. Л.141, 144, 148; Д. 91. Л.8, 32–33.

и занимала Каменец-Подольский[86]. Противнику удалось сосредоточить численно превосходящие силы, особенно на правом фланге 8й русской армии. При этом в резерве для развития успеха находилась вся австро-венгерская 4-я армия. Но и командование армий Юго-Западного фронта, используя устойчивое положение 9-й армии, сосредоточило резерв в два армейских корпуса для парирования возможного прорыва и охвата 8-й армии.

Таблица 8. Соотношение сил сторон в Луцко-Ровенской операции[87]

на 15 (28) августа 1915	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Юго-Западного фронта	285 869	33 997	1082	1288	25
3-я русская армия Западного фронта	159 537	20 504	389	595	3
ИТОГО	**445 406**	**54 501**	**1471**	**1883**	**28**
Группа Герока и австро-венгерские армии Северного фронта	501 779	39 170	1425	2066 (265)	57
на 15 (28) сентября 1915					
русские армии Юго-Западного фронта	243 077	44 739	1236	1277	29
австро-венгерские армии Северного фронта	362 060	28 250	1043	1752 (282)	58

[86] Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. — Wien, 1932. S. 12–14.

[87] OeStA–KA. AOK–Quartiermeister-Abteilung. Karton 2688. Op.25279; Karton 2718. Gstb.290 (06.09.1915); Karton 2729. Op. 902/69; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 379. Л.117–121, 141–145, 287, 338, 344, 421. В русских армиях 9 бронеавтомобилей, у противника — 2; в русских армиях всего налицо более 1 млн. чел., у противника — 1,12 млн. чел.

После занятия 1-й австро-венгерской армией Ковеля 12 (25) августа эрцгерцог Йозеф Фердинанд развернул 14-й корпус в обход правого фланга русской 8-й армии, 9-й и 10-й корпуса направил на Локачи и вдоль Луцкого шоссе; по Луге и Бугу наступали 1-й и 2-й корпуса 1-й армии. Ударная группа 2-й армии Э. фон Бём-Эрмолли нанесла удар в долине р. Золочувка с задачей выйти на р. Иква. Значительный перевес в живой силе парировался изрезанной реками болотистой местностью и разрушенными дорогами в тылу. Работала только магистраль от Равы-Русской и Львова (Лемберга)[88].

13–14 (26–27) августа австро-венгерская 1-я армия, объединив под началом П. фон Пухалло три корпуса 4-й армии, продвинулась до Киселина, Порицка, Шельвова, Рожище и вышла к р. Стоход. 5-й корпус 2-й армии нанес удар по 6-му армейскому корпусу русской 11-й армии у м. Гологуры и Дунаюва и перешел р. Злота-Липа. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов для парирования обхода передал А.А. Брусилову свой резерв — 39-й армейский корпус генерал-лейтенанта С.Ф. Стельницкого (102-я и 105-я пехотные дивизии) — с задачей нанесения встречного удара по австро-венграм северо-западнее Луцка. Для сокращения фронта было приказано в ночь на 15 (28) августа начать отвод войск 8-й армии за р. Серна, на рубеж Торчин, Топоров, а 11-й армии — к Белому Камню, за Злочув и р. Стрыпа[89].

15–17 (28–30) августа австро-венгерские войска продолжили наступление и перешли в нескольких местах р. Стырь, захватили Стоянов, Дружкополь, Свинюхи, ст. Киверцы. 14-й корпус обошел Луцк с востока, контратаки 39-го армейского корпуса и кавалерии Ф.С. Рерберга были отражены. Н.И. Иванов разрешил А.А. Брусилову начать постепенный отвод 8-й армии на Сарны, р. Горынь и просил соседнюю 3-ю армию не отходить и поддержать конницей правый фланг фронта. Отправка 30-го армейского корпуса на Северо-Западный фронт была отменена, он направлялся также в 8-ю армию. Эти маневры облегчались наличием в тылу рокадной железной дороги[90].

18 (31) августа австро-венгерский 14-й корпус нанес новый удар и овладел Луцком. 8-я армия отступила к Сарнам, Клевани, Олыке

---

88 Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 51–53.

89 Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 89; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 56–58.

90 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 217–219, 222, 236, 238–239, 243–244; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 60–64.

и за р. Стырь. Причиной неудачи стало то, что в разгар атаки 39-го армейского корпуса закончились патроны к японским винтовкам, которыми он был вооружен. На участке 11-й армии был нанесен удар по Злочуву, но здесь бои приняли упорный характер; контрударом 22-го и 18-го армейских корпусов удалось вернуть часть позиций и захватить 4689 пленных из Южной армии противника, отброшенной за р. Студзянка. Новыми атаками противник оттеснил правый фланг 8-й армии до рек Горынь и Путиловка, захватил Броды, а южнее — Злочув и Радзивилов. 11-я армия и правое крыло 9-й армии были 19–20 августа (1–2 сентября) оттеснены за р. Серет от Тарнополя через Трембовлю и Чорткув до устья[91].

18 (31) августа Ф. Конрад фон Хётцендорф довел командующим армиям цель дальнейших действий: не только очистить от русских войск Восточную Галицию, но и нанести решительный удар, для чего 2-й армии, избегая затяжных боев, обойти р. Иква с юга через Кременец, 1-й армии также обходом захватить Дубно, 4-й армии как можно скорее овладеть Ровно, куда прибывают русские подкрепления. После перегруппировки австро-венгерские войска продолжили наступление, натолкнувшееся 21–22 августа (3–4 сентября) на упорное сопротивление русских 8-й и 11-й армий. На правом фланге 8-й армии перешли в наступление конница Ф.С. Рерберга, 12-й и 39-й армейские корпуса. Противник был потеснен, захвачено 4453 пленных и 15 пулеметов. Но затем австро-венграм удалось охватить наступающих с флангов и оттеснить на Сарны, Деражно, Степань, Олыку, Цумань. Бои на участке 11-й армии завершились потерей Радзивилова[92].

Выдвинутый для прикрытия разрыва между отходящими флангами 8-й и 3-й армии 4-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Я.Ф. фон Гилленшмидта, усиленный 77-й и 83-й пехотной дивизиями, 23 августа (5 сентября) взял в клещи походную колонну австро-венгерской 7-й кавалерийской дивизии и остановил продвижение вражеской кавалерии восточнее м. Колки, оказавшись глубоко в тылу противника. Для защиты коммуникаций против конницы Гилленшмидта были направлены австро-венгерская 1-я кавалерийская дивизия и 1-я бригада Польского легиона. Но в 8-й армии на правом фланге было потеряно с. Пондыки, противник вышел к дороге Цу-

[91] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 311–312, 317, 327; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 65, 69–71.

[92] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 337–339, 355–356, 369–372; Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 74–79, 81–82, 89–91.

мань — Клевань, однако дальнейшее его наступление было отложено до 26 августа (8 сентября). На участках 11-й и 9-й армий австро-венгры предприняли несколько атак на плацдармы у Тарнополя и Чорткува, но успеха не имели[93].

24–25 августа (6–7 сентября) австро-венгерская 1-я армия прорвала позиции 8-й армии у м. Подкамень и Подберезье, захватив 6000 пленных и 6 пулеметов; А.А. Брусилов отвел войска за реки Горынь, Стубель и Иква. 2-я австро-венгерская армия направила часть сил к м. Подкамень, оказав поддержку 1-й армии; в Южной армии были начаты атаки на Тарнополь. Русская 11-я армия отводила 6-й и 18-й армейские корпуса, но нанесла удар 22–м армейским корпусом у Настасува и Ходачува, оказав содействие перешедшей в наступление у Трембовли 9-й армии. 18-й армейский корпус также провел контратаку у Тарнополя 25 августа (7 сентября). Было взято 8200 пленных, 21 пулемет и 14 орудий. Попытка корпуса З. фон Бениньи контратаковать сначала имела успех: была взята русская позиция на Серете, захвачено 3700 пленных и 7 пулеметов, но отсутствие резервов вынудило австро-венгров вернуться на исходные позиции. Русские 2-й кавалерийский и 11-й армейский корпуса отбросили противника за р. Серет и захватили 3355 пленных, 10 пулеметов, 3 орудия. Э. фон Бём-Эрмолли был вынужден направить на поддержку Южной армии 14-ю, 34-ю и 51-ю пехотные дивизии[94].

26 августа (8 сентября) 10-й корпус 4-й австро-венгерской армии нанес удар на Клевань и Цумань, но из-за дождей пойма р. Путиловка превратилась в болото, и продвижение шло медленно. 1-я армия вышла на р. Иква у Млынова и Вербно; 27 августа (9 сентября) был занят оставленный русскими г. Дубно. А.А. Брусилов отвел войска 8-й армии на р. Стубель. 11-я и 9-я русские армии в эти дни продолжали атаки на стык Южной и 7-й армий и у Тарнополя, Настасува выбили противника за р. Серет. В ходе продолжающихся упорных боев 28 августа (10 сентября) противнику удалось потеснить 6-й и 7-й армейские корпуса у Ново-Алексинца, отразить атаки 11-го армейского корпуса у Хмелювки, но 33-й армейский корпус у Белого Потока и Залещиков отбросил корпуса А. фон Ремена и Й. фон Энрикеса, захватив еще 4716 пленных. Ф. Конрад фон Хётцендорф был

---

93 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 381, 393, 412; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л.14; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 83–84.

94 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 421, 426, 431; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 89–92, 97–101.

вынужден отменить отправку на сербский фронт 6-го корпуса и назначить его в резерв[95].

Ф. Конрад фон Хётцендорф усилил 2-ю армию за счет 1-й, которая переходила к обороне, как и 7-я и Южная армии, выделил кавалерию левого фланга для борьбы с 4-м кавалерийским корпусом 3-й русской армии севернее и восточнее Ковеля, а атаку на Ровно приказал вести только силами 4-й армии. Но 29–30 августа (11–12 сентября) в Ровно прибыли эшелоны 30-го армейского корпуса, усилившие правый фланг 8-й армии. Бои у Гарайтовки, Дюксина и Деражно окончательно обескровили 14-й и 10-й корпуса противника, хотя эти пункты и были им захвачены. На участке 11-й армии ее 7-й и 6-й армейские корпуса смогли остановить продвижение ударной группы армии Э. фон Бём-Эрмолли у Ихровице и Иванчины, а 18-й и 22-й армейские корпуса нанесли контрудар по стыку австро-венгерской 2-й и германской Южной армий у с. Должанка, вынудив корпус В. фон Маршалля отступить за Стрыпу с потерей только пленными 91 офицера и 4644 солдат и 9 пулеметов. К 31 августа (13 сентября) 2-я армия смогла стабилизировать положение, но Южная армия, подвергшаяся атакам и со стороны войск П.А. Лечицкого, отступила за Городище и Езерну, на правый берег р. Восушка. К переправам на Стрыпе был отведен и левый фланг 7-й армии противника[96].

31 августа (13 сентября) русские армии Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. 9-я армия отбросила противника к Залещикам, Хороденке и Бучачу, 11-я армия левым крылом продолжала теснить Южную армию противника, а правым крылом разгромила 5-й корпус у Радомли и отбросила австро-венгерскую 2-ю армию до Ново-Александринца и Лопушно. 1 (14) сентября русский 7-й армейский корпус форсировал р. Иква у Борщовки, 11-й армейский корпус перешел р. Стрыпа и вынудил противника очистить плацдармы на левом берегу реки. В это время 4-й кавалерийский корпус отбил м. Гулевичи и вынудил австро-венгерскую и германскую кавалерию в районе Пинска отступить за Днепро-Бугский канал. Развитию успеха помешал отход корпусов 3-й и 4-й армии за р. Ясельда и Зелвянка перед наступавшей группой армий принца Леопольда Баварского (германские армии: Бугская, Р. фон Войрша и 9-я). Но правый фланг 8-й армии был обеспечен, и 5-й кавалерийский, 30-й и 39-й армейские корпуса перешли в наступление и отбро-

[95] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 446, 460; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 101–106, 112–113.

[96] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 150. Л. 509–510, 601–603; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 108–111, 116–117.

сили к исходу 2 (15) сентября противника от Деражно за р. Кормин, к м. Колки, за шоссе Клевань — Цумань — Карпиловка[97].

2–3 (15–16) сентября в упорных боях австро-венгерские позиции на р. Стубель были прорваны ударной группой 8-й армии; 4-й и 5-й кавалерийские корпуса отбросили противника от Журавиче, сильно, Чарторийска, Оконска до рубежа Колки, Кашовка, Котов. 4 (17) сентября был прорван фронт австро-венгерской 4-й армии на р. Путиловка, и эрцгерцог Йозеф Фердинанд ночью на 5 (18) сентября отвел армию на новые рубежи: кавалерийские корпуса генерал-лейтенанта Э.Х. фон Хайдебрекка, генерала от кавалерии Л. фон Хауэра и генерал-майора Х. Графа Херберштайна от р. Припять у устья Стохода до Любешова и по р. Стырь до с. Сокуль, 10-й корпус у Рожище, 14- й корпус в Луцке, 9-й корпус до устья р. Полонка вдоль Стыри. 1-я армия отошла за р. Иква от Дубно до Торговище. Однако на участке 11-й и 9-й армий противнику удалось остановить наступление на Лопушно, Ново-Алексинец и Бучач. 3–4 (16–17) сентября 2-я и Южная армии противника контратаками вытеснили русские войска с западного берега Стрыпы, вновь взяли Доброполе и Ростоки. К 5 (18) сентября активные боевые действия на Днестре и Стрыпе завершились. Потери противника с начала операции достигали 95 тыс. чел.[98]

5 (18) сентября правый фланг 8-й армии продолжал теснить противника и вышел на линию с. Майдан, Ромашковцизна, Олыка, Подгорцы, Жабка, Острожец, Млынов. Оренбургская казачья дивизия овладела переправами на р. Стырь от м. Колки до Рожища. 6/19 сентября 4-я стрелковая дивизия атаковала Луцк, но была отбита; закончилась неудачей и попытка 17-го армейского корпуса форсировать Икву. На следующий день командиры 8-го и 17-го армейских корпусов заявили о невозможности выйти на рубеж от Подгайцев до с. Поповцы. Сказывалось неравенство сил: противник в полтора раза превосходил 8-ю армию по пехоте и орудиям. А.А. Брусилов решил для развития наступления провести перегруппировку. Начальник оперативного отдела штаба 8-й армии П.С. Махров назвал дни 6–9 (19–22) сентября «подаренными противнику»[99].

На развитии наступления к Луцку сказывалась и обстановка в соседней 3-й армии. 3 (16) сентября германские войска заняли Слоним

---

97 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 15; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 122–124, 126, 134–136.

98 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 15; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 43–44; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 131–132, 137–141.

99 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 380. Л. 228–235; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 45–49; OeStA. KA–AOK. Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op.31000; Karton 2699. Op.37000.

и Пинск и вышли к среднему течению р. Щара. По просьбе австро-венгерского Армейского главнокомандования генерал от инфантерии Э. фон Фалькенхайн передал союзнику 24-й резервный корпус (группу Ф. фон Герока). На основе Бугской армии 7 (20) сентября была образована группа армий генерала от инфантерии А. фон Линзингена, в которую была включена и 4-я австро-венгерская армия. 1-я и 2-я армии составили группу армий генерала от кавалерии Э. фон Бём-Эрмолли. Группа Ф. фон Герока под прикрытием кавалерийской завесы была переброшена к Луцку. 4–6 (17–19) сентября противник отбросил 3-ю Кавказскую казачью дивизию в Струмень, выбил бригаду 83-й пехотной дивизии за р. Стоход, занял Кухоцкую Волю; 8 (21) сентября силам 4-го кавалерийского корпуса удалось остановить продвижение противника, но уже 11 (24) сентября были сбиты с позиции Оренбургская казачья и 16-я кавалерийская дивизии, германцы заняли Костюхновку, Маневичи и овладели берегом р. Стырь[100].

12-й, 30-й и 39-й армейские корпуса 8-й армии 10 (23) сентября возобновили атаки на р. Стырь от Жидычина и Подгайцев, прорвали позиции противника, окружили и частично пленили 24-ю пехотную дивизию. Утром 4-я стрелковая дивизия освободила Луцк; к ночи на 11 (24) сентября правый фланг 8-й армии вышел к кол. Рокини, р. Серна, м. Подгайцы, с. Крупы, Яновичи, Подлисны. За время наступления было захвачено до 12 тыс. пленных, командир и знамя 8-го пехотного австрийского полка. Но центр и левый фланг не двинулись с места. Главкоюз Н.И. Иванов обращал внимание А.А. Брусилова на отсутствие взаимодействия в его войсках: «Не вижу также взаимодействия корпусов во всей 8-й армии: в то время как 30 и 39 корпуса с героическими усилиями совершают доблестный подвиг форсирования Стыри на участке, прикрываемом главнейшими силами противника, 12-й, 8-й и 17-й корпуса ограничиваются поисками разведчиков и бесцельной артиллерийской перестрелкой... Полное отсутствие инициативы, полное подчинение себя воле противника и полное отсутствие взаимной выручки по собственному почину. В таких случаях ждать указаний свыше преступно»[101].

11 (24) сентября в австро-венгерскую 4-ю армию прибыл из резерва 17-й корпус (11-я и 41-я пехотные дивизии); с севера германская и ав-

---

[100] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 16; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 141–142.

[101] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 3. Л. 313–316; Д. 43. Л. 49–50; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 90; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 143–145.

стро-венгерская кавалерия отбросила 5-й кавалерийский корпус к Рафаловке и вновь создала угрозу обхода правого фланга на Ровно. Воздушная и конная разведка обнаружила подход двух колонн противника к Колкам и Яблонке. 24й резервный корпус (1-я и 22-я пехотные дивизии) перешел р. Стоход у Рудки и Червище и 12 (25) сентября занял Колки; кавалерийские корпуса Х. Херберштайна и Л. фон Хауэра достигли Барановичей, Оконска, Яблонки и выдвинулись к р. Стырь. Положение могли поправить удары на р. Иква, наносимые левым флангом 8-й армии и 11-й армией. Атаки русских войск у Дубно, на Млынов и Лопушно 11–12 (24–25) сентября были отражены, захваченный Ново-Алексинец вновь отбит австро-венграми, но удар в стык 8-й и 11-й армий пришлось отложить[102].

Вечером 12 сентября Н.И. Иванов отдал директиву о проведении маневра по отражению контрудара противника. Справедливо считая, что австро-венгерские войска вновь будут пытаться выйти в тыл правому крылу 8-й армии, он приказал отвести его на рубеж Берестяны, Олыка, Млынов; образовать сильную группу у Колок и отходом на Клевань увлечь противника, чтобы ударом во фланг и в тыл разгромить и отбросить на юго-запад от Стыри. Остальные силы 8-й армии, 11-я и 9-я армии должны были перейти в наступление, чтобы связать войска противника и не допустить переброски подкреплений к северу. К ночи на 13 (26) сентября ударная группа начала собираться у Рафаловки, Краснополя, Гарайновки. 3-я армия оказывала содействие ударом на Колки от Рафаловки[103].

Австро-венгерское Армейское главнокомандование вновь планировало провести наступление на Ровно, чтобы перерезать рокадную магистраль Одесса-Барановичи-Вильно. Для этого группа Ф. фон Герока должна была вместе с 4-й армией перейти Горынь и Путиловку, а 1-я армия ударить с юга через Дубно и Млынов, взяв войска А.А. Брусилова в клещи. Для осуществления согласованного маневра А. фон Линзинген потребовал подчинить 1-ю армию ему; Ф. Конрад фон Хётцендорф отказался, и Линзинген дал указание Героку не поддерживать наступление на Ровно, ограничившись выходом на Стырь. 13 (26) сентября кавалерия противника захватила Галузию, а 4-я армия, заметив отход войск А.А. Брусилова, начала преследование и вновь заняла Луцк. 14–15 (27–28) сентября группа Ф. фон Герока захватила переправы на Стыри от Колы до Тростянца, вместе с 4-й армией перешла Стырь и заняла Чарторыйск и Рафаловку. Противник вновь стоял на р. Пу-

---

[102] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 51–53; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 145–151, 154.

[103] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 3. Л. 319–322; Д .43. Л. 54–56.

тиловка, Карпиловка и Кормин, подошел к Берестянам и овладел с. Черныж. А.А. Брусилов объяснял неудачу маневра недостатком сил и «неподходящей» местностью, но доложил об обстоятельствах, мешающих операции, только 16 (29) сентября. Севернее Пинска германские войска к 13 (26) сентября захватили Барановичи и вышли на Огинский канал. 16–18 сентября (29 сентября — 1 октября) в упорных боях на р. Кормин и Стырь продвижение австро-венгерских и германских войск было остановлено[104].

Ставка Верховного главнокомандующего была обеспокоена новым натиском противника на стыке Западного и Юго-Западного фронтов. Николай II лично возложил на 4-й кавалерийский корпус Я.Ф. фон Гилленшмидта прикрытие направлений возможного прорыва. Конице были приданы 77-я, 83-я пехотные дивизии и два полка 49-й пехотной дивизии, что уравняло силы в Полесье. 8-я армия была усилена 2-й стрелковой дивизией из 9-й армии[105].

Главкоюз Н.И. Иванов с 16 (29) сентября приказал армиям перейти к нанесению небольших сильных ударов по важным для австро-венгерских войск пунктам, не ввязываясь при этом в упорные бои. С этой целью 8-я армия должна была попытаться вернуть Луцк и выбить группу армий А. фон Линзингена за р. Стырь; А.А. Брусилов просил командующего 3-й армией генерала от инфантерии Л.В. Леша направить 4-й кавалерийский корпус на Колки, однако тот приказал действовать на Маневичи — не вдоль фронта, подставляя правый фланг под удар, а глубоким обходом. 21–23 сентября (4–6 октября) 2-я сводная казачья дивизия генерал-лейтенанта П.Н. Краснова совершила рейд в тыл армейской группы Ф. фон Герока, пробилась до р. Стоход, захватила с. Червище, перешла за реку и у Карасина и Серхова 26 сентября (9 октября) отбросила австро-венгерскую кавалерию. Но натиск корпусов Э.Х. фон Хайдебрекка и Л. фон Хауэра на фланги 4-го кавалерийского корпуса заставил Я.Ф. фон Гилленшмидта отвести 23–30 сентября (6–13 октября) понесшие тяжелые потери войска за р. Стырь от пог. Заречный до Чарторыйска[106].

Так как армейская группа Ф. фон Герока была отвлечена действиями в ее тылу, правый фланг 8-й армии (5-й кавалерийский, 30-й и 39-й армейские корпуса) 21–23 сентября (4–6 октября) перешел в наступление

---

[104] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 3. Л. 337–338; Д. 43. Л. 57–62; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т 2. С. 91; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 157–159, 164.

[105] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 18; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 63. 2-я и 4-я стрелковые дивизии были сведены в 40-й армейский корпус генерал-лейтенанта С.А. Воронина.

[106] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 19–23.

на Луцк, но был встречен атаками германского корпуса генерал-лейтенанта Р. фон Конты и австро-венгерских групп К. Смекала и Х. Херберштайна. Противник продвигался к Чарторийску, взял Новоселки и Лисово. 26–28 сентября (9–11 октября) русским войскам удалось отбить Куликовичи, но на остальных участках противник вытеснил их за р. Кормин. 8-я армия закрепилась на позициях у с. Балаховичи, Куликовичи, восточнее Черныж, Берестяны, Карпиловка, Олыка, Клевань, Корыто, Колино, Латиничи, Замчиско, Поповцы. На левом фланге 8-й армии 17-му армейскому корпусу удалось захватить Сопанов[107].

С 24 сентября (7 октября) перешли в наступление 11-я и 9-я армии Юго-Западного фронта. У Езёрны и Нестеровице 18-м армейским корпусом были атакованы позиции корпуса В. фон Маршалля (Южная армия); 25 сентября (8 октября) у Плотыче и Бурканува нанесили удар по корпусу П. Хофмана 22-й армейский корпус 11-й армии и 11-й армейский корпус 9-й армии. Введением в бой подкреплений и резервов, в том числе из 2-й армии, русские атаки были отбиты и положение восстановлено. 9-я армия 24 сентября (7 октября) нанесла удар по 11-му корпусу 7-й австро-венгерской армии на Днестре у Топороуца и Онута силами 3-го кавалерийского и 32-го армейского корпусов, но прорвать позиции не смогла. 25–26 сентября (8–9 октября) 2-й кавалерийский корпус атаковал позиции 13-го корпуса у Бучача, продвинувшись несколько вперед. 11-й армейский корпус 28 сентября (11 октября) перешел в наступление на р. Стрыпа и перешел на западный берег у Вишневчика. Для противодействия прорыву противник ввел в бой 6-й корпус, предпринявший несколько контратак на Доброполе 29 сентября (12 октября). 30 сентября (13 октября) 6-й корпус был поддержан полком германской 3-й гвардейской дивизии из Южной армии; перешел в контрнаступление и 13-й корпус. У Бурканува русские войска были отброшены за Стрыпу; 13-й корпус дошел до руч. Джурин и здесь был отброшен на исходные позиции русскими контратаками. 1 (14) октября Ф. Конрад фон Хётцендорф, осознав, что продолжение наступления ведет только к увеличению потерь, приказал перейти к обороне по всему фронту. На следующий день атаки 7-й армии были прекращены[108].

Луцко-Ровенская операция, или «поход на Ровно», не привела к достижению поставленной австро-венгерским Армейским главнокомандо-

---

[107] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 63–69; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 167–170.

[108] Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 171–174.

ванием цели. Небольшую часть Восточной Галиции по-прежнему занимали русские войска; противнику удалось захватить Луцк и часть Волыни и Полесья, однако русские войска переломили ход операции, нанесли австро-венграм сильный контрудар и тяжелые потери. Русские войска, не имея в этой операции превосходства в силах, при этом захватили большое количество пленных — 1294 офицера и 71625 солдат, 212 пулеметов, 37 орудий[109]. Удержать Луцк и линию р. Стырь и Кормин удалось только с помощью германских войск. Результатом упорных и кровопролитных боев осени 1915 г. в Галиции и на Волыни, как и в Белоруссии и Прибалтике, стал переход сил противника к стратегической обороне. [110]

Таблица 9. Потери русских армий Юго-Западного фронта и австро-венгерских Северных армий (включая германские войска) в Луцко-Ровенской операции 14 (27) августа — 2 (15) октября 1915 г.[111]

АРМИЯ	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины
всего ЮЗФ	423	40 782	459	68 637	2500	176 894	3382	286 313
ВСЕГО АОК	462	17 737	1797	120 916	1587	72 466	3846	211 119
в том числе германские войска	*18*	*904*		*602*	*23*	*3114*	*41*	*4620*

[109] Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия. М., 2004. С. 167–168; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 127–128; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. III. S. 160.

[110] Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 91; *Зайончковский А.М.* Мировая война. Маневренный период 1914–1915 гг. на русском (европейском) театре. М.; Л., 1926. С. 372; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 175.

[111] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 424. Л. 128; Ф. 2139. Оп. 2. Д. 86. Л. 101, 288, 347; Ф. 2148. Оп. 2. Д. 90. Л. 39–85; Д. 92. Л.30; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. III. S. 163; OeStA–KA. AOK Quartiermeister-Abteilung. Karton 2689. Op.31278; Karton 2719. Op.190; Karton 2729. Op.1017.

Тяжелые потери австро-венгерских войск привели к переходу инициативы к русской армии. Уже 22 сентября (5 октября) Ставка Верховного главнокомандующего направила главнокомандующим армиями Западного и Юго-Западного фронтов директиву о подготовке «широкого наступления к Висле на операционном направлении Ковель и Брест, Варшава» [112]. Новые наступательные действия армий Юго-Западного фронта были предприняты для ослабления давления германских войск на Западной Двине — в расчете на новые переброски войск на помощь австро-венграм. 8/21 октября русская 11я армия начала наступление на Лопушно, 18/31 октября — на Стрыпе и Икве, вновь прорвав позиции 2-й и Южной армий. Попытки восстановить утраченные позиции не имели успеха, противнику удалось лишь стабилизировать положение на фронте.

Таблица 11. Соотношение сил сторон в боях под Барановичами, Чарторыйском и на Стрыпе[113]

на 1 (14) октября 1915	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Юго-Западного фронта	264 735	48 303	1340	1462	23
3-я русская армия Западного фронта	106 391	18 049	308	498	16
ВСЕГО русские войска	**371 126**	**66 352**	**1648**	**1960**	**39**
австро-венгерские армии Северного фронта	381 727	26 750	1126	1685 (304)	42
германская армия Р. фон Войрша	33 439	554	31	72 (6)	6
ВСЕГО противник	**415 166**	**27 304**	**1157**	**1757 (310)**	**48**

[112] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 7–8.

[113] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 382. Л. 32, 40, 53, 58, 134, 266, 271, 277–278, 352, 361, 547–548; ÖeStA–KA. AOK–Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op.34300; Karton 2689. Op.31080; Karton 2699. Op.40600; Karton 2715. Op.6770/1; Karton 2719. Op.250 (24.10.1915); Karton 2729. Op. 1017/38.

Новое наступление было начато в Полесье, где активизировался 4-й кавалерийский корпус. Но его атаки на р. Стырь 2 (15) октября не имели успеха. 8-я армия, получив еще 82-ю пехотную дивизию из 9-й армии, 3 (16) октября атаковала излучину р. Стырь, Чарторыйск и Колки 30-м, 39-м и 40-м армейскими корпусами. Они в ночь на 4 (17) октября перешли реку и заняли Чарторийск, нанеся тяжелое поражение находившимся на передовых позициях германской 1-й пехотной дивизии[114]. К наступлению присоединились 4-й и 5-й кавалерийские корпуса, 5–7 (18–20) октября занявшие Колодию, Подчеревичи, флв. Александров; однако коннице не удалось перейти через болота в тыл противника. Пехота 8-й армии вклинилась к 7/20 октября до с. Медвеже, Лисово, Яблонка, Должица, Градье, Комаров. Для противодействия наступлению 6–7 (19–20) октября противник нанес удар на Комаров, угрожая южному флангу ударной группы[115].

8–10 (21–23) октября группа Ф. фон Герока нанесла удары по флангам выступа у Чарторийска и оттеснила 5-й кавалерийский корпус от с. Медвеже и Костюхновки, а 30-й и 40-й корпуса до с. Кукли. Вечером 10 (23) октября А.А. Брусилов отдал приказ «без всяких отговорок взять район Колки», направив в ударную группу дивизию из резерва главнокомандующего. Но противник продолжал атаковать и 11–13 (24–26) октября овладел с. Кукли, Лисово, лесом Каменуха. После прорыва германцев у Лисово командир 40-го армейского корпуса С.А. Воронин отвел войска к Подгатью, дер. Гута– Лисовская, Будка, Комарово[116].

А.А. Брусилов вновь пытался перейти в наступление, но атаки 40-го армейского и 5-го кавалерийского корпусов 14–15 (27–28) октября были отражены противником. Недовольный действиями корпуса Брусилов добился у Н.И. Иванова увольнения С.А. Воронина в запас чинов и замены его генерал-лейтенантом С.Н. Дельвигом. 16–20 октября (29 октября — 2 ноября) австро-венгерские и германские войска возобновили атаки на выступе и вытеснили части 40-го и 30-го армейских

---

[114] В 1-м гренадерском полку после боя осталось 437 бойцов из 1100; «разбит хуже, чем при Колине» — вспоминали участники боя (*Gottberg F. von.* Das Grenadier-Regiment Kronprinz Nr.1 im Weltkriege. Berlin, 1927. Bd. 1. S. 270–273). В 1-м батальоне 41-го пехотного полка вышло из окружения всего 20 чел.

[115] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 23–24; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 315. Л. 153–154, 158, 162, 167, 172–174, 176–180, 196–198; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 70–75; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 530–533.

[116] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 315. Л. 221, 224, 227, 235–236, 240–243; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 82–83; Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 533–536.

корпусов из Рудки, Будок, Подгатья и Гуты-Лисовской. Атаки на Комаров были успешно отражены русскими войсками.

4-й кавалерийский корпус 22 октября (4 ноября) выбил австрийцев из Костюхновки, но его успех не был поддержан 8-й армией: ее наступление было перенесено на 25 октября (7 ноября)[117].

24 октября (6 ноября) в состав 8-й армии были переданы для лучшей координации действий 24-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса с их участками фронта. 25–26 октября (7–8 ноября) войска 8-й армии вновь перешли в наступление на Колки и у Сопанова, но только в первый день имели успех. Уже на следующий день А.А. Брусилов приказал перейти к обороне. 27–29 октября (9–11 ноября) 24-й резервный корпус германцев атаковал правый фланг 8-й армии, но только немного потеснил его к излучине р. Стырь. 31 октября (13 ноября), сосредоточив 120 орудий, австро-венгерские и германские войска нанесли контрудар у Подгатье и отбили захваченные 8-й армией позиции. 1 (14) ноября правый фланг 8-й армии оставил Чарторийск отошел за р. Стырь от Колодии до Куликовичей[118].

За время **Чарторийской (Полесской) операции** русские войска захватили в плен 206 офицеров и 9732 солдата, 36 пулеметов, 4 миномета, 8 орудий[119]. Развить первоначальный успех не удалось, несмотря на созданное частное превосходство в силах. Генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии генерал-майор Н.Н. Стогов отмечал: «Операция в районе Градье — Комарово — Семки — Колки, так много сулившая нам еще 7/X, благодаря отсутствию прилива свежих сил к 40 корпусу и доблести частей 22 германской дивизии, свелась почти к нулю, если не считать серьезного урона, несомненно нанесенного нами австро-германцам»[120].

8 (21) октября русская 11-я армия нанесла силами 6-го и 7-го армейских корпусов удар по позициям 5-го корпуса 2-й австро-венгерской армии у м. **Ново-Алексинец** и **Лопушно**. Противник был отброшен из Лопушно к Нижковице и Панасувке; атаки 6-го армейского корпуса были отражены. Но уже к 10 (23) октября австро-венгерская 2-я армия

---

117 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 25–26; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 315. Л. 282–283, 293–295, 297–299, 300–305; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 537–538.

118 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 27–28; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 541–542, 555.

119 Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 83. Л. 26; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 315. Л. 226, 235–236, 271–272, 280, 295, 301.

120 РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 43. Л. 77–78.

подвела к месту прорыва резервы. Контрударом группы фельдмаршал-лейтенанта Ф. Козака (27-я, 29-я, 34-я пехотные дивизии и 51-я пехотная бригада ландвера) м. Лопушно было отбито. 13 (26) октября прибывший в Загуже генерал от кавалерии Э. фон Бём-Эрмолли приказал выбить русских с гребня высот 383–385. Атака была отложена из-за погодных условий на 20 октября (2 ноября); русские войска успешно ее отразили. Повторение штурма русских позиций 22 октября (4 ноября) также закончилось неудачей. Обе стороны перешли к обороне; из 2-й армии на итальянский ТВД было отправлено 4 дивизии[121].

Не получило развитие и наступление 3-й армии Западного фронта на **Огинском канале**. Ее части 7–8 (20–21) октября перешли канал и выбили с передовых позиций австро-венгерский 12-й корпус, захватили 1825 пленных (из них 25 офицеров), 15 пулеметов и орудие, но контратаками Ландверного корпуса были отброшены в исходное положение[122]. Трофеями противника (с начала августа) стали 388 офицеров, 88 170 нижних чинов, 188 пулеметов, 35 орудий, 3 самолета[123].

Таблица 12. Потери русских армий Юго-Западного фронта и австро-венгерских Северных армий (включая германские войска) 3 (16) октября — 2 (15) ноября 1915 г.[124]

АРМИЯ	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины
русские войска	120	12 623	182	19 181	838	51 546	1140	83 350

[121] Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 3. S. 546–552, 559.

[122] РГВИА. Ф. 2351. Оп. 1. Д. 121. Л. 3; *Heye W.* Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/18. Bd. 2. Breslau, 1937. S. 226.

[123] Подсчитано по: Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. 3. S. 866, 994–995.

[124] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 383. Л. 126, 147, 171, 392; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 96. Л. 239, 252, 264; Ф. 2134. Оп. 2. Д. 424. Л. 128 об.; Ф. 2139. Оп. 2. Д. 86. Л. 488, 539; Д. 87. Л. 14; Ф. 2148. Оп. 2. Д. 92. Л.50,62; OeStA–KA. AOK-Quartiermeister-Abteilung. Karton 2680. Op.34300; Karton 2689. Op.34518, Op.35806; Karton 2699. Op.42000, 43600; Karton 2715. Op.7010/1, 1/500; Karton 2719. Op.250, Op.301; Karton 2729. Op.1104/93, Op.1120/22; Deutsche Verlustlisten. Armee-Verordnungsblaetter № 615 — 1297. 02.08.1915–06.12.1916; *Heye W.* Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/18. Bd. 2. S. 226.

АРМИЯ	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины
Австро-венгерские войска	127	4843	460	27 050	428	18 278	1015	50 171
германские войска	*33*	*1942*	*32*	*2557*	*22*	*2299*	*87*	*6798*
ВСЕГО противник	**160**	**6785**	**492**	**29 607**	**450**	**20 577**	**1102**	**56 969**

Переходом наступательной инициативы к русским войскам в октябре 1915 г. завершилось общее наступление армий Центральных держав на Восточном (русском) ТВД и в целом осенняя кампания 1915 г. Обе стороны понесли самые большие потери с начала конфликта, особенно болезненные для Австро-Венгрии и Российской империи. В ходе боев июля–октября войскам Центральных держав, и прежде всего Германской империи, не удалось ни вывести Россию из войны, ни склонить в результате военных поражений к переговорам о мире. Широким замыслам германского Главнокомандования на Востоке (П. фон Гинденбург и Э. Людендорф) не суждено было осуществиться, о чем предупреждал в начале летнего наступления начальник штаба Главной квартиры Э. фон Фалькенхайн. Русская Действующая армия смогла не только сохранить боеспособность, но и перейти в конце года к наступательным действиям. Военный потенциал страны не был исчерпан, хотя материальные и людские запасы вооруженных сил были подорваны. К сентябрю были призваны новобранцы срока 1917 г. «без подготовки, на общих основаниях с ратниками и запасными» — 950 тыс. чел. и 350 тыс. ратников ополчения, в октябре–ноябре — еще 1,38 млн. ополченцев. Были оставлены в войсках ошибочно призванные льготники по семейному положению. Но благодаря начавшимся массовым переброскам войск противника против Франции и Сербии русская армия получила столь необходимую передышку и могла перейти к пополнению рядов и наращиванию сил.

Действия сторон на Русском ТВД в феврале-мае 1916 г.[125]

Затишье в боевых действиях, установившееся в полосе армий Северного и Западного фронтов с ноября 1915 г., а на участке армий Юго-Западного фронта с середины января 1916 г., позволило русскому военному руководству в значительной мере восстановить боевую мощь Действующей армии. За это время в строй было поставлено дополнительно 430 тыс. ратников ополчения[126], значительно пополнены запасы вооружения и боеприпасов, в первую очередь артиллерийских снарядов. С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. численность Действующей армии, несмотря на понесенные в осенней кампании тяжелые потери, выросла с 3 201 083 до 4 231 319 чел. (без учета сил военных округов на ТВД), в том числе офицеров и других классных чинов — с 69 787 до 115 224[127]. Значительно увеличилось производство винтовок, артиллерийских орудий и боеприпасов к ним. Созданная при Главном артиллерийском управлении Военного министерства специальная организация генерал-майора С.Н. Ванкова смогла наладить взаимодействие казенных и частных предприятий и обеспечить в достаточной мере снарядами легкую и корпусную артиллерию. Снарядов к тяжелым орудиям по-прежнему производилось недостаточно[128].

Конец 1915 г. ознаменовался и налаживанием взаимодействия между союзниками по Антанте. От обмена мнениями представителей при штабах верховных главнокомандующих и общения дипломатов стороны перешли к совещаниям и выработке планов совместных действий. Первая конференция союзников в Шантийи, в Главной квартире фран-

---

[125] Рассмотрение вопроса об историографическом освещении проблемы потерь сторон и комплекса привлеченных источников опущено в силу большого объема. Коротко необходимо заметить, что специально титульная тема еще не рассматривалась ни в российской, ни в зарубежной историографии. В общих трудах приводились оценки потерь сторон в Нарочской операции, как оказалось, далеко не корректные. Автор для исследования темы привлек документы из фондов военных архивов Австрии, Германии и России, а также опубликованные именные списки потерь германских войск.

[126] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 16.

[127] Подсчитано по: Санитарная служба русской армии в период империалистической войны 1914–1918 гг. Сб. док. ЦВИА СССР. М., 1941. С. 463; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 389. Л. 12–557. В боевом составе: пехоты — 1 901 369, конницы — 178 186, технических войск — 88 678 чел., 6092 пулемета, 6374 орудия, 180 самолетов, 69 бронеавтомобилей.

[128] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 104.

цузской действующей армии, 24 июня (7 июля) 1915 г., завершилась договоренностью об оказании помощи той из стран блока, которая будет находиться в наибольшей опасности[129]. С этим решением было связано осеннее наступление в Пикардии и Артуа, в ходе которого французские войска смогли потеснить германскую армию и вынудили противника снять с Восточного фронта 79 пехотных полков и 35 полков полевой артиллерии, а также немалую часть тяжелой артиллерии[130]. Это облегчило положение русских войск, помогло им укрепить оборону, остановить продвижение армий Центральных держав и самим нанести несколько контрударов. Однако успешной операции армий Четверного союза против Сербии и Черногории французское наступление не помешало.

Вторая конференция проходила 23–26 ноября (6–9 декабря) 1915 г. в условиях резких разногласий между союзниками. Французская сторона вела себя как сюзерен с вассалами, предлагая сохранять собственные силы, а активные действия возложить на партнеров с «избыточным» или «неограниченным» людским ресурсом. Подготовленный начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В. Алексеевым план кампании предусматривал нанесение концентрического удара по наиболее уязвимому, с его точки зрения, противнику, а именно Австро-Венгрии, со стороны Италии, Салоников (где уже базировались британские и французские войска) и Юго-Западного фронта в общем направлении на Будапешт. Алексеев полагал, что таким ударом будут сокрушены и Болгария, и Австро-Венгрия, а Греция и Румыния открыто встанут на сторону Антанты. Предусматривалась и совместная операция в Месопотамии[131].

Представитель Российской империи генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский в условиях, когда проект М.В. Алексеева даже не обсуждался, настаивал на одновременном переходе в наступление и помощи, не взирая на степень готовности, общими усилиями тому из союзников, который сам подвергнется атакам противника. В итоге партнеры достигли компромисса: начать подготовку к мартовскому наступлению на всех

---

[129] Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. М., 2014. С. 165.

[130] См: *Falkenhayn E. von.* Die Oberste Heeresleitung 1914–1916 in ihren wichtigsten Entschliessungen. Berlin, 1920. S. 179. Численность переброшенных войск подсчитана по: Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. VIII. Berlin, 1932. S. 524, 550 (состав 22 дивизий пехоты и управлений 7 корпусов).

[131] Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. С. 165; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. М., 1920. С. 8. План М.В. Алексеева был связан и с оказанием помощи Сербии.

Зимне-весенняя 1916 г. кампания на русском фронте

фронтах, «истощать противника» активными действиями стран, располагающих людскими ресурсами, оказывать помощь стране, подвергшейся удару, признать Балканский театр военных действий второстепенным и эвакуировать Галлиполийский плацдарм[132].

С середины декабря 1915 г. русские армии Юго-Западного фронта вели наступление против австро-венгерских войск на Днестре и Стрыпе, не принесшее успеха. Массированные русские штурмы были в целом успешно отражены австро-венгерскими войсками без помощи германцев. 13 (26) января 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев после доклада главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова отдал приказ о прекращении операции. В докладе Николаю II он делал заключение: «Операция была приостановлена не столько наступившей неблагоприятной погодой, сколько сознанием, что после понесенных частью корпусов потерь развивать действия по ранее выработанному плану, но с прежними приемами исполнения, бесполезно»[133].

После завершения активной фазы боевых действий на Русском ТВД вновь воцарилось затишье, которое обе стороны использовали для пополнения сил и средств. Следовало приступить к подготовке намеченного союзниками общего весеннего наступления. Обратившийся в штаб Верховного главнокомандующего 25 января (7 февраля) 1916 г. главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт считал необходимым использовать отток германских сил на Французский ТВД (что по его мнению свидетельствовало о переносе туда главных усилий противника в будущей кампании) и перейти в наступление, не ожидая ни удара германцев, ни начала весенней распутицы. От Ставки он ожидал формулировки главной задачи будущего наступления[134].

Пунктами притяжения усилий русских и австро-венгерских войск после завершения Рождественского наступления стали район Чарторийска, берега рек Стырь, Стрыпа и Днестр. Уже в конце января завязались бои 6-го армейского корпуса 11-й армии за высоты 361 и 363 у с. Янковце и 32-го армейского корпуса 8-й армии у с. Чемерин. Вы-

---

[132] Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. С. 166.

[133] Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. С. 93; Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. Wien, 1933. S. 26.

[134] *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 9–10.

соты в боях 20–30 января (2–12 февраля) несколько раз переходили из рук в руки и остались за австро-венгерскими войсками[135].

В русской Ставке вопрос о подготовке к новому наступлению обсуждался на совещании с главнокомандующими 11 (24) февраля. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев говорил о необходимости собрать в единый кулак имеющиеся силы (именно перевес в 400 тыс. штыков и 60 тыс. шашек), образовать из них резервную армию и провести ею наступление на выбранном участке. Главнокомандующие хотя и возражали, но, по свидетельству А.Н. Куропаткина, все-таки согласились на выделение стратегического резерва. Было принято решение готовиться к наступлению в марте, как и было запланировано в Шантийи, выделив в резерв Гвардию и не менее 16 корпусов (в армиях Северного и Юго-Западного фронтов по три, в армиях Западного фронта — до 10)[136].

Предполагалось готовиться к наступлению левым флангом Северного и правым флангом Западного фронтов; армиям Юго-Западного фронта перейти в наступление на Луцк и Ковель в случае успеха первого удара армий Северного и Западного фронтов; в случае выступления Румынии на стороне Антанты или Центральных держав для действий в Добрудже собрать новую армию в 3–4 корпуса. Решение было оформлено директивой Верховного главнокомандующего императора Николая II от 14 (27) февраля[137]. Решение о мартовском наступлении было принято в рамках итогов конференции в Шантийи, вне зависимости от действий противника, по итогам рассмотрения записки главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А.Е. Эверта и доклада М.В. Алексеева; однако точный срок начала атаки определен не был и ставился в зависимость от погодных условий и доставки вооружения и боеприпасов. К вечеру 15 (28) февраля во 2-й армии, наносившей главный удар, были созданы три ударные группы, каждая из двух-трех корпусов[138].

Противник по-прежнему держал на Русском ТВД большие силы: германские группы армий генерал-фельдмаршалов П. фон Гинденбурга и принца Леопольда Баварского и армии австро-венгерского Армей-

[135] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 155. Л. 220, 277–310.

[136] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 26.

[137] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 26–27, 29–30; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 17.

[138] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 65. Л. 8–9.

ского главнокомандования, включавшие и группу армий генерала от инфантерии А. фон Линзингена. Всего в феврале 1916 г. на фронте находились 1 384 861 австро-венгерский и 1 238 542 германских военнослужащих[139]. В живой силе русские армии превосходили противника почти на 1,6 млн. чел.

3 февраля (н. ст.) начальники генеральных штабов Центральных держав провели совещание по вопросам войны на Востоке. Идея П. фон Гинденбурга о проведении наступательной операции для захвата Риги, которая разрабатывалась его штабом с декабря 1915 г., была отклонена. На следующий день Гинденбург лично обратился к начальнику штаба Главной квартиры генералу от инфантерии Э. фон Фалькенхайну, но тот отказался даже обсуждать вопрос о предоставлении необходимых 7-8 дивизий и соответствующей тяжелой артиллерии. Против России и Фалькенхайн, и начальник штаба Армейского главнокомандования генерал-полковник Ф. Конрад фон Хётцендорф предполагали ограничиться исключительно обороной.

Не согласился Фалькенхайн и выделить войска для планируемого австро-венгерским Армейским главнокомандованием наступления против Италии в южном Тироле. Более того: он 6 февраля объявил о выводе на французский фронт 24-го резервного корпуса из группы армий А. фон Линзингена и Альпийского корпуса из Македонии. На смену из Сербии на Волынь была отправлена австро-венгерская дивизия. Но необходимы были силы против Италии, и в течение февраля были приняты решения о выводе из состава Северных армий четырех дивизий, бригады, 12 отдельных батальонов и 15 батарей. Войска брались из состава 4-й и 7-й армий (Волынь и Буковина)[140].

5 марта (н. ст.) командование Военно-морских сил Германии обратилось к Фалькенхайну с проектом операции для захвата Моонзундских островов путем высадки десанта в 1–2 дивизии. Операция предполагалась в апреле, после очищения моря от льда. Гинденбург был готов выделить войска из своей группы армий при условии, что флот будет иметь господство на море и обеспечит безопасную высадку и снабжение де-

[139] Подсчитано по: Öesterreichische Staatsarchiv. Kriegsarchiv. (OeStA–KA). Armee-Oberkommando (AOK). Quartiermeister-Abteilung. Karton 2682. QOp. 3000; Karton 2690. QOp. 1045; Karton 2700. QOp. 4000; Karton 2716. QOp. 4362; Karton 2720. QOp. 168; Karton 2730. QOp. 905/27; Sanitaetsbericht ueber das deutsche Heer (Deutsches Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd. III. Berlin, 1934. Tafel 11.

[140] Öesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. Wien, 1933. S. 233–234.

сантного отряда. При этом он полагал, что захват Моонзунда приведет если не к падению Риги, то к облегчению операции по ее захвату. Однако из-за необходимости усиления атакующих сил на Западном ТВД и получения сведений о подготовке русского наступления и этот проект был отклонен Главной квартирой[141].

Следующая межсоюзническая конференция Антанты готовилась на 1 марта н. ст.; еще 2 (15) февраля французская сторона разослала меморандум о подготовке концентрического наступления всех фронтов не позже 1 (14) июля[142]. Однако уже 8 (21) февраля германские войска перешли в наступление под Верденом. Начальник штаба Главной квартиры германской армии генерал от инфантерии Э. фон Фалькенхайн решил нанесением удара по Верденскому укрепленному району «выправить» линию фронта, вывести из зоны действия французской артиллерии стратегическую железнодорожную магистраль и приковать к этому пункту все свободные силы противника, чтобы истощить их в попытках защитить или в случае потери отбить Верден[143].

Германское наступление натолкнулось на яростное и упорное сопротивление французских войск. К концу февраля германцы потеряли здесь 25 тыс. чел., захватили 17 тыс. пленных, 83 орудия, 104 пулемета. Как и ожидалось, французское командование спешно перебросило все свободные резервы на Верден: за неделю прибыло 7 дивизий, в то время как с германской стороны введена в бой всего одна свежая дивизия. В последующие дни французы усилились еще 6-ю дивизиями, германцы подтянули в ответ 2 дивизии и 21 тяжелую батарею. Началась «Верденская мясорубка». К середине марта французские потери достигли 69 тыс. чел., в том числе 25 тыс. раненых и 24 тыс. пленных; германцы потеряли 50 тыс. чел., захватили 166 орудий и 194 пулемета. Новый этап германского наступления начался 20–22 марта н. ст. введением в бой 7 дивизий, понесших за 3 дня очень тяжелые потери[144]. Таким образом, германские войска стали жертвой своего же замысла, французы смогли собрать необходимые

---

141 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. X. Berlin, 1936. S. 426.

142 Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. С. 168; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 16. Раннее решение относило начало наступления к марту.

143 *Falkenhayn E. von.* Die Oberste Heeresleitung 1914–1916 in ihren wichtigsten Entschliessungen. S. 184.

144 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. X. S. 101–102, 105–106, 112, 123, 136, 140, 217, 219.

силы для защиты Вердена и вовлекли противника в соревнование по наращиванию сил.

19 февраля (3 марта) глава французской военной миссии в России дивизионный генерал П. По передал М.В. Алексееву письмо главнокомандующего французскими вооруженными силами Ж. Жоффра о необходимости начать подготовку с русской стороны к намеченному союзнической конференцией наступлению. При этом в письме подчеркивалось: «Передавая генералу Алексееву настоящую мою просьбу, вы подчеркните, что я отнюдь не желаю побуждать русскую армию к немедленному предпринятию общей атаки, если она недостаточно к ней подготовлена. Вы будете настаивать на тщательной и всесторонней подготовке, что необходимо при атаке сильно укрепленной позиции, а также на необходимости применения обширных материальных средств и крупных сил, чего требуют выполнение и развитие атаки»[145].

Мартовское наступление русских войск (Нарочская операция) 1916 г.

Только 28 февраля (12 марта) М.В. Алексеев направил в штабы армий фронтов директиву о переходе в наступление с 5 (18) марта. В уточняющей директиве от 3 (16) марта предполагалось наступление с целью достигнуть рубежа р. Лауце, оз. Саукен, Оникшты, Ново-Александровск, Дукшты, Свенцяны, Михалишки, Гервяты. Главный удар наносился армиями Северного фронта от Якобштадта на Поневеж, армиями Западного фронта — на Свенцяны, Вилькомир. Вспомогательные удары наносились на Бауск, Шенберг и Вильно; в случае успеха конница должна была провести набег на Муравьево, Шавли. Против 200 расчетных батальонов противника собиралось 555 батальонов русских войск[146].

Армиями Северного фронта с 6 (19) февраля командовал генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин; начальником штаба был назначен 25 февраля (9 марта) генерал-майор Н.Н. Сиверс. В состав фронта входили 6-я армия под командованием генерала от инфантерии А.Е. Чурина (начальник штаба генерал-лейтенант В.Н. Минут), отве-

[145] *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938. С. 8.

[146] Там же. С. 18–19.

чавшая за охрану столицы, 12-я армия генерала от инфантерии В.Н. Горбатовского (начальник штаба генерал-лейтенант В.В. Беляев), 5-я армия генерала от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко (начальник штаба генерал-лейтенант Е.К. Миллер). Последней поручался главный удар на Поневеж.

Армии Западного фронта (главнокомандующий генерал от инфантерии А.Е. Эверт, начальник штаба генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский) занимали позиции от р. Зап. Двина до р. Припять: 1-я армия генерала от кавалерии А.И. Литвинова (начальник штаба генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе), 2-я армия генерала от инфантерии В.В. Смирнова (начальник штаба генерал-лейтенант М.А. Соковнин), 10-я армия генерала от инфантерии Е.А. Радкевича (начальник штаба с 4/17 марта — генерал-лейтенант И.И. Попов), 4-я армия генерала от инфантерии А.Ф. Рагозы (начальник штаба генерал-майор Н.Л. Юнаков), 3-я армия генерала от инфантерии Л.В. Леша (начальник штаба генерал-майор А.К. Баиов).

на 1 (14) марта 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Северного фронта						
6-я армия	89 220	33 403	5784	252	774	2
12-я армия	292 780	200 350	8696	642	740 (74)	21
5-я армия	341 603	184 744	28 483	651	582 (244)	23
ИТОГО	**815 214**	**452 238**	**43 699**	**1547**	**2345 (318)**	**46**
русские армии Западного фронта						
1-я армия	210 106	71 376	10 548	242	239 (94)	4
2-я армия	598 730	256 161	195 59	853	921 (161)	23
10-я армия	429 773	192 198	9955	585	680 (82)	8
4-я армия	326 938	146 968	11 026	376	410 (50)	18
3-я армия	318 324	137 764	25 007	396	435 (84)	10
Гвардейский отряд	133 098	56 198	4789	158	178	11
ИТОГО	**1 965 685**	**860 393**	**76 095**	**2459**	**2685 (471)**	**74**
русские армии Юго-Западного фронта						
8-я армия	435 735	212 395	14 359	705	509 (99)	15
11-я армия	241 906	88 570	4686	442	290 (94)	13

на 1 (14) марта 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
7-я армия	337 346	100 895	18 692	576	467 (63)	22
9-я армия	385 225	190 033	18 403	531	538 (170)	19
ИТОГО	**1 795 640**	**868 770**	**65 468**	**2322**	**1808 (426)**	**69**
ВСЕГО в действующей армии	**4 709 637**	**2 237 599**	**190 051**	**6486**	**7016 (1215)**	**189**
из них для наступления	***1 443 219***	***712 631***	***67 286***	***2388***	***2482 (499)***	***71***

Германские войска к марту 1916 г. были объединены в группы армий генерал-фельдмаршалов П. фон Гинденбурга фон Бенекендорфа (начальник штаба генерал-лейтенант Э. Людендорф), принца Леопольда Баварского (начальник штаба генерал-майор П. Грюнерт) и — в подчинении австро-венгерского Армейского главнокомандования — генерал-полковника А. фон Линзингена (начальник штаба генерал-майор П. фон Штольцман). В группу армий П. фон Гинденбурга входили: 8-я армия генерала от инфантерии О. фон Белова (начальник штаба генерал-майор А. фон Бёкман), армейская группа генерала от артиллерии Ф. фон Шольца (начальник штаба подполковник Д. Граф фон Шверин), 10-я армия генерал-полковника Х. фон Эйхгорна (Айххорна), начальник штаба армии полковник Э. Хелль, 12-я армия генерала от инфантерии М. фон Фабека (начальник штаба генерал-майор В. фон Бергман).

В группе армий принца Леопольда Баварского состояли управление 9-й армии, которым также руководил он, и армейская группа генерал-полковника Р. фон Войрша (начальник штаба подполковник В. Хайе). В группе армий Линзингена в полосе действий армий Западного фронта находились два корпуса: германский 41-й резервный генерала от артиллерии Х. фон Гронау и австро-венгерский кавалерийский генерала от кавалерии Л. фон Хауэра. Оперативно в группу армий Линзингена входила и 4-я австро-венгерская армия. Она, а также 1-я, 2-я, 7-я австро-венгерские и Южная германская армии противостояли русским армиям Юго-Западного фронта. Германские войска на Восточном фронте, несмотря на направление больших сил на Балканский и Французский фронты, в марте 1916 г. имели в строю 1 164 733 чел.: для операции против Вердена были отправлены одна дивизия и несколько батарей тяже-

лой артиллерии[147]. В северных армиях Австро-Венгрии к этому времени было 1 434 162 чел.[148]

на 1 (14) марта 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
группа армий П. фон Гинденбурга						
8-я армия	264 595	105 520	12 580	490	484 (80)	24
армейская группа Шольца	130 076	94 721	9591	494	524 (108)	18
10-я армия	307 959	134 024	11 378	623	829 (145)	30
12-я армия	146 966	53 826	1950	257	220 (60)	12
ИТОГО	**849 596**	**388 091**	**35 499**	**1864**	**2057 (393)**	**84**
группа армий принца Леопольда Баварского						
9-я армия	81 369	360 630	1500	156	162 (36)	12
армейская группа Войрша	215 328	100 150	2870	407	420 (104)	12
ИТОГО	**298 697**	**136 213**	**4370**	**563**	**582 (104)**	**24**
австро-венгерское Армейское главнокомандование — Северные армии						
группа армий Линзингена	418 819	161 946	18 866	578	801 (179)	32
1-я армия	162 450	60 677	960	130	177 (90)	14
2-я армия	252 400	106 927	8352	325	330 (108)	12
Южная армия	244 757	87 254	2071	325	422 (90)	25
7-я армия	464 245	217 350	16 262	581	720 (243)	32
ИТОГО	1 452 602	634 154	46 511	1939	2450 (714)	115
ВСЕГО у противника	**2 598 895**	**1 158 458**	**86 380**	**4366**	**5089 (1211)**	**223**
из них войск Германии	**1 164 733**	**530 834**	**46 343**	**2603**	**2937 (543)**	**132**
из них в зоне русского наступления	***702 630***	***334 265***	***33 549***	***1607***	***1837 (333)***	***72***

[147] Подсчитано по: Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsches Feldheer und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd.III. Tafel 11.

[148] OeStA–KA. Armeeoberkommando — Quartiermeister-Abteilung. Kriegsgruppe. Karton 2213. Ferpflegsstand am 1.3.1916. Кроме того, во вспомогательных подразделениях — 93 552 военнопленных.

Русские войска превосходили противника в живой силе на 2,1 млн. чел. и более чем в полтора раза — в пулеметах и орудиях, в минометах было примерное равенство. Войска противника сохраняли превосходство в тяжелых орудиях: только в германских армиях их было 1010, а в русских всего 766. На участке планируемого удара также было достигнуто двойное превосходство в живой силе, полуторное в пулеметах и орудиях, но германские войска группы армий Гинденбурга имели более чем полуторный перевес в тяжелой артиллерии (756 стволов против 495).

Удары 5-й армии Северного фронта и 2-й армии Западного фронта наносились по сходящимся направлениям и должны были привести к спешному отступлению германцев к Вильно. Цель наступления была ограничена выходом на определенный рубеж к западу. Противник был выбран наиболее сильный, участки фронта для атаки — не самые удобные[149], но выбор этот определялся в первую очередь с учетом отрицательного опыта Рождественского наступления армий Юго-Западного фронта и необходимостью нанести удар главному противнику. Кроме того, и инициатива наступления исходила от А.Е. Эверта, полагавшего, что в любом случае германцы будут лишены инициативы действий[150].

29 февраля (13 марта) главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт приказал новому командующему 2-й армией генералу от инфантерии А.Ф. Рагозе (В.В. Смирнов заболел): «... сосредоточив главные свои силы на своих флангах, перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося против фронта армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты. Задача эта должна быть достигнута во что бы то ни стало»[151]. Обращаясь к войскам накануне наступления, главкозап определил главную цель операции: «Государь император и родина ждут от вас ныне нового подвига — изгнания противника из пределов империи. Приступая завтра к началу выполнения этой высокой задачи, веря в ваше мужество, глубокую преданность государю и горячую любовь к родине, я убежден, что вы свято исполните свой долг перед царем и родиной и освободите ваших братий, страдающих под гнетом врага. Да поможет нам бог в нашем святом деле»[152]. А.Ф. Рагоза имел хорошую

[149] См. подробнее: *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 16–18.

[150] Там же. С. 9.

[151] Там же. С. 21.

[152] Там же. С. 22.

репутацию умелого полководца; командуя корпусом, летом 1915 г. он несколько раз наносил противнику серьезные поражения. В армию была передана вся свободная тяжелая артиллерия фронта (114 орудий)[153].

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, приняв войска, тут же отправился в 5-ю армию знакомиться с ходом подготовки к наступлению, раскритиковал имеющийся убогий план операции и дал в течение 16 (29) февраля необходимые указания для дальнейшей подготовки наступления по оси Рига — Вильно[154]. Подготовка операции, таким образом, велась уже несколько месяцев с различной степенью успеха, но не была поспешной и вызванной каким-либо внешним воздействием. Целью предстоящего наступления было прежде всего освобождение стратегически важного района и выход в тыл армиям германского Восточного фронта со стороны Прибалтики, недопущение наступления врага на Петроград и Минск.

Ближайшая подготовка сопровождалась трудностями, в особенности в армиях Северного фронта, где 12-я армия перевооружалась японскими винтовками, а в условиях распутицы перемещения войск и доставка в 5-ю армию тяжелой артиллерии замедлялись. Командующий 5-й армией генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко убедился в невозможности перейти в атаку одновременно с армией Рагозы (5 (18) марта) и отложил начало операции у Якобштадта до 8 (21) марта[155].

Во 2-й армии были поставлены задачи оперативным группам: М.М. Плешкова (1-й Сибирский, 1-й, 27-й армейские, 7-й кавалерийский корпуса) — для наступления на Медзины, Дуки, Л.О. Сирелиуса (4-й Сибирский и 34-й армейские корпуса) — для сковывания сил противника от Черняты до Лотва, П.С. Балуева (3-й Сибирский, 5-й и 36-й армейские корпуса, Уральская казачья дивизия) — для наступления между озерами Нарочь и Вишневское. Конечной целью всех трех групп было занятие м. Лынтупы[156].

Позиции германских войск состояли из нескольких укрепленных полос с рядами проволочных заграждений (от 3 до 10 кольев в глубину). Опорные пункты укреплялись блиндажами, вооружались пулеметами и даже орудиями с углами обстрела, позволяющими вести перекрест-

---

[153] Всего в армии 106 6-дм гаубиц и 132 42-лн пушек. Der Weltkrieg 1914 bis 1918 Bd. X. S. 433.

[154] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 33–35.

[155] Там же. Л. 41–42.

[156] Западный щит Российской империи 1915–1917. Изд. 2-е. — Вильнюс, 2015. С. 103.

ный огонь во фланг и тыл прорывающихся атакующих войск[157]. Кроме того, германское командование раскрыло замысел русского наступления (главным образом путем анализа обстановки), и в полосе возможных атак стали собираться резервы.

Расчет на успех строился с русской стороны на создании подавляющего превосходства сил, нанесении первого мощного удара и быстром развитии прорыва, пока противник не смог подвести новые силы. Почти все силы 2-й русской армии были собраны против 21-го армейского корпуса, и собранные данные разведки говорили об огромном преимуществе. Но возможности противника, размеры резервов и их размещение остались неизвестным.

Германскую оборону должна была сокрушить артиллерия. Поскольку боеприпасы были распределены с учетом дневной нормы в 200 снарядов на полевое и 50 снарядов на тяжелое орудие[158], артиллерийская подготовка была растянута на несколько дней, начиная с пристрелки, но наибольшей мощи орудийный огонь достиг с русской стороны вечером 4 (17) марта. По позициям германского 21-го армейского корпуса за 4–5 (17–18) марта было выпущено 60 тыс. снарядов[159].

После паузы, вызванной густым туманом, артобстрел возобновился с 8 часов 5 (18) марта, а с полудня, во многих местах, не дожидаясь конца артподготовки, русская пехота пошла в атаку. От Медзины до Дуки начали наступление дивизии 1-го и 1-го Сибирского армейских корпусов. Русские цепи, дошедшие до линии боевого охранения германцев, были встречены плотным огнем артиллерии, минометов и пулеметов противника и с большими потерями к 19 часам вернулись на исходные позиции[160].

Южная группа (Балуева) перешла в наступление с 15 часов, при этом 68-я пехотная дивизия запоздала с развертыванием в боевой порядок. Русская артиллерия перенесла огонь вглубь германских позиций, но время от времени была вынуждена вновь обрабатывать передний край, где не были разрушены укрепления и проволочные ограждения и остались

---

157 Битва у Нарочи 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция). Брест, 2016. С. 37, 40–41.

158 *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 70. Это количество позднее называлось недостаточным, но в марте 1916 г. оно было максимальным за все время войны.

159 Das 1. Ober-Elsaessische Feldartillerie-Regiment Nr.15 im Grossen Kriege 1914–1918. Darmstadt, 1930. S. 191.

160 *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии 1900–1917. Т. 4. М., 1948. С. 314; *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 82.

в целости пулеметные гнезда. За день было израсходовано на орудие: 48-лн мортиру — 200 выстрелов, 6-дм гаубицу — 250, 6-дм крепостную пушку — 175, 42-лн пушку — по 150; в последующие дни мартовской операции: 20 и 22 марта — около 120 и 21 марта — около 200 на тяжелую 6-дм гаубицу[161]. Противник вел огонь по пехоте с дальних дистанций, на которых его орудия были недосягаемы для русской артиллерии. 7-я пехотная дивизия попала под огонь своих батарей. К ночи и войска Южной группы отступили в свои окопы[162]. Центральная группа (Сирелиуса) ограничилась артиллерийским обстрелом и разведкой, в результате не смогла даже приковать к себе силы противника: командир 21-го армейского корпуса генерал от инфантерии О. фон Гутьер смог усилить за счет пассивного участка дивизии на флангах. Первый день наступления обошелся 2-й армии в 183 офицера и 15 139 солдат убитыми и ранеными. Германские потери составили всего 70 убитых и 420 раненых[163].

Командующий 2-й армией А.Ф. Рагоза решил 6 (19) марта возобновить артиллерийскую подготовку, вести ее в течение суток и предпринять новую атаку ночью. К наступлению был привлечен 14-й армейский корпус 1-й армии: его полки атаковали германские позиции между селами Иванишки и Минцюны, справа от Северной группы (Плешкова), чтобы облегчить ей прорыв. Ночным штурмом была захвачена часть передовых позиций германского 6-го кавалерийского корпуса[164]. Однако это не помогло: наступление группы М.М. Плешкова шло медленно и трудно, артиллерия противника открыла плотный огонь, атаки 1-го и 27-го армейских корпусов захлебнулись, только 1-я Сибирская стрелковая дивизия смогла к утру овладеть окопами 42-й пехотной дивизии германцев южнее с. Будзилишки, но после отступления 2-й Сибирской стрелковой дивизии она оказалась под перекрестным обстрелом и была выбита на исходные позиции контратакой с фланга[165].

В Южной группе атаки в ночь на 7 (20) марта были отбиты артиллерийским, минометным и пулеметным огнем германцев. Наступившая оттепель и начавшиеся дожди затруднили все передвижения войск, на

---

161 *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии 1900–1917. Т. 4. С. 313.

162 *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 93–94.

163 *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С .95; Festschrift zur Fahnen-Weihedes Vereinigung ehemaligen 166er Hanau a. M. am 6., 7. u. 8. Juni 1925 mit Regimentsgeschichte des Kgl. Preuss. Infanterie-Regiments «Hessen-Homburg» No.166. Hanau, 1925. S. 69.

164 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 25.

165 *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 101–104.

болотах стал таять лед, наступавшие цепи проваливались по пояс в воду. В 5-м армейском корпусе атака была перенесена на 8 (21) марта, когда ожидался заморозок. В подошедшей ближе всего к позициям германцев у с. Островляны (9-я ландверная бригада) 25-й пехотной дивизии возникла паника: с криками «Немцы наступают!» солдаты 99-го пехотного Ивангородского полка бросились назад, командир полка полковник С.В. Томилин отвел полк обратно в русские окопы, что вызвало отход всей дивизии, и был отрешен от командования[166].

Действия 2-й армии 8 (21) марта были облегчены переходом в наступление 12-й и 5-й армий Северного фронта. 13-я Сибирская стрелковая, 121-я и 120-я пехотные дивизии 12-й армии нанесли удар по позициям противника у Куртенгофа, заняли три линии окопов 6-й резервной дивизии, но были отброшены в исходное положение контратаками германцев[167]. С Якобштадтского плацдарма начали наступление на Бушгоф, Скудрепеник и оз. Вишнево группы генерала от инфантерии В.А. Слюсаренко (3-й армейский корпус, 44-я пехотная, 1-я Кавказская и 3-я стрелковые, 1-я кавалерийская и 4-я Донская казачья дивизии) и генерал-лейтенанта И.К. Гандурина (2-й Сибирский и 28-й армейские корпуса). Только по позициям германской 109-й пехотной дивизии было выпущено 8700 снарядов. Удар 11 дивизий по шести германским полкам завершился прорывом на глубину от 1,5 до 3 км; для его локализации командующий германской 8-й армией генерал от инфантерии О. фон Белов направил на Якобштадтское шоссе 41-ю пехотную дивизию, 1-й резервный и 12-й полевые артиллерийские полки. 9 (22) марта русские войска были отброшены в исходное положение[168].

В ночь на 8 (21) марта главкозап А.Е. Эверт направил гневную телеграмму А.Ф. Рагозе, критикуя его за неудачи в первые дни операции: «Из донесений групп усматриваю, что наступление развивается вяло, без должного руководства начальства, без правильной организации артиллерийской подготовки и состоит из ряда частных разрозненных уда-

---

166 *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 105–108.

167 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 142. Л. 56–58.

168 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 122. Л. 27–32, 42–48, 54–59; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 21; *Gottberg D. von.* Das Grenadier-Regiment Koenig Friedrich Wilhelm IV. (1. Pommersches) Nr.2 im Weltkriege. Berlin, 1928. S. 279; *Meyer W.* Das Infanterie-Regiment von Grollmann (1. Posensches) Nr.18 im Weltkriege. — Oldenburg–Berlin, 1929. S. 197; *Ponath G.* Die Geschichte der 5. Westpreussischen Infanterie-Regiments Nr.148. Breslau, 1934. S. 235.

ров без своевременной их поддержки. Во 2-ю армию я сосредоточил подавляющие силы пехоты и артиллерии, дал столько снарядов, сколько только мог рассчитывать; все это при надлежащем управлении ударными группами должно было повести к тому, что слабый, находящийся против вас противник будет выбит; между тем он не только удержался в течение двух дней, но частично даже переходил на некоторых участках в наступление. Потребуйте от начальников групп и командиров корпусов должного управления их войсками, имея в виду громадное превосходство сил 2-й армии. Приказываю проявить должную энергию и активность во всех действиях как старшими, так и младшими начальниками, и во что бы то ни стало разбить и отбросить противника, так как наступившая ростепель в последующие дни затруднит наше наступление»[169].

Атака 1-го, 27-го и 1-го Сибирского армейских корпусов началась в 5 часов 8 (21) марта; к этому времени на позиции 42-й дивизии противника была введена свежая 107-я пехотная дивизия, но после ожесточенного боя передовые германские траншеи у Микулишек и Голатынцев были захвачены; сибирские стрелки захватили Ловкишки и Бучелишки. Однако уже вечером противник предпринял несколько мощных контратак и отбил потерянные утром позиции, взяв при этом 600 пленных[170].

Южная группа атаковала германские позиции между озерами Вишнево и Нарочь в 3 часа, после артиллерийской подготовки и обстрела противника химическими снарядами (7000 выстрелов). Цепи 5-го армейского корпуса прорвали оборону 250-го и 251-го резервных пехотных полков у сел Стаховцы и Зановцы и отбросили их почти на 2 км — на позицию у д. Мокрицы и госп. дв. Августов. Было захвачено 1273 пленных (из них 18 офицеров), 28 минометов и 18 пулеметов. Развить успех натиском на Островляны силами 36-го и 3-го Сибирского армейских корпусов не удалось: под плотным огнем противника за 6 часов утомленная пехота только смогла дойти до проволочных заграждений 170-й ландверной бригады и здесь залечь[171].

---

[169] *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 109.

[170] Там же С. 111–115; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. X. S. 434.

[171] Битва у Нарочи 1916. С. 93–103; *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 122–124; *Jaenecke W., Voss K.* Das Reserve–Infanterie–Regiment 250 im Weltkrieg. Hannover, 1929. S. 134; *Meierborn O., Goebel W.* Reserve–Infanterie-Regiment Nr. 251. Zeulenroda, 1930. S. 105; *Wengler F.* Das Landwehr–Infanterie-Regiment Nr.48 im Weltkriege. Oldenburg; Berlin, 1925. S. 207.

Германское командование на Востоке считало, что 10-я армия переживает острый кризис. Усилившаяся в ночь на 9 (22) марта оттепель сделала не только непроходимыми тыловые дороги и без того перепаханное снарядами пространство между русскими и германскими позициями, но и затопила талой водой окопы. Это создавало трудности не только и не столько для атакующих, сколько для обороняющихся. К месту русского наступления были подтянуты новые соединения — 80-я резервная и 86-я пехотная дивизии; участок фронта южнее оз. Нарочь был с ночи на 9 (22) марта передан 3-му резервному корпусу генерала от инфантерии А. фон Карловица, 42-я пехотная дивизия отводилась в резерв и заменялась 107-й и 115-й[172].

Но и русское командование было недовольно отсутствием весомого результата наступления. Главковерх император Николай II отмечал, что войска слишком медленно идут вперед, считая главными помехами снег и туман, препятствующий стрельбе артиллерии[173]. Было официально объявлено о захвате в плен 33 офицеров и 1850 солдат противника, 1 орудия, 35 минометов и 18 пулеметов и даже об освобождении г. Поставы[174], хотя он был освобожден еще в конце сентября 1915 г.[175]

Бои 9 (22) марта вела только Южная группа: генерал от инфантерии П.С. Балуев получил из резерва 2-й армии 55-ю пехотную дивизию и стремился развить успех на южном берегу оз. Нарочь. 5-й армейский корпус был усилен полками 3-го Сибирского армейского корпуса, которые помогли отбить германские контратаки. 10 (23) марта вновь подморозило, и Южная группа нанесла удар по с. Макаришки и оз. Свирь. У дер. Мокрицы сибирским стрелкам удалось захватить Длинный лес. Потери 3-го Сибирского корпуса в этих боях составили 129 офицеров и 9115 стрелков[176]. На дороге Эккау — Кеккау в полосе 12-й армии противник провел успешную контратаку и выбил русские части 7-го Сибирского корпуса из предполья укрепленной позиции, захватив в плен

---

[172] Битва у Нарочи 1916. С. 104–105; Западный щит Российской империи 1915–1917. С. 111–112.

[173] *Николай II.* Дневник (1913–1918). С. 308–309.

[174] Западный щит Российской империи 1915–1917. С. 110.

[175] Электронный ресурс: https://news.vitebsk.cc/2016/03/21/v-postavah-otkryili-memorialnuyu-dosku-v-chest-podpraporschika-obespechivshego-zahvat-goroda-rossiyskimi-voyskami/ (дата обращения 11.10.2019).

[176] *Новиков П.А.* Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах России 1-й четверти XX века. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан-Удэ, 2009. С. 305–308; *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 125–126.

2 офицеров и 329 нижних чинов. Только сибирские полки потеряли за три дня 52 офицера и 2568 стрелков[177].

После многочисленных чередований артобстрелов, выдвижений для атак и переносов их времени как в полосе 5-й армии Северного фронта, так и во 2-й армии Западного фронта активные действия возобновились 11–13 (24–26) марта. В группе К.И. Гандурина 73-я пехотная дивизия после обстрела позиций химическими снарядами овладела частью первой полосы укреплений противника, однако на следующий день была выбита из захваченных траншей. Поддерживающий атаки бронепоезд был подбит и сошел с рельсов. Бои за редуты у Епукна и Пундана 2-го Сибирского армейского корпуса были неудачны, и на этом операция армий Северного фронта была прекращена[178].

Группа П.С. Балуева (2-я армия) перешла в наступление 11 (24) марта, однако вскоре противнику удалось сосредоточенным огнем остановить все атаковавшие соединения и отбросить проникшую в первую линию окопов 55-ю пехотную дивизию. 12 (25) марта бои приняли ожесточенный характер на всем фронте группы, атаки русских сменялись контратаками германцев, которые также ввели в бой новые дивизии. Продвижение русских частей было парализовано активной обороной 48-го ландверного полка и 86-й пехотной дивизии, атаковавшей 3-й Сибирский корпус в Длинном лесу. К исходу 13 (26) марта сибирские стрелки вновь овладели Длинным лесом, чтобы опять оставить его на следующий день. Долго откладывавшаяся атака группы М.М. Плешкова оказалась неудачной. Не привели к успеху и разрозненные атаки 14–18 (27–31) марта, на участке 14-го армейского корпуса было оставлено Великое Село[179]. За время операции русские войска утратили 26 246 винтовок, 19 пулеметов, 56 орудий[180].

16–17 (29–30) марта Верховный главнокомандующий, а за ним и главнокомандующие армий Западного и Северного фронтов отдали

---

177 *Новиков П.А.* Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах России 1-й четверти XX века. С. 333; *Tischer G.* Geschichte des Reserve–Infanterie–Regiments Nr.35. Berlin, 1935. S. 221–222.

178 РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 122. Л. 69–73, 81–91, 105–108; *Новиков П.А.* Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах России 1-й четверти XX в. С. 280; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 21–22.

179 *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии 1900–1917. Т. 4. С. 316; *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. С. 143–145; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 25.

180 РГВИА. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1–4; Ф. 2122. Оп. 2. Д. 77. Л. 419–420; Ф. 2152. Оп. 2. Д. 201. Л. 1–2.

директивы о прекращении наступления: «Временно приостановить выполнение операции в намеченных ранее размерах до улучшения местных условий. Предоставить усмотрению главнокомандующих желательное выполнение и достижение частных целей для улучшения и упрочения нашего положения, особенно точки зрения предстоящего развития операции». 2-й армии указывалось прочно закрепиться между озерами Нарочь и Вишневское[181].

Главкосев генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин записал в дневнике 16 (29) марта: «Достигнутые результаты не соответствуют жертвам. Одна 5 армия с 5 марта по 14 марта потеряла 365 офицеров и 34 721 нижних чинов». При этом две ударные группы израсходовали 87 900 снарядов. Главнокомандующий отмечал недостаточную силу артиллерийского огня, поскольку не удалось ни подавить пулеметные гнезда, усиленные рельсовыми балками и бетоном, ни уничтожить заграждения противника. Оборона захваченного пространства также была недостаточной: «Противник легко выбивал нас из занятых участков контр-атаками: не за что было зацепиться»[182].

Армии Юго-Западного фронта должны были начать наступление в случае, если войска Северного и Западного фронтов достигнут успеха или если противник будет ослаблен перебросками войск на угрожаемые участки фронта. Если директива главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (главкоюз) генерала от артиллерии Н.И. Иванова от 17 февраля (1 марта) предусматривала усиленное создание укрепленных линий, обороняемых минимальным количеством войск, и выделение сильных резервов для последующей отправки их в армии Западного фронта либо для организации контрударов (в случае перехода противника в наступление), то 5 (18) марта начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал от инфантерии В.Н. Клембовский сообщил командующему 8-й армией генералу от кавалерии А.А. Брусилову о решении главкоюза нанести удар на Луцк с целью выйти на р. Стырь между селами Навоз и Торговице. Остальным армиям надлежало активными действиями приковать к себе противостоящие австро-венгерские войска[183].

А.А. Брусилов собирался перейти в наступление всеми силами 8-й армии, нанося главный удар 32-м и 40-м армейскими корпусами,

---

[181] *Николай II.* Дневник (1913–1918). С. 310; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 26.

[182] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 43–45.

[183] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 157. Л. 143; Д. 159. Л. 56–57.

и требовал передачи ему двух корпусов из резерва главнокомандующего: «Докладываю, что только при одобрении изложенного плана твердо рассчитываю на успех, противном случае едва ли смогу достигнуть решительных результатов». 8 (21) марта Клембовский направил в штаб 8-й армии замечания к проекту наступления, указывая на слабость намеченных для общего наступления войск и на необходимость собрать на ударном участке возможно больше тяжелой и корпусной артиллерии. Брусилову передавались три дивизии из резерва фронта. 9 (22) марта Брусилов внес коррективы в план атаки: он не собирался «решительно атаковать всем фронтом армии», а только нанести главный удар на участке в 18 верст, собрав туда 354 орудия, включая 48 тяжелых и 60 корпусных гаубиц; остальные силы армии должны были бы атаковать противника «чтобы серьезно сковать его, а при удаче разбить»[184].

Но события развивались иначе. Еще 3–4 (16–17) марта 37-я пехотная дивизия 11-й армии пыталась овладеть выс. 368 у с. Козлово на р. Стрыпа, но противник (19-я пехотная дивизия Южной армии) смог удержать позицию. Только 145-й пехотный Новочеркасский полк потерял 22 убитых, 81 пропавшего без вести (включая офицера) и 153 раненых (2 офицера). Более успешными оказались действия 1-й Заамурской пешей пограничной дивизии 9-й армии у Михальче и Усцечко 6 (19) марта: взрывом подведенных горнов и последующей атакой был ликвидирован плацдарм 6-й кавалерийской дивизии противника (7-я армия) на левом берегу Днестра. Заамурцы захватили в плен офицера и 105 солдат, 2 орудия и 6 минометов, но успех был куплен дорогой ценой: из строя выбыло 16 офицеров и 793 нижних чина[185]. Отсутствие успеха на Нарочи и у Якобштадта повлияло и на активность армий Юго-Западного фронта: переход в наступление был отложен на неопределенное время.

Хотя формально наступление армий Северного и Западного фронтов было «приостановлено» из-за неблагоприятных климатических условий — распутица и разлив рек и болот — фактор понесенных потерь и отсутствия намеченного результата сыграл в этом главную роль. Уже 19 марта (ст. ст.) из Ставки в штабы фронтов и армий была разослана телеграмма: «Государь император желает иметь точный подсчет потерь, понесенных в последнюю операцию подробно с обозначением по каждой участвовавшей части, равно подробные точные сведения об утрате

---

184 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 159. Л. 92–93, 122.

185 Там же. Л. 24, 28, 70, 94; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. Wien, 1933. S. 241.

оружия». Сведения было необходимо представить уже к вечеру[186], что было практически неосуществимо.

Тем не менее, такие сведения были представлены 1-й, 2-й и 5-й армиями, 12-я армия данных о потерях не прислала и специально не собирала.

Таблица 13. Потери сторон в мартовском наступлении по сведениям, подготовленным для Николая II[187]

сторона	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
5-я армия	65	5908	1	2671	295	23 720	361	32 299
1-я армия	19	2220	6	1123	128	9248	153	12 591
2-я армия	162	9674	71	10 486	710	45 123	943	65 283
ИТОГО	**246**	**17 802**	**78**	**14 280**	**1133**	**78 091**	**1457**	**110 173**

За столь короткое время штабы армий, конечно, не могли предоставить в Ставку полную и достоверную информацию о понесенных потерях, так как части и соединения только начали приводиться в порядок после тяжелых боев. Согласно тем же присланным ведомостям и ежедневным донесениям, армии утратили в боях 52 пулемета, 2 бомбомета, 69 орудий, бронепоезд и 2 самолета.

В архивных фондах Германии не сохранилось суммарных сведений о потерях, понесенных группой армий П. фон Гинденбурга при отражении русского наступления. Санитарный отчет показывает во всех армиях Германии на Русском ТВД потерю в течение всего марта 1916 г. 2783 убитых, 2557 пропавших без вести и 19 772 раненых[188]. Указанные выше сведения послужили для определения потерь сторон, которые обычно публикуются в популярной литературе и энциклопедиях: 110 тыс. чел. с русской и 20 тыс. чел. с германской стороны. При этом подсчет по имеющимся в изданных между мировыми войнами исто-

[186] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 77. Л. 435.

[187] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 68. Л. 1; Ф. 2106. Оп. 2. Д. 429. Л. 10–11; Ф. 2122. Оп. 2. Д. 77. Л. 419–420.

[188] Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsches Feldheer und Besatzungsheer) im Weltkrieg 1914/1918. Bd. III. Tafel 148.

риях полков германской армии сведениям дают иное количество потерь. Это число суммарно меньше, чем указано в санитарном рапорте, но включает при этом далеко не все части, участвовавшие в мартовских боях. Потери в вооружении по сведениям как с германской, так и с русской стороны, составляют: 26 пулеметов, 32 миномета, 10 гранатометов, 1 траншейное орудие, 1 самолет.

Таблица 14. Потери германской стороны за 5 (18) — 18 (31) марта 1916 г. по сведениям полковых историй[189]

сторона	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
8-я армия	11	214			8	398	19	612
АГр Шольц	3	230		6	4	1072	7	1308
10-я армия	50	1847	27	2157	100	7313	177	11317
ИТОГО	**64**	**2291**	**27**	**2163**	**112**	**8783**	**203**	**13 237**

Более точные данные о потерях русских войск можно найти в ежедневных и недельных отчетах русских соединений, в полковых журналах военных действий и приказах по строевой части, именных списках потерь и учетных карточках лечебных заведений. С германской стороны

[189] Подсчитано по: Bayerische Staatsarchiv. Abteilung IV. Kavallerie-Regimenter Weltkrieg. Fascickeln 85. T.1; 229, 663, 917. T.1, 1184, 2792; Sanitaetsbericht des Deutsche Heeres. Bd.III. Tafel 56, 57, 148; *Altermann M., Schmidt W., Winkelmann O.* Das Koeniglich Preussisches 3. Posensches Infanterie-Regiment Nr.58 Im Weltkriege. Zeulenroda, 1936. S. 128; *Balla E.* Im Yorckschen Geist: Der Deutsche Frontsoldat und seine Seele. Berlin, 1926. S. 165, 168, 170; *Bartenwerffer E., Herrmann A.* Das Reserve-Infanterie-Regimen Nr.232 in Ost und West. T. 2. Celle, 1927. S. 24; *Deiss F.W.* Die Hessen im Weltkrieg 1914–1918. Charlottenburg, 1930. S. 241; *Erdmann F.* Die Geschichte des Infanterie-Regiments Nr.344 im Weltkriege 1914/18. S. 148; Das 1. Ober–Elsaessische Feldartillerie-Regiment Nr.15 im Grossen Kriege 1914–1918. Darmstadt, 1930. S. 458–473; Festschrift zur Fahnen-Weihedes Vereinigung ehemaligen 166er Hanau a. M. am 6., 7. u. 8. Juni 1925 mit Regimentsgeschichte des Kgl. Preuss. Infanterie-Regiments "Hessen-Homburg" No.166. Hanau, 1925. S. 69; *Friedenthal H.* R.I.R.266: Der Grosse Krieg im Schicksal eines Regiments. Bd.1. Oldenburg-Berlin, 1926. S.273; Die Geschichte des Reserve-Infanterie-Regiments Nr.т24. Berlin, 1934. S. 63–64; *Giese F.* Geschichte des Reserve-Infanterie-Regiments Nr.227 im Weltkriege 1914/18. Bremen, 1931. — S. 320, 326; *Gottberg D. von.* Das Grenadier-Regiment Koenig Friedrich Wilhelm IV.

потери уточняются привлечением опубликованных именных списков потерь. При этом количество раненых по именным спискам несколько меньше, чем в санитарном отчете, а число убитых (погибших) — больше, так как в уточняющих списках указаны умершие от ран, в плену или обнаруженные мертвыми пропавшие без вести. Не учитываются в данном случае раненые, оставшиеся в строю (включенные в санитарный отчет), что и дает несколько «необычное» соотношение между убитыми и ра-

---

(1. Pommersches) Nr.2 im Weltkrieg. Berlin, 1928. S. 288; *Groos W.* Geschichte des Reserve-Feldartillerie–Regiments Nr.66 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1927. S. 91; *Heidrich F.* Geschichte des 3. Ostpreussischen Feldartillerie-Regiments Nr.79. Oldenburg-Berlin, 1921. S. 76; Das Infanterie-Regiment Nr.171. Oldenburg–Berlin, 1927. S. 173; *Jaenecke W., Voss K.* Das Reserve-Regiment Nr.250 im Weltkrieg. Hannover, 1929. S. 144; *Klimpel K.* Kriegsgeschichte des Garde-Reserve-Schuetzen-Bataillons. Berlin, 1926. S. 71; *Koehler V.* das Kuerassier-Regiment von Seydlitz (Magdeburgisches) Nr.7. seine Geschichte. Quedlinburg, 1935. S. 307; *Lasch W.* Geschichte des 3. Unterelsaessischen Infanterie-Regiments Nr.138. Saarbruecken, 1937. S. 139, 143, 229; *Maas A.* Das Reserve-Infanterie-Regiment Nr.9 im Weltkriege. Zeulenroda, 1933. S. 58–59; *Mayer H.* Geschichte des Infanterie-Regiments Prinz Moritz von Anhalt–Dessau (5. Pomm.) Nr.42 waehrend des Krieges 1914/18. Oldenburg–Berlin, 1927. S.131; *Meierborn O., Goebel W.* Reserve-Infanterie-Regiment Nr.251. Zeulenroda, 1930. S. 105; *Meyer W.* das Infanterie-Regiment von Grollmann (1. Posensches) Nr.18 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1929. S. 197; *Moser O. von.* Feldzugsaufzeichnungen 1914–1918. Stuttgart, 1928. S. 309, 313; *Mueller-Loebnitz W.* Das 10. Lothringisce Infanterie-Regiment 174 im Weltkriege 1914–18. Zeulenroda, 1930. S. 179; *Neumann E.* das Magdeburgische Jaegerbataillon Nr.4 im Weltkriege 1914–1918. Zeulenroda, 1935. S. 274; *Niedlich K.* Landwehr-Infanterie-Regiment Nr.379. Oldenburg, 1923. S. 58; *Plathe W.* Das Reserve-Infanterie-Regiment Nr.26 im Weltkrieg. Zeulenroda, 1932. S. 203–204; *Ponath G.* Die Geschichte des 5. Westpreussischen Infanterie-Regiments Nr.148. Breslau, 1939. S. 497–501; *Puttkammer O.J. von.* Das Koeniglich Preussische Reserve–Infanterie-Regiment Nr.46 im Weltkriege. Zeulenroda, 1938. S. 89, 91; *Schaarschmidt W.* das Kgl. Saechs. Landwehr-Infanterie-Regiment Nr.350 und seine Stammbataillone. Dresden, 1924. S. 94; *Schneider F.* das Feldartillerie-Regiment von Scharnhorst (1. Hannoversches) Nr.10 im Weltkriege. Hannover, 1930. S. 496, 499; *Schumacher J., Stienen R.* Reserve-Infanterie-Regiment Nr.255 im Weltkrieg 1914–1918. Oldenburg–Berlin, 1929. S. 81, 83, 85; *Seneca A.* Geschichte des Koeniglich Preussischen 2. Unterelsaessischen Feldartillerie-Regiments Nr.67. Karlsruhe, 1935. S. 205; *Sier J.* 8. Rheinisches Infanterie-Regiment Nr.70 im Kriege 1914–1918. Saarbruecken, 1928. S. 141; *Soden, Graf M.* Unser Regiment: Das RIR 252 im Weltkrieg. Coburg, 1929. S. 143, 146; *Sommerbrodt H.* Das Feldartillerie-Regiment von Holtzendorff (1. Rheinisches) Nr. 8 im Weltkrieg 1914–1918. Gross-Wartenberg, 1930. S. 166; *Strecker K.* Das Deutsch-Ordens-Infanterie-Regiment Nr.152 im Weltkriege. Berlin, 1933. S. 292; *Tischer G.* Geschichte des Reserve-Infanterie-Regiments Nr.35. Berlin, 1935. S. 222; *Tondera A.* Das Infanterie-Regiment Nr.353. Zeulenroda, 1938. S.89; *Ulrich K. von.* Das Husaren-Regiment Landgraf Friedrich II. von Hessen-Homburg (2. Kurhessisches) Nr.14 1706–1919. Oldenburg; Berlin, 1933. S. 158–168; *Wengler F.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr.48 im Weltkriege. Oldenburg; Berlin, 1925. S. 205–214; *Witzmann W. von.* Geschichte des Reserve-Infsnterie-Regiments Nr.256. Berlin, 1936. S. 176; *Zunehmer M.* Infanterie-Regiment Graf Kirchbach (1. Niedersaechsisches) Nr.46 im Weltkriege 1914/1918. Berlin, 1935. S. 189.

неными в германских войсках. В русских документах умершие от ран почти не учитываются, за исключением полковых приказов. С учетом этих особенностей подсчеты дают следующий результат.

Таблица 15. Уточненные потери сторон в мартовском наступлении 5 (18) — 18 (31) марта 1916 г.

сторона	убито		пропало без вести		ранено (отравлено газами)		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Северный и Западный фронты (русские)								
5-я армия	77	7338	2	3120	360	28 440	439	38 898
12-я армия	10	752	2	659	56	2833	68	4244
1-я армия	22	2317	8	2940	135	10 038	165	15 295
2-я армия	192	12 376	82	12 695	767 (1)	48 847 (15)	1042	73 929
ИТОГО	**301**	**22 783**	**94**	**19 414**	**1318 (1)**	**90 158 (15)**	**1714**	**132 370**
Восточный фронт (германский)								
8-я армия	18	730	1	32	13	921	32	1683
армейская группа Шольц	12	942	2	170	18	1706	32	2818
10-я армия	72	3419	39	2000	162	7005	273	12424
ИТОГО	**102**	**5091**	**42**	**2123**	**193**	**9632**	**337**	**16 925**

Из числа пропавших без вести в плен попало с русской стороны 37 офицеров и 5628 нижних чинов, с германской стороны — 33 офицера и 1850 солдат. Корреляция пропавших без вести дает более высокое число погибших: 36 927 чел. (из них 358 офицеров) в русской армии и 5475 чел. (из них 111 офицеров) в германской армии. Мартовское наступление стало наиболее неблагоприятным для русских войск по соотношению потерь: их урон был почти в 8 раз выше, чем у противника, причем безвозвратные потери были в 6 раз больше.

Говоря о значении Мартовской операции (это название более корректно, так как включает и наступательные действия на Двинском, Якобштадтском, Икскюльском и Рижском (Задвинском) участках фронта), прежде всего вспоминают о якобы оказанном влиянии на Верденское сражение. Но в этот период бои под Верденом не прекращались. Более того, именно 20–22 марта (н. ст.), в разгар нарочских боев, германская армия начала новый штурм французских позиций и к 28 марта захватила ряд важных высот, 10 тыс. пленных, 20 орудий и 80 пулеметов[190]. Во Францию из группы армий Линзингена и Южной армии были отправлены еще две дивизии (3-я гвардейская и 1-я пехотная — всего семь пехотных полков и три полка артиллерии)[191]. Таким образом, ни перерыва в действиях, ни прекращения переброски войск, ни облегчения положения Франции не наступило.

Мартовские бои значительно подорвали боевой дух русских солдат. Как свидетельствует А.Н. Куропаткин, в мае 1916 г. солдаты говорили о новом готовящемся наступлении: «Ну что ж, снова пойдем грызть проволоку»[192]. На март–апрель 1916 г. пришелся, таким образом, пик кризиса Антанты: затяжные бои под Верденом, эвакуация сербской армии из Албании и англо-французских войск из Дарданелл, капитуляция британского корпуса в Ираке, неудача итальянского наступления на р. Изонцо и русских войск — в Нарочской операции.

Причины неудачи наступления для русской стороны прежде всего кроются в слабой разведке: силы германцев оценивались главным образом со слов пленных и перебежчиков, передний край был хорошо изучен, но состав резервов, глубина обороны, ее насыщенность огневыми средствами, возможности переброски войск, тактические приемы, даже эффективность артиллерийской подготовки — все это оставалось неизвестным для русского командования.

Деятельность авиации была затруднена туманами, наблюдение с земли — также. Начинающаяся оттепель затруднила артиллерийское снабжение, но и у противника были те же проблемы. Однако германская армия применяла иную тактику борьбы: отказавшись от противоборства с русской артиллерией в период подготовки атаки, она сосредоточила орудийный огонь по атакующим цепям и отсекала подход резервов

---

190 Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. X. S. 215–221.

191 Ibid. S. 275–276; на Восточный фронт за это время были направлены только 39-й и 102-й ландверные пехотные полки.

192 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 76.

и подвоз боеприпасов. В ходе боев германская артиллерия была более активна: на участке у Якобштадта только 79-й полевой артиллерийский полк израсходовал 18 702 снаряда, против русских войск у Мядзёла 42-я артиллерийская бригада выпустила 55 650 снарядов, южнее оз. Нарочь три полка израсходовали 31 470 снарядов[193]. Сказались и недооценка силы сопротивления противника, и мощность укреплений, против которых русская тяжелая артиллерия оказалась бессильной, и широкие полосы искусственных препятствий — проволочные заграждения в несколько рядов кольев.

Серьезной помехой для успешности действий стали переброски русских войск, которые вводились затем в бой на незнакомой им местности. Впервые даже в составе одной армии были активные и пассивные боевые участки; на последних ограничивались перестрелкой и разведками, в то время как рядом части истекали кровью в бесплодных атаках. Как и во время зимнего наступления армий Юго-Западного фронта, массированные штурмы перемежались периодами относительного спокойствия от двух дней до недели, что позволяло германским войскам восстанавливать разрушенные укрепления, беспрепятственно пополнять силы и боеприпасы. Ни должное взаимодействие соединений и родов войск, ни непрерывность и напряженность атак и артиллерийской подготовки с русской стороны не были достигнуты.

Подготовка нового русского наступления в апреле–мае 1916 г.

До конца марта русские войска 2-й армии еще несколько раз предпринимали попытки овладеть германскими позициями на участке группы П.С. Балуева, именно — выступом под названием «Фердинандов нос» у госп. дв. Августово и Мокрицы. Наступление 24–25 марта (6–7 апреля) вели части 10-й, 55-й и 67-й пехотных дивизий, им удалось захватить часть окопов 34-го резервного пехотного полка и 78 пленных, включая офицера, но затем германцы заставили плотным огнем и контратака-

[193] Das 1. Ober-Elsaessische Feldartillerie-Regiment Nr.15 im Grossen Kriege 1914–1918. Darmstadt, 1930. S.191; *Groos W.* Geschichte des Reserve-Feldartillerie-Regiments Nr.66 im Weltkriege. Oldenburg; Berlin, 1927. S. 84; *Heidrich F.* Geschichte des 3. Ostpreussischen Feldartillerie-Regiments Nr.79. Oldenburg; Berlin, 1921. S. 76; *Seneca A.* Geschichte des Koeniglich Preussischen 2. Unterelsaessischen Feldartillerie-Regiments Nr.67. Karlsruhe, 1935. S. 205.

ми отвести войска на исходные позиции. Потери достигали 2523 чел.[194] 31 марта — 1 апреля атака была повторена силами 7-й и 67-й пехотных дивизий, но и на этот раз безрезультатно: заняв первую линию окопов, русские полки отступили под перекрестным огнем противника, потеряв более 3 тыс. чел.[195]

В течение апреля 1916 г. германские войска предпринимали атаки с целью восстановить утраченные позиции. 15 (28) апреля был нанесен наиболее сильный удар по южному берегу оз. Нарочь: две боевые группы 3-го резервного корпуса (86-я пехотная дивизия, усиленная частями 75-й резервной и 9-й кавалерийской дивизий, и 80-я резервная дивизия, усиленная 119-й пехотной дивизией) после 7-часовой артиллерийской подготовки (33 тыс. снарядов) нанесли удар по позициям 5-го армейского корпуса (7-я, 10-я, 67-я пехотные дивизии) от берега озера до флв. Близники и Занарочь. Германцы не только выбили русские войска из с. Стаховцы и дер. Занарочь, но овладели и старыми русскими позициями до Черемшицы и Колодино. Для локализации прорыва были подтянуты 55-я пехотная, 9-я Сибирская стрелковая и Уральская казачья дивизии. Русские войска потеряли 1063 убитых (из них 10 офицеров), 7465 пропавших без вести (73 офицеров) — из них попало в плен 56 офицеров и 5600 нижних чинов, 2167 раненых (54 офицера) и 1 офицера отравленного газами, лишились 32 пулеметов, 10 минометов и 15 орудий[196]. Потери германских войск: 240 убито (из них 10 офицеров), 135 пропало без вести (1 офицер), 887 ранено (21 офицер)[197].

На участке 5-й армии Северного фронта в апреле–мае 1916 г. обе стороны несколько раз пытались атаковать с целью занятия более выгодных позиций, 1 (14) апреля 1-я стрелковая дивизия захватила одну из высот у дер. Гиновка и удерживала ее. 27 апреля (10 мая) русская 60-я пехотная дивизия пыталась развить успех, но ее атаки были оста-

---

194 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 65. Л. 298–311.

195 Там же. Л. 325–328.

196 РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1292. Л.1–2, 12–15, 23–25, 81–82; Ф. 2248. Оп. 1. Д. 306. Ч. 1. Л. 243–250; *Erdmann F.* Die Geschichte des Infanterie-Regiments Nr.344 im Weltkriege 1914/18. Zeulenroda, 1938. S. 155; *Neumann G.* Das Infanterie-Regiment Nr.343 im Weltkriege 1914/18. Zeulenroda, 1937. S. 231.

197 Подсчитано по: *Erdmann F.* Die Geschichte des Infanterie-Regiments Nr.344 im Weltkriege 1914/18. S. 155; *Friedenthal H.* R.I.R.266: Der Grosse Krieg im Schicksal eines Regiments. Bd. 1. Oldenburg–Berlin, 1926. S. 282; *Jaenecke W., Voss K.* Das Reserve-Regiment Nr.250 im Weltkrieg. Hannover, 1929. S. 144; *Meierborn O., Goebel W.* Reserve-Infanterie-Regiment Nr.251. Zeulenroda, 1930. S. 105; *Zunehmer M.* Infanterie-Regiment Graf Kirchbach (1. Niedersaechsisches) Nr.46 im Weltkriege 1914/1918. Berlin, 1935. S. 189.

новлены противником. Отряд германской 41-й пехотной дивизии нанес контрудар в районе дер. Епукн, отбросил русские части и на следующий день закрепился на захваченной позиции. Русские войска за два дня потеряли 365 убитых (из них 3 офицера), 480 пропавших без вести (включая 20 офицеров; из них захвачены в плен 2 офицера и 333 нижних чина и перебежало 119 нижних чинов), 1639 раненых (20 офицеров), 3 пулемета и 2 бомбомета. Германцы потеряли 38 убитых (2 офицера), 102 раненых (2 офицера)[198].

На участках других армий Западного фронта как в период проведения Мартовской операции, так и после ее завершения царило полное затишье. Три русские армии, обладавшие значительными силами (1 075 035 чел. строевого состава против 678 979 чел. 12-й армии и групп армий принца Леопольда Баварского и А. фон Линзингена), оставались совершенно пассивными. В то же время атака дивизии из армейской группы Р. фон Войрша на позиции Гренадерского корпуса в ночь на 19 марта (1 апреля) встревожила командование Западного фронта и вынудило отказаться от усиления группировки 2-й армии у Нарочи и Мядзёла[199].

Поскольку наступление армий Северного и Западного фронтов не принесло успеха, войска Юго-Западного фронта никаких операций не вели. В то же время бои развертывались на различных участках фронта к югу от Припяти, когда обе стороны стремились тактически улучшить положение. Особенный размах получила минная война. Австро-венгерские минеры взорвали в марте–мае 9 горнов на фронте от Сопанова до Бояна, частично уничтожив русские минные галереи и укрепления.

23 марта — 4 апреля (5–17 апреля) на участке 7-й армии 2-й армейский корпус захватил выс. Попова Могила у с. Свержковце и успешно отразил попытки противника (15-я пехотная дивизия) вернуть утраченную позицию. Были захвачены миномет и 243 пленных (из них 5 офицеров); русские потери составили 13 офицеров и 317 нижних чинов. Армейское главнокомандование было встревожено этим успехом и направило в Монастержиску дивизию из группы армий Линзингена. Но ко-

---

198 Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 77. Л. 699; *Strecker K.* Das Deutsch-Orden-Infanterie-Regiment Nr.152 im Weltkriege. Berlin, 1933. S. 300, 400; *Suhrmann W.* Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr.31 im Weltkriege. Flensburg; Oldenburg; Berlin, 1928. S. 233.

199 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 91. Л. 147, 185. Два гренадерских полка потеряли в бою 29 убитых, 89 раненых (включая офицера), 7 пропавших без вести, 2 орудия.

мандующий австро-венгерской 7-й армией генерал от кавалерии К. фон Пфлянцер-Бальтин отказался от дальнейших попыток отбить высоту[200].

Упорством отличались бои на фронте 6-го и 18-го армейских корпусов 11-й армии за высоты 396 и 363 у Цеброва. Русские полки несколько раз захватывали эти высоты, но огнем артиллерии и контратаками, взрывами фугасов и минных галерей 22 апреля (5 мая) были окончательно отброшены в исходное положение. На участках 32-го и 39-го армейских корпусов 8-й армии инициатива атак принадлежала противнику. Австро-венгры несколько раз 10–17 (23–30) апреля пытались захватить Муравицу, Бол. и Мал. Боярку, но потерпели поражение. В плен было взято 22 офицера, 2 врача и 602 солдата противника. Русские войска потеряли 90 убитых (из них 1 офицер), 61 пропавшего без вести (2 офицера), 302 раненых (6 офицеров)[201]. Более успешные действия армий Юго-Западного фронта в марте–апреле, ослабление сил противника перебросками войск против Италии несомненно сказались на изменении оценок обстановки на участке фронта к югу от Припяти. 18 марта (ст. ст.) новым главнокомандующим армиями фронта был назначен генерал от кавалерии А.А. Брусилов; в 8-й армии его сменил генерал-лейтенант А.М. Каледин.

Очередная конференция союзников в Париже 14–15 (27–28) марта 1916 г. завершилась принятием общей декларации стран Антанты о проведении скоординированного наступления против Германии начиная с июля; при этом русские армии должны были нанести удар несколько ранее, чтобы оттянуть на себя часть сил противника[202].

В соответствии с решениями конференций в Шантийи и Париже начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев 22 и 24 марта (4 и 6 апреля) представил императору Николаю II два доклада о будущем генеральном наступлении. На основе расчетов числа батальонов германской армии Восточного фронта и австро-венгерских войск он сделал вывод о необходимости нанесения удара по войскам противника севернее Полесья, где, по его мнению, русские войска имели двойное превосходство в силах. Алексеев подчеркивал, что необходимо упредить противника, который после «неудач» под Верденом может вновь организовать атаку на Восточном ТВД, и потому перейти в наступ-

---

200 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 159. Л. 245; Д. 160. Л. 1–2, 19; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. S. 242–243.

201 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 160. Л. 92, 143, 177, 183, 193, 211, 339; Ф. 2952. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

202 Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. С. 173–174.

ление уже в мае[203]. Замысел повторял план мартовского наступления, однако в ходе выработки диспозиции на летнюю кампанию 1916 года в него были внесены принципиальные коррективы.

На совещании главнокомандующих в Ставке в Могилеве 1 (14) апреля 1916 г. обсуждался проект М.В. Алексеева о переходе в общее наступление с нанесением главного удара армиями Северного и Западного фронтов. Армии Юго-Западного фронта должны были провести демонстративное наступление на Луцк (ранее в докладах наштаверха армиям Юго-Западного фронта отводилась пассивная задача сковывать силы противника и присоединиться к наступлению только после обозначившегося успеха севернее Припяти). Еще осенью штаб 8-й армии в лице начальника оперативного отдела подполковника П.С. Махрова разработал такую операцию[204]. В дальнейшем она, судя по всему, была доработана начальником штаба армий Юго-Западного фронта генералом от инфантерии В.Н. Клембовским и его генерал-квартирмейстером генерал-майором Н.Н. Духониным[205]. Вновь назначенный главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов вплоть до начала совещания пытался добиться отрешения Клембовского, но наткнулся на противодействие М.В. Алексеева[206].

Но на совещании именно Брусилов высказал намерение наступать «по всему фронту, чтобы сбить с толку австро-германцев и не позволить им стянуть войска в один только атакованный район», причем предлагал наступление как противодействие более чем вероятной атаке германцами русского фронта[207]. При этом была забыта справедливая критика проекта Алексеева со стороны главнокомандующих армиями Северного и Западного фронтов — генералов от инфантерии А.Н. Куропаткина

---

[203] Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 2. С. 175–176.

[204] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 3. Л. 416–417, 426–427 — оформлена планом атаки 8-й армии от 30 ноября (13 декабря) и оперативным приказом от 1 (14) декабря 1915 г. в первый раз для участия в Рождественском наступлении, затем для развития ожидаемого успеха в Мартовской операции, но оба раза отменена.

[205] Отечественная история. 1998. № 3. С. 43.

[206] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1304. Л. 275–278 об.

[207] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 28; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 207: «Я полагал бы произвести атаку в начале мая. Противник, несомненно, ударит раньше. Но так как решено атаковать противника и Северным, и Западным фронтом, то куда бы противник ни ударил, он уже встретит нас всюду готовыми. Лишь бы не было подпирания на атакованном участке: пусть противник ломит в одном месте, а мы должны атаковать его в других местах. Неатакованные группы должны сами перейти в наступление и тем парализовать инициативу, которую противник взял в свои руки» (А.А. Брусилов).

и А.Е. Эверта — ведь главный удар планировалось наносить в наиболее неблагоприятном районе — среди болотистых лесов Литвы. Для обеспечения успеха Эверт требовал усилить Западный фронт еще восемью корпусами, но наштаверх твердо заявил, что такими резервами Россия не располагает[208].

Директива Верховного главнокомандующего от 11 (24) апреля 1916 г. предусматривала переход в наступление с нанесением главного удара армиями Западного фронта; армии Северного и Юго-Западного фронтов должны были оказывать «содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника»: «Западный фронт атакует противника из Молодечненского района, развивая удар в направлении Ошмяны, Вильна. Северный фронт наносит удар или из района Иллукст, озеро Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск, или из района южнее озера Дрисвяты в общем направлении на Видзы, Уцяны. Юго-Западный фронт, тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк...»[209]

на 1 (14) апреля 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Северного фронта						
6-я армия	16 8781	71 523	13 115	394	885	2
12-я армия	400 601	158 296	7865	715	624 (78)	19
5-я армия	465 718	255 235	23 589	809	831 (309)	27
ИТОГО	**1 440 188**	**514 609**	**44 569**	**1918**	**2508 (387)**	**48**

[208] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1969. Л. 48; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 209: «До выяснения обстановки на юге нельзя ослабить и Юго-Западный фронт. Значит, сосредоточить на Западном фронте указываемые генерал-адъютантом Эвертом громадные силы неоткуда. Кроме того, надо иметь в виду, что в скором времени предстоит взять 1–2 дивизии для отправления на Кавказ. Следовательно, в силу особых обстоятельств мы должны будем наносить удар теми силами Западного фронта, коими он ныне располагает» (М.В. Алексеев).

[209] Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. Сборник документов ЦГВИА. М.,1940. С. 83. Инициатором более раннего по сравнению со сроком общей атаки перехода в наступление армий Юго-Западного фронта был А.Е. Эверт: «Мне представляется более выгодным, чтобы Юго-Западный фронт, имевший время оправиться от декабрьского наступления и сосредоточивший запасы, начал свое наступление раньше» (РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1014. Л.207).

на 1 (14) апреля 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
русские армии Западного фронта						
1-я армия	211 217	63 756	11 874	244	247 (96)	4
2-я армия	648 735	270 467	18 986	994	1061 (223)	23
10-я армия	469 679	200 778	9742	623	644 (183)	11
4-я армия	371 707	133 460	10 959	551	467 (50)	18
3-я армия	283 153	96 658	25 464	418	379 (68)	11
Гвардия	138 348	55 920	10 870	176	190	12
ИТОГО	**2 263 295**	**873 396**	**87 895**	**3014**	**2988 (620)**	**79**
русские армии Юго-Западного фронта						
8-я армия	496 209	240 166	19 282	830	626 (99)	11
11-я армия	255 771	91 489	5263	454	295 (94)	11
7-я армия	323 024	101 245	13 341	507	387 (64)	20
9-я армия	391 789	186 071	18 234	471	529 (231)	22
ИТОГО	**1 720 092**	**708 541**	**60 360**	**2302**	**1837 (488)**	**64**
ВСЕГО в действующей армии	**5 423 575**	**2 096 546**	**192 824**	**7234**	**7333 (1495)**	**191**

Несомненно, что на решение А.А. Брусилова об активных действиях всеми армиями Юго-Западного фронта повлияло и письмо А.Н. Куропаткина, направленное в штаб фронта 18 (31) марта 1916 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта, разбирая недочеты в проведении Мартовской операции, указывал на необходимость возможно широкого обеспечения флангов соединений, осуществляющих прорыв, сковыванием сил противника атакой и артиллерийским огнем, максимального сближения с противником созданием выдвинутых вперед ударных плацдармов (что невозможно было осуществить в марте при промерзании почвы, поэтому атаки начинались с дистанции в 2–4 версты), непосредственного руководства боем со стороны начальников[210]. Эти принципы были применены при доработке планов летнего наступления.

Уже 6 (19) апреля Брусилов направил командующим армиями циркуляр о разработке наступательных операций «на всем фронте армии, неза-

[210] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 159. Л. 239–241.

висимо от сил, располагаемых для этого». Он рекомендовал в то же время выбирать для корпусов участок для атаки не менее 10 и не более 15 верст (на 15 верстах — атаковать двумя корпусами), а сами атаки вести подпирающими волнами цепей — 3–4 волны. По итогам совещания в штабе фронта 7 (20) апреля главкоюз отдал директиву разработать «соображения» по предстоящей операции к 15 апреля и закончить подготовку к ней к 28 апреля. Целью наступления объявлялись разгром живой силы противника и овладение занимаемыми им позициями между реками Стырь и Прут, при этом главный удар отводился 8-й армии. Брусилов в то же время предупреждал командармов не концентрировать войска заранее, чтобы не дать противнику раскрыть места нанесения ударов[211].

О плане 8-й армии уже было сказано выше. Подготовленные планы операций 7-й и 11-й армий предусматривали наступление на участках от Бурканова до Злотников и от Тарнопольского шоссе до Баронувки с овладением рубежом р. Стрыпа, выходом на Западный Буг в районе г. Буск и развитие успеха прорывом конницы на Ковель, Львов или Крыстынополь. Для выполнения задачи штаб 7-й армии просил усилить войска одним корпусом, а штаб 11-й армии — тремя корпусами[212]. Но дополнительные войска взять было неоткуда, особенно в условиях отправки в Кавказскую армию дивизии и двух пластунских бригад. 13–14 (27–28) апреля генерал-майор Н.Н. Головин (начальник штаба 7-й армии) и генерал-лейтенант М.И. Шишкевич (начальник штаба 11-й армии) скорректировали планы операции, ограничив цели нанесением ударов на Джурин, Поморце и на Лопушно, Янковце. 9-я армия генерала от инфантерии П.А. Лечицкого должна была выбить противника с Днестра на фронте от кордона Савокричный до Зурино[213].

Только 17 (30) апреля А.А. Брусилов довел командующим армиями директиву Ставки от 11 апреля, одобрил присланные планы операций и отдал распоряжения по подготовке наступления. Сосредоточение войск должно было проводиться скрытно, без скучивания войск, подход к расположению противника следовало осуществлять по всему фронту, а не только в местах нанесения ударов, срок начала операции зависел от просыхания дорог после весенней распутицы. Однако Брусилов добавлял, что все армии должны перейти в наступление в случае, если противник атакует

---

211 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 160. Л. 52–53, 64–66. В 8-ю армию передавались резерв фронта и тяжелая артиллерия из 7-й армии, один корпус вместе с участком передавался в 11-ю армию.

212 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 160. Л. 59–62, 98–100.

213 Там же. Л. 139–140, 169–173, 186–189.

войска Юго-Западного или Западного фронта[214]. С этого времени армии приступили к планомерному выдвижению и оборудованию ударных плацдармов. Не исключалась и операция против Болгарии в Добрудже, для чего 27 апреля (10 мая) главному начальнику Одесского военного округа генералу от инфантерии М.И. Эбелову поручалось строительство переправ в низовье Дуная[215].

Велась подготовка и к наступлению в армиях Западного фронта. Но здесь главнокомандующий генерал от инфантерии А.Е. Эверт, считая недостаточными силы для наступления несколькими армиями (как это делалось с начала войны), концентрировал войска на первоначально выбранном для удара боевом участке. С полудня 14 (27) апреля в состав 3-й армии передавались из 4-й армии 1-й Туркестанский, Гренадерский, 9-й и 25-й армейские корпуса, Забайкальская и 2-я Туркестанская казачьи дивизии; в состав 8-й армии вместе с занимаемым участком фронта с полуночи на 19 апреля (2 мая) переходил 4-й кавалерийский корпус (без саперов и горной артиллерии), а управление 1-й армии передавалось в состав Северного фронта[216]. В 4-й армии остались 2-й Кавказский, 3-й Сибирский, 20-й и 26-й армейские корпуса, которым вместе с 10-й армией надлежало наступать на Крево, Ошмяны, Вильно. 15 мая 1-й Туркестанский армейский корпус был передан в 10-ю армию[217]. Последняя начала устройство ударных плацдармов путем минной войны. Однако взорванные 3, 8 и 20 мая горны у с. Новоселки не привели к разрушению германских позиций[218].

30 апреля (13 мая) А.Е. Эверт сообщил А.А. Брусилову о плане наступления силами 4-й и 10-й армий в направлении Крево — Ошмяны; на 2-ю и 3-ю армии возлагалось нанесение «частных ударов» с целью сковать противостоящие силы германцев. Перегруппировка должна была завершиться к середине мая (ст. ст.). 11 (24) мая наштаюз В.Н. Клембовский известил командармов, что Брусилов предполагает начать атаку 19 мая. На следующий день штаб армий Юго-Западного фронта объявил: «Дабы воспрепятствовать дальнейшему усилению [противника] на Итальянском фронте, главнокомандующий решил перейти в наступление согласно разработанным армиями планов». Главный удар на Луцк отводился 8-й армии, 11-я армия атаковала на участке Езерна, Тарнополь, 7-я армия — на

214 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 160. Л. 184–185.

215 Там же. Л. 392.

216 РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 78. Л. 157–158; Д. 80. Л. 7–8.

217 Там же. Д. 79. Л. 80; Д. 93. Л. 134–136.

218 Там же. Д. 108. Л. 32–33, 62–63, 89.

фронте Гипсарка, Новоселки, 9-я армия — на Миткеу, Онут, Доброноуце. Дата начала наступления вызвала возражения в штабе 9-й армии. П.А. Лечицкий и его начальник штаба генерал-лейтенант А.С. Санников заявили, что начало больших боев в двунадесятый праздник — Вознесение — плохо подействует на боевой дух солдат, что уже проявилось во время Рождественского наступления. 13 (26) мая Брусилов отдал директиву 1419: подготовка к наступлению должна быть полностью завершена к 19 мая, а атака начнется только после особого дополнительного приказания[219].

Всесторонняя подготовка к наступлению и майская поездка в армии Юго-Западного фронта императора Николая II насторожили противника. 13 мая н. ст. австро-венгерское Армейское главнокомандование затребовало от штабов Северных армий доклады о принимаемых мерах по укреплению обороны. Командующие 4-й и 7-й армиями генерал от инфантерии эрцгерцог Йозеф Фердинанд и генерал от кавалерии К. фон Пфлянцер-Бальтин считали, что готовится большое русское наступление на Луцк и Доброноуце. До конца мая были созданы резервы: в 7-й армии — 4 бригады, в Южной армии — пехотная дивизия, во 2-й армии — пехотная и кавалерийская дивизии, в 1-й армии — два полка, в 4-й армии и группе армий А. фон Линзингена — три пехотные, одна кавалерийская дивизии и бригада Польского легиона. Армии располагали также 56 тыс. маршевого пополнения. На совещании в Тешене 14 (27) мая начальник австро-венгерского Генерального штаба генерал-полковник Ф. Конрад фон Хётцендорф пришел к выводу, что 7-я армия должна удержать позиции, но у Луцка русские могут достигнуть успеха — там оборонительные полосы не были до конца подготовлены[220].

на 2 (15) мая 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
австро-венгерское Армейское главнокомандование — Северные армии						
группа армий Линзингена	498 307	194 025	16 293	755	957 (262)	32
1-я армия	169 150	68 465	2339	171	234 (99)	6
2-я армия	199 248	84 310	3876	328	312 (129)	12
Южная армия	217 129	86 353	1309	376	450 (85)	25
7-я армия	464 684	248 204	11 857	861	804 (241)	32

[219] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 161. Л. 90, 302–303, 306, 323.

[220] Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. S. 243–245.

на 2 (15) мая 1916	всего налицо	пехота	конница	пулеметы	орудия (минометы)	самолеты
ИТОГО	**1 548 518**	**679 357**	**35 674**	**2491**	**2757 (816)**	**107**
из них войск Германии	*96 509*	*45 057*	*5988*	*238*	*342 (42)*	*24*

Германское командование также было озабочено возросшей активностью русских войск. 29 мая н. ст. в Вильну прибыл император Вильгельм II: он надеялся, что фронт П. фон Гинденбурга выделит на Запад еще 2–3 дивизии. Однако Гинденбург вновь завел речь о наступлении против Риги и необходимости для этого усилить его группу армий четырьмя дивизиями. Балтийский флот был готов поддержать наступление в случае усиления его одной дивизией для высадки десанта на Моонзундских островах. Но развитие наступления до Чудского озера потребовало бы новых сил, а угроза Петрограду была бы действенной только в случае возникновения там волнений, способных сокрушить правительство. Гинденбург настаивал и на одновременном австрийско-румынском наступлении, что дало бы, по его мнению, шанс развязаться с Восточным фронтом и облегчить положение турок. Но о выступлении Румынии на стороне Центральных держав и речи не было. Что же до проведения больших операций на Востоке, то сопровождавший кайзера Э. фон Фалькенхайн в очередной раз подтвердил, что свободных войск сейчас ни у Германии, ни у Австро-Венгрии нет. По сравнению с мартом количество войск в группах армий Гинденбурга и принца Леопольда Баварского выросло незначительно — до 1 274 312 чел., включая 85 800 австро-венгров[221].

Зимне-весенняя кампания 1916 г. на Русском ТВД завершилась подготовкой русских армий к широкомасштабной летней наступательной операции. В течение нескольких месяцев русские войска смогли пополнить ряды и запасы снарядов и патронов, прошло формирование нескольких соединений — несмотря на тяжелую и неудачную Мартовскую операцию, ставшую, несмотря на краткость, центральным событием кампании.

Мартовская операция серьезно повлияла на дальнейшие военные действия 1916 года на русском фронте. Противник насторожился, опробовал оборонительную стратегию, стал создавать резервы и эшелонировать оборону, в полках увеличилось количество пулеметов и минометов. Русское командование впервые закончило действия до полного истощения сил,

[221] Sanitaetsbericht ueber das deutsche Heer (deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd. III. Tafel 11; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. X. S. 440–441.

не дав войскам окончательно истечь кровью. По иронии судьбы, торопливость М.В. Алексеева пропала даром: начни он наступление на месяц позже, шансов на успех было бы больше: половодье размыло германские укрепления, снесло проволочные заграждения и затопило окопы, сделав на время оборону невозможной[222].

В общей сумме потерь, понесенных русскими армиями в зимне-весенней кампании 1916 г., Мартовской операции, безусловно, принадлежит весомая доля — 53% всех потерь и 66,7% урона, понесенного армиями Северного и Западного фронтов, — и это только две недели боев. Интенсивность убыли людей в бою во время наступления возросла, тем более что и во время самой операции атаки перемежались продолжительными периодами подготовки новых штурмов.

Таблица 16. Потери русских войск в зимне-весенней кампании 1916 г.

армия	убито (умерло от газов)		пропало без вести		ранено (отравлено газами)		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Северный фронт								
5-я армия	105	9476	26	3989	496	38928	627	52393
12-я армия	50	1455	4	910	134	7256	188	9621
1-я армия (с 18 апреля)	5	156		20	13	996	18	1172
ИТОГО	**160**	**11 087**	**30**	**4919**	**643**	**47 180**	**833**	**63 186**
Западный фронт								
1-я армия (до 18 апреля)	27	2668	9	3024	190	12 456	226	18 148
2-я армия	256	15 434	160	21 078	1044 (2)	60 275 (15)	1461	96 802
3-я армия	32	825	4	419	119	5879	155	7123
4-я армия	15	576	3	380	62	3030	80	3986

[222] Prinz Leopold von Bayern. Erinnerungen an der Weltkrieg 1914–1919 // Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Geheime Hausarchiv. Nachlass Prinz Leopold. Karton Nr.239. S. 491, 495.

армия	убито (умерло от газов)		пропало без вести		ранено (отравлено газами)		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
10-я армия	32	1278	2	173	141	7492 (4)	175	8947
ИТОГО	**362**	**20 781**	**178**	**25 074**	**1556 (2)**	**89 132 (19)**	**2098**	**135 006**
Юго-Западный фронт								
7-я армия	41	1295	6	675	83 (1)	7575 (5)	131	9550
8-я армия	23	1439	6	743	111	8698 (8)	140	10 888
9-я армия	28	2811 (1)	2	591	114	16 552 (25)	144	19 980
11-я армия	7	1190	6	357	71	7292	84	8839
ИТОГО	**99**	**6735 (1)**	**20**	**2366**	**379 (1)**	**40 117 (38)**	**499**	**49 257**
ВСЕГО	**621**	**38 603 (1)**	**228**	**32359**	**2578 (3)**	**176 429 (57)**	**3430**	**247 449**

Характерной особенностью потерь начальствующего состава русской армии в период до середины мая 1916 г. стало то, что среди них отсутствует пик, соответствующий Мартовскому наступлению: урон распределяется примерно равномерно по всем 124 дням кампании. Среди генералитета погибли семеро (все генерал-майоры): командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией К.Я. Бицютко, начальник 3-й стрелковой дивизии Я.А. Фок, помощник начальника инженерных сообщений штаба Юго-Западного фронта А.Н. Аренс (умер от заражения крови после ранения), командиры 39-го пехотного Томского и 217-го пехотного Ковровского полков М.Г. Пацевич и Ф.И. Осипов (произведены в чин посмертно), командир Лейб-гвардии Семеновского полка С.И. Соваж (при падении с коня), начальник отдела Главного артиллерийского управления М.П. Дымша (при крушении поезда). Кроме того, скончались скоропостижно или от болезни командиры 19-й и 77-й артиллерийских бригад генерал-майоры Н.В. Ракович и князь А.В. Ухтомский, начальник штаба 43-й пехотной дивизии Г.-Э.С. Де-Вейль, начальник санитарного отдела 6-й армии генерал-лейтенант К.П. Губер. Получили ранения и контузии семь генералов: генерал-

лейтенанты командир 6-го армейского корпуса А.Е. Гутор и инспектор артиллерии 23-го армейского корпуса генерал-лейтенант князь М.М. Кантакузен, генерал-майоры начальник 4-й стрелковой дивизии А.И. Деникин, командиры бригад 25-й и 76-й пехотных дивизий П.Р. Брейкш и А.М. фон Гальберг, командир 32-й артиллерийской бригады Л.Л. Байков, командующий 10-м Финляндским стрелковым полком А.О. Пержхайло.

Среди командиров частей в чине полковника погибли шестеро: командиры 6-й тяжелой артиллерийской бригады В.В. Авилов, 40-го пехотного Колыванского полка А.В. Щербачев, 2-го стрелкового полка Г.В. Фролов, 3-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона Л.К. Мамацев, командующий 74-й парковой артиллерийской бригадой Н.А. Мацнев и штаб-офицер для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии князь Н.Н. Енгалычев (оба последних застрелились). Ранения и контузии получили полковники: командиры 7-й и 10-й артиллерийских бригад А.И. Столбин и А.В. Хвощинский, командир 12-го гренадерского Астраханского полка Л.В. Квитницкий, командиры пехотных полков: 10-го Новоингерманландского А.М. Чупырин, 25-го Смоленского В.Н. Яхонтов (отравлен газами), 27-го Витебского Е.П. Бирюков, 37-го Екатеринбургского П.А. Бодров, 61-го Владимирского К.И. Гамрат-Курек, 63-го Углицкого И.Ф. Озоль, 75-го Севастопольского Б.И. Неклюков, 78-го Навагинского В.М. Попов, 93-го Иркутского Н.Н. Федоров, 100-го Островского А.В. Ястржембский и заменивший его подполковник Ф.А. Михельсон, 240-го Ваврского Н.П. Галанчук, 289-го Коротоякского Л.А. фон Штейн, 310-го Шацкого П.П. Ваксмут, 480-го Даниловского В.А. Телешев, 1-го Заамурского пограничного М.М. Семичев, командиры стрелковых полков: 2-го барон Е.О. Де-Монфор, 14-го В.И. Бален де Баллю, 20-го Сибирского В.К. Жеймо, 26-го Сибирского Г.Ф. Романов, 30-го Сибирского А.Н. Изюмов, 2-го Финляндского В.И. Левицкий, командиры 8-го Граевского пограничного конного полка К.Г. Дирин, 20-го Донского казачьего полка С.Х. Крюков, 3-го Курземского латышского стрелкового батальона И.Я. Калнин, 109-го артиллерийского дивизиона В.К. Келчевский, 4-го осадного артиллерийского дивизиона В.М. Тихменев, 1-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона Б.П. Именский, 2-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона М.А. Бергер, 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона Н.Д. Невадовский, 42-го мортирного дивизиона К.А. Валицкий, 205-й пешей Саратовской дружины государственного ополчения В.И. Подрузский, — всего 35.

Войска Центральных держав в феврале–мае 1916 г. на Русском ТВД понесли минимальные потери с начала войны. Армии после зимних боев

получили пополнение, но были ослаблены перебросками войск на другие ТВД — против западных союзников России. Операция германских войск против Вердена, начатая 21 февраля (н. ст.), не давала возможности активных действий на других фронтах. Подготовка австро-венгерской армии к наступлению в Южном Тироле и начавшиеся 15 мая (н. ст.) атаки итальянских позиций также требовали значительных сил и средств: в долинах Асьяго и Сугано, как и под Верденом, после первого успеха (захвачено 43,5 тыс. пленных, 318 орудий, 22 миномета, 191 пулемет) завязались упорные затяжные бои[223].

До настоящего времени известны потери австро-венгерских Северных армий, приведенные в официальной австрийской истории Первой мировой войны за период с января по апрель 1916 г., которые необходимо скорректировать с учетом урона, понесенного в январе (Рождественская операция) и мае — по суммарным данным Военно-статистического бюро, подсчеты которого и стали источником опубликованных данных. Потери германской армии на основании 10-дневных рапортов санитарных служб были опубликованы в 1934 г., но без разделения по армиям на Восточном фронте (см. таблицу ниже).

Таблица 17. Потери армий Центральных держав на Русском ТВД в феврале–мае 1916 г. по опубликованным данным[224]

армия	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
австро-венгерские войска	115	4725	37	2970	233	19448	385	27143
германские войска	4937		3038		57 234		65 209	
ИТОГО	**9777**		**6045**		**76 915**		**92 737**	

[223] Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. IV. S. 1439, 1457, 1466; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. S. 244–305.

[224] Подсчитано по: OeStA-KA. AOK. Kriegsgruppe. Karton 2234; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. Beilage 4; Sanitaetsbericht ueber das deutsche Heer (deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd. III. Tafel 148.

Подсчеты по именным спискам потерь и полумесячным рапортам о материальной ситуации дают иной результат, прежде всего по германским войскам. В подсчеты не включены раненые, оставшиеся в строю (но учтенные в санитарных рапортах в таблице выше), учтены умершие от ран и в плену (однако установить время пленения или ранения в данном случае не представляется возможным), а также пропавшие без вести, обнаруженные впоследствии мертвыми, что дает в сумме с учетом длительного периода кампании бóльшее число убитых и умерших от ран и меньшее — пропавших без вести и особенно раненых. Отрицательные числа по некоторым соединениям и объединениям означают, что за этот период в названных категориях количество потерь было меньше уточняемых теми же именными списками данных, что характерно прежде всего для объединений с низкой интенсивностью боевых действий. Отнести их определенно к 1914–1915 гг. невозможно в силу отсутствия в списках дат выбытия из строя или ссылки на более ранний список (такие имеются только по саксонским и вюртембергским частям). Расхождения по австро-венгерским войскам менее значительны и связаны, скорее всего, с неполучением сведений штабами армий, но попавших в следующие по хронологии рапорты.

Таблица 18. Потери армий Центральных держав на Русском ТВД в феврале-мае 1916 г. по отчетам и именным спискам[225]

армия	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Группа армий П. фон Гинденбурга								
8-я армия	25	1705	3	*-26*	26	1924	54	3603
АГр Шольц	21	2101	5	306	50	3227	76	5634
10-я армия	90	4795	40	2141	182	8913	312	15849
12-я армия	24	1221	6	137	27	2024	57	3382
ИТОГО	**160**	**9822**	**54**	**2558**	**285**	**16 088**	**499**	**28 468**

[225] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 159. Л. 176; Ф. 2747. Оп. 1. Д. 76. Л. 26; Bayerische Staatshauptarchiv. IV. Abteilung. Kavallerie–Regimenter WK. Bay. 1. Schwere Reiter–Regiment. Fasc.75, 76, 85. T.1; Bay. 2.Schwere Reiter–Regiment. Fasc. 229; Bay. 1. Ulanen-Regiment. Fasc. 427, 663; Bay. 2. Ulanen-Regiment. Fasc. 917. T.1; Bay. 1. Chevaulegers–Regiment. Fasc.1184. 1185; Bay. 6.Chevaulegers-Regiment. Fasc.2791, 2792; Öesterreichische Staatsarchiv Kriegsarchiv. AOK-Quartiermeister-Abteilung.

армия	убито		пропало без вести		ранено		ВСЕГО	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Группа армий принца Леопольда Баварского								
9-я армия	2	202	1	-12	2	177	5	367
АГр Войрш	13	573	5	355	14	757	32	1685
ИТОГО	**15**	**775**	**6**	**343**	**16**	**934**	**37**	**2052**
Северные армии (австро-венгерский Северо-Восточный фронт)								
Гр. армий Линзингена	1	264	1	49	1	34	3	347
4-я армия	22	660	19	821	49	2956	90	4437
1-я армия	2	217	1	128	12	695	15	1040
2-я армия	9	445		290	20	1958	29	2693
Южная армия	17	668	6	394	29	2019	52	3081
7-я армия	61	2834	15	1257	118	115 85	194	15 676
ИТОГО	**112**	**5088**	**42**	**2939**	**229**	**19 247**	**383**	**27 274**
ВСЕГО	**287**	**15 685**	**102**	**5840**	**530**	**36 269**	**919**	**57 794**
в т. ч. германцы	***177***	***11 025***	***67***	***2958***	***304***	***17 108***	***548***	***31 091***
в т. ч. австро-венгры	***110***	***4660***	***35***	***2882***	***226***	***19 161***	***371***	***26 703***

В целом потери германских войск убитыми и пропавшими без вести по данным именных списков (14 204) почти в два раза превышают

Karton 2682. Op. 3000, 4500, 6000, 7000, 8500, 10000, 12000; Karton 2683. Op. 13000, 14500; Karton 2690. Op. 1045, 1402, 2044, 2456, 3028, 3302, 3771, 4139, 4581; Karton 2700. Op. 5769, 7500, 9800, 11500, 14250, 15800, 18510, 20600; Karton 2716. Op. 6450, 8383, 10400, 11600, 12500, 14700, 16700, 20300; Karton 2720. Op. 198, 264, 296, 388, 461, 573, 628, 753; Karton 2730. Op. 205/27, 221/56, 304/40, 320/66, 405/62, 422/11, 507/60, 521/32, 607/53; Armee-Verordnungsblaetter. Deutsche Verlustlisten. №№ 923 — 1297. 01.04.1916–06.12.1916. Berlin, 1916; *Hansch J., Weidling F.* Das Colbergsche Grenadier-Regiment Graf Gneisenau (2. Pommersches) Nr. 9 im Weltkriege 1914–1918. Oldenburg; Berlin, 1929. S. 271; *Holzmann M.* Hanseatische Landwehr im Felde (Geschichte des L.I.R.75.). Hamburg, 1928. S. 50.

сумму этих категорий по санитарным 10-дневным рапортам (7975), потери же ранеными — более чем в три раза меньше. Но опубликованные данные о различных видах ранений (огнестрельным и холодным оружием) дают меньший разброс — 21 392 чел.[226] против 17 364 по спискам за вычетом умерших от ран и попавших с ранениями в плен. Основную массу включенных в общие санитарные рапорты раненых составляют получившие ушибы, порезы, оглушенные взрывами, как правило, остающиеся в строю после оказанной помощи[227]. Причиной, скорее всего, является хорошо устроенная система окопов и убежищ германских войск, которые несли тяжелые потери только в результате прямых попаданий артиллерии больших калибров или в рукопашных схватках. При этом количество пропавших без вести почти одинаково (3024 и 3038).

Потери в начальствующем составе германской армии были незначительными и также не связанными с Мартовской операцией, хотя понесенный в ее ходе урон составил почти 55% боевой убыли германских войск на Русском ТВД (доля в общем уроне армий Центральных держав — 29%). Единственными потерями среди генералитета стали скоропостижно скончавшийся командир 88-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Г.Ф.В. фон Менгес и раненый командир 354-го пехотного полка генерал-майор Ф. Фрайхерр фон Гайль. Среди убитых были начальник штаба 40-го резервного корпуса подполковник Р. Менгельбир[228] и командир 137-го пехотного полка подполковник К. Риим. Были ранены командиры: 372-го пехотного полка подполковник П. Зеельбах, 24-го резервного пехотного полка подполковник Х. Кундт, 23-го гвардейского драгунского полка полковник О. Фрайхерр фон Бранденштайн. Еще меньше потерь было среди командиров австро-венгерских частей. Отмечена лишь не подтвержденная австрийскими источниками гибель командира 70-го пехотного полка[229].

В ходе боев войска Центральных держав захватили в плен 111 офицеров и 13 517 нижних чинов русской армии. За их вычетом из числа

---

[226] Подсчитано по: Sanitaetsbericht ueber das deutsche Heer (deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd. III. Tafel 56–57.

[227] Sanitaetsbericht ueber das deutsche Heer (deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/1918. Bd. III. Tafel 59.

[228] *Planitz W. Edler von der.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr.10 im Weltkriege. Breslau, 1930. S. 165. Вместе с ним был ранен, но остался в строю принц Оскар Прусский.

[229] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 155. Л. 310.

убитых и пропавших без вести количество погибших с русской стороны может составить 738 офицеров и 57 446 нижних чинов. Из вооружения было утрачено 90 пулеметов, 25 бомбометов и 97 орудий (последние без учета армий Юго-Западного фронта), 14 самолетов, разбит бронепоезд и потоплен катер. Трофеи противника были невелики (35 пулеметов, 14 бомбометов, 6 орудий), главным образом потери были понесены от огня противника или в результате разрывов ствола у орудий.

Русские войска захватили 61 офицера, 2 врачей и 3125 солдат противника, в том числе 30 офицеров и 1750 солдат германской армии. Учитывая, что армии Юго-Западного фронта не вели наступательных действий, результат их деятельности был более весомым, чем армий Северного и Западного фронтов. Потери в вооружении у противника составили: 67 пулеметов, 47 минометов и 66 орудий (также главным образом от интенсивной стрельбы), 12 самолетов. Русскими трофеями стали несколько самолетов, упавших или вынужденно севших за линией фронта, 2 орудия (австрийских), 37 минометов (30 — германские), 20 пулеметов (все германские) — главным образом в мартовских боях. Число погибших у противника может составлять: в австро-венгерских войсках 112 офицеров и 6167 солдат, в германских — 214 офицеров и 12 223 солдата, всего 326 офицеров и 18 390 солдат.

Опыт декабрьско-январских и мартовских штурмов был учтен в наступлении русских армий Юго-Западного фронта, но в какой-то мере не был воспринят всем командным составом. По существу, Нарочь стала прелюдией, «вторым звонком» для генерального русского наступления летом–осенью 1916 г. Это была первая операция, прерванная из-за невыгодных условий борьбы и ее бесперспективности. Наступление было именно прервано, отложено до определенного времени, что было оформлено директивой Ставки. Решение о сроке продолжения общего наступления было принято на совещании в апреле 1916 г., и к нему началась подготовка на всех фронтах. В Ставке к лету также созрела убежденность в том, что в обороне Центральных держав следует искать именно самое слабое звено.

Потери в зимне-весенней кампании 1916 г. не были столь тяжелы, как в операциях 1914–1915 гг., но отличались интенсивностью в короткие временные промежутки. Мартовское наступление русских армий стало самой короткой операцией с начала войны — всего две недели, а в 12-й армии — всего два дня. Но на это время приходится до трети потерь противника и более половины потерь русских войск. Особен-

но болезненным было отсутствие значимого результата: впервые с начала войны «успехом» именовалось простое сближение с позициями, а чаще — только с полосой заграждений противника!

Усталость и сознание бесполезности принесенных жертв и затраченных усилий способствовали развитию в русских войсках дезертирства. Только в армиях Юго-Западного фронта с 21 февраля по 10 мая бежало с фронта и не было поймано или разыскано 625 чел.[230] При этом «лидировали» по числу беглецов не вновь сформированные, а старые кадровые полки: например, в 1-й бригаде 14-й пехотной дивизии было зафиксировано 54 случая успешного бегства из-под знамен.

Еще одной бедой стал рост количества перебежчиков к противнику. Если до апреля 1916 г. это явление в какой-то мере носило «национальный» характер — бежали в сторону противника евреи и поляки из захваченных губерний, то в пасхальные дни оно стало всеобщим. Светлое воскресение в 1916 г. совпало у всех толков христианства — 10 (23) апреля. Почти по всему фронту стих артиллерийский и пулеметный огонь, во многих местах солдаты с обеих сторон стали выходить из окопов, приветствовать и поздравлять противников. Не только солдаты, но и офицеры вступали в разговоры друг с другом, иногда договаривались о совместной уборке и захоронении тел погибших на «ничейной» полосе. Некоторое количество с обеих сторон отправилось «погостить» в окопы противников.

В результате часть «гостей» так и осталась у противника. Командование — от полкового уровня до наштаверха М.В. Алексеева — напрасно метало громы и молнии. По встретившимся отметкам в журналах военных действий и упоминаниям в приказах устанавливается, что к противнику перебежало на Пасху 203 чел., из которых вернулся (отпущен противником) спустя 9 дней только прапорщик 5-го стрелкового полка И.Г. Голик. Остались у противника: 81 стрелок 5-го, 15 стрелков 13-го, 38 стрелков 16-го стрелковых полков, 13 пограничников 4-го Неманского пограничного пешего полка, нижние чины пехотных полков: 102-го Вятского — 5, 185-го Башкадыкларского — 6, 283-го Павлоградского — 4, 284-го Венгровского — 1, 308-го Чебоксарского — 10, 321-го Окского — 13, 482-го Жиздринского — 15, фейерверкер 2-го стрелкового артиллерийского дивизиона. И это, видимо, неполные данные. В немецкоязычной литературе указывается, что к ав-

[230] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 159. Л. 167–190, 258–263; Д. 160. Л. 23–36, 165–168, 366–369; Д. 161. Л. 83–87, 410–413.

стро-венгерским частям перебежало 650 чел. (не указывая, сколько из них вернулось) и к германским — 130. В то же время в русских окопах было принято 46 перебежчиков австро-венгерских войск, в том числе один офицер[231].

Таблица 19. Потери в зимне-весенней кампании 1916 г.

офицеры + солдаты	Россия	Германия	Австро-Венгрия	всего противник
убито	**621+38 604**	177+11 025	110+4660	**287+15 685**
пропало без вести (из них в плену)	**228+32 359 (111+13 517)**	67+2958 (30+1750)	35+2882 (33+1375)	**102+5840 (63+3125)**
ранено, отравлено	**2581+176 486**	304+17 108	226+19 161	**530+36 269**
ВСЕГО	**3430+247 449**	**548+31 091**	**371+26 703**	**916+57 794**

Итоги зимне-весенней кампании 1916 г. были неутешительны для русского командования. Казалось бы, отрицательный опыт Мартовского наступления и в целом успешные действия по обороне и улучшению своих позиций, особенно на участке Юго-Западного фронта, должны были подтолкнуть Ставку к ведению оборонительных действий с нанесением коротких неожиданных для противника ударов. Но над М.В. Алексеевым, да и над Верховным главнокомандующим Николаем II довлели иные более сильные обстоятельства: присутствие войск противника на территории империи, что делало страну «неуспешной» в глазах других стран, и соглашения о послевоенном разделе мира с партнерами по Антанте, все крепче привязывавшие страну к интересам союзных держав. Сохранялся и страх перед возможным возобновлением крупномасштабного, как летом 1915 г., наступления армий Центральных держав (если не наступаешь сам — наступает враг).

---

[231] Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 160. Л. 124, 330; Ф. 2152. Оп. 1. Д. 539. Л. 339; Ф. 2716. Оп. 1. Д. 101. Л. 16 и об.; Ф. 2776. Оп. 1. Д. 100. Л. 25–26; Ф. 2799. Оп. 1. Д. 162. Л. 265; Ф. 2800. Оп. 1. Д. 116. Л. 200; Ф. 2894. Оп. 1. Д. 137. Л. 31; Ф. 2895. Оп. 1. Д. 102. Л. 131; Ф. 2917. Оп. 1. Д. 314. Л. 21; Ф. 2930. Оп. 1. Д. 11. Л. 201; Ф. 3270. Оп.2. Д. 65. Л. 31 об.; Ф. 3278. Оп. 1. Д. 100. Л. 4; Ф. 3281. Оп. 1. Д. 150. Л. 34–35; Ф. 3323. Оп. 1. Д. 222. Л. 24–25; Ф. 4937. Оп. 1. Д. 43. Л. 118; Öesterreich–Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. IV. S. 243; *Litzmann K.* Lebenserinnerungen. Bd. 2. Berlin, 1928. S. 83; *Strecker K.* Das Deutsch Ordens–Infanterie–Regiment Nr.152 im Weltkriege. Berlin; Charlottenburg, 1933. S. 300.

Вызывали беспокойство и снижение боеспособности армии, рост недоверия к способностям командования вести войска к победе и обеспечивать условия победы, укоренившиеся пацифистские настроения. В письме к А.А. Брусилову 3 (16) мая М.В. Алексеев, ссылаясь на многочисленные «сигналы снизу», обращал внимание на отсутствие живой связи начальников с подчиненными, невнимание к нуждам войск, пренебрежение к условиям боевой обстановки, принуждение к выполнению заведомо невыполнимых боевых задач угрозами суда, что подрывает дух армии и доверие к командирам. Мнение главкоюза было однозначным, новое большое наступление должно все исправить: «... Этот скептицизм развился вследствие неудач. Это понятно. Излечить от этой беды может только победа. Другого средства нет»[232].

Привлечение архивных документальных источников — именных списков потерь, срочных донесений, строевых приказов и журналов боевых действий частей — дало возможность не только определить потери русской Действующей армии и войск противника в феврале — мае 1916 г., в период так называемого «затишья», но и выявить влияние этих потерь на ход и исход Мартовского наступления русских войск и периода подготовки к генеральному летнему наступлению. Мартовская операция (наступление Северного и Западного фронтов) стала первым наступлением, прерванным именно из-за величины понесенных потерь и несоответствия их достигнутому результату. Опосредованно это повлияло и на смещение боевой активности русских армий в полосу Юго-Западного фронта, где противник был слабее.

Несмотря на то, что по апрельской директиве Верховного главнокомандующего главный удар летней кампании 1916 г. наносили армии Западного фронта, в Ставке поддержали активные действия и наступательные планы штаба армий Юго-Западного фронта. Боевые действия в апреле–мае 1916 г. породили в русском командовании как сомнения в целесообразности очередного штурма германских позиций на Виленском направлении, так и убежденность в необходимости предварительных действий, которые бы привели к серьезному поражению австро-венгерские армии и вынудили бы германское командование на Востоке существенно ослабить группировку севернее Припяти, чтобы вновь подкрепить своего союзника, а возможно, создали бы внутренний кризис в стане врагов. Все это повлияло на развитие летне-осенней операции.

[232] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 161. Л. 326–329.

Анализ понесенных сторонами потерь показывает, что русские войска были способны наносить противнику неожиданные короткие удары, которые сковывали его инициативу и наносили больший (относительно) урон, нежели массированные многодневные штурмы укрепленных позиций. Однако такая тактика не была принята. Негативно отразилось на духе войск и то обстоятельство, что находившиеся на одном участке части и соединения могли нести разную боевую нагрузку: одни — ограничиваться перестрелкой, а другие — истекать кровью на проволоке; это порождало разлад в войсках.

REFERENCES

1. *Flerovskij I.* Mirovaja vojna [World war]. M., 1924. 98 sp.
2. *Pavlovich (Veltman) M.* Mirovaja vojna 1914–1918 gg. i grjadushchie vojny [The World War of 1914–1918 and the coming wars]. L., 1925. 341 s.
3. *Zajonchkovskij A.M.* Mirovaja vojna 1914–1918 gg. (v 3-h t.; izd-e 3-e) [The World War of 1914–1918] (In 3 vols.; Issue 3). M., 1938–1939. 334 s.
4. *Kolenkovskij A.K.* Manevrennyj period Pervoj mirovoj imperialisticheskoj vojny 1914 g. [Maneuver period of the first World imperialist war]. M., 1940. 366 s.
5. *Korsun N.G.* Sarykamyshskaja operacija na Kavkazskom fronte mirovoj vojny v 1914–1915 gg. [Sarakamysh operation on the Caucasian front of World War in 1914–1915]. M., 1937. 164 s.
6. *Verzhhovskij D.V., Ljahov V.F.* Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 gg.: Voenno-istoricheskij ocherk [World War I of 1914–1918: Military-historical essay]. M., 1964. 302 s.
7. *Beskrovnyj L.G.* Armija i flot Rossii v nachale XX v.: Ocherki voenno-ekonomicheskogo potenciala [Army and Navy of Russia at the beginning of the twentieth century: Essays on military and economic potential]. M., 1986. 242 s.
8. *Strokov A.A.* Vooruzhjonnye sily i voennoe iskusstvo v Pervoj mirovoj vojne [Armed forces and warcraft in the First World War]. M., 1974. 616 s.
9. *Danilov Ju.N.* Rossija v mirovoj vojne, 1914–1915 gg. [Russia in the World War, 1914–1915]. Berlin, 1924. 96 s.
10. *Kersnovskij A.A.* Istorija russkoj armii (v 4-h t.) [History of the Russian Army (in 4 vols.)]. Belgrade, 1933–1938 (reissued: M., 1992–1994).
11. *Golovin N.N.* Voennye usilija Rossii v mirovoj vojne (v 2-h t.) [Russia's military efforts in World War (in 2 vols.)]. Paris, 1939. 480 s.
12. *von Moser O.* Kurzer strategischer Ueberblick ueber den Weltkrieg 1914–1918. Berlin, 1921. 123 S.
13. *Groener W.* Das Testament des Grafen Schlieffen: Operative Studien ueber den Weltkrieg. Berlin, 1927. 256 S.
14. *Liddel Gart B.H.* Pravda o vojne 1914–1918 gg. (Per. s angl.) [The truth about the war of 1914–1918 (Eng. transl. in Russ.)]. M., 1935. 412 s.
15. Deutschland im Ersten Weltkrieg. Bd. 1–2. Berlin, 1970.
16. *Otto H., Schmiedel K.* Der Erste Weltkrieg: Militaerhistorischer Abriss. Potsdam, 1977. 323 S.
17. *Stone N.* The Eastern front 1914–1917. London, 1998. 348 p.
18. *Utkin A.I.* Pervaja mirovaja vojna [The First World War]. M., 2001. 592 s.

19. Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 gg. (v 6-ti t.) / Pod obshchej red. S.K. Shojgu [The First World War of 1914–1918 (in 6 vols.) / Under the general editorship of S.K. Shoigu]. M., 2014–2017.
20. *Ajrapetov O.R.* Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (v 4-h t.) [Participation of the Russian Empire in the First World War (in 4 vols.)]. M., 2014–2015. 640 + 624 s.
21. *Astashov A.B.* Russkij front v 1914 — nachale 1917 gg.: Voennyj opyt i sovremennost' [The Russian front in 1914 — early 1917: Military experience and modernity]. M., 2014. 740 s.
22. *Nelipovich S.G.* Russkij front Pervoj mirovoj vojny: Poteri storon. 1914 [The Russian front of the First World War: The losses of the sides. 1914]. M., 2017. 282 s.
23. *Bahurin Ju.A.* Front i tyl Velikoj vojny [The front and rear of the Great War]. M., 2019. 1136 s.
24. *Beloj A.S.* Galicijskaja bitva [Galician battle]. M.; L., 1929. 370 s.
25. *Zajonchkovskij A.M.* Manevrennyj period mirovoj vojny na russkom (vostochno-evropejskom) teatre 1914–1915 gg. [Maneuvering period of the World War in the Russian (Eastern European) theater in 1914–1915]. M.; L., 1929. 415 s.
26. *Vacetis I.I.* Operacii na vostochnoj granice Germanii v 1914 g. (Ch. 1) [Operations on the eastern border of Germany (Pt. 1)]. M.; L., 1929. 345 s.
27. *Nelipovich S.G.* Dva podhoda: Bor'ba za Vostochnuju Prussiju v avguste–oktjabre 1914 g. [Two campaigns: The struggle for East Prussia in August — October of 1914]. M., 2020. 320 s.
28. *Zimmermann J.* Die Schlacht von Tannenberg 1914: Ein grosser deutscher Sieg und eine strategische Niederlage / Die Mittelmaechte und der Erste Weltkrieg. Symposium 16. bis 18. Juni 2014. Wien: Militaria, 2016. S. 116–141.
29. *Korol'kov G.K.* Varshavsko-Ivangorodskaja operacija [Warsaw-Ivangorod operation]. M., 1923. 283 s.
30. *Nelipovich S.G.* Krovavyj oktjabr' 1914 g. [Bloody October of 1914]. M., 2013. 808 s.
31. *Korol'kov G.K.* Lodzinskaja operacija 2 nojabrja — 19 dekabrja 1914 g. [Lodz Operation, November 2 — December 19, 1914]. M., 1934. 208 s.
32. *Nelipovich S.G.* Lodzinskaja kampanija 1914 g. [The Lodz Campaign of 1914]. M., 2019. 530 s.
33. *Evseev N.F.* Svjancenskij proryv (1915 g.) [The Sventsyan Breakthrough (1915)]. M., 1936. 281 s.
34. *Tunstall G.A.* The blood on the snow: The Karpathian Winter War 1915. Kanzas City, 2010. 258 p.
35. *Bazarevskij A.H.* Nastupatel'naja operacija 9-j russkoj armii. Ijun' 1916 g. [Offensive operation of the 9th Russian Army. June of 1916]. M., 1937. 158 s.
36. *Vetoshnikov L.V.* Brusilovskij proryv [Brusilovsky breakthrough]. M., 1940. 184 s.

37. *Nelipovich S.G.* Brusilovskij proryv: Nastuplenie Jugo-Zapadnogo fronta v kampaniju 1916 g. [Brusilovsky breakthrough: The offensive of the Southwestern Front in the 1916 campaign]. M., 2006. 48 s.
38. *Os'kin M.V.* Brusilovskij proryv [Brusilovsky breakthrough]. M., 2010. 416 s.
39. *Jerabek R.* Die Brussilow offensive 1916: Ein Wendepunkt der Koalitionskriegsfüerung der Mittelmächte. Wien, 1982. 626 S.
40. *Oberjuhtin V.I.* Baranovichi, 1916 g.: Voenno-istoricheskij opyt [Baranovichi, 1916: Military-historical essay]. M., 1935. 156 s.
41. *Barrett M.B.* Prelude to Blitzkrieg: The 1916 Austro-German Campaign in Romania. Indianapolis, 2013. 425 p.
42. *Talenskij N.A.* Pervaja mirovaja imperialisticheskaja vojna 1914–1918 gg. Kampanija 1917 g. [The first World imperialist war of 1914–1918. The 1917 campaign]. M., 1938. 84 s.
43. *Strutz G.* Die Erstuermung des Brueckenkopfes von Jakobstadt 21–22. September 1917. Oldenburg; Berlin, 1928. 122 S.
44. Rossija v mirovoj vojne 1914–1918 gg. (v cifrah). Sb. CSU SSSR [Russia in the World War 1914–1918 (in numbers). Collection of the CSU USSR]. M.; L., 1925. 103 s.
45. *Neznamov A.A.* Dva proryva [Two breakthroughs] // Voenno-istoricheskij sbornik. Vyp. 4. M.; Petrograd, 1920. S. 105–131.
46. *Nelipovich S.G.* Nastuplenie Jugo-Zapadnogo fronta v 1916 g. (Brusilovskij proryv): Vojna na samoistoschenie? [The offensive of the Southwestern Front in 1916 (Brusilovsky breakthrough): A war of self-destruction?]. // Otechestvennaja istorija. 1998. № 3. S. 40–50.
47. *Nelipovich S.G.* Russkaja armija v kampanii 1917 g. [The Russian Army in the 1917 campaign] // Velikaja vojna 1914–1918: Al'manah Rossijskoj associacii istorikov Pervoj mirovoj vojny. Vyp. 6. M., 2017. S. 51–82.
48. *Arutjunjan A.O.* Kavkazskij front 1914–1917 gg. [The Caucasian Front. 1914–1917]. Yerevan, 1971. 415 s.
49. *Maslovskij E.V.* Mirovaja vojna na Kavkazskom fronte 1914–1917 gg. [World War on the Caucasian Front in 1914–1917]. Paris, 1933. 503 s.
50. *Steklov A.P.* Revoljucionnaja dejatel'nost' bol'shevistskih organizacij na Kavkazskom fronte 1914–1917 [Revolutionary activity of Bolshevik organizations on the Caucasian front in 1914–1917]. Tiflis, 1969. 291 s.
51. *Palitsyn F.F.* Zapiski. T. 1. Severo-Zapadnyj front i Kavkaz (1914–1916) [Notes. Vol. 1. The North-Western Front and the Caucasus (1914–1916)]. M., 2014. 368 s.
52. *Nielipowicz S.* Karpacka Operacja (Bitwa Karpacka) styczeń-kwiecień 1915 r.: krótki zarys działań Frontu Południowo-Zachodniego // Bieszczadzkie Lwy 1914/1915. Rzeszów, 2020. S. 25–60.
53. *Nelipovich S.G.* Bor'ba za Galiciju v avguste–oktjabre 1914 g. [The struggle for Galicia in August–October 1914]. M., 2021. 576 s.
54. Österreichische Staatsarchiv. Kriegsarchiv (ÖstA–KA). AOK — Quartiermeister-Abteilung.

55. Bundesarchiv-Militärarchiv (BArch-MA). PH-3/53; PH-5-II/211; PH-5-II/295; PH 5-II/304; PH-5-II/322; PH-6-II/126; PH-6-II/143; PH-8-I/22, PH-8-I/112, PH-8- I/400, PH-8-I/404, PH-8-I/405, PH-8-I/421, PH-8-I/449.
56. Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BayHSA). Abt. IV Kriegsarchiv. Infanterie-Regimenter WK. 3. BIR. Bund 1; 22. BIR. Bund 1; 13. BRIR. Bund 1; 18. BRIR. Bund 1; 19. BRIR. Bund 2; 22. BRIR. Bund 1; 23. BRIR. Bund 9. Kavallerie-Regimenter WK. Landwehr WK. Sturmtruppen WK.
57. Österreichische Staatsarchiv. Kriegsarchiv (ÖstA-KA). NFA — Korpskommandos.
58. Bundesarchiv-Militaerarchiv. PH 5 II/279.
59. Prinz Leopold von Bayern. Erinnerungen an der Weltkrieg 1914–1919 // Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Abteilung III: Geheime Hausarchiv. Nachlass Prinz Leopold.
60. Bundesarchiv. Militaerarchiv. PH-5-IV/45.
61. Vostochno-Prusskaja operacija 1914 g. Sbornik dokumentov [The East Prussian operation of 1914. Collection of documents]. M., 1939. 612 s.
62. *Rozhdestvenskij M.* Luckij proryv [Lutsk breakthrough]. M., 1938. 44 s.
63. Nastuplenie Jugo-Zapadnogo fronta v mae–ijune 1916 g. Sbornik dokumentov imperialisticheskoj vojny [The offensive of the Southwestern Front in May–June 1916. Collection of documents of the imperialist war]. M., 1940. 548 s.
64. Bitva u Narochi 1916. Nemeckie istochniki o russkom vesennem nastuplenii (Narochskaja operacija) [The Battle of Naroch 1916. German sources about the Russian spring offensive (Naroch operation)]. Brest, 2016. 376 s.
65. *von Tschischwitz A.G.* Die Schlacht um Moonsund-Inseln 1917. Oldenburg, 1919. 226 S.
66. *Vogel W.* Die Befreiung Siebenbuergens und die Schlacht bei Targu Jiu und am Agresch. Oldenburg, 1918. 140 S.
67. *Flex W.* Die russische Fruehjahrsoffensive 1916. Oldenburg, 1919. 102 S.
68. *Litvinov A.I.* Majskij proryv IX armii v 1916 g. [The May breakthrough of the IX Army in 1916]. Petrograd, 1923. 87 s.
69. *Kashirin V.B.* Vzyatie gory Makovka: Neizvestnaja pobeda russkih vojsk vesnoj 1915 g. [The capture of Mount Makovka: An unknown victory of the Russian troops in the spring of 1915]. M., 2010. 388 s.
70. *Tile von Kalm O.* Gorlice. Berlin, 1930. 202 S.

Ключевые слова:

военная история, Первая мировая война, военные кампании, русский фронт Первой мировой войны, операции русских войск 1914-1917, Россия, Германия, Австро-Венгрия

Sergey G. Nelipovich

PERIODIZATION OF MILITARY OPERATIONS ON THE RUSSIAN FRONT DURING THE FIRST WORLD WAR

Based on new sources and the established historical literature, an innovative periodization of actions in the Russian Theater of war Operations in 1914–1917 is proposed — according to campaigns in which the actions of the parties were subordinated to a single goal. The names of the campaigns are proposed both by season (months) of action and by geographical principle — according to the most important point of application of the military efforts of the parties (Lodz, Gorlitskaya). Attention is focused upon the changes in the course of individual campaigns or operations of the tasks solved by the armed forces, the plans of the command, methods of armed struggle, and movements of forces and capabilities.

The Russian Theater of Operations (July-August 1915), the autumn campaign of 1915 on the Russian front (September-November 1915), and the winter-spring campaign of 1916 are described in three campaigns: the general offensive of the armies of the Central Powers on the Russian Theater of Operations (July-August 1915), the autumn campaign of 1915 on the Russian front (September-November 1915), and the summer compaign of 1915 were marked by a general offensive of the armies of the Central Powers. The German troops of the P. von Hindenburg army Group defeated the armies of the right wing of the Northwestern Front during the summer Prasnysh and Rigo-Chavel operations. The army group of A. von Mackensen during the Vistula-Bug (Brest) operation created a threat of encirclement of the Russian armies between the Vistula and Bug, and reached Volhynia and Polesie. Russian troops left Warsaw, and lost the fortresses of Ivangorod, Rojan, Kovno, Novogeorgievsk, Osovets, Brest-Litovsk.

The German General Staff, represented by E. von Falkenhayn, believe that the goal of action outlined at the December 1914 meeting had been achieved. After the capture of Vilna and Grodno in September, the German High Command began withdrawing ten corps from the Russian front for operations in France and the Balkans (10 corps). The Austro-Hungarian Northern Armies launched the Lutsk-Rivne operation, but their offensive was soon stopped, and the armies of the Southwestern Front launched a counteroffensive. From the end of September, the German troops of the Hindenburg and Prince Leopold of Bavaria army groups assumed the defensive, reflecting the counterattacks of the armies of the Northern

and Western Fronts. The initiative was given by the enemy to the Russian troops, but the losses forced them to refrain from active actions until replenishment and recuperation.

Mutual exhaustion of forces led to the first long period of calm on the Russian Front from mid — November 1915 to the end of May 1916. This period of calm is divided into two stages. During the first stage, until the end of January 1916, the parties took active actions from time to time to improve the occupied borders. The second stage is connected with the preparation and implementation of the attack of the armies of the Northern and Western Fronts — the Naroch operation in March 1916, which ended in failure, and the preparation for the general offensive by the summer of 1916.

For this research, the author has introduced into consideration the funds of the military archives of Russia, Austria, Hungary, Germany, from the highest headquarters and state authorities and management bodies to individual units (regiments, battalions) including published and unpublished nominal lists of losses of the opposing armies.

Keywords: pre-war history, World War I, Military Campaigns, Russian Front of World War I, Operations of Russian Troops 1914–1917, Russia, Germany, Austria-Hungary.

Sergey G. Nelipovich — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Center of Russian Military History of the Russian History Institute of the Russian Academy of Science, member of the Russian Association of Fist World War Historians (Moscow).

Нелипович Сергей Геннадьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра военной истории России Института российской истории РАН,
член Российской ассоциации историков Первой мировой войны

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.012

А.В. Марей

ИСПАНСКИЕ ТЕРЦИИ. ЧАСТЬ 1. В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШОЙ ИГРЫ

Вместо введения

Испанские терции можно смело причислить к тем вещам, о которых в отечественной науке слышали многие, но что это такое и как устроено, не знает практически никто. Справедливость этого замечания несложно проверить — даже поверхностный поиск по доступным русскоязычным базам данных научного цитирования дает десятки, если не сотни, упоминаний испанских терций, но при этом на русском языке нет ни одной, пусть хотя бы небольшой статьи, посвященной им. Не лучше дело обстоит и с монографическими исследованиями, тем более с профильными, посвященными истории военного дела. Яркий пример, иллюстрирующий написанное выше, можно найти в классической «Истории военного искусства» Е.А. Разина[1]. Интересующему меня в данной статье периоду, т.е. XVI — первой половине XVII в., у Разина посвящены две главы в середине второго тома. Первая из них называется «Военное искусство в Нидерландской войне за независимость 1567–1609 гг.», вто-

[1] *Разин Е.А.* История военного искусства. В 3 т. Т.2. История военного искусства VI–XVI вв. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999.

рая — «Военное искусство в войнах за утверждение французской гегемонии в Западной Европе (первая половина XVII в.)». Логично ожидать, что в этих главах, особенно в первой из них, должен быть представлен достаточно полный анализ испанского военного искусства указанного периода, хотя бы потому, что именно Испания в это время была одной из могущественнейших европейских держав. Но к испанской армии Е.А. Разин обращается лишь изредка, в силу необходимости, описывая сражения при Мооке и Ньюпорте, все остальное время посвящая рассказу о нидерландских войсках и отношениях Вильгельма Оранского и Морица Нассауского с «народными массами».

Впрочем, похожая ситуация с изучением терций сложилась и в Европе, в том числе и непосредственно в Испании. Вплоть до последней четверти XX в. практически не выходило монографических исследований, посвященных испанской армии. Одним из весьма немногочисленных, хотя и блестящих исключений стала 16-томная «Органическая история пехоты и кавалерии»[2], написанная графом де Клонар и опубликованная в середине XIX в. Лишь в 1972 г. вышла монография британского историка Джеффри Паркера «Фламандская армия и Испанский путь, 1567–1659: логистика побед и поражений испанской армии в Нидерландских войнах»[3], где он подробно проанализировал испанское вторжение в Нидерланды в правление Филиппа II, рассмотрев структуру войсковых частей, особенности их финансирования, передвижений и т.д. В 1978 г. за ней последовала монография «Терции»[4], написанная французским историком Рене Катрфажем и посвященная, в отличие от книги Паркера, непосредственно анализу структуры испанских терций. В последующие два десятилетия оба названных автора обратились к разработке теории военной революции в Европе в XVI–XVII вв.[5], причем, если работа Паркера носила более широкий характер, монография Катрфажа была посвящена непосредственно эволюции испанской военной организации в период с 1492 по 1536 г. Наконец, уже в нынешнем столетии вышла монография Хулио Альби де ла Куэста «От Павии до Рокруа: испанские

---

2 *Clonard Serafín María de Sotto,* conde de. Historia orgánica de las armas de infantería y caballería españolas: desde la creación del ejército permanente hasta el día. Madrid: Imprenta à cargo de D. Francisco del Castillo, 1851–1856.

3 *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish road, 1567–1659: the Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries' Wars. Cambridge: CUP, 1972.

4 *Quatrefages R.* Los tercios. Madrid, 1978.

5 *Parker G.* The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: CUP, 1988; *Quatrefages R.* La Revolución militar moderna. El Crisol español. Madrid: El Ministerio de Defensa, 1996.

терции»[6], выдержавшая на сегодняшний день уже 9 изданий и считающаяся, наряду с перечисленными работами Паркера и Катрфажа, классическим исследованием по этому периоду испанской военной истории. Вместе с тем научных статей, посвященных тем или иным аспектам истории развития испанских терций, по-прежнему немного, и публикуются они, по большей части, в сугубо специализированных военных изданиях. В общеисторических журналах эта тема остается до сего дня практически табуированной[7].

В такой ситуации любое обращение к теме истории испанских терций и, шире, испанской военной организации начала Нового времени накладывает на исследователя (тем более на отечественного) достаточно серьезные обязательства. Отводя их от себя, отмечу, что эта статья носит характер скорее реферативный и ознакомительный, нежели серьезный аналитический. Ее задачей я вижу осветить проблему создания и внутренней организации испанских терций, основываясь прежде всего на перечисленной выше научной литературе, нежели на первичных источниках. Перевод некоторых из них — в частности знаменитых «Генуэзских уложений» Карла V, в которых впервые прозвучал термин *tercio*, станет, надеюсь, делом недалекого будущего. Этот же очерк служит лишь постановке проблемы и, надеюсь, привлечению внимания военных историков к столь важной и столь малоисследованной теме.

Военная революция: с чего начинались терции

У явления, получившего в научной литературе название «военной революции», есть четыре основные черты, четыре нововведения в организации военного дела, полностью изменивших всю дальнейшую историю Европы и мира. Это, прежде всего, становление как основного рода войск пехоты, сменившей конницу, практически безраздельно властво-

[6] *Albi de la Cuesta J.* De Pavía a Rocroi. Los tercios españoles. Madrid: Desperta ferro ed., 2023: 9 ed.

[7] О причинах такого табу можно рассуждать достаточно долго. Одну из возможных причин, весьма, нужно сказать, показательную, мне назвал в личном разговоре один из испанских коллег — он указал мне на то, что знамя терций, знаменитый Бургундский крест (зубчатая форма Андреевского креста), активно использовалось отрядами карлистов, воевавших на стороне Франсиско Франко, и потому оказалось практически табуировано после смерти Франко и демократического транзита власти.

вавшую на полях сражений на протяжении нескольких предшествовавших столетий.

При условии количественного равенства на поле боя, пехотинцы всегда уступали кавалеристам, поэтому необходимым условием победы пехоты стала ее численность — европейские армии XVI–XVII вв. ощутимо росли в размерах. Джеффри Паркер во введении к своей «Фламандской армии» приводит любопытную статистику: во время первых Итальянских войн, до битвы при Павии (1525) включительно, ни одна из воюющих сторон не выводила на поле боя больше 30 тыс. чел. одновременно. Однако уже к 1536 г. в одной лишь ломбардской армии императора Карла V насчитывалось более 60 тыс. чел. А меньше чем через столетие после этого король Испании Филипп IV заявлял, что в его армии служит не менее 300 тыс. солдат, и был при этом совсем недалек от истины[8].

Третье нововведение касалось массового использования ручного огнестрельного оружия и появления в составе армии отдельных подразделений огненного боя — сначала вооруженных ручницами и эспингардами[9], с середины 20-х — начала 30-х гг. XVI в. — аркебузами[10], а примерно с 60–70-х гг. того же столетия перешедших, в основном, на мушкеты. Стоит отметить, что, хотя колесцовые и кремневые ружейные замки были уже не только изобретены, но и достаточно широко известны в первой половине XVI в., в массовое производство пошли именно аркебузы, а затем и мушкеты с фитильным запальным механизмом (ср. рус. «пищали с жагрой»). Объяснялось это двумя моментами. Во-первых, колесцовые замки были не только дороже, но

---

[8] *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659. The Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries' War. Cambridge: CUP, 1972. P.6.

[9] Эспингарда *(исп. espingarda)* — ручное крупнокалиберное дульнозарядное оружие без спускового механизма, иногда — с раструбом на дульной части; выстрел осуществлялся в результате поджига пороха через запальное отверстие. Стреляли из эспингарды, как правило, от живота, целясь «по направлению». Оружие, аналогичное эспингарде, но меньшего калибра и, как правило, с подствольным крюком, использовавшимся для упора при стрельбе, называлось по-испански *escopeta*. Я предлагаю передавать ее на русский язык термином *ручница*, использовавшимся в нашей истории сопоставимого периода для называния аналогичного вида вооружения. Подробнее о ручницах и их использовании в армии Католических королей, а затем — Карла I (V) см. в блоге Карлоса Валенсуэлы Кордеро:: http://ejercitodeflandes.blogspot.com/2015/07/escopeta-escopetero.html (дата просмотра: 20.05.2023).

[10] Аркебуз отличался от ручницы большим калибром, наличием запального фитиля и спускового механизма. См. подробнее: http://ejercitodeflandes.blogspot.com/2009/11/arcabuz.html (дата просмотра: 20.05.2023)

и сложнее в изготовлении и считались не вполне надежными, поэтому ими оснащали лишь то огнестрельное оружие, где фитильный механизм был просто неприменим — например кавалерийские карабины и пистолеты. Во-вторых же, хотя кремневые замки были достаточно просты в изготовлении, они все же обходились сильно дороже, чем фитильный механизм, что и повлияло на то, что последний был распространен гораздо шире и окончательно уступил кремню лишь во второй половине XVII в.[11]

Наконец, четвертое изменение касалось артиллерии — она впервые стала самостоятельным родом войск. Подробный анализ истории этого вопроса выходит далеко за рамки данной статьи, поэтому я лишь ограничусь вполне очевидным замечанием о том, что появление артиллерии в качестве отдельного рода войск и, как следствие, формирование в структуре армии артиллерийских подразделений возможно лишь при наличии в стране сильной централизованной власти, в значительной части, если не полностью, контролирующей человеческие и природные ресурсы.

Авангардом европейской военной революции стала, без сомнения, Испания. Для того чтобы объяснить, почему и как это стало возможно, придется ненадолго отойти от непосредственно военной истории и обернуться к событиям на Пиренейском полуострове последней трети XV в. В 1469 г. был заключен брак между наследной инфантой Кастилии Изабеллой и наследником арагонской короны принцем Фернандо. Пятью годами позже, в 1474 г., практически сразу после смерти короля Кастилии Энрике IV, Изабелла, его сестра, провозгласила себя королевой Кастилии и Леона. Королем-консортом при ней стал Фернандо, на тот момент еще только наследный инфант Арагона. Практически сразу после коронации молодым королям пришлось вступить в войну, вошедшую в историю под названием Войны за Кастильское наследство. Противниками Изабеллы и Фернандо выступили, во-первых, многие кастильские магнаты, не признававшие новых королей, и, во-вторых, король Португалии Афонсу V, пришедший на помощь к этим магнатам. Решающим сражением этой войны стала знаменитая битва при Торо (01.03.1476), хотя после нее война тянулась еще три года, до подписания кастильско-португальского мирного договора в Алькасобасе, в 1479 г. Повлияло на ее завершение и то, что в январе 1479 г. умер король Араго-

[11] *Тарасюк Л.И.* Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв.// Советская археология. 1965. №2. С. 104–117.

на Хуан II, и Фернандо унаследовал трон, став тем самым уже не инфантом, но королем Арагона и Валенсии.

Наиболее важным, в рамках данной статьи, аспектом этой войны стало то, что Изабелле и Фернандо пришлось несколько лет сражаться буквально на два фронта: противостоять португальскому вторжению и бороться со своими мятежниками. Война с Афонсу V шла, можно сказать, с применением конвенциональных средств, т.е. была классической феодальной войной, характерной для тех времен. Можно, однако, предположить, что участие в ней на стороне португальского короля ряда кастильских магнатов и, как следствие, неуверенность Фернандо в том, на кого можно, а на кого нельзя опираться в этой борьбе, стали одной из отдаленных причин появления так называемой «старой гвардии Кастилии» (*guardías viejas de Castilla*) — кавалерийских подразделений, состоящих на постоянной королевской службе[12]. Для борьбы с непокорными магнатами и утверждения мира в пределах королевства Изабелла и Фернандо прибегли к созданию так называемой «Генеральной» или «Святой Эрмандады»[13]. Эта организация была создана в 1476 г. на кортесах, собранных в городе Мадригал. Ее целью было установление и поддержание порядка на дорогах, соединяющих различные города королевства. То есть, по сути, Святая Эрмандада представляла собой первую в Европе регулярную полицейскую службу, формально созданную для борьбы против разбойников в лесах и на дорогах королевства. Фактически же Эрмандада стала весьма эффективным инструментом борьбы молодых королей с непокорными магнатами. Буквально за несколько лет, к концу 70-х гг., мятеж был подавлен и мир в королевстве восстановлен.

Замирение магнатов и подписание договора с Португалией освободило Фернандо и Изабелле руки для войны против Гранады. Уже в 1481 г. была получена булла папы Сикста IV о крестовом походе, что, среди прочего, означало серьезную финансовую поддержку начинаний кастильской короны со стороны Святого престола. На протяжении 9 лет практически непрерывно шли боевые действия, в результате которых в 1492 г. Гранада пала и территориальное объединение Испании было завершено. Можно было планировать другие походы — с одной стороны, в том же

---

[12] См. подробнее: *Martínez Ruíz E.* Las Guardas de Castilla: el primer ejército permanente español. Madrid: Sílex, 2012.

[13] См. подробнее: *Martínez Ruiz E.* Algunas reflexiones sobre la Santa Hermandad // Cuadernos de Historia Moderna, n.º 13 (1992), P. 91–107; *Gómez Vozmediano M.F.* La Santa Hermandad Vieja de Ciudad Real en la Edad Moderna. Siglos XVII–XVIII. Tesis doctoral. Madrid, 2002.

году состоялось первое плавание Колумба, в результате которого был открыт ряд островов у побережья Нового Света. С другой же — у Фернандо, как у короля Арагона, был ряд насущных интересов в Италии, прежде всего, в королевстве Неаполя, куда в 1494 г. вторглись французские войска, начав тем самым знаменитые Итальянские войны.

На грядущее планирование будущих завоевательных кампаний указывает и известный цикл распоряжений Фернандо и Изабеллы на военную тему, датируемых 1495–1496 гг. В пространном прологе к первому из них, изданному 1 октября 1495 г., монархи заявляют: «...*До Нашего сведения было доведено, что, по причине полного мира и спокойствия, царящего, благодаря Божьей милости, в Наших королевствах с того дня, как Мы правим здесь, во многих городах, городках и местечках и, в целом, в большей их части, полностью отсутствуют как наступательные, так и оборонительные вооружения, бывшие там обычно, а также, что все люди, как рыцари, так и прочие идальго, и горожане, и оруженосцы, и земледельцы полностью безоружны, поскольку из-за упомянутых мира и безопасности одни из них разобрали свое оружие, другие продали его, третьи тем или иным способом потеряли или сломали его*»[14]. Это положение дел признается ими тревожным и вызывающим дурные предчувствия, поскольку «*может случиться что-либо, из-за чего возникнет потребность и даже необходимость, чтобы все люди Наших королевств, какого положения они бы ни были, умели бы пользоваться своим оружием, достаточным для того, чтобы вторгнуться и завоевать кого-либо или для того, чтобы вести войну с иными странами и народами, жаждущими причинить Нашему королевству какой-либо вред. И если, когда случится подобное, Наши люди окажутся разоружены и не будут иметь необходимого оружия, не будет ни времени, ни возможности добыть его и восстановить в потребном количестве, поскольку во время нужды и спешки люди не умеют и не могут раздобывать необходимое им столь же хорошо, как могли бы это сделать до того, как пришла эта*

[14] Публ.: *Quatrefages R.* La Revolución militar moderna. El Crisol español. Madrid: El Ministerio de Defensa, 1996. P. 350–355; перевод здесь и далее — автора статьи.

«nos fue fecha relación diciendo que por la mucha paz e tranquilidad que mediante la divina clemencia en nuestros reinos ha habido e hay después que reinamos acá en muchas de las ciudades e villas e lugares e comúnmente en la mayor parte dellas no ha habido ni hay armas ofensivas ni defensivas como solían e que así toda la gente así los caballeros como los otros hijosdalgos e los ciudadans e escuderos e labradores estarían e están desarmados porque mediante la dicha paz e seguridad los unos deshicieron las dichas armas los otros las vendieron o los otros por diversas maneras las perdieron e destruyeron».

нужда»[15]. Выходом из этой ситуации стал ряд распоряжений, сформулированных в основной части документа.

Согласно им, всякий человек, которому в силу социальной позиции или юридического запрета не было отказано в праве иметь оружие, должен был за свой счет обзавестись оружием и доспехом, подобающими его статусу и экономическому благосостоянию, содержать их в надлежащем виде и регулярно с ними упражняться. Так, наиболее состоятельные подданные королей-католиков должны были иметь доспех, состоящий из полной кирасы, шлема и защиты рук и ног, а также меч, кинжал и длинное рыцарское копье. Горожане среднего достатка могли на выбор приобрести либо облегченный доспех, копье, меч и кинжал, либо же арбалет с двумя дюжинами болтов к нему или эспингарду (*espingarda*) с запасом к ней пороха и пуль на 50 выстрелов. Самые бедные из охваченных этим распоряжением обязаны были купить меч, легкую каску, щит и метательный дротик[16].

Оружие должно было содержаться в порядке, для проверки чего устанавливались регулярные военные сборы. За отказ от покупки оружия или немотивированное промедление в этом деле на виновных налагались существенные штрафы. Приобретенное же оружие и доспехи запрещалось продавать (кроме как при приобретении нового, на замену старому), дарить, отдавать и принимать в залог, за нарушение этих запретов на виновных также налагались штрафы. Взятые же в качестве штрафов деньги делились на три части, одна из которых шла на организацию военных сборов, вторая — на публичные работы в том месте, где жил провинившийся, а третья предназначалась для закупки «вина

---

[15] Ibid. P. 351: «podría nacer e suceder algunas cosas en que conviniese e fuese necesario que la gente de todos los estados de los dichos nuestros reunos debiesen estar aparejados con sus armas bastantes para invadir e someter e para hacer guera a otras naciones e gentes que procurasen de hacer algunos males e danos a los dichos nuestros reinos e si entonces quando las tales cosas ocurriesen se hallasen desarmados e sin las armas n ecesarias no habría tiempo ni disposición para se proveer e reparar de las dichas armas que les cumpliesen tener, pues que en el tiempo de la necesidad e con la priesa della no se sabe ni puede proveer los hombres de lo que les cumple e de lo que han menester así como lo podrían hacer antes que aquélla viniese».

[16] Ibid. P. 352: los hombres de mediano estado e hacienda que hayan de tener e tengan corazas e una armadura de cabeza aunque sea caxquete e espada e punal e una lanza larga de la medida suso dicha o lanza común e medio pavés o escudo de Pontevedra o de Oviedo, e a los que pareciere de estado mediano que son dispuestos para tirar espingardas e ballestas, les encarguen que las tengan en Jogar de lanza e pavés, e entiéndase que el que hobiere de tener espingarda, tenga también cincuenta pelotas y tres libras de pólvera, e a quien se mandare que tenga ballesta, que haya de tener con ellas dos decenas de pasadores.

и фруктов» на стрелковые соревнования, которые этим документом предписывалось устраивать во время всяких празднеств. Из той же трети штрафных денег выплачивались и вознаграждения победителям этих импровизированных стрелковых турниров[17].

Распоряжения, подобные содержащимся в рассматриваемом документе, обращают на себя внимание, прежде всего, полным безразличием издающего их монарха к самой возможности вооруженного восстания, ведь, казалось бы, наличие оружия в доме у каждого подданного — это самый верный путь к такого рода волнениям. Объяснить подобного рода «беспечность» можно, как представляется, лишь одним обстоятельством. Обстоятельством, отмечу, на которое указывают сами авторы документа в одном из приведенных выше фрагментов. Фернандо и Изабелла знали, что впереди у их королевства как минимум несколько лет серьезных военных действий, причем, что важно — на территории противника или как минимум на нейтральной территории. Основным противником объединенной Пиренейской монархии была на тот момент Франция, и испанские короли готовились к войне с ней. У Испании с Францией была, как известно, общая граница, было несколько спорных регионов (как самый минимум Наварра, графства Руссильон и Серданья и т.д.), так что, даже если Карл VIII не решил бы включиться в борьбу за трон Неаполя, на котором сидели близкие родичи Фернандо Арагонского, война между этими двумя державами все равно началась бы в ближайшее возможное время.

По всей видимости, возможно утверждать, что целью разобранного выше постановления Фернандо и Изабеллы было сформировать за относительно короткое время базу потенциальных рекрутов, достаточную, чтобы набрать боеспособную армию. Ядром этой армии должны были стать отряды тяжелой кавалерии, схожей с рыцарями прошлых веков. Помимо них в состав армии должны были войти пешие стрелковые подразделения, вооруженные эспингардами и арбалетами, а также пехотинцы, сражавшиеся щитами, мечами, кинжалами и длинными копьями. О внутренней организации этого войска, а также о механизме

[17] Ibid. P. 354: Item: que todas las penas destas ordenanzas en que incurrieren cualesquier personas, que sean repartidas en tres partes, la una tercia parte para los que hicieren y tomaren el alarde por mandado de sus altezas y la otra tercia parte para las obras públicas del lugar donde moraren los que incurrieren en las tales penas y la otra tercia parte se ponga en poder de una persona fiable nombrada por cada concejo y aquéllo se gaste en dar fruta y vino a los ballesteros y espingarderos que salieren a tirar en las fiestas después de comer, a los cuales se pueda dar algún precio de las dichas penas que ganen los que mejor ó más cierto tiraren según fuere ordenado por los repartidores de las dichas armas, porque los dichos espingarderos e ballesteros ejerciten e sepan mejor tirar.

его набора и, возможно, о его планировавшемся количестве дают представление два следующих военных ордонанса Фернандо и Изабеллы, датируемые 18 января и 22 февраля 1496 г. соответственно[18].

Первый из них посвящен непосредственно организации войска, и хотя речь в нем идет прежде всего о кавалерии, сказанное оказывается совсем нетрудно распространить на всех остальных. Войско, согласно этому ордонансу, организуется в подразделения, называемые *капитаниями*, во главе которых стоят, что естественно, капитаны. *Капитании* станут лишь временной мерой, первым шагом в новой организации войск, и вскоре уступят место классическим ротам (*compañías*). Еще одно обстоятельство, которое становится видно уже на этом уровне, — это то, что организация армии больше не привязана к пространственному критерию (рыцари и ополчение такого-то города, например), привычному для средневековых войск. Над капитанами стояли офицеры в ранге *капитан-генералов*. В подчинении у каждого из них могло быть по нескольку *капитаний*, точное количество их в постановлении не уточнялось.

Каждая *капитания* имела место своего расквартирования, покидать которое ее личному составу запрещалось без особого на то разрешения[19]. Капитаны и их знаменосцы (*alfereces*)[20] должны были жить в том же месте, где расквартирована их рота, самовольные их отлучки также находились под запретом[21]. Вместе с подразделением квартиро-

---

[18] Ordenanza del 18 de enero de 1496 // *Quatrefages R.* La Revolución militar moderna. El Crisol español. Madrid: El Ministerio de Defensa, 1996. P. 357–361; Ordenanza del 22 de febrero de 1496 // Ibid. P. 363–366.

[19] Ibid. P. 357: Item mandamos que ningún caballero ni escudero de las dichas capitanías se pueda despedir por ninguna causa ni razón que diga que tiene sin que primeramente haya para ello nuestra licencia e mandado y el que lo contrario hizierre haya perdido y pierda el sueldo de aquel afio y queda su persona y bienes a la nuestra merced.

[20] В научной литературе испанских *alfereces* иногда называют лейтенантами, опираясь на то, что одной из их функций были как раз замещение, в случае необходимости, командира роты. Полагаю, что такой перевод необоснован, так как основной задачей *alferez,* как в составе кавалерийских *капитаний*, так и позднее, в классических терциях, было ношение и охрана знамени соединения. Так что перед нами именно знаменосец, или, если переходить на язык регулярной армии Нового времени — прапорщик.

[21] Ibid. P. 357. Primeramente mandamos que los nuestros capitanes generales e los nuestros capitanes que ahora están por nuestro mandado en las nuestras fronteras y en otras partes residan continuamente con la gente de sus capitanías e non se partan ni vayan dellas en manera alguna sin nuestra licencia y especial mandado y lo contrario haciendo todo el tiempo que estubiesen sin la dicha gente se les descuente del sueldo y mantenimiento y ayuda de costa que de nos tienen.

вали и еще три должностных лица, названия которых наиболее внятно можно передать на русском как *ревизор* (veedor), *бухгалтер* (contador)[22] *и кассир* (pagador). В обязанности ревизоров входило ведение и хранение общей финансовой отчетности *капитании*, тогда как бухгалтер отвечал за ведение списков личного состава и графиков регулярных выплат каждому из членов *капитании*. Кассир, понятное дело, занимался тем, что оплачивал эти счета. Если кто-либо из рыцарей или оруженосцев убывал с места службы, не получив на это специального разрешения, подписанного капитаном, а также капитан-генералом, он лишался денежного довольствия, а в отдельных обстоятельствах мог быть отдан под суд. В том же случае, если один из воинов погибал или умирал при иных обстоятельствах, бухгалтер был обязан закрыть его личную запись в своей книге днем его смерти. На место выбывшего нанимался новый солдат, причем, вне зависимости от реальной даты его найма, в книгу бухгалтера его записывали тем же днем, которым была закрыта запись его предшественника.

Если кто-либо из служащих в *капитании* всадников лишался своего коня, ему давали от месяца до двух, в зависимости от региона, где стояло его подразделение, на то, чтобы обзавестись новым. Если же он не укладывался в отведенное ему время, его наказывали урезанием вдвое положенного ему денежного довольствия. Пехота в тексте этого ордонанса упоминается редко и только в контексте несения караульной службы, дозора или проведения разведки. Все пехотинцы сведены, по всей видимости, в одно подразделение, подчиняющееся офицеру в ранге *capitan de los peones*, который в свою очередь подчинялся капитан-генералу, который и распределял пехотинцев по указанным выше занятиям.

Наконец, можно отметить и еще одно любопытное обстоятельство, касающееся мест размещения этих *капитаний*. Разумеется, в ордонансе не указано, где именно должно было квартировать то или иное подразделение, но была сделана оговорка, позволявшая предположить, что все набранные войска стояли по границам королевства, что лишний раз указывает на наступательный характер предполагав-

[22] Дословно испанское *el contador* передается на русский язык словом «счетовод», но, в данном случае, я считаю оправданным использование термина *бухгалтер*, потому что отличительным признаком и основным инструментом этого должностного лица, согласно постановлению, служила именно счетная книга, в которой он вел списки личного состава и графики выплат за службу. То есть он был именно *Buchgalter* в прямом значении этого слова, т.е. «держатель книги».

шихся операций. В ордонансах 1501 и 1503 гг., изданных, когда испанские войска уже участвовали в боевых действиях в Италии, в составе *капитаний* можно отметить как минимум одно изменение — в них были включены капелланы, медики и подчинявшиеся последним хирурги, исполнявшие также обязанности брадобреев. Рене Катрфаж отмечает — и я согласен с ним в этом вопросе, — что появление в составе войска священников и медиков было обусловлено именно ведением войны за пределами своей страны, где сложно было рассчитывать на дружественное отношение населения. Здесь любопытно вспомнить наблюдение Х. Альби де ла Куэста, относящееся, правда, уже к более позднему периоду и к терциям. Он отметил, что терции в принципе функционировали как экспедиционные войска — они крайне редко не то чтобы квартировали в Испании, но даже и появлялись на ее территории. После рекрутского набора, происходившего в Испании, терции выводили в Италию, а затем либо оставляли там, либо уводили еще дальше, чаще всего — в Нидерланды[23].

В противовес постановлению от 18 января, февральский ордонанс того же 1496 г. вновь обращается к пехоте, более конкретно — к нормам, закрепленным в первом военном ордонансе от 1 октября 1495 г. Предметом этого, февральского, ордонанса стал механизм проведения мобилизации солдат в армию и, шире, формирования рекрутского резерва. Заниматься этим должны были люди в ранге *судей*, в обязанности которых входили отбор потенциальных солдат и включение их в особые списки. Предписывалось отбирать не более чем одного человека из каждых двенадцати, мужчину в возрасте от 20 до 45 лет, наиболее выделявшегося из остальных своим здоровьем и умением обращаться с оружием. Судьи посылали составленные ими списки королю или назначенным им чиновникам, на основе их решения из списков отбиралось необходимое число мобилизованных. В свою очередь, поименные перечни мобилизованных солдат, с указанием их числа и находящегося при каждом из них вооружения, отправлялись обратно, судьям, чтобы те могли отслеживать актуальное состояние мобилизационного резерва подвластной им территории[24]. По подсчетам, проведенным Рене Катрфажем, при мобилизации каждого двенадцатого мужчины указанного возрастного диапазона Испания Католических королей могла выставить в поле около 83 тыс. чел. С другой стороны — и на это тоже указывает

[23] *Albi de la Cuesta J.* De Pavía a Rocroi... P. 33–75.

[24] *Quatrefages R.* La Revolución militar moderna... P. 100–101.

Катрфаж, — у нас нет сведений о том, насколько рьяно работали *судьи*, сколько людей было освобождено от воинского учета и т.д.[25]

Еще год спустя, в 1497 г. был принят еще один ордонанс, сведения о котором сохранились в «Истории короля дона Эрнандо-католика»[26], составленной знаменитым арагонским хронистом Херонимо де Сурита (1512–1580). Описывая испанское войско, стоявшее в Руссильоне, Сурита пишет, что «*...был принят в это время новый ордонанс касательно войска, бывшего в Испании, отличный от тех, которыми руководствовались до тех пор, вводивший итальянские и французские обычаи касательно порядка ведения войны и военного снаряжения*»[27]. Помимо распоряжений, касающихся кавалерии и, в частности, введения в испанских войсках обязательных подразделений конных арбалетчиков, были там и нормы, регламентировавшие вопросы, касающиеся пехоты. Сурита указывает, что «*пешцы*[28]*, которых и тогда, и долгое время после звали так, были разделены на три части: одну треть составляли воины с копьями, которые носили немцы и которые называли пиками; вторая треть носила древнее имя щитоносцев; третья же состояла из арбалетчиков и стрелков из эспингард, которые были тогда в ходу <...>. Эти пешцы были разделены на отделения по пятьдесят человек*»[29]. Здесь, среди прочего, привлекают внимание два момента. Во-первых, в этом тексте впервые фиксируется деление пехоты на три вида по принципу носимых вооружений. Этот термин — *tercio*, т.е., по-испански, «треть» — впоследствии применялся для обозначения испанской армии нового типа и, возможно, сама идея такого наименования была обязана своим происхождением как раз военному ордонансу 1497 г. Во-вторых же, именно здесь впервые фиксируется появление в испанской армии

---

25 Ibid.

26 Historia del rey don Hernando el Catolico. De las empresas y ligas de Italia / compuestos por Geronimo Çurita, chronista del reyno de Aragon. Tomo V. Çaragoça, 1670. (= Zurita)

27 Zurita, vol.5, l.3, cap.6, f.124r: ...Pusose en este tiempo nueua ordenança en la gente de guerra, que auia en España, diferente de la que hasta entonces se vsaua, siguiendo la costumbre Italiana y Francesa cerca de orden y armaduras de guerra.

28 Исп. *peones* — так называли пеших воинов в средневековых отрядах. Ко времени Суриты, примерно со второй трети XVI в. за ними закрепилось более гордое и громкое имя *пехотинцев*, т.е. *infantes*.

29 Zurita, vol.5, l.3, cap.6, f.124v: ...Repartieronse los peones, que assi se llamauan en este tiempo y aun mucho despues, en tres partes: el un tercio con lanças, como los Alemanes las traian, que llamaron picas; y el otro tenía el nombre antiguo de escudados; y el tercero de ballesteros, y espingarderos, que se vsauan estonces <...> iban esos peones repartidos en quadrillas, de cinquenta en cinquenta.

отрядов пикинеров — копья, предписанные пехотинцам ордонансом 1495 г., были заменены здесь на пики немецкого образца.

Переходя к заключению, отмечу несколько моментов, на которых хотелось бы заострить внимание. Во-первых, как в отечественной, так и в зарубежной науке изучение испанских терций и, шире, истории испанской армии раннего Нового времени представляет собой своеобразное «слепое пятно». Предельно небольшое число, пусть даже и сильных исследований, написанных такими авторами, как Джеффри Паркер, Рене Катрфаж, Хулио Альби де ла Куэста и др., лишь подчеркивает пустоту окружающего их историографического ландшафта. Отчасти это объясняется соображениями научной моды — в последние десятилетия военная история перестала быть объектом пристального внимания профессиональных исследователей, отчасти же у этого совершенно иные причины, далекие от собственно научного мира. В отечественной исторической науке эта лакуна становится тем более заметной, что у нас нет вообще ни одного внятного исследования, которое было бы посвящено истории испанской армии. Представляется необходимым как переводить источники и создавать авторские исследования, так, возможно, и организовать профессиональный перевод ряда книг названных выше авторов. Лишний раз повторю, что данная статья, даже при учете запланированного ее продолжения, совершенно не претендует на закрытие этой лакуны, но лишь служит для привлечения внимания коллег-исследователей к отмеченной проблеме.

Во-вторых, история испанских терций во многом мифологизирована, и так получилось, что эта статья работает отчасти на развенчание одного из таких мифов. Широко распространены представления о том, что настоящим автором испанских терций и выдающимся военным реформатором конца XV — начала XVI столетия был Фернандо Гонсалес де Кордова, знаменитый «Великий капитан» испанской армии. В этой статье я постарался показать, солидаризуясь с мнением Р. Катрфажа и Х. Альби де ла Куэста, что идея военной реформы зародилась не у него, а непосредственно у Католических королей, Фернандо и Изабеллы. Стимулом к обдумыванию и последующему проведению реформы стала пережитая королями гражданская война, в ходе которой им пришлось воевать с собственными магнатами. Осознаваемая ими ненадежность и нестабильность феодальных ополчений, их крайне неровный и плохо прогнозируемый уровень военного мастерства — все это, по всей видимости, привело Фернандо и Изабеллу к идее создания постоянной армии, существующей на денежном довольствии, выплачиваемом троном.

Основой для такой армии должен был стать мобилизационный резерв, созданный посредством распоряжений, собранных в так называемых «военных ордонансах» 1495–1497 гг. Эти документы регламентировали как обязательное для испанских подданных владение личным оружием, так и более сложные механизмы подсчета и составления мобилизационных регистров. Форма организации армии, предложенная в упомянутых ордонансах — прообразы рот под командованием капитанов, наличие в ротах своей планово-финансовой части, постоянный состав рот, зафиксированный в документах — все это уже в гораздо большей степени напоминает современную армию, чем феодальные ополчения. В этом смысле непосредственно испанские терции, анализу которых будет посвящена следующая статья, стали логичным продолжением военной реформы Фернандо и Изабеллы.

Ознакомиться с базами испанских полков можно по адресу: https://runivers.ru/histbases

REFERENCES

1. *Albi de la Cuesta J.* De Pavía a Rocroi. Los tercios españoles. Madrid: Desperta ferro ed., 2023: 9 ed.
2. *Clonard Serafín María de Sotto*, conde de. Historia orgánica de las armas de infantería y caballería españolas: desde la creación del ejército permanente hasta el día. Madrid: Imprenta à cargo de D. Francisco del Castillo, 1851–1856.
3. *Gómez Vozmediano M.F.* La Santa Hermandad Vieja de Ciudad Real en la Edad Moderna. Siglos XVII–XVIII. Tesis doctoral. Madrid, 2002.
4. http://ejercitodeflandes.blogspot.com/2015/07/escopeta-escopetero.html (дата просмотра: 20.05.2023)
5. *Martínez Ruiz E.* Algunas reflexiones sobre la Santa Hermandad// Cuadernos de Historia Moderna, n.º 13 (1992). P. 91–107.
6. *Martínez Ruíz E.* Las Guardas de Castilla: el primer ejército permanente español, Madrid: Sílex, 2012.
7. *Parker G.* The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: CUP, 1988.
8. *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish road, 1567–1659: the logistics of Spanish victory and defeat in the Low Countries' Wars. Cambridge: CUP, 1972.
9. *Quatrefages R.* La Revolución militar moderna. El Crisol español. Madrid: El Ministerio de Defensa, 1996.
10. *Quatrefages R.* Los tercios. Madrid, 1978.
11. *Zurita J.* Historia del rey don Hernando el Catolico. De las empresas y ligas de Italia./ compuestos por Geronimo Çurita, chronista del reyno de Aragon. Tomo V. Çaragoça, 1670. (= Zurita)
12. *Razin E.A.* Istoriya voennogo iskusstva. V 3 t. T.2. [History of the Military Art. Vol. 2] Saint-Petersburg: OOO «Poligon Publishing house», 1999.

13. *Tarasyuk L.I.* Iz istorii russkogo ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya XVI–XVII vv. [From the history of Russian hand firearms 16–17 centuries]// Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology] 1965. №2. P. 104–117.

Ключевые слова:

терции, ордонансы, эспингарда, аркебуз, Фернандо и Изабелла, Испания, Новое время.

Alexander V. Marey

SPANISH TERCIOS. PART 1. ON THE EVE OF THE GREAT GAME

The article is devoted to the military reforms of Fernando and Isabella the Catholic, carried out in 1495–1497. The author emphasizes that there is a serious lacuna in the Russian historical literature concerning research on the history of the Spanish Tercios as well as history of the Spanish army in general. In the article, author analyzes the so-called «military ordinances» of Fernando II and concludes that the Catholic kings managed to lay the foundation of a new type of army, which eventually became the predecessor of the tercios.

Key words: Tercios, Ordinances, Espingarda, Arquebus, Fernando and Isabella, Spain, New Time.

Alexander V. Marey — Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology (Moscow).

Марей Александр Владимирович

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ (Москва)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.013

Г.Н. Ланской

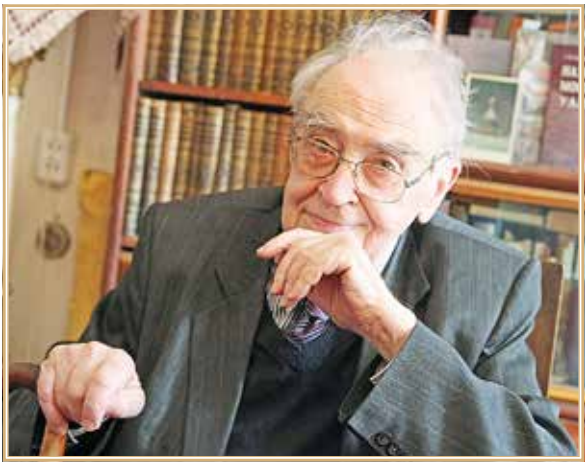
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Политизация общественной жизни и мировоззрение людей, с одной стороны, и стремление к профессиональным занятиям по изучению происходивших в различные периоды событий — с другой — нередко становятся основанием для противопоставления друг другу геополитических и научных исторических исследований. Данное противопоставление также переносится на формирование собирательных образов людей, занимающихся разными видами интеллектуальных занятий. Изучение политических процессов в силу своей традиционной направленности на познание современных практик и теоретико-методологической ориентации на прогнозирование будущих стратегий развития социальных институтов и групп в сфере достижения власти и организации управленческой деятельности ассоциируется с творчеством публицистов. Выбор данного когнитивного ракурса при этом объясняется часто выявляемой прагматической направленностью политологии как социальной науки, формирующей теоретическую и во многих случаях практическую основу политической деятельности. Ведение научных исторических исследований во многих случаях ассоциируется на персонифицированном уровне с творчеством людей, погруженных в изуче-

ние различных видов документальных источников и извлечение из них в соответствии с профессионально освоенными методами и приемами достоверных сведений о различных объектах. Данный ассоциативный ракурс имеет под собой глубокие основания, обращенные еще к средневековому периоду становления просвещения и книжности, и углубляется по мере осмысления исследовательских практик, обращенных к отдаленным и не вызывающим актуалистических эмоциональных реакций событиям.

Между тем совершенно очевидным является тот факт, что для фиксации и передачи знаний как в области геополитики, так и в сфере иных происходивших в прошлом и продолжающихся событий используется одинаковый нарративный процесс, называемый в его ретроспективной части историографическим творчеством. В ситуациях, связанных с необходимостью осмысления интеллектуального наследия интенсивных с точки зрения происходившей идеологической борьбы периодов, рамки нуждающихся в исследовательском освоении информационных ресурсов закономерно расширяются. В частности, выявляя данную тенденцию применительно к становлению советского государства и новых, управлявшихся его структурами социальных процессов, С.О. Шмидт приходил к следующему выводу: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится всё яснее, что историю исторической науки (и шире — развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения»[1]. Исходя из данного широкого определения объектных рамок истории исторической науки практически любые тексты, содержащие в себе изложение и интерпретацию ретроспективной информации, могли с полным основанием рассматриваться в качестве историографических фактов, даже если они создавались в рамках развития других областей знания. Классификационным критерием выявления в них научных трудов со-

[1] *Шмидт С.О.* К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов //История и историки. Историографический вестник. М.: Наука, 1990. С. 84.



Сигурд Оттович Шмидт

гласно представлениям основоположников историографии, как специальной исторической дисциплины (М.В. Нечкиной, А.М. Сахарова, К.Н. Тарновского, С.О. Шмидта), становилось стремление их авторов к глубокому — разностороннему и объективному — изучению и осмыслению конкретных событий и явлений.

Геополитические исследования также могли относиться в соответствии с данным критерием к числу историографических фактов, приспособленных в случае их востребованности к эволюции на более высокий качественный уровень историографических источников несмотря на распространенные факты их создания специалистами в области политологии[2] или, с другой стороны, географии[3].

Их частичная, определяемая наличием опоры на ретроспективную информацию принадлежность к данному комплексу прежде всего определяется генетической историчностью объекта и предмета изучения. Во-первых, составляющая объектную сферу геополитических исследований геополитика представляет собой процесс целенаправленного освоения представителями органов государственной власти и другими социально активными субъектами территориальных пространств, а также последующего управления присоединенными территориями, в том числе в процессе раздела сфер влияния с другими акторами. Исходя из данного определения, предметом для этой исследовательской области являются территориаль-

---

2 *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1998. 254 с.

3 *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990. 526 с.

ные пространства с их различными признаками, наиболее значимым из которых применительно к развитию исторического процесса являются границы; субъекты геополитики, а также приемы и методы геополитической деятельности, наиболее распространенными среди которых можно считать колонизацию и экспансию. Во-вторых, частичная принадлежность геополитических исследований к числу историографических фактов связана с широким и целенаправленным применением в них диалектического метода. На его основании применительно к любым временным и пространственным границам определяется то, как совокупность объективных потребностей в освоении новых территорий и субъективных мотиваций по самореализации в этой сфере индуктивно-логическим путем возникают предпосылки к совершению экспансионистских действий, определяется механизм этих действий и образуются их конкретные последствия. В-третьих, наряду с моделируемыми стратегическими сценариями развития различных по масштабам территориальных пространств одним из когнитивных продуктов, создаваемых в результате полного или частичного применения методологии и теоретического аппарата геополитических исследований, является формирование определенной исторической картины мира. Данный результат достигается, в частности, специалистами в области научного историографического творчества, особенно в том случае, если они придерживаются в своих взглядах когнитивной конструкции географического детерминизма.

К числу выразительных примеров совмещения исследовательских подходов, относящихся к сфере геополитических и более традиционных для исторической науки социально-культурных исследований, можно отнести концептуальные подходы выдающегося российского ученого Л.В. Милова. Пространственный фактор развития исторического процесса, объективно выраженный на физическом уровне в ландшафтно-климатической форме и в материальном качестве в виде ресурсов экономической и, следовательно, геополитической деятельности, рассматривался в его работах в качестве источника развития не только производственных, но и интеллектуальных процессов. Специфика его проявления, обусловленная также многообразием географических зон на территории России, формировала как позитивные предпосылки, так и еще более очевидные трудности и противоречия в сферах экономики и, соответственно, геополитики в используемом широком понимании данного объекта.

По мнению Л.В. Милова, И.Я. Фроянова[4] и многих других специалистов, преимущественно занимавшихся изучением доиндустриальных форм хозяйственного и социально-политического развития на территориях российского государства, наиболее подверженной влиянию пространственного фактора была сфера аграрного производства, остававшаяся до событий 1917 г. одной из ведущих в формировании валового национального продукта. Как отмечал Л.В. Милов, административные преобразования, которые формально должны были способствовать переводу развития страны на качественно более высокий, так называемый «буржуазный» уровень, в силу не только управленческих, но и природно-географических условий существенно снижали позитивную динамику эволюционных процессов. Давая исходя из данной оценочной точки зрения оценку итогам реформ, начатых юридическим провозглашением отмены крепостного права, исследователь, в частности, писал: «Сняв путы крепостничества, реформы утяжелили положение крестьянства выкупными платежами и системой земельных отрезков. Суровый климат и низкое плодородие почв резко ограничивали возможность расширения производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве, даже в наиболее зажиточной его форме. Данная ситуация резко осложняла усвоение передовых технологий аграрного производства, хотя элементы этих технологий в ряде районов страны получали развитие. В целом же в российском социуме земля по-прежнему цепко удерживала в своих объятиях гигантское большинство населения страны, обеспечивавшее общество, помимо собственного простого воспроизводства, лишь минимальным объемом совокупного прибавочного продукта»[5].

Новаторским аспектом концепции Л.В. Милова, представлявшей собой продукт сочетания методологий геополитического и исторического исследования, являлось выявление связи между географическими условиями конкретной территории и мировоззрением населяющих ее людей. Проанализировав ее по аналогии с предметно-хронологической направленностью работ французских авторов[6] примени-

---

4 *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1974. 160 с.

5 *Милов Л.В.*Предисловие // История России XX — начала XXI в. /А.С. Барсенко, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М: Эксмо, 2007. С. 5.

6 *Braudel F.* L`identite de la France. 2 vol. Paris: Arthaud: Flammarion, 1986. Vol. 1–2.

Леонид Васильевич Милов

тельно к периоду Средневековья[7], ученый экстраполировал данную диалектическую модель на время конца XIX — начала XX в. и в результате в оригинальном для мировой историографии ракурсе представил предпосылки распространения либеральных и социалистических идей в стране. Предприняв опыт системного анализа итогов развития России к данному периоду и сформулировав на его основе авторскую презентацию предпосылок сложившейся революционной ситуации, Л.В. Милов пришел к следующим выводам: «Таким образом, историческая ситуация в России конца XIX — начала XX века в значительной мере в своей объективной сущности сводилась к поискам новых механизмов, компенсирующих ущерб социально-экономическому развитию страны от суровых условий природы и климата. Естественно-исторический путь реального развития капитализма в стране, опутанной опосредованными следствиями этих условий, на том историческом этапе, как показали последующие события, эту столь острую проблему не решал. Немаловажную роль в этом противоречивом развитии сыграла географическая близость Европейской России к высокоразвитым странам Западной Европы. Наряду с многовековым огромным и прогрессивным влиянием на российский социум западноевропейской цивилизации эта близость... будоражила существенную часть русского

[7] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 572 с.

общества, особенно болезненно воспринимавшую тот разительный контраст чудовищной отсталости быта и экономики России и высокоразвитой цивилизации Запада, до которого, казалось бы, рукой подать. Драматизм названной ситуации на протяжении многих десятков лет создавал в общественных настроениях определенных слоев социума остро напряженную обстановку и кардинальным образом влиял на развитие и борьбу русской общественной мысли, распространение леворадикальных идей преобразования общества»[8]. Таким образом, применительно к историческому периоду, традиционно интерпретируемому в мировой историографии с социально-научных позиций, исследователь предложил использовать нетрадиционный исследовательский подход, находящийся на стыке цивилизационной теории и географического детерминизма.

Помимо рассмотренной интеграции территориальных пространств и практик их освоения в изучаемую предметно-объектную сферу геополитические исследования и историческая наука связаны между собой сходной проблематикой, относящейся к изучению международных отношений, а также внешних политико-экономических особенностей конкретных государств. Данный ракурс научных исследований оказался особенно актуальным в период начала XX в., когда на основе использования, с одной стороны, ретроспективного и, с другой стороны, статистического метода стали создаваться труды, посвященные типологическому анализу и сравнительному изучению фундаментальных объектов капиталистического развития[9]. Формируя ориентир социально-экономического развития для различных стран мира и представляя его передовые образцы, авторы этих исследований по существу подходили к применению теоретического метода гипотетического проектирования роли и места конкретных государств в рамках мировой геоэкономической и, следовательно, геополитической карты. Поэтому в целом ряде стран, где после окончания Первой мировой войны под воздействием ее не вполне удачных итогов началось переосмысление итогов развития, начались интенсивные научные дискуссии, с одной стороны, о специфике сложившейся в них к началу XX в. капиталистической системы и, с другой стороны, о перспективах ее модернизации или даже преобразования в новое качественное состояние.

---

[8] *Милов Л.В.* Предисловие // История России XX — начала XXI века /А.С. Барсенко, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. С. 6–7.

[9] *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма / Пер. с нем. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 460 с.

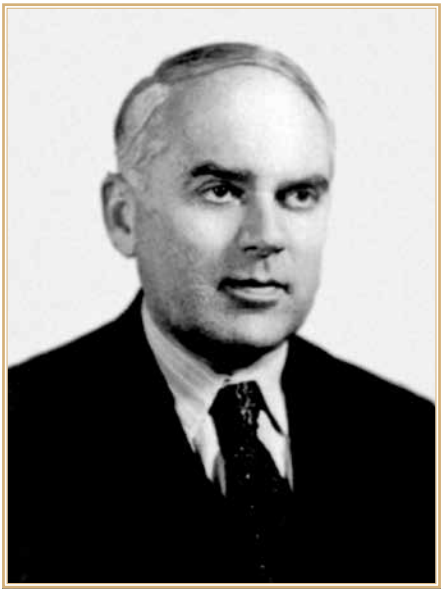
Если специалисты, жившие и работавшие в Германии, сконцентрировали свои усилия на проектировании возрождения и дальнейшего повышения ее статуса в сфере международных отношений[10], то советские ученые, концентрировавшие в том числе по идеологическим причинам свое внимание на проблеме наличия и масштабности экономических предпосылок построения социализма, интенсивно вплоть до середины 1950-х гг. обсуждали тему зависимости дореволюционной российской экономики от инвестиционной поддержки западноевропейских государств. Окончанием данной дискуссии, в рамках которой в зависимости от положительности или, напротив, временной кризисности цикла экономического развития СССР констатировалось уменьшенное или повышенное значение ресурсов иностранного капитала, стало обсуждение опубликованной в 1956 г. статьи Б.Б. Граве[11]. Поскольку поставленная в статье исследовательская проблема имела существенное идеологическое значение в условиях предпринятого в советском государстве проекта создания новой по сравнению с предыдущим — имперским — периодом социально-хозяйственной системы и напрямую относилась к выявлению с точки зрения формационной теории условий для перехода от капиталистического уровня к социалистическому, руководители проводившихся во второй половине 1950-х гг. исторических и в их рамках геополитических исследований приняли решение сместить с нее концептуальный акцент. Выбор данной интеллектуальной стратегии был важен для того, чтобы сконцентрировать внимание читателей научных трудов на наличии пусть и противоречивых, но в то же время очевидных, по их мнению, предпосылок революции 1917 г. Также в данной ситуации учитывался тот факт, что по вопросам самодостаточности и специфики развития российской экономики наряду с профессиональными специалистами высказывался И.В. Сталин, позиция которого колебалась в том числе в сторону констатации высокого уровня зависимости российской экономики от поступлений иностранных капиталовложений.

Поворотным событием развития отечественной историографии в сфере обсуждения имевшей фундаментальный геополитический контекст темы сравнительного анализа результатов экономического развития России по сравнению с передовыми европейскими странами стала состоявшаяся на заседании бюро отделения истории АН СССР

---

[10] *Хаусхофер К, Ратцель Ф.* Теория «жизненного пространства» / Пер. с нем. М.: Алгоритм, 2019. 239 с.

[11] *Граве Б.Б.* Была ли Россия полуколонией? //Вопросы истории. 1957. № 6. С. 87–94.



Евгений Михайлович Жуков

в 1957 г. дискуссия о содержании аналитической записки по проблеме «Развитие империализма в России». Одним из оснований подготовки данного текста было стремление обнаружить в развитии российского государства период достижения пусть недостаточно полноценной по своему индустриальному и финансовому уровню, но всё же сложившейся стадии империалистического развития, занимавшей в соответствии с господствовавшей в советских общественных науках теорией исторического материализма высшую точку трансформации капитализма. Решая данную методологическую и одновременно с этим политико-идеологическую задачу, академик-секретарь отделения истории АН СССР Е.М. Жуков дал в своем обращении участникам дискуссии и, соответственно, к остальному профессиональному сообществу следующую рекомендацию: «Тут в качестве упрека выставлялось такое положение, что авторы Записки не учли статью Граве. Мне кажется, что эта статья не является таким большим достижением исторической науки, в отношении этой статьи имеются отрицательные мнения, по меньшей мере спорные. Речь идет не о том, что Россия была колонией или полуколонией, а речь идет о зависимости России от западного империализма. Я думаю, это принципиально правильно. Здесь была, видимо, такая тенденция, чтобы во что бы то ни стало поставить под сомнение то, что дано товарищем Сталиным. Это неправильно, нужно объективно подходить к высказанным положениям. И если мы поставим разбираемую нами проблему в цепь вопросов, связанных с исто-

Валерий Иванович Бовыкин

рией Октябрьской революции, то нам особенно важно подчеркнуть, что в связи с Октябрьской революцией Россия освободилась от зависимости от иностранного империализма»[12]. Смена парадигмы исторических по содержанию и геополитических по предметной направленности исследований с темы зависимости российской экономики от поступавших из западноевропейских стран инвестиционных ресурсов на выявление новизны и уникальности советского государственного проекта сформировала теоретико-методологический вектор научных работ многих авторов.

Однако развитие данной тенденции далеко не всегда имело исключительно конъюнктурный характер, поскольку проблема влияния иностранного капитала как на хозяйственные, так и на общественно-политические процессы в России последней трети XIX — начала XX в. имела объективный характер не только для работавших в более позднее время экспертов, но и для современников. Поэтому в 1990-е гг. после утраты актуальности темы выявления реально существовавших или мнимых предпосылок социалистической революции в России исследователи продолжали на основании системного и комплексного подходов стремиться, с одной стороны, проанализировать в отдельности темы значимости внешних инвестиций для российской экономики и их роли в формировании финансово-промышленного статуса госу-

[12] Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

дарства и, с другой стороны, определить феноменологический тип Российской империи в глобальном пространстве капиталистических государств с преимущественно либерально-демократическим политическим режимом. Выявляя и демонстрируя специфику развития России в данной сфере, один из наиболее авторитетных исследователей данной проблемы В.И. Бовыкин приходил к следующему выводу: «В 900-е годы иностранные вложения в российские государственные займы, носившие до этого производительный характер, утратили его. Обращение царского правительства к зарубежным денежным рынкам в поисках средств для сооружения железных дорог обычно мотивировалось недостатком свободных капиталов в самой России. Между тем этот недостаток, по сути дела, создавался самим правительством, отвлекавшим посредством налогов в системы государственного кредита внутренние накопления от их производительного использования в народном хозяйстве ради поддержания существования в стране полуфеодального политического режима»[13]. Данный вывод, имевший конкретную совокупность аргументов в виде нараставшего и обернувшегося событиями Февральской революции 1917 г. конфликта между представителями отечественного слоя крупных предпринимателей и деятелями управлявшей монархическим государством элиты, не давал конкретного ответа на вопрос о степени финансово-экономической и, следовательно, геополитической зависимости России от передовых по своему развитию западноевропейских государств.

Этот открытый по своему финалу результат историографического творчества был вызван помимо внутренней противоречивости и неоднозначности самого объекта изучения тем, что в рамках исторической науки и геополитических исследований осмысливаемое хронологическое пространство всегда имеет достаточно жесткие диалектические границы. В частности, применительно к российской и затем к советской истории данной конечной границей являлся распад государств под влиянием внутренних кризисных процессов, источником которых, по существу, оказывался недостаток внутреннего мобилизационного потенциала для обеспечения устойчивого развития. Соответственно, начальной границей оказывались, главным образом, административные мероприятия по мобилизации и концентрации различных видов ресурсов, формировавших этот потенциал.

---

[13] *Бовыкин В.И.* Предисловие //Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: Наука, 1997. С. 6–7.

Концентрация на конечном результате мобилизационных действий органов государственной власти и управляемых ими социальных общностей и прогнозирование времени наступления данного результата являются отличительной чертой геополитических исследований. Если историки, выявляя в систематизированных по признаку потенциальной достоверности источниках различные сведения, погружаются в сущность конкретных событий и явлений, то специалисты в области политологии, занимаясь своего рода реконструктивным моделированием институциональных и социальных процессов, сосредоточиваются, главным образом, на причинах и следствиях движения в пространстве и времени. О данной закономерности, в частности, свидетельствуют интеллектуальные факты становления прикладной по отношению к проектируемым внешнеполитическим и в их числе милитаристическим практикам концепции атлантизма, которая пусть и в модернизированном виде по-прежнему доминирует в формируемых представителями североамериканских и западноевропейских стран сценариях мирового политического порядка. Создавшие и доведшие данную концепцию до конечного теоретического результата американские исследователи А.Т. Мэхэн[14] и Н. Спайкмен[15], а также английский ученый Х. Маккиндер[16] по существу создали детерминистскую, нацеленную на универсальное распространение теорию об определяющем и непреодолимом влиянии условий географической среды на потенциал активного, приближающегося к доминированию в тех или иных масштабах участия в международных отношениях.

Применительно к изучению развития России наиболее репрезентативным подтверждением данной теории в мировой историографии признается период начала XX в., когда будучи с точки зрения логики его зависимости от ресурсной поддержки более передовых стран Запада российское государство в лице своих лидеров стало искать жизненное пространство для проявления своих внешнеполитических интересов в дальневосточном регионе. Признавая закономерность выбора данной геополитической траектории и одновременно базируясь на утверждении об отсталости Российской империи от ряда других акторов международных отношений, британские и североамериканские исследова-

---

[14] *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown and Co., 1890. 634 p.

[15] *Spykman N.J.* The Geography of the Peace. Harcourt: Brace, 1944. 66 p.

[16] *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history // The geographical journal. 1904. № 2. P. 421–437.

тели отстаивали тезис о неизбежном крушении замыслов императора Николая II и представителей его ближайшего окружения. Согласно распространенной в их трудах точке зрения по аналогии с событиями Крымской войны 1853–1856 гг. эти намерения могли быть относительно обоснованными только до тех пор, пока они не привлекут внимания и не вызовут далее противодействия со стороны более сильных территориально-политических конкурентов. Формируя данный образ геополитической карты на Дальнем Востоке и в целом в Тихоокеанском межрегиональном пространстве, английский исследователь Д. Уолдер создавал следующую картину происходивших в первой половине 1900-х гг. событий: «США не проявляли желания к присоединению новых территорий, испытывая проблемы с Филиппинами. Великобритания со своим наибольшим коммерческим анклавом в Китае была обязана вновь противиться расширению русской экспансии. В центре находилась Япония, жизненно связанная с изменением баланса сил. На периферии находилась Франция»[17]. В дальнейшем за исключением событий Второй мировой войны, в ходе которых для сопротивления общей военной угрозы со стороны Германии и ее союзников США, Великобритания и СССР сформировали основу антигитлеровской коалиции, геополитические исследования североамериканских и британских авторов имели в отношении моделирования перспектив российского внешнеполитического курса телеологический характер. На фундаментальном уровне данная особенность выражалась в констатации неспособности страны, не относящейся по естественным (географическим) причинам к европейско-североамериканскому межрегиональному пространству, выдвигать и решать задачи достижения глобального уровня в международных отношениях. На прикладном уровне телеологичность проявлялась и, как показывает современная внешнеполитическая обстановка на европейском пространстве, продолжает выражаться в интерпретации как перспектив развития конкретных конфликтных ситуаций, так и в оценивании наблюдаемых фактов.

Ракурс геополитических исследований, основанный на обосновании и отстаивании доктрины возможного гегемонизма каких-либо отдельных государств, относимых к глобальному типу или обладающих пространственными и производными от них ресурсными преимуществами, обладает с научной точки зрения очевидными недостатками.

---

[17] *Walder D.* The short victorious war. Russo-Japanese conflict, 1904–1905. London, 1973. P. 24.

Помимо догматизма, обусловленного стремлением к выработке универсалистских объяснительных и стратегических моделей, они заключаются в субъективности восприятия исторических событий, нередко трансформирующейся в стереотипность, и стремлении к выбору аргументов, исключительно подтверждающих создаваемую когнитивную конструкцию. В периодически встречающихся ситуациях приверженность доктрине гегемонизма не только на глобальном, но также на других, меньших по масштабу пространственных уровнях приводит к созданию мифологических и одновременно с этим агрессивных по внутреннему содержанию экспансионистских проектов. Их появление, особенно характерное для промежутков между глобальными геополитическими конфликтами, становится катализатором активной конфронтации и нередко источником разрушения того государства, лидеры которого сформировали и выдвинули такие проекты, как это, в частности, произошло в Польше в начале Второй мировой войны и Германии после ее окончания.

Конструктивная в исследовательском отношении связь между генетически обращенными в сферу настоящего и будущего времени геополитическими исследованиями и исторической наукой, творческие проявления которой обычно направлены на познание минувших событий, обеспечивается в случае деполитизации применяемого историографического и в широком смысле нарративного подхода. Исходным объектом для достижения гармоничного синтеза между этими исследовательскими направлениями является не оценивание и интерпретация нередко уже осознанных проявлений и траекторий исторического процесса, а системный анализ пространственной среды, структура которой в итоге определяет возможные сценарии деятельности людей, территориальных сообществ и функционирования государств. Помимо получения вполне четкого, обоснованного применением эмпирических методов знания об этом объекте такая направленность научной работы может дать возможность решения целого ряда притягательных как для геополитических, так и для исторических исследований творческих задач. В частности, применительно к значительному числу дипломатических коллизий и вооруженных противостояний ее выбор позволит выявить реальные альтернативы происходящих процессов, отличающиеся от своих мифологических аналогов наличием для их возникновения объективных возможностей. Выбор пространственной среды в качестве исходного научно-познавательного элемента имеет под собой также вполне очевидные

логические основания, поскольку другие объекты геополитических исследований, к которым относятся территориально-политические образования и территориальные сообщества, имеют по отношению к ней диалектически производный характер.

Постановка и рассмотрение методологической проблемы взаимосвязи между исторической наукой и геополитическими исследованиями имеют не только исследовательский, но и социально значимый характер. По существу, именно отсутствие полного и адекватного знания о событиях и явлениях прошлого лишает людей способности понимать их значение и своевременно обнаруживать часто встречающиеся вследствие достаточно статичных пространственных условий возможности их повторения зачастую в обостренной форме. С другой стороны, теоретическая направленность экспертных геополитических исследований в случае отсутствия в них элементов догматизма и субъективности позволяет более глубоко понять закономерности и, следовательно, сущность исторического процесса не только в масштабах отдельных стран и межгосударственных объединений, но и в глобальном масштабе.

REFERENCES

1. *Braudel F.* L'identité de la France. 2 vol. Paris: Arthaud: Flammarion, 1986. Vol. 1–2.
2. *Bzhezinskiy Z.* Velikaya shakhmatnaya doska: Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy: perevod s angliyskogo. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya, 1998. 254 p.
3. *Bovykin V.I.* Predisloviye //Inostrannoye predprinimatelstvo i zagranichniye investitsii v Rossii. Moscow: Nauka. P. 5–18.
4. *Gilferding R.* Finansoviy capital: Noveyshaya phaza v razvitii kapitalizma: perevod s nemetskogo yazyka. Moscow: Gosudarstvennoyr socialno-economicheskoye izdatelstvo, 1931. 460 p.
5. *Grave B.B.* Byla li Rossiya polukoloniey? //Voprosy istorii. 1957. № 6. P. 87–94.
6. *Gumilyov L.N.* Etnogenez i biosphera zemli. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. 526 p.
7. *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history // The geographical journal. 1904. № 2. P. 421– 437.
8. *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown and Co., 1890. 634 p.
9. *Milov L.V.* Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. Moscow: ROSSPEN, 1998. 572 p.
10. *Milov L.V.* Predisloviye // Istoriya Rossii XX — nachala XXI veka / A.I. Vdovin, S.V. Voronkova; pod red. L.V. Milova. Moscow: Eksmo, 2007. P. 6–9.
11. *Shmidt S.O.* K izucheniyu istorii sovetskoy istoricheskoy nauki 1920 — 1930-kh godov // Istoriya i istoriki. Istoriographicheskiy vestnik. Moscow: Nauka,1990. P. 84–91.
12. *Spykman N.J.* The Geography of the Peace. Harcourt: Brace, 1944. 66 p.
13. *Froyanov I. Ya.* Kiyevskaya Rus. Ocherki sotsial`no-economichtskoy istorii. Leningrad: Izdatel`stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1974. 160 p.

14. *Hauskofer K., Ratzel F.* Teoriya «zhiznennogo prostranstva» / Per. s nem. Algoritm, 2019. 239 p.
15. *Walder D.* The short victorious war. Russo-Japanese conflict, 1904–1905. London, 1973. 321 p.

Ключевые слова:

геополитические исследования, историческая наука, историография, наука, методология, концепция, интерпретация, пространство, территория, управление, государство.

Grigoriy N. Lanskoy

GEOPOLITICAL STUDIES AND HISTORICAL SCIENCE

This paper is devoted to detection, definition, and presentation of the relationship between geopolitical and historical studies on base of concrete sources. The theoretical basis of the research is based on the concept of intellectual geopolitical activity as a process of designing models for the development by states and other social actors within various territorial spaces and the subsequent organization of their management. In this regard, it is proved that there are similarities between geopolitical and historical studies in the field of choosing the object to be mastered. The article presents the difference between the methodological approaches used in historical and political science, revealed in the dialectical orientation towards the intellectual creativity of specific specialists. For scientific historical research, theoretical methods of synthesis and design of hypotheses about the current and future development of specific territories become an additional resource for assessing the significance of directly studied historical facts. In geopolitical studies, the identification, selection, and systematization of these facts has an applicable nature and is aimed at finding arguments for strategies and scenarios being created for the development of states and external relations. The chronological framework of the presented research includes the period from the middle of the 19th century to the appearance of modern historiographical facts. The given definition for the facts is because the cohesion of geopolitical and historical research could be formed solely on the basis of a positivist methodology, without which the formation of objective knowledge about the society and social development is impossible.

Key words: Geopolitical Studies, Historical Science, Historiography, Science, Methodology, Concept, Interpretation, Space, Territory, Management, State.

Grigoriy N. Lanskoy — D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.014

С.В. Решетников

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКТОВАНИИ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ИЗ СОСТАВА ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ 1943–1944 гг.*

Проблема комплектования советских партизанских отрядов французского движения Сопротивления является незатронутой темой в отечественной и зарубежной историографии. На наш взгляд, данный вопрос важен и требует научной проработки, что позволит понять, как советские люди попадали во французское Сопротивление, тем самым внося свой вклад в приближение военной победы союзных сил во Франции.

Необходимо выделить два основных источника комплектования советских партизанских отрядов во Франции: первый — советские граждане, бежавшие из нацистских концлагерей; второй — советские граждане, перешедшие на сторону французского Сопротивления из состава Восточных войск вермахта.

Первая группа является самой многочисленной по составу. Советские граждане начали прибывать во Францию с начала лета 1942 г. И если в начале своего пребывания на французской земле это были в большинстве своем мирные советские граждане — вывезенные немцами для работы на различных тяжелых производствах, то постепенно с конца

* УДК 94(44).085

1942 г. во Францию начали прибывать военнопленные красноармейцы, которые содержались в концентрационных лагерях. Первоначально их использовали как вспомогательную рабочую силу, но вскоре немцы стали привлекать их на тяжелых производствах в шахтах, рудниках или для немецкой строительной организации Тодта (военно-строительная организация), действовавшей при постройке укреплений Атлантического вала на побережье страны.

По оценкам советского историка Г.А. Нечаева, во Франции, в угольных бассейнах Нор и Па-де-Кале, в районах городов Авиньон, Бордо, Руан, Манд, Нанси, Орлеан нацисты в 1942–1943 гг. создали более двадцати концлагерей, в которых находилось несколько десятков тысяч советских военнопленных и граждан[1]. Зачастую положение советских граждан на таких объектах было невыносимым, поэтому на протяжении всего своего пребывания на французской земле они постоянно искали способы побега. Некоторым из них это удавалось, но после их ждал тяжелый опыт выживания в чужой стране, без знания языка. Им приходилось прятаться в лесах или на фермах, а при попытке сблизиться с местным населением они в равной степени могли быть сданными немцам или оказаться среди французских партизан. Успешные контакты с населением нередко были связаны с посредничеством русских эмигрантов, проживавших в сельской местности[2]. Стоит отметить, что советские граждане могли попасть во французское Сопротивление, бежав из концлагерей не только на территории Франции, но и из Бельгии или даже Германии[3].

Существенную роль в организации массовых побегов советских граждан из нацистских лагерей сыграл Центральный комитет советских военнопленных (ЦКСВ), который был сформирован в начале декабря 1943 г. при помощи Французской коммунистической партии и Союза русских патриотов — организации французского движения Сопротивления, состоявшей из русских эмигрантов, придерживавшихся левых взглядов. Эта организация начала образовываться в лагере Бомон-ан-Артуа (Па-де-Кале) в начале 1943 г., по инициативе Б. Шапина, А. Крылова,

---

1 *Нечаев Г.А.* Реликвии советского патриотизма. Вестник Московского университета. 1963. № 2. С. 77.

2 Встречи будущих советских партизан во Франции описываются в их же мемуарах, См.: *Кривошеин А.Ф.* Записки солдата. Барнаул, 2000. №. 2. С. 28; *Федоров А.А.* Моя война с 1941 по 1945: [оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции]. М.: АСТ, 2016. С. 194.

3 См.: *Федоров А.А.* Моя война с 1941 по 1945: [оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции]...

Слева направо: сидят — Георгий Шибанов, Гастон Лярош, стоят — Иван Скрипай, Марк Слободинский, Василий Таскин

А. Черкасова, М. Бойко, М.Я. Слободинского, Ф. Тындика, И. Федорука и В. Адоньева под названием «Группа советских патриотов»[4]. В течение своей работы Комитет создал отлаженную сеть в северных и восточных районах Франции и позже сформировался как штаб по организации советских партизанских отрядов, для руководства их боевыми действиями на территории Франции во главе с политруком М.Я. Слободинским, капитаном И. Скрипаем и старшим лейтенантом В.К. Таскиным[5]. По словам Таскина, «в задачи штаба входило: создать подпольные комитеты во всех лагерях советских военнопленных; осуществлять руководство их действиями; осуществлять руководство партийно-политический работой в лагерях и партизанских отрядах; выпускать нелегальную газету на русском языке “Советский патриот”»[6]. Немаловажно отметить, что деятельность ЦКСВ во многом имела важную психологическую роль для советских узников концлагерей, что позволяло им иметь уверенность, что риск опасной попытки бегства из немецкого плена может возна-

[4] Василий Васильевич Порик. [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: https://rru.t-n-v.com/в-в-порик (дата обращения: 03.03.2023).

[5] *Таскин В.К.* Партизанский штаб действует // О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников движения Сопротивления. М.: Политическая литература, 1962. С. 416.

[6] Там же.

Алексей Федорович Кривошеин

градиться встречей со своими свободными советскими товарищами для возобновления своей борьбы против немцев. По данным В.К. Таскина, под влиянием в том числе и деятельности ЦКСВ из концентрационных лагерей бежало в общей сложности около 12 тыс. советских граждан[7].

Союз русских патриотов, помогавший созданию Центрального комитета советских военнопленных, был создан в октябре 1943 г., по инициативе эмигранта Г.В. Шибанова, который стал регулярно контактировать с французом русского происхождения Б. Матлиным (Гастон Лярош) — уполномоченным представителем Национального фронта, подпольной коалиции левых политических партий. Для них подпольную деятельность резко изменило прибытие во Францию с лета 1943 г. Восточных войск вермахта, сформированных из советских граждан, численностью в 30–40 тыс. чел.[8] Эмигрант и участник Сопротивления А.Ф. Кривошеин связывал с их прибытием начало второго этапа русского движения Сопротивления на территории Франции[9]. Уже в период деятельности

---

7 Там же. С. 428.

8 Оценка полковника Французских внутренних сил Бориса Матлина под псевдонимом «Лярош» в собственном исследовании. См.: *Laroche G.* On les nommait des etrangers. Paris: Les editeurs francais reunis, 1965. P. 238.

9 *Кривошеин А.Ф.* Русские участники Сопротивления во Франции // Новоселье. Нью-Йорк, 1947. № 35–36. С. 96.

Союза русских патриотов — MOI (Main-d'œuvre immigrée) — объединение иностранных коммунистических организаций во Франции, в лице Б. Матлина, поручило участнику союза А.Н. Кочеткову наладить агитационную работу против таких советских граждан в немецкой форме.

Второй группой комплектования стали советские солдаты из Восточных войск вермахта. Именно во второй половине марта 1944 г. Кочетков занялся «работой по разложению власовцев» и организацией Сопротивления среди гражданских заключенных и военнопленных в лагерях на севере Франции. Первоначально руководство Национального фронта оценивало возможную деятельность против батальонов как очень перспективную, основываясь, вероятно, в числе прочего и на отчетах эмигранта Кривошеина. Так, созданное третье подразделение русской секции MOI («работа среди добровольцев») сформировало штат особых разъездных инструкторов, занятых исключительно разложением таких формирований. Работа продолжалась с конца 1943 г. по лето 1944 г., посредством призывов к солдатам Восточных войск вермахта и организации подпольных групп внутри подразделений для поднятия восстаний. Иногда инструкторы СРП участвовали непосредственно в совершении бунтов и массовых побегах солдат.

Интересно, что после высадки союзников в Нормандии Кочетков вступил в конфликт с Матлиным по поводу просившихся в партизаны легионеров-армян. Б. Матлин заявил Кочеткову, что все трое оказались шпионами, и потребовал от него «по возможности» их уничтожить. Кочетков не послушался Матлина и дал легионерам связь с подпольщиками, взяв ответственность за свой поступок на себя, и объяснял свои действия тем, что, по его мнению, армяне-подпольщики — настоящие советские патриоты. После войны Кочетков доказывал, что он был прав, так как эта группа все же создала 1-й советский партизанский полк[10].

Вероятно, речь шла о бывших офицерах Красной армии, капитане Б.К. Петросяне, майоре А.А. Казаряне, майоре Д.Е. Минасяне, майоре С.А. Ягджяне, капитане С.М. Титаняне, которые 4 июля 1944 г. в составе группы из 52 военнослужащих Армянского легиона вермахта, при согласовании с французским Сопротивлением, совершили побег из лагеря своего базирования г. Манд и перешли на сторону французских партизан. До этого они вели подпольную работу в легионе[11]. Таким образом,

---

[10] *Решетников С.В.* Русские эмигранты-сопротивленцы против Восточных войск вермахта// Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4. С. 115.

[11] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. С. 231–233.

Фото Алексея Николаевича Кочеткова из Членского билета товарищества бывших добровольцев Республиканской Испании. *Источник: [Электронный ресурс] // URL: https://anru.t-n-v.com/документы/1945 (дата обращения 25.05.2023)*

партизанский отряд под руководством Петросяна (командир) и Титаняна (комиссар) с начала августа 1944 г. сражался против отступавших на юге Франции во взаимодействии с 1-й французской армией в составе 6-й группы армии союзников и освободил города Вильфор, Алес, Ла Кальмет, Флораж, Альби, Ним. После окончания основных боевых действий полк принимал участие в ликвидации остатков немецкой армии и вишийских войск[12].

В сентябре 1944 г. произошло объединение отдельных партизанских отрядов в городе Ним в «1-й советский партизанский полк во Франции»[13]. Руководство полка осуществляли бывшие офицеры Армянского легиона Казарян (командир полка), Петросян (заместитель командира полка), Титанян (комиссар полка), Минасян (начальник штаба полка), Ягджян (помощник командира полка), которые имели в своем подчинении два батальона численностью в 2200 бойцов и офицеров, в котором было представлено 37 национальностей и народностей СССР[14]. 1 мая 1945 г. правительство Франции наградило полк боевым знаменем и орденом Военного креста с Серебряной звездой. Полку было вручены три Красных знамени от городских коммунистических организаций Марсе-

[12] *Казарян А.А.* За правое дело // О чем не говорилось в сводках: воспоминания участников движения Сопротивления [сборник]. М.: Госполитиздат, 1962. С. 361.

[13] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы... С. 231–233.

[14] *Казарян А.А.* За правое дело...

ля, Лиона и Нима. По словам Казаряна: «665 бойцов за мужество и отвагу были награждены орденами Боевой крест с Серебряной звездой, Боевой крест с Бронзовой звездой, Военный крест и медалями “Солидарность” и “За побег из плена”»[15]. Правительство Франции разрешило 1-му советскому партизанскому полку выезд на Родину со всем имевшимся у него вооружением[16].

Несмотря на это, все упомянутые командиры полка были арестованы в июле 1948 г. Министерством госбезопасности Армянской ССР и в июне 1949 г. осуждены военным трибуналом 7-й армии: Казарян, Минасян и Ягджян к 25 годам лишения свободы, а Титанян и Петросян к 20 годам лишения свободы каждый «за то, что они, находясь в лагерях военнопленных, изменили Родине и поступили на службу в гитлеровский Армянский легион, где служили с августа 1942 по июль 1944 г., [...], совершив побег из легиона, создали лжепартизанский полк и заняли в нем командные должности, а в дальнейшем, скрывая от советских государственных органов свою службу в немецкой армии, составляли фиктивные документы, где излагали “боевые заслуги” полка, фактически не имевшие место»[17].

Только по решению ЦК КПСС от 14 июля 1955 г. было принято решение о прекращении уголовного дела в отношении Казаряна, Петросяна, Минасяна, Титаняна и Ягджяна за отсутствием в действиях этих лиц состава преступления[18].

При этом стоит отметить, что советские граждане, бежавшие из нацистских концлагерей и попадавшие в Сопротивление, и советские граждане, перешедшие на сторону французских или советских партизан из состава Восточных войск вермахта — нередко плохо относились друг к другу. Так, заместитель командира партизанского отряда «Парижская коммуна» из региона Верхняя Сона А.А. Федоров в своих послевоенных воспоминаниях, несмотря на заслуги, все равно относил командира

---

15 Там же. С. 362.

16 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы... С. 231–233.

17 Там же.

18 Бывший министр государственной безопасности Армянской ССР С.А. Корхмазян был признан виновным «в фальсификации уголовного дела по обвинению Казаряна и других, за нарушение социалистической законности решением бюро ЦК КП Армении исключен из партии», приговорен к 10 годам лишения свободы. См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. С. 231–233.

Слева направо: подполковник А.А. Казарян, капитан Б.К. Петросян, майоры Д.Е. Минасян, С.А. Ягджян и С.М. Титанян на ступенях театра г. Тулуза. 1944 г.

1-го советского партизанского полка А.А. Казаряна к предателям[19]. Другой советский партизан А.Ф. Кривошеин, который действовал в одном из французских отрядов, признавался, что в одном из боев с отступающими немецкими войсками «некоторые власовцы в немецкой форме подходили к нам с поднятыми руками, но мы не подпускали их близко, расстреливали»[20]. Впрочем, это не помешало Кривошеину вместе со своими советскими товарищами согласиться осенью 1944 г. войти в упомянутый 1-й советский партизанский полк[21].

Всего перед капитуляцией во Франции находилось около 15 тыс. советских военнопленных, одетых в форму вермахта[22]. При этом уже после окончания войны французские власти были склонны рассматривать бывших солдат Восточных войск вермахта как военных преступников, подсудных французскому суду. По словам военного историка В.Н. Земскова: «...позднее эта проблема была урегулирована, и “власовцы” в со-

---

19 *Федоров А.А.* Моя война с 1941 по 1945: [оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции]... С. 224.

20 *Кривошеин А.Ф.* Записки солдата. Барнаул, 2000. №. 2. С. 28; *Федоров А.А.* Моя война с 1941 по 1945: [оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции]. М.: АСТ, 2016. С. 37.

21 Там же.

22 *Полян П.М.* Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // Трагедия войны — трагедия плена: Сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. 1999. С. 182.

ответствии с принципом обязательной репатриации были переданы СССР. Для самих "власовцев" это являлось подлинным спасением, так как у французского правосудия был настрой пустить их под нож гильотины, а в СССР они в массе своей после соответствующей проверки в Проверочно-фильтрационных лагерях или Исправительно-трудовых лагерях были направлены на спецпоселения на 6 лет»[23].

Публикуемый документ является важным источником по истории комплектования партизанских отрядов французского движения Сопротивления из советских граждан и состава Восточных войск вермахта. Документ предваряет собой письмо от 9 декабря 1944 г. на имя заместителя Уполномоченного СНК СССР по Делам репатриации К.Д. Голубева и состоит из нескольких рапортов, объединенных в качестве одного общего сведения разведки французского комитета национального Освобождения за 1-е полугодие 1944 г. Данное дело № 16 фонда Р–9526 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) было рассекречено 28 марта 2012 г. из отдела бывшего спецхрана. Его общий объем составляет 35 машинописных листов.

Документ помогает проследить за сбором сведений разведкой Комитета национального освобождения движения Сопротивления во Франции. Исходя из него следует, что Французский комитет национального освобождения (ФКНО) — альтернативное режиму Виши временное правительство, сформированное лидерами движения Сопротивления — получал информацию о дислокации Восточных войск вермахта через местных жителей, своих осведомителей, а также бывших солдат и офицеров Восточных войск вермахта, перешедших к французским партизанам. Также в документе содержатся сведения об имевшихся в таких частях подпольных ячейках, оценка руководства французским Сопротивлением боевой эффективности таких подразделений и информация об инцидентах между коллаборационистами и немецкими военными властями. Помимо этого, интересны упоминания контактов солдат Восточных войск вермахта с русскими эмигрантами, которые могли быть связаны как с просто представителями французского Сопротивления, так и с Союзом русских патриотов или Центральным комитетом советских военнопленных.

Наиболее ценными представляются ранее неизвестные сведения о подготовке мятежа 798-го грузинского батальона вермахта в Периге

---

[23] *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 257.

и позиция Комитета национального освобождения Франции касаемо того, как французское Сопротивление должно относиться к советским гражданам в немецкой форме. Так, по мнению французского руководства: «всякий раз, когда можно связаться с ними через переводчика, надо рассказать им об истинном военном положении и заверить их, что своим храбрым поступком в решительный момент они могут искупить свою измену»[24].

Документ печатается в соответствии с современными правилами публикации исторических документов. Не имеющие смыслового значения орфографические ошибки и опечатки и т. п. исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителем слова и части слов заключены в квадратные скобки.

ДИСЛОКАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ, СОСТОЯЩИХ ИЗ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

I. Данные о составе армии ВЛАСОВА

3 марта 1944 г.

Известно, что немцы сгруппировали вокруг бывшего советского генерала [А. А.] ВЛАСОВА, находящегося в плену в Германии, так называемых «добровольцев», завербованных среди советских военнопленных. Войска, сформированные таким образом, посылаются в оккупированные районы: количество их достигает примерно 200 000 чел. Они размещены во Франции.

Большинство, по их собственному признанию, пошло в эти части для того, чтобы избежать голодной смерти, которая их ожидала в лагерях, где ежедневный рацион состоял из теплой воды, в которой плавало несколько кусков репы. Когда немцам удавалось завербовать несколько чел., они устраивали для них щедрое угощение на глазах у других военнопленных.

Завербованные таким образом люди сообщают, что среди них, конечно, имеются нечестные люди, но в большинстве своем они считаются патриотами своей страны и что, когда наступит время они присоединятся к английским войскам.

---

[24] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–9526. Оп. 6. Д. 16. Л. 76.

2 марта 1944 г.

Полный состав армии ВЛАСОВА насчитывает 1 400 000 или 1 500 000 чел., из коих 700–800 тыс. находятся во Франции. В Италии также находятся русские войска.

Армия ВЛАСОВА состоит из бывших русских военнопленных, которые или добровольно вступили в армию, чтобы не умереть с голоду, или же были завербованы. В армию ВЛАСОВА входят пехотные и кавалерийские части. В принципе части автономны, но их возглавляют немецкие офицеры, за русскими сохранены советские знаки отличия.

Армия имеет русское или польское вооружение. Во Франции русские полки используют в качестве оккупационных войск. Роты одного и того же полка рассеяны по всему юго-западу.

В парижском районе русские войска подчиняются вспомогательным немецким частям.

Дислокация войск ВЛАСОВА во Франции

Северная зона. Па-де-Кале.

Одна дивизия армии Власова находится в Булони и Дюнкерке в береговой зоне. Моральное состояние этой дивизии самое плохое. Солдаты продали свое оружие и испортили пулеметы. Английские листовки с сообщением о решении конференции в Тегеране и с портретом Сталина вызвали взрыв радости. Немцы якобы хотят разоружить эту часть.

Север.

2 роты армии ВЛАСОВА прикомандированы к немецкой артиллерийской части в Гавре. Эти роты только совсем недавно получили вооружение. Один военнопленный отказался от оружия, мотивируя свой отказ тем, что он был нанят только для работы; этот военнопленный был отослан в лагерь для военнопленных. Два батальона расположены в окрестностях Гавра, из них один — в 14 км. К юго-востоку. Собираются сведения о частях, расположенных близ Шербурга и в районе Довилля, о которых уже указывалось.

Бретань

Воинские формирования в Кемпере, Крозане, Телер, Гроа (близ Крозана) — два эскадрона кавалерии, в Ландерно (1200 чел.), Ланнионе (2 роты), в окрестностях Ламбалля (Вал Андре), Бресте — 2 батальона.

Сомма

Имеются также русские формирования.

Вандея

Имеются 4 роты.

Район Бордо.

Два батальона в Бордо, одним из которых командует уроженец Прибалтики [Э.] фон РЕНТЕЛЬН; батальон, расквартированный ранее в Шампане, переведен, вероятно, в Па-де-Кале.

Юра.

В 3 районах Доиля находится воинское формирование в 80 000 чел.

Парижский район.

Охрана комендатуры частично обеспечена солдатами армии ВЛАСОВА, которые заменили также немцев в службе ночных дозоров. Власовские солдаты находятся в казармах Вилет и близ площади Балар. Примерно с 200 из них поддерживается связь, и они готовы дезертировать.

Одна воинская часть расквартирована в Версале. Недавно произошли инциденты с немецкими солдатами. Власовцы в Париже охраняют дом № 63, рю де Курсель.

Южная зона.

Наличие власовцев установлено в Гренобле, в Ницце, Каннах, Марселе, Кастре и Периге.

Моральное состояние этих формирований таково, что они при первой же возможности сдадутся в плен. Настроение офицеров менее ясно, и связь с ними очень затруднительна. Русским офицерам никогда не предоставляется действительное командование, оно осуществляется немцами.

По некоторым высказываниям гестаповских газет на русском языке «Курье де Пари» можно предполагать, что во Франции находится дивизия казаков, но до настоящего времени можно было установить только 2–3 батальона в районе Бордо. Напоминаем, что части ВЛАСОВА в Югославии и Германии и, предположительно, в Норвегии довольно сильны. В России нет больше его частей.

Июль 1944 г.

Кавказский гарнизон в Лангоне (Лозер) в составе 100 чел., находящийся под командованием русского офицера, перешел на сторону партизан.

Июнь 1944 г.

Дополнительные данные об армии Власова.

Немцы использовали все средства пропаганды и нажима для того, чтобы вовлечь военнопленных в армию ВЛАСОВА.

Перед многими военнопленными встал выбор: либо умереть от голода в лагерях военнопленных, либо служить немцам.

Личный состав армии Власова.

По некоторым сведениям, армия Власова насчитывает 750 000 чел.

Около 400 000 якобы находится в Бельгии и Франции, из которых 150 000 чел. находятся на побережьях Ла-Манша и Северного Моря.

Одна дивизия, по-видимому, расквартирована в районе Остенде-Ипр-Брюк-Дюнкерк, другая — в районе Руана.

Донская армия, насчитывающая примерно 60 000 чел., находится якобы в районе Ст. Уен-Азербук — Ст. Пол.

Ставка главнокомандующего этой армии находится в Мервилле.

Все эти русские — пехотинцы. Треть из них– пулеметчики, вторая часть треть обслуживает минометы и гранатометы, остальные составляют службы (интендантство, заведывание личным составом).

Русские белогвардейские офицеры в принципе не допускаются в армию ВЛАСОВА; для участия в борьбе за «Новую Европу» немцы предоставили им право вступать в отряды СС и в организацию Тодта.

Низший командный состав состоит на 40% из советских офицеров и на 60% — из немецких офицеров. Высший командный состав, за редкими исключениями, состоит из офицеров немецких вооруженных сил.

Январь 1944 г.

Части, расположенные в районе Авиньона, составляют батальон под командованием майора, которому даны в помощь 10 русских низших офицеров. Два немецких офицера в русской форме ведут политическое наблюдение за батальоном.

Русские солдаты этой части — в возрасте от 20 до 30 лет. Они прибыли из лагеря военнопленных; в этом лагере первоначально было

75 000 чел., а осталось всего 8000 чел. Остальные были расстреляны или умерли от голода и побоев. По сведениям, многие военнопленные были похоронены заживо. Этим объясняется успех пропаганды вербовщиков в армию ВЛАСОВА.

Один белогвардеец, бывший кадет, получивший образование во Франции (инженер-химик), вел пропаганду среди этих сбитых с толку людей. Он довел им, что у них есть способ для реабилитации, который позволяет им вернуться к себе на родину истинными солдатами, а именно: они должны уйти от немцев в нужный момент для того, чтобы перейти с оружием и обозом на сторону вторгнувшихся сил союзников или на сторону движения Сопротивления. Полагают, что примерно 80% заинтересованных лиц последовали бы этому совету.

Немцы не слишком доверяют власовцам и не используют их в активных операциях.

Вооружение батальона состоит из личного оружия и нескольких ружей — пулеметов, но нет ни пулеметов, ни пушек.

Немецкие силы поддержания порядка в оккупированной Франции.

Июнь 1944 г.
Восточный легион.

Введение.

Недостаток кадров вынуждает Германию использовать иностранные элементы: завербованные поляки, чехи, эльзасцы входят в состав германских вооруженных сил. Во всех странах Европы нацистская пропаганда сформировала антибольшевистские легионы в дивизии СС. Эти части смешанные с немецкими войсками и зараженные нацистским влиянием в военном отношении имеют большое значение, чего нельзя сказать о восточном легионе.

1. Историческая справка. Вербовка.

Восточный легион был создан из русского населения и, особенно, из украинцев и народов кавказских республик. К этим элементам позднее присоединились индусы и военнопленные, которые завербовали ловкой антибольшевистской пропагандой и более всего невыносимыми условиями существования в лагерях.

Состав этого легиона в настоящее время определяется в 1 500 000 чел., из коих 600 000 чел. служат в качестве добровольцев. Последние составля-

ют учебные роты и распределяются потом по группам в небольших немецких частях. Таким образом, дивизии в Бретани и Нормандии только что усилены 15 000, состоящих большей частью из грузин или монголов. В дивизиях на средиземноморском побережье количество иностранцев составляет 45%, а иногда и больше.

7 июня 1944 г.

2. Восточный легион во Франции.

На Балканах иностранцы составляют крупные части. Во Франции они объединены в автономные батальоны или эскадроны. Если эти батальоны иногда прикомандировываются к войскам, которым поручена защита побережья, то их основная задача состоит в поддержании порядка в борьбе против партизан. Невозможно отличить, какие из иностранных частей немецкое командование рассчитывает бросить на борьбу на западе и какие оно сохраняет для полицейских операций.

3. Личный состав и численность.

Командующий восточным легионом: генерал от кавалерии

[Э.] КЕСТРИНГ, Лиссиц, Богемия

Командующий восточным легионом во Франции: генерал-майор [Б. фон] ВАРТЕНБЕРГ, 4, рю нан Дейк, Париж.

Командующий РОА: генерал ВЛАСОВ, 8 авеню фош, Париж.

Командующий учебными войсковыми частями «Грузия» и «Азербайджан»:

Генерал [В. Ф.] Малышкин, Альба

Генерал [П. Н.] Краснов, Милло

Командующий грузинскими запасными войсковыми подразделением: полковник Махто, Кастр.

29 февраля 1944 г.

Генерал ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН и КРАСНОВ фигурируют в штатах Восточного легиона только в целях пропаганды. Высшее командование состоит из немцев. Туземные офицеры имеют чин не выше капитана, в командовании их ротами помогают немецкие унтер-офицеры.

В марте 1944 г. во Франции было 44 батальона РОА. Осенью 1944 г. это количество должно было быть доведено до 100.

1. Вооружение. Знаки различия.

Солдаты Восточного легиона вооружены только ружьями. К тому же они не всегда бывают ими снабжены. На левой руке они носят нарукавную повязку с названием их страны, происхождения и их тотема.

Когда они прикомандировываются к частям германских вооруженных сил, они получают то же вооружение, что и немцы, но лишаются знаков различия.

2. Значение и моральное состояние.

По-видимому, единственной боеспособной частью является грузинский батальон. В свое время находившийся в дю Пьи. Немцы показывали его всем видным визитерам.

Немцы обманулись в своих надеждах на иностранные формирования. Многие данные, полученные изо всех районов Франции, свидетельствуют о посредственной боеспособности и низком моральном состоянии этого войска. Подозрительна также и его лояльность. В марте 1944 г. несколько унтер-офицеров и солдат одного грузинского батальона в Ваннах были расстреляны за передачу оружия движению Сопротивления. Поэтому при Восточных легионах находится по роте СС, которые хорошо вооружены и играют роль полицейских и по обеспечению безопасности.

Заключение.

Мало дисциплинированные, грабители, наймиты Восточного легиона не могут оказать серьезного Сопротивления десантным частям, снабженным лучше, чем они. Будучи укомплектованы отрядами СС и при поддержке милиции, они проявили жестокость к партизанским частям. Население единодушно жалуется на их жестокость и грабежи. «...»[25]

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ АРМИИ ВЛАСОВА ВО ФРАНЦИИ

Апрель 1944 г. –В/2.

Мы неоднократно давали сведения о составе армии ВЛАСОВА[26], находящейся в настоящее время во Франции. Не следует недооценивать

[25] Таблица «Расположение частей» не публикуется.

[26] Выделенные фамилии сохранены в тексте из первоисточника. Вероятно, они были выделены представителями советской разведки.

значение этой силы и для движения Сопротивления было необходимо уточнить свою линию поведения в отношении одного из самых циничных маневров захватчика. Следующий документ дает в этом отношении нужные уточнения.

В течение первых месяцев 1943 г., в то время, когда поражение [А.] Гитлера под Сталинградом стало неизбежным, немцы начали больше говорить в оккупированных странах о «Русской освободительной армии», называемой также «армией Власова». Во Франции вишийское правительство, само собой понятно, предоставило себя в распоряжении своих хозяев. Было проведено несколько конференций. Стало известно, что генерал Власов и другие офицеры выступали в Виши, Лионе, в Бордо... Затем наступило молчание, и французы решили, что это была новая выдумка [Й.] Геббельса.

Но сегодня во всех районах Франции, в обеих зонах, отмечено присутствие частей, бывших советских военнопленных, которых окрестили «добровольцами». Они одеты в одежду защитного цвета и отличаются только своими нарукавными повязками и своим этническим видом. Среди них мало русских, в истинном смысле этого слова, главным образом это грузины, армяне, туркмены, татары и калмыки из степи, а также казаки. Жителям Бордо, Брив, Периге, Кастр, Альби, Лиона, Шербура, ла Трепор и других городов они известны хорошо. Планы нацистов по разброске их в нашей стране настолько преступны и опасны, что стало необходимым осветить этот вопрос перед патриотами и предупредить их.

Сообщение о создании в захваченных территориях 18 месяцев тому назад «освободительной армии», состоящей из организованных корпусов, направляющих свое оружие против атакованной родины, произвело впечатление блефа. Немцы, столкнулись с затруднениями в проведении своей восточной кампании, поняли, какую поддержку такая армия может оказать их штабу. Но им не удалось создать желаемую армию.

Правда, они не подумали о такой армии в течение первого года своей кампании против России. Их победа вначале дала им большое количество пленных. Конечно, не то количество, о котором раструбили отделы Геббельса. По авторитетным данным, количество пленных определяется примерно в два с половиной миллиона.

Территория России должна была, по планам [А.] РОЗЕНБЕРГА, стать обширной зоной колонизации немцев. Эти последние начали методично умерщвлять в лагерях советских военнопленных путем жесткого обращения и голода. Мы не будем сегодня раскрывать этого дела. В час суда над нацистскими преступниками — это дело будет самым ужас-

ным. В лагере в Фюрстенберге на Одере в течение зимы 1942 г. русские военнопленные в качестве пищи получали только тошнотворный отвар репы, и их палачи через несколько недель такого режима бросали им через решетку маленькие кусочки хлеба для того, чтобы видеть, как они дерутся между собой из-за них. В том же лагере один из наших друзей, вернувшийся во Францию[27] и сражающийся в рядах движения Сопротивления, видел, как русские ели кожу своей обуви. Нацисты таким образом убили полтора миллиона пленных.

После Сталинграда нацисты решили, что можно было лучше использовать «людской материал», которым они располагали. Теперь уже речь больше не шла о том, чтобы опустошить и колонизировать восточные области до Урала, но о том, чтобы «защитить европейскую крепость». Перспективы все более и более менялись. Возможно, что генштаб вмешался в это дело во избежание репрессий по отношению к немецким военнопленным, которые он сам начинал отдавать крупными пачками в руки своих противников. Во всяком случае все больше и больше вставала необходимость создания больших кадров для всякого рода полицейской охраны, строительства внутри порабощенных стран. В то время, когда еще существовал принцип «Русской Освободительной армии», генерал ВЛАСОВ, бывший советский офицер, поставил условия, которые немцы отклонили, решив не восстанавливать русского независимого государства. ВЛАСОВ и его окружение впали в немилость, хотя немцы, для того чтобы поддержать в умах замешательство, продолжали пользоваться его именем.

В настоящее время части, называемые «власовскими», устремились в большом количестве из Польши во Францию, где немцы называли их еще «формированиями русских добровольцев».

Итак, вербуют в лагерях голода. Расчет таков: либо побои, голод и верная ужасная смерть или же питание и ношение немецкой формы. Многим из них обещают, что они не будут прикомандированы к сражающимся формированиям, а только к обслуживающим частям. Пугают также суровостью советского военного закона, который карает солдат, которые перестают бороться, не будучи действительно вынуждены к этому обстоятельствами. Такой маневр имел результат почти исключительно среди наименее развитых национальностей обширной со-

[27] Скорее всего, идет речь о бывшем французском наемном рабочем, прибывшем на заработки в Германию в связи с экономическим кризисом в оккупированной Франции.

ветской федерации, а также среди казаков, в которых теплился старый инстинкт грабежа. Все эти «добровольцы» укомплектованы младшим командным составом из немцев, а также из нескольких эмигрантов.

Для нас, борющихся за Францию, является важным фактом явное желание гитлеровских руководителей использовать большую часть этого контингента против сопротивляющихся французов.

Нацистская газета «Курье де Пари», издаваемая в Париже на русском языке, в своем номере от 13 ноября открыто заявляла об этом.

Уже в течение нескольких месяцев в Дордони и Коррезе наблюдается, как их используют для репрессии против партизан и жителей сел, обвиняемых в поддержке последних. Во время этих экспедиций смешанные части СС и «добровольцев» появляются на грузовиках, окружают местечко, поселок, лес. Немцы ослабляют дисциплину среди «власовцев», позволяют им пить, грубо обращаться с жителями, грабить. Немецкие хозяева стараются представить все это в таком виде, будто они не одобряют этого и бессильны что-либо сделать.

В декабре в Капрэ (Дордонь) во время карательной экспедиции такого рода сельская учительница пожаловалась немецкому офицеру, что у нее отбирают ее вещи. Офицер ей ответил: «Оставьте их, иначе они вас убьют».

Кроме того, немцы внушают «добровольцам», что они приговорены к смерти в России и что им ничего другого не остается, как помочь немцам выиграть войну.

Игра ясна. Она хитро задумана. Одно следует за другим. Голод, шантаж. Затем людям угрожают, терроризуют и делают их своими участниками преступлений. Одновременно во всех оккупированных странах освобождают контингенты немцев для боевых операций, т.к. нет достаточной уверенности в этих «добровольцах». Вместе с этим, ослабляя дисциплину и тайно одобряя грабеж, немцы во Франции ведут «наглядно» пропаганду против России. «Вот они, смотрите, ваши русские союзники, и, как видите, настоящие красные».

Перед таким печальным положением, какова должна быть позиция движения Сопротивления. Прежде всего надо помешать тому, чтобы присутствие этих бывших солдат Красной армии в немецких полицейских частях было использовано нацистами для морального раскола борьбы, которая ведется против них самих. Мы знаем, что у многих из этих «добровольцев» одно желание: воспользоваться первым благоприятным случаем для того, чтобы перейти на сторону движения Сопротивления. Немцы знают это хорошо и почти во всех пунктах выдают им оружие

только в момент экспедиции. Надо помешать тому, чтобы французское население попало под влияние пропаганды Геббельса. Для этого надо сказать, объяснить, каким образом эти «добровольцы» были завербованы и что многие из них по существу настроены антигермански. С другой стороны, всякий раз, когда можно связаться с ними через переводчика, надо рассказать им об истинном военном положении и заверить их, что своим храбрым поступком в решительный момент они могут искупить свою измену. Эта двойная задача не всегда легка, но движение Сопротивления должно смело и ловко подойти к осуществлению этой задачи, если хочет помешать этой новой и гнусной уловке наших тиранов.

Использование кавказцев в армии.
1 марта 1944 г.

Германия решила с марта месяца использовать кавказские легионы, сформированные в Германии и обученные в течение многих месяцев.

Таким образом в Боснию и Албанию были посланы довольно многочисленные части, входящие в формирования, составленные из народностей Северного Кавказа.

Другие легионы, например, большая часть азербайджанцев, были посланы в Бельгию, Голландию и даже, как оказывается, в некоторые районы северной Франции. Все эти части посланы на не передовые линии. Им поручена охрана путей сообщения, а также и полицейская роль для поддержания порядка внутри оккупированных стран.

II. Немецкие воинские части на территории Франции, состоящие из советских военнопленных.

Юра в Верхняя Варна.
1 мая 1944 г.

Русский батальон, входящий якобы в 570 немецкую дивизию, командный пункт которой находится в Лангр, расположен в Лон-ле Сольньэ.

Эн.
Бурк
1 мая 1944 г.

Здесь находится батальон, сформированный в Майнце, прибывший из Бельгии. Личный состав очень молодые (16–17 лет) и пожилые (50 лет). Батальон состоит из немцев и русских добровольцев. Т.е. и другие вооружены.

Эн.
Лагерь Вальбон.
1 мая 1944 г.

25 апреля в лагерь прибыло 12 офицеров, 50 унтер-офицеров и солдат немцев, 750 русских.

Париж (Сена).
27 апреля 1944 г.

Калмыцкая рота в составе примерно 150 чел. Используется для охраны немецких отделов на авеню Клебер в Париже. Расположена рота в помещении школы Курбевуа. Солдаты этой роты имеют хорошую выправку и безукоризненно маршируют. Вооружение роты: французские карабины и русские ручные пулеметы системы Токарева.

Штаб Восточного легиона (Ост-легион) во Франции, по-видимому, продолжает находится в доме 4, улица Ван Дейка, Париж 17-й, но перед входом в это помещение нет больше часового. 24 апреля наблюдением отмечено, что три немецких полковника и 2 офицера РОА (Русская освободительная армия) вошли в это помещение. Два русских велосипедиста в форме немецкого пехотинца, вооруженные русскими ручными пулеметами системы Токарева, вышли из этого дома.

В соседнем доме, № 2, по улице Ван Дейка, находятся немецкие военные канцелярии Восточного легиона. Между этими двумя зданиями наблюдается беспрерывное движение.

Канцелярия РОА из дома 2, на авеню Фош, перенесена якобы из-за сокращения, где находится штаб Восточного легиона (Ост-легион).

Финистер.
30 апреля 1944 г.

Русский батальон Восточного легиона, находившийся в Вилльнев Сент Лори, примерно 12 апреля направился в Бретань. В настоящее время он, по слухам, находится в Финистере, севернее Бреста. Его штаб якобы находится в Сент Ренене, а солдаты, охраняющие побережье от Бреста, ле Конке до Даннилис, а возможно и дальше на северо-восток заменили отряд «Кюстентруппен» (береговых войск), который вернулся в Париж.

Другой русский батальон охраняет берег Дуарнеского залива. Штаб батальона находится вероятно в Дуарнекесе или Понт-Круа, где также находится русская рота.

Терн.

Кавказская резевная часть в Кастре, которая 6 недель тому назад насчитывала 8–10 тыс. чел., состоит теперь не более, чем из 1500 чел. грузинского легиона и примерно 150 чел. северокавказского легиона.

Около 2000 грузин было послано для подкрепления разных батальонов грузинского легиона, особенно батальона, находящегося в Италии, в целях укомплектования их состава до 1000 чел. и даже в некоторых случаях немного больше.

Около 3000 кавказцев равных народностей было послано либо для укрепления своих соответствующих батальонов, либо для прикомандирования к маловажным немецким частям во Франции, в состав этих команд входят офицеры и унтер-офицеры, говорящие по-немецки. Команды несут службу по охране немецких частей.

Эльзас.

29 апреля 1944 г.

В Битше (Эльзас) открыта школа для кавказских офицеров и унтер-офицеров Восточного легиона.

Количество учащихся составляет примерно 800 чел. Преподаватели — немцы или лица из Прибалтики.

До сих пор еще не установлено, есть ли среди учащихся солдаты РОА.

Бриар.

16 апреля 1944 г.

Со дня на день официально ожидается прибытие роты бронетанковых войск.

В настоящее время находится 200 чел. русских «уральцев» в возрасте от 25 до 35 лет. Одни из них носят белую кайму, другие красную или синюю. Расквартированы они в коммунальной школе. Предполагают, что эти войска прибыли две недели тому назад. Проводят много занятий.

Передвижение войск.

(Ловер-Авейрон).

25 марта 1944 г.

Отъезд русских прибалтийцев из Авейрона. 25 марта части, состоящие из русских, находящихся в Альби, Родез, Нельфранс де Руэрнь, Сент-Африк, Милло и Монд после принятия присяги в присутствии ге-

нерала фон [?]верета[28] из Тулузы, командующего этими частями, были отправлены по железной дороге.

Таким образом, в данном районе войск не имеется, за исключением некоторых частей, несущих охрану. Лагерь в Ларзаке также эвакуирован.

В состав частей русских прибалтийцев входили главным образом уроженцы Туркестана, Азербайджана и Армении.

28 апреля 44 г.

Расположение Восточных батальонов в северной части Франции.

2 батальона находятся в Сент Омере. 1 батальон — в Конрлано 3 батальное и 500 орудия с конной тягой в Ст. Пантене.

Париж и восточная часть Франции: Обервильэ, 1 батальон Париж, казармы Босьер 120 000 грузины. Казармы площадь Балар воинские части РОА.

Вильнев, Ст. Корж: 1 батальон — район де Лангр, Шо[?]он[29], несколько батальонов, 25.3.44 г. довольно значительные воинские части покинули район Лон-ле-Сонье, Доль и направились в Италию. В противовоздушной обороне в Шонбельнра остаются русские.

Западное побережье: несколько частей к югу от Дьеппа, в Этрета, Ст. Дуен, Транкарвилле, де Трувилле, Онрлер, туркменский батальон. В Кане — 1 батальон белорусов, а также в Байе. Ла э дю Пью — 1 грузинский батальон. Алансон — 1 грузинский батальон. Ст. Кало, Ван, Киперли, Киберон, Рен, Рошфор, Шаллан, близ ли Рош-сюр-Ион, — русские батальоны. 1 кавказский батальон занимает побережье Андей, у мыса Бретан, имеются войсковые части в Байонне и Ст. Кан де Люз.

Юго-запад: 1 батальон в Тарб, Ортез. Грузинские войсковые части в районе Бордо (2 батальона), 1 батальон в Иарманде (1 д.в. Альби), Каркасоне, Кастеланюдара.

Центр: Войсковые части в Бевере, 2 батальона в Кастр, войсковые части в Периге, Роанне, где их использовали против партизан, 1 батальон в Милло.

---

[28] Неразборчивая первая буква.

[29] Неразборчивая третья буква.

Юго-восток: 1 батальон в Лориане, 1 армянский батальон в Обань, де Сиота Иер, 1 батальон между Ст. Рафаэль в Борн, 1 батальон в Сорт.

К этому следует добавить, что в гарнизоне на англо-нормандских островах также находятся русские.

Войска Восточного легиона в Авейроне и Ловере.
20.IV.44 г.

Войска, находящиеся в департаменте Авейрон, входят в состав Восточного легиона. Речь идет о бывших солдатах русской армии, завербованных из числа военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных.

Восточным легионом командует генерал фон ХЕЙГЕНДОРФ[30], бывший военный атташе Германии в России, его командный пункт находился в отеле «Компари дю Киди» в Милло. В настоящее время он руководит легионом из Берлина. Подполковник д-р БОМ[31] является в Менд (Лозер). Этот легион состоит из разных национальных групп (грузин, туркмен, армян, азербайджан). Все они находятся в южных департаментах.

Азербайджанский легион находится в Родезе и Менде. В Родезе им командует подполковник ЛИБ[32]. Личный состав в Родезе примерно 2000 чел. Личный состав в Менде — примерно такой же. Легион в Родезе находится в казарме Бюрлу, бывшие казармы 51-го пехотного полка, в помещении школы Гайи и в учительском институте.

Внешний вид этих солдат не производит впечатления военной и боевой единицы и не может быть сравним с немецкими войсками. Это вялые люди, покорные, достаточно дисциплинированные, хорошо относятся к населению, которое не жалуется на них, но не поддерживает никакой связи с ними. Все они мусульмане.

Немцы не считают этих солдат надежными, так как среди солдат были попытки к созданию беспорядков на коммунистической основе, которые были жесточайшим образом подавлены. Военный врач, младший лейтенант и адъютант были приговорены к смертной казни и расстреляны на учебном плацу, в окрестностях Родеза.

Эти войска укомплектованы немецкими офицерами, унтер-офицерами и капралами, но имеют свои чины со знаками различия по русскому образцу.

---

30 На самом деле речь идет о генерале кавалерии Э.А. Кестринге.

31 Неустановленное лицо.

32 Неустановленное лицо.

Некоторые части якобы очень хорошо дрались на стороне немцев на Тереке. Часть из них носит особый военный крест зеленого цвета.

Дена и Деура.
29 марта 1944 г.

В Дуан прибыл 3-й батальон 3-го полка 162-й туркестанской пехотной дивизии.

Депьи.

В настоящее время в Восточном легионе находится 2800 чел. Русским войскам на случай десанта дано особое распоряжение.

Для поддержания порядка в Пьи имеется только 50–60 чел. полевой жандармерии, т.к. Пьи считается спокойным городом. Войска должны отправиться в Ст. Этьен. Грузовики в настоящее время работают на газе. Почти ни одного из этих грузовиков нет в Пьи, они находятся в провинции у содержателей гаражей. Бронетанковая дивизия находится в Ст. Этьене и его окрестностях.

Юра.
4 апреля 1944 г.

Один батальон (смешанный–пехота и кавалерия) находится в казармах Мишель и Буффеа. Командир батальона — майор ВИНКЕЛЬМАН[33]; в батальоне 5 капитанов, 10 лейтенантов и младших лейтенантов. Состав — примерно 500 чел., из которых 90% русские из числа военнопленных.

Батальон входит в состав дивизии, штаб которой расположен в Лангр, подразделения находятся между Шалон-сюр-Сон, Шомон и Лон де Соньэ.

Бурк.
13 апреля 1944 г.

Лица, входящие в 2 XIIO[34] С.А. (армейского корпуса), сообщили администрации гостиницы «Франс», что штаб больше не будет находиться в Бурке и поэтому она может свободно располагать своей гостиницей. Другие лица сообщили, что они уезжают для того, чтобы освободить место для раненых и выздоравливающих. Гостиница еще не освобождена от реквизиции.

---

[33] Неустановленное лицо.

[34] Так в тексте.

10-го апреля около 50 чел. выздоравливающих после тяжелых ранений (слепые, ампутированные и т.д.) прибыли в казармы Бруэ. Почти все выздоравливающие — русские или украинцы.

1 батальон русских добровольцев. Сформирован в Майнце, затем направлен в Бурк (Бельгия).

Состав батальона:

а) несколько немцев и действительных русских добровольцев. Эти люди вооружены;

б) русские «добровольцы», ставшие таковыми под угрозой расстрела, набранные либо в лагерях военнопленных, либо в русских городах (Харьков). Эти люди не вооружены.

Вооружение батальона очень разношерстное: ружья и карабины — русского образца, ружья Лебеля, несколько немецких ружей. Автомашин и лошадей нет.

Вечером немцы выставляют двойную охрану внутри помещения казармы Бруэ и баррикадируют двери.

Формирования из белорусов, украинцев и казаков.

Норд-Па-де-Кале

7 марта 1944 г.

1) К югу от Азбрука (Норд) и близ Пьеппского леса, в Штеенбеке и в Ст. Венан, находится сформированная из белорусов воинская часть в составе 1000–1100 чел.

2) В Ранг-дю-Флиер и в Берке (Па-де-Кале) расположена другая воинская часть, состоящая из недавно прибывших русских солдат, главным образом украинцев и казаков.

Люди этой воинской части одеты в формы немецких солдат, они не имеют никакого отличительного русского знака даже на рукаве. Офицеры носят особые знаки различия, присвоенные войскам, сформированным из русских: носят шапки из белого меха, но в остальном их форма не отличается от немецкой. Одна из частей этого формирования имеет условное обозначение 4/3, а само формирование носит знак: [так в оригинале]

Дубо.

8 марта 1944 г.

В Вальдооне гарнизон, состоящий на 50 немцев, ожидает прибытия 8000 белорусов.

Разные сообщения
Норд
Азбрук

7 марта 1944 г.
Русская рабочая сила во Франции.

Немцы слишком много говорили о разных мастерских по сооружению особых батарей для пушечных ракет и решили заменить, по возможности, французскую и бельгийскую рабочую силу русскими гражданскими лицами как мужчинами, так и женщинами, вывезенными из России.

В Азбрук (Норд) только что прибыло 1000 русских мужчин и женщин, которые будут распределены в мастерских этого города.

Русские солдаты в составе германских вооруженных сил.

Верхняя Гаронна.
2 марта 1944 г.

Во время одной из поездок мы констатировали наличие русских солдат в составе германских вооруженных сил:

примерно 15 000 чел. в Тулузе (уроженцы Азербайджана и Туркестана);

около 1200 чел. — в Альби (киргизы, калмыки и уроженцы Туркестана).

Эти войска производят тоже впечатление, что и другие части того же происхождения, расположенные в других районах Франции, т.е. у них пониженный боевой дух и подавленное моральное состояние. Их вооружение и материальная часть производит впечатление не из лучших.

январь–февраль 1944 г.
Латышская рота СС в Экс-ан-Прованс.

В Экс прибыла 798-ая рота СС. Это латышская часть, сформированная исключительно из добровольцев. Командир — также латыш. Солдаты довольно молоды. Самым старшим, по-видимому, 35 лет. Они производят впечатление настоящих ландскнехтов, без политических убеждений, искателей приключений.

Эти солдаты прибыли с русского фронта. Им обещали, что по истечении 18 месяцев они вернутся на родину. Здесь они должны нести полицейскую и контрольную службу.

Эта часть входит в состав немецкой дивизии «мертвая голова», прибыла она на гусеничном грузовике, у которого на прицепе была пушка неизвестного образца.

«...»[35]

Разное.

Лагери русских военнопленных.

Май 1944 г.

В России (до сентября 1943 г.):

Дарница

Керчь

Ромны

Арманир

В Германии: Масбург

Новый Брандербург

Во Франции: Флорина, Пирей, Кегара, Сарина, Каница, Тоб.

Режим военнопленных в этих лагерях строгий, но не жестокий благодаря присутствию английских и американских военнопленных.

Кормят в лагере плохо: суп из шелухи зеленых бобов и капусты; 350 граммов черного хлеба ежедневно. Мяса никогда не дают.

Русские войска на юге Франции.

Моральное состояние русских чрезвычайно низкое. Саперы-подрывники проходили стаж в Косне, а не в Париже, как было сообщено несколько времени тому назад. Стажировку проходило примерно 400 русских, находившихся на юге Франции. Они прошли только подрывную работу и закладку мин.

В штабе генерала фон ЗОДЕНШТЕРНА[36] полковник КАРПОВ[37] ведает всеми русскими частями находящимися на юге.

По заявлению майора СМЕТКИ[38], командир 619-го Восточного батальона находящегося в Сорг, во Франции находилось 19 русских батальонов.

21 апреля 1944 г.

Лионский район.

В этом районе в настоящее время находится дивизия русских добровольцев, сформированная немцами. Дивизия насчитывает не более

---

35 Раздел «Югославия. Данные относительно 1-й казачьей дивизии» не публикуется.

36 Неустановленное лицо.

37 Неустановленное лицо.

38 Неустановленное лицо.

4–5 тыс. чел. Моральное состояние людей чрезвычайно низкое вследствие пестрого состава дивизии.

Обучение, которое они проходят, очень мало продвинулось вперед, и к тому же люди довольное «пассивно» относятся к более интенсивному обучению.

Дивизия будет, вероятно, усилена, но ее состав не будет превышать 6–7 тыс. чел.

Материальная часть этой дивизии чрезвычайно скромна, и можно полагать, что только треть людей снабжена индивидуальным оружием, имеется несколько пулеметов, некоторые из которых в очень плохом состоянии.

Одним словом, совершенно «неэффективная» часть в боевом отношении.

21 апреля 1944 г.

Бурк-в-Брессе.

Состав батальонов 1000–1200 чел., большинство — русские.

В него, как и во всю дивизию, входят люди двух родов:

1) немцы и русские, добровольцы, но перешедшие к немцам; все они вооружены ружьями или русскими, французскими и, в редком случае, немецкими карабинами;

2) «добровольцы», завербованные под страхом расстрела из лагерей военнопленных или районов, оккупированных немцами. Эти «добровольцы» не вооружены: они либо очень молоды, в возрасте от 16 до 18 лет, либо очень стары, в возрасте более 40 лет. Вооружение роты, возвращающейся с ученья, едва составляло в процентном отношении 1:3. Солдат нес пулемет, кожух которого совершенно поржавел.

Этот батальон сформирован в Майнце, затем был направлен в Бельгию, откуда прибыл в Бури-ан-Брес.

Только что прибыло в Бурж около 50 раненых. Это выздоравливающие, слепые, хромые и т.д. Приехавшие с ними санитары в количестве около 50 чел. сообщили, что в ближайшим будущем прибудут немецкие эвакуированные дети.

Раненые были помещены в казарму Бруэ: это — большей частью русские и украинцы.

Кроме того, недавно раненые прибыли также в Лон-де-Сольнье. Это — выздоравливающие тяжело раненые, которых разместили в двух госпиталях, один из которых находится в помещении лицея, специально оборудованном для их приема.

26 мая 1944 г.

Район Тарна в Авейроне.

Альби: Туркестанский гарнизон — единственный гарнизон в этом городе, насчитывает примерно 2000 чел. Эта часть укомплектована немецкими офицерами и унтер-офицерами, говорящими по-русски. Состав гарнизона проходит обучение. Оружия они не носят.

Этот легион, так же как и другие в Родэ, Кастре и Табр, о которых ранее сообщалось, в большинстве состоит из русских военнопленных. Но они выдают себя за немцев или друзей немцев.

Туркестанский легион не входит в состав немецкой армии. В Альби он находится под командованием немецкого офицера «связи» полковника фон БАДЕНСБЕРГА[39], в возрасте 62 лет. По-видимому, так обстоит дело и с другими легионами, за исключением индийского легиона, который якобы «один» входит в состав немецкой армии.

Грузинский батальон в Кастре и батальон в Родэ связаны с немецким командованием через полковника фон БАДЕНСБЕРГА, который передает им распоряжения немецкого командования из «Берлина» через отделение в «Париже» и командующего районом...

Отряд Туркестанского легиона имеет также в своем ведении школу для туземных унтер-офицеров в Альби. Во главе Туркестанского легиона стоит ВЕЛИ КАЙУМ ХАМ, бывший офицер, проживавший в Советской России до 1930 г., затем эмигрировавший в Германию, где был использован немецкой разведкой. Легион в настоящее время якобы насчитывает 6000 чел., из которых две тыс. находятся в Альби и 4 тыс. в Югославии, где ведут борьбу против югославских партизан с 1942 г. Эти сведения составлены по спискам личного состава.

Автономный Туркестанский батальон в Альби вооружен плохо. Он имеет только ружья, несколько пулеметов и три противотанковых пушки. На учении и во время караульной службы солдаты имеют ружья и носят каски.

Аналогичное положение с гарнизонами в Родэ и Кастре. Необходимо отметить, что в Кастр произошел бунт, в результате которого последовало 10 казней. За три недели отмечено 4 случая дезертирства. Отряды в Альби, Родэ и Кастре не имеют другого способа передвижения кроме ж.д. или пешеходного. Автомашин нет. Туземные унтер-офицеры не носят немецких знаков различия, их знаки различия сильно отличаются от знаков различия немецкой армии.

---

[39] Неустановленное лицо.

Немецкий офицер связи полковник граф фон БАДЕНБЕРГ якобы должен выступить со своими войсками против партизан.

В Тарна и Авейроне немецких войск не имеется;

у плотины в Вентру находится гарнизон для привязанного аэростата в составе 60 чел. Никаких работ по строительству оборонительных сооружений не наблюдается.

Тулуза.
14 февраля 1944 г.
В немецкой армии в Тулузе находится 800 грузинских солдат.

19 февраля 1944 г.
Казармы в Компан: 100 w a 150 грузин
200 w H 60[40] азербайджанцев

Гар
Ним
3 февраля 1944 г.
В этом городе, за исключением учреждений, в настоящее время в качестве войск, укомплектованных немцами, имеется только примерно 1800 армян.

Ожидается в самом ближайшем будущем прибытие чисто немецких войск.

Дордонь

Периге.
6 февраля 1944 г.
В первых числах февраля состав артиллерийской части, в которую входили грузины, уменьшился вследствие отъезда 300 чел. вместе с материальной частью. В настоящее время в части насчитается примерно 150 чел.

28 января 1944 г.
Эглетон.
В Эглетон прибыло из Тюлль 250 грузин без вооружения под командованием лейтенанта и нескольких грузинских и немецких унтер-офи-

[40] Так в тексте.

церов, вооруженных автоматическими пистолетами. Эти грузины являются военнопленными и прибыли из немецкого концлагеря. Они были насильно завербованы в качестве рабочих. У них имеется 50 лошадей для упряжки, повозки, телеги, лопаты, кирки. До сегодняшнего дня они работали по развозке дров и по расквартированию.

Они занимают часть помещения школьной группы Альберта Тома и паркетно-столярную мастерскую, близ вокзала, и разные конюшни и помещения в городе. Ожидается прибытие нового континента военнопленных.

Реквизиция недвижимого имущества

1 февраля 1944 г.
Од Наркассон
Здание под № 23 по Страсбургской улице реквизировано под русскую церковь.

Департамент Дозер.
1 февраля 1944 г.
Менд.
Войска русской освободительной армии. Армейский легион (пехота).
Состав: от 900 до 1000 чел.
Расквартирование: половина из них находится в Пти Семинер, при выходе из городе, по дороге в Бадюро, и Мендском колледже.
В лагере Вернед (бывший лагерь для беженцев) помещены лошади (примерно 100) и дощатые повозки на 4-х колесах, принадлежащие этим войскам.
Движение: 10 января 1944 г. 120 чел. отправилось в Италию.
28 января 1944 г. 120 чел. отправилось в Голландию.
15 января 1944 г. 60 чел., которые уехали в Монако, вернулись обратно. Несколько позднее наблюдалось, что очень часто уезжали и приезжали в лагерь.
Количество немцев в рядах армянского легиона в настоящее время все более и более увеличивается, командный состав все более усиливается. Имеются слухи, что якобы все войска русской армии освобождения будут лишены своей автономности и будут влиты в немецкие части.
Учение: Русские войска не проводят больших учений. Только один или взвода [так в оригинале] маршируют перед казармами. По окончании учения оружие складывается в кладовой. Солдаты выходят в город без оружия.

Моральное состояние: Возраст солдат армии разнообразный: имеются очень молодые и очень старые: моральное состояние их довольно плохое. Чистота и дисциплина оставляют желать много лучшего. Солдаты находятся под влиянием интенсивно нацистской пропаганды. Наиболее развитые не поддаются пропаганде; некоторые из солдат пытаются достать гражданское платье, чтобы сбежать и вступить в отряды французских партизан. Очень интересуются сообщениями о восточном фронте. Младший командный состав и унтер-офицеры — армяне и немцы. Высшие офицеры — немцы.

27 января 1944 г. прибыла рота WH (пехота). Люди расквартированы в лагере в Круза, в южной части города, в бараках беженцев.

С некоторых пор перед вокзалом в Менде установили караул с надписью: «железнодорожная охрана».

С 1 января 1944 г. введена круглосуточная охрана немецких поездов на вокзале.

Полевая жандармерия: Гранд Отель. Все еще 19 чел., но они были перемещены в течение января месяца.

Движение войск: 2 февраля 1944 г. в Менд прибыло примерно 1000 чел. Армянский легион (пехота). История этого легиона еще неизвестна.

Расквартирование: Монастырь Адорасьон, женская норальная школа (западная часть города), школа Сент Жозефа в центре города.

Другие школы были также реквизированы, но еще не заняты. Надпись, сделанная недавно на гостинице «Франция», гласит: «Врач гарнизона». Имеется также и другая надпись, более старая: «Помещение штаба связи 989».

На одном из вещевых мешков имеется значок со следующей надписью белым на черном фоне «3 KP 815».

Никакие работы по постройке оборонительных сооружений не производятся ни в районе Менд, ни в самом департаменте.

Знаки различия

Р. О. А. — Русская освободительная армия носит немецкую форму и следующий знак отличия.

Красные буквы на белом фоне.

Части, состоящие из армии, грузин и др. народностей имеют свои особые знаки различия.

5-й русско-грузинский батальон в Периге–11/43.

Осведомители, четыре грузина, взятые в плен немцами в южной России в июле 1943 г. по выходе из лагеря военнопленных в Польше были

зачислены в пехотный батальон и направлены в Периге (Франция), откуда сбежали в ноябре 1943 г.

а) Часть:

Справка: 5-й батальон грузинского легиона состоит исключительно из русских военнопленных по национальности грузин. Батальон был сформирован в Грушино (Польша) близ Радена, в мае 1943 г. Осведомители сообщают, что однажды их одели в форму немецких солдат и, не считаясь с их желанием, сформировали из них воинскую часть. В конце июля 1943 г. их направили по ж. д. во Францию. Первоначально они остановились в Нанси, где пробыли три недели. Отсюда они были направлены в Саусон и Невер и в каждом городе стояли по две недели. В начале октября прибыли в Периге, где их расквартировали в бывших французских артиллерийских казармах.

б) Организация и личный состав.

В батальоне — 1200–1300 чел. Батальон состоит из 4 рот по 200–250 чел. в каждой и штабной роты такого же количества. Роты разбиты на 4 взвода, по 45–50 чел. в каждом, а каждый взвод — на 3 или 4 группы, по 10–15 чел. и каждой. Все офицеры и унтер-офицеры, как правило, — немцы, пожилые и являются ветеранами русской войны. Вначале бывшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры грузины получили командование группами, но после инцидентов, в которых многие из них приняли участие, они лишились доверия, и их заменили немцами. Частью командует немецкий капитан, помощником которого является грузин, бывший полковник [Д. Ф.] МИХАЙЛОВСКИЙ (в возрасте 48 лет). Полковнику МИХАЙЛОВСКОМУ поручено непосредственное командование 4-й ротой. Это единственная рота, которая имеет пулеметы и мортиры. Во главе других рот стоят немецкие лейтенанты. Взводами и группами командуют немецкие унтер-офицеры.

в) Вооружение.

5-й батальон грузинской пехоты был вооружен в Периге. Каждый солдат получил ружье русского образца, калибра 7,65. Унтер-офицеры и офицеры получили польские пистолеты. Первые три роты имеют от 5 до 6 легких пулеметов русского образца. 4-я рота имеет примерно 12 пулеметов и 6–8 русских минометов. Пулеметы русского образца «Максим», калибра 7,65, водяного охлаждения, весом 65 кг. Каждый пулемет обслуживается 7 солдатами.

Осведомители были в пулеметной группе. Они сообщили, что пулеметы и большинство ружей — старого образца. Примерно 50 чел. обслуживают 6–8 минометов. Штабная рота (6.н.п) [так в оригинале] ни

имеет ни легких, ни тяжелых пулеметов, но зато имеет три 45 м/м русских противотанковых пушек.

г) Транспорт.

Четвертая рота имеет 50 лошадей и 16 автомобилей. Батальон не имеет моторизованных средств.

д) Обучение.

Грузины прошли обычное учение, какое проходит пехота, ...практику по стрельбе.

е) Обращение с солдатами и питание.

1) Немецкие унтер-офицеры строги и грубы. Грузин наказывают за малейшую провинность. Наказание состоит в стоянии с грузом из кирпичей весом в 6 кг за спиной и в избиении палкой.

2) Ежедневный рацион состоит из:

1-го завтрака — эрзац кофе

2-го завтрака — суп из свеклы

обеда — эрзац кофе с 50 граммами масла или колбасы. Кроме того, в сутки выдается 400 гр черного хлеба.

1) Каждые 10 дней получают 220 фр.

2) Каждые 15 дней имеют право отлучаться в город, но им запрещено разговаривать с гражданскими лицами. Они могут посещать в городе дома терпимости. В городе их никто не сопровождает, но имеется много патрулей, и французская полиция наблюдает за ними.

ж) Моральное состояние и подрывная деятельность.

1) Большинство грузин враждебно настроены против немцев. Немцы им сказали, что они никогда не вернутся в Россию и что в России их расстреляют за то, что они сдались в плен и носили немецкую форму. Многие грузины верят этому.

В настоящее время основная масса их ждет случая взбунтоваться и убить своих немецких начальников. В Периге в погребе казарм грузины обнаружили склад с динамитом и боеприпасы. Они спрятали и динамит и боеприпасы. Их сопротивление немцам выражается в том, что они не заботятся о своем оружии, которое получили уже в плохом состоянии. Грузины пытаются связаться с французскими группами Сопротивления. При посредстве начальника группы АБРАМИДЗЕ[41], бывшего военнопленного лейтенанта в возрасте 27 лет, они связались с доктором, грузином, проживавшими в Периге, и устроили заговор против немцев. Но заговор был раскрыт, и доктор АБРА-

[41] Неустановленное лицо.

МИДЗЕ и 10 других грузин были арестованы гестапо и направлены в Лимож.

2) Полковник МИХАЙЛОВСКИЙ, командир 4-й роты, знал о заговоре, но не принял в нем активного участия. Он советовал установить связь с другими войсками в других французских городах с целью общего восстания в удобный момент.

3) 3-го ноября 1943 г. 8 чел. бежали, но были пойманы французской полицией. Двое были убиты, а 6 вернулись в батальон. Немцы объявили, что они будут расстреляны на следующий день.

В ту же ночь четверо осведомителей бежали, забрав свое оружие и пулеметы. Вблизи испанской границы они были схвачены немецким патрулем, состоявшим из 20 чел. После двухчасовой перестрелки осведомители одержали верх и перешли испанскую границу.

з) Знаки различия.

1) Описаны 4 осведомителями. Носит весь состав батальона, включая немецких унтер-офицеров.

2) Осведомитель заметил следующие знаки на немецких автомашинах в Суасоне в августе 1943 г.:

Дубовый лист

Голова оленя

Лагерь военнопленных в Грушино (Польша).

а) Этот лагерь находится на ж.д. линии примерно в 26 км., на юго-запад от Радома

б) Из военнопленных этого лагеря немцы создали несколько боевых батальонов. Во время пребывания информаторов в лагере в мае 1943 г. в нем находилось:

2 батальона французских военнопленных

7 батальонов грузинских военнопленных

1 батальон военнопленных узбеков.

в) Осведомитель сообщил, что в течение зимы 1943 г. немцы послали один из грузинских батальонов на русский фронт против русских, но все они перешли на сторону русских. С тех пор ни один грузинский батальон не был использован против русских.

Моральное состояние немецких войск.

а) Осведомитель сообщил, что слышал однажды, как один немецкий унтер-офицер выражал свое недовольство войной и нацистскими начальниками.

б) Он также сообщил, что во время пребывания его в Суасоне в августе 1943 г. батальон немецкой пехоты, расквартированный в соседних с ним бараках, подвергся репрессиям за дезертирство двух лейтенантов и 6 солдат.

Солдаты батальона, большинство из которых было в возрасте около 40 лет, были этим очень недовольны.

Во время пребывания осведомителя в Периге один немецкий унтер-офицер вместе с грузинским солдатом уехал в Париж. Они вернулись с 10 гражданскими костюмами, которые купили для себя и других унтер-офицеров.

Вражеские методы.

Когда грузинская часть прибыла из Польши в Нанси, она прошла по улицам Нанси для того, чтобы заставить население поверить, что это были немецкие войска. Они должны были отрицать свое русское происхождение в случае, если бы кто-либо обратился к ним с вопросом по этому поводу. Осведомитель сообщил, что немцы проделали то же самое и с польскими войсками, заставив их пройти по улицам Нанси во французской форме для того, чтобы попытаться убедить население, что французы дрались вместе с немцами.

ВЕРНО

НАЧАЛЬНИК 8 ОТДЕЛА 1 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ [М. А.] АЛЛАХВЕРДОВ

«4» ДЕКАБРЯ 1944 Г.

ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 16. Л. 76–97. Подлинник.

REFERENCES

1. *Fedorov A.A.* Moya vojna s 1941 po 1945: [oborona Moskvy, konclager' v Germanii, partizanskij otryad vo Francii] (My war from 1941 to 1945: [the defense of Moscow, a concentration camp in Germany, a partisan detachment in France]). M.: AST, 2016. 440 s.
2. *Kazaryan A.A.* Za pravoe delo (For a just cause) // O chem ne govorilos' v svodkah: vospominaniya uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya [sbornik]. M.: Gospolitizdat, 1962. S. 351–362.
3. *Krivoshein A.F.* Zapiski soldata (Notes of a soldier). Barnaul, 2000. №. 2. S. 23–40.
4. *Krivoshein I.A.* Russkie uchastniki Soprotivleniya vo Francii (Russian members of the Resistance in France) // Novosel'e. N'yu-Jork, 1947. № 35–36. S. 91–101.
5. *Laroche G.* On les nommait des etrangers. Paris: Les editeurs francais reunis, 1965. 477 p.
6. *Nechaev G.A.* Relics of Soviet patriotism (Relics of Soviet patriotism). Vestnik Moskovskogo universiteta, 1963. № 2. S. 77–87.
7. *Polyan P.M.* Repatriaciya sovetskih grazhdan iz Francii i francuzskih okkupacionnyh zon Germanii i Avstrii (Repatriation of Soviet citizens from France and the French occupation zones of Germany and Austria) // Tragediya vojny — tragediya plena: Sb. materialov nauch.-prakt. konf., posvyashch. 55-letiyu obrazovaniya antifashist. org. voennoplennyh v SSSR i probl. i perspektivam razvitiya muzeya «Tragediya plena», 1–2 okt. 1998 g., 1999. S. 174–197.
8. Reabilitaciya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy. V 3-h tomah. Tom 1. S. 231–233.
9. *Reshetnikov S.V.* Russkie emigranty-soprotivlency protiv Vostochnyh vojsk vermahta (Russian emigrants-resistors against the Eastern troops of the Wehrmacht) // Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskih issledovanij, 2019. № 4. S. 105–122.
10. State Archive of Russian Federation (GA RF). F. R–9526. Op. 6. D. 16. L. 76.

11. *Taskin V.K.* Partizanskij shtab dejstvuet (The partisan headquarters is operating) // O chyom ne govorilos' v svodkah. Vospominaniya uchastnikov dvizheniya soprotivleniya. M.: Politicheskaya literatura, 1962. S. 414–429.
12. Vasily Vasilievich Porik. URL: https://rru.t-n-v.com/v-v-porik (accessed 03.03.2023).
13. *Zemskov V.N.* Vozvrashchenie sovetskih peremeshchennyh lic v SSSR 1944–1952 gg. (Return of Soviet displaced persons to the USSR 1944–1952) // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 2013. Vyp. 11. S. 244–284.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, движение Сопротивления во Франции, 1-й советский партизанский полк, советские военнопленные, советские партизаны во Франции, Восточные войска вермахта.

Stepan V. Reshetnikov

ON THE ISSUE OF RECRUITING SOVIET PARTISAN DETACHMENTS FROM THE FRENCH RESISTANCE 1943–1944

The purpose of the publication is to reveal the issues of recruitment of Soviet partisan detachments from the French Resistance movement during the Second World War. Consideration of this topic has now become available in connection with the declassification of a number of documents of the French military intelligence, French Committee for National Liberation, whose data were transmitted to the USSR in various ways. There are two main sources of recruitment — Soviet citizens who escaped from Nazi concentration camps and Soviet citizens who defected to the French Resistance from the Eastern Wehrmacht troops. It is noted that the work of both emigrant and Soviet resistance organizations on the transition of Soviet citizens from the Wehrmacht has been carried out purposefully since 1943, which eventually led to the weakening of the German grouping of troops in France and the creation of new partisan formations, such as the 1st Soviet Partisan Regiment. It is important to note that often those who fell into the French Resistance after fleeing the Nazi camps treated their fellow citizens who fell into the Resistance from the Wehrmacht with contempt. At the same time, the French command itself sought to broadcast through its fighters the position that such Wehrmacht soldiers could atone for their treason with a brave act at a decisive moment. Such an infusion was possible with the help of organizations such as the Union of Russian Patriots and the Central Committee of Soviet Prisoners of War, which directly affected the combat capability of the Wehrmacht in France in the summer of 1944.

Key words: World War II, Resistance Movement in France, 1st Soviet Partisan Regiment, Soviet Prisoners of War, Soviet Partisans in France, Eastern Wehrmacht Troops.

Stepan V. Reshetnikov — Postgraduate student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Решетников Степан Владимирович

аспирант, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!
Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:
1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова
ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегль) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.
Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (http://www.translit.ru) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).
1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:
1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник» можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Следующий номер «Исторического вестника» посвящен теме «Русская история в памятниках средневековой литературы». В том числе в него войдут работы, рассматривающие отображение в письменных источниках битвы на Калке и нашествия Батыя.

РУНИВЕРС
WWW.RUNIVERS.RU

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке